

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

12v 716.5

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

1882
354

проф. Алексѣй Ник. Веселовскій, А. Ефименко, Н. Н. Златовратскій, проф. И. И. Иванюковъ, проф. В. О. Ключевскій, проф. П. А. Костычевъ, Н. С. Курочкинъ, П. Лафаргъ, проф. В. А. Лебедевъ, Н. В. Максимовъ, Н. М. Минскій, Д. Л. Мордовцевъ, Н. Морозовъ, Н. И. Наумовъ, Ф. Д. Нефедовъ, В. И. Орловъ, А. В. Погожевъ, Г. Н. Потапкинъ, Н. С. Русановъ, В. И. Семевскій, Л. З. Слонимскій, проф. Н. И. Стороженко, проф. К. А. Тимпрязевъ, Г. И. Успенскій, Ѳ. А. Щербина, Ѳ. Ѳ. Эрцманъ, проф. И. И. Янжуль, Я. В. Ѳедосъевецъ и др.

Подписка принимается: въ конторѣ журнала, — С.-Петербургъ, Пупкинская улица, д. № 10, кв. № 45, и въ книжномъ магазинѣ г. *Цинзерлинг*, Невскій проспектъ, противъ Гостиניתаго двора, д. № 46. Подписная цѣна: *на годъ* безъ доставки 10 руб., съ доставкою въ Петербургъ 11 р., съ пересылкою въ другіе города 12 р.; съ разсрочкою *на полгода*: безъ доставки 5 р., съ доставкою въ Петербургъ 5 р. 50 к., съ пересылкою въ другіе города 6 р. Деньги за второе полугодіе вносятся къ 15 мая.

Редакція проситъ гг. подписчиковъ, живущихъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ конторъ, обозначать въ своихъ адресахъ *ближайшее почтовое мѣсто*, въ которое можно было-бы адресовать книги журнала, а также въ случаѣ неисправной высылки журнала заявлять объ этомъ *не позже* выхода слѣдующей книги. Въ противномъ случаѣ, на основаніи объявленныхъ почтовымъ вѣдомствомъ правилъ, Газетная Экспедиція къ своему разсмотрѣнію жалобъ не принимаетъ. Жалобы и извѣстія о переимѣнахъ адресовъ адресуются исключительно въ контору „*Утроевъ*“.

Лица желающія получить отъ редакціи какія-либо письменныя извѣщенія, благоволятъ прилагать къ своимъ письмамъ почтовыя марки.

Рукописи, признанныя редакціею неудобными къ напечатанію, возвращаются авторамъ въ конторѣ журн. „*Утроевъ*“ по личному ихъ востребованію; пересылаются-же въ другіе города лишь по высылкѣ въ контору впередъ полныхъ почтовыхъ расходовъ; рукописи-же, не вытребованныя въ теченіи годоваго срока съ ихъ присылки, уничтожаются. Мелкія статьи и стихотворенія не возвращаются, и редакція не отвѣчаетъ за ихъ сохраненіе.

7371
124M
#61-7

У С Т О И

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ИНТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ

№ 3 И 4

СОДЕРЖАНІЕ:

	СТР.
I. На рубежѣ Азій. (Очерки захолустнаго быта). Д. Сибиряка.	1
II. Фабричный бытъ Германіи въ связи съ современнымъ фабричнымъ строемъ Россіи. А. Погожева	52
III. Стихотвореніе. В. Лихачева	95
IV. Въ степи (продолженіе). Ѳедосѣвца	196
V. Деревенская пророчница. (Разсказъ). Н. Н. Златовратскаго.	127
VI. Стихотвореніе. С. Надсона	152
VII. Движеніе поземельной собственности во Франціи. Поля Ласарга	154
VIII. Что дальше? (Этюдъ изъ обыденной жизни). М. Валицкой.	200
IX. Весталки. (Стихотвореніе). Н. Мипскаго	217
X. Кольцо. (Новый разсказъ изъ калифорнійской жизни). Бретъ-Гарта	219
XI. То, чего не было. Всеволода Гаршина	266
XII. Сто лѣтъ. Романъ Джузеппе Ровани, переводъ съ итальянскаго. В. Зайцева (приложеніе)	49—144
XIII. Народная школа въ Швейцаріи. А. Блюментала	1
XIV. Мнѣ и наука	40
XV. Научная хроника. (Новости теоретическаго и прикладнаго знанія). И. Д.	56
XVI. Внутреннее обозрѣніе. А. К—ова	73
XVII. Снѣговья вершины Альпъ (Лоринъ, романъ графа П. А. Вадуева). И. Морозова	90
XVIII. Библиографія (I. В. В. Судьбы капитализма въ Россіи—Л. Сл. II. Степ ли Джевоисъ. Основы наукъ, переводъ М. А. Автоновича. III. Балетоманъ, Балеть, его исторія и мѣсто въ ряду изящныхъ искусствъ. IV. Н. Златовратскій. Деревенскія будни—С. В. V. Ад. Б. Тайлоръ. Антропология. VI. Н. Алышевскій. Что такое истинно-русская государственная программа? Очеркъ современнаго социальнаго положенія въ Россіи	113
XIX. О крестьянскомъ самоуправленіи. (Окончаніе). С.	142
XX. Умственный поворотъ въ польскомъ обществѣ. С. Венгерова.	167
XXI. Объявленія	152

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія С. Доброутева, Троицкій переулокъ, д. № 82.

1882

Δ
PSlav 716.5 $\left(\frac{1882}{3-4} \right)$

WRHP

C

На рубежѣ Азіи.

(Очерки захолустнаго быта).

I.

Мой отецъ былъ человѣкъ средняго роста, замѣчательно толстый, вспыльчивый, добрый и слабохарактерный. Последнее я понялъ можетъ быть слишкомъ рано, еще въ томъ счастливомъ возрастѣ, когда люди всему на свѣтѣ предпочитаютъ сладкое, вѣрятъ всѣмъ на слово и всякую книгу считаютъ своимъ смертельнымъ врагомъ. Бывало, отецъ сильно вспылить на что нибудь, закричитъ, затопаетъ ногами и, кажется, вотъ-вотъ возьметъ да и переломитъ пополамъ своего собесѣдника, но какъ-то случилось всегда такъ, что именно въ эту самую минуту появляется мать своими неслышными шагами, и отецъ вдругъ стихнетъ и заговоритъ совершенно другимъ голосомъ: только изрѣдка это быстрое затишье нарушалось очень рѣзкими нотками, точно кто возьметъ да и отрубитъ топоромъ. Мать скромно садилась съ работой куда нибудь въ уголокъ и все время самымъ сосредоточеннымъ образомъ ковыряла какой-нибудь чулокъ, строго поджавъ губы. Я всегда съ особеннымъ любопытствомъ наблюдалъ эту нѣмую сцену и знать напередъ, что, когда выйдетъ за дверь тотъ человѣкъ, который заставилъ отца сердиться, мать не подымая глазъ отъ чулка проговоритъ своимъ тихимъ ласковымъ голосомъ.

— Вамъ, Викентій Афанасьичъ, очень вредно горячиться... и Январь Акимычъ какъ-то это же говорить.

— Да я, Пашенька... ахъ, подлецы, подлецы, подлецы!!..
разражался обыкновенно отецъ страшными проклятіями, но
это былъ уже послѣдній ударъ грома.

Схватившись за голову, отецъ долго ходилъ тяжелыми ша-
гами, отъ которыхъ дрожали половицы; его большое строгое
лицо съ косматою бородою и сердитыми сѣрыми большими гла-
зами скоро смягчалось, и онъ немного виноватымъ голосомъ
проговаривалъ, не обращаясь собственно ни къ кому;

— Чайку бы напитокся...

Мать, молча, поднималась съ своего мѣста, не глядя на
отца брала со стола всегда блестящій самоваръ и отправля-
лась съ нимъ къ печкѣ: отецъ очень любилъ пить чай, и по-
этому самоваромъ въ нашей семьѣ разрѣшалось очень много
тяжелыхъ минутъ, въ которыхъ не было недостатка. Я увѣренъ
что не будь самовара, этихъ тяжелыхъ минутъ въ нашей
жизни было несравненно больше.

Отецъ служилъ священникомъ въ одномъ изъ уральскихъ
горныхъ заводовъ, на самомъ плохомъ мѣстѣ, какое только
было во всей ...ской губерніи, куда онъ попалъ, благодаря
своей горячности. Этотъ заводъ называется по рѣчкѣ Тарака-
новкѣ—Таракановскимъ или попросту Таракановкой; въ немъ
было всего полторы тысячи жителей, половина которыхъ укло-
нилась въ расколъ, значитъ, приходъ былъ самый послѣдній и
едва ли давалъ отцу въ годъ и сто рублей дохода, кромѣ двѣ-
надцати рублей жалованья, на которые приходилось существо-
вать цѣлому семейству въ шесть человѣкъ. Правда, у насъ
была готовая квартира, состоявшая изъ двухъ комнатъ: кухни
и чистой комнаты; готовое отопленіе и освѣщеніе и, кромѣ
того, ежемѣсячно отъ владѣльца заводовъ выдавалось по пол-
тора пуда ржаной муки на душу, что на шесть человѣкъ со-
ставляло въ мѣсяцъ девять пудовъ. Чистая комната служила
гостиной, кабинетомъ отца, спальною; кухня была и приѣмной,
и прихожей, и столовой, и дѣтской. Я не монимаю, какъ моя
мать могла ухитриться, чтобы эти двѣ комнатки всегда были
и чисты, и опрятны; но это было такъ, по крайней мѣрѣ я

не помню, чтобы въ этихъ комнаткахъ когда нибудь былъ соръ или грязь. Чистота—это была культъ моей матери, вторая натура. На всѣхъ вещахъ, которыя были въ нашихъ двухъ комнаткахъ, непремѣнно лежала эта строгая печать: скромная чистенькая мебель, посуда, платье—все было очень скромно, даже можетъ быть слишкомъ скромно и, вѣроятно, казалось бы очень бѣднымъ, если бы чистота не скрадывала пятны, заплатокъ и той особенной полировки, которую получаютъ вещи отъ долгаго употребленія. Входившій въ кухню не замѣчалъ, что онъ въ кухнѣ: русская печь, на лѣво отъ двери, была замаскирована всею чистенькой ситцевой занавѣской,—направо отъ дверей, около стѣны, тянулась широкая деревянная скамья, предъ ней стоялъ большой ломберный столъ, на которомъ обѣдали, пили чай, а въ свободное время работала мать съ мопми сестрами, или я готовилъ свои уроки. Небольшой стѣнной шкафикъ, тоже замаскированный ситцевой занавѣской, умѣщалъ на своихъ небольшихъ пяти полкахъ почти всю кухонную посуду, за исключеніемъ нѣсколькихъ мѣдныхъ кастрюлей, которыя хранились вмѣстѣ съ двумя серебряными ложками въ большомъ деревянномъ сундукѣ, стоявшемъ за печкой, гдѣ была спальня и будуаръ моихъ сестеръ. На полу всегда были настланы чистенькіе половики домашняго приготовленія; около печки ярко блестѣлъ мѣдный рукомоиникъ съ мѣднымъ тазомъ, въ переднемъ углу висѣлъ старинный образъ въ серебрянномъ окладѣ; только одна картина, написанная масляными красками на желѣзномъ листѣ, которая висѣла какъ разъ противъ входа такъ, что всякому невольно бросалась въ глаза,—одна эта картина представляла какое-то исключеніе изъ всей этой обстановки, а для меня неразрѣшимую загадку. Эта мудреная картина изображала знаменитую сцену, происшедшую между цѣломудреннымъ Иосифомъ и женой Пентефрія и, нужно отдать ей справедливость, изображала очень плохо, хотя неизвѣстный художникъ не поскупился ни относительно красокъ, ни относительно фантазіи. На первомъ планѣ была кровать, нѣчто

среднее между эшафотомъ и комодомъ, а на кровати лежала совсѣмъ голая женщина съ краснымъ лицомъ и розовыми ногами, прикрытая какой-то сѣткой, походившей на неводъ; она улыбалась и манила рукой Юсифа, который, оставивъ въ ея рукахъ часть своей верхней одежды, поспѣшно удалялся, естественно загнувъ назадъ голову и какъ-то особенно смѣшно выворотивъ обѣ ноги, точно онѣ были у него вывихнуты. Какъ попала эта странная картина въ нашу скромную обстановку, и зачѣмъ она висѣла прямо противъ входной двери, я досихъ поръ не могу объяснить этого себѣ, но картина висѣла нѣсколько десятковъ лѣтъ и такъ всѣмъ намъ примельлась, что, кажется, никому и въ голову не приходило, что она могла быть неприлична.

Въ чистой комнаткѣ, въ дальнемъ углу, стояла громадная двухъ спальная кровать, скрытая подъ шерстянымъ пологомъ; налѣво отъ двери стоялъ письменный столъ отца; нѣсколько дешевыхъ стульевъ было разставлено вокругъ стѣнъ; коричневый диванъ, предъ нимъ „десертный“ столъ, а налѣво отъ дверей стоялъ громадный комодъ, оклеенный краснымъ деревомъ. Этотъ комодъ составлялъ исключеніе въ нашей скромной мебели, и я часто рассматривалъ эту диковинную вещь, лучше которой ничего не могъ себѣ представить: я гладилъ рукой полированное дерево, прикладывалъ къ нему щеку, дышалъ на него, наблюдая, какъ паръ отъ дыханія мокрымъ пятномъ ложился на политуру и быстро высыхалъ: но мѣдныя ручки ящичковъ приводили меня просто въ восторгъ и своимъ блескомъ, и своей изящной работой въ формѣ переплетавшихся между собой змѣекъ. Отдѣльно отъ всей остальной мебели стоялъ высокій посудный шкафъ, занимавшій самое видное мѣсто: за его стеклами была собрана вся наша лучшая столовая и чайная посуда, двѣ фарфоровыя куклы, нѣсколько кондитерскихъ сахарныхъ ячекъ и подюжины ярко-ропсанныхъ фарфоровыхъ тарелокъ, на которыхъ въ торжественныхъ случаяхъ подавалось варенье и десертъ. Вообще, сквозь всю нашу скромную обстановку проходило нѣсколько вещей

какимъ-то исключеніемъ, и на нихъ кажется сосредоточено было все вниманіе моей матери: она такъ всегда берегла ихъ и каждый разъ съ особеннымъ удовольствіемъ вынимала ихъ откуда нибудь изъ глубины сундука, потому вѣроятно, что они безмолвно напоминали ей о лучшемъ времени. Въ числѣ этихъ вещей были знаменитый комодъ, рукомойникъ, двѣ столовыхъ и полдюжины чайныхъ серебряныхъ ложекъ, нѣскольکو разрозненныхъ чайныхъ чашекъ, мѣдная кастрюля, полдюжины фарфоровыхъ тарелокъ, и кажется къ нимъ же принадлежала знаменитая картина, съ которой повидному у матери, связано было или какое нибудь хорошее воспоминаніе, или можетъ быть, даже суевѣрная надежда, что существованіе этой картины тѣсно связано съ существованіемъ всей нашей семьи. Что такія фамилныя суевѣрія существуютъ и передаются изъ одного поколѣнія въ другое, въ этомъ, вѣроятно, убѣдился всякій маломальски наблюдательный человѣкъ.

— Это еще когда мы въ Махневой жили, неизмѣнно приговаривала мать каждый разъ, вынимая какой нибудь мѣдный подсвѣчникъ или старинную фарфоровую чашку, причемъ непременно припомнилось съ необходимыми подробностями какое нибудь событіе изъ жизни нашей семьи, такъ что по этимъ чашкамъ, тарелкамъ и ложкама можно было возстановить очень подробно исторію нашего семейства—каждая чашка, каждое блюдечко говорили за себя.—Вотъ эту чашку съ розовыми цвѣточками подарилъ тебѣ твой крестный, говорила мать, повертывая предъ моимъ носомъ небольшую красивую чашку:—тогда Викентій Афанасьевичъ купилъ въ городѣ кобылицу, пріѣзжаетъ домой, и говоритъ: „Пашенька, посмотри, какую я лошадь купилъ въ городѣ“, а крестный-то изъ за его спины выставилъ эту чашечку и говоритъ: „а я вотъ крестнику чашечку тоже купилъ“... „Когда мы жили въ Махневой“—это было началомъ и концемъ всякаго разговора въ этихъ случаяхъ, потому что въ Махневой остались лучшіе воспоминанія нашей семьи, когда у насъ была знаменитая кобылица, которую не могла обогнать въ Махневскомъ заводѣ ни одна

лошадь, и много знакомых; мать относилась съ какимъ-то суевѣрнымъ чувствомъ ко всякой вещи, которая напоминала жизнь въ Михневой, за исключеніемъ небольшой пзящной фарфоровой куклы, которая была извѣстна въ нашей семьѣ подъ названіемъ „секретаря“ и которую сестры тщательно прятали отъ отца, потому что онъ уже нѣсколько разъ выбрасывалъ ее за окно; мать хотя не выбрасывала куклы, но всегда дѣлала видъ, что не видитъ ея или приговаривала между прочимъ: „это такъ... дрянъ разная!“

— Нѣ-ѣтъ, мнѣ она, эта кукла, вотъ гдѣ сидитъ, говаривалъ отецъ, показывая на свой затылокъ: Онъ тогда и подкатилъ ко мнѣ съ этой куклой.

„Онъ“, вмѣстѣлище всякихъ золъ и источникъ всякихъ нашихъ злключеній, Амфилохій Лядвievъ, былъ секретарь...ской консисторіи; онъ учился вмѣстѣ съ отцомъ въ семинаріи, а затѣмъ они разсорились изъ-за какихъ-то пустяковъ, отецъ сгоряча написалъ своему товарищу очень оскорбительное письмо, и секретарь устроилъ такъ, что отца немедленно перевели изъ Махневой въ Таракановку, т. е. изъ очень богатаго прихода въ самый бѣдный. Эта исторія повторялась въ нашемъ семействѣ тысячи разъ, и отецъ каждый разъ приходилъ въ страшную ярость и кричалъ:

— Онъ хочетъ, чтобы я къ нему съ повинной пришелъ... взятку ему дать, консисторской крысѣ! Нѣ-ѣтъ, шалишь... Викентій Обонполовъ расколотаго гроша тебѣ не дастъ!.. Онъ думаетъ что я покорюсь: нѣ-ѣтъ... Было время, когда онъ для Обонполова за водкой бѣгалъ, подлецъ...

Когда пароксизмъ гнѣва проходилъ, отецъ съ какой-то тихой грустью прибавлялъ:

— А вѣдь когда-то изъ одной чашки ѣли, на одной скамьѣ сколько лѣтъ высидѣли... А теперь попалъ въ консисторію, и чорту не брать? А что такое консисторія? Мнѣ плевать на ихъ консисторію... *Quid est consistoria? Consistoria est oblutatio pororum, diacanorum, diatschorum cum prosvirnibus...*

Ха-ха-ха!.. Вотъ что консисторія... подлець сидѣть на подлецѣ, подлецомъ понукаетъ! Ха! ха!

И отецъ смѣялся нехорошимъ тяжелымъ смѣхомъ, точно онъ хотѣлъ заглушить имъ въ себѣ того червячка, который день и ночь сосалъ-его. Амфилохій Лядвievъ, страшный призракъ для нашей семьи, имя котораго не произносилось въ нашемъ домѣ, былъ по всей вѣроятности самый обыкновенный консисторскій секретарь; но съ этимъ именемъ были связаны самыя тяжелыя мои воспоминанія, и я непичче представлялъ его себѣ, какъ „въ образѣ звѣрино“, какимъ-то полумифическимъ существомъ. Мой отецъ отлично окончилъ курсъ въ . . . ской семинаріи и, какъ одинъ изъ лучшихъ богослововъ, получилъ мѣсто въ Махневскомъ заводѣ, гдѣ и зажилъ припѣваячи; но ссора испортила неожиданно все и день за днемъ наша семья приближалась къ роковой нищетѣ. Нашихъ маленькихъ средствъ не хватало даже на содержаніе, и моею матери пришлось зарабатывать деньги пглой; она шила платья, пальто, шубы; сначала это дѣлалось потихоньку отъ отца, потомъ дѣлалось подъ предлогомъ помощи какимъ-то дальнимъ родственникамъ; но никакая тайна не остается тайной: отецъ какъ-то узналъ горькую истину и, вмѣсто ожидаемой вспышки, заплакалъ, какъ ребенокъ. Это были первыя слезы въ теченіи этой семилѣтней войны.

— Пашенька, мнѣ стоитъ съѣздить къ преосвященному, — говорилъ отецъ: — онъ меня помнитъ и переведетъ на другое мѣсто... Я вѣдь не за себя поѣду просить, а за дѣтей: зачѣмъ съ дѣтьми-то меня на старости лѣтъ пустили по міру?!.. А?.. зачѣмъ?

На это были одни слова, звукомъ которыхъ отецъ утѣшалъ и себя, и насъ; мать обыкновенно молчала, и только ниже наклоняла голову, чтобы незамѣтно отъ всѣхъ вытереть невидимку-слезу. Эти роковыя семь лѣтъ сильно состарили отца, волосы на головѣ и въ бородѣ начали сѣдѣть, а, главное, характеръ его сильно измѣнился; онъ началъ ко всѣмъ относиться подозрительно, вездѣ видѣлъ козни и интриги своего смертель-

наго врага, Лядвѣва, и сдѣлался тѣмъ, что извѣстно подъ именемъ „обозленнаго человѣка“.

Нужно сказать, что чѣмъ сильнѣе одолѣвала насъ бѣдность, тѣмъ больше выростала наша семейная гордость, въ жертву которой приносились послѣдніе гроши, причѣмъ не допускалось даже мысли, что можно было поступать иначе. Я очень хорошо помню, какъ нашъ обѣдъ дѣлался все скуднѣе и скуднѣе, но стоило только навернуться чужому человѣку въ нашъ домъ; — сейчасъ появлялось на столѣ вино и дорогая закуска, и начиналось самое усердное угощеніе; гость пилъ, ѣлъ и уходилъ, а мы оставались при нашемъ скудномъ обѣдѣ, и никому даже въ голову не приходило, что лучше было истратить деньги, которыя шли на вино и закуску гостямъ, на тѣ безчисленныя нужды, которыя все сильнѣй и сильнѣй окружали насъ. Въ семьѣ мы могли чувствовать всю тяжесть бѣдности и, скрѣпя сердце, выносили большія лишенія, но предъ чужими людьми мы держали себя съ большимъ говоромъ и бросали послѣдніе рубли съ самымъ равнодушнымъ видомъ, какъ будто совсѣмъ не нуждались въ деньгахъ; эта мысль была наслѣдственной, была каждому изъ насъ понятна сама собою, и, я увѣренъ, что каждый изъ нашей семьи не могъ представить себѣ другаго порядка вещей. Самой страшной вещью для нашей семьи была мысль, что о насъ скажутъ, и, Боже сохрани пожалуй поставятъ на одну доску съ заводскими лѣсообѣзчиками или заводскими служащими, мелкой сошкой вообще.

— Въ прошлый разъ у Сермягиныхъ подали пирогъ съ рыбой, а корка-то изъ втораго сорта, не поднимая глазъ, проговорить иногда мать съ такой улыбкой, что я кажется согласна-бы десять разъ умереть, чѣмъ подать гостямъ пирогъ изъ втораго сорта. Слушая тихій разговоръ матери съ отцемъ о комъ-нибудь постороннемъ, я часто испытывалъ большой страхъ за участь этихъ постороннихъ, у которыхъ все было не такъ, какъ у насъ, т. е. неизмѣримо хуже; мое дѣтское сердце сжималось отъ страха за участь какихъ-нибудь Сермягиныхъ, и я, вмѣстѣ съ тѣмъ, самъ начиналъ относиться къ нимъ съ при-

личной строгостью и даже съ извѣстнымъ презрѣніемъ, потому что былъ глубоко убѣжденъ въ нашемъ семейномъ превосходствѣ.

Странно-то, что эта семейная гордость переносилась даже на вещи, которыхъ у насъ не было; можетъ тутъ дѣйствовала просто зависть, но, съ другой стороны, все, что было въ рукахъ другихъ, для меня рѣшительно не имѣло никакой цѣны, потому что только у насъ были дѣйствительно хорошія вещи, а у другихъ—все дрянъ разная; я жалѣю, что не могу привести даже образчика той критики, какую мать задавала каждой чужой обновкѣ—однимъ словомъ въ результатѣ такой критики вещь по меньшей мѣрѣ оказывалась негодной, если только не вредной. А что происходило въ нашей семьѣ, когда нужно было что-нибудь купить, сшить, заказать—это было цѣлое событіе, которое дѣлало въ жизни нашей семьи эпоху, такъ что не говорили, что это случилось въ такомъ-то году, а говорили, что оно случилось какъ разъ въ то время, когда шили шубу тому-то или такое-то платье матери или сестрамъ; къ сожалѣнію, такихъ событій было слишкомъ мало въ нашей жизни, и, вдобавокъ, они уменьшались съ каждымъ годомъ, поэтому, вѣроятно, мы особенно и дорожили ими. Но, вотъ, новая вещь выдержала искусъ и попала въ нашъ домъ,—съ этихъ поръ она уже не допускала ни сравненія, ни критики: достаточно было уже одного того, что она въ нашемъ домѣ; эти вещи, имѣвшія честь сдѣлаться нашими, какъ-бы переставали быть вещами, а составляли часть насъ самихъ.

Наша семья состояла, какъ я уже сказалъ, изъ шести членовъ: отецъ, мать, старшій братъ, я и двѣ сестры. Сестры были подростки, одной четырнадцать другой пятнадцать лѣтъ; старшую звали Надей, младшую Вѣрочкой. Надя была красива, всегда весела, любила поѣсть, соснуть покрѣпче и заливалась такимъ звонкимъ дѣвичьимъ смѣхомъ, что даже отецъ, глядя на нее, бывало засмѣется, что съ нимъ случалось все рѣже и рѣже; Вѣрочка на видъ выглядѣла простенькой, но была съ прижимистымъ характеромъ и необыкновенно выдер-

жана, а главное все дѣлада въ мѣру, такъ что мать постоянно ставила ее въ примѣръ Надѣ и стыдила послѣднюю, что она ужь невѣста, а ума у ней все нѣтъ.

Сестры кое-какъ умѣли читать и писать, этимъ и ограничивалось ихъ воспитаніе, за то по части хозяйства имъ было дано примѣрное образованіе: Надя любила руководѣть, Вѣрочка помогала матери по хозяйству или вѣрнѣе сказать,—она одна веда все наше хотя и маленькое, но очень сложное хозяйство, потому, что у насъ была корова, а ходить за коровой, особенно зимой, для четырнадцати-лѣтней дѣвочки было очень трудно. Встать въ пять часовъ утра, идти сейчасъ-же изъ теплой комнаты на тридцати-градусный морозъ, выносить поило коровѣ, задать ей сѣна, подоить,—все это такія операціи, которыя для всякой другой дѣвочки составили-бы непреодолимые препятствія, только не для Вѣрочки; она бывало только раскраснѣется съ мороза, храбро подтычетъ юбки и съ улыбкой въ десятый разъ идетъ во дворъ. За то ужь любо было посмотрѣть на корову Вѣрочки,—такъ она была всегда чиста, такъ умно держала себя и давала всегда такое отличное молоко.

Но сестры и моя собственная персона, все это были только подробности, придатки къ Аполлону Обонполову, первенцу и баловню всей семьи, моему старшему брату; онъ лѣтъ шесть уже учился въ уѣздномъ духовномъ училищѣ и пріѣзжалъ домой только на святки и на лѣтнія вакаціи. Это былъ уже совершенно молодой человекъ, ему было шестнадцать лѣтъ; высокаго роста, очень сильный, съ блѣднымъ выразительнымъ лицомъ, сѣрыми глазами, густыми черными бровями и чуть пробивавшимися черными усиками — онъ былъ для меня недостижимымъ идеаломъ, предъ которымъ все преклонялось въ домѣ, и который былъ и общей надеждой нашей семьи, нашей гордостью, нашимъ счастьемъ и нашей общей слабостью. Понятно, что для Аполлоши ничего не было завѣтнаго; отецъ тратилъ на него послѣдніе гроши съ самымъ довольнымъ лицомъ, мать проводила бессонныя ночи надъ работой „въ люди“, надъ которой потеряла глаза,—и все это затѣмъ, чтобы Аполлоша былъ „какъ

другіе“ въ училищѣ, т. е. какъ дѣти богатыхъ священниковъ, благочинныхъ и протопоповъ; у него было всегда приличное бѣлье, приличное верхнее платье, книги и даже карманныя деньги.

Нужно отдать справедливость Аполлону, что онъ не только не злоупотреблялъ своимъ исключительнымъ положеніемъ, но платилъ большой любовью своей семьѣ и съ каждымъ годомъ дѣлался тѣмъ, что желала въ немъ видѣть мать (отецъ на все смотрѣлъ ея глазами); точно онъ отливался по ея рецепту: гордый, расчетливый, аккуратный, бережливый, считавшій себя и свою семью выше всего на свѣтѣ; отцу больше всего нравился въ Аполлонѣ его физическая сила и прямота характера; сестрамъ-то, что онъ молодой человѣкъ, который хотя и обращался съ ними свысока, но все-таки молодой человѣкъ, которымъ интересовались всѣ заводскія барышни.

Пріѣздъ Аполлона на вакаціи былъ для насъ задолго предметомъ самыхъ оживленныхъ разговоровъ; послѣдніе дни ожиданія были просто тяжелы отъ черезъ чуръ сильнаго нервнаго напряженія; Аполлонъ являлся всегда такой сибѣжій и довольный и всегда привозилъ что-нибудь въ подарокъ мнѣ и сестрамъ. Это кажется были единственные подарки, какіе мнѣ случалось получать въ дѣтствѣ, и воспоминаніе о нихъ для меня неразрывно связано съ пріѣздомъ Аполлона; бывало, съ такимъ нетерпѣніемъ юлишь около Аполлона, пока онъ здороваается со всѣми, отвѣчаетъ на вопросы отца и матери, но, наконецъ, эта скучная церемонія кончается, Аполлонъ медленно запускаетъ руку въ карманъ голубаго жилета, вынимаетъ оттуда ключъ и отворяетъ кожаный чемоданъ,—тоже воспоминаніе о Махневскомъ заводѣ. Какъ было все аккуратно уложено въ этомъ чемоданѣ, кажется не описать никакимъ перомъ: бѣлье, книги, паппрсы, разныя бездѣлушки точно такъ и родились вмѣстѣ съ чемоданомъ, по крайнѣй мѣрѣ я никогда не могъ достигнуть такого искусства укладывать свои вещи въ этотъ-же самый фамилійный чемоданъ, когда мнѣ пришлось ѣздить съ нимъ въ училище. Грошевые подарки, которые привозилъ намъ Апол-

лонъ, были такъ хороши, что я даже теперь, по прошествіи долгихъ-долгихъ лѣтъ, испытываю чувство невольнаго волненія при одномъ воспоминаніи о нихъ; я увѣренъ, что никакія елки богатыхъ дѣтей не доставятъ такого удовольствія, какъ мнѣ доставлялъ чемоданъ Аполлона, окруженный самой таинственной неизвѣстностью и всегда оправдывавшій мои ожиданія самымъ блестящимъ образомъ, потому что достаточно было уже одного того, что эти подарки привозилъ Аполлонъ,

Словомъ, Аполлонъ былъ для насъ нѣкоторымъ домашнимъ божкомъ; который все дѣлалъ и говорилъ самымъ отличнымъ образомъ, но у этого божка былъ одинъ крупный недостатокъ—очень плохая память, такъ что, не смотря на все его усердіе и самое отчаянное прилежаніе, онъ вмѣсто двухъ лѣтъ сидѣлъ по четыре года въ классѣ; *) отецъ и мать смотрѣли на это довольно снисходительно, потому что Аполлонъ просто изъ кожи лѣзъ, чтобы учиться наравнѣ съ другими и занимался съ рѣдкимъ прилежаніемъ даже во время каникулъ.

— Не лопнуть же ему въ самомъ дѣлѣ, утѣшала себя отецъ. — Только я, бывало, всегда первымъ въ классѣ сидѣлъ: загляну въ книжку, прочитаю два раза, и конченъ балъ. Можетъ нынче труднѣе учиться стало, или учителя строгіе; а какъ ты, Паша, думаешь—не подводитъ-ли Аполлошу тотъ?

Этотъ намекъ на консисторскаго секретаря казался матери совсѣмъ неосновательнымъ, и она старалась успокоить отца чѣмъ нибудъ другимъ, рассказывала приличный случаю примѣръ, какъ у какого-нибудь священника сынъ въ младшихъ классахъ шелъ плохо, а въ семинаріи кончилъ студентомъ. Отецъ успокаивался и, вздохнувъ всей своей могучей грудью, прибавлялъ: „претерпѣвый до конца—той спасенъ будетъ“.

Въ каждый такой пріѣздъ Аполлона на каникулы послѣ первыхъ привѣтствій, отецъ всегда спрашивалъ брата:

А что о. Маркъ?

*) До преобразования духовныхъ уѣздныхъ училищъ, въ нихъ полагалось три класса или отдѣленія; въ каждомъ отдѣленіи учились два года.

— Ничего; кланяется вамъ, папа.

— Еще пуще разбогатѣть?

— У него, папа, двадцать лошадей да хлѣба лежитъ въ амбарахъ по три тысячи пудовъ.

— Что-же, большому караблю большое плаваніе, а мы поближе къ берегу, съ подавленнымъ вздохомъ говорилъ каждый разъ отецъ, и обывновенно прибавлялъ:—Только я такъ думаю: конечно я получаю мало въ Таракановкѣ, а за то я не пойду кланяться каждому мужику, не буду кланьчить сибѣтану да масло... А все таки, отлично устроился о. Маркъ. Три тысячи пудовъ хлѣба,—это не баранья кожа!

— Дочери-то у о. Марка большія? спросила мать.

— Большія, кротко отвѣчалъ Аполлонъ.

— Отлично, поди одѣваются?

— Да, ничего.

— Вѣдь, вотъ, подумаешь, какая видно кому судьба, говорилъ отецъ:—вмѣстѣ на одной партѣ сидѣли: я, Маркъ да Амфилошка... Мы Марка больше Маркушкой звали, и учился онъ такъ себѣ, середка на половинѣ, а теперь... три тысячи пудовъ, а?.. А все таки я не завидую о. Марку, потому я получаю жалованье отъ заводоуправленія и знать ничего не хочу... Отлично Маркушка устроился!

II.

Нашъ домикъ выходилъ на небольшую четырехугольную площадь, упиравшуюся въ заводскій прудъ; на берегу пруда стояла небольшая деревянная церковь, очень ветхая и когда то очень давно выкрашенная сиреневой краской. Направо отъ церкви тянулась заводская плотина, подъ ней чернѣла фабрика, а за прудомъ бѣлѣлъ каменный господскій домикъ, въ которомъ жилъ заводскій управитель, французъ Кабо; на лѣво отъ церкви стояло нѣсколько деревянныхъ лавченковъ, и сейчасъ за ними, на небольшомъ возвышеніи, красовалось „Пень-

ковское волостное правленіе“—большой новый пятипстѣнный деревянный домъ съ ярко-зелеными ставнями. Заводъ Таракановка заброшенъ въ самую глубь Уральскихъ горъ: расположенъ онъ на мѣстѣ сліянія трехъ небольшихъ горныхъ рѣчекъ, изъ которыхъ рѣка Таракановка была самая большая, и образовала небольшой заводскій прудъ, со всѣхъ сторонъ обложенный пестрой рамой заводскихъ домиковъ. Если смотрѣть на Таракановку съ высоты птичьяго полета, она представлялась глубокой горной котловинной, окруженной со всѣхъ сторонъ невысокими лѣсными горками; люди заѣзжіе находили ее очень некрасивымъ заводомъ и даже называли вороньимъ гнѣздомъ, но я никогда не могъ объяснить себѣ подобнаго заблужденія и всегда считалъ Таракановку самымъ живописнѣйшимъ мѣстомъ въ свѣтѣ. Самое замѣчательное въ Таракановкѣ было то, что во всемъ заводѣ не было ни одной точки, съ которой не было-бы видно лѣса и недалекихъ горъ; крайніе домики стояли наполовину въ лѣсу или отдѣлялись отъ него небольшими „кулигами“, такъ что куда ни посмотри—вездѣ лѣсъ, настоящій сибирскій лѣсъ, полный для меня неизяснимой прелести.

Основанъ Таракановскій заводъ очень давно, лѣтъ полтора-раста тому назадъ, на мѣстѣ небольшого раскольниковскаго поселка; раскольники, бѣглые изъ Сибири и разный иной сбродъ давно оцѣнили р. Таракановку съ ея дремучими лѣсами и свили здѣсь теплое гнѣздо; но одинъ изъ русскихъ промышленниковъ „приглядѣлъ“ это мѣстечко подъ заводъ, выпросилъ его себѣ у правительства и выстроилъ фабрику. Первый владѣлецъ Таракановки, какой-то Коробенниковъ, основалъ еще нѣсколько заводовъ на Уралѣ, а затѣмъ умеръ; его наследники подѣлили заводы между собой, и въ концѣ концовъ Таракановка очутилась во владѣніи графини Х. Сама графиня никогда не бывала на своемъ заводѣ, все дѣло вершили разные управители, управляющіе и довѣренныя; послѣдній изъ нихъ, французъ Кабо, пользовался плохой популярностью и больше всего заботился только о дивидендахъ своей довѣри-

тельницы. Рабочіе называли его „нашъ Кабель“; мой отецъ отзывался о немъ съ величайшимъ презрѣніемъ, во первыхъ потому, что Кабо былъ католикъ и никогда не ходилъ въ церковь, а, во вторыхъ, потому, что и „мя у него было собачье“, вообще Кабо принадлежалъ, по терминологіи моего отца, къ тому разряду людей, который былъ помѣщенъ подъ рубрикой: „чужая ужна“.

— Пріѣхалъ, нажилъ денегъ и уѣхалъ, говоритъ отецъ:— такое ему и мя: чужая ужна и есть!.. И живеть, яко песь: постовъ не соблюдаетъ, жрегъ зайцевъ, голубей, поробьевъ...

Жителей въ Таракановкѣ было до полутора тысячъ, это были большею частію закоснѣлые раскольники, „кержаки“, какъ называлъ ихъ отецъ; въ окрестныхъ лѣсахъ, особенно въ верховьяхъ рѣчки Таракановки, было нѣсколько раскольничьихъ скитовъ, гдѣ самымъ мирнымъ образомъ проживали разные старцы и старицы. Отецъ не умѣлъ ладить съ своей паствой, постоянно горячился въ спорахъ и наконецъ махнулъ на непокорныхъ овецъ рукой; кержаки относились къ нему индеферентно и, только изрѣдка, ради шутки косвеннымъ образомъ давали замѣтить свое озлобленіе, отпуская выраженія въ родѣ того, что: „вѣсь не попова душа“, и т. п.

Ядро таракановской аристократіи составляли двѣ фамиліи заводскихъ служащихъ: Сермягины и Портнягины; изъ представителей этихъ двухъ фамилій составилъ весь контингентъ заводскихъ служащихъ: тутъ были и понытчики, и запасчики, и расходчики, и надзиратели, и дозорные—словомъ, какъ говорилъ отецъ, всякаго жита по лопатѣ. Замѣчательнѣе всего было то, что эти двѣ фамиліи страшно враждовали между собой, и эта фамильная вражда переходила изъ рода въ родъ, такъ что происходило нѣчто въ родѣ войны гвельфовъ и гибеллиновъ: то повышались Сермягины и падали Портнягины, то начинали забирать силу Портнягины, а Сермягины „захудали“ и клонились къ упадку. Только два человѣка изъ этихъ семей представляли собой исключеніе: Иванъ Меркулычъ Сермягинъ и Январь Якимычъ Портнягинъ—они не только не враждовали,

а жили душа въ душу; Иванъ Меркулычъ, или по просту— Меркулычъ занималъ должность волостнаго писаря. Январь Якимычъ „состоялъ на обязанности лекарскаго ученика“, какъ онъ выражался. Обыкновенно Января Якимыча звали Январемъ или просто „ученикомъ“, но это не мѣшало ему быть замѣчательнымъ человѣкомъ во многихъ отношеніяхъ, начиная съ его наружности: маленькій, сухонькій, съ маленькой сѣдой головкой и какими то забавными пукольками на вискахъ, онъ рѣзко отличался отъ всѣхъ остальныхъ обитателей Таракановки, а для меня лично на „ученикѣ“ лежала видимая печать того замѣчательнаго обстоятельства, что Январь Якимычъ, послѣ Кабо, былъ единственный человѣкъ въ заводѣ, который „былъ даже въ Москвѣ“. Для меня послѣднія слова имѣли магическое дѣйствіе, и я всегда смотрѣлъ на Января, какъ на выходца съ того свѣта; даже отецъ и тотъ, хлопнувъ своей могучей рукой ученика по плечу, не разъ говаривалъ: „вѣдь, смотрѣть, братецъ, не на кого, а былъ въ Москвѣ.., а?“

Жилъ Январь Якимычъ одинокимъ старымъ холостякомъ въ какой-то кавуркѣ, отгороженной имъ въ заводской аптекѣ за большими шкапами; чрезвычайно добрый, по своему умный, Январь Якимычъ всѣ свои досуги посвящалъ исключительно двумъ предметамъ: во первыхъ, рыжей коровѣ, которую онъ ухитрился держать тоже при аптекѣ, въ какомъ-то чуланѣ, а во вторыхъ рыбной ловлѣ, въ которой не зналъ соперниковъ. Практики у старика было очень не много, да и болѣзни были самыя простыя: мужики маялись головой и поясницей, бабы „скудались животомъ и зубами“ и только изрѣдка, для разнообразія, у кого нибудь „подкатить подъ самое сердце“. Январь Якимычъ относился къ своей обязанности очень серьезно, и съ самымъ трогательнымъ усердіемъ „пользовалъ отъ головы живота, поясницы и отъ сердца“, при чемъ больные выздоравливали кажется больше, благодаря довѣрію къ ученику, чѣмъ его микстурамъ. Въ каморкѣ Января Якимыча всѣ вещи были „изъ Москвы“, хотя въ Москвѣ старикъ былъ лѣтъ сорокъ тому назадъ; ходилъ Январь мелкой дробной походочкой, „сы-

паль“, постоянно улыбался, шурилъ глазки, поправлялъ пу-
голки на вискахъ и любилъ уснащать свою рѣчь двумя при-
баутками, которыя не сходили у него съ языка: „А, чтобъ
тебя собачки заѣли! А, чтобъ тебя кошки залягали!“ Богомо-
лень былъ Январь до неистовства и, притомъ, имѣлъ странную
привычку молиться вслухъ; поздно вечеромъ, стоя на колѣ-
няхъ и откладывая земные поклоны, онъ громко молился „о
коровушкѣ-буренушкѣ, гуляющей на зеленой муравушкѣ“.

Я уже сказалъ, что Январь и Меркулычъ жили въ боль-
шой дружбѣ между собой, и только разъ эта долгодѣтельная
дружба чуть было не порвалась совершенно случайнымъ об-
разомъ: Меркулычъ принесъ изъ лѣсу въ корзинкѣ „облако“,
а Январь просмѣялъ его и доказалъ, что это „облако“ Мер-
кулыча какой-то сморчекъ или лишай. Какъ теперь вижу Мер-
кулыча: небольшого роста, довольно плотной комплекціи, съ
круглымъ и румянымъ, какъ спѣлое яблоко, лицомъ, съ сильно
напомаженными свѣтлорусыми волосами, онъ, послѣ брата
Аполлона, всегда казался мнѣ самымъ красивымъ человѣкомъ
въ свѣтѣ; небольшая русая бородка, усы, черныя брови и два
ряда удивительно бѣлыхъ, точно выточенныхъ изъ слоновой
кости зубовъ придавали его фizioноміи самое степенное благо-
образіе, какое я только могъ себѣ представить. Одѣвался Мер-
кулычъ скромно, но прилично; его казинетовое пальто было
всегда чисто, по праздникамъ онъ надѣвалъ бѣлыя накрахма-
ленные сорочки и съ необыкновеннымъ искусствомъ повязыва-
лъ пестрый галстухъ на шеѣ, въ торжественныхъ случаяхъ
надѣвалъ ярко зеленыя лайковыя перчатки и носилъ съ собой
оенькую камышевую тросточку, предметъ сильнѣйшей моей
ависти. Въ будни Меркулычъ ходилъ въ простыхъ ситцевыхъ
убашкахъ и пряталъ казинетовыя брюки за сапоги, что онъ
дѣлалъ не по недостатку вкуса, а изъ экономіи. Скромность
Меркулыча и его тихій, хотя и не безъ извѣстной доли упря-
мства, нравъ, дѣлали его общимъ любимцемъ, тѣмъ болѣе, что
онъ обладалъ секретомъ вѣчной веселости, самаго ровнаго
вспокоенія духа и самымъ безобиднымъ юморомъ, который

разыгрывался съ особенной силой въ присутствіи барышень; къ послѣднимъ Меркулычъ питалъ большую слабость, но держалъ себя очень скромно. Меркулычъ былъ доволенъ собой до глубины души, если ему удавалось сказать острое словцо; въ разговорѣ, къ мѣсту и не къ мѣсту, онъ часто прибавлялъ двѣ поговорки, которыя находилъ очень смѣшными: „еще хуже“ и „какъ дровъ“. За этимъ прекраснымъ человѣкомъ во всѣхъ отношеніяхъ была одна слабость: онъ пилъ водку очень рѣдко, но за то ужь, какъ попадало ему пять-шесть рюмокъ, онъ лѣзъ на стѣну и выдѣлывалъ чудеса, причѣмъ обнаруживалъ крайне разрушительныя наклонности—лѣзъ драться, ломалъ все, что попадало подъ руку, вообще держалъ себя самымъ непозволительнымъ образомъ и совсѣмъ не походилъ па себя: дѣлался блѣдень, какъ полотно, глаза наливались кровью, рвалъ на себѣ платье и даже, въ одинъ изъ такихъ припадковъ, сломалъ свою камышевую тростяку. Обитатели Таракановки, принимая во вниманіе общую сумму достоинствъ Меркулыча, великодушно извиняли ему его единственный недостатокъ, выражаясь довольно коротко: „Меркулычъ у насъ разрѣшилъ“. По воскреснымъ днямъ Меркулычъ непременно являлся въ церковь и, хотя очень не долюбивалъ дьячка Кантильяна, самаго отчаяннаго скандалиста, какого мнѣ только случалось встрѣчать, но всегда становился на правый клирость и подпѣвалъ Кантильяну довольно пріятнымъ теноромъ, виѣстѣ съ Январемъ Якимычемъ, который тоже былъ не прочь спѣть „пофигуристѣ“!

Волость была въ двухъ шагахъ отъ нашего дома, и я постоянно бѣгалъ туда; въ волости всегда былъ кто нибудь, и непременно что нибудь рассказывали. Правда, иногда здѣсь происходили можетъ быть слишкомъ откровенные разговоры для моего возраста, но съ двѣнадцати лѣтъ я пользовался уже полнѣйшей свободой и меня трудно было удивить откровенностью по части разговоровъ. Въ волости всегда можно было застать картину: Меркулычъ вѣчно что-нибудь скрипитъ перомъ на бумагѣ, въ углу комнаты непременно рѣжется въ

шашки старшина Прошка съ кѣмъ-нибудь изъ своихъ благопріятелей—съ церковнымъ старостой Емельяномъ Иванычемъ Рукинымъ, или съ сидѣльцемъ Вахрушкой, или наконецъ съ Январемъ Якимычемъ, который до страсти любилъ задать партнеру „воздушный или пароходный нужничекъ“. Прошка сильно походилъ на медвѣдя, только что поднятаго съ берлоги. громаднаго роста, косая сажень въ плечахъ, съ большимъ звѣрскимъ лицомъ и маленькими свинными глазками, совсѣмъ заплывшими жиромъ; всего замѣчательнѣе у Прошки былъ его могучій затылокъ—такіе затылки можно видѣть только гдѣ-нибудь на памятникахъ. Что касается до нравственнаго характера Прошки, то это былъ звѣрь въ полномъ смыслѣ этого слова, особенно, когда онъ напивался пьянъ, а пьянъ онъ былъ нѣ, правахъ старшины съ утра до вечера; въ теченіи восьми лѣтъ Прошка своими десятипудовыми кулаками отправилъ на тотъ свѣтъ двѣ жены и теперь подыскивалъ третью. До толстыхъ бабъ Прошка былъ большой охотникъ и рабочіе называли его за это быкомъ.

Интересная игра въ шашки въ волости кончалась всегда однимъ и тѣмъ же: какъ Прошка ни потѣлъ, какъ ни чесалъ затылокъ, а Январь Якимычъ всегда непремѣнно загонялъ его „въ мѣста злачныя“. Рукинъ былъ старикъ лѣтъ шестидесяти, благообразный и сѣдой, но очень хитрый и постоянно улыбавшійся; у него на рынкѣ была небольшая лавчонка, въ которой онъ бойко торговалъ „панскимъ товаромъ“, т. е. обувью, чекменями, азямами, конской сбруей, рукавицами и разными другими товарами, въ которыхъ нуждался рабочій людъ. Вахрушка—сидѣлецъ, красивый паренъ лѣтъ двадцати пяти, славился тѣмъ, что ежегодно „уносилъ кругъ о Николинѣ днѣ“, когда съ Таракановкѣ происходила борьба; Вахрушка „завязывалъ узломъ“ даже Прошку съ его неизмѣримымъ затылкомъ и вообще пользовался репутациею отпѣтой башки. Прошка, Рукинъ и Вахрушка составляли „таракановскую тройку“, какъ говорилъ отецъ, и были неразлучны: утромъ играли въ шашки въ волости, а по вечерамъ рѣзались въ стуюлку у Рукина.

Относительно этой троицы въ Таракановкѣ громко говорили всѣ, что и Прошка, и Рукинъ, и Вахрушка „пошли жить отъ старцевъ“; именно ходили всевозможные рассказы о томъ, какъ эта троица подсмотрѣла, гдѣ-то въ горахъ, раскольничій скитъ, старцевъ и старицъ передушила и забрала себѣ многое множество денегъ, меду, восковыхъ свѣчъ, дорогихъ иконъ и т. п.; между прочимъ передавали, со всѣми подробностями, какъ троицѣ досталось одной мѣдной монеты пять большихъ мѣшековъ, въ какихъ продаютъ муку. Въ подобныхъ случаяхъ ничего невѣроятнаго не было; случаи подобнаго рода въ лѣтописяхъ Таракановки не были исключительнымъ явленіемъ: одной рукой подавали въ скиты, а другой зорили ихъ.

У Рукина и Прошки были отличные новенькіе домики, стоявшіе недалеко отъ волости; между ними пріютилась небольшая избушка нашей просвирни Луковны. Эта маленькая на видъ избушка внутри дѣлилась на три комнаты: въ одной жила сама Луковна съ дочерью Олимпіадой или по просту, какъ всѣ ее называли, Лапой и даже Лапухой; въ другой комнатѣ жилъ сынъ Луковны, дьячекъ Кантильянъ, а въ третьей помѣщался Меркульчъ. У избушки Луковны воротъ не было, а стояли одни столбы; крыша давно прогнила, кирпичи въ трубѣ выкрошились, и у оконъ недоставало нѣсколькихъ кирпичей. Но это наружное убожество съ излишкомъ выкупалось тѣмъ, что находилось внутри избушки Луковны.

Комната Луковны отличалась полнымъ отсутствіемъ мебели, за исключеніемъ двухъ лавокъ и некрашеннаго стола; предъ русской громадной печкой стояло нѣсколько ухватовъ, полка съ горшками, чашками и самоваромъ была рядомъ — вотъ и все. Остальное имущество помѣщалось частію на печкѣ, частію за печкой, и состояло изъ какой-то невообразимой ветоши да двухъ-трехъ старенькихъ ситцевыхъ платяевъ.

Луковна была вдова; ея мужъ былъ дьякономъ въ Таракановкѣ. Это былъ очень добрый и очень умный человекъ, но вѣчно пьяный и немѣвній совсѣмъ характера.

Если моему отцу тяжело приходилось жить въ Таракановкѣ,

то дьякону приходились вдвое тяжелѣе, потому что онъ получалъ вдвое менѣе жалованья и доходовъ, а Луковнѣ въ десять разъ тяжелѣе всѣхъ, потому что мужъ пропивалъ половину жалованья, и, главное, мѣшалъ работать и буянилъ. Однако, не смотря на все это, Луковна ухитрилась выучить старшаго сына въ семинаріи; другой ея сынъ хотя и жилъ съ ней вмѣстѣ, но не только не помогать ей, а даже тащилъ въ кабакъ изъ ея гардероба или убогой утвари, что попадало подъ руку. Когда у Луковны учился старшій сынъ въ училищѣ и семинаріи, каждый мѣсяць нужно было посылать въ городъ пять рублей за квартиру, нужно было бѣлье, верхнее платье, сапоги—я отъ казываюсь понять, какимъ образомъ сколачивалась Луковна, когда въ домѣ не было гроша. По смерти дьякона, котораго Луковна горько оплакивала, она жила по прежнему, съ той разницей, что ея никто не ругалъ, но это не мѣшало Луковнѣ часто вспоминать мужа, и чѣмъ больше проходило времени, тѣмъ воспоминанія эти дѣлались какъ-то живѣе, и дьяконъ являлся въ нихъ почти отличнымъ семьяниномъ. Забывала-ли Луковна свои огорченія, вспоминала ли свою молодость, когда дьяконъ еще не былъ, или смерть примирила ее съ отцомъ ея дѣтей — трудно сказать, но Луковна никогда не говорила ни чего дурнаго про своего мужа. Мой отецъ и всѣ одинаково уважали эту женщину; сама Луковна держала себя всегда ровно и спокойно, была привѣтлива и не теряла этого равновѣсія души и часто смѣялась сквозь слезы надъ какой-нибудь выходкой своего „заблудящаго дьякона“, какъ она называла мужа. Въ дѣтствѣ я половину свсего времени проводилъ въ избушкѣ Луковны, которую очень любилъ, и какъ теперь вижу ее: небольшого роста, широкая въ плечахъ, съ сильными загорѣлыми руками; смуглое скуластое лицо ея съ небольшими черными глазами, совсѣмъ черные волосы на головѣ, густыя брови, немного приподнятыя скулы, горбатый носъ и большой ротъ, все это носило немного восточный отпечатокъ, особенно когда Луковна улыбалась. Здоровье у ней было желѣ-

ное, и это кажется было единственное богатство, каким наградила ее судьба.

Старшій сынъ Луковны, кончивъ курсъ въ семинаріи, уѣхалъ въ Петербургъ и тамъ поступилъ въ медицинскую академію; онъ очень рѣдко писалъ матери, и эти письма были настоящимъ праздникомъ для нея. Когда долго не было писемъ, она беспокоилась, вздыхала, часто плакала, начинала видѣть дурные сны, а въ сны она слѣпо вѣрила и, странное дѣло, эти сны почти всегда оправдывались; увидеть Луковна печь—значитъ будетъ печаль, увидеть воду или хлѣбъ — письмо отъ сына изъ Петербурга. Читать Луковна не умѣла, по этому всѣ письма ей читали другіе—Меркулычъ, иногда я, или отецъ; Луковна во все время такого чтенія, обыкновенно, стояла склонивъ немного голову на бокъ, съ самой блаженной улыбкой на губахъ, а по смуглому лицу такъ и катились счастливыя слезы.

— Трудно ему, моему Сережѣ, готорила Луковна, бережно складывая письмо:—городъ большой, всѣ чужіе... И въ Таракановкѣ-то какъ трудно жить, а въ Петербургѣ-то ихнемъ, поди, въ десять разъ труднѣе. Сколько я говорила Сережѣ, чтобы онъ не ѣздилъ туда, а поступалъ въ священники; что въ этомъ ученіи ихнемъ, когда до сѣдыхъ волосъ надо учиться. Въ семинаріи Сережа проучился двѣнадцать лѣтъ да въ академіи этой надо проучиться шесть лѣтъ—вѣдь это восемнадцать лѣтъ, а тамъ сколько еще прослужить докторомъ-то!

— За то ужъ выучится, Луковна, такъ хорошо будетъ, говорить отецъ:—полторы тысячи жалованья будетъ получать, домъ тебѣ купить.

— Ахъ, о. Викентій, мнѣ ужъ не много и жить-то осталось, какъ нибудь дотяну и безъ дому, а какъ помру—и домъ будетъ, изъ котораго не вылѣзешь.

Дочь Луковны Лапа была старше меня годомъ или двумя и была бѣла какъ русалка; волосы у ней были какъ ленъ, голубые глаза и смѣшныя совсѣмъ бѣлыя брови и рѣсницы—вообще она была полной противоположностью своей матери и наследовала отъ нея только здоровое сильное тѣло, такъ что

въ пятнадцать лѣтъ уже совсѣмъ сформировалась и выглядѣла невѣстой. По характеру это была дѣвка сорви-голова, которая при матери была ниже травы, тише воды и ходила съ опущенными глазами, а безъ матери выказывала самыя козлиныя свойства характера, дурачилась, хохотала и визжала самымъ необыкновеннымъ образомъ, такъ что бывало даже вздрогнешь, когда услышишь нечаянно этотъ странный визгъ и смѣхъ.

Какъ я уже сказалъ, я „живмя жилъ“ у Луковны и былъ въ ея избушкѣ, какъ свой человекъ; когда не было Меркулыча или онъ былъ занятъ, я сидѣлъ съ Луковной, особенно въ безконечныя зимніе вечера, когда дома была скука смертная, а въ комнатѣ Луковны горѣла въ свѣтцѣ березовая лучина и она подъ мигающее пламя этой лучины прядла безконечную нитку, сопровождая свою работу какой-нибудь пѣсенкой. Но особенно тянуло меня въ комнатку Меркулыча, никакой музей не представлялъ для меня такого интереса, какъ эта коморка, имѣвшая въ длину шаговъ десять и въ ширину шаговъ пять и однимъ окномъ выходившая на площадь; деревянные стѣны ея были оклеены сыними обоями и были, какъ въ музеѣ, увѣшаны всевозможными предметами: картинки, фотографіи, два ружья, маленькій револьверъ, известный подъ названіемъ „кулачка“, которымъ Меркулычъ гордился больше всего; всевозможная охотничья сбруя, нѣсколько кинжаловъ, цѣлый арсеналь удочекъ, гитара, нѣсколько птичьихъ чучель, оленье рога; небольшой тюменскій коврикъ надъ деревянной кроватью, полочка съ книгами, счеты, стѣнные часы съ кукушкой, коллекціи бабочекъ и минераловъ — словомъ,—всего не перечислишь; небольшой ломберный столикъ въ углу былъ буквально заваленъ разными интересными „штучками“, въ числѣ которыхъ первое мѣсто принадлежало бронзовой чернильницѣ, имѣвшей форму „гробницы Наполеона“, какъ увѣрялъ меня ея владѣлецъ. Три деревянныхъ стула, деревянный диванъ и небольшой комодъ дополняли обстановку этой комнаты.

— Ну, Кирша, давай чайвать, говорить бывало Мерку-

лычь, облакаясь въ пестрый халатъ; „чаявать“, т. е. пить чай въ коморкѣ Меркулыча было верховъ блаженства, потому что въ промежутки между стаканомъ чая и выкуриваемыхъ папиросъ, Меркулычь имѣлъ обыкновеніе играть на гитарѣ. Его репертуаръ былъ очень невеликъ, но я съ новымъ удовольствіемъ въ сотый разъ выслушивалъ неизмѣнную польку „трамблямъ“, какой-то „плачь Наполеона“, „вальсъ-казакъ“, и еще нѣсколько пѣсень: „Гляжу я безмолвно на черную шаль“, „Хуторокъ“, но лучшую часть репертуара составляли „Барыня“ и очень смѣшная пѣсня „Чепуха“. Меркулычь заложивъ нога на ногу и не выпуская изъ зубовъ папиросу, необыкновенно весело напевать „Чепуху“, содержаніе которой я помню и теперь:

Попъ надѣлъ чужой жилетъ
И наморщилъ брови,
Вдругъ подѣхалъ къ нему дѣдъ
На съдой моркови...
Чепуха, чепуха, чепуха... (bis).

Или:

Чертъ намазалъ мѣломъ хвостъ,
Намадвалъ руки
И изъ погребѣ принесть
Жареныя брюжи...

Эта замысловатая пѣсня не имѣла конца, и Меркулычь даже придѣлалъ къ ней нѣкоторое продолженіе „отъ собственнаго чрева“, какъ онъ скромно выражался о своей авторской дѣятельности.

III.

Съ двѣнадцати лѣтъ я пользовался неограниченной свободой и мы провели съ Меркулычемъ много отличныхъ дней на охотѣ въ горахъ; весной проводили цѣлыя ночи, лежа въ закрадкахъ на тетеревиныхъ токахъ; послѣ Петрова дня, когда поспѣвали выводки утиныя и рябиныя, ходили за свѣжей

дичью, а глубокой осенью отправлялись за глухарями и, наконец, по первому снѣгу, били „поспѣвшую бѣлку“. Въ лѣсу Меркулычъ былъ какъ у себя въ квартирѣ, отлично зналъ всѣ хорошія мѣста, гдѣ водилась дичь, а въ ней недостатка на Уралѣ не было, и особенно хорошо онъ зналъ нравъ, привычки, всѣ хитрости и уловки той дичи, съ какой приходилось намъ имѣть дѣло. Съ неподражаемымъ искусствомъ онъ какимъ-то чутьемъ распутывалъ всѣ хитрости утиныхъ выводковъ, глуповатыхъ глухарей и увертливой бѣлки, которая лѣтомъ, когда шкурка на ней была совсѣмъ красная, преспокойно сидѣла надъ вашей головой, но за то съ первымъ снѣгомъ, когда „поспѣвала“ и дѣлалась сѣрой, она какъ молнія забиралась въ такія густыя ели, откуда ее могъ добывать только одинъ Меркулычъ; небольшая сибирская собаченка Лыско, принадлежавшая Меркулычу, хотя и походила на дворняжку, но отлично отыскивала дичь, облаивала глухарей, искала бѣлку верхнимъ и нижнимъ чутьемъ и даже приносила изъ воды убитыхъ утокъ; только относительно зайцевъ, которыхъ Меркулычъ стрѣлялъ только зимой, для шкурки, Лыско не могъ выдержать характера и, задрвавъ хвостъ кольцомъ, съ визгомъ убѣгалъ отъ насъ, не смотря ни на какія увѣщанія. По зимамъ Меркулычъ стрѣлялъ зайцевъ, а когда выпадетъ глубокой снѣгъ, мы ѣздили съ нимъ на особенныхъ охотничьихъ пошевняхъ съ высокими копыльями стрѣлять тетеревей „съ подъѣзду“ или на чучело. О рыбѣ и говорить нечего— Меркулычъ, кромѣ Января Якимыча, здѣсь не зналъ соперниковъ и, когда не ходилъ на охоту, ловилъ щуку, окуней, ершей и налимовъ съ необыкновеннымъ искусствомъ.

По зимамъ я цѣлые дни жилъ съ салазками на улицѣ, гдѣ съ товарищами по возрасту проводилъ время самымъ веселымъ образомъ, главнымъ образомъ катаясь съ горы; короткій зимній день промелькнетъ незамѣтно, не успѣешь оглянуться, а ужъ кругомъ темно, значить давно пора идти домой. У меня былъ дубленный нагольный тулупчикъ, въ которомъ я ходилъ по зимамъ, этотъ тулупчикъ очень часто бывалъ причиной

большаго горя для меня, потому что послѣ дня, проведеннаго въ снѣгу, онъ получалъ самый жалкій видъ, и мать говорила что его хоть выжми, вода такъ и бѣжала съ него; понятное дѣло, что когда я являлся домой въ такомъ печальномъ видѣ, мать читала мнѣ длиннѣйшее нравоученіе и часто наказывала: ставила въ уголь, оставляла безъ чаю, а главное—имѣла жестокость запираеть меня въ комнату на нѣсколько дней, отдавая въ жертву шуточкамъ отца, который обыкновенно говорить въ этихъ случаяхъ:

— Что, паренекъ, видно въ образѣ смиренія... а?... Видно мать-то прижала тебѣ хвостъ... а?... Ну, да твое не уйдетъ, бѣгаешь, какъ саврасъ безъ узда.

Отецъ совсѣмъ не вмѣшивался въ мое воспитаніе и предоставилъ его матери, а съ меня требовалъ только твердаго знанія тѣхъ уроковъ, которые задавалъ мнѣ; благодаря отличной памяти, мнѣ было достаточно прочесть по учебнику разъ или два, и я отлично отвѣчалъ какой угодно урокъ. Между мной и отцемъ установились дружественныя отношенія, но мать держала со мной имя свое грозно, и я сильно побаивался ее, потому всѣми силами старался не попадаться ей ни въ чемъ предосудительномъ; мой мокрый полушубокъ быть причиной нашихъ недоразумѣній, поэтому, подходя вечеромъ къ своему дому послѣ веселаго дня, я долго ломать голову, надъ вопросомъ, какъ бы попасть въ комнату такъ, чтобы мать не замѣтила бѣдственнаго положенія, въ какомъ я находился. Последнее было сдѣлать очень трудно, потому что мать и сестры работали вечерами въ передней и какъ только отворишь дверь, мать и головы не подымаетъ, а ужъ чувствуешь, что она видитъ все и впередъ краснѣешь и падаешь духомъ въ ожиданіи головомойки. Надя всегда бывало пожалѣетъ, а Вѣрочка, — та наоборотъ, еще подведетъ подъ грозу, потому что еще сильнѣе матери слѣдила за неприкосновенностью моего полушубка. Были нѣкоторыя обстоятельства, которыя давали мнѣ возможность избѣгать справедливой кары: во первыхъ, когда бывали у насъ гости, я шелъ смѣло, потому что на меня

тогда никто вниманія не обращать; во вторыхъ, если пили чай въ гостиной, тогда я безъ шуму отворялъ дверь въ переднюю, неслышно снималъ полушубокъ и пряталъ его на печку и, послѣ нѣкоторой паузы, появлялся въ дверяхъ гостиной, пряча за спину красныя, опухшія отъ морозу руки. Мать и сестра дѣлали видъ, что совсѣмъ не замѣчали меня, но отецъ всегда спасалъ меня въ этихъ случаяхъ, обративъ все дѣло въ шутку, и я, утирая носъ рукавомъ рубашки, скромно помѣщался подальше отъ матери въ ожиданіи горячаго чая со сливками.

Однажды какъ теперь помню, мы сильно заигрались съ Нашей Сермягинымъ, вдругъ на заводскихъ часахъ пробило шесть часовъ — положеніе было по истигѣ ужасное, потому что въ восемь часовъ у насъ ложились спать и нечего было думать о спасеніи — спасенія не могло быть. Въ глубокомъ раздумьи брелъ я домой; и издали увидѣлъ, что въ гостиной огня не было и всѣ сидятъ въ передней; въ освѣщенное окно было видно, что мать и сестры сидятъ за работой у стола, а отецъ ходитъ по комнатѣ—значить, все кончено, Кирша пропалъ. У меня упало сердце отъ страха, и въ головѣ мелькнула мысль, совсѣмъ нейти домой, а провести ночь на улицѣ; но это было легко подумать: я давно чувствовалъ большую усталость во всеи тѣлѣ, хотѣлъ ѣсть, какъ волкъ, и главное—промерзъ до костей, и ноги были давно мокры. Я остановился недалеко отъ дома, чтобы перевести духъ и собраться съ силами, въ это время мимо меня шмыгнула маленькая старушка, въ которой я сразу узналъ Климовну: я былъ спасенъ и совершенно незамѣтно пробрался за Климовной прямо на печь, всегда представлявшую для меня самую неприступную крѣпость въ свѣтѣ. Климовна была старуха-повитуха и знала рѣшительно все, что дѣлалось въ Таракановкѣ и тихимъ голосомъ по цѣлымъ часамъ о чемъ-то рассказывала матери; когда входилъ въ комнату отецъ, Климовна сразу мѣняла тонъ и слезливымъ голосомъ начинала жаловаться на разбойника-зятя. Отецъ самъ догадывался уходить, когда Кли-

мовна заводила рѣчь о разныхъ щекотливыхъ новостяхъ, а мать подъ какимъ нибудь предлогомъ выслала сестеръ въ гостиную.

И такъ я совершенно незамѣтно пробрался на печь и наслаждался живительной теплотой, которая согрѣвала мое продрогшее измученное тѣло; отецъ ушелъ въ гостиную читать какую-то книгу, сестры ушли съ работой за нимъ, а я остался на печи всѣми забытый и наслаждавшійся своей безопасностью. Климовна съ таинственнымъ видомъ подсѣла къ матери и торопливо заговорила своимъ шепотомъ, сильно жестикулируя. Я никогда не интересовался ея болтовней, но на этотъ разъ сдѣлался невольнымъ слушателемъ, и притомъ самыми обстоятельствами принужденъ былъ лежать совершенно тихо, такъ что до меня отчетливо долетало каждое слово тихаго шепота Климовны.

— Быкъ-то нашъ какъ увязался за Липой, повѣствовала Климовна, отворачивая отъ огня свое сморщенное, какъ моченое яблоко, птичье лицо:—а она къ нему такъ и льнетъ... Стыдобушка головушкѣ, матушка моя! Луковна-то совсѣмъ ума рѣшилась было съ горя, а дѣвка дурить, и кончено... Вѣдь сама бѣжить къ быку-то!

Мать была на столько поражена, что только качала головой; мнѣ хотя и было четырнадцать лѣтъ, но я уже понималъ, о чемъ шла рѣчь, и даже наострилъ уши.

— Да и мудреное дѣло Луковнѣ возиться съ дѣвкой, продолжала Климовна:—жить они съ Быкомъ сутычь огородами-то, гдѣ тутъ усмотришь за ней: вывернется изъ избы за какимъ дѣломъ, а сама къ нему... И-и, какое мудреное дѣло!.. Быкъ-то нальетъ себѣ шары *) да и ходить какъ очунѣлый... Какъ-то напился, давай искать ее, а мать услала ее въ сосѣди, онъ за ней, она отъ него. Такъ, слышь, на стѣну и лѣзетъ!.. Колотить хотѣлъ, только старуха Митревна пожалѣла дѣвку да ужъ въ подполье ее отъ Быка и спрятала.

*) Шары—гнива.

Такое дѣло, такое дѣло, что и думать не придумаешь, а сраму-то, сраму-то?! Вѣдь Быкъ-то разсердится, да съ Вахрушкой по бревнышку разнесутъ избушку у Луковны!

— Жаль, пропала дѣвка-то.

— Чего я говорить, мать моя: совсѣмъ пропала, ни за грошь... Надо-бы ее замужь сейчасъ, какъ она заневѣстилась, а гдѣ ихъ, жениховъ, въ Таракановкѣ-то возьмешь.

Я скоро уснулъ подъ этотъ тихій шепотъ, а когда проснулся, было уже утро; разговоръ, который я слышалъ вчера конечно забылъ и вспомнилъ о немъ только тогда, когда пришелъ къ Луковнѣ и встрѣтилъ тамъ жестокую баталію. Сначала я не узналъ Луковны: она просто неистовствовала, Лапа безмолвно сидѣла у окна и только тихо вздрагивала полными плечами, когда удары сыпались на нее.

— Убью, своими руками убью! съ пѣной у рта кричала расходившаяся старуха:—Я тебя родила, я тебя и убью... На цѣпь, какъ собаку, прикую!..

— Убейте, мнѣ легче будетъ... шептала Лапа, не подымая глазъ.

Луковна схватила дочь за бѣлую косу и потащила ее по полу: она не замѣчала меня, что я стою въ дверяхъ, и я поспѣшилъ отретироваться. Послѣ этого я нѣсколько разъ бывалъ у Луковны, она похудѣла и была совсѣмъ убита, но работала, не разгибая спины, точно хотѣла разогнать усиленнымъ трудомъ свои черныя мысли; Лапа съ опущенной головой сидѣла тоже за работой съ утра до ночи и больше не раздавалось ея звонкаго визга и смѣха. Однажды отецъ послалъ меня за Луковной и, уведя ее въ гостиную, долго съ ней о чемъ-то говорилъ; когда Луковна ушла, отецъ сердито проговорилъ, обращаясь къ матери:

— Я еще умной женщиной считалъ, а она уперлась, какъ пень—хоть колъ на головѣ теши... Вѣдь срамъ!.. Какъ я сказать ей, чтобы она прогнала отъ себя ту, куда тебѣ, сейчасъ на дыбы. Выжила совсѣмъ изъ ума старуха! Вѣдь ее же жаль: хорошая слава лежитъ, а худая по дорожкѣ бѣжить...

— Ахъ Викентій Афанасьичъ, съ упрёкомъ говорила мать:—развѣ такъ можно... Вѣдь она мать: умнаго жаль, а дурака вдвое.

— Что же мнѣ то дѣлать? Я и раньше говорилъ ей: „смотри“, а теперь ужь поздно. А какъ начать я совѣтовать ей, чтобы ту опредѣлила къ о. благочинному, опомнилась, подумая, говорить.

Изъ этихъ словъ и нѣсколькихъ разговоровъ въ томъ же духѣ я понялъ, что рѣчь идетъ о Лапѣ, которую общимъ совѣтомъ хотѣли отправить на исправленіе къ благочинному; Климовна „частила“ къ намъ и приносила каждый разъ какія то свѣжія новости, которыя и передавала матери подъ величайшимъ секретомъ. Меркулычъ безвыходно сидѣлъ въ своей волости, но какъ я заключилъ по его поведенію, совсѣмъ ничего не зная о случившемся событіи; поэтому, отчасти по терзавшей меня потребности непременно кому нибудь выболтать лежавшую на моей душѣ тайну, отчасти изъ желанія вывести Меркулыча изъ тьмы невѣдѣнія, но безъ малѣйшаго злаго умысла, я однажды, когда мы вдвоемъ сидѣли въ волости, подробно рассказалъ ему все, что зная и даже кое-что прибавилъ отъ себя. Меркулычъ заложилъ перо за ухо и выкуривая одну папиросу за другой, долго молчалъ, а потомъ, поднявъ на меня свои добрые глаза, проговорилъ измѣнившимся голосомъ:

— И ты, Кирша, повѣрилъ?

— Да вѣдь Климовна рассказывала, я своими ушами слышалъ...

— Такъ, Климовна рассказывала... Такъ. А если Климовна соврала, тогда какъ?

— А къ благочинному ее зачѣмъ хотятъ отправлять?

— Къ благочинному?!.. У Лапы есть отецъ?

— Нѣтъ.

— Такъ. Значить, заступиться есть кому за нее?

Я молчалъ, потому что былъ воевсѣмъ пораженъ такимъ

оборотомъ нашего разговора и даже немного обидился, что моя новость не произвела надлежащаго эффекта.

— Ты подумай-ко, голова съ мозгомъ, продолжай Меркулычъ наставительнымъ тономъ:—чего стоитъ Климовиѣ распустить про Лапу худую славу? Ничего... Дѣвка совсѣмъ беззащитная, и говори, что хочешь. Такъ я говорю? Вотъ у тебя двѣ сестры, отецъ живъ, вотъ и хорошо все, а умри онъ—та же Климовна и сплететъ такую штуку, что хоть въ воду. Пропка давно глаза пялитъ на Лапу, только все это пустяки...

Меня даже потъ холодный прошибъ отъ словъ Меркулыча, и въ горлѣ стояли слезы отъ одной мысли, что о Надѣ и Вѣрочкѣ могли говорить что-нибудь дурное, какъ о Лапѣ; этотъ разговоръ съ Меркулычемъ запечатлѣлся навсегда въ моей памяти, и съ этого времени я научился не вѣрить людямъ ни слова, когда они говорятъ о комъ нибудь дурно, и мысленно далъ себѣ слово никогда не говорить ничего дурнаго о другихъ.

IV.

Спустя немного времени послѣ исторіи съ Лапой, въ Таракановкѣ случилось дѣлое событіе, которое надолго составляло предметъ разговоровъ и заставило забыть Лапу и ея исторію. Однажды просыпаюсь раннимъ утромъ и слышу страшную возню во всемъ домѣ, соскакиваю съ постели, одѣваюсь на-скоро и бѣгу къ чайному столу. Отецъ съ заложенными руками за спину ходилъ по комнатѣ, что онъ дѣлалъ всегда, когда былъ чѣмъ нибудь взволнованъ; мать суетится около печи, Надя торопливо дошиваетъ свое новое шерстяное платье, Вѣрочка, съ голыми ногами и высоко подтыканнымъ подоломъ, домываетъ переднюю.—Я сразу почувствовалъ, что случилось что-то необыкновенное.

— Такъ сколько онъ жалованья получаетъ? спрашивалъ отецъ.

— Двѣ съ половиной тысячи... отвѣчала мать, подымая вспотѣвшее красное лицо.—Лапа прибѣжала давеча, просила въ займы сахару, такъ сама рассказывала...

— Ну, теперь намъ, видно, у Лапы скоро придется заниматься сахаръ-то...

— Пока еще Богъ милостивъ, не занимали ни у кого, обижено отвѣчала мать.

— Мнѣ утромъ не спалось, заговорилъ отецъ, стараясь поправить свою неловкую шутку:—часу этакъ въ пятомъ утра, слышу колокольчикъ, потомъ мимо насъ тройка побѣжала и остановилась около церкви... Хотѣлъ посмотрѣть, кто ѣдетъ, да полѣнился встать, думаю, къ управителю кто или на земскую станцію. Ну, Кирша, къ намъ пріѣхалъ цѣлый докторъ весело заговорилъ отецъ, обращаясь ко мнѣ:—у Луковны сынъ пріѣхалъ изъ Петербурга... Понимаешь? Двѣ съ половиной тысячи жалованья получаетъ въ годъ; мнѣ двѣнадцать лѣтъ надо служить, а ему годъ,—понялъ?

Схватить шапку и стремглавъ броситься изъ комнаты—было для меня дѣломъ минуты; издали еще я замѣтилъ, что окна въ избушкѣ Луковны завѣшаны тѣмъ-то бѣлымъ, и у воротъ на лавочкѣ, покуривая коротенькую трубочку, сидитъ солдатъ, котораго я сначала чуть не принялъ было за самаго доктора. Это, какъ оказалось послѣ, былъ деньщикъ доктора; на дворѣ стоялъ отличный дорожный экипажъ, въ какихъ издѣли заводскіе управители. Въ дверяхъ меня встрѣтила сама Луковна, она выбѣжала босикомъ и, обнявъ меня, прошептала таинственно „спить“. Появившаяся Лапа объявила тоже самое не менѣ торжественно и, приподнявъ подолъ платья, показала щегольскіе польскіе сапоги, которые подарилъ ей братъ.

— Утромъ сплю я и вижу сонъ, шептала Луковна, утирая концемъ своего фартука катившіяся по лицу слезы:—вижу, что плыву по водѣ... вездѣ воды, точно море, и я даже испугалась и проснулась со страху, а тутъ колокольчикъ, слышу, къ намъ.

— Нѣтъ, мама, это я первая услышала! смѣло поребивала мать Лапа, еще разъ показывая мнѣ сапоги.

— Ну... ты, пусть по твоему, соглашалась Луковна:—тебя развѣ переспоришь когда? Подбѣжала я къ окну, вижу повозка; я какъ стояла, такъ ноги у меня и подкосились, сѣла на лавку, а сама слова не могу вымолвить. Лапа меня спрашиваетъ что-то, а я и сказать ничего не могу — и обрадовалась, и испугалась, и плачу, и смѣюсь: какъ есть дура душой. А онъ, мой голубчикъ Сережа, входитъ, увидѣлъ меня и говорить: „здравствуйте, маменька“... Одиннадцать лѣтъ его голубчика не видала; онъ Лапу-то и не узналъ совсѣмъ, а потомъ посмотрѣлъ кругомъ, какъ мы живемъ, на голыя стѣны, сморщился, мой голубчикъ, обнялъ меня и ласково такъ говорить: „трудно вамъ, маменька, жить... Погодите, маменька, Богъ дастъ, поправимся“! А самъ смѣется, и я смѣюсь, и плачу, и говорю сама не знаю что. „Ничего, говорю, Сереженка, не надо намъ, только ты—быль-бы счастливь да здоровъ“. А онъ смѣется, потомъ опять сморщился: „зачѣмъ водкой это у васъ, маменька, пахнетъ“? А это Кинтильянъ гдѣ-то нахлестался вчера, отъ него и несетъ, какъ отъ бочки.

— А, вѣдь, Меркулыча-то нѣтъ у насъ, улыбаясь, объявляла Лапа:—Сереженка-то, какъ пріѣхалъ, спать захотѣлъ, а положить его намъ и некуда... Вотъ мама разбудила Меркулыча и попросила его на время опростать комнату; онъ сейчасъ согласился, взялъ одѣяло, подушку и ушелъ въ волость спать.

— Только постарѣлъ онъ, Сереженка-то! печально заговорила Луковна, прикладывая руку къ щекѣ. — Худой такой сталъ, и глаза мутные, заморился съ дороги-то.

— А деньщика-то, Кирша, видѣлъ? спрашивала Лапа.

— Шш... онъ за воротами сидитъ, предупреждала Луковна, дергая Лапу за платье.

— Пусть сидитъ; вѣдь я не съѣмъ его, огрызалась Лапа.

Мы самымъ подробнымъ образомъ осмоирѣли экипажъ, въ которомъ пріѣхалъ докторъ, и я остался отъ него въ восторгѣ;

внутри онъ былъ обитъ краснымъ сафьяномъ, кожаный откидной верхъ былъ украшенъ какими-то мѣдными бляхами, назадъ былъ придѣланъ желѣзный ящикъ съ острыми гвоздями на верхнемъ краѣ—словомъ это было образцовое произведение *vis generis*, и я покрайней мѣрѣ десять разъ влѣзалъ въ него, сѣдился на козла и по пути обшарилъ всѣ карманы, гдѣ лежали скомканые клочки бумаги, объѣдки сыра и колбасы. Лапа нѣсколько разъ убѣгала въ избу и наконецъ вернулась оттуда, неся въ подолѣ пару бронзовыхъ подсвѣчниковъ, головную щетку, металлическую пепельницу и еще какія-то мудренныя вещицы, назначеніе которыхъ мы никоимъ образомъ не могли угадать.

— Зачѣмъ ты вытащила это? ворчала Луковна, съ любовію рассматривая блестящія вещицы. — Вотъ Сереженка вставеть, онъ тебѣ задасть... еще изломаешь, пожалуй. Этакіе подсвѣчники, поди, рубля три пара стоятъ, а ты ихъ таскаешь зря.

— Нѣтъ, они восемь рублей стоятъ, мама, отвѣчала Лапа. Я спрашивала солдата, онъ мнѣ все рассказалъ.

— Маменька, маменька... гдѣ вы? послышался изъ комнаты голосъ доктора. Лапа со страху выпустила изъ рукъ подолъ платья, и блестящія вещицы покатались по землѣ.

На крыльцѣ показался небольшого роста бѣлокурый господинъ, одѣтый въ лѣтній китель съ армейскими пуговицами и офицерскими погонами; прищуривъ глаза отъ солнца, онъ внимательно посмотрѣлъ въ нашу сторону, улыбнулся и проговорилъ пріятнымъ теноромъ:

— Здравствуйте, маменька...

— Ахъ, Сереженка, голубчикъ... тяжело дыша и переваливаясь на ходу, бормотала Луковна.—Вы ужъ встали... Можетъ, это мы вамъ помѣшали спать?...

— Нѣтъ, маменька, я выспался оглично, только какой-то страшный запахъ у васъ въ комнатѣ.

— Отъ луку, Сереженка, отъ луку... Ужъ извините меня, лукъ вчера варили, такъ лукомъ и воняетъ.

Докторъ улыбнулся, поправилъ шелковистые бѣлокурые усы

и трижды поцѣловался съ матерью; я и Лапа чувствовали себя въ это время очень скверно: я потому, что сидѣлъ на козлахъ чужой повозки; Лапа потому, что попалась на мѣстѣ преступленія и теперь не знала, что ей дѣлать—идти здороваться съ братомъ или поднимать раскатившіяся по двору подсвѣчники. Лапа кончила тѣмъ, что стремительно убѣжала въ огородъ и спряталась за баню; докторъ сильно поморщился отъ такой выходки и, указавъ глазами на вялявшіяся по двору подсвѣчники, съ упрекомъ въ голосѣ проговорилъ:

— Какая она у васъ дикая, маменька.

— Она и людей-то не видѣла, Сереженька, вотъ и боится васъ, нерѣшительно защищала Лапу Луковна, заглядывая въ глаза сыну.

Деньщикъ, вытянувшись въ струнку, стоялъ въ воротахъ и совершенно безучастно немигающимъ взглядомъ смотрѣлъ на происходившую предъ нимъ сцену; докторъ строго обратился къ нему.

— Иванъ, подбери подсвѣчники, вычисти ихъ и поставь на мѣсто.

— Слушаю-съ, ваше благородіе! пѣвучей фисгулой протянулъ Иванъ, сдѣлать на лѣво кругомъ и направился солдатскимъ шагомъ въ мою сторону.

— Какая-то гитара виситъ на стѣнѣ, папиросы, окурки, съ легкимъ раздраженіемъ въ голосѣ заговорилъ докторъ, закладывая руки въ карманы темнозеленыхъ съ красной прошвой штановъ.

— Это жилецъ у меня, Сереженька, это его гитара.

— А главное, маменька; этотъ ужасный запахъ!...

— Это тоже отъ жильца, Сереженька.

— Ахъ, маменька, маменька, вѣдь это очень неловко! Вотъ сестра совсѣмъ большая дѣвушка, и рядомъ молодые люди.

— Сереженька, какъ же намъ жить-то было?! со слезами въ голосѣ проговорила Луковна.—Вѣдь съ голоду приходилось умирать...

— Маменька, извините меня! обнявъ мать, проговорилъ докторъ. — Я не хотѣлъ васъ обижать, мы это устроимъ помаленьку. Успокойтесь, маменька... Иванъ, приготовь мнѣ умыться.

— Слушаю-сь, ваше благородіе! прежней фистулой протянулъ солдатъ и бокомъ шмыгнулъ въ дверь, куда за нимъ прошла Луковна и докторъ.

Небольшое блѣдное лицо доктора съ выпуклымъ громаднымъ лбомъ и красивыми сѣрыми глазами нравилось всѣмъ, а такъ же его небольшая стройная фигура и маленькія бѣлыя руки; но мнѣ онъ не понравился съ перваго раза отсутствіемъ той простоты, которую дѣти такъ любятъ. Возвращаясь домой, я думалъ больше о докторскомъ экипажѣ и дорогихъ подсвѣчникахъ, чѣмъ о самомъ докторѣ. Дома меня засыпали вопросами о докторѣ, его деньщикѣ, Луковнѣ, но я рассказывалъ больше о докторской повозкѣ, такъ что на меня рукой махнули и оставили въ покоѣ; въ нашихъ двухъ комнаткахъ было все прибрано, отецъ надѣлъ новый подрясникъ, мать и сестра были въ новыхъ платьяхъ—словомъ, все приняло праздничную обстановку, и я понималъ, что все это дѣлалось въ ожиданіи докторскаго визита. Особенно хороша была Надя въ своемъ розовомъ барежевомъ платьѣ и съ канареечнаго цвѣта бантикомъ на шеѣ; глаза у ней свѣтили лихорадочнымъ блескомъ, на полныхъ щекахъ игралъ румянецъ, и я невольно засмотрѣлся на нее, точно это была совсѣмъ другая Надя, а не та, которая въ старенькомъ полиняломъ ситцевомъ платьѣ вѣчно сидѣла за пальцами; я только послѣ понималъ, какое значеніе имѣло это барежевое платье въ это утро, и о чемъ думала мать, когда съ чувствомъ невольной гордости съ сотый разъ осматривала Надю, какъ художникъ смотритъ на свое лучшее произведеніе. Вѣрочка была одѣта проще и громко роптала, что ей нельзя идти въ новомъ платьѣ въ хлѣвъ; отецъ тоже былъ зараженъ томительнымъ чувствомъ общаго ожиданія и нетерпѣливо ходилъ по гостиной, время отъ времени поглядывая въ окно, не идетъ-ли докторъ.

Трудно описать то волненіе, которое овладѣло нами, когда въ концѣ площади показался наконецъ докторъ въ лѣтнемъ костюмѣ и съ легкой тросточкой въ рукахъ; мать чуть не плакала, потому что на платьѣ Нади отлетѣла гдѣ-то пуговица и никакъ не могли отыскать булавку; даже отецъ счелъ долгомъ что-то опщипывать на своемъ подрясникѣ, съ растеряннымъ видомъ гладилъ себя одной рукой по громадному животу и нѣсколько разъ расчесывалъ волосы гуттаперчевой гребенкой, которую всегда носилъ съ собой въ карманѣ. Пока докторъ шелъ до нашего дома, на рынкѣ и у волости собралась дѣлая толпа, которая съ любопытствомъ дикарей смотрѣла на доктора и вслухъ дѣлала нѣкоторыя замѣчанія, относившіяся главнымъ образомъ къ формѣ доктора, производившей рѣшительный фуроръ; впереди всѣхъ стоялъ Рукпінъ и громко переговаривался съ Прошкой и Меркулычемъ, фізіономіи которыхъ виднѣлись въ окнѣ волости.

— На меня смотреть, какъ на дикаго звѣря, съ улыбкой говорилъ докторъ, здороваясь со всѣми.

— Совсѣмъ дикій народъ, Сергѣй Павловичъ, отвѣчала отецъ, крѣпко пожимая руку доктора.

Дорогаго гостя провели конечно въ гостинную, самоваръ давно кипѣлъ, и Надя подавала чай, краснѣя до ушей; отецъ оживился, шутилъ, смѣялся, гость держалъ себя свободно, но съ большой выдержкой. Я лежалъ на печи, которая для меня замѣняла и обсерваторію, и кабинетъ, и внимательно вслушивался въ разговоръ петербургскаго гостя, который во всемъ соглашался съ отцомъ и постоянно говорилъ: „да, да!“ Появилась закуска и вино; докторъ выпилъ полрюмки хересу, похвалилъ вино, и особенно обратилъ вниманіе на закуску, причемъ необыкновенно кстати сказалъ нѣсколько комплиментовъ матери, которая совсѣмъ растерялась и даже покраснѣла, какъ институтка. Въ три часа былъ поданъ обѣдъ; гость рассказывалъ о Петербургѣ, нѣсколько разъ обращался съ вопросами къ Надѣ, стараясь поддержать съ ней разговоръ, но сестра конфузилась и отвѣчала невпопадъ; отецъ послѣ нѣсколькихъ

рюмокъ совсѣмъ разошелся и подробно раскрылъ свою душу относительно поведенія Амфилохія Лядвѣева и горячо изложилъ свои планы, надежды и огорченія. Докторъ дѣлалъ внимательное лицо и постоянно повторялъ: „да, да! Скажите?... Это возмутительно!... Да, да!“ Мать давно замѣтила, что отецъ надоѣдаетъ гостю и едва могла остановить его; обѣдъ вообще прошелъ самымъ оживленнымъ образомъ и, когда гость ушелъ, всѣ, кромѣ бѣдной Нади, чувствовали себя самымъ счастливымъ образомъ.

— Столичная штука! глубокомысленно соображалъ отецъ. — Умень, бестія... И все соглашается; у этихъ петербургскихъ у всѣхъ такое обыкновеніе: во всемъ соглашаются съ тобой и всего наобѣщаютъ. Нашто Амфилошка-песъ псомъ, а какъ съѣздили съ владыкой въ Питеръ, тоже всѣмъ давай обѣщать: мягко стелютъ да жестко спать. Подлецъ!...

— Только Сергѣй Павловичъ здоровьемъ кажется слабовать, замѣтила мать, чтобы замаять разговоръ объ Амфилошкѣ.

— Какое здоровье: пальцемъ перешибить можно...

— И ростъ маловатъ, какъ будто.

— Да, не достаетъ чуточку. Вотъ на меня-бы мундиръ, Паша, надѣть, да эполеты прицѣпить... хе-хе!... Я бы задалъ перцу Амфилошкѣ несчастному!...

— А я думаю про Аполлошу, задумчиво говорила мать:— если-бы на него такой бѣлый мундиръ надѣть.

— Въ гвардію! Прямо въ гвардію, рѣшилъ отецъ, подергивая плечами, точно на нихъ чувствовалъ присутствіе жирныхъ эполетъ:—будетъ хорошо учиться, и онъ можетъ докторомъ быть.

Мать только вздохнула и сдѣлала печальное лицо, а я лежалъ на печи и далъ себѣ клятву, что непременно буду докторомъ, буду носить такой-же бѣлый мундиръ, какъ Сергѣй Павловичъ, а главное — у меня будетъ свой деньщикъ, свой экипажъ, подсвѣчники, подарю Надѣ отличные сапоги, такъ же заѣду къ знакомому священнику въ гости, а за мной будутъ такъ-же ухаживать, угощать меня, а я буду рассказы-

вать о Петербургѣ и покручивать усы. „Вотъ, молъ, вамъ и смотрите на меня, каковъ я человѣкъ есть, Киръ Викентьевичъ Обонполовъ! Да-съ“...

— А гдѣ у насъ, Кирша? спросилъ отецъ.

— Въ своей канцеляріи лежитъ, улыбаясь отвѣчала мать.

— Хочешь быть докторомъ, Кирша? спрашивалъ отецъ.

— Да, отвѣчалъ будущій докторъ.

— И отлично, мы съ тобой, парень, тогда Амфилошку Лядіева со всей консисторіей въ одинъ узелъ завяжемъ. Вѣрно?

— Вѣрно. Я тебѣ, папа, подарю тройку лошадей тогда.

— О-го, спасибо, братецъ.

Понятное дѣло, что пріѣздъ доктора былъ для Таракановки настоящимъ событіемъ и надолго сдѣлался предметомъ разговоровъ, а докторъ между тѣмъ жилъ себѣ въ избушкѣ Луковны, ни съ кѣмъ не знакомился и не бывалъ нигдѣ, кромѣ нашего дома, что очень польстило всѣмъ намъ! Когда по утрамъ докторъ уходилъ купаться или гулять, я, пользуясь его отсутствіемъ, проникалъ въ избушку Луковны и съ жаднымъ вниманіемъ осматривалъ все, что было въ ней новаго, — мягкіе ковры, походную желѣзную кровать, нѣсколько книгъ, разложенныхъ на лавкѣ въ величайшемъ порядкѣ, а главное письменный столъ, на которомъ была цѣлая коллекція самыхъ заманчивыхъ штучекъ; какъ будущій докторъ, я очень внимательно присматривался къ этой обстановкѣ, хотя не могъ преодолѣть чувства невольнаго страха при видѣ большаго ящика съ хирургическими инструментами. Избушка Луковны была теперь неузнаваема: стѣны были оклеены голубыми обоями, на полу насланы ковры, поставленъ диванъ, стулья и круглый десертный столъ; на стѣнахъ было навѣшано нѣсколько олеографій, въ комнатѣ Меркулыча стояли дорожный умывальный приборъ, дорожный чайный погребецъ и шкатулка съ столовымъ серебромъ. На окнахъ появились коричневые занавѣски и бѣлыя шторы, дворъ былъ выметенъ, даже поправленъ покосившійся заборъ въ огородѣ; у Луковны и Лапы появилса цѣлый рядъ дорогихъ подарковъ, которыя онѣ тащили прежде

всего показать къ намъ, возбуждая наше общее удивленіе, восторгъ и зависть. Странное дѣло, раньше я никогда не испытывалъ этого чувства, потому что хорошо было только то, что было въ нашемъ домѣ; а тутъ вдругъ появились подсвѣчники въ восемь рублей пара, столовыя ложки въ полтора ста рублей дюжина, золотыя часы въ двѣсти рублей, бархатныя ковры въ пятьдесятъ рублей, деньщикъ почтительно покашливавшій въ передней, словомъ—мои глаза открылись, и я понялъ истинныя причины нашей фамиліной гордости и отъ всей души возненавидѣлъ художественныя заплатки и всѣ остальные проявленія вопіющей бѣдности, въ когтяхъ которой такъ крѣпко сидѣла наша семья.

Всѣ вещи, которыя привезъ докторъ съ собой, мы знали наперечетъ и въ нашемъ домѣ происходили длиннѣйшіе разговоры о сравнительномъ достоинствѣ какой-нибудь серебряной сахарницы и дорожнаго томпаковаго самовара; мать принимала особенно горячо къ своему сердцу все, что привезъ съ собой докторъ, такъ что отецъ даже разсердился на нее и какимъ-то обиженнымъ тономъ проговорилъ:

— Ну, пошли въ чужомъ ртѣ губы считать... Развѣ это хорошо. Если есть что—и слава Богу; на двѣ съ половиной тысячи можно завести, а вотъ если-бы Сергѣй Павловичъ безъ этихъ денегъ завелъ все это, тогда-бы другое дѣло. Дай мнѣ двѣ-то тыщи, такъ я всего накуплю.

Отецъ мало обращалъ вниманія на докторскія вещи, онъ даже какъ будто былъ недоволенъ ими, и все говорилъ о двухъ тысячахъ жалованья, которыя положительно не давали ему спать; мать, наоборотъ совсѣмъ увлеклась одними вещами и ни о чемъ другомъ больше и говорить не могла. Бѣдная мать, она теряла свой здравый смыслъ подъ блескомъ докторскаго серебра, и мнѣ положительно дѣлалось ее жаль, особенно разъ, когда Лапа въ пылу увлеченія совсѣмъ расхвасталась и начала подробно, описывать тѣ вещи, которыя остались у брата въ Петербургѣ, и которыхъ она не видѣла; совсѣмъ позабывшись,

Лапа начинала рассказывать, какъ они поѣдутъ всѣ въ Петербургъ и какъ будутъ жить тамъ.

— Насъ тогда не забудьте, Олимпіяда Павловна, ядовито замѣтила мать, задѣтая за живое этимъ хвастовствомъ:—Только я такъ думаю, что въ Петербургѣ много людей, дасть Богъ Сергѣй Павлычъ женится на богатой невѣстѣ, пожалуй и не уживетесь съ богатой-то снохой.

Лапа только улыбалась, глубоко увѣренная, что для нихъ съ матерью наступилъ теперь золотой вѣкъ и что съ этой позиціи сбить ихъ не въ сплахъ никакая богатая сноха; но ей вскорѣ пришлось жестоко раскаяться въ своей излишней довѣрчивости. Луковна отлично знала жизнь и людей и не обманывала себя розовыми надеждами, по прежнему оставаясь скромной и почтительной; докторъ купилъ ей матерію на нѣсколько платьевъ и строго слѣдилъ за ней, чтобы она не смѣла ходить въ старыхъ тряпкахъ. Последнее обстоятельство и радовало и вмѣстѣ смущало Луковну; ей до смерти хотѣлось спрятать всѣ покупки въ ящикъ на черный день, въ который она продолжала вѣрить по старой привычкѣ; меня удивляла эта скромность Луковны, и я съ дѣтской откровенностью высказывалъ ей занимавшія меня мысли.

— Ой, голубчикъ, голубчикъ, мало еще ты на бѣломъ свѣтѣ жилъ, покачивая головой говорила Луковна:—Сереженька сегодня здѣсь, а завтра нѣтъ его, я и осталась опять въ своей нзбушкѣ. Такъ-то, Кирша.

Мы были увѣрены, что Луковна по крайней мѣрѣ сейчасъ же откажется отъ должности просвирни, а когда мой отецъ намекнулъ ей объ этомъ, она обидѣлась и горько заплакала, такъ что отцу стоило большихъ трудовъ успокоить ее.

— Зачѣмъ я буду, о. Викентій, чужой хлѣбъ ѣсть, когда еще свои руки работаютъ, говорила Луковна, утирая глаза кончинкомъ бѣлаго носоваго платка, который она была обязана теперь имѣть постоянно при себѣ, чтобы не обходиться съ своимъ носомъ посредствомъ пальцевъ, какъ это она раньше дѣлала.

— Вотъ умная старуха! говорилъ отецъ послѣ ухода Луковны.—Ея, братъ, не проведешь... Свои, говорить, руки работаютъ! Молодецъ.

Я исправно посѣщала Луковну и дѣлала свои наблюдения, которыя ставили меня въ нѣкоторое недоумѣніе относительно доктора. Онъ даже смутилъ меня своимъ страннымъ поведеніемъ. Утромъ онъ вставалъ часовъ въ восемь, и, Боже сохрани, если что нибудь будило его раньше времени: онъ вставалъ темнѣе ночи, блѣдный съ мутными глазами, и придирался ко всему и ко всѣмъ; деньщикъ Иванъ первый входилъ въ комнату проснушагося барина подать ему сапоги, умыться, чистое бѣлье. Луковна стояла въ это время въ сѣняхъ и со страхомъ ожидала появленія Ивана; если онъ шепталъ: „благополучно!“ Луковна крестилась и переводила духъ, а если Иванъ ничего не отвѣчалъ, значить дѣло было плохо. Бѣдной Лапѣ доставалось больше всѣхъ въ эти дурные дни и докторъ просто не давалъ ей проходу: не такъ вошла, не во время улыбнулась, говорить, когда не спрашиваютъ, размахиваетъ руками—словомъ докторъ находилъ въ сестрѣ тысячи недостатковъ, надъ которыми смѣялся самымъ беспощаднымъ образомъ, такъ-что бѣдная Лапа черезъ недѣлю совсѣмъ возненавидѣла своего брата и ворчала себѣ подъ носъ:

— Ужь скоро-ли унесетъ отъ насъ этого ворчуна... Подарилъ на платьѣ да ботинки, такъ думаетъ, и можно изъ меня жилы тянуть, какъ изъ каторожной. Да я лучше пойду помыться, чѣмъ слушать его... Все владно! а гдѣ я ему возьму ладно, если меня не учили ничему!

— Лапа... Дура ты, дура пабитая! съ укоризной останавливала Луковна дочь.—Развѣ такъ можно говорить про брата? Развѣ онъ худа желаетъ, братъ-отъ?

— Да что, мама, далась я вамъ такая несчастная, что всякой меня можетъ день деньской бранить... Вѣдь онъ, какъ пила, пилятъ меня! Вѣдь я не деревянная..

— А ты говоришь, дура, одни глупыя слова; а того не подумаешь, что Сереженька боленъ... Краше въ гробъ кла-

дуть! Вонъ ему подашь кусочекъ какой, онъ обнюхиваетъ его, попробуетъ, сморщится и оставитъ: „нѣтъ, маменька, я что-то не хочу сегодня ѣсть“... Легко ему, моему голубчику? Ты вонъ зеленаго луку какъ-то наѣлась, да вошла въ комнату, такъ онъ только ручкамъ замахалъ и глазки закрылъ...

— А я чѣмъ виновата? Не идравится—ударь меня, а не пили цѣлый день... Вѣдь я тоже человѣкъ, а не бревно.

— Нѣтъ, ты бревно безчувственное! съ азартомъ увѣряла Луковна:—въ тебѣ нѣтъ жалости, ты наѣлась-сыта, и трава не рости.... Какъ есть, не понимаешь ничего!

— Куда ужъ намъ, деревенщинѣ, съ образованными людьми знаться... Я вонъ похудѣла какъ. Право, хоть въ воду сейчасъ.

— А это знаешь? внушительно говорила Луковна, показывая Липѣ кулакъ.—Кто ты есть за человѣкъ? Грязь, пыль, и больше ничего.

Какъ не защищала Луковна сына и какъ не была терпѣлива, но и она нѣсколько разъ всплакнула втихомолку, потому что и ей иногда приходилось не втерпеть. Докторъ былъ чистоплотень, какъ кошка, и одѣвался по цѣлымъ часамъ; бѣдный Иванъ по десяти разъ подавалъ ему одну и ту же вещь, уносилъ ее чистить и снова приносилъ, пока докторъ не оставался ей доволенъ. Если пуговица была пришита не крѣпко, на сорочкѣ сидѣло малѣйшее пятнышко, гдѣ нибудь давило или жало—докторъ выходилъ изъ себя и впадалъ въ состояніе полнаго малодушія. Разъ Лапа починила ему военный галстухъ изъ чернаго атласа, который докторъ носилъ подъ желетомъ; докторъ съ четверть часа примѣрялъ этотъ галстухъ предъ зеркаломъ, а потомъ вошелъ въ комнату, гдѣ жилъ Кантелянъ и гдѣ мы теперь сидѣли, и безъ всякаго звука, молча, подаль галстухъ Лапѣ, указывая рукой на какую то черную ниточку, которая торчала изъ обрубленнаго края галстуха. Я взглянулъ на доктора и даже испугался: его красивое умное лицо было въ эту минуту просто страшно и на немъ было напи-

сано такое внутреннее страданіе, точно онъ приговоренъ былъ къ смерти. Эта несчастная ниточка испортила доктору цѣлый день, и онъ ходилъ изъ угла въ уголъ все время темнѣе ночи, нервно покручивая усы и постоянно закладывая и вынимая изъ кармановъ свои бѣлые руки. Въ другой разъ, на знаменитыхъ бронзовыхъ подсвѣчникахъ оказалось небольшое зеленое пятно отъ капнувшего стеарина, которое Иванъ не досмотрѣлъ и не уничтожилъ во время. Докторъ молча указалъ рукой деньщику на это пятно и опять посмотрѣлъ кругомъ такимъ убійственнымъ мутнымъ взглядомъ, отъ котораго Иванъ, заложивъ руки за спину, даже попятился.

Я отъ слова до слова слышала любопытную сцену, которая происходила вслѣдъ за обнаруженіемъ пятна; докторъ съ полчаса ходилъ по комнатѣ, а когда Иванъ поставилъ на прежнее мѣсто выпитый подсвѣчникъ, онъ остановилъ его въ дверяхъ.

— Иванъ...

— Чего изволите, ваше благородіе? отозвался деньщикъ, вытягиваясь въ струнку у порога.

— Ты всѣмъ доволенъ, Иванъ?

— Очень доволенъ, ваше благородіе!

— У тебя все есть, Иванъ?

— Все-съ, ваше благородіе!

— Можетъ быть у тебя денегъ не достаетъ, Иванъ?

— Деньги есть, ваше благородіе-съ!

Докторъ молча походилъ по комнатѣ; потомъ, остановившись, заговорилъ глухимъ, совсѣмъ упавшимъ голосомъ:

— Если ты доволенъ, Иванъ, зачѣмъ же ты сдѣлать меня больнымъ на цѣлый день.

— Слушаю-съ ваше благородіе...

— Дуракъ!.. Вѣдь ты знаешь, что я не выношу безпорядка въ моихъ вещахъ... Да? Знаешь? Я люблю, чтобы у меня всякая вещь на своемъ мѣстѣ лежала... все было чисто, опрятно, прибрано, а тебѣ лѣнь вычистить подсвѣчникъ.

— Я, ваше благ...

— Молчи, болванъ! И еще оправдывается, каналья?!.. въ какомъ-то отчаяніи, заломивъ свои бѣлыя руки, заговорилъ докторъ.—Виновать кругомъ, каналья, и оправдывается!

— Виновать, ваше благородіе!

— Ты не понимаешь, какъ все это дѣйствуетъ на меня: я не выношу безпорядокъ... Я для тебя все готовъ сдѣлать, а ты... Третьяго дня прихожу,—пепельница передвинута, чернильница открыта... Ты Иванъ, кажется рѣшился умирить меня.

— Слуш....

— Убирайся вонъ, дуракъ!..

Послѣ такихъ сценъ докторъ приходилъ въ комнату Луковны, садился на стулъ и начиналъ ей жаловаться съ какой-то дѣтской наивностью:

— Вотъ, маменька, какіе люди бываютъ!.. Да, маменька.

— Зачѣмъ-же вы, Сереженька, такъ огорчаете себя, утѣшала Луковна:—Позвольте я буду убирать вашу комнату, можетъ быть, я съумѣю лучше сдѣлать...

— Ахъ, маменька, маменька... Гдѣ же вамъ?!.. Вы не знаете, а Иванъ все знаетъ: онъ не хочетъ, маменька. Онъ на зло все дѣлаетъ мнѣ, маменька...

Въ Таракановкѣ, какъ въ самомъ глухомъ медвѣжьемъ углѣ, не было мѣста тайнамъ, поэтому скоро по всему заводу стали говорить о странностяхъ доктора самые невѣроятные рассказы и даже дѣлали предположенія, что онъ немного „тово“, „тронулся умомъ“. До Луковны конечно доходили эти слухи черезъ десятыя руки, но она отмалчивалась и только покачивала головой; ее беспокоило больше всего то обстоятельство, что ея Сереженька никогда не молится; разъ она рѣшилась заговорить съ сыномъ объ этомъ щекотливомъ обстоятельствѣ:

— Смотрю я, Сереженька, что вы какъ будто не молитесь...

Обыкновенно Луковна очень осторожно относилась къ сыну

и даже побавлялась его, но, когда рѣчь зашла о его душѣ, она держала себя даже строго.

— Некогда, маменька, уклончиво отвѣчалъ докторъ, улыбаясь своей загадочной улыбкой.

— Вотъ вы, Сереженька, говорите: „некогда“, а я такъ думаю: вамъ некогда, вотъ у васъ нездоровье и привязалось... Помолитесь-бы вы хорошенько, на душѣ спокойнѣе, выпались хорошенько—вотъ и здоровье. Я шестой десятокъ доживаю, а, Богъ хранить, не помню; чтобы когда хворать... Оборони Владычица! Вотъ будетъ воскресенье, Сереженька, какъ бы это даже отлично было, если бы вы въ церковь сходили... а? Помните, какъ маленькимъ были, тогда любили въ церковь-то ходить, ни одной заутрени не пропускали и все бывало на клиросѣ.

— И теперь, маменька, я съ удовольствіемъ всталъ-бы на клиросѣ да вотъ все некогда... Право, маменька, совсѣмъ некогда.

Какъ докторъ ни упирался и какъ ни было ему некогда, Луковна настояла на своемъ, и онъ въ ближайшее воскресенье отправился въ церковь во всемъ блескѣ своего армейскаго мундира и жирныхъ эполетъ; густая толпа народу почтительно разступилась передъ нимъ, онъ всталъ у самага амвона и не пошевельнувшись, простоялъ, какъ вкопанный, цѣлую обѣдню. Послѣ обѣдни ему поднесли просфору, которая замѣтно смутила его; мы съ Меркулычемъ стояли на клиросѣ и лѣзли изъ кожи, чтобы показать свое искусство; но легко себѣ представить наше удивленіе, когда Сереженька выразился о насъ такимъ образомъ: „что это, маменька, за козлы у васъ на клиросѣ поютъ?“ Какъ истинный артистъ, я не могъ простить доктору этого оскорбленія; Меркулычъ былъ тоже возмущенъ до глубины души такимъ отзывомъ и не безъ достоинства преговорилъ:

— Ужъ важничаетъ очень... Идетъ къ вамъ какъ-то по улицѣ, а я смѣюсь Прощѣ: „точно съ молокомъ идетъ, боится рукой шевельнуть“.

Не смотря на это недоразумѣніе, докторъ былъ удостоенъ посѣщеніемъ Меркулыча, Рукнина и Января Якимыча.

Меркулычъ совершалъ свой туалетъ съ особеннымъ тщаніемъ; Рукнинъ одѣтъ былъ въ длиннополый кафтанъ, а Январь Якимычъ въ темнозеленый сюртукъ съ узенькими рукавами и съ широко отложеннымъ воротникомъ. Пуколки на височкахъ были подвиты самымъ тщательнымъ образомъ.

— Ужъ вы предоставьте все мнѣ, господа... все. Я ужъ знаю, какъ съ нимъ вести дѣло, хитро подмигивая однимъ глазомъ, объяснялъ Январь Якимычъ:—Рыбакъ рыбака видитъ издалека... Я бы и не пошелъ, пожалуй, да, знаете, какъ-то пеловко. Подумаетъ еще, кошки его залягай, что мы столичныхъ порядковъ не понимаемъ. Нѣ-ѣтъ, Сергѣй Павлычъ, и мы кое-что видали. Ты Меркулычъ, пожалуйста, не крикай, это не принято, въ хорошемъ обществѣ, а ты, Емельянъ Иванычъ, имѣешь привычку сморкаться при помощи однихъ перстовъ,—это батенька, ужъ совсѣмъ неприлично! Хе-хе?... Относительно разговору вы ужъ надѣйтесь на меня, какъ на каменную стѣну... Мы и сами не лѣвой ногой сморкаемся, кошки его залягай. Да-съ.

Постѣ довольно продолжительнаго совѣщанія депутація торжественно двинулась изъ волости къ избушкѣ Луковны: впереди шелъ Январь Якимычъ, какъ-то особенно семеня ножками, за нимъ въ молчаніи слѣдовали Меркулычъ и Рукнинъ. Сергѣй Павловичъ былъ дома и сдѣлалъ самое недовольное лицо, когда деньщикъ доложилъ ему о желаніи какихъ-то людей непременно видѣть его.

— Скажи имъ, что меня нѣтъ дома, объявилъ Сергѣй Павловичъ.

— Серезенька, голубчикъ, зачѣмъ вы такъ дѣлаете... вступилась Луковна:—вѣдь они хотятъ честь вамъ оказать.

Докторъ нѣсколько минутъ не рѣшался, а потомъ велѣлъ деньщику впустить депутацію, проговоривъ: „Ужъ только для васъ, маменька“....

Когда депутація показалась въ дверяхъ, мы съ Лапой за-

няли наблюдательный постъ въ окнѣ. Январь Якимычъ не безъ ловкости распаркался и проговорилъ:

— Граждане Таракановскаго завода имѣютъ честь поздравить васъ съ прїѣздомъ, Сергѣй Павловичъ...

Меркулычъ и Рукниъ поклонились безмолвно.

— Очень радъ, очень радъ, господа... Садитесь пожалуйста, торопливо заговорилъ докторъ, съ изысканной любезностью подавая Январю Якимычу стулъ:—Я васъ помню, Январь Якимычъ.

— Конечно, мы, маленькіе люди... очень маленькіе, въ прежнемъ торжественномъ тонѣ продолжалъ Январь Якимычъ:— а вѣдь мы чувствуемъ. Да-съ. Нѣкоторымъ образомъ, вы, Сергѣй Павлычъ, составляете нашу гордость. А позвольте узнать-съ, совсѣмъ другимъ тономъ заговорилъ старикъ:—вы въ какомъ заведеніи изволили довершить свое образование?

— Въ Медицинской Академіи.

— Въ Петербургѣ-съ?

— Да.

— Отличный городокъ-съ... Я такъ полагаю, что теперь тамъ этакія разныя чудеса понастроены: всячіе мосты, пирамиды-съ...

Январь Якимычъ держалъ себя молодцомъ и все время не слѣзалъ съ высокаго тона, которымъ хотѣлъ запустить пыли въ глаза; докторъ былъ необыкновенно внимателенъ къ своимъ гостямъ и старался занять ихъ, но Меркулычъ и Рукниъ упорно отмалчивались и только мычали и кланялись, когда докторъ обращался къ нимъ. Рукниъ долго смотрѣлъ на Сергѣя Павлыча умиленными глазками и наконецъ проговорилъ.

— А вѣдь я васъ еще вотъ эконькимъ помню (Рукниъ показалъ отъ полу съ-полъяршина), когда еще, можно сказать, вы безъ штановъ по улицѣ бѣгали... Гмъ!..

Этотъ визитъ продолжился около часу. Докторъ былъ вѣжливъ, внимателенъ, постоянно улыбался и постоянно повторялъ: „да, да... да?“ Январь Якимычъ разошелся совсѣмъ и на прощаньи таинственно сообщилъ доктору:

— Когда вы поѣдете отсюда, Сергѣй Павлычъ, можетъ быть, дорогой... могутъ на васъ сдѣлать нападеніе злоумышленники. Я вамъ дамъ маленькій совѣтъ: какъ только злоумышленники приблизятся къ вашему экипажу, вы выньте табакерку, (Январь Акимычъ досталъ изъ кармана серебряную табакерку, открылъ ее и захватилъ двумя пальцами щепоть табаку) и вотъ такимъ образомъ прямо въ глаза-съ... табаконъ-съ. Самое вѣрное средство-съ! Лучше всякаго револьвера.

— Благодарю васъ, только я совсѣмъ не нюхаю и, къ сожалѣнію, не могу воспользоваться вашимъ совѣтомъ, отвѣчать докторъ.

— Жаль, очень жаль. Я въ бумажку отсыплю вамъ табачку, Сергѣй Павлычъ, а вы имъ въ глаза, кошки ихъ залягай!

— Нѣтъ благодарю васъ.

— Не желаете? Такъ я вашему камердинеру передамъ...

Этотъ знаменитый „визитъ къ доктору“ надѣлалъ много шуму въ Таракановкѣ; главнымъ его героемъ былъ конечно Январь Акимычъ, который доказалъ всѣмъ, что и „мы не лѣвой ногой сморкаемся“. Обратной стороной этого визита былъ неожиданный отъѣздъ доктора. Случилось это такимъ образомъ. Кинтильянъ съ пріѣздомъ доктора былъ скрытъ Луковной въ банѣ и по причинѣ сильнѣйшаго виннаго запаха, котораго докторъ не переносилъ, совсѣмъ не являлся на глаза братцу; визитъ Января Акимыча, Меркулыча и Рукина задѣлъ Кинтильяна за живое и поэтому, въ одно прекрасное утро, когда Луковна совсѣмъ забыла о своемъ блудномъ сынѣ, онъ появился въ дверяхъ комнаты Сергѣя Павлыча и молча вытянулся во весь свой богатырскій ростъ у косяка. Для храбрости Кинтильянъ „дернулъ пѣннаго“ и посмотрѣлъ на доктора осоловѣлыми глупыми глазами, Луковны не было, деньщикъ Иванъ былъ куда-то посланъ, Сергѣй Павлычъ со страхомъ посмотрѣлъ на безмолвно стоявшаго верзилу и проговорилъ:

— Вамъ... вамъ кого нужно?

устов. № 8, отд. 1.

Кинтильянъ слегка покачнулся, посмотрѣлъ на доктора мутными глазами и, сдѣлавъ два шага впередъ, проговорилъ:

— Здравствуйте, братецъ...

Въ этотъ критическій моментъ въ дверяхъ показалась Луковна. Докторъ, показывая пальцемъ на Кинтильяна, глухо проговорилъ:

— Маменька, онъ убьетъ меня...

Луковна въ шею выпроводила Кинтильяна, но докторъ такъ былъ встревоженъ посѣщеніемъ брата, что никакъ не могъ успокоиться цѣлый день, не спалъ всю ночь, а на утро деньщикъ Иванъ уложилъ вещи доктора въ экипажъ, и докторъ уѣхалъ. Луковна долго стояла за воротами, провожая глазами удаляющуюся повозку и утирая концемъ передника слезившіеся глаза; она была убита и огорчена до послѣдней степени, но не за себя лично, а за своего ненагляднаго Сереженьку, котораго „не грѣло красное солнышко и не кормилъ хлѣбъ-батюшко“. О себѣ, о своемъ личномъ счастьи, старуха не думала и теперь, какъ не думала объ этомъ цѣлую жизнь.

Луковна и Лана остались въ своей избушкѣ, и объ вздохнули свободнѣе, точно гора съ плечъ свалилась. Докторъ при отъѣздѣ говорилъ, что отслужить свой срокъ военнымъ врачомъ, поступитъ куда-нибудь на службу въ городъ и тогда возьметъ къ себѣ мать и сестру; Луковнѣ онъ оставилъ сколько-то денегъ и далъ слово высылать ежемѣсячно небольшую сумму. На другой же день послѣ отъѣзда доктора Кинтильянъ и Меркулычъ заняли свои коморки, и колесо нашей жизни тихо завертѣлось своимъ обычнымъ ходомъ; вечеромъ опять мы собирались за самоваромъ въ избушкѣ Луковны и по долгу толковали о разныхъ разностяхъ.

— Хотѣлъ я Сергѣю Павлычу одно мѣстечко показать, гдѣ утятъ хоть руками бери, говорилъ Меркулычъ, попыхивая папироской и сильно встряхивая своими напомаженными волосами.—Отличное мѣсто.

— Ужъ какіе ему утята! махнувъ рукой, говорила Луковна:—ему жаренаго-то утенка не поймать на тарелкѣ.

— Отчего онъ такой сдѣлался! спрашивать Меркулычъ.

— Отъ ученья, батюшка, все отъ ученья, отвѣчала совершенно чистосердечно Луковна:—я какъ-то насмѣлилась и спросила его объ этомъ, а онъ мнѣ и говорить: „трудно, маменька, учиться было...“ — Что же говорю, учителя, говорю, строгіе были?—„А вотъ, говорить, маменька, бывало такъ: принесутъ покойника, учитель придетъ, возьметъ ножъ и давай его пла-
стать, а ты стопши и смотришь. А какъ, говорить, учитель-то разсердится, маменька, да ножомъ?“ Вотъ отъ страху сердце-
то видно издрожало, онъ теперь и скудается здоровьемъ...
Вышелъ какъ-то на полянку утромъ, прилегъ на травку, гдѣ маленькимъ еще валялся, погрѣлся на солнышкѣ, а потомъ печально-такое говорить: „Нѣтъ, маменька, видно и солнце ужъ не грѣетъ меня...“ Онъ, вѣдь, всегда такъ мудрено го-
ворить, что не скоро его поймешь: такой ужъ мудреый вы-
шелъ.

Этотъ „мудреный“ докторъ нѣсколько поохладилъ мои мечты непремѣнно быть докторомъ, а рассказъ Луковны объ учителѣ съ ножомъ повергъ меня даже въ уныніе, пока отецъ не убѣдилъ меня, что все это пустяки, и что Сергѣй Павлычъ просто пошутилъ надъ матерью. Вообще докторъ не оправдалъ тѣхъ ожиданій, какими мы всѣ жили въ первую минуту его приѣзда; розовое барежевое платье Нади опять было спрятано въ ящикъ, значить, была не судьба исполнить ему предназна-
ченную роль.

Д. Сибирякъ.

(Продолженіе будетъ)

Фабричный бытъ Германіи въ связи съ современными фабричными строемъ въ Россіи¹⁾.

I.

Какъ извѣстно, еще прусскій законъ 16 мая 1853 года установилъ право назначать особыхъ должностныхъ лицъ для надзора за фабриками и заводами, но, собственно говоря, правомъ этимъ стали въ Германіи пользоваться только съ 1874 года. Отчетовъ за этотъ промежутокъ времени, насколько намъ извѣстно, не существуетъ, но, впрочемъ, этотъ пробѣлъ для насъ въ данномъ случаѣ и не имѣетъ большаго значенія. Въ своемъ настоящемъ видѣ фабричный инспекторатъ для всей Германской имперіи былъ учрежденъ закономъ 17 іюля 1878 года. Согласно инструкціи, изданной министромъ торговли и промышленности (*Dienstanweisung für die Gewerberäthe*), инспекторъ долженъ наблюдать за своевременнымъ исполненіемъ фабричныхъ законовъ; кромѣ того, онъ обязанъ давать въ случаѣ надобности совѣты и являться посредникомъ между работодателями и рабочими. Инспектору предписывается, слѣдя за неуклоннымъ исполненіемъ закона, въ тоже время дѣйствовать съ полнымъ безпристрастіемъ и величайшимъ тактомъ, отнюдь не раздражая ни той, ни другой стороны. Самъ по себѣ инспекторъ

¹⁾ Материаломъ для предлагаемой статьи послужили отчеты фабричныхъ инспекторовъ, ежегодно представляемые по всѣмъ союзнымъ государствамъ Германіи министру торговли и промышленности. (*Jahres-Berichte der Fabrik-inspectoren für 1876, 1877, 1878 гг. Veröffentlicht auf Anordnung des Ministers für Handel, Gewerbe und öffentliche Arbeiten, Berlin. Fr. Kortkamp*).

не имѣть права издавать никакихъ административныхъ распоряженій; но полиція съ своей стороны обязана оказывать ему всевозможное содѣйствіе и т. д. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что какъ промышл. уст. 1869 г., такъ и инструкция для фабричныхъ инспекторовъ, далеко не отличаются той ясностью и категоричностью, которыя составляютъ отличительную черту англійскихъ фабричныхъ законоположеній.

Цѣль и назначеніе новыхъ должностныхъ лицъ, какъ можно заключить изъ большинства отчетовъ 1876 года, были далеко не для всѣхъ фабрикантовъ достаточно ясны. Иные фабриканты на первыхъ порахъ принимали инспектора то за агента социаль-демократіи, то за какого-то авантюриста, то заподозривали, что миссія его есть ничто иное, какъ намѣреніе правительства усилить налоги на фабрики, или желаніе частнаго конкурента вывѣдать секреты производства и т. д. Что касается самихъ рабочихъ, то, по словамъ инспектора Рюдигера (1876 г.), они обнаруживали полный индифферентизмъ къ назначенію новыхъ правительственныхъ чиновниковъ, вовсе не подозрѣвая, какъ выяснилось изъ разговоровъ съ ними, что государственный надзоръ за фабриками имѣеть въ виду охрану интересовъ рабочихъ, а вовсе не стѣсненіе ихъ правъ.

Однако, мало по малу между фабрикантами и фабричной инспекціей установилась вполне мирная отношенія. Судя по отчетамъ 1877—78 гг. работодатели и сами рабочіе вполне оцѣнили плодотворную дѣятельность инспекціи и стали серьезнѣе относиться къ задачѣ, возложенной на нее правительствомъ. Впрочемъ, нѣкоторые фабриканты уже съ самаго начала возлагали большія надежды на фабричную инспекцію, рассчитывая, что она болѣе серьезно и безпристрастно станетъ оцѣнивать особенности условій фабричнаго производства, слѣдя за равномернымъ и справедливымъ для всѣхъ исполненіемъ различныхъ требованій закона. Между тѣмъ въ прежнее время встрѣчались нерѣдко злоупотребленія и поблажки въ пользу однихъ фабрикантовъ и въ ущербъ другимъ, что объяснялось личнымъ произволомъ мѣстной администраціи, дѣйствовавшей не по инструкціи, а какъ ей заблагорассудится.

Что касается отношеній мѣстной администраціи къ требованіямъ фабричной инспекціи, то почти во всѣхъ отчетахъ, даже, хотя значительно рѣже, въ отчетѣ 1878 года, когда сами фабриканты привыкли уже къ повинновенію и строгому соблюденію предписаній, слышатся повсемѣстные жалобы инспекторовъ на то, что мѣстная администрація вообще крайне мало вниманія обращаетъ на различные пункты и параграфы закона 1869 года. Такое парадоксальное явленіе, что исполнители закона являлись въ данномъ случаѣ главными противозаконниками, обнаруживъ полное равнодушіе къ дѣлу фабричной инспекціи, объясняется преимущественно тѣмъ, что, какъ выше было упомянуто, германское фабричное законодательство далеко не такъ полно и отчетливо, какъ англійское, да при томъ и мѣстныя полицейскія власти не успѣли еще вполне освоиться съ новыми для нихъ условіями служебныхъ отношеній. Такъ, въ прусской провинціи инспекторъ Заккъ (1876 г.) почти повсемѣстно встрѣтилъ полное пренебреженіе къ закону со стороны мѣстныхъ полицейскихъ чиновниковъ. Не рѣдко инспекторъ получалъ оффиціальное извѣщеніе о томъ, что на мѣстныхъ фабрикахъ малолѣтнихъ рабочихъ не пѣтается, тогда какъ, при личныхъ справкахъ на мѣстѣ, оказывалось противное. Контроль за правильнымъ веденіемъ рабочихъ книгъ и т. п. производился крайне неаккуратно.

Точно также и другой фабричный инспекторъ, Рюдигеръ, съ своей стороны констатируетъ полное незнакомство мѣстныхъ властей съ постановленіями закона о работѣ малолѣтнихъ, исключая развѣ большихъ городовъ, гдѣ полицейскіе комиссары, производя ежегодныя ревизіи, хоть чѣмъ-нибудь обнаружили свою дѣятельность.

Въ маленькихъ городахъ фабриканты, по своему общественному положенію, оказываютъ, по словамъ Рюдигера, извѣстное давленіе на мѣстныхъ полицейскихъ агентовъ, такъ что это служитъ часто поводомъ къ нарушенію стѣснительныхъ правилъ. Предписанія и приказы высшихъ инстанцій далеко не всегда оказывали надлежащее дѣйствіе. При томъ очень часто небрежное соблюденіе закона зависѣло отъ того, что, напримѣръ, самое понятіе «малолѣтній» было не для всѣхъ низшихъ полицейскихъ агентовъ достаточно ясно. Такъ, инспектору не разъ приходилось получать такого рода оффиціальныя заявленія: «у г. N малолѣт-

нихъ не оказалось, и всѣ рабочіе подтверждены. Предполагая, что законъ имѣетъ въ виду лишь исправное посѣщеніе школы, они думали, какъ выражается инспекторъ Закъ, что подтверждающіеся въ 14 лѣтъ выросли уже изъ-подъ полицейскаго контроля.

II.

Для наблюденія за исполненіемъ предписаній относительно работы малолѣтнихъ, въ законѣ 1869 года указаны слѣдующія крайне недостаточныя средства: 1) Донесенія полицейскихъ агентовъ; 2) рабочія книжки; 3) списки несовершеннолѣтнихъ рабочихъ, вывѣшываемые по закону на фабрикахъ; 4) полугодовые отчеты мѣстной полиціи о числѣ рабочихъ въ каждомъ районѣ.

Во время перваго объѣзда по округу, инспекторъ Закъ нашелъ, что только на 4-хъ фабрикахъ исполнялись съ грѣхомъ пополамъ тѣ формальности, соблюденіе которыхъ требуется по закону для допущенія дѣтей къ работѣ на фабрикахъ. На мѣстныхъ стеклянныхъ заводахъ, напр., обычнымъ явленіемъ было вопреки § 128¹⁾, принимать дѣтей моложе 10 лѣтъ и притомъ даже для ночной работы. Этотъ обычай на столько глубоко укоренился, что никто не видѣлъ въ немъ ровно ничего предосудительнаго, такъ

¹⁾ Упомянутый параграфъ Пром. Устава 1869 года предписываетъ: 1) Дѣти до 12 лѣтъ на фабрикахъ не могутъ употребляться для правильныхъ занятій. 2) Дѣти до 14 лѣтъ работаютъ на фабрикахъ только тогда, когда они учатся ежедневно по меньшей мѣрѣ 3 часа въ школѣ, одобренной высшей администраціей. Работа ихъ на фабрикѣ не должно превышать 6 часовъ въ сутки. 3) Молодые люди отъ 14 до 16 лѣтъ не могутъ работать на фабрикѣ болѣе 10 часовъ въ сутки. 5) Для этихъ молодыхъ рабочихъ дозволено высшимъ органомъ власти время работы можетъ быть ограничено 6-ю часами въ случаѣ, если они, по существующимъ школьнымъ постановленіямъ отдѣльныхъ областей союза, находятся еще въ возрастѣ, подлежащемъ школьному обученію.

Относительно дальнѣйшихъ параграфовъ о работѣ малолѣтнихъ см. Труды комиссіи для осмотра фабрикъ и заводовъ въ г. Москвѣ. Вып. II, стр. 10 и слѣд. Москва. 1881 года.

что даже полицейскіе чиновники, которымъ ввѣрено было наблюдѣніе за исполненіемъ этого закона, едва ли и подозрѣвали о существованіи особыхъ постановленій въ этомъ отношеніи. То же самое замѣчалось и относительно втораго пункта § 128, и при томъ въ нарушеніи этого правила принимали участіе не только стеклянные заводы, но и нѣкоторыя другія фабричныя заведенія, хотя на стеклянныхъ заводахъ это проявлялось тѣмъ рѣзче, что на нихъ работало множество дѣтей отъ 12 до 14 лѣтъ. Всѣ отчеты 1876—1878 гг., единогласно констатируя прогрессивное уменьшеніе числа малолѣтнихъ рабочихъ на фабрикахъ, объясняютъ это главнымъ образомъ тѣмъ, что условія фабричной работы очень трудно совмѣстимы съ полученіемъ школьнаго образованія, требуемаго закономъ, а равно и тѣмъ, что надзоръ за исполненіемъ закона 1869 года становился изъ года въ годъ все строже и систематичнѣе.

Инспекторъ Штюльпнагель, основываясь на своихъ наблюденіяхъ, пришелъ къ несомнѣнному заключенію, что работа малолѣтнихъ, моложе 14 лѣтъ, отнюдь не составляетъ необходимаго условія для успѣховъ промышленности, кромѣ, развѣ, нѣкоторыхъ очень немногихъ производствъ. Далѣе онъ неоднократно повторяетъ, что степень физическаго развитія рабочаго, въ предѣлахъ опредѣленнаго закономъ возраста, бываетъ очень различна, а потому принятію ребенка на фабрику необходимо должно предшествовать врачебное изслѣдованіе, съ цѣлю удостовѣренія достаточной степени умственнаго и физическаго развитія ребенка.

Работа, возлагаемая на фабрикахъ на малолѣтнихъ рабочихъ не вездѣ бываетъ одинаково тяжела, а потому, въ цѣляхъ дѣйствительной ихъ охраны отъ непосильной работы, крайне необходимы болѣе точныя указанія, которыхъ не имѣется однако въ Пром. Уст. 1869 г. Кромѣ того, упомянутый инспекторъ настояваетъ на расширеніи предѣльнаго возраста, въ которомъ рабочій перестаетъ служить предметомъ особой заботливости со стороны законодательства; съ 16 лѣтъ до 18 л., такъ какъ только въ этомъ возрастѣ человѣческій организмъ становится болѣе стойкимъ, и рабочій приобретаетъ большую самостоятельность въ экономическомъ отношеніи.

По наблюденьямъ Рюдигера (Франкфуртъ, 1876 г.), незначительное примѣненіе дѣтскаго труда особенно рѣзко обнаруживалось на большихъ прядильно-ткацкихъ фабрикахъ, такъ что на 100—150 взрослыхъ рабочихъ приходилось всего лишь 2—3 малолѣтнихъ. Вообще, въ этомъ округѣ число малолѣтнихъ рабочихъ обоюга пола, отъ 12—16 лѣтъ, составляло около 8% всѣхъ рабочихъ, причемъ для отдѣльныхъ крупныхъ промышленныхъ центровъ это процентное отношеніе падаетъ значительно ниже средняго, хотя слѣдовало бы ожидать наоборотъ. Этотъ фактъ, по мнѣнію Рюдигера, объясняется условіями фабричнаго производства, а именно: 1) работа взрослыхъ мужчинъ или женщинъ, по мнѣнію фабрикантовъ, отличается большею тщательностью и постоянствомъ; 2) для взрослыхъ рабочихъ удобопримѣнима система сдѣльной работы; 3) возрастаніе выработки взрослога рабочаго далеко не соотвѣтствуетъ той разницѣ, какая существуетъ между заработной платой взрослога и малолѣтняго рабочаго, такъ что взрослый рабочій при сравнительно ничтожной разницѣ выработываетъ значительно больше, а слѣдовательно обходится фабриканту дешевле; 4) работа малолѣтнихъ сопряжена съ множествомъ хлопотъ и обязанностей, возлагаемыхъ закономъ на фабрикантовъ.

Достоинно вниманія, что незначительное участіе дѣтей моложе 14 лѣтъ Рюдигеръ объясняетъ существованіемъ на такихъ фабрикахъ 6-ти часовыхъ сменъ, такъ какъ фабриканты, допуская малолѣтнихъ для работы на фабрикахъ, ни въ какомъ случаѣ не желаютъ дѣлать для нихъ исключеній сравнительно съ взрослыми рабочими¹⁾.

Одинъ изъ пунктовъ § 128 (работа подростковъ не должна превышать 10 часовъ въ сутки, включая и отдыхъ), по словамъ вышеупомянутаго инспектора, особенно часто служилъ поводомъ

¹⁾ Фактъ этотъ достоинъ вниманія въ томъ отношеніи, что работа малолѣтнихъ на нашихъ русскихъ бумагопрядильныхъ фабрикахъ составляетъ одно изъ самыхъ крупныхъ санитарныхъ золъ, тогда какъ другое, не менѣе крупное, зло, именно ночная работа вообще, какъ взрослыхъ, такъ и малолѣтнихъ, не находитъ себѣ сочувствія ни въ средѣ фабрикантовъ, ни въ средѣ самихъ рабочихъ, насколько можно заключить объ этомъ на основаніи извѣстныхъ уже наблюденій, при изслѣдованіи фабричныхъ заведеній Московской губ.

къ упорному сопротивленію со стороны фабрикантовъ, какъ въ большихъ городахъ, такъ и въ мѣстечкахъ. Они единогласно заявляли инспекторамъ, что скорѣе предпочтутъ вовсе не принимать къ себѣ на фабрики подростковъ, чѣмъ измѣнять издавна установившуюся продолжительность рабочаго дня въ 13—14 часовъ вмѣстѣ съ отдыхомъ.

Гертель, инспекторъ Помераніи, между прочимъ рассказываетъ о различныхъ попыткахъ фабрикантовъ, по всѣмъ отраслямъ промышленности, такъ или иначе обмануть бдительное око блюстителей закона. Эти попытки и различныя ухищренія бывають иногда очень забавны. Извѣстіе о прибытіи фабричнаго инспектора не требуетъ вообще большаго времени для того, чтобы быстро распространиться по всей фабрикѣ, а потому фабричный персоналъ сразу принимаетъ извѣстныя мѣры предосторожности. Одинъ изъ любимѣйшихъ маневровъ состоялъ въ томъ, что фабриканты припрятавали дѣтей, работающихъ на фабрикѣ, не обнаруживая при этомъ особенной разборчивости въ выборѣ средствъ. Такъ, напр., иногда они прикалываютъ ребенку, взявъ въ руки какую-нибудь корзинку, уходить прочь съ фабрики, какъ будто бы онъ принесъ только провизію своимъ родителямъ и теперь, исполнивши порученіе, спѣшить возвратиться къ себѣ домой. «Однако, благодаря Бога», заключаетъ Гертель: «дѣти въ этомъ возрастѣ не успѣли еще настолько окрѣпнуть во лжи, чтобы нельзя было добиться отъ нихъ истины при помощи нѣсколькихъ напрямкь поставленныхъ вопросовъ». Далѣе Гертель, въ томъ же отчетѣ, указываетъ на то, что законъ 1869 года недостаточно охраняетъ рабочихъ въ нравственномъ и санитарномъ отношеніи; постановленія его формулированы слишкомъ въ общихъ выраженіяхъ, а потому настоятельно необходима выработка болѣе специальныхъ предписаній относительно нѣкоторыхъ видовъ фабричной работы вообще и отдѣльныхъ отраслей промышленности, а равно и способовъ производства. Для допущенія ребенка на фабрику, по его мнѣнію, необходимо требовать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ медицинское свидѣтельство о годности ребенка для той, или другой работы и объ ея безвредности для него, такъ какъ сами рабочіе не обладаютъ достаточной интеллигентностью, чтобы знать, какія занятія вредны для дѣтей, и какія могутъ быть отъ этого послѣдствія, а притомъ рабочій классъ въ Германіи, по словамъ инспектора, помѣ

дѣлать болѣе объ увеличеніи заработка, чѣмъ о всѣхъ другихъ соображеніяхъ.

Подобно всѣмъ другимъ требованіямъ закона, забота о школьномъ обученіи малолѣтнихъ рабочихъ находилась въ полнѣйшемъ забвеніи. Особенное затрудненіе представлялъ надзоръ за исправнымъ посѣщеніемъ школы дѣтьми, работающими на фабрикахъ. На одной фабрикѣ, напримѣръ, изъ 12 дѣтей, имѣвшихъ свидѣтельство объ обязательномъ посѣщеніи школы, семеро не могли свободно читать печатное, несмотря на то, что имъ были выданы въ удостовѣреніе посѣщенія пмп школы, такъ называемыя рабочія книжки, согласно § 131 Пром. Уст. 1869 г. Притомъ процентъ недостаточно подготовленныхъ дѣтей долженъ быть значительно больше, чѣмъ объ этомъ можно заключить по запискамъ въ рабочихъ книжкахъ. Въ всякаго сомнѣнія, дѣти, занимающія исключительно фабричною работою, забываютъ даже то, что знали прежде, и съ теченіемъ времени снова становятся безграмотными¹⁾.

Законъ объ исправномъ посѣщеніи школы рабочими, въ возрастѣ 12—14 лѣтъ, въ теченіи, по крайней мѣрѣ, 3 часовъ въ день, сталъ строже соблюдаться начиная только съ 1877 г. Впрочемъ, инспекторъ Штюльпнагель доказываетъ, что школьное обученіе несовмѣстимо съ фабричною работою, въ особенности, если послѣдняя можетъ быть произвольно распредѣляема въ теченіи значительнаго промежутка времени, отъ 5¹/₂ часовъ утра до 8 часовъ вечера, такъ что для фабриканта, слѣдовательно, не обязательно тѣ или другіе часы, въ которые дѣти, работающія на фабрикѣ, должны посѣщать школу. Притомъ ребенокъ, проработавъ 6 часовъ на фабрикѣ и проведя 3 часа въ школѣ, потра-

¹⁾ Тоже самое наблюдается и на нашихъ русскихъ фабрикахъ; но слышавъ очень многихъ фабрикантовъ и директоровъ на тѣхъ фабрикахъ, гдѣ въ видѣ исключенія изъ общаго правила, устроена фабричная школа, дѣти, поступивъ на фабрику, очень скоро забываютъ все, чему ихъ прежде учили въ школѣ. Точно также, на вопросъ, предлагаемый рабочимъ при измѣреніи роста и обхвата груди, во время санитарнаго изслѣдованія фабричныхъ въведеній московской губерніи, грамотея ли рабочій, или нѣтъ, сплошь да рядомъ приходится выслушивать такой отвѣтъ: «Кто е знаетъ... Когда-то умѣлъ, и могъ читать и писать, а теперь, поди, все позабылъ; и печатнаго не прочту...»

тивъ кромѣ того около 3 часовъ на одну ходьбу на фабрику, съ фабрики въ школу, изъ школы опять на фабрику и т. д., не можетъ оказать большой услуги успѣхамъ фабричнаго производства. Еще менѣе полезно такое совмѣщеніе для школьнаго обученія, утомляя ребенка несравненно болѣе, чѣмъ утомляется малолѣтній, работающій дольше на фабрикѣ, но не обязанный къ вынужденному посѣщенію школы.

Работа дѣтей въ возрастѣ 12 — 14 лѣтъ, какъ извѣстно, не должна по закону 1869 года превышать 6 часовъ въ сутки, включая сюда и 2 часа отдыха. Однако при этомъ не указано, въ какое время дня, до обѣда, или послѣ, должны приходиться эти 6 часовъ, что подастъ поводъ ко многимъ злоупотребленіямъ, которыя трудно бываетъ обнаружить. При томъ эта норма трудно совмѣстима съ 10-часовой продолжительностью рабочаго дня, такъ какъ ребенокъ не можетъ въ любое время дня приняться за фабричную работу, или прекратить ее, а долженъ работать или только половину рабочаго дня, или же, какъ всѣ подростки, полныхъ 10 часовъ, причемъ это послѣднее случается часто по желанію самихъ родителей, желающихъ заработать лишнюю копѣйку. Злоупотребленіе это могло быть обнаружено только въ исключительныхъ случаяхъ, когда, напримѣръ, заявленіе объ этомъ дѣлалось съ досады на фабриканта и т. п. Далѣе, на берлинскихъ фабрикахъ приходилось наблюдать, что малолѣтніе рабочіе часто не пользовались перерывами работы, предписанными въ законѣ, по получасу до обѣда и 1 часъ въ полдень. Перерывы эти или сами по себѣ сокращались, или же не бывало перерыва для завтрака и ужина, причемъ уменьшалось и общее ежедневное число рабочихъ часовъ. Такъ, на многихъ фабрикахъ работа начиналась вмѣсто 7 часовъ утра получасомъ или часомъ позднѣе, или же вмѣсто 7 часовъ вечера оканчивалась въ 5 часовъ, такъ что рабочій день продолжался менѣе 10 часовъ, сокращаясь часто до 7 часовъ. Такая система убавокъ возникла вслѣдствіе того, что дѣти, живущіе далеко отъ фабрики, не успѣвали даже въ часъ дойти до дому, чтобы какъ слѣдуетъ поѣсть, посылать же имъ пищу на фабрику еще менѣе было удобно, а потому они въ большинствѣ случаевъ довольствовались принесеннымъ изъ дому бутербродомъ, иногда разогрѣвая при этомъ на фабрикѣ холодный кофе, или же покупали съѣстные припасы въ ближайшей закуской лавкѣ,

съѣдая ихъ во время самой работы, иногда съобща съ другими рабочими. Такая система, понятно, не могла не отзываться крайне неблагоприятно на здоровьѣ рабочихъ, въ особенности малолѣтнихъ работниковъ. Между тѣмъ фабриканту такое сокращеніе рабочаго времени приносило громадныя выгоды, благодаря сбереженію паровой силы, топлива и освѣщенія фабрики. При обоюдной выгодѣ обомъ заинтересованныхъ сторонъ, крайне трудно было, разумѣется, бороться успѣшно съ такой формой нарушенія упомянутаго требованія закона. Въ такихъ случаяхъ, очевидно, не можетъ быть другаго исхода, какъ въ каждомъ данномъ случаѣ непосредственно удлинять установленныя въ законѣ перерывы рабочаго времени.

По словамъ инспектора Гертеля, работа женщинъ въ округѣ, въѣренномъ его надзору, была въ 1876 году мало распространена, проявляясь въ болѣе значительныхъ размѣрахъ только по нѣкоторымъ отдѣльнымъ отраслямъ промышленности (обработка волокнистыхъ веществъ, спичечное и писчебумажное производство). Упомянутый инспекторъ положительно настаиваетъ на томъ, что необходимо требовать законодательнымъ путемъ устраненія совмѣстной работы обомъ половъ на фабрикахъ и безусловнаго запрещенія ночной работы женщинъ. Женщины, особенно замужнія, вовсе не должны быть допускаемы для нѣкоторыхъ вредныхъ здоровью занятій, и кромѣ того для нихъ вообще должно быть ограничено рабочее время. Забота о семьѣ и домашнемъ хозяйствѣ, по мнѣнію Гертеля, отнюдь не должна терпѣть ущерба отъ фабричной работы, ибо вредъ, возникающій отъ пренебреженія основами семейной жизни и отъ безпорядочнаго веденія хозяйства, несравненно важнѣе, чѣмъ тѣ ничтожныя гроши, которые приносятъ съ собою большая продолжительность рабочаго дня. Къ сожалѣнію, только на немногихъ фабрикахъ инспектору встрѣчался обычай давать женщинамъ, на которыхъ лежитъ забота о семьѣ и домашнемъ хозяйствѣ, возможность къ исполненію этихъ священныхъ обязанностей, именно — съ этою цѣлью былъ установленъ перерывъ работы на 3 часа. Судя по отчету 1876 года, только на одной фабрикахъ су-

ществовали особыя правила относительно рабочаго времени и распределенія занятій беременныхъ работницъ.

Англійское фабричное законодательство, замѣтимъ мы отъ себя, обращаетъ несравненно большее вниманіе на фабричную работу женщинъ, чѣмъ германскій уставъ 1869 года, неудовлетворяющій, повторяемъ, ни требованіямъ практической жизни, ни требованіямъ промышленной гигиены¹⁾. Въ виду этого, мы не заимствуемъ изъ отчетовъ германскихъ фабричныхъ инспекторовъ всѣхъ данныхъ по этому, въ высшей степени однако, интересному вопросу; учтись намъ въ этомъ отношеніи у пѣмцевъ нечему, а научно-жизненныхъ парадоксовъ у насъ самихъ непочатыи край.

III

Вопросу объ охраненіи жизни и здоровья рабочихъ германскіе фабричныя инспекторы посвящали особенное вниманіе за все время своей дѣятельности. Дѣйствительно, самое видное мѣсто въ отчетахъ инспекторовъ 1876—1878 гг. занимаетъ всестороннее обсужденіе различныхъ мѣръ и техническихъ приспособленій, которыми можно было бы предупредить, или, по крайней мѣрѣ, ослабить опасности и катастрофы, такъ часто случающіяся на фабрикахъ вслѣдствіе самыхъ разнообразныхъ причинъ. Всѣ отчеты изобилуютъ описаніями, рисунками и чертежами различныхъ предохранительныхъ приспособленій для огражденія опасныхъ машинъ, какъ напр. для различнаго рода пилъ, зубчатыхъ колесъ, для перелоа приводныхъ ремней на такъ называемый «холостой», нерабо-

¹⁾ А между тѣмъ затрудненія, которыя встрѣтилъ германскій фабричный уставъ въ своемъ примѣненіи къ жизни, дали поводъ меньшинству членовъ комиссіи 1875 г. въ Петербургѣ, утверждать, что даже (!?) въ Германіи новый фабричный уставъ оказался неприменимымъ на практикѣ. Особое мнѣніе этого меньшинства (см. рефератъ М. А. Саблина въ Москов. Юрид. Обществѣ зимою 1881 г.), которое состояло изъ извѣстѣйшихъ въ Москвѣ фабрикантовъ, подробно, въ 13 пунктахъ, предостерегало правительство отъ неосторожнаго и поспѣшнаго принятія проекта пересмотра русскаго фабричнаго устава 1836 г., въ той формѣ, въ какой проектъ этотъ былъ предложенъ большинствомъ членовъ вѣтербургской комиссіи 1875 г.

тающій шкивъ и пр. и пр. Вообще, нельзя не замѣтить, что многія изъ патентованныхъ приспособленій очень остроумны, и практическая выгода введенія ихъ бросается въ глаза при первомъ взглядѣ на рисунокъ или чертежъ. Можно смѣло сказать, что хотя промышленная гигиена и прикладная техника даже на Западѣ существуютъ лишь очень недавнее время, но и теперь они принесли чрезвычайно много плодотворныхъ результатовъ, спасительное значеніе которыхъ не подвержено ни малѣйшему сомнѣнію. Мало того, даже мы, русскіе, при всей своей косности и полномъ отсутствіи всякихъ стимуловъ для изощренія собственной самодѣятельности въ этомъ направленіи, уже въ настоящее время пользуемся плодами суроваго англійскаго фабричнаго законодательства, такъ какъ многія машины, получаемыя нашими фабрикантами изъ Англій, бывають иногда снабжены всѣми необходимыми огражденіями.

Какъ извѣстно, по закону 1-го іюня 1871 г. (Haftpflichtgesetz) за смерть, или увѣчье рабочихъ отвѣчаютъ владѣльцы желѣзныхъ дорогъ, рудниковъ, каменоломенъ, коней и фабрикъ, причемъ въ четырехъ послѣднихъ случаяхъ отвѣтственность по закону полагается только въ случаѣ такихъ несчастій, которыя произошли по винѣ завѣдующихъ работами. Отчеты германскихъ фабричныхъ инспекторовъ переполнены жалобами и доказательствами, которыя сводятся вообще къ единогласному заключенію, что законъ 1871 года крайне недостаточно ограждаетъ рабочихъ отъ смерти или увѣчья, и что страховыя общества, возникшія въ Германіи, благодаря этому закону, имѣють въ виду исключительно лишь интересы предпринимателей, но сами рабочіе ровно ничего не выигрываютъ. Въ виду серьезнаго значенія этого вопроса мы считаемъ полезнымъ дополнить это заявленіе нѣкоторыми современными данными о судьбѣ новаго бисмарковскаго законопроекта страхования рабочихъ, согласно которому обязанность вознаграждать семью убитаго, или самого изувѣченнаго рабочаго государство взяло на себя, сохранивъ за собою право взыскать съ фабриканта соответственную сумму денегъ. Инициатива этого закона, какъ говорятъ, принадлежитъ вовсе не князю Бисмарку, а самому рейхстагу¹⁾. Первую мысль о немъ подалъ депутатъ Штуммъ, богатѣйшій

¹⁾ «Порядокъ» 1881 года, № 164. — Корреспонденціи изъ Берлина.

фабрикантъ, владѣлецъ огромныхъ заводовъ въ окрестностяхъ Саарбрюкена. Князь Бисмаркъ только воспользовался этой идеей для своихъ дипломатическихъ партійныхъ цѣлей и притомъ привнесъ ее съ такой ловкостью, что сами инициаторы повѣрили, будто онъ первый задумалъ облагодѣтельствовать рабочихъ обязательнымъ страхованіемъ ихъ отъ увѣчій, тогда какъ въ дѣйствительности ему принадлежитъ только мысль сосредоточить все это дѣло въ рукахъ имперскаго правительства. Политическая тенденція совершенно отодвинула соображенія экономическія, а равно, замѣтнымъ мы отъ себя, и основныя требованія промышленной гигиены и фабричнаго законодательства. Противъ самаго закона собственно и не ратовали, и возраженія касались лишь отдѣльных постановленій, да и эти возраженія вносѣдствіи сосредоточились почти исключительно на соображеніяхъ политическаго свойства. Тотъ же самый депутатъ Штуммъ, который въ 1878 году предложилъ законъ объ обязательномъ страхованіи, внесъ теперь предложеніе о томъ, чтобы уплата всей преміи была возложена исключительно на работодателей, безъ всякаго участія со стороны рабочихъ. Въ томъ же смыслѣ высказались весьма многіе фабриканты, какъ напр. союзъ средне-рейнскихъ фабрикантовъ на своихъ франкфуртскихъ засѣданіяхъ и многіе другіе, изъ которыхъ нѣкоторые обратились даже съ петиціей объ этомъ въ рейхстагъ. Къ такому почти неестественному шагу вынудило фабрикантовъ упорное желаніе кн. Бисмарка, чтобы часть премій приплачивалась непременно государствомъ, — желаніе, на которомъ онъ продолжалъ настаивать даже тогда, когда заинтересованная сторона, въ лицѣ фабрикантовъ, заявила, что беретъ все приплаты на себя. Вообще параграфы: 13-й, опредѣляющій, кто и въ какомъ размѣрѣ долженъ вносить преміи, и первый, опредѣляющій устройство страховыхъ кассъ, были одними изъ главныхъ пунктовъ, около которыхъ вращались всѣ усилія борющихся. На нихъ болѣе всего упирало правительство, на нихъ же сосредоточилась и вся сила оппозиціи. Князь Бисмаркъ хотѣлъ, во что бы то ни стало, провести предложенныя кассы, находящіяся по проекту въ вѣдѣніи имперскаго правительства. Но противъ этого возстали дружно и рейхстагъ, и общество, въ лицѣ многочисленныхъ союзовъ, и печать, и наконецъ, разумѣется, неофициально, союзныя правительства. Клерикальный центръ наотрѣзъ объявилъ, что

будетъ голосовать противъ закона, если правительство не откажется отъ имперскихъ кассъ. А такъ какъ центръ и по количеству, и по дисциплинѣ, самая сильная партія въ рейхстагѣ, то кн. Бисмарку волей-неволей пришлось подчиниться, и правительство въ концѣ-концовъ заявило, что согласно принять поправку рейхстага съ тѣмъ, чтобы частныя страховыя общества не допускались въ участію въ дѣлѣ страхованія рабочихъ. Въ пользу частныхъ обществъ были только одни прогрессисты, поставившіе это даже условіемъ своего голосованія за весь законопроектъ вообще; консерваторы и центръ были противъ нихъ, и, такимъ образомъ, соглашеніе состоялось. § 1 принять въ томъ смыслѣ, что каждое отдѣльное государство организуетъ особыя кассы и управляетъ ими, какъ знаетъ, согласно съ постановленіями мѣстныхъ ландтаговъ, а путемъ имперскаго законодательства опредѣляется только тарифъ премій и употребленіе резервнаго капитала. Это былъ крайне чувствительный ударъ для всего проекта Бисмарка.

Разъ рѣшившись отложить въ сторону всякую принципиальную экономическую оппозицію, депутаты, какъ было выше упомянуто, пошли дальше правительственнаго предложенія въ дѣлѣ заботы о рабочихъ. Такъ, между прочимъ, постановлено было, что страхованію обязательно подлежатъ всѣ рабочіе и служащіе, получающіе не болѣе 1500 марокъ въ годъ жалованья. Въ законопроектѣ было опредѣлено, что поврежденія здоровья, не причиняющія увѣчья и не влекущія за собою болѣе четырехнедѣльной неспособности къ работѣ, не даютъ потерпѣвшему рабочему права на вознагражденіе изъ страховыхъ кассъ, подъ тѣмъ благовиднымъ предлогомъ, будто въ такихъ случаяхъ рабочіе пользуются достаточной поддержкой изъ больничныхъ кассъ. Рейхстагъ уменьшилъ этотъ срокъ на двѣ недѣли. Хотя повидимому это и бездѣлица, но она въ сущности очень важна для рабочихъ, такъ какъ смертельныя исходы, или серьезныя увѣчья отъ несчастныхъ случаевъ на фабрикахъ сравнительно очень рѣдки; громадное большинство оканчивается ничтожными, съ медицинской точки зрѣнія, поврежденіями, но которыя однако же на нѣсколько недѣль лишаютъ рабочаго способности къ труду, а слѣдовательно и заработка. Помощь больничныхъ кассъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ считаться дѣйствительною, такъ какъ она едва достаточна для самого пострадавшаго рабочаго, а семья его должна за все время болѣзни

питаться воздухомъ. По законопроекту, въ случаѣ смерти рабочаго, потерпѣвшаго увѣчые отъ несчастія на фабрикѣ и получившаго потому пенсію, вдова и дѣти только тогда продолжаютъ пользоваться этой пенсіей, въ уменьшенномъ размѣрѣ, если бракъ былъ заключенъ до несчастія. Рейхстагъ постановилъ, что остающіеся спротами дѣти пользуются пенсіей и въ томъ случаѣ, если бракъ, отъ котораго они произошли, заключенъ послѣ причинившаго увѣчые несчастія. Точно также увеличенъ до 1½ года срокъ, въ теченіе котораго пострадавшій, или, въ случаѣ его смерти, вдова или дѣти, могутъ предъявлять претензію на полученіе вознагражденія.

Какъ выше было сказано, не смотря на всѣ свои усилія, кв. Бисмаркъ долженъ былъ отступить отъ устройства имперскихъ кассъ для страхованія рабочихъ. Уступивъ по этому первому пункту, онъ тѣмъ болѣе энергично сталъ настаивать на второмъ, еще болѣе важномъ пунктѣ, въ томъ же духѣ, какъ и первый: на принципѣ государственной приплаты къ страховой преміи¹⁾. Официальные органы рѣшительно объявляли, что безъ государственной приплаты правительство не приметъ и самаго закона. Однако всѣ усилія были напрасны; рейхстагъ въ громадномъ большинствѣ своемъ остался непреклоненъ. По мнѣнію центра, для рабочихъ несравненно выгоднѣе, чтобы всю страховую премію уплачивали фабриканты, какъ оно и быть должно, такъ какъ обязательное страхованіе замѣняетъ собою прежнюю отвѣтственность за послѣдствія несчастныхъ случаевъ. Такъ называемая свободноконсервативная или имперская партія также утверждала, что, по ея свѣдѣніямъ, промышленность въ состояніи и сама, безъ помощи государства, вынести безъ малѣйшаго труда бремя страховых премій. Національ-либералы были не прочь согласиться на государственную приплату, но лишь подъ тѣмъ единственнымъ условіемъ, чтобы къ дѣлу были допущены частныя страховыя общества. Прогрессисты же отвергали всякую мысль объ участіи государства, при какихъ бы то ни было условіяхъ. Наконецъ, остальные, признавая за государствомъ не только право, но и обязанность заботиться объ участи рабо-

¹⁾ См. «Порядокъ» 1881 г. № 166.

чихъ, возставали однако же противъ денежнаго государственнаго участія въ этомъ дѣлѣ.

Мотивировали они это тѣмъ, что средства государства состояются исключительно изъ налоговъ, прямо или косвенно собираемыхъ со всего населенія, и, слѣдовательно, только для пользы всего населенія и могутъ быть расходуемы. Еслибъ имѣлось въ виду страхование всѣхъ вообще категорій рабочихъ и отъ всѣхъ вообще несчастныхъ случайностей, дѣлающихъ теперь жизнь рабочаго класса такой тяжелой, тогда государство несомнѣнно имѣло бы право требовать отъ всего населенія нѣкоторой жертвы для этого. Но данный законъ обезпечиваетъ лишь сравнительно ничтожную часть рабочихъ, именно работающихъ на извѣстнаго рода фабрикахъ и заводахъ и то лишь отъ несчастій, происшедшихъ при исполненіи работъ. При этихъ условіяхъ, государственная приплата была бы несправедливостью, такъ какъ найти средства для нея нельзя иначе, какъ въ новыхъ налогахъ, а это значило бы увеличить и безъ того тяжелое бремя всей народной массы въ пользу небольшой группы рабочихъ.

Такимъ образомъ, въ пользу основной мысли проекта кн. Бисмарка оставались только юнкерская партія и социаль-демократы, и притомъ послѣдніе потому, что видѣли въ ней, какъ они и заявили это провнчески въ рейхстагѣ, первый шагъ къ водворенію социалистическаго государственнаго строя. Объясненіе это, понятно, не могло способствовать къ устраненію опасеній другихъ партій, и потому послѣднія все сильнѣе упрямись въ своей оппозиціи. Между тѣмъ, для кн. Бисмарка денежное участіе государства дѣйствительно составляло *«conditio sine qua non»* всего закона, потому что приплата, помимо всѣхъ другихъ соображеній, вызывая необходимость изысканія новыхъ денежныхъ средствъ, давала возможность благовиднымъ образомъ мотивировать сначала сильное увеличеніе налога на табакъ и на табачные фабрики, а потомъ ввести табачную монополію.

Какъ бы то ни было, законъ о страхованіи хотя и былъ принятъ рейхстагомъ, но изъ него, по выраженію главнаго органа центра «Германія», вырвали «ядовитое жало». Къ сожалѣнію, отдѣльныя постановленія этого закона, въ его окончательномъ, т. е. неизмѣненномъ видѣ, намъ пока неизвѣстны, а потому и трудно сказать, на сколько онъ удовлетворяетъ тѣмъ заявленіямъ и ук-

заніямъ, которыя были сдѣланы германскими фабричными инспекторами въ официальныхъ отчетахъ о своей дѣятельности со времени введенія въ Германію фабричнаго инспектората.

IV.

Закъ, провинціальный инспекторъ Пруссіи, а равно и остальные инспекторы, съ незначительными лишь варіантами, утверждаютъ, что непріязненное отношеніе промышленниковъ къ принятію необходимыхъ мѣръ предосторожности, приходилось встрѣчать только въ первое время дѣятельности фабричнаго инспектората. «Кто болѣе или менѣе знакомъ съ фабричнымъ бытомъ», говоритъ Рюдигеръ въ отчетѣ 1876 года (Франкфуртъ): «тотъ знаетъ, какая тяжелая отвѣтственность постоянно лежитъ на владѣльцѣ фабрики, знаетъ, какъ трудно фабриканту создать и во всякое время поддерживать строгую гармонію между двумя противоположными стремленіями—благостояніемъ рабочихъ и возможностью конкурировать въ рыночномъ производствѣ. А между тѣмъ такое примиреніе враждебныхъ интересовъ непремѣнно должно существовать! Отсюда понятно, что для составленія цѣлесообразныхъ мѣропріятій, которыя были бы практичны, незамысловаты, справедливы и не служили бы къ непосредственному ущербу для промышленности, необходимы крайне-разностороннія техническія свѣдѣнія и громадная опытность. Не говоря уже о различіяхъ въ техникахъ производства по отдѣльнымъ отраслямъ промышленности, предохранительныя мѣры, примененныя на одной фабрикѣ и сослужившія добрую службу, оказываются въ теченіи болѣе или менѣе долгаго времени вовсе непригодными для другой фабрики по тому же производству, а тѣмъ болѣе для всѣхъ фабрикъ вообще. Всякое промышленное заведеніе представляетъ въ извѣстномъ смыслѣ отдѣльный индивидуумъ, требующій своего спеціального изученія и особенныхъ приспособленій. Лишь нѣкоторыя немногія предохранительныя мѣры могутъ быть признаны общими для всѣхъ отдѣльныхъ производствъ. Таковы, напр.: правила обращенія съ различного рода двигателями и устройство системы передачи движенія; общія строительныя постановленія (полъ, лѣстницы, перила и пр.);

отопленіе, освѣщеніе, вентиляція, порядокъ и опрятность. Все же остальное должно спеціализироваться и приспособляться къ даннымъ условіямъ. Кромѣ того, чтобы распоряженія встрѣтили одобреніе какъ со стороны владѣльца, такъ и со стороны самихъ рабочихъ, и представляли гарантію продолжительнаго примѣненія ихъ на практикѣ, они должны быть неоспоримымъ результатомъ современныхъ успѣховъ прикладной техники. Вслѣдствіе массы подобныхъ условій, предохранительныя мѣры чрезвычайно разнообразны, и примѣненіе ихъ на практикѣ становится въ высшей степени затруднительнымъ. Часто приходится бороться съ дурными предрасудками, издавна укоренившимися, пока наконецъ владѣлецъ или рабочіе не убѣдятся въ пользѣ и необходимости предписанныхъ мѣръ. Въ большинствѣ случаевъ владѣльцы фабрикъ считаютъ предохранительныя мѣры совершенно излишними, ибо, какъ они утверждаютъ, на ихъ фабрикахъ никогда еще не случалось несчастія¹⁾. Сами рабочіе, по своей апатіи или скорѣе привычкѣ къ опасности, считаютъ, по словамъ вышеназваннаго инспектора, собственную сноровку лучшимъ талисманомъ отъ несчастныхъ случаевъ. Этотъ давно извѣстный фактъ подтверждается случаемъ двойнаго несчастія, бывшаго на одной суконной фабрикѣ въ здѣшнемъ округѣ. Одной дѣвушкѣ, по собственной ея неосторожности, оторвало палецъ на чесальной машинѣ. Едва лишь опомнилась отъ катастрофы, и раненая была уведена, какъ вдругъ подошла одна изъ ея товарокъ и стала смѣло утверждать, что она 10 разъ продѣлаетъ тоже самое и не потеряетъ ни одного пальца. Сказано, сдѣлано. Этотъ отважный опытъ, какъ и слѣдовало ожидать, также кончился, къ несчастью, потерей пальца.

«Гдѣ можетъ встрѣтиться такая сумасбродная отвага, тамъ всѣд-

¹⁾ Такъ и русскіе фабриканты, особенно изъ шелкахъ, вопреки своей самобытности, не хотятъ уступать въ этомъ отношеніи нѣмцамъ. «Что дальше будетъ», говорятъ они: «а пока Госнодь милуеалъ: вотъ я уже 15 лѣтъ, слава Богу, живу на заведеніи, а не припомню, чтобы у насъ кто умеръ отъ какой болѣзни, или, храни Богъ, попалъ въ машину». Присутствующее при разговорѣ довѣренное лицо, при вопросительно-устремленномъ взорѣ хозяина, немедленно и вполне убѣдительно подтверждаетъ его слова. Однако объективное изслѣдованіе фабрики вводитъ къ противоположному заключенію.

кія вообще предосторожности не будутъ вполне достаточными. Но часто легкомысленныя рабочіе проявляются также и въ томъ, что они иногда устраниаютъ даже имѣющіяся уже въ машинѣ приспособленія».

Русская фабричная практика также изобилуетъ примѣрами, приведенными Рюдигеромъ, и къ ней вполне примѣнимо все вышесказанное въ отношеніи необходимости спеціализаціи при улучшеніи устройства фабрикъ и заводовъ. Изъ міра курьезовъ мы приведемъ здѣсь только два примѣра. На одной бумагопрядильной фабрикѣ рабочему вздумалось почему-то подставить свою курчавую голову подъ быстро движущійся валь, на которомъ чистятся вальки на чесальныхъ машинахъ. Въ результатъ такой оригинальной парикмахерской операціи было то, что у рабочаго сорвало волосы и кожу почти съ половины головы. Далѣе, какъ извѣстно, въ чесальныхъ машинахъ есть особый механизмъ (коллеръ), въ которомъ волокна хлопка или шерсти, расчесываемыя въ видѣ красивой, легкой и тонкой пелены, свиваются затѣмъ прямо въ ленту, коллеръ бываетъ обыкновенно наглухо закрытъ довольно тяжелой чугунной крышкою. Малолѣтніе рабочіе, приставленные для тасканія высокихъ тазовъ, стоящихъ подъ коллеромъ, и воспринимающихъ уже готовую ленту, очень часто заглядываютъ въ ящикъ съ движущимися въ немъ шестернями. Такое неумѣстное, но вполне понятное любопытство,—ибо въ самомъ дѣлѣ крайне интересно видѣть, какъ легкая тонкая дымка быстро превращается въ толстую ленту,—почти всегда оплачивается болѣе или менѣе тяжелыми поврежденіями пальцевъ.

Вообще говоря, германскіе фабричные инспектора посвящали свое вниманіе главнымъ образомъ только нѣкоторымъ отдѣльнымъ производствамъ, которыя представляли для нихъ почему-либо особенный интересъ, или были указываемы въ особыхъ правительственныхъ инструкціяхъ. Такъ напр. Зюссенгутъ, инспекторъ Саксонскаго округа, сообщаетъ въ отчетѣ 1876 года подробныя свѣдѣнія о мѣстныхъ табачныхъ и сигарныхъ фабрикахъ. Вообще эти заведенія, по его словамъ, производили крайне неблагоприятное впечатлѣніе; лишь $\frac{1}{3}$ изъ нихъ удовлетворяла отчасти необходимыми требованіями и только 15 заведеній изъ осматрѣнныхъ 274 могли быть названы устроенными удовлетворительно. Кромѣ того на тѣхъ фабрикахъ, на которыхъ имѣлись приспособленія для ис-

куственной вентиляціи, рабочіе рѣдко пользовались ими, нѣ даже прямо портили ихъ иногда.

Въ большинствѣ случаевъ удалось таки въ концѣ концовъ достигнуть, примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ, значительныхъ переѣнъ къ лучшему, не прибѣгая притомъ къ особымъ угрозамъ или штрафамъ, а дѣйствуя главнымъ образомъ разумными совѣтами и непосредственными указаніями. Не лишено также громаднаго значенія для насъ и заявленія инспектора Слезин (1876 г.), что онъ убѣдился на опытѣ въ томъ, что рѣшительно невозможно регулировать фабричное благоустройство общими полицейскими предписаніями и постановленіями, но въ каждомъ данномъ случаѣ слѣдуетъ непосредственно указывать надлежащее расположеніе и огражденіе движущихся механизмовъ и пр., примѣняясь постоянно къ индивидуальнымъ условіямъ отдѣльныхъ фабрикъ и заводовъ.

Далѣе, осмотры фабрикъ на первыхъ порахъ дѣятельности инспектора пров. Гессенъ-Нассау (округъ Гапау и пр.) убѣдили его, что предпринимателямъ почти совершенно не были извѣстны смыслъ § 107 Пром. Уст., а равно и общія постановленія относительно размѣровъ и доступности проходовъ, расположенія шкивовъ и приводовъ и пр. Наставая на примѣненіи всѣхъ этихъ правилъ къ практикѣ жизни, инспекторъ встрѣчалъ цѣлую массу затрудненій. Старыя фабричныя помѣщенія были большею частію низки, тѣсны, со множествомъ закоулковъ; всѣ эти недостатки могли быть исправлены только постепенно, по мѣрѣ того, какъ устраивались новыя и перестраивались старыя зданія. Кромѣ того на нѣкоторыхъ фабрикахъ имѣлись еще машины старой конструкціи, не допускаемой новѣйшимъ фабричнымъ законодательствомъ.

Какъ бы то ни было, судя по отчетамъ 1877 года, фабриканты наконецъ настолько уже освоились съ нѣкоторыми предохранительными мѣрами, что сами, безъ посторонняго побужденія, заводили ихъ у себя на фабрикахъ. Наибольшее упорство встрѣчалось только въ малонаселенныхъ мѣстечкахъ, но и здѣсь все-таки удавалось достигнуть желательныхъ результатовъ, если инспекторъ непосредственно указывалъ на тѣ приспособленія и различныя конструкціи машинъ, которыя были уже приняты съ полнымъ успѣхомъ на другихъ промышленныхъ заведеніяхъ. Далѣе,

по словамъ фабричнаго инспектора въ Силезскомъ округѣ, соблюденіе правилъ, указанныхъ въ приказѣ Бреславльскаго полицейскаго управленія 8 февраля 1876 года, значительно улучшило положеніе рабочихъ на нѣкоторыхъ мѣстахъ спичечныхъ заводахъ. Къ сожалѣнію, участіе малолѣтнихъ въ этомъ производствѣ все еще было весьма значительно.

По мнѣнію инспектора, для огражденія жизни и здоровья какъ производителей, такъ и потребителей спичекъ изъ ядовитаго бѣлаго фосфора, лучшей мѣрой было бы полное воспрещеніе выдѣлки и производства спичекъ изъ этого фосфора: иначе конкуренція краснаго безвреднаго фосфора (шведскія спички) съ бѣлымъ, ядовитымъ (обыкновенныя, болѣе дешевыя спички), по мѣстнымъ условіямъ и особенностямъ производства, будетъ невозможна.

Въ дополненіе къ этому мы можемъ замѣтить съ своей стороны, что въ Швейцаріи и нѣкоторыхъ другихъ государствахъ употребленіе бѣлаго ядовитаго фосфора, какъ извѣстно, давно уже безусловно воспрещено. Внѣ всякаго сомнѣнія, такая въ высшей степени благодѣтельная и единственно возможная мѣра должна быть принята въ ближайшемъ будущемъ и во всѣхъ вообще цивилизованныхъ государствахъ. У насъ, въ Россіи, эта мѣра была впервые предложена еще въ 60-хъ годахъ г. начальникомъ таврической губ., но, къ сожалѣнію, не встрѣтила необходимой поддержки въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, да и въ самомъ обществѣ эта идея не привилась еще въ достаточной степени.

По наблюденіямъ инспектора Бранденбургской пров. Рюдигера, для фабричной инспекціи, кромѣ степени опасности поврежденій, особенное значеніе имѣетъ группировка несчастныхъ случаевъ по различнымъ причинамъ ихъ, что можетъ дать весьма цѣнныя указанія, относительно того, какія занятія, какія машины и отдѣльными части механизмовъ представляютъ наибольшую опасность и гдѣ всего болѣе настоятельно необходимо принятіе предохранительныхъ мѣръ. Наиболѣе опаснымъ въ этомъ отношеніи оказывается соприкосновеніе съ зубчатыми шестернями, а именно 74% всѣхъ случаевъ и притомъ изъ этого числа 12% съ смертельнымъ исходомъ и 5% съ пожизненной неспособностью къ труду. Свои

выводы Рюдигеръ подтверждаетъ и въ отчетѣ 1878 г. на основаніи новыхъ статистическихъ данныхъ. Такъ въ этомъ году, поврежденія шестернями и другими передаточными механизмами составляли 56% всѣхъ несчастныхъ случаевъ, изъ нихъ 4% съ смертельнымъ исходомъ, 5% съ постояннымъ увѣчьемъ и 47% съ временной неспособностью къ труду. Инспекторъ Штюльпнагель (Берлинъ и пр.), подтверждая, подобно всѣмъ другимъ инспекторамъ, безусловную необходимость изданія особаго закона объ обязательномъ извѣщеніи о всѣхъ несчастныхъ случаяхъ на фабрикахъ, замѣчаетъ при этомъ, что хотя работодатели и высказывали въ разговорахъ съ нимъ желаніе, чтобы свѣдѣнія о несчастіяхъ получались прямыми, а не окольными путями (изъ клиникъ, лазаретовъ, общинъ сестеръ милосердія, отъ самихъ рабочихъ и пр.), однако изъ 288 присланныхъ такъ или иначе увѣдомленій, со стороны самихъ фабрикантовъ извѣщеніе послѣдовало только въ 7 случаяхъ. А между тѣмъ 48 изъ этихъ 288 случаевъ (16%) принадлежали къ числу такихъ, которые могли быть избѣгнуты своевременнымъ принятіемъ необходимыхъ мѣръ предосторожности.

Подобно нѣкоторымъ другимъ инспекторамъ, д-ръ Бернулли, инспекторъ Оппельскаго округа, предлагаетъ особую систему регистраціи несчастныхъ случаевъ на фабрикахъ, которая могла бы соответствовать практическимъ цѣлямъ въ дѣлѣ охраненія жизни и здоровья рабочихъ.

Точно также Бохумское Общество страхованія отъ всякаго рода несчастныхъ случаевъ, установило для своихъ цѣлей особую статистическую бланку, на которой завѣдующій фабрикою, или кто либо другой долженъ написать свое заявленіе противъ каждаго вопроса. (Отчетъ инспектора Вестфалии 1878 г.). Отсюда мы заимствуемъ только нѣкоторые вопросы: 1) Кто былъ очевидцемъ происшествія? 2) Приблизительный заработокъ пострадавшаго за послѣдній мѣсяцъ до катастрофы. 3) Семейное состояніе пострадавшаго; если онъ женатъ, то сколько лѣтъ женѣ; есть ли дѣти. и сколько лѣтъ каждому изъ нихъ? 4) Сколько приблизительно потребуется времени для поправленія здоровья потерпѣвшаго, по мнѣнію врача или другихъ лицъ? 5) Куда былъ помѣщенъ пострадавшій послѣ катастрофы: а) въ больницу при фабрикѣ; б) въ стороннее больничное учрежденіе; в) отправленъ ли на родину, или остался у себя дома на фабрикѣ? 6) Кто лечитъ больнаго?

Послѣ изложенныхъ выше взглядовъ Забба, Рюдигера и др., русскія воззрѣнія на тотъ-же самый вопросъ о правильной регистраціи несчастныхъ случаевъ и вообще о серьезной разработкѣ статистическихъ свѣдѣній по фабрично-заводской промышленности въ Россіи, не могутъ не показаться по меньшей мѣрѣ странными. Въ самомъ дѣлѣ, директоръ одной изъ самыхъ крупныхъ мануфактуръ въ Московской губерніи сообщалъ нишущему эти строки, что онъ въ недавнее время, при содѣйствіи врача, живущаго постоянно на фабрикѣ при сравнительно хорошо устроенной больницѣ, задумалъ было вести болѣе точно статистику всѣхъ несчастныхъ случайностей на фабрикѣ, записывая одинаково и крупныя поврежденія и ничтожныя царапины, сообщая о нихъ въ тоже время въ Московскій мануфактурный совѣтъ. Однако, по словамъ директора, ему скоро пришлось раскаться въ своею опрометчивомъ ршеніи. Исправникъ сдѣлалъ ему строжайшій выговоръ и грозилъ жаловаться губернатору, вслѣдствіе того, что на данной фабрикѣ въ короткое время было такъ много несчастныхъ случаевъ при работѣ, тогда какъ на всѣхъ другихъ фабрикахъ ввѣреннаго ему уѣзда несчастія случаются гораздо рѣже (!?). Очевидно, по мнѣнію исправника, на данной фабрикѣ не приняты необходимыя мѣры предосторожности, о чемъ г. исправникъ и считаетъ долгомъ увѣдомить фабричную администрацію. Выговоръ исправника сопровождался частыми наѣздами и внушеніями мѣстнаго становаго. Какъ будто отъ того, что дѣло будетъ шито и крыто, на фабрикахъ произойдетъ меньше несчастій съ рабочими. Разумѣется, при данныхъ условіяхъ и такомъ своеобразномъ взглядѣ на фабричныя катастрофы, нельзя было бы и мечтать о созданіи въ Россіи точной статистики несчастныхъ случаевъ на фабрикахъ, а слѣдовательно и о возможности ихъ предупрежденія.

Да не подумаетъ читатель, что приведенный выше случай составляетъ лишь единственное исключеніе; къ сожалѣнію практика санитарно-фабричной дѣятельности въ Московскомъ земствѣ убѣждаетъ насъ, что хотя этотъ случай и поражаетъ своей, такъ сказать, экстравагантностью, но подобныя случаи составляютъ обычное и повсемѣстное явленіе въ нашей русской фабричной жизни. Правда, нашимъ промышленникамъ крайне рѣдко приходитъ въ голову блажь увѣдомлять полицію о всякомъ несчастномъ случаѣ; въ большинствѣ случаевъ объ этомъ нельзя бываетъ узнать даже

окольными путями, какіе имѣются въ распоряженіи фабричныхъ германскихъ инспекторовъ.

Притомъ и нѣкоторые представители нашей текущей литературы къ сожалѣнію не отличаются особой серьезностью и трезвымъ продуманнымъ отношеніемъ къ вопросу объ устраненіи дурныхъ санитарныхъ условій фабричнаго быта. Табъ изъ числа мнѣгихъ примѣровъ мы приведемъ отзывъ передовой статьи одного изъ лучшихъ Московскихъ органовъ печати о дѣятельности Московской городской фабричной комиссіи («Московскій телеграфъ» 1881 г., № 193): «печатать матеріалъ, собранный комиссіей при осмотрѣ фабрикъ и заводовъ дорого (?), у комиссіи средства едва ли значительны; составленіе же таблицъ и вообще разработка статистическихъ свѣдѣній и отдѣльныхъ описаній—дѣло крайне хлопотливое (!?)» А развѣ разрѣшеніе вопроса объ охраненіи жизни и здоровья рабочихъ, дѣло не хлопотливое? А выработка фабричнаго законодательства, которое дѣйствительно бы соотвѣтствовало своей цѣли и удовлетворяло бы нужды фабрикантовъ, рабочихъ и самого общества и государства, развѣ не хлопотливѣе, чѣмъ разработка статистическихъ свѣдѣній?

VI.

Хотя мы выше и познакомились въ общихъ чертахъ съ новымъ германскимъ закономъ страхованія рабочихъ, уничтожающимъ прежнія постановленія по этому поводу, однако наблюденія фабричныхъ инспекторовъ за прошлое время не могутъ, тѣмъ не менѣе, не заслуживать нашего вниманія и въ высшей степени интересны въ особенности съ точки зрѣнія теоріи повторяемости историческихъ явленій въ различныхъ культурныхъ странахъ.

Д-ръ Вольфъ, инспекторъ округа Дюссельдорфъ, доказывая вмѣстѣ съ другими инспекторами, что законъ объ отвѣтственности за увѣчье (Haftpflichtgesetz) 1871 г. очень мало ограждаетъ интересы пострадавшихъ рабочихъ, резюмируетъ главныя причины этого явленія слѣдующимъ образомъ (отчетъ 1876 г.). 1) необходимость обратиться къ содѣйствию юриста и вообще имѣть свободныя, иногда не малыя деньги для того, чтобы начать съ фаб-

рикантомъ искъ объ уплатѣ законнаго вознагражденія; 2) малоразвитость рабочаго и безпомощность его въ тяжбѣ съ фабричною администраціей, на сторонѣ которой и деньги, и вліяніе, и знаніе подлюбностей техники производства, что дастъ ей всегда возможность при судебныхъ преніяхъ взвалить всю вину несчастнаго случая на одного рабочаго; 3) свидѣтелями происшествія являются лица, состоящія на службѣ у обвиняемаго, который никогда не осмѣлится дать показанія не въ его пользу, ибо какъ говоритъ пословица: *«dessen Brod ich esse, dem Lied ich singe»* (чей хлѣбъ я ѣмъ, тому и пѣсенку тяну). Вотъ причины, помимо многихъ другихъ, почему такъ рѣдко возникаютъ дѣла судебнымъ порядкомъ на основаніи закона 1871 г. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ пострадавшимъ рабочимъ приходилось довольствоваться лишь небольшими суммами изъ различныхъ вспомогательныхъ кассъ, прибѣгать къ частной благотворительности, или же списывать себѣ пропитаніе всѣми возможными путями, честными, или преступными ¹⁾. Въ подтвержденіе своего мнѣнія Д-ръ Вольфъ приводитъ далѣе слова одного близко знакомаго съ этимъ дѣломъ предсѣдателя окружнаго суда, а равно и въ высшей степени поучительныя данныя о несчастныхъ случаяхъ на той фабрикѣ, относительно которой только и можно было собрать точныя свѣдѣнія.

Законъ 1871 г. очень тѣсно связанъ съ § 107 Пром. Уст. 1869 г., согласно которому каждый предприниматель обязанъ на свой страхъ устранивать и поддерживать всѣ тѣ приспособленія, которыя, применительно къ особеннымъ свойствамъ каждого даннаго производства, необходимы для дѣйствительнаго охраненія рабочихъ отъ опасности для жизни и здоровья рабочихъ. Какъ только былъ изданъ законъ 1871 года, въ Германіи повсюду стали основываться акціонерныя общества страхованія рабочихъ отъ несчастій (*Unfallversicherungsgesellschaften*). Всѣ эти общества имѣли исключительно коммерческій характеръ и только немногія изъ нихъ принимали на себя страхованіе рабочихъ отъ всякаго рода несчастій, какъ подлежащихъ, такъ и не подлежащихъ судебной отвѣтственности. Многіе фабриканты по чувству самосохраненія спѣшили оградить себя отъ убытковъ, которые

¹⁾ Иллишше было бы казновитать, что у русскихъ рабочихъ нѣтъ только послѣдній изъ указываемыхъ д-ромъ Вольфомъ путей.

нимъ могъ бы причинить законъ 1871 г., и сами застраховали своихъ рабочихъ въ полной увѣренности, какъ говоритъ инспекторъ Гертель въ своемъ отчетѣ 1877 г., что они въ достаточной степени выразили свою заботу о благѣ рабочихъ, хотя можно было сильно сомнѣваться, чтобы общеприятая система страхования была благодѣяніемъ для рабочихъ. Дѣло въ томъ, что фабриканты въ этихъ случаяхъ слагали съ себя законную отвѣтственность на страховыя общества, повѣренныя которыхъ, иногда по нѣсколькимъ лѣтамъ вели тяжбу съ рабочими о вознагражденіи за увѣче. Пользуясь близкимъ знакомствомъ съ дѣломъ и всеми приемами адвокатской рутинны, они употребляли всевозможныя старанія, апеллировали во все инстанціи, чтобы доказать несправедливость притязаній потерпѣвшихъ рабочихъ, причемъ, такъ какъ силы обѣихъ тяжущихся сторонъ были далеко не равны, имъ ничего не стоило убѣдить судъ, что пострадавшій рабочій самъ кругомъ былъ виноватъ въ своемъ несчастіи. «Страхование рабочихъ отъ послѣдствій закона 1871 года», повторяетъ Гертель въ одинъ голосъ съ остальными фабричными инспекторами, «представляло лишь обезпеченіе промышленниковъ отъ финансовыхъ убытковъ, которые имъ пришлось бы терпѣть въ силу закона 1871 г., но вовсе не служило обезпеченіемъ для рабочихъ отъ ограниченія, или полной утраты ихъ способности къ труду.

Но даже и въ такой несовершенной формѣ страхование не сразу распространилось на всѣхъ германскихъ фабрикахъ. Рюдигеръ въ отчетѣ 1876 г. (Франкфуртъ на Одерѣ) утверждаетъ, что, пока знакомство съ сущностью и выгодами страхования отъ несчастныхъ случаевъ, не проникнетъ въ среду рабочихъ, до тѣхъ поръ инициатива этого дѣла все еще должна исходить отъ самихъ работодателей. Оказывается, что весьма не многимъ рабочимъ въ этомъ округѣ было извѣстно, что они имѣютъ возможность застраховать свою рабочую силу, а потому и нельзя было рассчитывать на ихъ собственную инициативу въ этомъ дѣлѣ.

Д-ръ Кляндъ (Гессенъ-Нассау, окр. Кассель) на основаніи своихъ наблюденій, приходитъ, между прочимъ, къ заключенію, что со временемъ законодательство неизбежно должно придти къ тому, чтобы обязать самихъ рабочихъ принимать участіе въ страхованіи совместно съ фабрикантами, на основаніи мѣстныхъ постановленій,

какъ это уже и установлено относительно вспомогательныхъ кассъ. Далѣе Клиндъ, какъ бы подтверждая вышеприведенныя слова Гертеля, сообщаетъ случай, въ которомъ по апелляціи одного страхового общества, окончательное рѣшеніе третьей судебной инстанціи послѣдовало лишь спустя 2 года послѣ катастрофы, случившейся 6-го апрѣля 1877 г.! «Нужно-ли указывать», замѣчаетъ д-ръ Клиндъ, «сколько тревогъ и нужды вытерпѣли за это время несчастныя больныя вдовы, оставшіяся послѣ пзувѣченныхъ рабочихъ, прежде чѣмъ онѣ получили ежемѣсячное пособіе въ 4 марки (около 1 р. 60 коп.), а между тѣмъ право на такое вознагражденіе было признано за ними уже во второй судебной инстанціи!»

Вообще, высказывая порицаніе существовавшей въ то время въ Германіи системы страхованія рабочихъ, фабричные инспектора единогласно высказываются въ пользу принципа взаимнаго страхованія. Такъ, напр., Рюдигеръ, указывая на индифферентизмъ рабочихъ къ участию въ страхованіи жизни и здоровья, которое они принимали только по принужденію своихъ работодателей, объясняетъ этотъ фактъ плохой и непрактичной организаціей страховыхъ обществъ, предпочитавшихъ имѣть дѣло не съ рабочими, а съ самими хозяевами. Тогда какъ въ Англіи, напр., изъ 2-хъ рабочихъ одинъ уже непременно застрахованъ, въ Германіи, по словамъ Рюдигера, едва лишь 1 изъ 20 рабочихъ застрахованъ на случай несчастія, такъ что еслибы германскія страховыя общества измѣнили характеръ своихъ операцій, то онѣ имѣли бы въ 10 разъ большую прибыль отъ своего предпріятія. Лучшимъ подтвержденіемъ этого служатъ 2 мѣстныхъ страховыхъ общества въ Гумбенѣ и Форстѣ, которыя были основаны фабрикантами при совмѣстномъ участіи своихъ рабочихъ, на принципѣ взаимности. Въ вышеуказанныхъ двухъ мѣстностяхъ, страхованіе отъ несчастныхъ случаевъ пользовалось повсемѣстнымъ уваженіемъ и довѣріемъ, такъ что было очень немного рабочихъ, не принимавшихъ еще участія въ страхованіи. Въ этой части фабричнаго округа, по словамъ инспектора, замѣчалось глубокое пониманіе сущности страхованія, и кромѣ того принципъ взаимности служилъ косвеннымъ образомъ и для охраны отъ возможности самихъ несчастій. Въ Форстѣ напр. при обществѣ взаимнаго страхованія существовали такъ называемыя ревизіонныя комиссіи, которыя отъ времени до времени посѣщали всѣ фабрики, прини-

мавшія участіе въ страхованіи, убѣждались въ исправномъ состояніи и безопасности всѣхъ механическихъ приспособленій и въ то же время предлагали мѣры къ устраненію замѣченныхъ недостатковъ. О результатахъ осмотра и о предложенныхъ мѣрахъ безопасности составлялись отчеты, которые и служили основой для оцѣнки случавшихся впоследствии несчастій. Однимъ словомъ, въ этомъ случаѣ на помощь правительственному надзору за фабриками надежною союзницей явилась фабричная инспекція частныхъ лицъ и учреждений.

Далѣе въ отчетѣ 1878 г. Рюдигеръ предсказываетъ дальнѣйшее развитіе мѣстныхъ товариществъ взаимнаго страхованія отъ несчастій и соединеніе ихъ въ большіе союзы.

При страхованіи однако слѣдуетъ имѣть въ виду 2 главныхъ категорій: 1) страхованіе отъ несчастныхъ случаевъ вслѣдствіе исключительныхъ причинъ (взрывъ котла, землетрясеніе, случайный взрывъ и т. д.); 2) страхованіе отъ несчастій вслѣдствіе обычныхъ причинъ (поврежденія шестернями, передаточными механизмами, ожоги, отравленія и пр.). Для каждой изъ этихъ категорій должна быть принята различная система страхованія, сообразно характеру производства, условіямъ данной мѣстности и пр.

Преимущество такой системы страхованія очевидно: 1) большая экономія по расходамъ на администрацію; 2) болѣе прочныя основанія при выдачѣ страховыхъ премій; 3) возможность полного примѣненія принципа взаимности (ежегодная раскладка); 4) неослабный надзоръ самихъ участниковъ товарищества относительно принятія мѣръ, при помощи которыхъ можно было бы уменьшить опасность отъ даннаго производства. Однако для того, чтобы такое страхованіе имѣло полный успѣхъ, необходимо, по мнѣнію Рюдигера, совмѣстное участіе самихъ рабочихъ въ страхованіи, чѣмъ можно было бы избѣгнуть многихъ поводовъ къ пререканіямъ и тяжбамъ. Общая солидарность и взаимный интерес будутъ побуждать ту и другую сторону всѣми силами способствовать, ради обоюдной выгоды, предупрежденію несчастныхъ случаевъ. Если же и случится несчастіе, то уплата вознагражденія за увѣче будетъ не убыточна для товарищества и выгодна для потерпѣвшихъ, ибо получится безъ судебныхъ проволочекъ и процессовъ, дорогихъ и хлопотливыхъ.

Точно также и по мнѣнію инспектора Штюльпнагеля, устра-

непю ненормальныхъ отношеній между хозяевами и рабочими существенно могла бы содѣйствовать организація мѣстныхъ союзовъ по отдѣльнымъ отраслямъ промышленности. Такия совмѣстныя товарищества, принимая на себя отвѣтственность за всякаго рода ущербъ, причиненный даннымъ производствомъ жизни, или здоровью рабочихъ, сдѣлали бы излпшними страховныя общества, имѣющія въ виду исключительно коммерческой барышъ, и открыли бы новый путь къ возстановленію мирныхъ отношеній между работодателями и рабочими, тогда какъ страхованіе на коммерческихъ основаніяхъ поселяетъ въ настоящее время лишь раздоръ между ними.

VII.

Заключительная часть отчетовъ германскихъ фабричныхъ инспекторовъ, касающаяся условій жизни рабочихъ, къ сожалѣнію, далеко не такъ интересна, какъ можно было бы предполагать, что объясняется главнымъ образомъ застоємъ германской промышленности въ теченіе первыхъ 3-хъ лѣтъ дѣятельности фабричной инспекціи.

Относительно жилыхъ помѣщеній германскихъ рабочихъ, мы остановимся только на нѣкоторыхъ болѣе интересныхъ для насъ сообщеніяхъ. Въ Германіи на нѣкоторыхъ фабрикахъ владѣльцы стали очень часто устраивать для своихъ рабочихъ колоніи отдѣльныхъ домиковъ, отдаваемыхъ въ пользованіе рабочимъ на различныхъ условіяхъ. Такъ въ 1877 г. инспекторъ Экберъ встрѣчалъ такія колоніи въ очень многихъ мѣстностяхъ Ганновера. Эти жилища отдавались въ наймъ за недорогую плату семейнымъ рабочимъ и были устроены очень удобно и практично. Кроме того, за послѣднее время среди нѣмецкихъ фабрикантовъ, встрѣтила еще большее сочувствіе идея постройки семейныхъ домовъ для рабочихъ съ разсрочкою платежа денегъ, для приобрѣтенія въ собственность на болѣе или менѣе удобныхъ условіяхъ. Въ Дюссельдорфѣ, напр., большинство фабрикантовъ пришло къ убѣжденію, что устройство такихъ колоній составляетъ одно изъ лучшихъ средствъ «стабилизировать», какъ выражается инспекторъ этого округа, т. е. закрѣпить рабочихъ при данной фабрикѣ, такъ

какъ рабочій, обзаведшійся своимъ собственнымъ домикомъ, теряетъ уже прежнюю склонность къ передвиженію съ фабрики на фабрику и становится болѣе стоворчивымъ. Одинъ изъ мѣстныхъ фабрикантовъ поступалъ при этомъ слѣдующимъ образомъ: постройка домиковъ ему самому обходится въ 2500—4500 марокъ; каждый рабочій при покупкѣ дома вноситъ въ задатокъ и въ уплату ежегоднаго взноса 8 проц. этой суммы, т. е. 200—360 мар. Внося ежегодно такую сумму, рабочій по прошествіи извѣстнаго времени приобретаетъ домикъ въ свою полную собственность. Если же рабочій живетъ уже давно на фабрикѣ, или на ней работаютъ его сыновья и дочери, то владѣлецъ прибавляетъ еще отъ себя $\frac{1}{5}$ — $\frac{2}{5}$ вышеуказанной суммы, такъ что окончательная покупка дома, въ особенно благоприятномъ случаѣ, можетъ совершиться по истеченіи не болѣе одного года и притомъ за сумму меньшую, чѣмъ та, за которую можно нанять квартиру въ этой мѣстности. Объявленіе, въ которомъ этотъ фабрикантъ, вообще извѣстный по словамъ инспектора, своими гуманными побужденіями, излагаетъ вышеприведенныя условія, довольно характерно. Оно начинается словами: «Когда въ іюлѣ прошлаго года мы объявили свое рѣшеніе, что не намѣрены болѣе допускать среди нашихъ рабочихъ социаль-демократическихъ козней, неукоснительно удаляя изъ нашего рабочаго кружка всѣ безпокойные элементы, то мы одновременно съ этимъ обѣщали и впредь заботиться о благѣ нашихъ рабочихъ...» и заканчивается слѣдующимъ образомъ: «мы просимъ нашихъ рабочихъ смотрѣть на дѣлаемое нами нынѣ предложеніе, какъ на рождественскій даръ, исходящій отъ искренняго сердца, принявъ его въ томъ же смыслѣ, въ какомъ оно было сдѣлано. Наша совмѣстная дѣятельность и впредь будетъ все болѣе и болѣе плодотворна во всѣхъ отношеніяхъ». Необходимо вообще замѣтить, что, по словамъ всѣхъ инспекторовъ, услія очень многихъ германскихъ фабрикантовъ были направлены, главнымъ образомъ, къ ограниченію распространенія среди своихъ рабочихъ социалистическихъ теорій и къ регулированію отношеній между работодателями и рабочими. Съ этой цѣлью фабриканты устраивали съѣзды, организовали особые союзы и товарищества; и вообще стремились такъ, или иначе сплотиться между собой для устраненія совмѣстными силами тѣхъ дурныхъ условій германскаго фабричнаго быта, которыя причиняли ущербъ услѣ-

хамъ промышленности и выгодамъ отъ фабричнаго производства (отсутствие осѣдлости и страсть къ бродяжничеству германскихъ рабочихъ, пьянство, разгулъ, нарушенія различныхъ условій и пр.).

Такъ въ 1877 г. въ г. Изерлонѣ (Вестфалія) былъ созванъ конгрессъ мѣстныхъ фабрикантовъ, поставившій программой своей дѣятельности: 1) борьбу съ соціаль-демократіей; 2) заботу о нравственномъ и тѣлесномъ благосостояніи рабочихъ; 3) содѣйствіе общимъ успѣхамъ мѣстной промышленности.

Засѣданіямъ конгресса предшествовали занятія различныхъ комиссій, какъ напр. для установленія понятія, что нужно разумѣть подъ словомъ «рабочій» и т. п. Многие инспекторы въ своихъ отчетахъ за 1876—1877 гг. неоднократно указывали на крайне дурныя стороны такъ называемаго «нахлѣбничества» холостыхъ рабочихъ у семейныхъ (Kost- und Quartiergängerwesen), что въ Вестфалии повело даже къ изданію особаго полицейскаго предписанія, вступившаго въ силу съ 1-го мая 1879 года. Это предписаніе, подобно англійскимъ постановленіямъ въ этомъ родѣ, даетъ опредѣленные указанія, относительно величинъ, качества жилыхъ и спальныхъ помѣщеній, какъ отдаваемыхъ въ наемъ, такъ и служащихъ вообще для жилья рабочихъ, а равно и относительно условій пользованія этими помѣщеніями.

Согласно этому предписанію минимумъ кубическаго содержанія воздуха, приходящагося по расчету на cadaго человѣка, былъ установленъ въ 10 кубич. метровъ.

Заработная плата въ Германіи, какъ и у насъ въ Россіи, бываетъ зимой вообще значительно меньше, чѣмъ въ лѣтнее время, когда многіе рабочіе уходятъ на полевыя работы. Такъ фабриканты въ Прусской пров. часто высказывали свои жалобы инспектору, что въ лѣтнее время рабочіе у нихъ разбѣгаются съ фабрикъ и отправляются искать себѣ работы у сельскихъ хозяевъ. такъ какъ этотъ трудъ оплачивается несравненно лучше. Какъ сообщаетъ большинство инспекторовъ (1876—1878 гг.), заработная плата сравнительно съ предыдущими годами, очень сильно понизилась, вслѣдствіе всеобщаго застоя въ торговыхъ дѣлахъ Германіи; очень часто предложеніе рабочихъ рукъ значительно превышало спросъ на нихъ. По словамъ инспектора Вестфалии, въ 1878 году на нѣкоторыхъ фабрикахъ, гдѣ затишье въ дѣлахъ происходило, какъ говорятъ французы, въ такъ называемый

мертвый сезонъ, рабочіе лишились 5—10 процентовъ своего обычнаго заработка ¹⁾. Если бы, говоритъ упомянутый инспекторъ, это пониженіе распредѣлилось исподволь и равномерно въ теченіе напр. цѣлаго года, то оно было бы не такъ ощутительно, но къ сожалѣнію, оно произошло въ короткій промежутокъ времени и притомъ совпало съ такимъ временемъ года, когда жизнь становится и безъ того дороже и нѣтъ другихъ источниковъ для заработка. Для возмѣщенія такихъ потерь, по мнѣнію инспектора, необходимо было бы болѣе дѣятельное участіе вспомогательныхъ кассъ для рабочихъ и притомъ денежные средства этихъ кассъ слѣдовало бы усилить болѣе щедрыми взносами самихъ работодателей, а равно и путемъ измѣненія и расширенія нѣкоторыхъ стѣснительныхъ параграфовъ устава кассъ для вспомошествованія рабочимъ.

«Рабочая производительность», по словамъ того же инспектора въ отчетѣ 1878 г., «повсюду значительно усилилась и, въ особенности, улучшилась, по крайней мѣрѣ, въ среднемъ выводѣ. По отзывамъ свѣдущихъ лицъ, она въ значительной степени превзошла продуктивность рабочихъ въ 60-е годы, что объясняется не столько усиленіемъ трудолюбія среди рабочихъ, сколько тѣми стѣснительными обстоятельствами, въ которыхъ очутились предприниматели. На сколько способна, при прочихъ равныхъ условіяхъ, эта производительность рабочихъ къ дальнѣйшему усиленію, показываетъ примѣръ одной изъ мѣстныхъ фабрикъ. Вслѣдствіе ограниченія числа заказовъ, администрація этой фабрики уменьшила число рабочихъ часовъ съ 10 на 8, однако выработка рабочихъ, получавшихъ задѣльную плату, стала абсолютно больше, но лишь до тѣхъ поръ, пока рабочіе объ этомъ не узнали, т. е. до ближайшаго разчета, а затѣмъ снова установилась прежняя норма въ работѣ.

Но если съ одной стороны рабочіе умѣютъ держаться известной степени энергіи въ работѣ, то съ другой изъ нижеслѣдующаго

¹⁾ Этотъ мертвый сезонъ приходится въ настоящее время переживать и Россіи, какъ показало санитарное изслѣдованіе фабрично-заводской промышленности московск. и верейск. уѣздовъ. Опытные фабриканты, въ теченіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ присматрившіеся къ такимъ торговымъ кризисамъ, предсказываютъ, что этотъ мертвый сезонъ продолжится въ Россіи, въ самомъ благоприятномъ случаѣ еще не менѣе 2-хъ лѣтъ.

примѣра ясно обнаруживается ихъ вполне доказанное огвращеніе къ чрезмѣрной продолжительности рабочаго времени. На одной изъ мѣстныхъ фабрикъ, по причинѣ безработицы, вслѣдствіе торговаго кризиса, рабочихъ, занятыхъ чисто механическимъ трудомъ, спросили: «что имъ было бы болѣе желательно? ограниченіе-ли рабочаго времени и уменьшеніе заработной платы, или же болѣе продолжительный рабочій день, при прежнемъ размѣрѣ заработной платы?» Почти всѣ рабочіе въ одинъ голосъ отвѣтили: «все, что хотите, только не снова 13 часовъ, какъ въ 60-хъ годахъ». Слѣдуетъ замѣтить, что въ обоихъ приведенныхъ примѣрахъ дѣло шло о рабочихъ, болшею частію давно уже жившихъ на фабрикѣ и приобрѣвшихъ репутацію хорошихъ работниковъ.

Отчетъ инспектора Вестфалии за 1878 г. сообщаетъ между прочимъ весьма характерныя данныя о нравахъ культурныхъ нѣмцевъ, оказавшихся въ извѣстномъ отношеніи родственными и намъ русскимъ. «Несмотря на дурныя времена», говоритъ этотъ инспекторъ, «дисциплина среди фабричныхъ рабочихъ крайне дурно поставлена во многихъ отношеніяхъ. Сивій понедѣльникъ (*der blaue Montag*) все еще пользуется популярностью среди рабочихъ. Такъ напр. въ одинъ изъ такихъ понедѣльниковъ на чугуно-литейномъ заводѣ внезапно ушло съ работы около 30 рабочихъ, что составляло 25 проц. общаго числа. Правда, они тотчасъ же были замѣщены другими рабочими, нуждавшимися хоть въ какой либо работѣ, но въ результатѣ замѣщенія опытныхъ рабочихъ неумѣлими было то, что одинъ изъ нихъ почти тотчасъ же попалъ въ машину и былъ ею изувѣченъ на смерть».

Подобно нашимъ русскимъ рабочимъ, фабричное населеніе въ Германіи, благодаря повсемѣстно расплодившимся и быстро умножающимся кабакамъ, сильно страдаетъ наклопностью къ неумѣренному употребленію шнапса. «Стоитъ лишь гдѣ нибудь устроиться фабрикѣ», сообщаетъ инспекторъ, «какъ около нея немедленно пристраивается какой нибудь кабачникъ, вопреки неодобренію мѣстныхъ властей и протестамъ владѣльца фабрики. Если кабачнику не хватаетъ прибыли отъ продажи водки, то его выручаютъ дурныя времена. Въ большинствѣ случаевъ онъ становится въ тоже время и ростовщикомъ, или же въ дни получки жалованья устраиваетъ у себя аукціоны, на которыхъ ошастливляетъ рабочихъ различными предметами, которые онъ про-

дасть просто «себѣ въ убытокъ», по цѣпамъ—«курамъ на смѣхъ» (spottbillig), или же принявъ подъ закладъ разную домашнюю утварь у одного рабочаго, перепродаетъ ее потомъ другимъ рабочимъ и т. д. Далѣе, инспектору окр. Пруссіи неоднократно приходилось слышать, что нѣкоторые фабриканты, вопреки § 134 Пром. Уст. 1869 г. (у насъ въ Россіи тоже есть такой параграфъ, рѣдко соблюдаемый, а именно ст. 1359 т. IX Св. Зак. ¹⁾), расплачиваются съ своими рабочими вмѣсто наличныхъ денегъ, товарами, однако убѣдиться въ справедливости этихъ жалобъ и наложить взыскаііе, онъ къ сожалѣнію не имѣлъ случая.

Отчетъ фабричныхъ инспекторовъ касается, между прочимъ, той части данной имъ инструкціи, которая предписываетъ: побуждать работодателей, помимо формальныхъ требованій закона, непосредственно проявлять заботливость по отношенію къ такимъ учрежденіямъ, которыя имѣютъ въ виду улучшеніе фабричнаго быта. Такими учрежденіями Рюдигеръ, инспекторъ пров. Франкфуртъ на Одерѣ, считаетъ слѣдующія: 1) кассы для рабочихъ на случай болѣзни или погребенія; 2) страхованіе отъ случайностей всякаго рода; 3) пенсіонныя кассы и страхованіе жизни рабочихъ; 4) ссудосберегательныя кассы; 5) участіе рабочихъ въ прибыли отъ производства; 6) жилища помѣщенія для семейныхъ рабочихъ, условія ихъ найма и пріобрѣтенія въ собственность; 7) казармы для холостыхъ рабочихъ; 8) домашнее хозяйство фабричныхъ (Fabriken-Message); кухни и столовая; 9) потребительныя товарищества для снабженія рабочихъ пищей и одеждой; 10) бани, ванны и прачечныя; 11) больницы; 12) богадѣльни для стариковъ, колыбельни и пріюты для грудныхъ и во-

¹⁾ Ст. 1359 Св. Зак. т. XI прямо и опредѣленно предписываетъ: «если содержатели фабрикъ, заводовъ и мануфактуръ, прежде истеченія съ работниками силъ заведеній времени, самовольно понизятъ плату своихъ работниковъ, или же будутъ заставлять вмѣсто слѣдующей имъ платы деньгами, получать ее товарами, хлѣбомъ, или другими какими либо предметами, то они за сіе подвергаются денежному взысканію отъ 100 — 300 р. и смерть того обязаны вознаградить за понесенные вслѣдствіе сего работникамъ убытки».—Къ сожалѣнію практика современной фабричной жизни въ Россіи далеко не соответствуетъ этому формальному требованію закона. Такъ напр. вспомните исторію на Ярцевской фабрикѣ г. Хлудова.

обще маленькихъ дѣтей; 13) фабричныя и профессиональныя школы; 14) библіотеки, вокально-музыкальныя и гимнастическіе союзы; 15) третейскій судъ для разбирательства взаимныхъ ссоръ между рабочими.

Считая, по соображеніямъ чисто практическаго свойства, излишнимъ подробное сообщеніе всѣхъ свѣдѣній относительно вышеуказанныхъ путей, которыми германское правительство и сами фабриканты надѣются устранить наиболѣе дурныя стороны фабричнаго быта, вредящія благосостоянію рабочихъ, а именно: искоренить пьянство, повысить умственный и нравственный уровень фабричнаго населенія и пр., мы остановимся только на нѣкоторыхъ болѣе характерныхъ данныхъ.

Къ сожалѣнію, отчеты фабричныхъ инспекторовъ за 1876 г., представляють въ этомъ отношеніи очень мало отрадныхъ фактовъ, въ большинствѣ случаевъ инспекторы въ своихъ первыхъ отчетахъ тянутъ одиѣ и тѣ же тоскливыя ноты, хорошо знакомыя намъ, русскимъ. Только въ отчетахъ 1877—1878 гг. мрачный фонъ картины фабричной жизни въ Германіи, по официальнымъ заявленіямъ фабричныхъ инспекторовъ, приобретаетъ сравнительно болѣе веселый колоритъ, несмотря на то, что гуманныя стремленія многихъ фабрикантовъ Германіи были слишкомъ парализованы торговымъ кризисомъ.

Благотворное вліяніе различныхъ общественныхъ учрежденій на состояніе здоровья рабочихъ, по словамъ д-ра Шрейбера (Гессенъ-Нассау), чрезвычайно рѣзко обнаружилось въ годовомъ отчетѣ, составленномъ однимъ изъ такъ называемыхъ кассовыхъ врачей, по книгамъ кассы вспомошествованія больнымъ рабочимъ. Особенно рѣзко обнаружилось это вліяніе при сравненіи данныхъ относительно удовлетворительно устроенныхъ промышленныхъ заведеній (опрятное содержаніе тѣла, просторныя, хорошо вентилируемыя помѣщенія, удовлетворительное питаніе рабочихъ и пр.) и данныхъ по другимъ заведеніямъ, которыя были поставлены въ худшія условія.

Судя по отчету 1876 г., различнаго рода вспомогательныя кассы для рабочихъ встрѣчались въ прусской провинціи довольно рѣдко. Кассы такого рода въ прежнее время существовали на нѣкоторыхъ фабрикахъ, но многія изъ нихъ были принуждены скорѣе закрыться, такъ какъ не было возможности про-

будеть сочувствія къ нимъ въ средѣ рабочихъ этой провинціи. Только въ 1878 г. немного увеличилось число этихъ кассъ вспомошествованія на случай болѣзни. Однако въ другихъ мѣстностяхъ Германіи такія кассы вспомошествованія рабочихъ въ различныхъ случаяхъ, хотя и существовали въ очень многихъ мѣстахъ, но дѣятельность ихъ не могла проявиться достаточно широко, вслѣдствіе своей плохой организаціи и ограниченности денежныхъ средствъ. Относительно нѣкоторыхъ кассъ отчеты инспекторовъ заключаютъ въ себѣ иногда подробныя свѣдѣнія объ ихъ организаціи, балансѣ и общемъ веденіи дѣлъ.

Такъ, напр., крайне интересныя свѣдѣнія сообщаетъ инспекторъ Штюльпнагель въ отчетѣ 1878 г. объ устройствѣ и веденіи дѣла кассы вспомошествованія для вдовъ и сиротъ рабочихъ и служащихъ фирмы Сименсъ и Гальске, поставляющей различные электро-магнитныя снаряды и имѣющей свои громадныя заводы въ Берлинѣ, Шарлоттенбургѣ, Лондовѣ и наконецъ у насъ въ Петербургѣ. Касса была основана въ 1872 году въ память 25 лѣтняго существованія фирмы, сдѣлавшей при этомъ отъ себя крупное пожертвованіе въ 60000 талеровъ. Денежныя средства кассы пополняются изъ ежегодныхъ взносовъ членовъ, а равно и пожертвованіями фирмы. Цѣль кассы—выдача пенсій и единовременныхъ пособій всѣмъ болѣе или менѣе постояннымъ рабочимъ и служащимъ на данномъ заводѣ, а равно ихъ вдовамъ и дѣтямъ. Право на полную пенсію пріобрѣтается въ 3-хъ случаяхъ: 1) послѣ 30 лѣтъ службы на заводѣ, причемъ не требуется представленія свидѣтельства о дряхлости; 2) при наступившей преждевременно неспособности къ труду послѣ 10 лѣтъ службы; 3) при неспособности къ труду вслѣдствіе несчастнаго случая, происшедшихъ при исполненіи потерпѣвшимъ своихъ служебныхъ обязанностей, но не по собственной винѣ. Дѣлами этой кассы завѣдуетъ особый совѣтъ, избираемый изъ среды рабочихъ и служащихъ на заводѣ.

При своихъ разъѣздахъ по провинціи Штюльпнагель неоднократно совѣтовалъ другимъ мѣстнымъ фабрикантамъ послѣдовать прекрасному примѣру фирмы Сименсъ и комп., но къ сожалѣнію постоянно встрѣчалъ возраженіе, что у нихъ нѣтъ для этого средствъ, что при современномъ застоѣ промышленности, фабриканты не въ состояніи дѣлать такихъ крупныхъ затратъ, какъ

фирма Сименса. Однако упомянутый инспекторъ, признавая лишь отчасти эти возраженія справедливыми, доказываетъ тѣмъ не менѣе, что устройство такихъ вспомогательныхъ кассъ вполне возможно даже и для менѣе крупныхъ фирмъ, а равно и путемъ организаціи союзовъ и товариществъ нѣсколькихъ фабрикантовъ по сходнымъ отраслямъ промышленности и, наконецъ, путемъ постепенныхъ сбереженій и накопленія требуемаго капитала. Выгоды отъ учрежденія такихъ кассъ, подробно указанныя въ отчетѣ инспектора и подтверждаемыя фактами, добытыми изъ бухгалтерскихъ книгъ кассы фирмы Сименса, вполне должны окупить сдѣланныя затраты и мнимыя жертвы. Разумное веденіе дѣла исключаетъ возможность финансовыхъ затрудненій, а между тѣмъ коммерческія выгоды отъ этого предпріятія, по мнѣнію Штюльпнагеля, громадны и неисчислимы.

Точно также не безынтересны для насъ русскіе и свѣдѣнія, сообщаемыя въ отчетѣ о пров. Ганноверѣ (1877 г.) относительно пріюта дѣтей, устроеннаго уже болѣе 4-хъ лѣтъ въ Линденѣ, на одной изъ мѣстныхъ самоткацкихъ фабрикъ. Въ пріютъ принимаются дѣти отъ 6 недѣль до 14 лѣтъ, преимущественно тѣ, родители которыхъ живутъ вблизи фабрики и могутъ приводить съ собою своихъ дѣтей въ пріютъ рано утромъ, навѣщать ихъ въ теченіи дня и затѣмъ снова вечеромъ брать дѣтей обратно домой. Ребенокъ, приведенный матерью утромъ въ пріютъ, немедленно переодевается въ полный костюмъ, мѣняя его на собственную одежду только вечеромъ, незадолго предъ тѣмъ, какъ за нимъ снова придетъ его мать. Пріютъ помѣщается въ особомъ, хорошо устроенномъ 4-хъ этажномъ зданіи. Все зданіе раздѣляется на 2 части: въ верхнихъ 2-хъ этажахъ устроена колыбельная, а внизу помѣщаются болѣе взрослые дѣти. Впрочемъ дѣти, обучающіяся въ школѣ, остаются въ пріютѣ только внѣ школьныхъ занятій, причѣмъ они платятъ за это ничтожную сумму, которая и вообще для всѣхъ дѣтей въ этомъ пріютѣ крайне незначительна.

Персоналъ лицъ, на которыхъ возложена была забота о призрѣваемыхъ дѣтяхъ, былъ слѣдующій: 5 диакониссъ (сестеръ милосердія) изъ ближней общины, 13 надзирательницъ, 5 служанокъ и 1 служитель. Поразительнѣе всего то обстоятельство, что расходъ по содержанію пріюта, исключая издержки на отопленіе, освѣщеніе и ремонтъ зданія уменьшался съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе. Въ среднемъ выводѣ за 3 года было около

13,190 дней, проведенных дѣтьми въ пріютѣ, по 59,2 пфениговъ каждый, т. е. около 17—23 коп. на русскія деньги ¹⁾).

Относительно такъ называемыхъ потребительныхъ обществъ для снабженія рабочихъ пищей, одеждой и прочими предметами первой необходимости, довольно сильно распространенныхъ въ Германіи, мы заимствуемъ изъ отчетовъ германскихъ фабричныхъ инспекторовъ только свѣдѣнія о потребительномъ товариществѣ, давно уже устроенномъ въ Эмсѣ и ведущемъ свои дѣла съ большимъ успѣхомъ. Годовой оборотъ этого товарищества равняется въ 1876 года 62,977 марокъ при 232 членахъ, причемъ почти на такую же сумму товаръ былъ отпущенъ и лицамъ, не участвовавшимъ въ товариществѣ; оборотный капиталъ въ теченіи этого года находился въ обращеніи 37 разъ ²⁾. Товарищество устроило собственную хлѣбопекарню съ патентованною печью, доставляющею ежедневно около 600 хлѣбовъ, по 4 фунта; каждый такой хлѣбецъ весьма хорошаго качества, отпускается по 46 пфениговъ, тогда какъ вообще въ этой мѣстности такой же хлѣбъ стоитъ въ продажѣ не менѣе 53—56 пфен. «Такъ какъ», говоритъ д-ръ Шрейберъ, инспекторъ округа Гессенъ-Нассау, «ничто такъ сильно не вліяетъ на улучшеніе экономическаго благосостоянія рабочихъ, а слѣдов. и на улучшеніе ихъ нравственнаго и физическаго строя, какъ возможность уплачивать наличными деньгами за всѣ предметы первой необходимости, то повсемѣстное учрежденіе такого рода потребительныхъ товариществъ заслуживаетъ полнѣйшаго одобренія и сочувствія».

Однако не мѣшаетъ оговориться, что эти потребительныя общества, въ первое время, вообще довольно туго прививались даже въ Германіи, и нужно было много времени, труда, терпѣнія и энергій, чтобы это полезное учрежденіе пустило болѣе или менѣе глубокіе корни среди германскихъ рабочихъ, нравственно-умственный кругозоръ которыхъ, по отчетамъ фабричныхъ инспекторовъ, — замѣтнымъ мимоходомъ — далеко не оправдываетъ тѣхъ взглядовъ,

¹⁾ Въ 1 общегерманской маркѣ считается 100 пфениговъ или 30—40 коп.

²⁾ Срав. нѣкоторые данныя о торговомъ оборотѣ поставщика съветныхъ припасовъ на всѣ фабрики и заводы около села Ростонина, Москов. уѣзда (см. Кирично-гончарное производство Москов. уѣзда. Москва 1881 г., выписка на стр. 141).

которые почему-то установились у насъ въ Россіи, когда рѣчь заходитъ о сравненіи нашихъ низшихъ классовъ съ тѣми же классами въ Германіи.

По словамъ д-ра Вольфа, инспектора въ Дюссельдорфѣ, ссудосберегательныя кассы, не основанныя на принципѣ обязательныхъ взносовъ, вообще крайне рѣдко держались болѣе или менѣе долгое время. Такъ наприм., на одной изъ мѣстныхъ фабрикъ, владѣлецъ, основавъ у себя ссудосберегательную кассу, совместно съ потребительнымъ товариществомъ, приплачивалъ къ каждому членскому взносу еще по 10 марокъ отъ себя, но съ тѣмъ, чтобы въ теченіи перваго года вклады не могли быть взяты обратно членами кассы. Однако, по истеченіи этого срока большинство вкладчиковъ взяло свои деньги обратно, вмѣстѣ съ процентами и хозяйской субсидіей, и съ тѣхъ поръ эта касса почти совсѣмъ прекратила свое существованіе. Напротивъ, обязательныя сберегательныя кассы, существующія на нѣкоторыхъ мѣстныхъ прядильно-ткацкихъ фабрикахъ, особенно благотворно повліяли, по словамъ д-ра Вольфа, на нравственность и бережливость молодыхъ работницъ, а равно и на ихъ дальнѣйшую судьбу. На одной изъ такихъ фабрикъ была заведена система еженедѣльныхъ обязательныхъ взносовъ, смотря по обстоятельствамъ, около 5%—10% недѣльнаго заработка. Проценты съ этихъ взносовъ, благодаря тому что владѣлецъ прибавлялъ къ нимъ еще кое-что отъ себя, доходили до 6% въ годъ. Однако вся накопившаяся сумма могла быть выдана вкладчику только съ согласія особаго совѣта, состоявшаго изъ выборныхъ вкладчиковъ и представителя фирмы, не имѣвшаго впрочемъ права голоса при окончательномъ рѣшеніи вопроса. Кромѣ того, эта касса принимала на текущій счетъ вклады, и помимо еженедѣльныхъ обязательныхъ взносовъ, причитывая на нихъ по 3%, выдача этихъ добровольныхъ взносовъ обратно вкладчикамъ производилась спустя недѣлю по увѣдомленіи объ этомъ. Организованная такимъ образомъ касса дала прекрасные результаты. На указанной фабрикѣ въ 1876 году работало 200 мужчинъ и 140 женщинъ; къ концу этого года въ кассѣ состояло 48,937 марокъ, не смотря на то, что въ продолженіи года было выплачено вкладчикамъ около 27,669 мар. Между вкладчиками-рабочими, и притомъ даже среди женщинъ, были такіе вклады которыхъ превышали 1200 марокъ, средній же размѣръ

вкладовъ можно принять равнымъ 135 марк. «Впослѣдствіи многія изъ вкладчицъ», сообщаетъ далѣе д-ръ Вольфъ, «очень удачно вышли замужъ, что еще болѣе ободрило и другихъ дѣвушекъ. Сознавая, что у нихъ есть кой-какой достатокъ, они не такъ уже легко отдавались первому встрѣчному мужчинѣ, что и послужило нравственнымъ огражденіемъ ихъ чистоты и непорочности».

Далѣе изъ отчета инспектора Зака (1878) мы замѣствуемъ свѣдѣнія о сберегательной кассѣ, существующей на одномъ крупномъ заводѣ въ Кенпгсбергѣ. Въ этой кассѣ существуетъ такое обыкновеніе, въ значительной степени способствующее развитію бережливости среди рабочихъ: когда сбереженіе того или другаго рабочаго достигаетъ извѣстнаго размѣра, то онъ получаетъ отъ фабричной администраціи еще 10 процент. этой суммы въ видѣ преміи. Касса пополняется еженедѣльными вкладами, простирающимися до 1 марк. Такимъ образомъ, если сбереженіе рабочаго достигаетъ, положимъ, 100 марокъ, то онъ получаетъ еще въ видѣ преміи 10 марокъ.

Тотъ же инспекторъ еще въ 1876 г. встрѣтилъ у одного фабриканта въ Эльбингенѣ сберегательную кассу, устроенную имъ для своихъ учениковъ. Изъ своего еженедѣльнаго заработка ученикъ получаетъ на прожитіе только 4 марк, изъ остальныхъ 3 марокъ контора удерживаетъ около 50 пфениговъ. Такимъ образомъ, по истеченіи 4 лѣтъ ученія, ученикъ получаетъ 80—150 мар.; если же онъ уходитъ отъ хозяина раньше условеннаго срока, то лишается всѣхъ сдѣланныхъ имъ сбереженій.

По свѣдѣніямъ нѣкоторыхъ фабричныхъ инспекторовъ, какъ, напр., д-ра Вольфа въ Дюссельдорфѣ (1878 г.) и др., такъ называемыя дешевыя столовыя для рабочихъ, хотя и не безъ труда, стали въ послѣднее время очень прививаться въ Германіи. Такъ въ одну изъ такихъ столовыхъ, устроенную для женщинъ, д-ръ Вольфъ попалъ во время самаго обѣда и, попробовавъ кушанье (супъ съ мисомъ, картофель и хлѣбъ), нашелъ, что оно вполне превосходно и, во всякомъ случаѣ, не хуже тѣхъ обѣдовъ, которыми ему, при своихъ разъѣздахъ по округу, приходилось довольствоваться въ различныхъ желѣзнодорожныхъ ресторанахъ.

Инспекторъ Рюдигеръ (Франкфуртъ) въ отчетѣ 1876 г., описываетъ, между прочимъ, организацію одного своеобразнаго кружка рабочихъ на чугунно-литейномъ заводѣ въ Коценау. Кружокъ

этотъ возникъ по собственной инициативѣ рабочихъ и носитъ названіе коллегіи старѣйшихъ (Aeltesten-Collegium). Согласно своему оффиціальному уставу, коллегія эта состоитъ изъ 13 членовъ, избираемыхъ на 3 года изъ среды рабочихъ. Выборные въ свою очередь избираютъ предсѣдателя, товарища предсѣдателя и секретаря. Всѣ вопросы рѣшаются закрытой баллотировкой, по большинству голосовъ. Главная цѣль коллегіи—поддержаніе тишины и спокойствія внутри и внѣ завода; каждый изъ рабочихъ обязанъ неуклонно слѣдовать постановленіямъ коллегіи, оказывая ей всевозможное содѣйствіе. Коллегія разбираетъ споры и распри между рабочими, склоняя ихъ къ примиренію, или налагая денежное взыскаіііе до 3 марокъ, причемъ деньги эти, при ближайшемъ разсчетѣ, удерживаются изъ заработка конторы завода; за болѣе важныя проступки коллегія имѣетъ право вовсе уволить виновныхъ рабочихъ съ завода; за проступки учениковъ налагается удлинненіе срока ученія на 1—2 и даже на 3 года. Иногда администрація завода предлагаетъ на обсужденіе коллегіи рѣшеніе такого вопроса: можетъ-ли быть принятъ на заводъ такой-то рабочий, опороченный судебнымъ взысканіемъ или дурными отзывами другихъ фабрикантовъ. Въ такихъ случаяхъ коллегія старѣйшихъ часто разрѣшаетъ принять сомнительнаго рабочаго въ видѣ опыта, чтобы онъ не работалъ въ самыхъ мастерскихъ. Такова, въ общихъ чертахъ, организація этого оригинальнаго учрежденія, въ извѣстномъ смыслѣ очень полезнаго для фабрикантовъ и отчасти для самихъ рабочихъ.

Въ виду того, что, по словамъ профес. Янжула ¹⁾, наше министерство финансовъ уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ обратилось къ разнымъ лицамъ и учрежденіямъ, близкимъ къ фабрично-заводскому дѣлу, съ цѣлымъ рядомъ вопросовъ относительно способовъ и средствъ развитія профессиональныхъ знаній и технического образованія между рабочими на фабрикахъ, заводахъ и ремесленныхъ заведеніяхъ, мы полагаемъ, не лишено значенія указаніе германскихъ фабричныхъ инспекторовъ, что профессиональныя школы въ Германіи съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе умножаются, приобрѣтая всеобщее уваженіе и сочувствіе, какъ

¹⁾ Датскій и женскій фабричный трудъ въ Англіи и Россіи. (Отечеств. Зап. 1880 г. № 1).

среди фабрикантовъ и рабочихъ, такъ и со стороны различныхъ учреждений и частныхъ лицъ. Кроме того, изъ отчетовъ д-ра Шрейбера, инспектора Гессенъ-Нассау (1878 г.), видно, что въ Висбаденѣ существуетъ очень много такъ называемыхъ дополнительныхъ курсовъ (Fortbildungsschule), которыя устроены въ различныхъ мѣстностяхъ упомянутой провинціи.

Такія школы возникли главнымъ образомъ по инициативѣ Германскаго промышленнаго союза, основаннаго еще въ 1845 году, и въ настоящее время они значительно расширились и умножились, такъ что общее число ихъ въ 1877 г. простиралось до 52. Дальнѣйшему процвѣтанію этихъ школъ не мало содѣйствовали, по словамъ инспектора, крупныя субсидіи со стороны Германскаго правительства. Эти школы или курсы состоятъ обыкновенно изъ 2 самостоятельныхъ отдѣленій: 1) вечерніе классы, въ которыхъ преподаются нѣмецкій языкъ, чистописаніе, счетоводство, ученіе о всѣхъ яхъ и, въ случаѣ хорошихъ успѣхахъ въ этихъ наукахъ, химія и физика; 2) рисовальныя классы, въ которыхъ преподаются черченіе и рисованіе. Главная цѣль этихъ курсовъ состоитъ въ томъ, чтобы сообщить теоретическія и практическія свѣдѣнія, необходимыя или полезныя для усовершенствованія въ извѣстномъ производствѣ, а равно и для того, чтобы вообще развить и улучшить эстетическія чувства среди рабочихъ. Обязательное посѣщеніе такихъ школъ, согласно мѣстнымъ статутамъ, существуетъ только въ 26 мѣстечкахъ. Тѣмъ не менѣе уже въ 1877 г. число учениковъ въ дополнительныхъ классахъ равнялось 1578, а въ рисовальныхъ школахъ было 2170 человекъ. Нѣкоторые фабриканты установили при этомъ обычай давать своимъ малолѣтнимъ рабочимъ извѣстное свободное время, необходимое для посѣщенія этихъ школъ. Эта льгота, стараніями фабричнаго инспектора, была допущена также и на другихъ фабрикахъ, гдѣ еще не существовало этого похвальнаго обычая. Ежегодныя инспекціи свѣдущихъ школьныхъ инспекторовъ, принимавшихъ самое теплое участіе въ успѣхахъ этихъ школъ, способствовали еще большому оживленію и дальнѣйшему процвѣтанію этого въ высшей степени полезнаго учрежденія.

Въ заключеніе своей статьи мы ограничимся указаніемъ только нѣкоторыхъ общихъ соображеній, выраженныхъ нами еще зяною

вышшняго года, на сѣздѣ врачей Московскаго земства ¹⁾, а именно:

1) Англійское фабричное законодательство представляется однимъ изъ наиболѣе полныхъ и наиболѣе удовлетворяющихъ требованіямъ практической жизни и промышленной гигиены.

2) Русскій фабричный уставъ, который имѣетъ быть выработаннымъ въ ближайшемъ будущемъ, можетъ быть составленъ по образцу англійскаго законодательства, на основаніи знакомства съ мѣстными условіями фабричной жизни, въ самыхъ разнообразныхъ областяхъ Россіи.

3) Дѣйствительная и всесторонняя охрана фабричныхъ рабочихъ въ Россіи, возможна лишь при одновременномъ для всего государства вмѣшательствѣ высшихъ правительственныхъ инстанцій, на основаніи мѣстныхъ санитарныхъ изслѣдованій фабричнаго быта.

4) Государственное вмѣшательство, какъ показываютъ примѣры Англій, Германіи и Швейцаріи, отнюдь не служитъ къ стѣсненію условій фабричнаго производства, но напротивъ весьма сильно способствуетъ усиленію промышленности и прикладной техники.

5) Для предупрежденія различнаго рода фабричныхъ катастрофъ настоятельно необходима серьезная организація собранія статистическихъ свѣдѣній о болѣзняхъ и несчастныхъ случаяхъ на фабрикахъ. Не малое содѣйствіе этому дѣлу могли бы оказать даже въ настоящее время фабричные врачи, а равно и нѣкоторые фабриканты и директора изъ числа тѣхъ, которымъ доступно серьезное пониманіе важности этого вопроса для отечественной промышленности.

А. Погожевъ.

¹⁾ Пятый губерн. сѣздъ врачей Москов. земства (Протоколы засѣданій и труды). Москва 1881 г. Изд. Москов. губ. земства. Стр. 61—66.

Внизъ по широкой рѣкѣ, озаренной полуденнымъ солнцемъ,
Тяжко, томительно тихо плыла неуклюжая барка;
Кормчій, на руль опершись и отдавшись на волю теченья,
Сладко дремалъ; серебромъ и лазурью сверкающей лентой
Вдаль убѣгала рѣка—и конца ей, казалось, не видно.

Дружными взмахами весель алмазныя брызги вздымая,
Легкая лодочка баркѣ на встрѣчу неслась... поровнялись...
„Ишь васъ несетъ“? проворчалъ ей во слѣдъ потревоженный
кормчій.

Смѣхъ молодыхъ голосовъ и лихая, веселая пѣсня
Сонному кормчему были отвѣтомъ и лодка исчезла
Въ блескѣ широкой рѣки, озаренной полуденнымъ солнцемъ.

В. С. Лихачевъ.

ВЪ СТЕПИ.

(Продолженіе *)

IV.

Спиридонъ Семеновъ.

Первымъ встрѣтившимся мнѣ представителемъ критической мысли въ деревнѣ былъ молодой мужикъ, лѣтъ 22-хъ, по имени Спиридонъ Савчукъ. Познакомился я съ нимъ въ первый-же приѣздъ въ деревню.

Разъ какъ-то я сидѣлъ въ отведенной мнѣ комнатѣ и трудился надъ составленіемъ особой таблицы, такъ называемой градусной. Таблица эта нужна была для малограмотныхъ прикащиковъ моего хозяина - комерсанта, которые никакъ не могли опредѣлять крѣпость спирта при различныхъ температурахъ. Въ самый разгаръ моей работы въ комнату вошелъ молодой мужикъ, помолился на образъ и протянулъ мнѣ руку.

— Сдрастуйте, Я. В.!

Мы поздоровались. Я предложилъ ему присѣсть и спросилъ о причинѣ его посѣщенія.

— Да вотъ тутъ дѣльце есть... Ты вѣдь ученый (на мнѣ болтался гимназическій мундиръ, и потому для деревни я былъ ученымъ), значить ты это дѣло знаешь...

— Какое-жъ дѣло-то?

*) См. Уставъ № 1-4.

— Садовое, другъ, на счетъ саду... Нѣтъ-ли у тебя книжки, какъ тамъ колеровки, да прививки дѣлать?

Я тогда находился въ періодѣ перваго пробужденія совѣсти, перваго сознанія своего долга, громаднаго долга народу. Это сознаніе, проникшее въ мою душу подъ вліяніемъ чтенія, заставляло меня искать средствъ, которыми я могъ-бы уплатить хоть отчасти свой долгъ. Прежде всего такимъ средствомъ казалось мнѣ, можетъ быть, внесеніе мною въ деревню знаній. „Не даромъ-же мы учились, чортъ возьми!“ думалъ я. „Все-жь я знаю больше какого-нибудь мужика“. Но когда я сталъ просматривать запасъ своихъ знаній, то оказалось, что я знаю, дѣйствительно, много, но что въ тоже время эти знанія такого сорта, что мужикъ за нихъ не дастъ и выѣденнаго яйца, такъ какъ они ему, а то, пожалуй, и вообще никому не нужны. Я не говорю уже о классической мудрости, которою была биткомъ набита моя голова и на усвоеніе которой, главнымъ образомъ, тратились мои силы. Оставивъ даже въ сторонѣ эту, завѣдомо ни къ чему негодную, ветошь, могъ-ли я по совѣсти считать нужнымъ кому-нибудь тотъ хламъ, который подносился мнѣ подъ именемъ разныхъ „наукъ“? Вотъ, напр., исторія, — кому понадобится и на что „свѣдѣніе“ такого рода: „Тамерланъ, страшный монгольскій завоеватель, прошедшій съ огнемъ и мечемъ всю Азію, коснулся, наконецъ, нынѣшнихъ предѣловъ Россіи?“ Больше ничего ни о Тамерланѣ, ни о его времени ни учебникъ, ни учитель мнѣ не сообщали. Въ такомъ-же родѣ были и остальные мои „историческія знанія“. Еще не нужнѣе были грамматическія, литературныя и другія... Правда въ моемъ запасѣ знаній были и такія, которыя я не могъ ни въ какомъ случаѣ признать нкуда негодными. Это были знанія, доставленныя мнѣ учебниками географіи и физики. Я зналъ, что земля не стоитъ на трехъ китахъ, что она круглая, что не солнце вокругъ земли ходитъ, а наоборотъ; зналъ, что громъ происходитъ не отъ того, что Илья-пророкъ въ колесницѣ ѣздитъ и т. п. Я понималъ, что знаніями такого рода я могу заинтересовать мужика; но, размышляя по совѣсти, могъ-ли я

Мужикъ принималъ участіе въ моей вознѣ въ книгахъ и нѣкоторыя изъ нихъ разсматривалъ. Вниманіе его было особенно привлечено брошюркою: „Разказы о землѣ и небѣ“.

— Нельзя-ли мнѣ взять и эту книжечку? попросилъ онъ.

Я согласился и спросилъ его, скоро-ли онъ принесетъ обѣ брошюрки.

— Скоро-то наврядъ... Вѣдь я какъ ихъ буду читать?... когда отъ работы время урву—вотъ какъ!... Да и на что они тебѣ скоро? Нешто самъ не читать?...

— Самъ-то я ужъ читалъ. А вотъ если придетъ кто-нибудь да попросить...

— Ну, не бойся, никто не придетъ.

— Почему же это?

— Есть когда нашимъ мужикамъ читать.

— Ты же, однако, читаешь, хоть ты и мужикъ.

— Э, я—особь-статья... Я—мужикъ, да мысли у меня не мужицкія.

— Какія-жъ у тебя мысли?

— Разныя есть... Вотъ поживешь у насъ, мы съ тобой обо всемъ и поговоримъ... А теперь, я вижу, я тебѣ мѣшаю, ты что-то пишешь...

— Ничего, я могу и послѣ...

— Ну, зачѣмъ послѣ?.. Ты ужъ вечеръ приходи ко мнѣ на завалянку: тутъ недалечко—спроси Спиридона Савчука, всякъ тебѣ укажетъ... А пока прощай...

Кончивъ работу, я отправился пить чай. За чаемъ я свелъ разговоръ на Савчука и сталъ распрашивать о немъ комерсанта. Комерсантъ очень неодобрительно отозвался о Савчукѣ, хотя въ то же время не могъ не признать его мужикомъ обстоятельнымъ.

— Хозяйство у него полное, все какъ слѣдуетъ: двѣ пары воловъ, лошадь есть, овцы—десятка два... Работникъ онъ хорошій, и притомъ одинъ: отецъ у него старъ, а братъ—ка-

лѣка, безъ ногъ сидитъ. Ну, бабы: мать еще бодрая, сестра—невѣста, жена... Двое дѣтишекъ у самаго есть... Мужикъ тверезый, ничего въ ротъ не беретъ, даже пива, и того ни-ни... Отецъ у него былъ пьяница,—отъучилъ, уговорилъ бросить... Мужикъ грамотный, все около вашего брата трется: съ учителями школьными первый другъ; семинаристы, поповскіе сынки прежде наѣзжали—съ ними цѣлые дни по праздникамъ возился... Теперь къ тебѣ зачистить—отбою не будетъ... Любопытный: обо всемъ будетъ спрашивать, чего ты и самъ не знаешь... Да вотъ увидишь... Мужики его любятъ, потому нужный человѣкъ: чуть что, сей-часъ: „Савчука сюда!“ Онъ и повѣрку сдѣлай, онъ и напиши: писарю-то не дюже довѣряютъ. Теперь у насъ попечителемъ школы, и такой внимательный: чуть не каждый день туда бѣгаетъ, и на сходѣ—страсть какъ распинается, чтобъ денегъ на школу прибавили... Всѣмъ-бы мужикъ обстоятельный, только есть въ немъ зудъ вредный: лѣзетъ не въ свое дѣло. На насъ, комерсантовъ, страсть, нападаетъ: мы и мужицкіе соки пьемъ, мы и разорили-то мужиковъ, и опаиваемъ ихъ, и, чортъ знаетъ что, наговорить... Этакая холера!.. И постоянно подбиваетъ мужиковъ, чтобъ намъ чѣмъ-нибудь насолить. Прошлою зимою подбить, было, мужиковъ не давать намъ разрѣшенія на кабаки... Мы, видишь-ли, держимъ тутъ кабаки трое: мы, Семеновъ и Зарочинскій. За разрѣшеніе и за то, чтобъ общество больше никому не давало разрѣшенія, мы платимъ обществу по 700 рублей съ кабака въ годъ: у насъ три кабака, мы платимъ двѣ тысячи сто рублей; Семеновъ платитъ столько-же, а Зарочинскій—только за два кабака. Всего, значить, общество получаетъ съ насъ, такъ себѣ, ни за-что, ни про-что, пять тысячъ шесть сотъ рублей... Такъ вотъ Савчукъ и этимъ не доволенъ, началъ мутить мужиковъ: „не надо кабаковъ, да не надо, отъ нихъ, дескать, одинъ разоръ“!... Какъ будто его, подлеца, кто тянетъ въ кабакъ: не хочешь, не пей!... И подбить, вѣдь: подошло Рождество, надо за патентами ѣхать, а разрѣшенія нѣтъ. Что ты будешь дѣлать? Мы и такъ, и

этакъ—ничего не подѣлаешь; уперлись на одномъ: „не нужно, да не нужно!...“ Такой безтолковый народъ!.. А Савчукъ такъ и бѣгаетъ, такъ и вертится между мужиками—поджигаетъ все мужиковъ. И чего, спрашивается, человѣку нужно?... Такая шельма!..

И комерсантъ въ негодованіи сплюнулъ.

— Ну, чтожь, такъ вамъ разрѣшенія и не дали? спросилъ я, живо заинтересованный разсказомъ комерсанта.

— Ну, какъ не дали!.. Тутъ вышла такая потѣха: ужъ мы постѣ смѣялись, смѣялись, всѣ животики надорвали!.. Пришелъ новый годъ — кабаки всѣ закрыты. Ходятъ мужики по улицамъ да по площади, какъ одурѣлые. Ну, что имъ дѣлать безъ кабаковъ? Куда имъ дѣться? Какъ праздникъ провести? Если они еще привыкли праздники сидѣть въ кабакахъ?... Видимъ мы, что мужики, какъ вареные; что, спрашиваемъ, скучно вамъ, ребята, безъ кабаковъ? Молчать, только почесываются... Ну, часамъ къ четыремъ, видимъ, мужики совсѣмъ разомлѣли,—дѣлай съ ними, что хочешь; ну, выкатили по боченку водки—мы съ одной стороны площади, Семеновъ — съ другой, а Зарочинскій—съ третьей: подходи, ребята, пей, кто хочешь! Такъ они, какъ мухи на сладкое, такъ они на водку: ну, понятно, сей-часъ-же намъ и разрѣшеніе дали... Этакой глупый народъ: покажи имъ только штофъ, они на все согласны...

Разсказанная мнѣ комерсантомъ страничка деревенской жизни произвела на меня крайне тяжелое впечатлѣніе. Желая провѣрить, на сколько въ разсказѣ комерсанта было правды, я съ нетерпѣніемъ ожидалъ наступленія вечера, чтобы отправиться къ Савчуку. Наконецъ смерклося, и я пошелъ разыскивать его. Онъ меня уже ждалъ и встрѣтилъ меня очень привѣтливо. Я тотчасъ же разсказалъ ему свой разговоръ съ комерсантомъ. То, что я узналъ отъ комерсанта о Савчукѣ, неволью заставляло относиться къ послѣднему съ

уваженіемъ и даже съ любовью, и потому я говорилъ ему все, безъ утайки. Когда я кончилъ, Савчукъ, съ добродушнымъ смѣхомъ, отвѣтилъ:

— Вѣдь, ишь-ты, какъ расписалъ-то! Ну, да и прокурать же твой родня, не въ обиду тебѣ будь сказано!... Пять тысячъ шесть сотъ рублей общество получаетъ! Какъ вретъ-то!... Тутъ, видишь, какая махинація подведена: деньги-то они обязываются заплатить, ну только не платятъ; а на мѣсто того, общество у нихъ водкой эти деньги забираетъ, на обществѣ ихъ пропиваютъ...

— Неужели же такую громадную сумму общество пропиваетъ на сходахъ?

— Э, братецъ, этого-то еще мало; чай, родственникъ-то тебѣ говорилъ, что онъ платитъ за землю, что у него подъ дворомъ: такъ вотъ и эти деньги водкой покрываются...

— Ну, а разрѣшеніе тоже черезъ водку получено, какъ родственникъ говорилъ? спросилъ я.

— Это вѣрно, чтожъ грѣхъ таить... Только, какъ я теперь подумаю, не съ того я конца тогда началъ... Некуды мужику-то дѣться въ праздникъ: дома сидѣть — давно все надоѣло, къ другому пойтить — у него то же, что и дома. Остается идти въ кабакъ... Кабы было куды дѣться...

— Ну, а съ какого жъ конца нужно начинать?

— Вотъ я и подумываю... Надумалъ я трактиръ открыть, только безъ водки... Приходи, значить, пей чай и бесѣлуй... Глядишь, отъ кабаковъ-то и стануть отвыкать...

Нечего и говорить, что мнѣ въ высшей степени понравилось намѣреніе Савчука. Я съ восторгомъ слушалъ его соображенія о томъ, что нужно будетъ купить все по самымъ дешевымъ цѣнамъ, что онъ даже, можетъ-быть, заведетъ въ своемъ трактирѣ какую-нибудь дешевенькую газету и т. д.

Было довольно поздно, когда я собрался уходить. На прощанье я спросилъ его:

— Ну, а барыши ты думаешь получать отъ трактира?

— На что они мнѣ: я проживу и хозяйствомъ. Слава Богу, я не уродъ, работать умѣю...

— Но что же тебя заставляетъ то объ закрытіи кабаковъ хлопотать, то трактиръ открывать?

— Какъ что? Витъ я жъ — мужикъ, ну, только у меня, благодаря Бога, пониманіе есть. Развѣ не понимаю, какъ нашего брата, мужика, обдирають со всѣхъ сторонъ, да еще и издѣваются надъ нимъ... Больно, вѣдь, это. И ежели я понимаю, долженъ-же я какъ-нибудь присодѣйствовать? Вѣдь, ежели я буду молчать, значить, я — свинья — и весь разговоръ... А я такъ не хочу; а хочу, чтобъ и мужикъ-то человѣкомъ стать, — вотъ что, братецъ ты мой!.. А то посмотри, что у насъ дѣлается: вотъ нынче праздникъ, хороводъ, значить; посмотри, съ хоровода-то парни съ дѣвками расходятся, куда они идутъ?.. А то еще хуже: къ прикащикамъ дѣвки бѣгаютъ... Или вотъ: драгуны у насъ по селу разставлены — сколько отъ нихъ грѣха-то!... Эхъ, что и говорить...

Мы распрощались. Съ этого дня Савчукъ сталъ ходить ко мнѣ почти каждый праздникъ, такъ-какъ я, большею частью, проводилъ въ степи только будничные дни, а на праздники, главнымъ образомъ, на воскресенья, возвращался въ Круглую балку, въ домъ родственника. Савчукъ бралъ у меня книги и читалъ ихъ съ увлеченіемъ. Особенно понравились ему книги, касающіяся астрономіи и географіи.

— Какъ же это такъ, говорить, напримѣръ, онъ: значить, мѣсяць самъ черный?

— Черный.

— Какъ же онъ свѣтитъ, ежели у него своего свѣта нѣтъ? Я беру зеркало и отражаю имъ лучи солнца.

— Видишь, говорю, зеркало тоже не имѣетъ своего свѣта, а вотъ свѣтитъ же...

Савчукъ беретъ у меня зеркало и долго заставляетъ бѣгать по двору свѣтлый кружокъ, наводя его иногда на проходящихъ по двору людей и заставляя ихъ жмуриться. Въ это время онъ

былъ настоящимъ ребенкомъ: весело смѣялся, хлопалъ себя по бедрамъ и поминутно восклицалъ:

— Что, ослѣпило тебя? такъ, такъ: почешись!.. Ну, а этотъ совсѣмъ ошалѣлъ: гляди, ажъ шапку скинулъ...

И онъ только тогда оставилъ свою забаву, когда одинъ хозяйскій работникъ, котораго онъ преслѣдовалъ отраженіемъ черезъ весь дворъ, замѣтилъ его продѣлку и съ седрцемъ крикнулъ: „оставь, Савчукъ, а не то дубиной оглушу!..“

Особенно занимали Савчука лунныя и солнечныя затмѣнія, и для того, чтобы онъ лучше понялъ ихъ причины, мы не разъ устраивали наглядные опыты. А когда случилось дѣйствительное солнечное затмѣніе, то мы съ Савчукомъ такъ усердно наблюдали его чрезъ закопѣлыя стекла, что наши лица были всѣ въ сажѣ.

Интересовала его также физиологія растений и земледѣльческая химія. Когда онъ прочиталъ, что хлорофилъ, зеленое вещество растений, развивается подъ вліяніемъ свѣта, онъ тотчасъ же рѣшился провѣрить это на опытѣ: насыпалъ землю небольшою ящичку, посадилъ въ него нѣсколько травъ, поставилъ его подъ избу, куда не проникалъ свѣтъ, и старался поливать посаженные травы чуть не каждый день. Черезъ три недѣли онъ съ торжествомъ принесъ мнѣ ящичку: травы росли хорошо, но были желты.

Кромѣ, такъ сказать, научныхъ разговоровъ, мы съ Савчукомъ постоянно бесѣдовали и о деревенскихъ дѣлахъ. Бесѣды эти имѣли свойство дѣйствовать какъ-то раздражительно на моего собесѣдника, находившаго крайне много дурныхъ сторонъ въ этой жизни и обыкновенно заканчивались восклицаніемъ Савчука: „эхъ, кабы у меня была сила, не такъ бы я повернулъ“. Я, впервые тогда познакомившійся со многими прекрасными сторонами деревенскаго строя, которыя, однако, Савчуку казались совершенно безразличными, не могъ раздѣлять пессимистическихъ взглядовъ Савчука, но не могъ также не согласиться, что въ деревнѣ, дѣйствительно, нужно кое-что „повернуть“. Поэтому я очень желалъ, чтобы Савчуку

досталась та сила, которой онъ желалъ, и, такъ какъ я не видѣлъ въ деревенской жизни никакой силы, кромѣ власти старосты, то я однажды и высказалъ Савчуку надежду, что онъ когда нибудь сдѣлается старостой и тогда что-нибудь „повернетъ“.

— Ты со мной въ одно думаешь, отвѣчалъ онъ: я-то силую и вижу себя старостой... Я и попечителемъ-то школьнымъ сталъ за этимъ самымъ: думаю, угожу мужикамъ, авось... Это-то намъ только и желательно... Тогда-то мы другой разговоръ поведемъ и съ твоимъ родственничкомъ, и съ другими; не станутъ они у меня общество опавать, а будутъ чистыя денежки платить...

Но всего чаще мы съ Савчукомъ вели бесѣду о школѣ. Онъ относился къ школѣ чрезвычайно любовно, но въ то же время не могъ говорить объ ней безъ досады и даже нѣкоторой злобы. Онъ былъ крайне недоволенъ программой, по которой ведется преподаваніе въ сельской школѣ, учебниками, употребляемыми въ этой школѣ, а всего болѣе учителемъ, подвизавшимся въ круглобалковской школѣ.

— Что это за ученье, говорилъ онъ: научатся ребята читать да писать—и будя?

— Какъ же, Савчукъ, а ариеметика, а грамматика? вѣдь онѣ же преподаются въ школѣ?

— Это точно; только, видишь, считать-то кое-какъ научиваются всего на всего ребятишекъ десять, а всѣхъ бѣгаетъ въ школу шестьдесятъ; а грамматику эту самую нашъ учитель и самъ мало понимаетъ... Ну, скажи ты мнѣ, чтожь это выйдетъ изъ мальчонки, коли онъ какъ дуракомъ до школы былъ, такъ и послѣ нея дуракомъ остался, ни чуточки ума-то не прибавилось, пониманія, значить?..

— Но за то же они могутъ читать книги и изъ нихъ многому научиться?

— А книжки-то гдѣ брать?

— Какъ гдѣ? наивничаль я: да вѣдь при школѣ же есть библіотека? Я самъ читалъ въ отчетѣ директора...

— Есть-то есть... Да ты видалъ, какія тамъ книги?... Вотъ давай сходимъ въ школу, ты и посмотришь: тамъ, братъ, такія интересныя книжищи, что просто духъ отъ нихъ захватываетъ... Такъ тебѣ мальчонка-тъ въ одинъ присѣсть десятокъ отхватаетъ! Какъ же, разѣвай ротъ!.. Вотъ послушай, какой со мной былъ случай... Собралъ я разъ немного денегъ на книги—купцы дали, дьячки—тоже,—ихнія-то дѣти въ нашу же школу бѣгають,—ну, мужики нѣкоторые давали... Хорошо; собралъ это я и думаю: ну, теперь надо хорошенькихъ, расхорошенькихъ книгъ купить, чтобъ ребятенки-то запоемъ читали... Ну, а у насъ ужъ такой порядокъ, чтобы все черезъ директора... Написать я ему: такъ, молъ, и такъ, деньги я собралъ, такъ пожалуйте намъ хорошенькихъ книгъ. Учитель—тогда у насъ учитель-то хорошій былъ—то же приписалъ отъ себя ему, директору... Ну, получаемъ. Что же ты думаешь — пятьдесятъ штукъ все одной книжки, да какой! ево же, директорской-то, которую, значить, онъ самъ сочинилъ... Вотъ угораздилъ-то треклятый!..

— Какая-жь это книжка?

— Наставленіе къ обученію славянскому языку... Ну на что она нашимъ ребятишкамъ?... А я, значить, когда деньги-то собиралъ, всѣмъ говорю: вотъ будутъ у насъ хорошія книги, будетъ чего ребятишкамъ почитать. И ребятишкамъ тоже все толковать: вотъ придуть книги, вотъ придуть... Такъ ихъ раззадорилъ, что они, какъ пришли книги, поминутно ко мнѣ бѣгають: дай, дядя Спридонъ, книжки, да дай. А что я имъ дамъ? показавъ одному, другому—носъ воротить, отцамъ жалятся: обмануль, говорятъ. Отцы—тоже, а одинъ мужикъ такъ меня на сходѣ мошенникомъ обозвалъ... Вотъ, братъ, какія бывають у насъ дѣла!.. Теперь ужъ и думать нечего, чтобъ еще деньжатами на книги разжиться: не дадутъ... Да хоть бы и дали, стану я собирать? чтобъ ему, стожилому, въ карманъ? Да лопни его утроба толстомясая!.. Пойдемъ, что-ли, въ школу-то? посмотришь, какія у насъ книги, да и на учителя взглянешь: не вездѣ, чай, такіе уроды водятся...

Пошли въ школу. Школьное зданіе, довольно просторное и чистенькое снаружи, крыто желѣзомъ. На дверяхъ прибито писанное объявленіе, составленное учителемъ и представляющее такое безобразіе въ грамматическомъ отношеніи, что трудно повѣрить въ возможность такого объявленія на школьной двери, если не видѣть его самому. Красоты вывѣсочной грамотности не заслуживаютъ никакого вниманія въ сравненіи съ прелестями этого объявленія. Вотъ оно слово въ слова, съ точнѣйшимъ соблюденіемъ орфографіи подлинника: „Всею школу допускаеца, всякай только нивьяномъ, видѣ! Учѣніе прададжантца, сдивити подва числа! акрамя праздниковъ топсть, васкресныхъ дней а такжы, табилей!“ Обиліе запятыхъ объяняется тѣмъ, что онѣ ставились въ концѣ каждой строчки. Появленіе же въ объявленіи восклицательныхъ знаковъ я не могъ объяснить себѣ ничѣмъ. Да не подумаетъ читатель, что объявленіе это — плодъ моеѣ фантазіи. Нѣтъ, объявленіе это дѣйствительно цѣлый годъ висѣло на дверяхъ круглобалковской школы и, не смотря на то, что школу за это время посѣщали разныя лица, какъ то: самъ директоръ училищъ, мировой посредникъ, исправникъ, и др. которые, конечно видѣли это объявленіе и читали его, все таки оно было снято съ школьной двери только тогда, когда въ круглобалковскую школу былъ назначенъ другой учитель, нѣсколько пограмотнѣе. Чтобы понять этотъ нелѣпый фактъ, надо знать, что въ нашемъ отдаленномъ краѣ всѣ перечисленные выше, а также и всякія другія служебныя лица назначаются не только изъ людей малообразованныхъ, но даже прямо малограмотныхъ, что у насъ возможенъ исправникъ, получившій образованіе... въ банѣ, въ качествѣ банщика, возможенъ директоръ училищъ, образованіе котораго ограничилось прохожденіемъ курса уѣзднаго училища, возможенъ секретарь статистическаго комитета, не пошедшій дальше умѣнія читать, писать и считать и подготовившій себя къ дѣятельности въ качествѣ статистика занесеніемъ въ свою память двухъ иностранныхъ словъ — „статистикъ“ и „политико-экономъ“ (такъ онъ ве-

личает себя въ своихъ якобы „статистическихъ изслѣдованiяхъ“, помѣщающихся, конечно, въ многотерпящихъ мѣстныхъ официальныхъ вѣдомостяхъ), что, наконецъ, у насъ и высшія служебныя мѣста занимаются людьми, начавшими свою карьеру съ „писарьковъ“. Не удивительно, если подобныхъ господъ нисколько не поразитъ всякое на дверяхъ школы объявленіе, подобное вышеприведенному. И въ самомъ дѣлѣ, что страннаго въ этомъ объявленіи, если они и сами ищутъ также граматно.

Авторъ курьезнаго объявленія тотчасъ же предсталъ предъ нами, лишь только мы отворили дверь. По его манерамъ и по разговору я тотчасъ же узналъ въ немъ отставнаго солдата, надѣвшаго „штатскій“ сюртукъ, что оказалось вѣрнымъ. Образование этотъ оригинальный педагогъ получилъ въ ротной школѣ; къ педагогической дѣятельности себя не предназначалъ, а попалъ въ учителя потому, что „здѣсь больше платятъ“, чѣмъ въ сторожахъ.

Отставные солдаты считались одно время у насъ едва ли не самыми лучшими педагогами для деревни. Директоромъ народныхъ училищъ былъ тогда человекъ ограниченный, любившій, чтобы учителя стояли предъ нимъ на вытяжку. Не встрѣчая въ учителяхъ, получившихъ хотя нѣкоторое образование, должной готовности „стоять въ стрункѣ“, онъ предпочиталъ имъ оставшихъ солдатъ, какъ лицъ, вполне могущихъ удовлетворять его требованія относительно струнки, и наполнилъ ими народныя школы. Понятно, что подобныя учителя и въ школѣ практиковали тѣ же приемы, которые они изучили, „состоя въ строю“.

Тяжелое впечатлѣніе произвело на меня посѣщеніе школы. И самъ учитель, и его нелѣпо расфранченная супруга, и нелѣпая школьная библіотека, которая никому не нужна и отъ которой даже ключъ оказался потеряннымъ, и разговоръ о школѣ, въ которомъ поминутно слышалось: „не бить нельзя“, „безъ кулака ничего не подѣлаешь“, „вѣдь это настоящіе чертенята“—все это производило такое удушливо-тяжелое впечатлѣніе.

тленіе, что неволью тянуло вонъ изъ школы, на чистый воздухъ, подальше отъ всѣхъ этихъ безобразій. И мы поспѣшно распрощались съ учителемъ и ушли.

— Ну, какое онъ наставленіе можетъ дать? началъ Савчукъ, какъ только мы выбрались изъ школы: идолю, настоящій идолю, во всей формѣ!.. Никакъ я его не сопхну. Главное, общество не помогаетъ: „намъ, говорить, все равно. Все равно, говорить, отъ школы-то и прежде никакого толку не было“... Вишь, что толкуютъ. И ничего одинъ не подѣлаешь... Придумать, было, я загвоздку, да сорвалась...

— Что же именно ты придумать?

— А видишь-ли что... Въ школу-то нашу принимаютъ только шестьдесятъ учениковъ... Ну, а ты видишь, какое село: рази тутъ шестьдесятъ ребятшекъ... Оно, положимъ, не всѣ-то охочи отдавать дѣтей въ школу, а все-таки такихъ-то, кто съ радостью пошлетъ мальченку, куды какъ больше шестидесяти... Ну вотъ тѣ, чьихъ дѣтей не примутъ въ школу, и горюютъ: какъ бы это ихъ поучить. И нанимаютъ деревенскихъ грамотѣевъ, тѣ и учать... Только въ деревнѣ, самъ знаешь, пока еще грамотѣевъ-то немного. Прежде-то дьячки учили, ну а теперь разжирились — и своихъ дѣтей не хотятъ учить, въ школу посылаютъ... Послѣ дьячковъ былъ еще одинъ человекъ: его за что-то прогнали изъ волостныхъ писарей, вотъ онъ дядради пропитанія ребятъ обучалъ. Только онъ не долго училъ: какъ-то передъ начальствомъ оправился и опять писаремъ сдѣлался... Потомъ учили двое нашихъ, деревенскихъ ребятъ... Грамотѣи были... Одного теперь въ солдаты взяли, а другой къ кушцу въ прикащики пошелъ... Такъ потомъ годъ цѣлый некому было учить, окромѣ какъ въ школѣ... Только приѣзжаетъ къ намъ солдатъ, изъ нашей же деревни взять былъ, мой друзяка былъ... Въ гвардіи служилъ, ну и вышелъ по билету... Вотъ я ему и говорю: учи, говорю, ребятъ... А онъ и чтатъ, и писать, и счетъ—все, какъ слѣдуетъ, знаетъ... Только онъ такой человекъ, что не пойдетъ къ директору кланяться: дайте, молъ, ваше благородіе, мѣстечко. Да и не зачѣмъ ему

кляняться: онъ сапожникъ хорошій, и такъ проживетъ... Ну, только отвѣчаетъ онъ мнѣ: „какъ же это, говорить, зачѣмъ я буду учить ребятъ, коли у васъ школа?“ Я ему все и рассказать. Ты, говорю, учи, только хорошенько, да не бей ребятъ-шекъ, такъ къ тебѣ не то что одни тѣ будутъ ходить, кто въ школу не попадъ, а и тѣ, что въ школѣ, къ тебѣ перебѣгутъ... Такъ и вышло... Сталъ онъ учить—ребятишекъ къ нему повалило страсть. Ну, стали школьвники спрашивать его-то учениковъ: „бьетъ?“ молъ. „Нѣтъ“. Ну, начали изъ школы къ нему переходить, потому въ школѣ-то этотъ идолъ страсть ихъ колотить... И всѣ бы перебѣжали, да этотъ проклятый видить, плохо дѣло, сейчасъ по начальству съ донесеніемъ. Ну, и запретили гвардейцу учить... Просилъ онъ общество, чтобъ хлопотало за него на счетъ дозволенія, такъ гуды тебѣ, и слушать не захотѣли... А меня на сходѣ „смутьяномъ“ называли...

Мнѣ было очень желательно узнать, какъ относилась деревня къ Савчуку. Однажды мнѣ пришлось наблюдать очень интересную въ этомъ отношеніи сцену и даже принимать въ ней непосредственное участіе. Интересна эта сцена была и въ томъ отношеніи, что неожиданно освѣтила мнѣ тотъ взглядъ, который имѣла на меня деревня и который измѣнился только не скоро въ послѣдствіи. Дѣло было такъ:

Однажды мы вышли съ Савчукомъ за село и сѣли на крылечко вѣтряной мельницы. Разговоръ у насъ шель о чемъ-то очень далекомъ отъ находившейся предъ нами деревни, разговоръ былъ оживленный, и мы нисколько не ожидали возможности того, что потомъ случилось. Вдругъ къ намъ подошелъ какой-то мужикъ и развязно попросилъ у меня покурить. Я отвѣтилъ, что не курю.

— Ой-ли? еще не научился, значить? А по бабамъ ужъ бѣгаешь?

Я положительно ошалѣлъ и въ недоумѣніи смотрѣлъ на

мужика. Савчукъ страшно разсердился, покраснѣлъ и закричалъ:

— Что ты мелешь, пустая твоя голова?

— Ничего я не мелю... Да еще посмотримъ, чья голова-то пустѣе. Ты думаешь, я не знаю, чего вы тутъ сидите?

— Ну, говори, чего...

— Да Маришку ждете.

— Какую Маришку? невольно спросилъ я.

— Ну, Марину Ивановну, солдатку, снисходительно отвѣтить мужикъ.

— Да я никакой ни Маришки, ни Марины Ивановны не знаю...

Я страшно покраснѣлъ и чуть не плакалъ. Но мужикъ хладнокровно продолжалъ:

— Да рази мы не понимаемъ? Баринъ молодой, извѣстное дѣло, въ деревнѣ скушно, ну и... Только что ты связался съ Савчукомъ? Ну какой онъ ходокъ по этой части? Ничего онъ въ этомъ не понимаетъ... А вотъ, хошь, я тебѣ предоставлю, такъ это ужъ истинно будетъ краля...

Это было ужъ такъ мерзко, что я вскочилъ и побѣжалъ по направленію къ селу. За мной направился Савчукъ, а удивленный мужикъ стоялъ съ разинутымъ ртомъ и долго смотрѣлъ намъ въ слѣдъ.

Скверно мы чувствовали себя съ Савчукомъ; у обоихъ, видимо, было одно и то же душевное состояніе, одно и то же болѣзненное недоумѣніе— „за что!“ и мы тотчасъ же разстались, какъ только пришли въ село.

Описанное происшествіе было въ концѣ лѣта и едвали не наканунѣ моего отъѣзда изъ Круглой Балки. Осень и зиму я прожилъ въ городѣ, не получая никакихъ извѣстій ни о Савчукѣ, ни вообще о томъ, что дѣлалось въ Круглой Балкѣ. Наконецъ, въ концѣ великаго поста я случайно, прогуливаясь по городскому бульвару, встрѣтилъ круглобалковскихъ батюшку

и дьячка, приѣхавшихъ взять на пасхальныя вакаціи своихъ дѣтей, учениковъ духовнаго училища. Мы встрѣтились, какъ старые знакомые, и они повели меня на свою квартиру. Здѣсь за чаемъ у насъ пошла бесѣда о Круглой балкѣ и главнымъ образомъ о Савчукѣ. Новостей было много и всѣ довольно печальнаго свойства. Оказалось, что Савчукъ, дѣйствительно, открылъ трактиръ, но черезъ мѣсяць же долженъ былъ закрыть его, такъ какъ никто не хотѣлъ къ нему идти.

— Первый-то день, на новый годъ, то есть, повѣствоваль дьячекъ, набилось къ нему народу видимо-не-видимо, помещенія не хватало для всѣхъ; а чаю, я вамъ скажу, столько выпивалось, что ужасъ, просто не успѣвали наливать... Я былъ посланъ его благословеніемъ посмотреть, какъ и что тамъ будетъ... Ну, только все было благополучно: попьютъ чаю, побесѣдуютъ и разойдутся... Итакъ это всѣмъ пріятно... Только на другой день, смотрю, требуютъ водки. На третій—уже кричать: „давай водки, не то всю посуду побью!.. Какой это трактиръ! Ужь ты колп устроишь трактиръ, такъ подавай миѣ трактиръ настоящій!.. А то ишь: водки не держимъ!..“ Ну, знаете, словомъ, бунтъ настоящій... Пришли это подпившіе въ кабакахъ и ну... Говорятъ, будто купечество нарочно самыхъ буяновъ подпаивало да посылало въ трактиръ дебошприть, но только, можетъ быть, это и неправда...

— И навѣрное, неправда, строго перебилъ батюшка: у насъ купечество благочестивое, богобоязненное.

— И я о томъ-же, ваше благословеніе... Навѣрное, неправда... Ну, такимъ манеромъ, и перестали посѣтители ходить къ Савчуку и пришлось ему свое заведеніе закрыть...

— Удивительный, однако, человекъ—этотъ Савчуль! замѣтилъ я.

— Васъ онъ удивилъ своимъ трактиромъ? спросилъ батюшка и, не дождавшись отвѣта, продолжалъ: а меня онъ удивилъ нынѣшнею зимою кой чѣмъ другимъ, да не только удивилъ, а ужаснулъ даже... Спужу я, разъ какъ-то вечеромъ и составляю отчетныя вѣдомости; вдругъ входитъ Савчукъ. Гляжу

я на него, а на немъ и лица нѣтъ: блѣдный, лице худое, все въ морщинахъ... Что такое думаю, сънимъ? А онъ—бухъ мнѣ прямо въ ноги: „батюшка, говоритъ, примите меня въ лоно православной церкви“... Я, знаете-ли, смотрю на него и не понимаю... Какъ-же, сами знаете, какой онъ былъ религиозный человѣкъ: бывало, ни одной церковной службы не пропустить, на клиросѣ постоянно пѣлъ, на дому молебны бралъ... И вдругъ: примите, говоритъ, въ лоно!.. Думаю, не помѣшался-ли?.. Ты, говорю, сынъ мой, и теперь въ лонѣ православной церкви состоишь... „Нѣтъ, говоритъ, я эти два года былъ шалапутомъ...“ Какъ сказалъ онъ это, меня охватилъ такой ужасъ, который трудно передать словами. „Лучшій мой прихожанинъ, думаю, всегда трезвый, добродѣтельный, благочестивый—и вдругъ оказывается тайнымъ шалапутомъ!.. Вѣдь можетъ быть, вся моя паства заражена этимъ ядомъ“... И такъ, спрашиваю, ты раскаяваешься? „Раскаяваюсь“, отвѣчаетъ. „Ну, если ты, говорю, искренно раскаяваешься, то открой мнѣ, твоему духовному отцу, что тебя повлекло въ эту нечестивую ересь, много-ли безумцовъ принадлежитъ къ ней, въ чемъ состоитъ ея ученіе и что тебя оттолкнуло отъ нея?“ „Ничего этого говорить, батюшка, я вамъ открыть не могу“. „Можетъ быть, говорю, ты не можешь открыть это такъ, въ простой бесѣдѣ, а хочешь открыть на духу?“ „Не могу, говорить, открыть и на духу, потому я обѣщаніе далъ не говорить ни объ чемъ“... „Значить, говорю, ты не искренно раскаяваешься?“ „Нѣтъ, говоритъ, искренно, а открыть не могу“... Такъ и остался при своемъ...

— Ну, а вы, батюшка, что же сдѣлали?

— Я прежде всего оградилъ школу отъ его вліянія: написалъ директору, тотъ смѣнилъ Савчука и предложилъ сельскому обществу избрать другого попечителя школы. Савчукъ подбивалъ, было, общество избрать его опять; однако общество исполнило предложеніе директора, которое поддержали и мы съ отцемъ Григоріемъ, и избрало другого попечителя. Савчукъ ужасно обозлился, ругался на сходѣ самымъ безобразнымъ

манеромъ и говорилъ самая безобразныя рѣчи: „вы, говорить, за водку готовы отца роднаго продать!“ Мужики, въ свою очередь, обидѣлись и сходомъ порѣшили посадить его на недѣлю въ холодную... Отсидѣлъ—вышелъ мрачный такой, ни съ кѣмъ не говорить; боялся, какъ бы надъ собой чего не сдѣлалъ—ну, ничего, все обошлось благополучно...

На этомъ я распрощался съ батюшкой и дьячкомъ и поблагодарилъ ихъ за новости.

Тяжелое впечатлѣніе производили эти новости. Я живо представлялъ себѣ высокую, широкоплечую фигуру Савчука, когда онъ, полный негодованія, крикнулъ сходу то, что у него давно наболѣло на душѣ: „Отца роднаго продадите за водку!“ Тяжело приходилось несчастному: чувствовать себя частью деревни, болѣть ея болѣзнями, страдать за ея несчастья, любить ее—и видѣть, что ты не для кого не нуженъ, что отъ тебя такъ же легко отвернутся, какъ и отъ всякаго чужака, что тобою нисколько не дорожить та деревня, за которую ты готовъ пожертвовать, да и жертвуешь дѣйствительно всѣмъ. Вѣдь это то же тяжелое состояніе духа, которое испытываетъ въ своей жизни всякій истинный другъ народа изъ интеллигенціи: полная готовность принести себя въ жертву за народъ съ одной стороны и полная ненужность—съ другой; страшная потребность посвятить всѣ свои силы на служеніе народу съ одной стороны, а съ другой—вѣками установившійся взглядъ, по которому его-то, защитника народа, самъ народъ считаетъ чуть-ли не шулеромъ... Чѣмъ больше я думалъ о Савчукѣ, тѣмъ безотраднѣе становилось на душѣ: выходило, будто только мужикъ возьмется за книгу, только онъ станетъ сознательно устроить свою жизнь такъ, чтобы жить не исключительно для себя, какъ деревня тотчасъ-же переставала понимать его... Вообще было скверно...

Это непониманіе деревнею Савчука, пренебреженіе къ его желанію быть полезнымъ деревнѣ и заподозриваніе чистоты его намѣреній ярче всего выразились въ дѣлѣ повѣрки сельской кассы, которая происходила на Троицу слѣдующаго лѣта. Я пріѣхать въ деревню какъ разъ наканунѣ повѣрки и въ тотъ же день вечеромъ отправился къ Савчуку. Помня рассказы батюшки и дьячка, я ожидалъ найти Савчука въ дурномъ расположеніи духа, желчнымъ, раздражительнымъ; но вмѣсто того онъ былъ веселъ, разговорчивъ, ежеминутно смѣялся.

— Завтра повѣрка, началъ онъ съ первыхъ-же словъ: повѣрщикомъ я, да еще два старика; ну, тѣ ничего не понимаютъ, такъ что я одинъ... Теперь, братъ, староста да писарь у меня слетятъ съ мѣстовъ: крали они шибко, а я теперь все на чистую воду выведу, ужъ не пожагѣю, ужъ нѣтъ!.. Приходи вотъ завтра, посмотришь, какъ мы учеть-то будемъ дѣлать, повѣрку производить... А тамъ, началъ онъ, вдругъ понизивъ тонъ и говоря почти шепотомъ, тамъ, какъ мы воровъ-то удичимъ, стануть выбирать новаго старосту, какъ ты думаешь, кого выберутъ? Кто имъ все это дѣло подвелъ? Кто глаза-то обществу открылъ? Вѣдь они, проды, крали бы, да крали—и никто бы не зналъ... Понялъ?.. И быть мнѣ старостой!.. А тамъ,—и онъ поднялся съ завалники, на которой мы сидѣли, вытянулся во весь ростъ и какъ-то особенно махнулъ рукой—тамъ мы знаемъ, что дѣлать! мы надѣлаемъ дѣловъ! Мы всю эту нечисть-то—и онъ указалъ на крытые желѣзомъ дома комерсантовъ и священниковъ—проучимъ, покажемъ ей, какъ надъ нашимъ братомъ издѣвки творить!... Я тебѣ разубажу!... Завтра, братъ, приходи же, не забудь!..

Я обѣщалъ и мы разстались.

На другой день повѣрка началась послѣ обѣдни. Повѣрщики помѣстились въ избѣ Савчука и прежде всего послали за водкой, конечно, на общественный счетъ. Таковъ ужъ обычай, чтобы всякое дѣйствіе, имѣющее общественный харак-

терь, непременно сопровождалось выпивкой на общественный счет.

Когда водка была принесена, и повѣрщики выпили и закусили, было приступлено къ дѣлу. На столѣ лежала единственная приходо-расходная книга круглобалковского общества. Тутъ же лежали длинныя палки съ вырѣзанными на нихъ крестиками, палочками, ониками и т. п. Палки эти оказались документами, подлежащими тоже повѣркѣ, на ряду съ приходорасходною книгою. Документы эти были представлены сборщикомъ. Въ Круглой Балкѣ еще не знаютъ употребленія письменныхъ документовъ, извѣстныхъ подъ именемъ „квитанцій въ полученіи“, и вотъ, чтобы имѣть возможность повѣрять дѣйствія сборщика, круглобалковцы изобрѣли свои особенныя квитанціи, извѣстныя подъ именемъ „бирокъ“. „Бирка“— это длинная палка, вручаемая сборщику, при избраніи его въ эту должность. Бирка раздѣлена глубокими надрѣзами на столько частей, сколько дворовъ долженъ обойти съ ней сборщикъ. За тѣмъ на каждой части бирки, отдѣленной для одного двора, намѣчается посредствомъ крестиковъ, ониковъ, черточекъ и другихъ не хитрыхъ знаковъ число душъ, которыя числятся на дворѣ, и общая суммы сборовъ, подлежащихъ взысканію со двора. Бирка раскалывается на двѣ части, такъ что одна половина каждаго значка остается на одной части бирки, а другая—на другой. Получивъ все слѣдующее съ двора сполна, сборщикъ отламываетъ отъ одной половины бирки кусокъ, отдѣленный для этого двора, и отдаетъ его хозяину. Полученный мужикомъ кусокъ бирки служитъ квитанціей, свидѣтельствующей объ уплатѣ сборовъ, такъ-какъ, въ случаѣ сомнѣнія въ этомъ, нужно только приложить полученный мужикомъ кусокъ бирки къ оставшейся у сборщика ея части: совпаденіе значковъ въ обѣихъ половинахъ будетъ служить доказательствомъ уплаты мужикомъ сборовъ. Таковы эти замѣчательные документы, подлежавшіе пересмотру нашихъ повѣрщиковъ.

Не менѣе замѣчательною оказалась и приходорасходная

книга круглобалковского общества. При самомъ поверхностномъ просмотрѣ, книга эта оказывалась полною удивительныхъ курьезовъ и указывала прямо на самый безцеремонный грабежъ общественныхъ денегъ круглобалковскими воротиллами—старостою и писаремъ. Такъ напримѣръ, очень часто одинъ и тотъ же расходъ былъ занесенъ въ книгу два и даже три раза; расходы прошлаго года были въ другой разъ занесены въ число расходовъ настоящаго года, и т. п. Всѣ расходы были страшно преувеличены; такъ, напримѣръ, покупка столба для фонаря передъ сельскимъ правленіемъ обошлась въ пятнадцать рублей, тогда какъ красная цѣна ему полтинникъ; чернилъ потрачено писаремъ, за пять мѣсяцевъ, болѣе чѣмъ на двадцать рублей и т. д. Одно слово: своя рука—владыка, брали, сколько хотѣли.

Повѣрщики просто ужаснулись, когда передъ ними обнаружилось во всей своей полнотѣ расхищеніе общественной кассы. „И на что имъ столько денегъ?“ недоумѣвали они: „ну, украдь, да знай же и честь... А такъ развѣ можно!..“

— И не стыдно тебѣ, укоряли они старосту, находившагося тутъ же „для отвѣту“ и дававшему объясненія по поводу каждой статьи расхода:—какъ же это ты, безстыжій, думалъ глядѣть обществу въ глаза?

— Я чтожъ, оправдывался староста, я ничего не знаю... Я—мужикъ неграмотный: почему я знаю, что тамъ писарь написалъ...

Послали за писаремъ. Но тотъ рѣшительно объявилъ, что онъ „отчитываться“ не пойдетъ, такъ какъ ему „отчитываться“ не въ чемъ: деньги были на рукахъ у старосты, староста же велъ всѣ расходы, а онъ, писарь, только записывалъ то, что ему приказывалъ староста...

Повѣрка тянулась три дня. Такая медленность зависѣла отчасти отъ того, что товарищи Савчука по повѣркѣ широко пользовались правомъ „угощенія на общественный счетъ“ и обыкновенно послѣ трехъ-четырехъ часовъ занятій оказывались способными только издавать малопонятное мычаніе. Другая

причина медленности повѣрки заключалась въ добросовѣстности, съ которою повѣрщики дѣлали свое дѣло. Всякій разъ, какъ только оказывалось, что изъ общественной кассы было уплачено тому или другому круглобалковскому мужику за какую нибудь вещь или „работу на общество“, повѣрщики считали своею обязанностью посылать за этимъ мужикомъ и допрашивать его, дѣйствительно ли онъ получилъ столько, сколько записано въ книгу. Обыкновенно такой вызовъ мужиковъ не представлялъ особыхъ затрудненій: большинство круглобалковцевъ живо интересовалось ходомъ повѣрки и огромною толпою заперудило улицу передъ хатой Савчука. Но иногда приходилось посылать за нужнымъ мужикомъ на другой конецъ села или даже разыскивать его по кабакамъ. Все это замедляло ходъ дѣла.

На другой день случился эпизодъ, придавшій дѣлу повѣрки особенный, страстный характеръ. Вотъ въ чемъ состоялъ этотъ эпизодъ, по разсказу Савчука.

Рано утромъ, едва Савчукъ успѣлъ встать съ постели, во дворъ къ нему вошелъ староста. Поздоровались.

— А я къ тебѣ, Спиридонъ Семенычъ, по дѣлу, началъ староста.

Савчукъ, котораго до сихъ поръ никто не называлъ по отечеству, крайне удивился и столь раннимъ посѣщеніемъ старосты, и его вѣжливымъ обращеніемъ.

— По какому же это дѣлу, Петровичъ? спросилъ онъ.

— Да вотъ на счетъ вчерашняго... Ты какъ это... въ сурьезъ?

— А то какже еще? въ самый настоящій сурьезъ...

— Значить, потопить меня хочешь?

— Что мнѣ тебя топить?.. А хочу я, чтобъ у насъ въ обществѣ денегъ не крали...

— Экое слово ты говоришь! Да рази я воръ?

— Воръ...

— Да рази я по ночамъ ходилъ?

— Ну, тѣхъ-то можно и пожалѣть, кто по ночамъ-то ходить, тѣ отъ нужды, А ты то съ чего общество обокралъ?

— И что далось тебѣ это общество? Твои тамъ что-ль деньги были?.. Ну, вотъ что: давай помирися...

— Нечего, миѣ съ тобой мириться: не ссорились...

— Да ты слухай!.. Денегъ я не бралъ, ни копѣчки, ни-ни!.. А боюсь черезъ тебя въ отвѣтъ попасть, ну и готовъ пожертвовать...

— Что пожертвовать?

— Тебѣ полсотни...

— Такъ ты вотъ зачѣмъ пришелъ?.. Такъ вотъ тебѣ Богъ, а вотъ порогъ... Ступай!..

— Ты не очень-то хорохорься!

— Проваливай! проваливай!..

Староста ушелъ. Савчукъ, взбѣшанный его предложеніемъ, долго сидѣлъ на одномъ мѣстѣ, не принимаясь ни за что, хотя нужно было по хозяйству многое сдѣлать: сѣна скотинѣ положить, лошадь напоить и т. п. „Ишь ты, думалъ онъ, за вора принялъ: дай, дескать: подѣлюсь съ нимъ!..“ Долго сердился Савчукъ: ни за что ни про что обругать жену, когда она что-то занкнулась на счетъ сѣна, сгрубилъ что-то отцу, прогналъ дѣтей и т. д. Наконецъ, мало по малу, онъ успокоился и пришелъ въ обычное веселое расположеніе духа. Но видно ужъ не суждено было ему быть спокойнымъ въ этотъ день. Не успѣлъ онъ одѣться по праздничному, чтобы идти въ церковь, какъ къ нему явились его товарищи по провѣркѣ.

— Слухай, начали они:—вѣдь ты хочешь старосту смѣстить?

— Ну? выжидательно спросилъ Савчукъ.

— А ежели онъ самъ теперь уйдетъ изъ старость?..

— Ну?

— Зачѣмъ же его, значить, позорить, что вотъ, молъ, воръ, такой-сякой...

— А деньги, что украсть, онъ заплатитъ?

— Да вишь, онъ говорить, что онъ не крадь, что все писарь...

— Будто-жь вы ему и вѣрите? вѣдь, онъ все вретъ...

— Пожалуй, что и вретъ...

— Объ чемъ же вы толкуете?

— Да, значить... всежь таки жаль мужика... Ну, и прибыль отъ его была бы намъ всѣмъ... посулилъ, вѣдь...

— Ахъ, вы, черти треклятые! разразился, наконецъ, Савчукъ: сами разбойники, да еще и меня хотите такимъ же сдѣлать... Ахъ, вы хриstopродавцы! и т. д.

Долго ругался Савчукъ. Обиженные повѣрщики ушли въ церковь, а онъ все продолжалъ ихъ „костить“. Въ церковь онъ не пошелъ: „Какая ужь тутъ молитва?“ Когда я пришелъ къ нему послѣ обѣдни, онъ былъ все еще въ возбужденномъ состоянiи.

— Вотъ ты и смотри, говорилъ онъ, закончивъ свой рассказъ о происшествiяхъ утра: и отчего это они всѣ такимъ плутомъ меня считаютъ? дескать, все это онъ притворяется... Ахъ, волкъ васъ заѣшь!...

Во время продолжавшейся провѣрки товарищи Савчука изъ всѣхъ силъ старались замаять дѣло: подыскивали объясненiя для многихъ статей расхода; принимали на вѣру оправданiя старосты, не желая провѣрять ихъ фактически, и т. п. Савчукъ изъ всѣхъ силъ противодействовалъ своекорыстнымъ попыткамъ своихъ товарищей, стараясь „докапываться до корня“. Въ этомъ случаѣ ему много помогало присутствiе предъ его домою толпы круглоблжковцевъ, къ которой онъ и апеллировалъ на несправедливыя дѣйствiя своихъ товарищей.

— Слышь, братцы, говорилъ онъ толпѣ, высовывая голову въ окно: не хотятъ звать Панфила, спросить его, сколько онъ денегъ взялъ за рамы въ училище... А тутъ, въ книгѣ-то ужь больно много написано... Ну, рази это порядокъ?...

— Позвать, позвать! кричала толпа: эй, Панфиль! Панфиль, гдѣ ты?...

— Здѣсь! кричалъ гдѣ-нибудь Панфиль, являлся черезъ

минуту и заявлялъ, что онъ получилъ въ трое менѣе записаннаго въ книгу.

А чрезъ нѣсколько времени опять высовывалась въ окно голова Савчука и онъ объявлялъ:

— Доски-то, что староста въ управленіе подѣль покупалъ, ставятъ въ пятнадцать рублей... Разн это законъ?...

— Пятнадцать рублей! кричала толпа: жпрно!.. Да имъ красная цѣна три рубля!.. Три рубля—это вѣрно, я самъ доски-то выдалъ!...

И доски ставились въ три рубля, остальные двѣнадцать приписывались къ суммѣ украденнаго.

Сстоявшая предъ избой толпа не всегда ограничивалась пассивною ролью. Иногда изъ среды ея выскакивалъ мужикъ, пробирался къ самой избѣ и, отворивъ окно, дѣлалъ провѣрщипкамъ тѣ или другія указанія.

— Ты вотъ поглядика въ книгѣ, кричалъ во все горло такой радѣтель общественныхъ интересовъ, какъ у нихъ тамъ записано на счетъ землемѣра: они при моихъ глазахъ ему три красенькихъ дали, а теперь, можетъ, эвона сколько записали, благо его самого негдѣ взять...

Такія указанія встрѣчались обоими товарищами Савчука крайне непріязненно и обыкновенно дѣло кончалось взаимными ругательствами.

— Что лѣзешь? чего лезешь, идоль этакій!.. чего ты орешь?

— А то и ору, что знаю!.. А вы что, мирволить вздумали, черти старые!..

— Чего ты глотку дерешь? чего ты пасть-то свою разѣваешь, пропасти на тебя нѣтъ!..

— А того и разѣваю... И такъ далѣе, все въ томъ-же родѣ.

Однако, благодаря Савчуку, всѣ подобныя указанія были принимаемы во вниманіе и повели къ открытію нѣсколькихъ мошенствъ...

Наконецъ, повѣрка была кончена, оказалось, что только за пять мѣсяцевъ было украдено болѣе двухъ тысячъ рублей.

Когда эта цифра была объявлена на сходѣ, сходъ просто зарейлъ и порѣшилъ тотчасъ-же смѣнить писаря и старосту.

Дня черезъ три пріѣхалъ мировой посредникъ, которому было давно знать о происходящихъ въ Круглой Балкѣ событіяхъ, узналъ въ чемъ дѣло и утвердилъ рѣшеніе схода относительно смѣны старосты. На другой-же день происходили выборы новаго старосты.

Вотъ во время этихъ-то выборовъ и было нанесено круглобалковскимъ обществомъ Савчуку кровное оскорбленіе, которое въ связи съ цѣлымъ рядомъ прежде бывшихъ оскорбленій, сдѣлало изъ Савчука врага деревни вмѣсто ея друга, какимъ до селѣ онъ былъ. Дѣло было такъ.

Когда начали разсуждать о томъ, кого выбрать въ старосты, раздались голоса: „Савчука!“ „Савчука? нѣтъ, онъ больно уменъ!.. Ужь ежели Васильевъ (фамилія смѣненнаго старосты) красть, такъ Савчукъ-то не такъ будетъ красть!.. Да еще грамотѣй: этотъ небось не попадетса, все подведеть!.. Нѣтъ ужь, будетъ съ насъ этихъ умишковъ, надо кого по проще!..“ И Савчукъ былъ заболлотированъ, а выбрали какого-то неизвѣстнаго дотождѣ мужиченку.

Мрачный и злой возвратился со схода Савчукъ. Скверныя мысли лѣзли ему въ голову. „Я ихъ разубажу!“ сказалъ онъ мнѣ при растананьи...

Это лѣто мнѣ пришлось провести въ глубинѣ степей, вдали отъ Круглой Балки, такъ что я не видѣлъ за все это время ни разу Савчука. Только въ концѣ августа я проѣздомъ завернулъ въ Круглую Балку. Я въ это время уже кончилъ курсъ гимназій, и потому спѣшилъ ѣхать для поступленія въ высшее учебное заведеніе. Въ Круглой Балкѣ я остановился всего на одинъ день. Дѣло было въ воскресенье, и потому Савчукъ былъ дома, а не на полѣ. Я, конечно, непременно посѣтить его.

Много перемиѣнъ оказалось въ немъ. Прежней искренности, задушевности, откровенности не было и слѣда. О многихъ пред-

метахъ онъ прямо пзбѣгалъ говорить. На мои вопросы давалъ самые уклончивые отвѣты и вообще старался ограничить разговоръ мною, предстоящею мнѣ поѣздкою и вообще моею будущностью. Свиданіе наше вышло холодное, оффициально вѣжливое и тяготило насъ обомхъ. Я поспѣшилъ, подъ какимъ-то предлогомъ, окончить это свиданіе и отправиться домой. Савчукъ удерживалъ меня, насколько того требовала вѣжливость, не очень, впрочемъ, настойчиво, и на прощанье просилъ „не забывать“ его, если я еще когда-нибудь буду въ Круглой Балкѣ. Узнавъ, что я непременно буду на слѣдующее лѣто въ ихъ селѣ, онъ съ какою-то странною улыбкою сказалъ:

— Ну, вотъ и хорошо: а я старостою какъ разъ къ тому времени буду...

— Надѣешься всетаки? улыбнулся я.

— Это ужъ, братъ, теперь вѣрно, недовольно, словно обидѣвшись моею улыбкою, отвѣчала Савчукъ.

— Ну, а если опять общество не выберетъ?

— Что мнѣ общество! плевать мнѣ на него!.. Меня не общество, а мировой посредникъ выберетъ... У меня ужъ заплачено...

Мы холодно расстались.

Это свиданіе произвело на меня крайне непріятное впечатлѣніе. Грустные мысли приходили мнѣ въ голову. Но впечатлѣніе изгладилось, а мысли исчезли, лишь только я попалъ въ шумную среду студентовъ. Все было такъ ново, такъ завлекательно, такъ поглотило всего меня, что я скоро забылъ и Круглую Балку, и Савчука, и все, кромѣ того, что волновало и интересовало насъ, молодыхъ студентовъ. Но что скоро увлекло меня, то скоро-же и опротивѣло, пріѣлось, надоѣло. И вотъ, когда началась весна, я съ величайшимъ наслажденіемъ началъ думать о предстоящемъ отъѣздѣ изъ душнаго города на просторъ круглобалковскихъ полей. Едва кончились экзамены, какъ я уже летѣлъ по желѣзной дорогѣ на югъ.

Пріѣхалъ въ Круглую балку. На дворѣ родственника-комерсанта встрѣчаю одного изъ его прикащиковъ.

— Гдѣ Петръ Николаевичъ (имя родственника)? спрашиваю.

— Со Спиридономъ Семенычемъ чай пьютъ.

— Съ какимъ Спиридономъ Семенычемъ?

— Да съ Савчукомъ... старостой, вѣдь, онъ у насъ...

Добился таки, думаю, направляясь въ домъ. Но что за странность: родственникъ мой чай распиваетъ съ Савчукомъ, когда они прежде терпѣть другъ друга не могли!.. Подхожу къ комнатѣ, гдѣ у родственника обыкновенно совершается чаепитіе, — слышу голосъ Савчука:

— Рази они понимаютъ?.. Сказано: хамы... ну и никакого чувства...

„Что такое, думаю, онъ мелеть?“ Вхожу. Шумныя изъявленія радости, какъ со стороны родственника, такъ и со стороны Савчука. Начались распросы. „Ну что, какъ?.. Большой городъ?.. небось, дома-то не нашимъ чета? все этажей въ восемь?.. А улицы все мощеныя? и асфальтомъ?.. Освѣщеніе газомъ? и яркое?“ И т. д... Отвѣчаю, а самъ все поглядываю на Савчука. Значительно пополнѣлъ; лице обрюзглое; глядѣть въ глаза избѣгаетъ.

Наконецъ, напились чаю.

— Ты ужъ насъ пзвини, говоритъ родственникъ: надо кой о чемъ поговорить съ Спиридономъ Семенычемъ, такъ мы ужъ тебя оставимъ одного... Не надолго, впрочемъ... Пойдемте, Спиридонъ Семенычъ...

„Что за чертъ! думаю: съ какимъ уваженіемъ онъ отнесется къ Савчуку!“ Отправляюсь въ лавку родственника, чтобы распросить о Савчукѣ прикащика, моего пріятеля. Въ лавкѣ встрѣчаю знакомаго молодого мужика, изъ семьи если и не бѣдной, то и не особенно зажиточной. Смотрю, — покупаетъ голову сахару, два фунта чаю и дюжину бутылокъ лимонаду. Крайне удивленный, спрашиваю мужика: что это значить?

— Да вишь, Василъчъ, отхожу я отъ семьи-то... не поладилъ, значитъ.... ну, мѣсто мнѣ теперь подъ дворъ

нужно... такъ вотъ Спиридону Семенову подарочекъ—и́сто-то
отвель...

— А лимонадъ на что тебѣ?

— Да все ему-же, Спиридону Семеновичу... хмѣльнаго-то
онъ не пьетъ, такъ вотъ все лимонадникомъ его угощаютъ...

— Да неужто Савчукъ беретъ взятки? изумился я.

— Ого! отозвался прикащикъ: такъ, братъ, дереть, что
мужикамъ-то небо съ овчину кажется... Грабитель настоящій!..
не даромъ мужики-то не хотѣли выбрать его въ старосты...

— Какъ-же онъ сталъ старостою, если мужики не хотѣли
выбрать его?

— Мировой посредникъ велѣлъ выбрать—и выбрали... А
посреднику-то онъ подсунулъ... И такая свинья теперь сталъ!..

— Да крутенецъ такъ, подтвердилъ и мужикъ, забирая и
унося покупки.

Черезъ нѣсколько времени въ лавку пришелъ и Савчукъ.

— Пойдемъ походимъ по деревнѣ, предложилъ онъ мнѣ:
вѣдь, мы кажись-то пріятельствовали съ тобой...

Тонъ, которымъ были произнесены эти слова, покоробилъ
меня: въ немъ слышались и желаніе поважничать, и тупое
самодовольство. Однако, желая посмотреть, что будетъ дальше,
я изъявилъ согласіе, и мы вышли.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ лавки намъ повстрѣчался ста-
рикъ—мужикъ, мой старый знакомый. Поздоровались.

— Ну что, опять къ намъ пріѣхалъ?

— Какъ видишь, пріѣхалъ...

— Что-жъ, это хорошо: у насъ лучше, чѣмъ въ городѣ...
Только ты ужъ съ Савчукомъ теперь не возись...

Савчукъ какъ-то кисло улыбнулся.

— Отчего не возиться? спросилъ я.

— Да бабникъ онъ теперь сталъ... Надись его жена-то
застала съ Маришкой, такъ ужъ была, была...

— Съ какою тамъ еще Маришкой? придавши всю возмож-
ную строгость своему голосу, спросилъ Савчукъ.

— А такую, какой ты на прошлой недѣлѣ полсапожки кушилъ, невозмутимо отвѣтилъ старикъ.

Смутившись окончательно и видя, что въ данномъ случаѣ строгостью ничего не возмешь, Савчукъ обратился ко мнѣ и, стараясь улыбнуться какъ можно шире, произнесъ какимъ-то слащавымъ голосомъ:

— Вѣдь такіе выдумщики эти мужики! Ну, непременно про каждого старосту что нибудь да выдумаютъ... И живы не будутъ, а ужъ выдумаютъ...

— Ну-ну, ты зубы-то не заговаривай, перебилъ его старикъ. А ты, слышь, обратился ко мнѣ старикъ; вѣрно слово говорю, не связывайся съ нимъ!..

И старикъ пошелъ своею дорогою.

— Мы съ Савчукомъ прошлись нѣсколько по деревнѣ. Но разговоръ у насъ не клеился, и какъ-то вдругъ у насъ обонхъ оказались дѣла, не терпящія отлагательства, и мы распрощались.

Понятно, что прежней дружбы у насъ съ Савчукомъ не могло быть, а, напротивъ, мало по малу возникли даже прямо враждебныя отношенія. Дѣло дошло до того, что онъ однажды пригрозилъ даже мнѣ доносомъ на счетъ моей неблагонадежности, что, впрочемъ, къ чести его, осталось одною угрозою.

Теперь Савчукъ волостной старшина. Комерсанты, батюшки и уѣздное начальство не нахвалятся имъ и величаютъ его не иначе, какъ „Спиридонъ Семеновичъ“.

Ведостѣвецъ.

(Продолженіе будетъ).

Деревенская пророчица.

Рассказъ.

Иль думалъ ты,
 Что я возненавижу жизнь,
 Уйду въ пустыню?..

Прометей.

Прошу позволенія предварительно познакомить васъ съ личностію писателя, передаваемаго мнѣ предлагаемый рассказъ свой, такъ какъ самъ онъ отчасти является прикосновеннымъ героинѣ рассказа, да и его собственная личность представляетъ нѣкоторый своеобразный интересъ.

Я жилъ въ деревнѣ, когда однажды прислуга подала мнѣ письмо. Прочитавъ его, я велѣлъ пригласить подателя. Черезъ нѣсколько минутъ, робко, на ципочкахъ, въ дверь моей комнаты вошелъ одинъ изъ тѣхъ странниковъ, которые составляютъ у насъ такой огромный контингентъ подвижнаго люда, оживляющаго наши посейные тракты, несмотря на бѣгущія почти о-бокъ желѣзныя дороги. Это былъ уже пожилой чело-вѣкъ, бѣлокурый, съ побурѣвшимъ лицомъ, носившимъ на себѣ ясные слѣды стихійныхъ дорожныхъ непогодъ и удобствъ: свалявшаяся борода, облупившіеся отъ загара носъ и щеки, шрамъ на лбу, волоса на головѣ, похожіе на сѣно, длинныя, давно неподстригаемые. На немъ была старая солдатская шинель, — вѣчная, казенная, въ огнѣ негорящая и въ водѣ нетонущая спутница и единственная защитница брэннаго тѣла

такихъ странниковъ: штаны тоже изъ солдатскаго сукна; на ногахъ кожаныя калоши, надѣтыя прямо на шерстяные носки: въ рукахъ — старый картузь, на спинѣ мѣшокъ на поясѣ, перетянутомъ черезъ плечи. Какъ быть — самый обыкновенный странникъ, который, навѣрно, ничѣмъ особеннымъ не обратилъ бы вниманія, еслибы встрѣтился на шоссе на трактѣ, какъ тысячи ему подобныхъ.

— Вы уже изволили, конечно, узнать, въ какихъ видахъ я осмѣлился, сказалъ онъ, низко раскланиваясь.

— Да, да. Садитесь, поспѣшилъ отвѣтить я. Въ письмѣ, принесенномъ мнѣ отъ одного моего знакомаго народнаго учителя, лаконично значилось: „Рекомендую — писатель изъ народа. Встрѣтилъ случайно. — Можетъ быть, вы найдете въ немъ что-либо интересное“.

— Съ вами ваши произведенія? спросилъ я.

— Со мной-съ, отвѣчалъ онъ — и затѣмъ, неторопливо и основательно снявъ со спины сумку и спустивъ на полъ, онъ вынулъ изъ нея двѣ большихъ пачки сѣрой исписанной бумаги и положилъ передо мной на столъ.

— Мы это пока оставимъ, сказалъ я. — Позвольте мнѣ съ вами покороче познакомиться.

— Извольте-съ. — Онъ выпрямился, опустилъ руки, запустивъ пальцы въ пальцы, низко наклонивъ голову — и вздохнулъ. Мнѣ какъ-то сдѣлалось даже нѣсколько неловко отъ такого „смиренія“.

— Кто вы будете и откуда?...

— Я — человекъ судьбы. Былъ прежде купеческій сынъ, а теперь х—кій мѣщанинъ.

— Откуда же вы идете?

— Съ Кавказа.

— И все пѣшкомъ?

— Пѣшкомъ.

— Сколько же вы времени шли?

— Три года-съ.. Туда я шелъ пять лѣтъ.

— Что же васъ влекло туда?

— Пристрастіе къ перемѣнѣ мѣста...

— Чѣмъ же вы существовали во время своихъ странствованій?

— Служилъ бурлакомъ, кочегаромъ, рабочимъ, сторожемъ, иногда возвышадся до десятника, но скоро все сіе бросалъ и уходилъ дальше.

— Вы гдѣ же получили образованіе?

— Сначала домашнее, а потомъ — самоличное-сь.

— И давно вы получили пристрастіе къ поэзіи?...

— Никакъ нѣтъ-сь. Всего два года. По дорогѣ съ Кавказа.

— Вамъ сколько же лѣтъ?

— Сорокъ пять.

— И прежде никогда не имѣли къ этому занятію охоты?

— Нѣтъ-сь.

— Вы много читали?

— Нѣтъ-сь. Только въ юности прочелъ г-на Поль-де-Кока, Загоскина, да Вѣчнаго Жида. Изъ г-на Державина знаю только оду Богъ, да изъ Пушкина — одно...

— Что же побудило васъ именно теперь заняться поэзіей?

— А вотъ-сь, я вамъ это сейчасъ...

Онъ нагнулся къ сумкѣ, лежавшей на полу, и вытащилъ оттуда выдолбленный въ видѣ ящичка березовый брусокъ, въ которомъ лежали большія мѣдныя очки. Надѣвъ ихъ, онъ внимательно пересмотрѣлъ одну изъ лежавшихъ на столѣ па-чекъ стиховъ и, отыскавъ, что нужно, — сказалъ:

— Не поскучаете прослушать? И получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ внятно и неторопливо прочелъ слѣдующее:

„Шелъ нѣкоторый человекъ большой дорогой, предаваясь размышленію о жизни своей. Шелъ онъ долго, и когда усталъ, — завернулъ на отдыхъ въ сельскую постоялую избу. Здѣсь встрѣтилъ онъ другаго человека — странника, суроваго образа и преклонныхъ лѣтъ. Сей, расположивъ къ себѣ нѣкотораго человека, сталъ бесѣдовать съ нимъ о жизни, и когда нѣкоторый человекъ разсказать ему событія жизни своей, то странникъ вынулъ изъ дорожной своей сумки листъ и сказалъ нѣкоторому

человѣку, чтобы онъ прочиталъ написанное. Тогда нѣкоторый человекъ прочиталъ:

Даръ напрасный, даръ случайный,
Жизнь — зачѣмъ ты мнѣ дана?

— Это — г-на Пушкина. Извольте знать? Такъ я вамъ всего читать не стану, прервалъ онъ себя: — а буду продолжать.

„И прочтя стихъ сей, нѣкоторый человекъ впалъ въ тихое размышленіе; послѣ чего, прочтя вновь стихъ:

«Кто меня враждебной властью
Изъ ничтожества воззвалъ?»

твердою рукою замаралъ оное слово: „враждебный“, — и возвратилъ листъ страннику.

„Тогда странникъ, замѣтивъ сіе, сказалъ нѣкоторому человекъ: „Видно, путникъ добрый, ты не лишенъ разумѣнія вещей!“ И сказавъ это, подалъ онъ нѣкоторому человекъ новый листъ, приказавъ прочитати оный.

„Нѣкоторый человекъ прочелъ:

«Даръ небесный, даръ прекрасный,
Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?
Умъ молчить, но сердцу ясно —
Жизнь для жизни мнѣ дана.

— А это митрополита Филарета. И его читать вамъ не стану. „Когда же нѣкоторый человекъ, — продолжать онъ, — прочелъ и оный стихъ, тогда странникъ сказалъ: спиши себѣ, путникъ, оба сіи стиха и размышляй о нихъ въ часъ досуга. Нѣкоторый человекъ поступилъ такъ, — и сталъ носить эти листы при себѣ и размышлять о написанномъ. И тогда многое въ жизни ему уяснилось и во многое, чего прежде не замѣчалъ, сталъ вникать сердцемъ и умомъ. Тогда восхотѣлъ нѣкоторый человекъ, подобно стихамъ симъ, излагать и свои размышленія о жизни. Такъ, странствуя, писалъ онъ и по дорогамъ, присѣвъ подъ древомъ на отдыхъ, и на ночлегахъ, — и во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ ему прилучилось быть“.

Прочитавъ это, странникъ, не снимая очковъ, снова принялъ позу исповѣдывающагося человѣка и замолчалъ. Миѣ становилось страшно неловко, такъ какъ наша бесѣда начинала походить на „дознаніе“. Но дѣлать нечего: я продолжалъ задавать вопросы, надѣясь вызвать его на разговорчивость.

— Это вы сами и будете „нѣкоторый человѣкъ?“ спросить я.

— Онъ самый-съ.

— Скажите, которому же изъ двухъ, данныхъ вамъ старцемъ, произведеній вы больше сочувствуете?

— Совокупно.. Только въ совокупности, говорилъ онъ, каждый разъ слегка кивая головой.

— Можетъ быть, поэтому вы и зачеркнули у Пушкина слово „враждебной?“

— Точно такъ-съ.

— Не понравилась оно вамъ?

— Да... жесткое слово. Тяжелое слово, прибавилъ онъ, помолчавъ.

— Къ чему же привели васъ размышленія по поводу этихъ двухъ стихотвореній?

— Шелъ я, раздумывая, въ теченіе года, и вдругъ миѣ открылось, что жизнь—двойственна... Да-съ, жизнь человѣческая—двойственна! повторилъ онъ съ твердымъ убѣжденіемъ человѣка, нашедшаго истину:—этого люди не знаютъ... Нѣтъ... И въ томъ я большую ошибку ихъ вижу...

— Почему же вы думаете, что они не знаютъ?

— Почему-съ? спросилъ онъ. Да вѣдь вотъ я, до пятидесяти лѣтъ прожилъ и онаго не зналъ, и отъ сего впадалъ непрестанно въ опрометчивость, прибавилъ онъ и наивно при этомъ улыбнулся. Положимъ, мы простые люди... Но вотъ—люди, опытомъ и наукой искушенные, этого не знаютъ. Если бы они это знали, то не писали бы двухъ стиховъ, а изобразили бы одинъ, по совокупности.

И онъ опять смиренно склонилъ голову на бокъ.

— Вы въ молодости жили хорошо? Были богаты? сталъ спрашивать я его снова.

— Да, не то чтобы очень, средственно, а все же, по нашему городу—изрядно. Батюшка большимъ почтеніемъ въ городѣ пользовался, домъ нашъ быть уважаемъ, потому батюшка быть строгъ и чрезмѣрно даже: взгляда его боялись... Въ домѣ у насъ была тишина, благолѣпіе, въ родѣ какой бы монастырь былъ. При томъ при всемъ—жили мы сытно, всего было въволю, нужды не знали—этого нельзя сказать. Только чтобы, главное, не было поступковъ... Ну, а я, по младости моихъ лѣтъ, совершалъ поступки...

— Какіе же это были поступки?

— Такъ, разные поступки: предавался, на примѣръ, бѣгству изъ родительскаго дома... Такъ, разные поступки, повторилъ онъ и замолчалъ.

Замѣтивъ, что не только нельзя было вызвать его на разговорчивость, но что и на вопросы онъ начиналъ отвѣчать не охотно, я перешелъ къ его произведеніямъ. Онъ нѣсколько оживился и, перелистывая пачки сѣрой, исписанной то чернилами, то карандашомъ бумаги, говорилъ мнѣ:

— Разныя у меня есть стихотворенія: о Богѣ, на примѣръ; о видимомъ мірѣ размышленія; на разные случаи жизни; на праздники и великіе дни... Есть изобразительныя: на примѣръ, гроза, вечеръ странника.

— Вы мнѣ укажите или прочтите тѣ, которыя сами вы считаете наиболѣе удачными, сказалъ я.

— Да вотъ, вотъ это хорошій стихъ будетъ. Или вотъ „Великая пятница“. Это весьма хорошій стихъ.

— Прочитайте.

— Извольте-съ.

И онъ сталъ внятно читать на церковный, пѣвучій манеръ. Стихотвореніе было написано въ обыкновенномъ родѣ, какъ вообще пишутъ малограмотные самоучки, безъ всякихъ требованій просодіи, просто „по уху“, безъ орфографіи, языкомъ смѣшаннымъ—церковно-славянскимъ съ литературнымъ. Сти-

хотвореніе было такого содержанія: „Шелъ нѣкоторый чело-
вѣкъ (такъ начиналась большая часть его произведеній) по
большой дорогѣ, ранней весной—и радовался и ликовалъ, ибо
и природа вся вокругъ его радовалась и ликовала: солнышко
ярко играло, всюду выступала молодая зелень, показывались
ранніе цвѣты, лѣсъ одѣвался молодыми почками, свѣжими и
душистыми, и тоже радостно шумѣлъ и гудѣлъ; ласточки
рѣяли высоко въ небѣ; жаворонокъ звенѣлъ. И странникъ ра-
довался и ликовалъ, благословляя Господа. Но вдругъ онъ
вспоминаетъ, что въ этотъ день страдалъ распятый на крестѣ
Христосъ“. На этомъ стихотвореніе оканчивалось.

— Вотъ еще стихъ, говорилъ мнѣ странникъ-поэтъ, и чи-
талъ другое стихотвореніе, третье, четвертое, однообразно-
пѣвучимъ тономъ. Всѣ они были дѣйствительно слабѣе пре-
дыдущаго; ни мысль, ни образы не были выдержаны. Но
черезъ всѣхъ ихъ проходила замѣчательно-настойчиво ха-
рактерная идея, что все въ жизни, какъ онъ выразился, двой-
ственно.

— Есть у меня изъ прозы также, сказалъ онъ, взявъ дру-
гую пачку:—разные случаи записаны. Вотъ, если хотите по-
любопытствовать, наприимѣръ: „Правдивое сказаніе о нѣкоей
дѣвицѣ“. Есть другія... Я вотъ вамъ оставлю, а вы просмо-
трите, если вамъ будетъ не въ утѣшеніе.

— Что же вы желали бы сдѣлать съ вашими произведе-
ніями?

— Да чего желать, задумчиво развелъ онъ руками. Развѣ
вотъ одно: освободите меня отъ нихъ. Я бы вамъ, вотъ, всѣ
ихъ отдалъ. Зачѣмъ они мнѣ? Я изъ нихъ ничего не могу сдѣ-
лать. Да они мнѣ и не нужны теперь. Писать я ужъ теперь
больше не стану, такъ думать надо. Потому, писалъ я, когда
нужно было. Вотъ и возьмите, освободите меня: они мнѣ только
мѣшаютъ. Таскаешь вотъ мѣшокъ цѣлый. Бросить ежели,
рука не подымается, все же — думать, чувства разные...
Я въ нихъ, можно сказать, исцѣленіе находилъ. Какъ будто
эдакъ облегченіе получалъ и вдругъ — бросить!.. Жалко...

А можетъ быть образованный человѣкъ на чтонибудь обратитъ вниманіе. Потому—все же чувства разныя, мысли, живой человѣкъ...

Потомъ, помолчавъ, онъ прибавилъ: — еслибы мнѣ чтонибудь хотъ пожаловали за нихъ, такъ, на пропитаніе страннику...

— Но вы можетъ быть еще зайдете ко мнѣ? Вы долго еще пробудете въ этой мѣстности?

— Н-не знаю-съ, протянуть онъ.

— Покрайней мѣрѣ, вы сообщите мнѣ — куда бы я могъ вамъ адресовать, въ случаѣ, если бы чтонибудь нашлось въ вашихъ произведеніяхъ такого, что годилось для печати.

Онъ какъ-то заволновался, какъ будто удивленный.

— Какой же адресъ?.. Нѣтъ ужъ, зачѣмъ же... Мнѣ теперь все равно... Вѣдь это я для себя писать, не для кого... Идешь дорогой, сядешь гдѣнибудь подъ мостикъ, или въ лѣсу у кусточковъ — и пишешь... все я это передумать... Притомъ я знаю, что все это не по книжному... Образование мое маленькое. Я себя ничѣмъ этимъ не льщу...

— Какъ вы хотите. Но если будетъ къ случаю, заходите, когда пожелаете узнать мое мнѣніе.

Я далъ ему нѣсколько денегъ. Онъ много разъ благодарилъ меня и затѣмъ, уложивъ очки опять въ березовый брусокъ и засунувъ его въ мѣшокъ, вышелъ, оставивъ у меня на столѣ странные манускрипты шоссейной поэзіи.

На другой же день я принялся за разборку этихъ манускриптовъ. О стихахъ нечего больше прибавить, кромѣ того, что сказано выше. Разказы были писаны проще, непосредственнѣе и болѣе мнѣ понравились. Всѣ они носили анекдотическій характеръ. Впрочемъ, и черезъ нихъ проходила одна общая мысль, характеризующая большинство подобныхъ разказовъ, ходящихъ въ народѣ, это именно—мысль, что нашъ простой человѣкъ вовсе не такъ глупъ, какъ думаютъ объ немъ господа, что онъ давно ужъ придумалъ и изобрѣлъ разныя хитрыя вещи и механики и что, главное, значительно все это

дешевле и проще у него, — да только ему ходу никогда не давали: пока онъ хлопочетъ, а глядишь ужъ или англичанинъ, или инженеръ подхватятъ—и пустятъ въ оборотъ, да и дерутъ за это съ нашего царя вдесятеро. А простой человѣкъ такъ ни при чемъ и останется: и государству ущербъ, и простому человѣку ничего.

Какъ ни однообразны и ни ординарны всѣ эти рассказы о мужичкѣ, изобрѣвшемъ жатвенную машину и пославшемъ модель въ Петербургъ,—которая, однако, неизвѣстно куда пропала, а между тѣмъ дали ходъ англичанкѣ,—о лоцманѣ, поднявшемъ изъ воды затонувшій пароходъ чуть-ли не за 10 руб., когда инженеры просили 10 тысячъ, да и то ничего не сдѣлали и т. п.,—но нигдѣ еще не приходилось мнѣ встрѣтить такъ рѣзко сконцентрированный скорби простаго человѣка о томъ, что ему „не даютъ ходу“, что уму его „всѣ пути заказаны“, какъ въ этихъ шоссейныхъ рассказахъ; можетъ быть, я вамъ когда-нибудь и сообщу ихъ. Но изъ всѣхъ рассказовъ меня особенно поразили одинъ,—тѣмъ болѣе, что онъ стоялъ совсѣмъ особнякомъ и рѣзко выдавался изъ массы другихъ своимъ совершенно особымъ содержаніемъ, складомъ и характеромъ. По искренности, по пробивавшемуся въ немъ иногда непосредственному чувству,—онъ видимо имѣлъ автобіографическій характеръ. Вотъ почему, въ связи съ загадочною личностію рассказчика, онъ возбудилъ во мнѣ особый интересъ. Я передамъ вамъ его въ подлинномъ почти видѣ, сгладивъ только мѣстами слогъ. Вотъ онъ:

Правдивое сказаніе о нѣкоторой дѣвицѣ Анастасіи.

Въ нѣкоторомъ округѣ жилъ дровосѣкъ, по имени Павелъ, съ женою своею Марфой и малолѣтней дочерью Анастасіей; жили они въ небольшой хижинѣ, вдали отъ селенія, на краю лѣса, неустаннымъ трудомъ снискивая себѣ пропитаніе. Павелъ и жена его были мягкосерды, робки передъ людьми,

благочестны и любили единственную дочь свою Анастасею, которая съ каждымъ годомъ разцвѣтала какъ цвѣтокъ лѣсной, здоровѣла и давно уже помогала родителямъ, собирая въ лѣсу хворость и всякій плодъ. А наиболѣе любилъ ее Павелъ, часто бралъ съ собою въ лѣсъ, и когда сидѣла при немъ любимая дочь,—легко спорилась работа его. Такъ жили они, питая надежду, что дочь ихъ будетъ имъ въ старости кормилицей и защитой. Но Господь, въ неисповѣдимыхъ путяхъ промысла своего, предназначталъ иное. Когда минулъ Анастасея четырнадцатый годъ, была она поражена тяжелой и неизвѣстной никому дотолѣ болѣзнью: медленно захватывала она въ свою власть больную, сначала поразила она дѣвушку разслабленіемъ членовъ, потомъ отняла руки и ноги, такъ что больная не могла уже подниматься сама съ одра своего; потомъ охватила она всю ее,—и больная, день за днемъ, начала чахнуть, и сохнуть, и вянуть, какъ морозомъ убитая травка: цѣлыми днями и ночами лежала она, недвижимо, на одрѣ, бѣлая, какъ воскъ, и сухая, какъ моги; черные глаза ея, которые свѣтились изъ подъ бѣлаго лба, какъ крупныя вишни, не закрываясь, обращены были вверхъ, какъ бы къ небу. Сильно затосковалъ Павелъ по своей любимой дочери; каждый разъ, обливаясь слезами, приносилъ онъ ей изъ лѣсу, когда возвращался съ работы, или пучекъ свѣжихъ цвѣтовъ, или ягодъ, или рѣзвую бѣлку, или сѣраго кролика. Но Анастасея, съ каждымъ днемъ, все больше впадала въ забытье, стала бредить и сдѣлалась равнодушною къ ласкамъ и горю родителя своего, часто не узнавая его. Еще горше затосковалъ Павелъ, и самъ сталъ равнодушнень къ себѣ. Однажды рубилъ онъ дерево и, поглощенный весь горемъ своимъ, незамѣтилъ, какъ подрубилъ стволъ его больше, чѣмъ слѣдовало,—и дерево, разомъ сломявшись, придавило его. Не вынесъ старый Павелъ и, мало проболѣвъ, умеръ, оставивъ одинокую вдову съ больною дочерью. Долго не знала беззащитная вдова Марфа, что ей дѣлать; долго молилась она, чтобы вразумилъ ее Господь и смывался надъ нею. И Господь открылъ ей:

„пди, сказать Онъ ей во снѣ, — и именемъ Моемъ соберешь хлѣбъ“. И, заперевъ дочь свою одну въ хижинѣ, стала ходить Марфа по окрестнымъ селеніямъ, собирая пропитаніе Христа ради. Такъ ходила она изъ села въ село, всюду останавливаясь въ избахъ сердобольныхъ женъ, рассказывая про горе свое и про болѣзнь дочери Анастасен. И слушали любопытныя жены, и подавали ей милостыню; а она говорила вездѣ:

— Горе мнѣ, жевщинѣ! Мужъ мой умеръ, а дочь лежитъ на одрѣ, сухая, какъ мощи: вотъ уже полгода ни на одинъ часъ не смыкаетъ глазъ—и бредитъ о небѣ и ангелахъ божіихъ. Но Господь не посылаетъ по душу ея! Что мнѣ дѣлать съ нею,—если ни на землѣ, ни на небѣ не далъ ей Господь мѣста! Если бы Онъ прибралъ ее къ Себѣ, я была бы свободна и прокормила бы себя.

Тогда любопытныя жены стали приходить въ хижину Марфы, утѣшая ее, и долгіе вечера просиживали здѣсь, слушая бредъ невразумительный Анастасен и, качая головами, вели тихую бесѣду. Такъ съ каждымъ днемъ все больше и больше деревенскихъ женъ стало ходить къ Марфѣ, инныя изъ состраданія, инныя изъ праздности, пныя же приносили съ собою рукодѣлье и сидѣли тутъ цѣлыми часами, или шепча молитвы, вздыхая, или же передавая другъ другу о нуждахъ и заботахъ своихъ, или же всяко толкуя и находя тайный смыслъ въ бреду Анастасин.

Однажды, въ праздничный день, когда много собралось женъ у хижины Марфы,—изъ коихъ многія, дабы прикрыть и оправдать свое любопытство, принесли богатую милостыню,—и ожидали услышать, о чемъ будетъ бредить больная,—какъ внезапно бѣлый голубь, кружась, спустился на хижину Марфы и, трепеща крыльями, бился объ оконную раму, какъ бы стремясь проникнуть къ больной.

— Милость Божія! воскликнула Марфа:—это Господь прислалъ по душеньку Анастасин. Сказавъ это, она стала креститься,—какъ вдругъ больная Анастасія повернула голову къ присутствовавшимъ и, устремивъ на нихъ воспаленные глаза

свои, впала въ продолжительный бредъ. Въ глубокомъ молчаніи и трепетѣ внимали женщины словамъ ея. И когда она кончила, женщины сказали Марфѣ: „Видимо, Господь ниспосылаетъ тебѣ, Марфа, благодать! Не хочетъ Онъ призывать къ себѣ Анастасію, а хочетъ, чтобъ она осталась при насъ, бѣдныхъ, и пророчествовала намъ о судьбѣ нашей, и подавала намъ радость и утѣшеніе... Таковы были рѣчи ея!..“ Тутъ стали обращаться женщины къ Анастасіи, испытуя ее о нуждахъ своихъ. И, по временамъ, отвѣчала имъ Анастасія теми же иносказательными словами, какъ бы вразумляемая свыше... Съ того дня по всѣмъ окрестнымъ селамъ и всякъ прошла про бѣдную вдову Марфу и дочь ея Анастасію большая молва. Много бѣдныхъ и несчастныхъ, обремененныхъ нуждою и горемъ, стекалось къ одинокой вдовѣ Марфѣ, такъ что хижина ея уже не вмѣщала въ себя всѣхъ приходившихъ. Тогда приходившіе, иногда изъ далекихъ мѣстъ, располагались вокругъ хижины, отдыхая на мѣшкахъ, подъ лѣсною тѣнью. Тутъ Марфа и сосѣдки ея рассказывали имъ все, что знали объ Анастасіи, и принимали подаванія, которыя приносили съ собою приходившіе отъ скудныхъ достатковъ своихъ. Были тутъ многіе нуждающіеся и обремененные, жаждавшіе утѣшенія, и здѣсь,—въ переходившей изъ устъ въ уста молвѣ,—всякъ находилъ то, къ чему склонялась душа его. Говорила молва и о томъ, какъ Анастасія, въ сновидѣніи, видѣла божіи престолы, вокругъ которыхъ вѣшали кадила и паникадилы съ золотыми свѣчами, ангелы божіи, въ чиновачаіи, по девяти чинамъ ангельскимъ, обрѣтались вблизи Господа, восхваляя его сладкоголоснымъ пѣніемъ, готовые по первому слову его летѣть на грѣшную землю, провозглашая людямъ справедливый гнѣвъ его или великое милосердіе. Тутъ же чредою стояли апостолы и мученики, пророки и святые, представляя за міръ человѣческой. И, выслушавъ велѣнія Господа, они также невидимо сходили на землю, въ ночи и во снѣ являясь людямъ и давая имъ разныя знаменія воли Божіей. Говорила молва и о томъ, какъ являлся къ Анастасіи ста-

рець и возвѣщать ей, что не пройдетъ трехъ седмицѣй, когда самъ Господь снизойдетъ на землю и, ни для кого невидимо, воплотится въ образъ немущаго странника и обойдетъ весь мѣръ, принявъ на себя крестъ, который несетъ простой чело-вѣкъ въ жизни: будутъ гнать и заушать его сильные и бога-тые, ввергать въ темницы и предавать истязаніямъ, будетъ терпѣть онъ и голодь, и жажду, и холодъ, будетъ снискивать пропитаніе себѣ тяжкимъ трудомъ, и когда попроситъ у бо-гатыхъ и сильныхъ даянія, — они подадутъ ему камень вмѣ-сто хлѣба. Тогда преисполнится чаша гнѣва Божія, и велитъ Онъ вострубить ангеламъ, дабы собрались къ нему всѣ труж-дающіеся и обремененные, и когда соберутся они вокругъ него полчищами несметными, тогда внезапно преобразится Онъ, и возсіяетъ великъ и гнѣвевъ, и возгласитъ:— „отъ сего часа да будутъ послѣдніе первыми, а первые послѣдними!“ И пове-литъ Онъ людямъ раздѣлить по-ровну и земли, и воды, и плоды всякіе, и все достояніе земное...

И многое подобное разносилось молвой среди собравшихся у хижины, пока ожидали очереди услышать изъ устъ Анаста-сін отвѣтъ на запросъ каждаго о нуждахъ своихъ: матери пытали о дѣтяхъ своихъ, жены о мужьяхъ, которые или бо-лѣли, или взяты были на войну, или странствовали въ трудѣ и заботахъ на сушѣ и на водѣ. И получивъ въ отвѣтъ хотя звукъ одинъ отъ Анастасін, уходили, всякъ толкуя по сердцу своему и неся въ душѣ своей утѣшеніе и упованіе. Съ того времени великимъ уваженіемъ стала пользоваться отъ народа благочестивая вдова Марфа и дочь ея Анастасія. Не-рѣдко приходившіе говорили Марфѣ:— „несказанное счастье тебѣ, честная Марфа! Взыскалъ Господь тебя, за твою нужду, великою благодатью! А за то это, что не роптала ты на Бога и въ смиреніи несла крестъ свой“. Такъ прошло цѣлыхъ че-тыре года, а Анастасія все лежала на одрѣ своемъ, безъ пе-ремѣны,—и не убывали приходящіе къ ней за утѣшеніемъ. Вдова же Марфа давно уже не знала нужды у себя въ домѣ:

несь ей бѣдный народъ все, что могъ, отъ трудовъ своихъ: и хлѣбъ, и плоды всякіе, и холстину, и медь.

По прошествіи четырехъ лѣтъ, въ тотъ день, когда минулъ Анастасіи восемнадцатый годъ, впервые ощутила больная, какъ легкая краска проступила у нея на щекахъ, какъ теплота по-малу начала расходиться по членамъ и, какъ бы пробужденная отъ сна, вздохнула она и въ первый разъ со дня болѣзни признала мать свою. Тогда она спросила ее слабымъ голосомъ:—„матушка, зачѣмъ у насъ такъ много народу собралось?“. Мать отвѣчала ей, крестясь въ невольномъ смущеніи:—„Взыскать насъ, бѣдныхъ, Господь своею великою милостію: ты, Анастасьюшка, блаженная; избралъ тебя Господь—повѣдать бѣднымъ людямъ волю свою. Бойся прогнѣвить Его и Его святой воли послушаться. Во снѣ Онъ открываетъ тебѣ всю судьбу людскую,—и ты должна повѣдать ихъ тѣмъ, кто собрался здѣсь. Черезъ тебя всѣ они чають утѣшенія въ скорбяхъ своихъ и нуждахъ“. И приняла слова тѣ Анастасія къ сердцу, боясь послушаться воли Божіей,—и продолжала передавать приходившимъ безгрѣшныя сны свои, и утѣшать ихъ надеждами, ибо и сама вѣрила въ то, что говорила. Но не долго боролась въ ней теперь упорная болѣзнь съ оживѣвшей незанпо молодой кровью. Горячимъ ключемъ забила она скоро въ сердца и жилахъ Анастасіи. Тогда она почувствовала жажду и голодъ, и захотѣлось ей встать и выбѣжать на волю; она сказала матери: „матушка, я не могу больше лежать!“. И услыхавъ это, взволновалась мать и закричала на нее, сказавъ: „Лежи, Анастасьюшка! Это врагъ смущаетъ тебя, чтобы ты послушалась воли Божіей... А когда ты отступишься отъ Его воли,—всѣ покинутъ насъ, и будутъ гнать, и не будетъ у насъ хлѣба, и опять будемъ мы пропадать въ нуждѣ и горѣ“. Страшно стало Анастасіи отъ этихъ словъ, и стала она молиться, чтобы слась ее Богъ отъ презлещеній врага.

Однажды, когда уже наступила весна и лѣсъ одѣлся въ зелень, и наполнился благоуханіемъ, и зазвенѣли въ немъ птицы,

и назрѣвали цвѣточныя почки, Анастасія видѣла сонъ... И когда собрались вокругъ нея нуждающіеся и обременные, чающіе упованія, — она впервые смутилась и утаила сонъ свой, ибо поняла, что не за этими снами приходили къ ней люди и не этими снами открываетъ Господь волю свою. Когда-же народъ просить мать, чтобы она умолила ее открыть уста, тогда Анастасія стала пропносить притворныя рѣчи, закрывъ очи, дабы не выдать странный блескъ ихъ людямъ... Когда же наступала ночь и приходился народъ, тихо вставала она съ постели, выходила изъ хижины, и ложилась на свѣжую мураву, и заломивъ бѣлыя руки за голову, алчно, подобно истерзавшемуся въ неволѣ узнику, вдыхала въ себя душистый лѣсной воздухъ.

На утро-же, когда приходили опять къ хижинѣ нуждающіеся и обременные, — она опять ложилась въ страхѣ на одръ своей и прятала отъ стороннихъ взглядовъ и лицо свое, и руки, и плечи... Часто приходило ей желаніе — сбросить покровъ свой и встать передъ нищими во всей юной красѣ своей, и крикнуть имъ: „Уйдите отъ меня, уйдите! Освободите меня! Что я вамъ и что вы мнѣ?!..“ Такъ подымался въ душѣ ея буйный ропотъ и противъ людей, и противъ Бога... А бѣдная вдова Марфа въ то время усердно молилась Господу, дабы Онъ не лишилъ Анастасію благодати своей.

Народъ-же, примѣтивъ, что Анастасія здоровѣетъ, уныль, и часто громко выражалъ тоску свою.

Въ тѣ дни, въ отдаленномъ городѣ Х., жилъ нѣкоторый человекъ, купческаго званія, въ домѣ отца своего. Былъ онъ, въ молодости своей, нрава свободолюбиваго и часто огорчалъ благочестивыхъ родителей своихъ, предаваясь неоднократно бѣгству изъ дому родительскаго. Когда же вошелъ онъ въ возрастъ возмужалости, тогда отецъ сказалъ ему: „Пора тебѣ подумать о жизни. Я выбралъ тебѣ невѣсту, женись на ней и прилѣпись къ семьѣ своей, и продолжай мирно дѣло отца своего“. Нѣкоторый человекъ покался въ грѣхахъ своихъ, смирился и поступилъ такъ, какъ говорилъ ему отецъ. И потекла жизнь

его мирно и благочестно, въ изобиліи и всякомъ достаткѣ, такъ какъ за смиреніе полюбили его всѣ—и молодая жена, и отецъ, и тесть. Но послѣ брака, по маломъ времени, заболѣла жена его тяжелой и продолжительной болѣзью; ни искусные врачи, ни знахари, ни бабки не знали, что дѣлать, и хотя большіе были капиталы затрачены, однако пользы ни отъ кого не было. Тогда всѣ въ домѣ впали въ уныніе, такъ какъ молодая была единственная дочь своего отца; онъ же значился въ капиталахъ весьма обширныхъ. Полгода уже страдала больная, когда дошла до X. молва о нѣкоей дѣвицѣ Анастасіи, предсказывающей людямъ судьбу. Тогда всѣ семейные сказали нѣкоторому человѣку, чтобы ѣхалъ онъ къ указанной дѣвицѣ и испытать ее о судьбѣ жены своей. Нѣкоторый человѣкъ такъ и сдѣлалъ; взявъ съ конюшни отца лучшую лошадь, и харчей, и денегъ, поѣхалъ онъ въ указанное мѣсто. Но ни въ первый день, ни въ слѣдующій не могъ онъ дожидаться никакого себѣ указанія отъ Анастасіи. Тогда сказали ему люди: — „повремени. Дастъ Господь, — и ты получишь черезъ нее указаніе судьбы своей“. Тогда нѣкоторый человѣкъ поселился въ селеніи, вблизи котораго стояла хижина Анастасіи и, ежедневно, съ утра до вечера, сидя вмѣстѣ съ народомъ, въ смиреніи, ожидаль, когда Анастасія скажетъ ему слово. Такъ было: прошла недѣля, когда случилось, что мало было народа у хижины. Нѣкоторый человѣкъ, по обыкновенію, вошелъ и сталъ испытывать пророчицу. Тогда Анастасія взяла его руку и обратила на него взоръ свой,—и смутился тогда нѣкоторый человѣкъ, ибо почувствовалъ онъ, что рука Анастасіи была нѣжна и горяча, а глаза ея были черны и блестящи. И тихо сказала пророчица нѣкоторому человѣку, что она дастъ ему указаніе по затмѣніи вечерней зари... Такъ онъ и поступилъ: когда затмилась заря, онъ пошелъ къ хижинѣ Анастасіи и увидѣлъ здѣсь сидящую на ступеняхъ дѣвицу, обильную здоровьемъ и прельщавшую красотой. Когда же посмотрѣла она на него своими большими черными глазами, нѣкоторый человѣкъ, въ смущеніи, призналъ въ ней Ана-

стасію. И едва подошелъ онъ къ ней, какъ Анастасія взяла его за руку и, въ трепетѣ и волненіи, повела его стремительно въ лѣсную глушь.

— Буда ты ведешь меня? спросилъ нѣкоторый человекъ, въ страхѣ и невольномъ волненіи.

Тогда Анастасія обвила шею его голыми и мягкими руками и стала говорить ему: „Купецъ! Я не могу дать тебѣ никакихъ указаній, потому что не хочу обманывать тебя... Какая я пророчица! Это выдумали глупые нищіе, что собираются здѣсь, и хотятъ заставитьъ меня хворать, и быть несчастной, чтобы я рассказывала имъ сны и бредила... Противно мнѣ!... Не хочу я быть несчастной... Видишь ты—я стала и молода, и красива... Что мнѣ въ сказкахъ!..

(На этомъ мѣстѣ рукопись прерывалась; очевидно, недоставало цѣлаго листика; но былъ-ли онъ затерянъ случайно, или же вырванъ авторомъ преднамѣренно—мнѣ осталось неизвѣстнымъ. Дальше рассказъ круто измѣняетъ характеръ и продолжается въ слѣдующемъ видѣ):

Нѣкоторый человекъ пріѣзжалъ къ ней съ друзьями своими, на многихъ лухихъ тройкахъ, оглашая путь звономъ колоколовъ и бубновъ. И всѣ тогда дни и ночи веселились здѣсь, и пѣли, и плясали, опутанные какъ-бы чарами, ибо была Анастасія прекрасна, какъ созрѣвшій плодъ, а кровь ея горяча, какъ огонь. Была-же она весела и счастлива и, какъ голодная, спѣшила упиться всѣми прелестями жизни. Много путниковъ стало тогда останавливаться въ той постоялой избѣ, чтобы только взглянуть на молодую дворничиху. Много народу, богатаго и бѣднаго, молодаго и разгульнаго, который искалъ забыться въ весельѣ и винѣ, толпилось здѣсь цѣлыя ночи, предаваясь гульбищу, слушая буйныя и веселыя рѣчи Анастасіи, наслаждаясь ея звонкимъ голосомъ, пѣснями, красотой и бунтовавшею въ ней страстью... И прошла про Анастасію по всѣмъ окрестнымъ селамъ и весямъ большая молва. Молодые отцы, сыновья, мужья и братья бѣжали къ ней изъ бѣдныхъ и богатыхъ хижинъ, отъ

тоски жизни и заботы семейной, отъ дѣтей, женъ и матерей. чтобы хотя на одинъ часъ дать волю своей молодой крови, повеселиться на полномъ раздольи, и надышаться тѣмъ духомъ молодого разгула, что, какъ зараза, исходилъ отъ цвѣтущей здоровьемъ и прелестями Анастасіи. Распался-же народъ этотъ страстью все болѣе, ибо была Анастасія цѣломудрена, недоступна и вѣрна въ сердцѣ любви своей. Нѣкоторый-же человѣкъ отъ того все болѣе прилѣплялся къ ней—и не стало для него въ жизни ничего дороже и милѣе Анастасіи. Въ разгулѣ-же и весельи топилъ онъ смуту души своей, ибо въ домѣ своемъ стало ему опять сиротливо и скучно. Однажды, когда вернулся онъ послѣ продолжительной поѣздки своей, которую прикрывалъ лживыми предлогами передъ отцомъ своимъ, женою и тестемъ, — жена сказала ему: „побудь со мной: стала я поправляться“... Тогда поблѣднѣлъ нѣкоторый человѣкъ и не сказалъ ничего. По прошествіи малаго времени, не въ силахъ болѣе сдержатъ себя, — опять взявъ отъ отца и тестя подъ фальшивыми предлогами денегъ, онъ уѣхалъ къ дворничихѣ, проводя дни и ночи съ веселой Анастасіей и съ пріѣзжавшимъ въ постоялую избу народомъ... Въ тѣже дни случилось: дошла молва до города Х., что врагъ воплотился въ нѣкотораго человѣка, купческаго званія, и погубилъ пророчицу. Когда-же молва эта дошла до жены нѣкотораго человѣка, и до отца его, и до тестя, — то жена его не вынесла; по маломъ времени, возобновилась болѣзнь ея—и она скончалась; тесть-же, въ великомъ горѣ и гнѣвѣ, изгналъ зятя изъ дома своего, а отецъ, который все упованіе возлагалъ на бракъ сына своего и на тестя, помѣшался въ разсудкѣ, ибо сталъ банкротъ. Такъ сдѣлалось по волѣ божіей: нѣкоторый человѣкъ лишился всего, что было у него въ жизни: и достатковъ, и довѣрія торговыхъ людей, и отвернулись отъ него друзья и близкіе его. Тогда пришелъ нѣкоторый человѣкъ, нищъ и скорбенъ, къ Анастасіи и разсказалъ ей все, что съ нимъ было; Анастасія сказала ему: „Что намъ люди! Оставайся съ нами, и будь мнѣ мужъ: мы будемъ жить по-преж-

нему. Будемъ веселиться, а нагореваться успѣемъ: не будемъ смотрѣть на людей!“.—Сладко сдѣлалось отъ тѣхъ словъ нѣкоторому человѣку, и онъ остался. Когда-же приходили къ Анастасіи и останавливались у нея гости и передавали,—что говорила молва въ народѣ о ней и нѣкоторомъ человѣкѣ, погубившемъ и святуя, и жену свою, и отца, и что жены и матери рошцуть на прелести ея, ибо внесла въ дома ихъ она смуту,—Анастасія дерзко смѣялась надъ ними и говорила: „Что-жь вы идете сюда? Оставайтесь съ женами вашими и дѣтьми—и плачьте вмѣстѣ съ ними! Что намъ за дѣло, что говорятъ про насъ ваши жены и матери! Мы не будемъ плакать вмѣстѣ съ вами... Что намъ, что наше веселье не мило другимъ!“ И слыша все это, нѣкоторый человѣкъ начиналъ ощущать смуту въ душѣ своей. Когда-же онъ предался размышленію о всемъ, что совершилось съ нимъ и Анастасіей,—незапно объять онъ былъ ужасомъ. „Ты—человѣкъ судьбы“, сказалъ ему какъ-бы нѣкоторый внутренній голосъ. И тогда нѣкоторый человѣкъ, въ стремительномъ волненіи, едва наступила ночь, собравъ нѣчто изъ одежды въ мѣшокъ и положивъ туда небольшую часть хлѣба, тайно ушелъ изъ этого дома. И шелъ онъ дни и ночи, все дальше и дальше, и когда выходилъ у него хлѣбъ, онъ или просилъ милостыню, или занимался въ работу. Иногда, когда уставать онъ, приходило ему желаніе остановиться отъ скитаній своихъ,—и тогда прилежно трудился онъ по разнымъ ремесламъ, ибо довольно былъ крѣпокъ разсудкомъ, знаніемъ и опытомъ, и достигалъ иногда хорошаго положенія. Но достигнувъ его, скоро бросалъ онъ все и ударялся въ разгулъ, и все скопленное имъ, какъ-бы спѣша, разбѣвалъ по интелльнымъ домамъ и трущобамъ, предаваясь гульбищу съ дорожными нищими и пропойцами. Такъ пристрастился онъ къ вину и перемѣнѣ мѣста,—и скитаніямъ своимъ не видѣлъ конца. Въ нѣкоторые дни, присѣвъ отдохнуть на дорогѣ подъ деревомъ, нѣкоторый человѣкъ, въ скорби и гнѣвѣ, спрашивать: „почто рожденъ я на свѣтъ? Когда хотѣлъ я быть счастливымъ и жить,—тогда счастье мое несло съ собою зло. Когда-же ис-

полнится предѣлъ винъ моей? И почто мы были виновны?“ Но, не получивъ въ душѣ своей отвѣта на мысли свои,—нѣкоторый человекъ шель отъ одного мѣста къ другому, гонимый судьбой, какъ Агасферъ въ пустынѣ.

Такъ-же сдѣлалось: Анастасія, ощутивъ въ сердцѣ своемъ тайную тоску, признала, что нѣкоторый человекъ скрылся и покинулъ ее. Это стало ей какъ-бы предчувствіемъ, что люди хотятъ сдѣлать ее опять несчастной, какъ и сами они... Тогда поднялся въ сердцѣ ея ропоть великій. И когда собирался въ домѣ ея народъ, пріѣзжавшій къ ней на гульбища, она дерзостно смѣялась надъ ихъ житейской немочью и горемъ, и манила ихъ къ большому разгулу, и возжигала въ нихъ кровь, и ропоть, и злобу на свою судьбу; тогда открывала она пѣбранному прелести своя и, упившись страстью съ жертвой своей, покидала ее. И стать, съ того дня, домъ ея—домомъ разврата и ссоръ, и распространила она заразу свою, душевную и тѣлесную, по всей окрестности. Тогда громко возроптали противъ нея и жены, и матери, и дѣти, и весь народъ... Благочестные же люди крестились и, въ смущеніи, отвращались отъ дому того, ибо въ душѣ своей не постигали: почто совершилось все это.

Такъ исполнилось по грозному слову Господа: „Мнѣ отмщаеша, и Азъ воздамъ!“.

Такимъ безнадежно-суровымъ восклицаніемъ заканчивался рассказъ шоссейнаго поэта. Этотъ рассказъ еще больше возбуждлъ во мнѣ интересъ къ личности самого поэта, въ которомъ многое оставалось еще для меня неяснымъ. Я съ нетерпѣніемъ ждалъ, что онъ еще зайдетъ ко мнѣ. Судя по тому, какъ неувѣренно онъ отвѣчалъ на мой вопросъ: долго-ли еще онъ пробудетъ въ нашихъ мѣстахъ?—я надѣялся еще встрѣтиться съ нимъ.. Я спрашивалъ крестьянъ, не встрѣчали-ли они его; одни говорили, что послѣ уже не видали, другіе увѣряли, что видали его недавно ходившимъ по базарнымъ и торговымъ селамъ.

Какъ-то, вскорѣ, мнѣ пришлось завернуть въ одно такое

село. Базаръ уже кончался. Площадь почти опустѣла. Стояла жара. Воздухъ былъ немовѣрно душень и пыленъ. Я зашелъ въ деревенскій кабакъ выпить пива. Въ кабакъ было прохладно и тихо; пахло водкой и махоркой; полъ былъ усыпанъ объѣдками и подсолнечной скорлупой; видимо, всюду еще остались признаки недавняго разгула базарной толпы. За жиденькой перегородкой, отдѣлявшей вмѣсто двери ситцевой, полуоткрытой занавѣской, видно было, какъ кабатчикъ, молодой еще мужикъ, возплся съ ревѣвшими ребятишками, вѣроятно за отсутствіемъ матерп. Онъ такъ и вышелъ ко мнѣ, держа одну ревѣвшую дѣвочку на рукахъ, а другую, постарше, ведя за руку. Заговорившись съ кабатчикомъ, оказавшимся очень неравнодушнымъ къ своимъ дѣтямъ,—я и не замѣтилъ, что позади меня, въ углу, у опрокинутой бочки, сидѣли за бутылкой наливки мущина и женщина. Оба они были выпивши, а, по костюму и сваленымъ тутъ-же дорожнымъ мѣшкамъ, они, видимо, были прохожіе. Мущина, сидѣвшій задомъ ко мнѣ, что-то внушительнымъ попотомъ объяснялъ женщинѣ,—еще не старой, но съ сильно изношеннымъ лицомъ и тѣмъ характернымъ неестественнымъ румянцемъ во всю щеку, который обыкновенно выдаетъ женщинамъ плохую рекомендацію. Женщина была въ ситцевомъ капотѣ, повязана ярко-краснымъ платкомъ, уголъ котораго низко былъ спущенъ надо лбомъ, вѣроятно съ цѣлью скрыть пылавшее лицо, какъ обыкновенно дѣлаютъ выпивающія женщины.. Ова, въ отвѣтъ на рѣчи мущины, то подымала какъ-то внезапно голову и нѣсколько времени смотрѣла блуждающими; но красивыми большими черными глазами, полусознательно улыбалась собесѣднику, желая выразить ему сочувствіе,—но затѣмъ голова ея снова тяжело опускалась.—У меня мелькнуло предположеніе, что сидѣвшій мущина былъ мой посейный поэтъ; и я еще не успѣлъ хорошенько взглядѣться въ него, какъ онъ обернулся, посмотрѣлъ на меня, тотчасъ же вскочилъ, нетвердо держась на ногахъ,—и улыбаясь той блаженной льстиво-смиреной улыбкой, которая бываетъ у выпившаго человека, сталъ смотрѣть мнѣ въ лицо.

— Вы еще здѣсь? спросилъ я.

— Такъ точно-съ... замотался... Вотъ она все...—показалъ онъ на женщину.

— А я хотѣлъ съ вами поговорить... Меня, знаете, очень заинтересовало ваше „Правдивое сказаніе“...

— Такъ точно-съ, отвѣтилъ онъ, повидимому плохо понимая о чемъ идетъ дѣло.

— Скажите, это вы „нѣкоторый человѣкъ“ и будете?

— Такъ точно-съ... Я—нѣкоторый человѣкъ.

— И это все, дѣйствительно, съ вами случилось?

— Такъ точно-съ... За мной, съ младости, ваше бл—діе, разные поступки значились... Потому, очень я всегда быть скучливый человѣкъ... Всѣмъ скучать...

Въ это время женщинѣ сдѣлалось дурно и кабатчикъ закричалъ на нее, собирая пустую посуду: „Пошла, пошла вонъ... Пора! Выпили—и ступайте... Что здѣсь колобродить“...

— Не тронь ее, крикнулъ на него въ свою очередь сердито странникъ:—Уйдемъ!..

— Ну и уходите...

— И уйдемъ... что-же мы? На свои пьемъ, не на твои... Уйдемъ!.. Такъ-ли, ваше бл—діе? Конечно, мы съ ней, по превратностямъ нашей жизни, получили пристрастіе къ вину... Ты, Настенька, обратился онъ къ женщинѣ, опустившей голову на бочку:—ты выйди на волю, коли тебѣ тяжело, а отчаянію не предавайся... Выйди! Главное, духомъ не падай! Пойдемъ! И онъ осторожно вывелъ ее подъ руку на воздухъ.

— Ваше бл—діе,—обратился онъ ко мнѣ, вернувшись:—Позвольте отъ васъ угощеніе принять... „Жизнь для жизни намъ дана“! Такъ-ли—съ?

— Конечно.

— Это что значить:

Умъ молчать, но сердцу ясно:

Жизнь для жизни намъ дана!

— Такъ-ли-съ!.. Вотъ теперь я съ вами выпью,—и сейчасъ мы уйдемъ.

— Вы куда-же?

— Мы-съ?.. Да такъ вотъ и пойдемъ... Теперь вдвоемъ-то веселѣе будетъ... Можетъ гдѣ-нибудь и пристанемъ... Въ гавань, значить, войдемъ!.. (онъ засмѣялся). — Думаемъ въ своемъ городѣ побывать...

— Что-же мнѣ, скажите, сдѣлать съ вашими произведеніями?

— Да вотъ-съ! какъ-то неожиданно сказалъ онъ, какъ будто внезапно осянула его мысль:—вы мнѣ позвольте еще что-нибудь, на дорогу... Такъ ужъ мы съ вами и будемъ въ раздѣлкѣ, на чистоту... чтобы ужъ, значить, объ этомъ и не упоминать никогда! Н-ну ихъ!

Выпивъ и получивъ отъ меня еще нѣсколько денегъ, онъ по прежнему разсыпался въ благодарностяхъ и, затѣмъ, взявъ мѣшки, распростился со мной.

— Можетъ быть мы еще съ вами какъ-нибудь встрѣтимся въ Х? сказалъ я.

— Можетъ быть... Даже неотмѣнно... Гора съ горой не сходится, а человѣкъ съ человѣкомъ всегда сойдется, проговорилъ онъ съ особеннымъ удареніемъ.

Онъ вынесъ мѣшки за дверь, помогъ спутницѣ привязать одинъ изъ нихъ на спину и, поддерживая другъ друга подъ руки, спутники двинулись по шоссе, тихо покачиваясь и поталкивая одинъ другаго.

— Кто эта женщина?.. спросилъ я кабатчика.

Мнѣ кабатчикъ долго рассказывалъ про похождения Настасы, но особенно новаго къ тому, что я уже зналъ, не прибавилъ ничего.

По уходѣ странника съ Настей, кабатчикъ усадилъ обѣихъ своихъ дочекъ на стойку и все время, пока разговаривалъ со мной, онъ съ особеннымъ стараніемъ мочилъ ихъ головки водкой и затѣмъ тщательно расчесывалъ имъ гребнемъ кудрявые волосы. Видимо, онъ любовался ими; да и одѣты были они хотя и просто, но чистенько. Меня эта сцена очень заинтересовала, и я все время какъ-то невольно всматривался въ ка-

батчика: у него было молодое, умное, красивое лицо, небольшая кудрявая черная бородка и такіе же волосы на головѣ; бойкіе, свѣтлые глаза; одѣтъ онъ былъ щеголевато, — въ чистую кумачную рубаху на выпускъ изъ подъ ковровой жилетки, съ цѣпочкой и часами.

— Вы откуда будете? спросилъ я его:—крестьянинъ?

— Крестьянинъ. Недалеко, версть за десять отсюда. И онъ назвалъ извѣстную мнѣ деревню.

— Вы барскіе были?

— Барскіе. Нашъ баринъ, знаете, какой былъ... Перенесли всего... Остались мы послѣ тятеньки съ матерью—малолѣтними: двѣ сестры, да я... Сколько перенесли труда—страсть... Все хотѣли какъ—ниги смиреніемъ да покорностью взять... Конечно, по старому размышляли: наши труды, моль, оцѣнять... Уповали, конечно... Насъ пуще тѣснить, а мы только пуще уповаемъ да смиряемся!..

— Вы грамотный?

— Какъ-же-съ. Послѣ „воли“ въ скоромъ-же времени ушелъ въ городъ, потому и хозяйство надо было поддерживать... Тамъ сейчасъ на грамоту напустился... Ну, и слава Господу, теперь оправляемся.

— А жена у васъ жива?

— Жива-съ. Да вотъ въ усадьбу уѣхала. У своей барыни мы старую усадьбу купили. Только еще она тамъ доживаетъ, съ такимъ уговоромъ купили... А мы вотъ здѣсь держимъ заведеніе... Да надоѣло... Надо будетъ барыню-то побезпокоить: что ей тутъ проклажаться... пусть въ городъ ѣдетъ умирать-то!...

— Что-же вы... Пожалѣйте ужъ старуху!..

— Что-же намъ ихъ жалѣть!.. Насъ они мало жалѣли, сказали спокойно молодой кабатчикъ:—Ежели намъ всѣхъ жалѣть, такъ этакъ весьма даже скоро на старое повернуть...

Я выпилъ пиво и распрощался съ своимъ собесѣдникомъ. Но у меня долго не выходило изъ памяти его энергичная, спокойно-самоувѣренная фигура, и это выразительно-красивое

лицо, и эти умные глаза... и, вмѣстѣ съ тѣмъ, столько холода и душевной проказы!.. Глаза его, дерзкіе и вызывающіе, какъ то напомнили мнѣ глаза Анастасіи. Само собой всталъ въ воображеніи и шоссейный поэтъ, черезъ десять лѣтъ вернувшійся, чтобы взять свою Настю...

И думалось мнѣ: „если ты явился разъ, то придешь и въ другой“...

Н. Златовратскій.

* * *

Чуть останусь одинъ и—во мнѣ подымаетъ
 Жизнь со смертью мучительный споръ,
 И, какъ пытка, усталую душу терзаетъ
 Ихъ старинный, немолчный раздоръ;
 И не знаетъ душа, чьимъ призывамъ отдаться,
 Какъ честиѣ задачу рѣшить:
 То болѣзненно-страшно ей съ жизнью разстаться,
 То страшнѣй еще кажется жить!...

Жизнь твердитъ мнѣ: „Стыдись, малодушный! Ты молодъ
 Ты душой не бѣднѣе другихъ,—
 Встрѣть же грудью и злобу, и бѣдность, и голодъ,
 Если любишь ты братьевъ своихъ...
 Или слезы за нихъ—были слезы актера!
 Или страстные рѣчи твои
 Согрѣвало не чувство, а паеосъ фразера,
 Не любовь,—но миражи любви?...”

Но едва только жизнь побѣждать начинаетъ, —
 Какъ въ отвѣтъ ей, сильнѣй и сильнѣй,
 Смерть угрюмую пѣсню свою запѣваетъ,
 И невозможно внимаю я ей:
 „Нѣтъ, ты честно трудился, ты честно и смѣло,
 Съ сердцемъ, полнымъ горячей любви,
 Вышелъ въ путь, чтобъ бороться за общее дѣло...
 Но разбиты усилія твои!...”

Тщетны были къ любви и святыи́мъ призывы:
Ты слѣпымъ и глухимъ говорилъ,—
И усталъ ты... и крикомъ постыдной наживы
Рынокъ жизни твой голосъ покрылъ...
О бросайся жь въ объятя мои поскорѣ:
Лишь они примиренье дають,—
И пускай, въ эгонизмъ своемъ, фарисей
Малодушнымъ тебя назовуть!..."

С. Надсонъ.

Движеніе поземельной собственности во Франціи.

Новѣйшая наука окончательно порѣшила со словомъ и понятіемъ абсолютнаго покоя. Дарвинъ доказалъ въ своемъ сочиненіи «Способность растений къ движенію», что всѣ органы растений находятся въ постоянномъ движеніи, которое онъ назвалъ «circumnutation». «Каждая вѣтка, каждый черешокъ, каждый листокъ безостановочно описываютъ небольшіе эллипсисы»; и «это движеніе вполнѣ независимо отъ движеній, производимыхъ свѣтомъ, переходомъ отъ свѣта къ темнотѣ, тяжестью, давленіемъ и иными дѣятелями раздраженія».

Знаменитый опытъ, произведенный Беллемъ надъ передачей звука посредствомъ свѣтоваго луча, доказалъ, что не только въ селеніи, какъ это было извѣстно и раньше, но и во всѣхъ тѣлахъ подъ вліяніемъ свѣта пробуждаются молекулярныя и атомическія движенія, достаточно сильныя, чтобы быть переданными черезъ телефонъ.

Тоже самое происходитъ и въ мірѣ экономическомъ: пусть поверхностному наблюдателю кажется, что все находится въ прочномъ покоѣ и стройномъ порядкѣ—движеніе и беспорядокъ въ полномъ разгарѣ. Прогрессъ и реакціи, происходящія въ обществѣ и вызывающія отъ времени до времени бурное кипѣніе неподвижной поверхности, измѣняютъ соціальныя учрежденія, вліяютъ на образъ жизни людей, на ихъ привычки, нравы, интересы, страсти, мысли—и создаютъ исторію.

Приверженцы французской демократіи говорятъ о поземельной собственности, какъ будто она съ начала нынѣшняго вѣка оставалась неподвижной и неизмѣнной. По ихъ мнѣнію, революція XVIII вѣка заключила эру поземельнаго переворота; въ дѣйстви-

тельности же произошло совершенно обратное. Если революція и измѣнила, хотя отчасти, номинально, условія владѣнія землей,—она нисколько не коснулась способовъ ея обработки; она только освободила землю и ея произведенія, усовершенствовала средства передвиженія и обставила собственность условіями, необходимыми для ея развитія.

При прежнемъ строѣ преобладало мелкое производство; разведеніе искусственныхъ луговъ, какъ первое примѣненіе крупнаго производства, которое проповѣдывали агрономы еще съ XVII столѣтія, практиковалось только какъ исключеніе. Крупныя владѣнія, принадлежавшія дворянамъ, богатымъ буржуа и городскимъ корпораціямъ, были раздѣлены на небольшія фермы и воздѣлывались крѣпостными, поселенцами, мизнниками и фермерами. Въ лучшихъ случаяхъ, хотя весьма рѣдко, революція ставила на мѣсто феодальнаго собственника самихъ земледѣльцевъ, большею-же частью— между землей и крестьянномъ становился капиталъ; а способъ обработки земли оставался тотъ-же, какъ до революціи, такъ и послѣ нея ¹⁾.

¹⁾ Описи, составленныя С. Жерменскимъ монастыремъ въ IX вѣкѣ, подробно перечисляютъ доходы всѣхъ его имѣній. Монастырскія земли были раздѣлены на вотчинныя и платящія оброкъ: первыя управляли монахи, которые надзирали за работой рабовъ, вторыя воздѣлывались крѣпостными и поселенцами. Въ средніе вѣка, монахи были первыми и единственными землевладѣльцами, заводившими крупныя хозяйства. Большая часть земель, раздѣленныхъ на маленькія фермы или «*manes*», величиною около десяти гектаровъ, воздѣлывалась одной или нѣсколькими семьями. Насчитывали до 1650 такихъ фермъ, земледѣльческое населеніе которыхъ распалось на 2780 отдѣльныхъ хозяйствъ. Эта мелкая обработка земли, существовавшая въ продолженіи среднихъ вѣковъ, крѣпко держится во Франціи еще въ XIX столѣтіи. Въ бордосскомъ департаментѣ, этой странѣ винодѣлія, на ряду съ обширными владѣніями въ нѣсколько тысячъ гектаровъ, занятыхъ исключительно виноградниками, 25 лѣтъ существовало тому назадъ множество мелкихъ владѣній въ 10, 15, 20 и 50 гектаровъ, принадлежавшихъ крестьянамъ-землевладѣльцамъ, или мелкимъ буржуа, которые заставляли «*мизниковъ*» обрабатывать землю. Крестьяне-собственники, какъ и мизники, должны были находить въ этихъ фермахъ все нужное для нихъ существованія. Не обращая вниманія на величину земельного надѣла, на характеръ почвы, на доходность владѣнія, эти маленькія фермы были раздѣлены, какъ шахматная доска; пахатная земля для крестьянскаго посѣва, лугъ для скота, дровяной лѣсъ для отопленія и приготовленія ящи, каштановый

Промышленному, торговому и финансовому развитію капиталистическаго общества пришлось произвести преобразованія въ способахъ земельной культуры, а черезъ это и въ характерѣ поземельной собственности. Особенное развитіе поземельной собственности и ея производительности стало замѣтно приблизительно около 1819 года, и честь рѣшающаго толчка въ этомъ направленіи принадлежитъ Россіи—хлѣбу ея черноземныхъ полей.

Чтобы преодолѣть иностранную конкуренцію, дающую себя чувствовать несмотря на подвижной таможенный тарифъ, поземельная собственность, начиная съ этого времени, увидѣла себя вынужденной измѣнить свои способы производства. Крупная собственность, вооруженная капиталомъ и имѣя въ своемъ распоряженіи успѣхи новѣйшей агрономіи, одна была въ состояніи произвести реформы, которыя требовали новыхъ условій международнаго обмѣна продуктовъ земли. Антагонизмъ между крупной и мелкой собственностью обострился, благодаря различію въ способахъ обработки почвы. Съ другой стороны, мелкая собственность находится въ постоянной борьбѣ съ сельскимъ банкрутомъ: она представляетъ ростовщику возможность владѣть землей косвен-

лѣсь для обручей на кадки, которыя чинились на мѣстѣ странствующими бочаромъ; тамъ, гдѣ возможно было затоплять мѣстность, имѣли являкъ для виноградинокъ.

Около этого времени началась замѣна всѣхъ отраслей полевого хозяйства винодѣліемъ, которое плохо развивалось, благодаря упорному сопротивленію крестьянъ.

Драглъ, въ своемъ сочиненіи: «Топографія жерскаго департамента» замѣчаетъ тоже явленіе въ 1800. «Мыза содержитъ 15—50 гектаровъ... на этомъ клочкѣ земли сѣютъ 50—150 мериagramовъ зерна. Каждый собственникъ старается распределить свою землю такъ, чтобы имѣть лугъ для корма скота, поле для производства хлѣба и овощей, виноградинокъ для собственнаго употребленія и лѣсъ для отопленія. Вообще, земледѣлецъ, можетъ быть, слишкомъ строго придерживается правила Колумеллы:—«Тотъ плохой земледѣлецъ, который покупаетъ то, что онъ могъ бы имѣть отъ своей земли». Со времени Римлянъ и до нашихъ дней, мелкая обработка осталась неизмѣнной въ самыхъ различныхъ странахъ. Въ 1871 г., я нашелъ въ сѣверныхъ провинціяхъ Испаніи тоже самое разнообразіе произведеній на самомъ небольшомъ клочкѣ земли, тогда какъ на югѣ, въ Андалузіи и въ провинціи Малага, крупное винодѣліе и оливковыя деревья изгнали всѣ другія отрасли земледѣлія.

нымъ образомъ и, въ видахъ своей выгоды, превращать крестьянъ собственниковъ въ пролетаріевъ.

Въ то же время, когда крестьянинъ-собственникъ борется противъ крупной собственности и ростовщичества, крупная промышленность отнимаетъ у него производства, которыя помогали ему пополнять недостаточность средствъ существованія. Но съ тѣхъ поръ, какъ крупная поземельная собственность, подъ давленіемъ иностранной конкуренціи, была вынуждена приложить на практикѣ усовершенствованія научной агрономіи (искусственное орошеніе, плодо-перемѣнную культуру, усиленное удобреніе, земледѣльческія машины и т. д.), она соединилась, съ одной стороны, съ денежной собственностью, съ другой стороны, съ промышленной, и, въ довершеніе всего, испытываетъ въ продолженіи послѣднихъ двухъ лѣтъ конкуренцію Америки, болѣе страшную, чѣмъ могла быть когда-нибудь конкуренція Россіи или Венгріи.

Если крупная собственность можетъ раздавить мелкую—силою агрономической науки и капитала,—то, въ свою очередь, она испытываетъ непомерное давленіе со стороны обширныхъ американскихъ степей; тамъ земля имѣетъ самую ничтожную стоимость, не обременена земельною рентой, плодородна безъ удобренія, представляетъ отъ природы ровную долину, вслѣдствіе чего допускаетъ употребленіе земледѣльческихъ машинъ въ такой степени, въ какой оно немислимо на Западѣ Европы.

Въ концѣ прошлаго столѣтія, крупная поземельная собственность страдала отъ притѣсненій, налагаемыхъ государственными узаконеніями, привилегіями корпорацій, городовъ, провинцій и аристократіи на воздѣлываніе земли и на свободное передвиженіе ея продуктовъ¹⁾. Въ концѣ нынѣшняго столѣтія, вся поземельная собственность во Франціи борется, подавленная массою земле-

¹⁾ Постановленіемъ королевскаго Совѣта, изданнаго въ 1757 году, земледѣльцы, желавшіе насаждать виноградники, обязывались испрашивать на то позволеніе у интенданта провинціи. Монтескье, пользовавшійся европейскою извѣстностью, не могъ получить разрѣшенія на разведеніе виноградниковъ въ своемъ виивѣ Брэдъ, въ окрестностяхъ Бордо, вина котораго начинали пріобрѣтать всеобщую славу. Муниципальныя аристократіи Бордо и Марсели не допускали за море вина Гвиенны, Лангедока, Прованса и Доинне, въ видахъ предоставленія выгоды исключительно своимъ собственнымъ винамъ. Но даже и тѣ города, которые жаловались на монополію

дѣльческихъ произведеній, которыми заваливаютъ ее народы Азіи, Австраліи и Америки.

Я постараюсь описать и объяснить эту запутанную борьбу. Изученіе этихъ экономическихъ явленій и ихъ соціальныхъ послѣдствій позволяетъ овладѣть нѣкоторой частью настоящихъ причинъ, давшихъ направленіе движенію французской исторіи XIX столѣтія.

I.

Мелкая собственность и мелкое хозяйство.

Историки и буржуазные политическіе дѣятели распространяли, сначала намѣренно, а впослѣдствіи по невѣжеству, ошибочное мнѣніе, будто революція XVIII вѣка надѣлила крестьянъ землей. Во всѣхъ французскихъ провинціяхъ существовали еще до революціи классъ мелкихъ собственниковъ-крестьянъ, стремившійся разростись при малѣйшемъ улучшеніи промышленнаго благосостоянія и торговой свободы ²⁾.

Бордо и Марселя, пользовались также монополіей въ своихъ городскихъ округахъ и не допускали туда чужихъ винъ изъ соседнихъ мѣстностей. Маленькій городокъ Вэкъ въ Дофинѣ, требуя въ 1756 году отъ Королевскаго Совѣта утвержденія своихъ привилегій, наввно сознавался, что запрещеніе иностранныхъ винъ для него необходимо, потому что иначе его собственныя жители не захотятъ употреблять мѣстное вино, «принимая во вниманіе его плохое качество». Постановленіемъ, относящимся къ апрѣлю 1776 года, устанавливалась свобода торговли и перевозки вина. Какъ этимъ предписаніемъ, такъ и постановленіемъ 1775 года, касающимся зерноваго хлѣба, уничтожались, по крайней мѣрѣ на бумагѣ, внутреннія пошлины для этихъ двухъ обширныхъ отраслей производства, и вмѣстѣ съ тѣмъ упразднялись городскія и господскія заставы, которыми была загромождена вся страна. Но съ паденіемъ Тюрго, эти постановленія превратились въ мертвую букву.

²⁾ Въ сочиненіи «Tableau de la Province de Touraine de 1762—66», изданномъ въ первый разъ въ 1863 году по рукописи аббата Ш. Шевалье, говорится, что населеніе увеличилось съ 1698 года до 1761 годъ на $\frac{1}{3}$: «Какъ ни доказательны вычисленія, но земледѣльцевъ трудно убѣдить въ томъ, что число жителей не уменьшилось; они утверждаютъ, что поденщиновъ и людей, занимающихся земледѣліемъ, меньше. Согласится съ такимъ предубѣжденіемъ тѣмъ труднѣе, что доказано, что городское населеніе

Между этими крестьянами-собственниками земля дробилась на самые мельчайшие участки (*émiellement*); такъ, напр., въ Бургундіи крестьянскія земли были раздѣлены на безконечное множество клочковъ (*hales*) отъ 2 до 3 метровъ ширины и 200—300 длинн.

Въ продолженіи всего XVIII вѣка агрономы не переставали жаловаться на это дробленіе: «Какимъ образомъ завести искусственные луга, писалъ Дюгамель-дю-Монсо, въ странѣ, въ которой земли распределены между жителями такъ, что каждый участокъ содержитъ не болѣе нѣсколькихъ *perches* ¹⁾); при такихъ условіяхъ нужно столько-же времени на поворачиваніе сохи и на перенесеніе ея на всѣ эти крошечныя поля, сколько нужно для паханія ²⁾».

Во всѣхъ прибрежныхъ провинціяхъ Средиземнаго моря и Гасконскаго залива до Луары, гдѣ римское вліяніе сохранилось, несмотря на вторженіе варваровъ, крестьянская собственность основывалась на началахъ римскаго колоната или «инквлинната»; въ центральныхъ и сѣверныхъ провинціяхъ, куда римскіе нравы не вполне проникли, и гдѣ сильныя и частыя набѣги варваровъ разрушили всѣ обычаи, крестьянская собственность представляла образцы древнихъ сельскихъ общинъ, пережившихъ въ XVIII столѣтіи послѣдній періодъ распаденія. Крестьяне-собственники сѣверныхъ и центральныхъ провинцій владѣли сообща пастбищами и лѣсами; иногда эти пастбища передѣлялись ежегодно между членами древней общины; въ провинціи Мерты, гдѣ этотъ обычай сохранился до XIX столѣтія, эти луга назывались «*vaquois*». Хотя пахотныя земли становились частной собственностью, но обработка ихъ была подчинена древнимъ обычаямъ общины; всѣ были обязаны воз-

уменьшилось на $\frac{2}{15}$ всего числа, бывшаго 70 лѣтъ тому назадъ. Но надо замѣтить, что торговля и промышленность всякаго рода, начинавшія только возникать въ концѣ прошлаго столѣтія, сильно развились и въ послѣдніе 20 лѣтъ распространились изъ городовъ въ деревни, и что нѣтъ села, гдѣ бы нельзя было найти разнаго рода ремесленниковъ. Всѣ эти ремесленники, разсыпанные по деревнямъ, покупали небольшія поимѣстья и соединяли землѣдѣльческій трудъ съ промышленнымъ. Крупнымъ производствомъ провинціи Турень въ то время было тканье шелковыхъ матерій. Свобода вывоза хлѣба была повсемѣстна. Провинція высылала также свои знаменитыя въ то время, вина въ Голландію.

¹⁾ *Perche* 20—22 суга.

²⁾ *Elements d'agriculture* 1762, Томъ II.

видѣать ихъ по системѣ трехпольнаго сѣвооборота, которая до сихъ поръ существуетъ въ индійскихъ общинахъ, и которую агрономъ Маршалъ наблюдалъ въ сельскихъ общинахъ Англiи ¹⁾). Посѣвъ и жатва производились въ опредѣленный день. Крестьянамъ не позволялось огораживать своихъ владѣнiй; они обозначали ихъ только пучками соломы или глубже проведенными бороздами. Послѣ окончанiя жатвы, крестьяне-собственники пользовались правомъ пасти скотъ не только на общинной землѣ, но и на поляхъ, въ лѣсахъ, а иногда даже и въ виноградникахъ всѣхъ землевладѣльцевъ околка, были-ли они дворяне, священники или буржуа; этого права лишались только поденчики, которые хотя и жили въ общинѣ, но не принадлежали въ ней. Землевладѣльцамъ другихъ сословiй также было запрещено огораживать свои владѣнiя. Крестьяне пользовались еще многими другими правами—правомъ собиранiя колосьевъ послѣ жатвы, правомъ пастбища скота и др., которыя значительно ограничивали право собственности. «Право выгона и дароваго пастбища, восклицаетъ съ отчаянiемъ Этносъ де-Новеанъ, ограничиваетъ право собственности...»

Всякая вотчина, обремененная этимъ сервитутомъ, становится общественной собственностью съ того времени, какъ владѣлецъ снялъ жатву въ указанный ему для этого день. Онъ перестаетъ быть собственникомъ съ этого времени; его право владѣнiя прекращается и передается обществу ²⁾.

Дѣло буржуазной революцiи XVIII столѣтiя состояло не въ томъ, что бы создать крестьянъ-собственниковъ, а въ томъ, чтобы сократить ихъ права и нанести послѣднiй ударъ сельской общинѣ.

«Сельскiй уставъ», изданный учредительнымъ собранiемъ, объявлялъ, что «каждый можетъ воздѣлывать свою собственность, какъ ему заблагоразсудится, и можетъ огораживать ее стѣной или заборомъ, живой или сухой изгородью, или просто ровомъ, шириной въ

¹⁾ Elementary treatise on landed property 1804.—Трехлѣтнiй сѣвооборотъ былъ таковъ: во 1-хъ пшеница и рожь, во 2-хъ—овесъ, бобы, горохъ, чечевица и т. п. и въ 3-хъ поле подъ паромъ.

²⁾ Ethis de Novéan, первый секретарь управленiя провинцiи Franche-Comté: Mémoire sur la vaine pâture, couronné le 24 Aout 1767 par l'academie de Besaçon et publié par la Gazette de Commerce, d'Agriculture et de Finances de 1767.

1¹/₂ метра и глубиной въ 2¹/₂ м. и что никто не имѣеть права преступить эти ограды и водить свой скотъ на чужую землю». Это значило провозгласить ненарушимость личной поземельной собственности, чего не было еще до тѣхъ поръ во Франціи. Чтобы хорошенько запечатлѣть этотъ новый принципъ, учредительное собраніе сочло нужнымъ выработать мистическую формулу и вырѣзать ее на всѣхъ полевыхъ межахъ: «Уважай чужую собственность, потому, что это плодъ чужаго труда и искусства». Во время консульства, когда занялись измѣненіемъ сельскаго устава, Гарнье Дашэнъ, которому Сенское общество земледѣлія поручило формулировать желанія земледѣльцевъ, возсталъ противъ этой формулы, которая неточна и представляетъ двоякій и опасный смыслъ, потому что собственность, полученная въ наслѣдство отъ отцовъ и отдаваемая въ аренду, не менѣе почтенна, чѣмъ собственность, прибрѣтенная личнымъ трудомъ и обработанная собственными руками; а эта формула какъ будто бросаетъ тѣнь на собственника празднаго, наслѣдника своихъ праотцовъ и даетъ предпочтеніе тѣмъ, которые заппмаются промысломъ. И онъ предложилъ другую, по его мнѣнію, болѣе точную надпись: «Уважай чужую собственность, потому что ты желаешь, чтобы уважали твою собственность, которая принадлежитъ тебѣ, или которую ты можешь прибрѣсти со временемъ»¹⁾. Въ этихъ двухъ формулахъ, дополняющихъ другъ друга, вкратцѣ излагающихъ все ученіе физиократовъ, и содержится духъ французской революціи, а не въ трюбственной формулѣ: свобода, равенство, братство, созданной только для уловленія глушцовъ.

Революція освободила поземельную собственность отъ всѣхъ феодальныхъ повинностей и разрушила всѣ препятствія, стѣснявшія передвиженіе ея произведеній. Она не дала крестьянину земли, но она сдѣлала ее доступной для него. Онъ могъ прибрѣтать ее и удовлетворять свою непохѣрную страсть къ владѣнію землей, отдававшую его всецѣло во власть сельскаго ростовщика. Но въ то время, когда революція создавала и освящала неприкосновенность личной собственности, система обмѣна и земледѣльческаго производства, вызванная новыми социальными и политическими усло-

¹⁾ Garnier Peschénes. De la révision du Code Rural. Au X.

ніями, отрывала крестьянина и его семью отъ земли и превращала его въ городского пролетарія.

Мелкая собственность (исключая огороднической въ окрестностяхъ большихъ городовъ) не можетъ существовать иначе, какъ окруженная неприступной оградой. Подобно первобытной общинѣ, крестьянинъ-собственникъ долженъ на своемъ полѣ и своимъ трудомъ добывать все, нужное для его семьи.

На своемъ полѣ крестьянинъ долженъ воздѣлывать хлѣбъ и пеньку; самъ долженъ приготовить для себя сыръ и прясть шерсть. Если же онъ нуждается въ произведеніяхъ чужаго труда, то долженъ находить ихъ у порога своего дома, и обмѣнъ долженъ происходить натурой: колесникъ мѣняетъ свои колеса на мѣру зерна; ткачъ отдастъ свой дневной трудъ за день работы въ его полѣ. Обмѣнъ долженъ происходить въ самой простой формѣ, безъ посредства денегъ. Но подобная изолированность уже немислима въ нашъ вѣкъ.

Теперь крестьянинъ-собственникъ вынужденъ мѣнять свои произведенія на деньги для уплаты податей государству и процентовъ ростовщичку. По документамъ, обнародованнымъ министерствомъ финансовъ, неуничтоженныя и непросроченныя протечныя записи, хранящіяся въ бюро для заклада недвижимыхъ имуществъ, возросли съ 11 миллиардовъ въ 1832 г. — до 12 миллиардовъ съ половиною — въ 1849 г., и по примѣчаніямъ, представленнымъ финансовой администраціей, главнымъ источникомъ займовъ служатъ покупка недвижимостей; потому что, большая часть займовъ заключается съ цѣлью уплаты за прежде купленныя земли. Законный ростъ на заемъ подъ недвижимую собственность составляетъ 6 проц.; но издержки при этомъ легко повышаютъ его на 8 и 9 проц. Сумма займовъ подъ купчія крѣпости неизвѣстна, и законный ростъ на нихъ не опредѣленъ никакими предѣлами; въ департаментѣ Крезы, этой странѣ мелкой собственности по преимуществу, займы, по мнѣнію д'Етерна, обходились въ 100 проц. на 100. (О земледѣльческомъ кризисѣ и о средствахъ противъ него. 1866).

При такихъ условіяхъ можно сказать, что собственность мелкаго производителя находится въ закладѣ у банкира. Задолжавшій крестьянинъ работаетъ не только для собственнаго пропитанія, но и для удовлетворенія ростовщика. Онъ работаетъ еще и для государства. Онъ долженъ производить мѣновныя цѣнности, чтобы до-

стать денегъ на рынокѣ ближайшаго города. Пока ему нѣтъ надобности производить для объѣма на деньги и пока онъ производитъ единственно для своего пропитанія, то все равно какъ бы онъ ни производилъ. Роетъ-ли онъ свою землю заступомъ, или взрываетъ ее сохой, стоитъ-ли ему мѣра зерна два или десять дней труда, онъ самъ ѣсть свой хлѣбъ, и, если собираемая имъ жатва прокармливаетъ его, плохо-ли, хорошо-ли, до конца слѣдующаго сбора, ему больше ничего не нужно. Но какъ только онъ вывозитъ свое зерно на рынокъ, все пзмѣняется: его мѣра ржи становится рядомъ съ другими произведеніями, національными и иностранными, и борьба завязывается. Побѣда остается за тѣмъ, кто производитъ дешевле. Цѣны сообразуются со стоимостью производства не мелкаго производителя, а крупныхъ хозяевъ, а также русскихъ и американскихъ производителей. Сверхъ того, крестьянинъ-собственникъ, всегда испытывающій недостатокъ въ деньгахъ, всецѣло подчиняется требованіямъ продавцовъ денегъ, которые продаютъ ихъ крестьянину тѣмъ дороже, чѣмъ больше онъ въ нихъ нуждается. Жатва служитъ хлѣбнымъ торговцамъ поводомъ для набѣговъ на деревни. «Какъ только жатва убрана, писалъ д'Етерпъ, хлѣбные торговцы и мельники объѣзжаютъ деревни. Крестьянинъ задолжалъ, его преслѣдуютъ, ему угрожаютъ отнятіемъ собственности, и вотъ они явятся къ нему и заставляютъ его согласиться на самыя невыгодныя условія. Эти сдѣлки производятся въ такихъ обширныхъ размѣрахъ, и обнищавшихъ крестьянъ такъ много, что цѣна на хлѣбъ стоитъ всегда весьма низко въ продолженіи трехъ или четырехъ мѣсяцевъ послѣ жатвы. Затѣмъ она поднимается на два франка, но эти два франка потеряны для производителя и достаются посреднику, совершенно излишнему». (О земледѣльческомъ кризисѣ и т. д. 1866 года). При изученіи хлѣбныхъ цѣнъ за два послѣдніе года, можно прослѣдить, по замѣчанію д'Етерна, пониженіе ихъ послѣ жатвы; но повышеніе цѣнъ совершалось быстрѣе, чѣмъ онъ предполагаетъ.

Средняя цѣна на 100 кило зерноваго хлѣба во Франціи въ 1879 и 1880 гг.

	1 іюля.	1 сентября.	6 ноября.
1879 г.	27 фр. 58 сант.	26 фр. 70 сант.	31 фр. 03 сант.
1880 »	31 » 89 »	26 » 39 »	28 » 22 »

Съ конца октября, т. е. около двухъ мѣсяцевъ послѣ жатвы. цѣны повышаются; это, кажется, могло бы служить доказательствомъ того, что состояніе земледѣльца ухудшилось настолько, что онъ вынужденъ продавать свой хлѣбъ немедленно послѣ жатвы, и что купцамъ достаточно теперь двухъ мѣсяцевъ, чтобы совершить всѣ свои закупки по деревнямъ, а затѣмъ приступить къ повышенію цѣнъ въ городахъ. Если изслѣдовать хлѣбныя цѣны парижскаго рынка, то можно убѣдиться, что пониженіе и повышение ихъ происходятъ оттуда, что всѣ остальные торговые центры (Марсель, Бордо, Нантъ, Лилль и т. д.) подчиняются данному Парижемъ толчку и сообразуютъ свои цѣны съ его цѣнами¹⁾. Спекуляторы, господствующіе въ Парижѣ, господствуютъ и во всей Франціи.

Цѣна на 100 кило зерноваго хлѣба на Парижскомъ рынкѣ:

	Іюль.	Сентябрь.	Ноябрь.
1879 г. . . .	30 фр.	29 фр.	36 фр.
1880 > . . .	33 >	26 >	29 > 50 с.

Сравнивая эти двѣ таблицы, видно, насколько цѣны всей Франціи подчиняются парижскимъ спекуляторамъ, которые устанавливаютъ, точно революціонный комитетъ прошлаго столѣтія, цѣну, по которой французскіе производители должны продавать свой хлѣбъ. Вторженіе американскаго хлѣба на европейскіе рынки даетъ въ руки крупныхъ спекуляторовъ новое орудіе, посредствомъ котораго они могутъ навязывать свои цѣны. Они производятъ свои закупки въ Америкѣ въ іюлѣ и въ августѣ, въ то время, когда Южные-Штаты кончаютъ свою жатву и торопятся сбывать товаръ, пока въ Сѣверныхъ-Штатахъ еще не кончили жать. Громадныя количества американскаго хлѣба прибываютъ во Францію въ кон-

¹⁾ Система широкой централизаціи, торговой и промышленной, позволяетъ такимъ большимъ городамъ, какъ Лондонъ и Парижъ, предписывать цѣны всей странѣ. Черезъ нѣсколько лѣтъ, Нью-Йоркъ, вѣроятно, будетъ устанавливать цѣны на хлѣбъ для всей Америки и Европы. Подобное явленіе произошло и въ Россіи, хотя по совершенно другой причинѣ. «Богатые одесскіе купцы завладѣли монополіей передачи торговыхъ извѣстій (тогда не было еще телеграфовъ) и могли, такимъ образомъ, назначать производителямъ цѣны по своему произволу». (Донесеніе генеральнаго консула въ Одессѣ Г. Мэррей въ 1862 г.).

цѣ августа и въ продолженіи сентября и загромождаютъ всѣ Атлантическіе порты (Бордо, Нантъ, Гавръ) именно тогда, когда жатва только что кончилась въ центральныхъ и сѣверныхъ французскихъ провинціяхъ, главныхъ житницахъ страны.

Это изобиліе иностраннаго хлѣба, присоединясь къ недостатку денегъ у крестьянъ, позволяетъ спекуляторамъ понижать цѣны въ Парижѣ и въ деревняхъ.

Въ то время, когда на крестьянъ собственниковъ снизошло такое счастье, какъ спекуляція торговцевъ, лихоимство ростовщиковъ, рекрутскій наборъ и государственные подати, непрерывно возрастающія, они имѣли несчастье потерять всѣ древнія феодальныя права (право дароваго пастбища, право собиранія колосьевъ послѣ жатвы и т. д.) и владѣніе общинными землями, за уничтоженіе которыхъ такъ горячо ратовали въ прошломъ вѣкѣ физиократы и другіе «друзья человѣчества и земледѣлія». Общинное владѣніе и вышеупомянутыя права служили большой поддержкой для мелкой собственности. Отнимая ихъ, отнимали у мелкой собственности возможность держать скотъ и имѣть удобреніе¹⁾. За весьма рѣдкими исключеніями, единственный даровой выгонъ, которымъ пользуются еще крестьяне-собственники—это окраины дороги, предоставлявшіяся при прежнемъ порядкѣ поденщикамъ; на этихъ скудныхъ полосахъ можно иногда встрѣтить ребенка, одѣтаго въ рубище, пасущаго тощую корову, такую-же жалкую, какъ и онъ самъ. Тамъ, гдѣ уцѣлѣли еще кое-какіе остатки общинныхъ земель, они отдаются въ аренду въ пользу обществен-

¹⁾ «Въ Эльзасѣ существуютъ общественные выгоны, куда каждый собственникъ можетъ выгонять свой скотъ въ продолженіи всего года. Эти луга—заводы для добыванія удобренія. Мелкая ферма содержитъ относительно большее число скота, чѣмъ крупная. Весь этотъ слабый, худой и малопродуктивный скотъ снабжаетъ однако эти мелкія хозяйства достаточнымъ количествомъ удобренія».—*Le fermage parle comte de Gasparin.*—1828. Въ изданіи 1872 г. къ приведенной выпискѣ сдѣлано слѣдующее примѣчаніе: «Со времени перваго изданія этого сочиненія въ Эльзасѣ состоялись продажи, раздѣлы, отдачи въ аренду общественныхъ выгоновъ, что во многомъ измѣнило положеніе дѣла». Древнія права крестьянъ были уничтожены въ первые 40 лѣтъ настоящаго столѣтія. Физиократы нападали на нихъ во имя земледѣлія; революціонеры прошлаго столѣтія предписали ихъ уничтоженіе во имя «Равенства и Правъ человѣка».

ной кассы для уплаты податей и т. д. и приносят гораздо больше выгоды богатымъ землевладѣльцамъ, чѣмъ крестьянамъ.

Чтобы пополнить чѣмъ-нибудь потери въ средствахъ существованія, которыя они утрачивали съ уничтоженіемъ различныхъ правъ, крестьяне, хотя оставались собственниками, увидали себя вынужденными работать по найму по нѣсколько дней въ недѣлю.

Упраздненіе феодальныхъ правъ крестьянина способствовало возстановленію барщины въ другомъ только видѣ, къ немалому удовольствію ростовщиковъ и крупныхъ владѣльцевъ: эти послѣдніе находили множество свободныхъ рукъ, нужныхъ для обработки ихъ земель ¹⁾.

На югѣ Франціи я часто видѣлъ, какъ по воскресеньямъ на церковной паперти устраивался этотъ рынокъ рабочихъ рукъ; тамъ заключались условія найма между крупными и мелкими собственниками на нѣсколько дней въ недѣлю; крестьянинъ шелъ въ церковь не для того, чтобы слушать обѣдню, а для того, чтобы устроить свои дѣла. Религія французскаго крестьянина—это тайна католической религіи; крестьянинъ суевѣренъ, а не религіозенъ.

Но земледѣльческій трудъ на чужой землѣ не вполне пополняетъ недостатокъ въ средствахъ къ существованію крестьянина-собственника, и онъ вынужденъ прибѣгать къ промышленному труду.

¹⁾ Освобожденіе крѣпостныхъ и уничтоженіе барщины немедленно ведутъ за собой уменьшеніе числа рабочихъ рукъ, прилагаемыхъ къ земледѣлію по найму. Англійскіе консулы въ Одессѣ, Тагаирогѣ и Варшавѣ указали на это послѣдствіе, отмѣченное въ ихъ ежегодныхъ доносеніяхъ. «По уничтоженіи барщины рабочія руки стали весьма рѣдки въ Польшѣ, пишетъ полковникъ Стантонъ. Пространство земли, воздѣлывавшееся до тѣхъ поръ крестьянами на условіяхъ барщины, можетъ быть опредѣлено въ 2,538,000 англ. акровъ, эти 2,538,000 акр. были раздѣлены на 124,840 различныхъ участковъ. Населеніе этихъ участковъ доходило приблизительно до 750,000 душъ. Можно предположить, что обработка этихъ участковъ займетъ большую часть времени у ихъ владѣльцевъ и побуждаетъ ихъ нанматься въ поденщики». (Донесеніе полков. Стантона, консула въ Варшавѣ, 1863). Этотъ недостатокъ въ рабочихъ рукахъ становился тѣмъ болѣе грознымъ, что вывозъ зерна все возрасталъ: чтобы выйти изъ затруднительнаго положенія, собственники нахотныхъ участковъ въ Польшѣ и Россіи увидали себя вынужденными прибѣгнуть къ помощи земледѣльческихъ машинъ. «Англійскія земледѣльческія машины привозятся въ большомъ количествѣ» пишетъ одесскій генеральный консулъ Мэррей въ 1863 г. «Англійская фирма устроила складъ машинъ въ Бердянскѣ, доноситъ полков. Wagstaff, съ 1863 г. Освобожденіе крестьянъ и большой недостатокъ въ рабочихъ рукахъ убѣдили землевладѣльцевъ въ необходимости машинъ».

Въ Овернѣ и на югѣ Франціи плетутъ кружева и соломенные шляпы и шьютъ перчатки; въ сѣверо-западныхъ департаментахъ, въ Севеннахъ и въ департаментахъ, сосѣднихъ съ Лиономъ, ткнуть и прядуть шерсть и шелкъ; эти работы составляютъ источники доходовъ крестьянской семьи. Заказы на всѣ эти промышленныя работы, производимыя у домашняго очага, получались отъ городскихъ купцовъ, которые снабжали и сырымъ матеріаломъ. Но этотъ добавочный трудъ принималъ и пныя формы: крестьянинъ уходилъ на извѣстную часть года и нанимался гдѣ-нибудь вдали отъ своего мѣста. Какъ только снѣгъ начинаетъ покрывать землю, пиренейскіе крестьяне спускаются съ своихъ горъ и идутъ работать въ виноградникахъ сосѣднихъ департаментовъ; до введенія молотильныхъ машинъ въ Провансъ и Лангедокъ, молотьбу производили горные жители Севенновъ; въ центральныхъ департаментахъ крестьяне работали въ продолженіе зимы на стеклянныхъ заводахъ и обжигали гипсъ; въ Луарскомъ бассейнѣ, въ округѣ рудниковъ, крестьяне нанимались въ рудокопы и кузнецы; изъ департамента Крезы и изъ Оверни крестьяне уходили въ Парижъ въ качествѣ каменщиковъ или носильщиковъ ¹⁾; маленькихъ Овернцевъ и Савояровъ нанимали трубочисты всей Франціи. Севенскія и форезскія горы поставляли работниковъ для маслобоенъ и мыловаренныхъ заводовъ въ Марсель и въ Эссѣ, на которыхъ работа была такъ тяжела и зловредна, что городскіе рабочіе отъ нея отказывались. Во всѣхъ мѣст-

¹⁾ Слѣдующій отрывокъ можетъ дать нѣкоторое понятіе объ этомъ переселеніи: «Число каменщиковъ, ушедшихъ изъ департамента Крезы въ 1856 году, равняется 50,000, тогда какъ всѣхъ жителей было 287,000; уходитъ следовательно больше $\frac{1}{6}$ части или все мужское и здоровое населеніе». (*L'agriculture et la population. L. de Lavergne 1857*). Но это выселеніе случилось не въ наши дни. «Большая часть жителей верхняго Оверни покидаетъ каждый годъ свои горы: нѣтъ ни одной провинціи, города или села во Франціи и Испаніи, гдѣ бы нельзя было встрѣтить маленькихъ уроженцевъ Оверни. Многие уходятъ въ города Фландріи и Голландіи. Венерическія болѣзни очень распространены въ горахъ, хотя чистота нравовъ сохранялась. Передвинная часть населенія переноситъ болѣзни и возобновляетъ ее постоянно. Мужъ награждаетъ ея жену при возвращеніи въ деревню». (*Topographie médicale de la Haute Auvergne par Brieuide 1782*). Средство, употребляемое мелкою собственностью для поддержки своего существованія, — непрерывная эмиграція — стала средствомъ развращенія крестьянскаго селенія, которое и жить-то можетъ только благодаря мелкой собственности.

востяхъ Франціи, гдѣ существовала мелкая собственность, можно было пайти эти три вида барщны, вызванныя необходимостью.

Но развитіе машиннаго производства значительно измѣняетъ добавочный трудъ крестьянина-собственника. Домашнее производство (кустарная промышленность) измѣняется съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе: ручная пряжа уничтожена уже окончательно, кружева, за исключеніемъ нѣкоторыхъ сортовъ, производятся машиною, дорогія шелковыя и бархатныя ткани изготовляются на фабрикахъ, и только гладкіе шелки и фуляры еще ткуть отчасти въ деревняхъ; ручное тканье бумажныхъ матерій и холста совсѣмъ уничтожилось и тканье шерстяныхъ матерій все болѣе и болѣе замѣняется механическимъ. Периодическія переселенія крестьянъ въ промышленные города уже неудовлетворяютъ потребностямъ крупнаго фабричнаго производства. Орудія производства составляютъ крупную цѣнность: они не могутъ оставаться праздыми въ продолженіи части года, чтобы подчиниться удобствамъ крестьянскаго населенія. Каждый день отдыха фабричнаго орудія производства приводитъ къ громаднымъ убыткамъ, потому что проценты на затраченный капиталъ паростаютъ постоянно, работаетъ-ли машина или нѣтъ; а порча ея сильнѣе во время бездѣйствія, чѣмъ во время полного хода. Рабочее населеніе крупной промышленности не должно быть кочуущимъ; оно должно оставаться на мѣстѣ даже тогда, когда нѣтъ работы, для того, чтобы цѣлая армія рабочихъ была всегда готова къ услугамъ дорого стоящаго орудія. Въ мѣстностяхъ, гдѣ находятся рудники, населеніе уже болѣе не передвижное, не приходящее въ извѣстное время и снова уходящее; оно неподвижно и предано исключительно промышленному производству; оно разорвало связь съ земледѣльческимъ трудомъ. Это превращеніе въ промышленномъ производствѣ служитъ одной изъ причинъ быстрого наростанія городского населенія въ ущербъ сельскому. Слѣдующая таблица показываетъ возрастаніе этого отношенія.

На каждые 100 жителей съ 1846 до 1877 года было:

	1846	1851	1856	1861	1866	1872	1876
Городскаго населенія:	24,42	25,52	27,31	28,86	30,46	31,12	32,44
Сельскаго	75,58	74,48	72,69	71,14	69,54	68,88	67,56

Тридцать лѣтъ тому назадъ сельское населеніе составляло $\frac{3}{4}$

всего населенія, а въ настоящее время оно составляет не болѣе двухъ третей¹⁾.

Это уменьшеніе сельскаго населенія отнимало у крупнаго землевладенія нужныхъ работниковъ и принуждало къ употребленію машинъ; такимъ образомъ, въ рукахъ крупной собственности нашлось новое оружіе противъ мелкой собственности: машина. И въ тоже самое время, когда крупная промышленность уничтожала кустарное производство, дающее крестьянину возможность пополнять недостатокъ въ средствахъ къ существованію, она покрывала континентъ желѣзными дорогами, а море пароходами, и все болѣе и болѣе способствовала развитію какъ туземной, такъ и иностранной конкуренціи земледѣльческихъ продуктовъ; конкуренція же развивается только въ ущербъ мелкой собственности и ея способамъ обработки и утверждаетъ преобладаніе крупной собственности и крупнаго производства.

Крупная обработка земли (т. е. искусственное орошеніе полей, употребленіе удобренія—натуральнаго или искусственнаго, замѣна прежней системы, при которой одно поле оставалось подъ паромъ, новой системой—плодоперемѣнной, увеличеніе растительной производительности посредствомъ увеличенія животной производительности, иностранная сѣмена, земледѣльческія машины — паровые плуги, косилки, машины для вязки сноповъ, молотилки и т. д...) можетъ производиться только съ помощью капиталовъ.

«Положеніе нашего земледѣлія, говоритъ C-1e Gasparin, не можетъ измѣниться иначе, какъ въ томъ случаѣ, если въ рукахъ землевладѣльцевъ или фермеровъ образуется капиталъ, обстоятельство, для котораго я предвижу множество затрудненій. Земли болѣе частью весьма раздроблены, большія состоянія рѣдки, а буржуазная, т. е. праздная жизнь, слишкомъ обычна у людей, имѣющихъ только самое необходимое. Итакъ, мы можемъ надѣяться на благоприятныя измѣненія только со стороны негодантовъ, которые будутъ процвѣтать и вкладывать свои капиталы въ земледѣліе, или на достаточныхъ

¹⁾ По официальному опредѣленію: «городскимъ должно считаться населеніе каждой мѣстности, имѣющей болѣе 2,000 жителей скученныхъ вмѣстѣ, и сельскимъ, каждая община, число жителей которой ниже этого числа». Но въ Савеннахъ, на югѣ и даже въ окрестностяхъ Ліона существуютъ промышленныя мѣстечки, имѣющія менѣе двухъ тысячъ жителей.

землевлдѣльцевъ, которые стануть сами обрабатывать свои земли, и откладывать ежегодныя сбереженія¹⁾. Зло, отъ котораго страдает мелкая собственность, подавленная различными налогами, — налогомъ въ пользу ростовщика и рекрутской повинностью, отнимающей у нея работниковъ во цвѣтъ лѣтъ, — есть недостатокъ въ капиталахъ, — недостатокъ не только въ деньгахъ, но и въ умственномъ развитіи, необходимомъ, чтобы усвоить новыя приемы агрономической науки. Французскій крестьянинъ хитеръ и пронырливъ; въ тяжёлыхъ дѣлахъ онъ, по выраженію Бальзака, побѣтъ всѣхъ Галеярановъ дипломатіи; но, вопреки этимъ качествамъ, онъ безнадежно узкій рутинеръ²⁾.

Кромѣ того, онъ инстинктивно чувствуетъ, что всякое измѣненіе въ прежнемъ порядкѣ вещей — есть посягательство на право его, какъ собственника; поэтому онъ выказываетъ порой непреодолимое отвращеніе ко всякаго рода перемѣнамъ; въ самыхъ плодородныхъ странахъ еще можно видѣть, какъ по цѣлымъ годамъ грѣются на солнцѣ поля, отданныя въ добычу терновнику и сорнымъ травамъ. Это чувство, выказываемое крестьянами-собственниками, похоже на ненависть, которую питали прежніе хозяева корпораций противъ машинъ и новыхъ способовъ промышленнаго производства. Къ этому инстинктивному страху передъ новыми способами обработки, который, въ сущности, легко оправдать, присоединились еще разочарованія. Примѣненія новаго хозяйства, ко-

¹⁾ Mémoires sur la culture du blé dans le Vaucluse, par le C-te Gasparin, 1817.

²⁾ Эта узкость и рутинность не составляютъ исключительнаго свойства французскаго крестьянина. Полковникъ Стантонъ, въ своемъ донесеніи, упомянутомъ выше, говоритъ: «Великимъ препятствіемъ къ введенію усовершенствованныхъ способовъ обработки земли въ Польшѣ служатъ значительное число крестьянъ-собственниковъ и уорство, заставляющее этотъ вполне не образованный классъ людей страстно привязываться къ традиціоннымъ способамъ воздѣлыванія земли и отказываться отъ всякихъ измѣненій. Эти способы, по ихъ мнѣнію, лучше, чѣмъ тѣ, которые могутъ быть ни въ предложены, вѣтому что они одобрены ихъ владѣлами; и это понятіе такъ вкоренилось, что даже выгоды, полученныя некоторыми, отступившими отъ старинны, недостаточны, чтобы убедить ихъ.. При этомъ старинномъ способѣ обработки, каждый годъ 1/3 земли оставляется подъ паромъ; двѣ остальныя трети удобряются и засеваются осенью рожью, а весной ячменемъ, горохомъ и т. д.. Англійскіе агрономы упрекаютъ ирландскихъ крестьянъ въ тѣхъ же недостаткахъ.

торыя пытались сдѣлать самыя смышленные и предприимчивыя люди, приступавшіе къ нимъ оцущью и съ небольшимъ средствами, не имѣли успѣха, или не приносили обѣщанныхъ выгодъ. Но волей неволей, мелкій собственникъ былъ вынужденъ употреблять иностранныя сѣмена и удобрения искусственныя или химическія (нитраты, фосфаты и т. д.). По своему невѣжеству, крестьяне становятся жертвой поддѣльвателей, а всякаго рода обманъ, которому они подвергаются, увеличиваетъ ихъ отвращеніе къ нововведеніямъ ¹⁾.

До-революціонныя крестьяне, которые не были еще личными собственниками, или которые пользовались, рядомъ съ личной собственностью, собственностью общественной, были способны образовывать земледѣльческія общины. Напримѣръ, Guy de Coquille рассказываетъ, что часть Ниверне и Бургундіи воздѣлывалась крестьянскими общинами, которыя брали господскую землю въ аренду (*bourde laige*, неопредѣленная форма аренды). Члены общины—участники—«избирали изъ своей среды хозяина или управляющаго, который приказываетъ другимъ, первый садится за столъ, ходитъ на ярмарки и базары и по другимъ дѣламъ, и одинъ подаетъ голосъ при назначеніи государственной подати». Работа была раздѣлена между различными семьями селенія: всѣ члены семьи «принимали участіе, смотря по возрасту. Это доказываетъ, что общины походили на настоящія семьи, — ради выгоды соединившіяся какъ-бы въ одно тѣло, состоящее изъ нѣсколькихъ членовъ, хотя и раздѣльныхъ другъ отъ друга: братство, дружба и экономическіе интересы соединяютъ ихъ въ одно цѣлое. Въ этихъ общинахъ заботятся о дѣтяхъ, неумѣющихъ еще ничего дѣлать, въ надеждѣ, что впослед-

¹⁾ Г. Ладуро, директоръ агрономическаго бюро въ Сѣверномъ департаментѣ, писалъ въ журналѣ «Практическое земледѣіе» 2 Сентября 1880 года: «Поддѣлка въ торговлѣ удобрениями принимаетъ въ настоящее время широкіе размѣры, производится неслыханно дерзко», такъ сказать, при блоннѣ свѣтъ и подъ защитой закона, и прибѣгаетъ къ самымъ искуснымъ приѣмамъ... Зло это велико, и въ большинствѣ случаевъ противъ него не существуетъ никакихъ средствъ. Изъ приводимыхъ имъ примѣровъ, имъ не поставленныхъ, отиѣчу случай, гдѣ удобрения, продаваемые по 26 фр. за 100 килогр., содержало по химическому анализу такое количество удобрительныхъ веществъ, что должны бы продаваться по 6 фр. 30 с.

ствіе они будутъ работать; о старикахъ заботятся, пользуясь ихъ совѣтами и помня, что они потрудились на своемъ вѣку. Итакъ, безъ различія возраста и всѣми способами, они взаимно помогаютъ другъ другу, составляя политическое тѣло, которому суждено чрезъ постоянное замѣщеніе непрерывно существовать. Если случится, что одинъ изъ общинниковъ плохой хозяинъ, человѣкъ лѣнивый, задорный, или пьяница, и, остальные захотятъ его выдѣлить за дурные поступки, то ему отдають его часть въ движимомъ и недвижимомъ имуществѣ, причитающуюся ему по оцѣнѣ имущества всей общины. Если случится, что кто нибудь изъ общинниковъ женится на сторонѣ, ему даютъ, какъ участнику, известную сумму денегъ или другое имущество, но безъ всякой оцѣнки, ликвидаціи и раздѣленія общиннаго имущества». Законы и обычаи поддерживали эти общины: «такъ какъ за ихъ раздѣломъ, слѣдуетъ полное и вѣрное раззореніе крестьянскихъ хозяйствъ, то древніе законы этой страны старались поддерживать общинные порядки въ хозяйствахъ и семьяхъ крѣпостныхъ, а также и въ хозяйствахъ и семьяхъ, наследники которыхъ обязаны были арендой; эти законы опредѣляли, что лица, не принадлежащія къ общинѣ, не могутъ наследовать никому изъ ея членовъ»¹⁾. Какъ далеки мы отъ этихъ временъ! Мелочныя привычки, эгоистическіе и индивидуалистическіе инстинкты, развитію которыхъ способствуетъ въ французскомъ крестьянинѣ мелкая собственность съ ея постоянной борьбой противъ ростовщика и торговца, сдѣлали его неспособнымъ въ настоящее время къ какой-бы то ни было формѣ ассоціаціи, даже самой простой, напр. для покупки сообща удобреній и машинъ. Что касается соединенія раздробленныхъ земельныхъ участковъ и ихъ общественной обработки, проповѣдуемыхъ нѣкоторыми рѣдкими друзьями крестьянства, какъ средство борьбы противъ захвата крупной собственности, то легче было-бы научить пуатусскихъ ословъ говорить стихами Гюго, чѣмъ втолковать это крестьянамъ. Крестьянинъ-собственникъ, это жалкое наследіе буржуазной революціи 1789 года, предназначенъ къ истребленію нашимъ капиталистическимъ обществомъ въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ.

¹⁾ Guydecoquille, Sier de Romenay, questions et réponses sur les coutumes de Franc. 1614.

Чтобы оцѣнить, насколько мелкая собственность и ея способности обработки уступаютъ крупному хозяйству, можно обратиться къ слѣдующимъ таблицамъ производства хлѣба. Съ 1872 года по 1878 годъ средняя производительность всей Франціи равнялась 15 гектолитрамъ, 6 сентилитрамъ зерна на каждый засѣянный гектаръ. Изъ 87 департаментовъ 31 превысили это среднее количество: Департаментъ Сены (28 гектол. 81 сантим.), Сены и Оазы (23, 69), Сѣверный (23, 53), Оазы (21, 78), Сены и Марны (21, 71), Падде-Калэ (21, 27), Энъ (21, 27), Верхняго Рейна (19, 80), Луары (19, 72), Соанны (19, 45), Эрн и Луары (19, 13), Нижней Сены (18, 37), Марны (18, 16), Луары и Шера (17, 61), Эрн (17, 56), Роны (17, 50), Арденновъ (17, 49), Маенны (17, 24), Кальвадоса (17, 08), Алье (16, 53), Ду (16, 48), Котъ-Дю-Норъ (16, 39), Нижней Луары (16, 33), Восточныхъ Пиренеевъ (16, 16), Объ (16, 03), Мэна и Луары (16, 00), Финистера (15, 97), Мерта и Мозеля (15, 50), Эна (15, 44), Орна (15, 38), Котъ-дора (15, 35). Если посмотрѣть на карту, то окажется, что всѣ эти 31 департаментъ расположены на сѣверо-западѣ, гдѣ сосредоточены большіе промышленные центры.

Во всѣхъ этихъ департаментахъ мелкая собственность исчезла, и обработка земли почти вездѣ замѣнилась фермерствомъ, какъ въ Англии. Въ своей газетѣ «La République Française» г. Гамбетта (21 августа 1879) опредѣлилъ, что «число фермеровъ доходить до 300,000. На югѣ и въ нѣкоторыхъ центральныхъ мѣстностяхъ они встрѣчаются рѣдко, но изобилуютъ на западѣ и на сѣверѣ. У нихъ есть собственный капиталъ, а скотъ и стада они часто получаютъ вмѣстѣ съ землей». Въ этихъ-то департаментахъ, заселенныхъ фермерами, земледѣліе сдѣлало самыя большіе успѣхи.

Если мы теперь обратимся къ списку 56 департаментовъ, въ которыхъ производительность хлѣба ниже средняго количества, мы увидимъ, что это страна винодѣлія: Жиронда (14, 37), Гаръ (14, 33), Лотъ и Гароннъ (14, 18), Геро (13, 99), Верхняя Гаронна (13, 94) и т. д. Для этихъ мѣстностей производство хлѣба имѣетъ второстепенное значеніе и служитъ почти единственно для удовлетворенія потребностей самаго владѣльца, или же это такія мѣстности, гдѣ преобладаетъ мелкая собственность: Корсика (14, 26), Корразъ (13, 60), Крѣзъ (12, 61), Нижнія Альпы (8, 57) и т. д. Въ трехъ послѣднихъ департаментахъ, какъ являеть въ

своемъ докладѣ «Общество страхованія имущества отъ пожара». едва на четыре дома встрѣчается одинъ, крытый шиферомъ или черепицей; большей частью ихъ кроютъ соломой или деревомъ.

Въ своемъ сочиненіи: «Сельское хозяйство въ Англіи, Шотландіи и Ирландіи (1854)», Л. де Лавернь писалъ:

«Если мы сравнимъ одни департаменты съ другими, то самыми производительными окажутся: сѣверный, Па-де-Калэ, Сома, Оазъ и Нижней Сены, гдѣ среднее количество сыраго продукта равняется 200 франк. на каждый гектарь; въ Сѣверномъ департаментѣ доходить даже до 300 фр. Съ другой стороны, тамъ, гдѣ среднее количество сырыхъ продуктовъ самое низкое, находятся департаменты: Ландъ, Лозэръ, Верхнія и Нижнія Альпы и въ особенности Корсика; среднее количество производительности равняется почти 30 фр., а въ Корсикѣ даже 10».

Упраздненіе права дароваго постбица и уничтоженіе общиннаго выгона отняли у крестьянъ-собственниковъ всякую возможность держать скотъ, кромѣ свиньи — этого охранителя мелкой собственности. «Лучше всѣхъ животныхъ содержится свинья; ей оказываютъ самый внимательный уходъ, въ особенности хозяйки. Видя въ ней источникъ пропитанія всей семьи въ продолженіе цѣлаго года, ее вслѣдствіи охраняютъ и ничего не жалѣютъ, чтобы откормить ее и дать ей набраться жиру». ¹⁾ Свинья — членъ семейства крестьянина-собственника; она не только кормитъ его, но еще позволяетъ ему заработать нѣсколько сотъ франковъ, такъ какъ ничего не стоитъ вскормить 6—8 поросятъ, которыхъ самка приноситъ за одинъ разъ.

Но французскій рынокъ заваленъ американскою ветчиной, солониной и саломъ. Западъ Америки — это рай для свиней; утромъ ихъ посылаютъ лакомиться душистыми травами по полямъ, а вечеромъ, возвращаясь съ своей гигиенической прогулки, свиньи находятъ на скотномъ дворѣ цѣлыя груды нешелушеннаго манса, которыми они могутъ объѣдаться вдоволь. Крупный скотъ — лошадей и муловъ кормятъ въ западныхъ Американскихъ Штатахъ почти исключительно мансомъ; эта пища обыкновенно поступаетъ въ прямую кишку непереваренной такъ, что въ пометѣ этихъ живот-

¹⁾ Coup d'oeil sur l'Agriculture du Cantal, p. L. d'Jumiére. An. X. (1803).

ныхъ свиньи находятъ часть своего корма; свиней всегда растутъ вмѣстѣ съ другими животными. Американскій фермеръ говоритъ, что послѣ норвежскихъ крестьянъ, которые весьма многочисленны на западѣ Америки, свиньи оказываются животными, содержаніе которыхъ самое дешевое.

Конкуренція американскихъ свиней очень опасна для европейскихъ; статистика 1879 года указываетъ на уменьшеніе числа свиней въ Англіи на 16%. Въ 1875 году, Франція вывозила въ Англію 29,660 свиней; въ 1879 году это число упало до 612; американскія свиньи не только повліяли на сокращеніе числа английскихъ свиней, но совсѣмъ вытѣснили съ англійскаго рынка французскую свинью. И свинья—не единственная хозяйственная статья, терпящая пораженіе отъ американской конкуренціи; масло—это второй продуктъ, испытывающій ту-же участь. Всѣмъ мелкимъ фермамъ въ Нормандіи и Бретани, имѣющимъ только двухъ или трехъ коровъ, молоко которыхъ превращается семействомъ крестьянина въ масло, грозитъ опасность потерять послѣдній источникъ своихъ доходовъ. (Говоря объ американской конкуренціи, я изложу вопросъ о маслѣ болѣе подробно).

Ко всѣмъ этимъ врагамъ мелкой поземельной собственности во Франціи присоединились еще насѣкомыя. Химики гг. Гребе и Либерманнъ, достигнувъ возможности воспроизводить, посредствомъ углеродистаго водорода, извлекаемаго изъ смолы каменнаго угля, ализарина и другія красящія вещества марены, искоренили навсегда воздѣлываніе этого растенія на югѣ Франціи. Близъ Франкфурта существуетъ химическій заводъ, изготовляющій въ одинъ день больше ализарина, чѣмъ могли бы доставить 40 гектаровъ земли въ цѣлый годъ.

Химикъ этого завода, путешествуя по Франціи, спрашивалъ у крестьянина, есть-ли у нихъ еще поля, засѣянные мареной. «Ни одного, отвѣчалъ онъ; теперь марену дѣлаютъ машинами, а мы сѣемъ вмѣсто нея картофель и хлѣбъ».

По свѣдѣніямъ, опубликованнымъ министромъ земледѣлія, филоксера появилась въ 1879 году въ 38 департаментахъ и уничтожила виноградники на протяженіи 474,760 гектаровъ, — почти $\frac{1}{2}$ всей поверхности, занятой виноградниками въ 1870 году.

Эти поврежденія такъ значительны, что цѣна дровъ, напр. въ департаментѣ Геро, понизилась на половину, такъ какъ засохшимъ

виноградная лоза продавалась на дрова. Виноградники уничтожать, а съютъ хлѣбъ. Кромѣ нищеты, которую влечетъ за собой паденіе двухъ специальныхъ французскихъ отраслей производства, винодѣлія и воздѣлыванія марены, оно вліяетъ еще на расширеніе площади, засѣваемой хлѣбомъ: въ 1879 году она равнялась — 6.876,075 гектарамъ, а въ 1880 году—6.909,932 гектарамъ; увеличеніе на 33,757 гек. Въ 1861 году, когда филоксера только что появилась, засѣянное хлѣбомъ пространство равнялось 6.754,227 гектарамъ: слѣдовательно, съ 1861 года по 1880 годъ оно расширилось на 155,705 гектаровъ, несмотря на потерю Эльзаса и Лотарингія. Въ Англии наоборотъ, въ 1867 году было 3.640,000 акровъ воздѣланныхъ полей, а въ 1879 г. осталось только 3.056,000, т. е. уменьшеніе произошло болѣе, чѣмъ на одну седьмую. Посѣвъ хлѣба на поляхъ, занятыхъ раньше другими продуктами, предоставляетъ американской конкуренціи все болѣе и болѣе широкую дѣятельность.

Исслѣдованіемъ, произведеннымъ вслѣдствіе декрета Законодательнаго Собранія 1850 года, собраны были свѣдѣнія, по которымъ Франція имѣла несчастіе насчитывать 7.846,000 сельскихъ собственниковъ, изъ которыхъ 3.000,000 вовсе не платили личныхъ налоговъ, благодаря доказанной бѣдности, а 600,000 вносили въ общемъ не болѣе, какъ по пяти сантимовъ; остается, слѣдовательно, не болѣе 4.250,000 собственниковъ, крупныхъ и мелкихъ, заслуживающихъ это названіе.

3.600,000 земельныхъ собственниковъ, избавленныхъ отъ уплаты налоговъ по бѣдности, или платящихъ по пяти сантимовъ, вѣдь это настоящіе земледѣльческіе пролетаріи. Собственность, которая не въ состояніи прокормить ихъ, послужила только средствомъ прикрѣпленія ихъ къ деревнѣ, чтобы крупные собственники всегда могли найти поденщиковъ, нужныхъ для обработки ихъ земель. Такимъ-же способомъ дѣйствовали господа и епископы во времена феодальнаго права, чтобы приманить жителей на свои земли и удержать странствующихъ ремесленниковъ; они создавали вольные города «свободные отъ всякихъ повинностей и барщины, отъ права завата, мертвой руки и другихъ обязательствъ»¹⁾.

Для того, чтобы быть увѣренными, что въ каждую данную минуту найдутся требуемые поденщики, крупные владѣльцы про-

¹⁾ Cartulaire de la ville de Gray-sur-Saône, 1324.

лаго столѣтія вынуждены были селить на своихъ земляхъ рабочихъ земледѣльцевъ, отводя имъ избу, небольшое поле и немного скота и получая взаменъ извѣстное число рабочихъ дней. Этотъ обычай былъ такъ распространенъ, что де-Пертви въ своихъ со- вѣтахъ о сельскомъ устройствѣ, считая эти маленькія хозяйства (maisons) составной частью большихъ фермъ, предлагалъ слѣ- дующій планъ для ихъ устройства: «Обыкновенно отводятъ для такого маленькаго хозяйства поле въ четыре «arpens» (около двухъ гектаровъ), изъ которыхъ поларпана занято избой и другими по- стройками, а остальные засѣяны, согласно мѣстному обычаю. Ра- бочіе неввысоко цѣнили хозяйство безъ земли. Двѣ коровы и одинъ теленокъ составляютъ иногда все стадо работника; оно дается ему хозяиномъ въ видѣ «cheptel mort», т. е. въ прокормъ»... Кроме жилья для семейства рабочаго, «есть помѣщеніе для вы- ставки на продажу произведеній его маленькаго хозяйства (льна, пеньки и т. д.), или для занятія мастерствомъ, а также маленькая молочная, расположенная на сѣверѣ и соединенная съ одной сто- роны съ жилымъ помѣщеніемъ, а съ другой, съ хлѣвомъ, для освѣженія хлѣбомъ и для согрѣванія зимой»¹⁾. Эти «обезпеченныя рабочія хозяйства» (maisons) были бѣльмомъ на глазу у крупной поземельной собственности. Одинъ крупный землевладѣлецъ при- знается, что напрасно старался убѣдить своихъ поденщиковъ, что эти хозяйства вмѣсто того, чтобы прокармливать ихъ, доводятъ ихъ только до голодной смерти, и прибавляетъ: «Я предвижу, однако, конецъ такому порядку вещей, и конецъ этотъ недалекъ; онъ вв- ступитъ тогда, когда дома ихъ развалятся надъ ихъ головами, или, выражаясь мягче, когда землевладѣльцы, которымъ надобно что- нибудь не получать съ нихъ и ремонтировать ихъ дома себѣ въ убытокъ, попросятъ ихъ прискаты себѣ лучшей кровъ»²⁾. Это бла-

¹⁾ Mémoire sur l'art de perfectionner les constructions rurales, par de Perthuis. 1806.

²⁾ Mémoire sur l'agriculture d'une partie du département du Loiret, par A. Sageret. 1808. Читая писателей по агрономіи, въ особенности тѣхъ, которые были помѣщиками, а таковы они почти все, можно убѣдиться, что тѣ изъ нихъ, которые писали за нѣсколько лѣтъ до революціи, и главнымъ образомъ тѣ, которые писали послѣ Директоріи, питали нескрываемую не- нависть противъ крестьянъ-собственниковъ и земледѣльческихъ пролетаріевъ.

городное желаніе исполнилось въ настоящее время; если поденщики имѣютъ какое нибудь помѣщеніе, или маленькое поле, то они заплатили за нихъ свои собственные гроши; хозяйствъ, устраиваемыхъ помѣщиками, не существуетъ болѣе. Всѣ 3.600,000 землевладѣльцевъ—такихъ «владѣльцевъ», которыхъ вовсе освобождаютъ отъ налоговъ, потому что у нихъ ничего нѣтъ, кромѣ жизни—эти 3,600,000 землевладѣльцевъ только косвеннымъ образомъ испытали на себѣ всѣ измѣненія, постигшія поземельную собственность и ея способы обработки.

Въ мѣстностяхъ промышленныхъ и вдоль желѣзныхъ дорогъ, многіе изъ нихъ находятъ себѣ трудъ, лучше оплачиваемый, болѣе вѣрный и однообразный; они продаютъ свои избытки и выселяются въ города, гдѣ театры, лавки, тракторы, шумъ и свѣтъ имѣютъ для нихъ такую-же притягательную силу, какъ кусокъ красной матеріи для лягушки. Это уменьшеніе сельскаго населенія, плохо уравновѣшенное употребленіемъ машинъ, дозволило тѣмъ, которые оставались при сельскихъ работахъ, возвысить поденную плату. Недавно національное общество земледѣлія во Франціи собрало множество свѣдѣній по вопросу о заработной платѣ, и всѣ отзывы его корреспондентовъ единогласно подтвердили, что за послѣдніе годы произошло повышеніе платы на 30 — 40%. Только въ департаментахъ, которые посѣтило какое-нибудь бѣдствіе (болѣзнь шелковичнаго червя, флоксера и т. д.) наблюдалось пониженіе платы. Слѣдующая таблица, напечатанная въ «Вѣстникѣ земледѣлія на югѣ» (10 апрѣля 1878 г.), опирающаяся на данныя доставленныя землевладѣльцами, указываетъ на повышеніе и пониженіе заработной платы въ окрестностяхъ Монпелье, и она-же можетъ, до нѣкоторой степени, дать понятіе о подобномъ движеніи во всей Франціи.

Годъ	Зимняя пора.	Страдная пора.	Время сбора винограда.
1750—1770	17 су. ¹⁾	22 су.	24 су.
1789	24 »	28 »	30 »

¹⁾ Су—монета въ 5 сантимовъ—1/4 копейки.

1820—1842	30 су. (1 фр. 50 с.)	35 су.	40 су.
1843—1847	35 »	40 »	40 »
1848—1852	30 »	35 »	40 »
1852—1857	35 »	40 »	40 »
1860—1863	40 »	50 »	60 »
1870—1874	50 »	60 »	80 »
1876—1878	40 »	40 »	40 »

Надо замѣтить, что періоды отъ 1750 г. до 1770 г. и отъ 1852 г.—1875 г. были періодами общаго вздорожанія всѣхъ жизненныхъ припасовъ, что уменьшаетъ значеніе повышенія заработной платы. Потерпѣли отъ всевозможныхъ земледѣльческихъ переверотовъ тѣ 4.250,000 собственниковъ, крупныхъ, среднихъ и мелкихъ, которые платятъ налоги государству и ростовщикамъ; въ ихъ рядахъ, экономическія отношенія находили свои жертвы: собственность оказывалась плохой броней.

Французская статистика, которая даетъ точныя свѣдѣнія о числѣ утокъ, гусей и каплуновъ, имѣющихся въ каждой общинѣ, и которая съ не меньшей точностью опредѣлила бы, если бы того потребовали, число вшей у этихъ пернатыхъ, кажется существуетъ для того, чтобы оставлять насъ въ полномъ невѣдѣніи насчетъ поземельной собственности: свѣдѣнія, получаемыя объ ней, только приблизительны. Привожу слѣдующую замѣтку, дающую понятіе о томъ, что происходило во Франціи: «За непмѣніемъ официальныхъ свѣдѣній и изысканій, которыя бы могли быть предприняты только правительствомъ, я передамъ тѣ явленія, которыя наблюдалъ вокругъ себя; при этомъ замѣчу, что причины этихъ явленій не мѣстныя, но вытекаютъ изъ общаго устройства, такъ что я боюсь, что описывая мѣстность, въ которой я живу, въ тоже время описываю большую часть всей страны, если не всю страну. Мои наблюденія простирались на пять смежныхъ общинъ, образующихъ въ департаментѣ Тарнъ, цѣлый кантонъ Монтредона.

«Занимая пространство въ 21,000 гектар., владѣнія эти имѣютъ населеніе въ 8,311 душъ, а средняя стоимость ихъ доходитъ до 500 фр. за гектаръ. Эти пять общинъ состоятъ изъ 304 владѣній, мелкихъ или среднихъ, величиною отъ 10 до 80 гектаровъ. 197 изъ этихъ 304 владѣній, т. е. около $\frac{2}{3}$, принадлежали, 50 лѣтъ тому назадъ, брестьянамъ, лично обрабатывавшимъ землю. Ничто

(1866 г.) изъ этихъ 197 владѣній только 81 остались въ семействахъ прежнихъ владѣльцевъ, а 116 были проданы. Изъ 116 проданныхъ владѣній, 71, т. е. почти $\frac{3}{4}$, перешли въ руки владѣльцевъ, пользующихся доходомъ, но не обрабатывающихъ землю; остальные 45 принадлежатъ и до сихъ поръ крестьянамъ, но раздробились почти всѣ — 33 изъ 45. Дробленіе достигаетъ иногда крайнихъ предѣловъ ¹⁾). Итакъ, земельная собственность ускользаетъ изъ рукъ крестьянъ; та же земля, которая остается еще въ рукахъ земледѣльцевъ, дробится, благодаря закону о наслѣдствахъ, на такіе мелкіе участки, что обработка ихъ становится все труднѣе и тягостнѣе. Съ другой стороны, упомянутые выше финансисты «République française», опираясь на официальную статистику 1874 года, насчитываютъ до 2.826,388 поземельныхъ собственниковъ, представляющихъ достаточно гарантій, чтобы воспользоваться благодѣяніями поземельнаго кредита, которыми финансовыя друзья г. Гамбетты хотятъ наградить французское земледѣліе. Съ 1851 года по 1874 годъ число собственниковъ въ дѣйствительности уменьшилось на 1.423,000, или на 33%. Было бы заблужденіемъ думать, что плохія дѣла составляютъ единственную причину такого уменьшенія.

«République française» весьма вѣрно замѣчаетъ: «Многіе крестьяне-собственники, движимые законнымъ стремленіемъ къ обогащенію и лучше другихъ понимающіе, гдѣ сосредоточивается дѣятельность, продали свои имѣнія и направились въ города». Крестьяне-собственники видятъ теперь передъ собой, съ одной стороны, соблазнительные крупныя промышленныя и финансовыя барыши, съ другой—раззоряющія ихъ затрудненія и опасности земледѣльческой конкуренціи. «Всѣ наши мелкіе земледѣльцы», писалъ виконтъ д'Антензъ, «спѣшатъ помѣщать свои сбереженія въ облигаціяхъ желѣзныхъ дорогъ, или въ государственныхъ процентныхъ бумагахъ, дающихъ безъ труда и безъ риска 4½%,—барышъ, котораго они никогда не получили бы, вложивъ сбереженія въ земледѣліе ²⁾). Итакъ, раньше, чѣмъ крестьянинъ-собствен-

¹⁾ L'enquête. Les souffrances de l'agriculture, par B. Lavergne, ancien représentant. 1866.

²⁾ Journal d'Agriculture pratique, 12 Juin 1870.

никъ оставляетъ свои поля, онъ отправляетъ свои деньги въ городъ; этотъ обычай, введенный въ моду второй имперіей, позволялъ Наполеону III собирать подписки на свои займы почти исключительно въ деревнѣ, а финансисты находили, такимъ образомъ, капиталы для своихъ биржевыхъ и промышленныхъ спекуляцій. И вотъ, въ то самое время, когда всѣ экономическія явленія французской жизни способствуютъ перемѣщенію сельскихъ сбереженій въ города, республиканскіе буржуа наивно вѣрятъ, что они въ состояніи будутъ устроить поземельный кредитъ (этотъ философскій камень, который обѣщаютъ всѣ правительства), и тѣмъ придти на помощь мелкой собственности, потому что, по мнѣнію самаго авторитетнаго органа этой партіи — «République française» — «все, что можетъ мѣшать расширенію группы крестьянъ-собственниковъ, есть задержка въ развитіи нашего богатства».

Между тѣмъ, поземельный кредитъ, въ томъ видѣ, въ какомъ хотятъ его осуществить, только ускоритъ разрушеніе мелкой собственности. На этотъ счетъ агрономы высказываются очень опредѣленно: «Есть богатныя земледѣльческія хозяйства, которыя могутъ дѣлать займы, но есть и бѣдныя хозяйства, которыя разорились бы, прибѣгнувъ къ займу». (Курсъ сельскаго хозяйства — Лекуте). «Мелкій земледѣлецъ, занимающій свыше известной минимальной суммы — это человѣкъ разорившійся; облегчать ему условія займа значитъ ускорять разрушеніе его хозяйства». (*Vie d'Ant-hénaise. Journ. d'Agriculture pratique*). Но эти крупные собственники и профессора земледѣлія, съ такимъ самодовольствіемъ говоряще противъ кредита, котораго они желаютъ только для крупной собственности, должны бы помнить, что самыя тяжелыя займы ложатся именно на мелкую собственность; они должны бы позаботиться организовать, какъ можно скорѣе, кредитную систему, которая могла бы вырвать крестьянина-собственника изъ когтей ростовщика. Но этого они не хотятъ; какъ не хотятъ этого и республиканскіе финансисты, думающіе только, какъ бы эксплуатировать земледѣліе въ такой-же мѣрѣ, какъ они уже эксплуатируютъ торговлю и промышленность. Если-бы создать кредитную систему, организованную муниципалитетами, которые взяли-бы на себя трудъ общественнаго продовольствія (покупку скота и зерноваго хлѣба, продажу мяса и печеніе хлѣба и т. д.), — систему, допускающую, слѣдовательно, уплату крестьянами полученныхъ ими

впередъ денегъ натурою (скоть, хлѣбъ, вино и т. д.), то удалось бы устранить кушца, ростовщика и юриста.

Крестьянская собственность могла-бы еще продолжать прозябать, благодаря чудесамъ бережливости, проявляемымъ французскими крестьянами. Земледѣльцы нуждаются скорѣе въ покровительствѣ противъ ростовщиковъ, купцовъ и юристовъ, чѣмъ въ крупномъ кредитѣ; слишкомъ тѣсное пространство, занимаемое крестьянскими полями, мѣшаетъ имъ употреблять земледѣльческія машины и прилагать новыя методы обработки, тѣмъ болѣе, что польза отъ нихъ непонятна для ихъ неразвитаго и рутиннаго ума. Либихъ говорилъ, что земледѣлецъ долженъ былъ-бы обладать энциклопедическимъ образованіемъ, но классъ крестьянъ собственниковъ самый необразованный изъ всѣхъ классовъ націи.

При системѣ капиталистическаго производства, мелкая собственность есть анокронизмъ, и всѣ экономическія силы стремятся грубо вытѣснить ее; мелкій поземельный кредитъ, который хотять создать, только ускорить это роковое событіе; крупные собственники и агрономы выжидаютъ его съ нетерпѣніемъ: одни видятъ въ гибели мелкой собственности способъ округлить свои земли, другіе—возможность расширить приложеніе ученыхъ приѣмовъ земледѣлія. Чтобы способствовать общими силами дѣлу раззоренія мелкой собственности, крупные землевладѣльцы и почти всѣ профессора земледѣлія высказываются откровенно за свободный обмѣнъ земель и нисколько не стѣсняются вполне выяснять свои воззрѣнія. Г. Гамонъ, землевладѣлецъ въ Кальвадосѣ, писалъ: «Развитому землевладѣльцу, поставленному въ хорошія условія, нечего бояться американской конкуренціи. Но мелкое производство, можетъ быть, пострадаетъ отъ такого положенія дѣлъ, потому что оно не въ состояніи будетъ производить достаточно дешево, не имѣя возможности употреблять земледѣльческія машины и вкладывать въ земли удобреніе, необходимое для обильной жатвы». (*Journal d'Agricult. prat.* 8 mai 1879). А если «нѣкоторые земледѣльцы раззорятся, прибавляетъ графъ д'Этернъ, то можно утѣшиться той мыслью, что часть орудій національнаго производства перешла изъ неискусныхъ рукъ въ руки болѣе мощныя и способныя». Чтобы утѣшить землевладѣльцевъ, которые умѣютъ цѣнить всю прелесть національной производительности только тогда, когда она находится въ ихъ рукахъ, г. Бидароль, профес-

соръ агрономъ, обращается къ нимъ съ слѣдующими словами: «Чтобы бороться съ иностранцами, надо поднять національную производительность, уничтожая жалкіе сборы въ 10, 12 и 14 гектолитровъ съ гектара и замѣняя ихъ сборами въ 30 и 35 гектолитровъ, какъ въ Сѣверномъ департаментѣ. (Journ. d'Agricult. prat. 7 Août 1879)». «Но,—отвѣчаетъ на это въ слѣдующемъ номерѣ г. Лемуанъ:—если мы будемъ производить по 30 гектолитровъ съ гектара, наша средняя національная производительность дойдетъ до 200 милліоновъ гектолитровъ, не считая того, что могутъ дать еще земли, до сихъ поръ необработанныя. Что мы стали-бы дѣлать со всѣми этими продуктами?—пришлось-бы еще найти средства продать ихъ». (Обыкновенное потребленіе во Франціи равняется 120 милліонамъ гектолитровъ въ годъ). Итакъ, вся поземельная собственность во Франціи, крупная и мелкая, находится въ тискахъ у слѣдующей альтернативы: она должна усовершенствоваться свои способы обработки земли для того, чтобы увеличить производительность, иначе пойдутъ прахомъ всѣ шансы на противодѣйствіе американскому хлѣбу; но, увеличивая производительность, она обостряетъ борьбу конкуренціи.

Всѣ эти измѣненія въ способахъ обработки земли и въ формахъ владѣнія ею, всѣ передвиженія сельскаго населенія порожидали злобу и ненависть,—до поры до времени, правда, глухую и сдерживаемую, но отъ этого не менѣе опасную.

Поль Лафаргъ.

Что дальше?

Этюдъ изъ обыденной жизни.

— Здѣсь живетъ докторъ Ватюковъ? торопливо спросила молодая женщина, войдя въ ярко освѣщенный газомъ подъѣздъ одного изъ большихъ домовъ Литейнаго проспекта.

— Пожалуйста въ 6-й номеръ... безстрастно отвѣтилъ долговязый швейцарь, съ гладко расчесанными баками, лѣниво поднимаясь съ мѣста.

Сердце Елены Васильевны сильно забилось, ноги подкашивались; она остановилась на минуту, сбросила пальто, оставила тутъ-же сакъ-воляжъ и, какъ бы собравшись съ силами, спремглавъ бросилась на верхъ.

По костюму ея видно было, что она явилась сюда прямо съ вокзала: дорожное сѣрое платье обрисовывало ея стройную фигуру, на плечѣ висѣла небольшая сумка. Темные волосы, заплетенные въ одну косу, небрежно спускались ниже пояса; блѣдное лицо, съ лихорадочнымъ румянцемъ на щекахъ, выражало усталость, волненіе и, пожалуй, носило отпечатокъ страданія. Черты лица не были хороши, но рѣзко очерченныя брови и большіе блестящіе глаза придавали ей что-то привлекательное.

Она, запыхавшись, остановилась у квартиры номеръ 6-й и судорожно позвонила нѣсколько разъ.

— Дома докторъ Ватюковъ? спросила она и, получивъ

утвердительный отвѣтъ, побѣжала къ указанной двери и встѣла въ комнату.

— Кто тамъ? спросилъ Викторъ Петровичъ Ватюковъ, сяди за письменнымъ столомъ надъ книгой и не поднимая головы.

— Боже мой, какъ это, кто тамъ! Неужели ты не ждаль меня? Видишь, это я, Викторъ! Посмотри, взгляни! говорила молодая женщина и, прежде чѣмъ онъ опомнился, обвила его шею руками и нервно зарыдала.

— Господи, какими судьбами! Елена Васильевна... да вы только что съ дороги! Но успокойтесь прежде всего, говоритъ Ватюковъ, обнимая Леночку и усаживая ее на диванъ.

— Нѣтъ, я такъ счастлива, что не могу удержаться... Боже мой, неужели я васъ опять вижу? сказала она, взявъ его за плечи и заглядывая ему въ глаза.—Да, конечно, мы теперь будемъ вмѣстѣ, мы больше не разстанемся! продолжала она, прижимаясь къ Ватюкову.

Ватюкова можно было назвать красивымъ мужчиной. Это былъ стройный брюнетъ, лѣтъ за тридцать, съ самонадѣяннымъ и подчасъ утомленнымъ видомъ. Продолговатое безъ кровинки лицо, съ тонкими чертами, обрамлялось небольшими баканъ и густой шапкой вьющихся волосъ.

Онъ занималъ двѣ красныя меблированныя комнаты; на письменномъ столѣ разбросаны были медицинскія книги; груды книгъ лежали также на стульяхъ, на полу. Передъ диваномъ, на которомъ усѣлись молодые люди, стоялъ небольшой столикъ съ пепельницей и спичками; на письменномъ столѣ горѣла лампа и, благодаря большому абажуру, слабо освѣщала всю комнату.

Они не видались другъ съ другомъ около двухъ лѣтъ. Елена Васильевна въ ту пору только что вышла изъ гимназій одного изъ далекихъ провинціальныхъ городовъ, гдѣ Ватюковъ служилъ ординаторомъ въ госпиталѣ, и познакомилась съ нимъ на семейномъ вечерѣ мѣстнаго клуба.

Викторъ Петровичъ считался лучшимъ докторомъ въ городѣ, имѣлъ большую практику и преимущественно пользо-

вался благосклонностью прекраснаго пола. Будучи еще студентомъ, онъ женился по увлеченію, прожилъ съ женою нѣсколько лѣтъ, вскорѣ разочаровался какъ въ любимой женщинѣ, такъ и въ семейной жизни, и, въ концѣ концовъ, не безъ внутренней борьбы и разнаго рода сценъ, супруги разстались. У нихъ былъ сынъ, прехорошенькій и бойкій мальчикъ, котораго отецъ горячо любилъ; эта привязанность являлась главнымъ стимуломъ, заставлявшимъ Виктора Петровича долгое время оставаться подъ одной кровлей съ женой.

Въ городѣ ходили самые неблагоприятные слухи объ ихъ семейной жизни. Цѣлыя легенды слагались про разныя увлеченія Ватюкова; стоило ему провести лишній вечеръ съ какойнибудь барышней или оказать которойнибудь изъ нихъ вниманіе или даже простую любезность, какъ уже провинціальная молва, повидимому, непридававшая особой цѣны добродѣтели мѣстныхъ дамъ, выражала несомнѣнную увѣренность въ полномъ успѣхѣ этого Донъ-Жуана. Въ подобныхъ слухахъ всегда бываетъ извѣстная доля правды.

Викторъ Петровичъ, утомившись семейными передрагами, искалъ развлечения внѣ дома. Вращаясь въ кругу свѣтскихъ барынь, онъ, сначала „отъ скуки“, вступилъ въ связь съ одной хорошенькой вдовушкой, затѣмъ его ежедневно видали съ одной нервной дамой, мужъ которой былъ вѣчно въ разъѣздахъ и появлялся только въ городѣ во время дворянскихъ выборовъ, потомъ мѣсто ея замѣнила другая особа... словомъ, такъ дѣло шло въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ...

Многіе завидовали ему, и одинъ его пріятель, красивый брюнетъ изъ евреевъ весь даже пожелтѣлъ, придумывая средства, какъ бы половчѣе подставить ножку многоуважаемому коллегѣ и занять его мѣсто.

Но Викторъ Петровичъ начиналъ все болѣе и болѣе ненавидѣть провинцію.

Однажды, усталый и недовольный, онъ мрачно бродилъ изъ угла въ уголъ по большимъ клубнымъ заламъ и вдругъ замѣтилъ новое лицо. То была Елена Васильевна, которая

впервые выѣзжала на вечеръ. Ея оригинальная красота поразила его; онъ давно не видалъ такого одушевленія, такой непритворной веселости; отъ молодой дѣвушки такъ и вѣяло здоровой жизнью и счастьемъ. Въ теченіи всего вечера Ватюковъ невольно слѣдилъ за Леночкой и до такой степени заинтересовался ею, что порѣшилъ познакомиться съ нею.

Однако, вернемся къ прерванной сценѣ.

— Слушай же, Викторъ, слушай, начала Леночка, взявъ его за обѣ руки и называя его то ты, то вы. Вы не можете себѣ представить, что я выстрадала и сколько мнѣ пришлось вынести, чтобы быть здѣсь, возлѣ васъ. Впрочемъ, что значать всѣ эти страданія въ сравненіи съ этими счастливыми минутами: вѣдь, я теперь съ тобой, вѣдь мы теперь вмѣстѣ, и ты меня любишь, да? Ты теперь не станешь выдумывать никакихъ небывалыхъ препятствій, говори же, да, да?

— Конечно, конечно, мое дитя, говорилъ Викторъ Петровичъ, и сердце его билось все сильнѣе и сильнѣе.

— Развѣ я дитя, Викторъ? Это ты почему-то выдумалъ, что между нами большая разница въ лѣтахъ, право, это полнѣйшій вздоръ! Поцѣлуй же меня, вѣдь ты меня любишь, да?

— Однако расскажите же мнѣ наконецъ, какъ вы вырвались оттуда, какъ вы меня отыскали? сказалъ Викторъ Петровичъ, нѣсколько отстраняя ее отъ себя.

— Господи! промолвила она, не отвѣчая на его вопросы.— Погоди, дай сначала налюбоваться на тебя. Ты еще сталъ лучше, чѣмъ былъ. Однако, зачѣмъ вы мнѣ говорите вы? Помнишь, что ты мнѣ сказалъ? Помнишь? А я твердо помню: ты говорилъ—пройдетъ два года, и если я буду по прежнему любить тебя,—ты будешь моя, я буду твой, мы сойдемся, будемъ вмѣстѣ жить,—помнишь?

— Помню, помню, конечно,—помню и счастливъ, что ты меня не забыла, сказалъ Викторъ Петровичъ, обнимая ее.

— Вотъ такъ, говори мнѣ ты. Ты говоришь, я тебя забыла! Развѣ я могла? Ты только послушай, сколько разныхъ

глупостей я надѣлала, чтобы быть здѣсь, возлѣ тебя. Знаешь-ли, что я замужъ вышла?

— Лена, что ты говоришь?

— Да, да, однако все это послѣ. Вообрази, какъ мнѣ замѣчательно повезло: въ вагонѣ я познакомилась съ однимъ господиномъ, который всю дорогу былъ очень милъ и любезенъ со мной.

— Немудрено, прервалъ ее Ватюковъ.

— Однако, дѣло не въ томъ, отвѣтила молодая женщина,— вообрази себѣ, спрашиваю его, какъ мнѣ отыскать одного моего хорошаго знакомаго, то есть васъ, милостивый государь, прибавила она, поцѣловавъ его,—оказалось, что этотъ господинъ—твой хорошій пріятель; онъ-то и указалъ мнѣ твой адресъ. Вотъ счастье: пойми только, что мнѣ пришлось бы провести сегодня самую мучительную ночь!

Онъ нѣжно поцѣловалъ ее и спросилъ, любуясь ею:—да неужели же вы вышли за мужъ. За кого?

— Не все ли равно—за кого? Вѣдь, я выходила замужъ только для того, чтобы получить свободу и быть съ тобой. Ну, слушай. Послѣ твоего отъѣзда я ужасно хандрила, сторонилась людей и рѣшительно не могла заняться никакимъ дѣломъ: все меня злило, я совершенно перестала выѣзжать. На мое несчастье—меня опять стали преслѣдовать тотъ длинный губернаторскій любимчикъ, Михайловъ, надъ которымъ мы съ тобой, бывало, такъ потѣшались. Онъ вздумалъ сдѣлать мнѣ предложеніе. Ты знаешь отца: онъ считалъ, что это прекрасная партія; я, конечно, напрямикъ сказала ему, что люблю тебя и ни за что не пойду за Михайлова. Отецъ рассердился. Но, чтобы покончить скорѣе со всей этой исторіей, я объявила тоже самое и этому господину. Вообрази себѣ, что это на нихъ не подѣйствовало. Они стали убѣждать меня, что мое чувство—мимолетное увлеченіе и что, съ новой жизнью, у меня явятся и новыя привязанности. Ахъ они, смѣшные! какъ будто я могла бы когда нибудь привыкнуть къ этому ослу, Михайлову! Признаться, у меня, было, мелькнула мысль

воспользоваться случаемъ... Понимаешь, самой мнѣ теперь гадко вспомнить: я хотѣла повѣнчаться съ Михайловымъ и такимъ образомъ добыть свободу... сгоряча дала и согласіе... они начали торопиться... боялись, что я, пожалуй, раздумаю... Я точно угорѣла... Воображеніе у меня разыгрывалось, и мнѣ казалось, что всѣ эти свадебныя приготовления только приближаютъ меня къ тебѣ... не буду вдаваться въ подробности... Скажу только, что, когда все было готово къ вѣнцу, я опомнилась и... сбѣжала... думаю, лишнее говорить о томъ сколько я имѣла неприятностей послѣ этой выходки. Но все это было ничто въ сравненіи съ тѣми муками, которыя я испытывала отъ того, что не видѣлась съ тобой... я умоляла отца отпустить меня въ Петербургъ... учиться... Впрочемъ не думай, спохватилась она,—это не былъ обманъ... я, дѣйствительно, хочу учиться...

— Конечно, конечно, отвѣчалъ Ватюковъ, съ любопытствомъ слушая и рассматривая молодую женщину. Онъ удивлялся той переменѣ, которая произошла съ нею въ продолженіи двухъ лѣтъ. Она значительно развилась, черты лица ея приобрѣли опредѣленность, она стала гораздо лучше.

— Итакъ, продолжала Елена Васильевна, я всей душой рвалась сюда и рѣшительно приходила въ отчаяніе, видя полную невозможность осуществить это желаніе. Отецъ ни за что не соглашался. На мою бѣду, у насъ сталъ часто бывать одинъ господинъ, который, повидимому, былъ очень милъ. Это былъ единственный человѣкъ, присутствіе котораго не раздражало и не стѣсняло меня. Дошло до того, мало по малу, что я привыкла дѣлиться съ нимъ моимъ горемъ, планами, надеждами. Онъ подалъ мысль, за которую я ухватилась, какъ утопающій. Онъ просто предложилъ мнѣ свое имя, увѣряя, что это не свяжетъ ни меня, ни его. Я повѣрила. Вотъ глупая-то! Ну, и попала изъ огня да въ полымя, прибавила она съ горькой улыбкой. Отецъ обрадовался и мы повѣнчались... Однако, я начинаю чувствовать сильно усталость, прервала она себя, сбрасывая сумку.

— Вотъ прекрасно! я даже забылъ предложить тебѣ чаю Леночка, спохватился Викторъ Петровичъ и, позвонивъ, приказалъ подавать самоваръ.

Молодые люди засидѣлись далеко за полночь.

Лампа давно уже тускло мерцала, и слабые лучи дневнаго свѣта начали пробиваться въ комнату. Было четыре часа утра.

— Однако, какой я эгоистъ, мнѣ давно уже слѣдовало уложить тебя спать, Леночка; вѣдь ты должно быть очень устала съ дороги сказалъ Викторъ Петровичъ, переходя теперь уже окончательно на ты.

Онъ собственноручно приготовилъ для нея постель въ соседней комнатѣ, а самъ расположился на диванѣ въ своемъ кабинетѣ. Онъ долго ворочался и тщетно пытался заснуть. Ему невольно припомнилось ихъ первое знакомство, онъ перебиралъ въ умѣ всѣ свои поступки по отношенію къ Еленѣ Васильевнѣ и не могъ не сознавать, что главнымъ образомъ самъ былъ причиной ея увлеченія... Викторъ Петровичъ вспомнилъ, какъ однажды, послѣ двухъ или трехмѣсячнаго знакомства съ ней, онъ какъ-то, неожиданно самъ для себя, слушая ея милую болтовню, обнялъ и поцѣловалъ ее крѣпко, какъ затѣмъ, вскорѣ послѣ того, она ворвалась къ нему въ квартиру и горячо, страстно объяснилась ему въ любви. Тутъ онъ впервые опомнился, что съ такой дѣвочкой шутить нельзя и началъ говорить съ ней серьезно. Она ему очень нравилась, онъ даже былъ увлеченъ ею, но, считая ее ребенкомъ, смотрѣлъ на свои къ ней отношенія, какъ на невинное развлеченіе. Серьезнаго чувства съ ея стороны онъ также не усмотрѣлъ и принялъ его за обыкновенное юношеское скоропроходящее увлеченіе. Ему припомнились всѣ подробности той сцены, когда она явилась къ нему съ твердой рѣшимостью соединить свою судьбу съ его судьбой, а онъ, сконфуженный, стоялъ передъ ней съ опущенной головой и съ растеряннымъ видомъ. Онъ понялъ тогда, что она ни на минуту не сомнѣвалась въ серьезности его чувства къ ней и поэтому она дѣй-

ствовала напрямикъ. Ему стало страшно за нее, совѣсть его мучила, и онъ рѣшился высказаться.

— Я старъ для васъ, Леночка, говорилъ онъ,—мнѣ вѣдь за тридцать лѣтъ, а вамъ еще и двадцати нѣтъ, вы еще не жили, а я въ сущности уже отжилъ. Наконецъ вы сами можете быть ошпааетесь въ своихъ чувствахъ ко мнѣ: весьма вѣроятно, что не пройдетъ и нѣсколькихъ мѣсяцевъ, какъ вы меня позабудете...

Она не хотѣла слушать и только твердила, что любить его и никогда никого другаго не полюбить.

Ватюковъ остался непоколебимъ.

Въ это время обстоятельства складывались такъ, что Викторъ Петровичъ подумывалъ разстаться съ опостылѣвшей ему провинціей: онъ не поладилъ съ новымъ начальникомъ госпиталя, гдѣ служилъ ординаторомъ. Объясненіе съ Леночкой побудило его ускорить свой отъѣздъ,—и они разстались.

Молодая дѣвушка рыдала, а Ватюковъ цѣловалъ ея руки, утѣшалъ и говорилъ, что если она его дѣйствительно любить, то, конечно, они современемъ сойдутся, и тогда счастье ихъ будетъ гораздо прочнѣе. Онъ настаивалъ на необходимости разлуки для испытанія прочности своихъ взаимныхъ чувствъ и Леночка, хотя не соглашалась и горячо спорила о невозможности всѣхъ подобныхъ жестокихъ мѣръ, какъ она говорила, наконецъ, уступила ему.—Ему рисовались всѣ малѣйшія подробности ихъ разговоровъ, всѣ ихъ встрѣчи, ея милая, невинная ласка, и ему уже казалось, что онъ не только увлекался Еленой Васильевной, но и тогда уже любилъ ее.

Голова его горѣла, виски стучали и всѣ событія прожитаго вечера, этотъ неожиданный пріѣздъ Леночки, наполняли какимъ-то пріятнымъ ощущеніемъ все его уставшее тѣло, и онъ сладко заснулъ, когда уже совсѣмъ разсвѣло и на улицѣ поднялся обычный шумъ начинавшагося дня.

II.

Незамѣтно пролетѣло нѣсколько мѣсяцевъ, и наша чета находилась въ это время въ состояніи какого-то опьяненія. Оба они совершенно довольствовались обществомъ другъ друга. Елена Васильевна, очутившись послѣ глухой провинціи въ большомъ и шумномъ городѣ, какъ будто не замѣчала этой перемены и исключительно интересовалась Ватюковымъ. Она наслаждалась своею личною жизнью, отдавалась ей вполне и пока не заглядывала въ будущее.

Однако уже вскорѣ счастье ихъ стало помрачаться постоянными преслѣдованіями законнаго супруга Елены Васильевны, господина Федотова, который пустился въ погоню за женой, и не прошло и трехъ недѣль послѣ приѣзда Леночки, какъ онъ въ свою очередь явился въ Петербургъ.

Оскорбительнымъ письмамъ, требованіямъ свиданія, даже угрозамъ вернуть ее законнымъ порядкомъ по этапу—не было конца.

Федотовы въ самый день своей свадьбы, послѣ роскошнаго завтрака съ шампанскимъ, на которомъ присутствовали только самые близкіе родственники и на которомъ, какъ водится, провозглашались тосты за здоровье и благоденствіе молодыхъ, уѣхали къ себѣ въ имѣніе, откуда Елена Васильевна должна была, по составленному ею раньше проекту, отправиться немедленно дальше въ путь.

Тутъ Иванъ Матвѣевичъ Федотовъ объявилъ ей, что этому никогда не бывать, что онъ былъ въ заговорѣ съ ея отцомъ, что она должна позабыть Ватюкова, смириться, быть доброй женой и стараться сдѣлаться хорошей хозяйкой.

Отецъ Леночки былъ суровый старикъ съ деспотическими замашками, но въ сущности далеко не съ выдержаннымъ характеромъ; онъ никогда не умѣлъ подчинить своему вліянію дочь, часто брюзжалъ на нее, называлъ своевольной дѣвчон-

кой, но она рѣдко въ чемъ уступала ему и мало сходилась съ нимъ. Будучи еще трехлѣтнимъ ребенкомъ, Леночка потеряла мать и росла на свободѣ, почти безъ всякаго присмотра, дѣйствительно своевольничала и подчасъ дѣлала рѣшительно все, что ей ни взбредетъ въ голову. Отецъ обратилъ на нее серьезное вниманіе только въ ту минуту, когда она явилась домой послѣ своего послѣдняго экзамена, получивъ за оказанные успѣхи золотую медаль. Тутъ онъ началъ подумывать о ея судьбѣ и рѣшилъ прибрать ее къ рукамъ...

Не тутъ-то было...

Онъ въ сущности, конечно, любилъ свою дочь, по своему желалъ ей добра и считалъ своею свящею обязанностью устроить судьбу Леночки, а поэтому онъ очень сокрушался и не могъ простить ей ея выходки съ Михайловымъ, надѣлавшей столько шуму, въ городѣ.

— Такого достойнаго человѣка, нерѣдко говаривалъ онъ, притомъ же человѣка со средствами и положеніемъ, никогда не найти!

— Впрочемъ, разсуждалъ онъ далѣе, теперь и перебирать-то жениховъ нечего!

По его мнѣнію, Леночка навсегда скомпрометировала себя своимъ бѣгствомъ изъ-подъ вѣнца, а поэтому, немудрено, что когда представился Федотовъ, какъ претендентъ на руку дочери, то онъ положилъ во что бы то ни стало не упустить этого случая. Опасаясь новаго скандала, онъ стоворился съ Иваномъ Матвѣевичемъ повести это дѣло иначе и порѣшилъ хитростью заставить дочь согласиться на этотъ бракъ. Онъ простодушно вѣрилъ, что его Леночка смирится и позабудетъ Ватюкова.

— Свыкнется и слюбится, думалъ онъ и радовался, что пристраиваетъ дочь хотя и не за такого богатаго человѣка, какъ Михайловъ, но все же за человѣка не безъ средствъ и съ карьерой..

Иванъ Матвѣевичъ былъ маленькій, чистенькій человѣчекъ съ скромными манерами и чахоточной грудью; волосы онъ

гладко причесывалъ на головѣ и особенно какъ-то прилизывалъ на вискахъ; маленькіе вѣчно бѣгающіе глазки смотрѣли изподлобья и недовѣрчиво. Онъ считался однимъ изъ образцовыхъ чиновниковъ и отличался скромностью и умѣньемъ ладить съ кѣмъ нужно; ногти онъ имѣлъ остренькіе, однако выкусать ихъ только изподтишка.

Онъ умѣлъ либеральничать, будучи въ душѣ консерваторомъ, проповѣдывалъ честность, хотя былъ способенъ на всякую подлость, говорилъ о безкорыстїи и немилосердно обиралъ мужиковъ своего небольшого имѣньяца.

Къ Еленѣ Васильевнѣ онъ давно уже питалъ нѣжныя чувства, но, не находя возможности конкурировать съ Ватюковымъ, отъ котораго, какъ это было всѣмъ извѣстно, Леночка была безъ ума, а также и съ другими женихами, въ родѣ Михайлова, которые окружали молодую дѣвушку, онъ держалъ себя въ сторонѣ и выступилъ на сцену только послѣ отъѣзда Виктора Петровича и послѣ случившагося скандала съ Михайловымъ, когда Леночка осталась одинокой и вся предавалась своему горю. Какъ человѣкъ далеко неглупый и ловкій, онъ сразу понялъ, какъ нужно вести себя съ молодой дѣвушкой и живо сдумалъ прїобрѣсти ея довѣріе. Онъ прикинулся человѣкомъ вполне сочувствующимъ ея положенію и планамъ и предложилъ ей свое имя для достиженія ея цѣлей.

Впрочемъ Елена Васильевна и не старалась особенно анализировать его нравственныя качества; она, что называется, отводила съ нимъ душу, говорила о Ватюковѣ, о себѣ, о своихъ намѣреніяхъ, и никогда разговоръ не сводился на его личность.

Она даже особенно не задавалась вопросомъ, съ какою цѣлью онъ, человѣкъ еще молодой, а слѣдовательно и не обреченный на вѣчную холостую жизнь, предлагать ей такую жертву.

Впрочемъ, по ея мнѣнію, это въ сущности составляло такое маловажное обстоятельство, что о немъ и говорить-то не стоило. „Не станетъ-же Федотовъ несчастіемъ оттого, что ему

нельзя будет повѣнчаться съ любимымъ существомъ“, разсуждала Леночка и долѣе не останавливалась на этомъ вопросѣ, тѣмъ болѣе, что инициатива исходила отъ него самого, и онъ же увѣрялъ ее, что этотъ шагъ не можетъ ни въ чемъ стѣснить ни одну изъ заинтересованныхъ сторонъ.

Воспользоваться средствами Ивана Матвѣевича — Леночка также не разсчитывала: у нея было своихъ собственныхъ нѣсколько тысячъ, оставленныхъ ей въ наслѣдство матерью, которая, по завѣщанію, она могла получить только послѣ своего замужества. Это обстоятельство и послужило главнымъ образомъ причиной ея согласія на предложеніе Федотова, — „иначе“, признавалась она Ивану Матвѣевичу, „я и безъ позволенія отца уѣхала бы въ Петербургъ“.

— Пожалуйста, Иванъ Матвѣевичъ, пошлите купить мнѣ чемоданъ, говорила Елена Васильевна въ день своего приѣзда въ деревню, — мой сундукъ оказался нѣсколько великъ и неудобенъ для дороги.

— Хорошо-съ, непременно, отвѣтилъ Иванъ Матвѣевичъ. Но день прошелъ и за чемоданомъ не было послано.

Леночка продолжала собираться въ дорогу, приготовляла необходимые вещи, перебирала свои бумаги.

— Что же, привезли мнѣ чемоданъ, спросила она на другой день.

— Довольно этой мистификаціи, отвѣтилъ ей на это спокойнымъ голосомъ Федотовъ, — я вамъ долженъ объявить, что вы нкуда не поѣдете, а слѣдовательно, вамъ никакого чемодана и не нужно; лучше дайте мнѣ руку и будьте доброй женой.

Кровь бросилась въ голову молодой женщины, она отскочила отъ него на шагъ, но опомнилась и сказала:

— Какъ вы неприлично шутите, Иванъ Матвѣевичъ; удивляюсь вамъ, право!

— Я нисколько не шучу, отвѣтилъ Федотовъ тѣмъ же спокойнымъ голосомъ.

Пѣна показалась у рта Елены Васильевны, и глаза ея на-

лились кровью; злоба душила ее; она готова была броситься на него и растерзать его въ куски.

— Что же это? обманъ? западня? уже почти кричала она, волнуясь все болѣе и болѣе.

Федотовъ стоялъ передъ ней, скрестя руки на груди, въ невозмутимой позѣ и, не повышая голоса, съ напускной небрежностью промолвилъ:

— Какой тамъ обманъ! Вы еще ребенокъ въ сравненіи со мной и должны слушаться меня, какъ мужа...

— Во первыхъ, я вамъ покажу, что я не ребенокъ, а во вторыхъ, вы мнѣ вовсе не мужъ...

— Нѣтъ, сударыня, вы ошибаетесь, я вамъ мужъ, и есть на то законныя доказательства, продолжалъ онъ тѣмъ же убійственно холоднымъ и увѣреннымъ тономъ.

— Я ихъ не признаю...

— Это ребячество, сказалъ онъ, пожавъ плечами.

— Мнѣ все равно, но во всякомъ случаѣ я вамъ должна сказать, что на такіе поступки способны только мерзавцы и негодяи...

Лицо Федотова поблѣднѣло, капли холоднаго пота покрыли его лобъ, но онъ сдѣлалъ надъ собою усиліе и повидному остался спокойнымъ.

— Тише, тише, не горячитесь такъ, сказалъ онъ, подходя къ ней и положивъ ей руку на плечо.

Она отскочила отъ него, точно ужаленная, и смѣрила его съ ногъ до головы взглядомъ, полнымъ презрѣнія.

— Мерзавецъ, гадина, повторила она съ презрительной и горькой улыбкой. Слезы заблестѣли на ея длинныхъ рѣсницахъ.

Иванъ Матвѣевичъ снова сдѣлалъ надъ собою усиліе и снова смолчалъ на эти оскорбленія.

Онъ сознавалъ, что дѣло принимало плохой оборотъ, что не такъ слѣдовало начать его, а поэтому онъ попытался загладить эту сцену лаской и нѣжностью, не подозревая, что такимъ образомъ подливаетъ только масло въ огонь.

— Полно, моя Леночка, началъ онъ, подойдя къ ней и обнимая ее за талию.

— Не смѣйте дотрагиваться до меня, вскрикнула она, оттолкнувъ его съ силой.

Федотовъ еле удержался на ногахъ отъ неожиданнаго удара, схватился за столъ, на которомъ стояла дорогая лампа, и опрокинулъ ее; лампа съ трескомъ разбилась въ мелкія дребезги.

Иванъ Матвѣевичъ позелсѣлъ отъ злости. Онъ окончательно начиналъ терять всякое самообладаніе. Почва уходила у него изъ подъ ногъ, прежней сдержанности не осталось и слѣда.

— Согласитесь, что я долженъ же пользоваться правами законнаго супруга, говорилъ онъ. Я думаю, гораздо приличнѣе цѣловаться съ мужемъ, нежели съ любовникомъ, напримѣръ, хоть съ докторомъ Ватюковымъ, не такъ-ли?

— Не смѣйте произносить этого имени, закричала она, — оно оскверняется въ вашихъ устахъ.

— Нечего тутъ, сударыня, вздоръ молоть; не думайте, что я позволю вамъ пашни заводить, да амурь разводите; довольно уже наскандалили въ дѣвкахъ съ разными Ватюковыми...

— Замолчите, замолчите, прерывала она его задыхаясь, — замолчите, я вамъ говорю... И не успѣлъ онъ докончить послѣдней фразы, какъ звонкая пощечина раздалась въ комнатѣ.

— А, такъ ты драться, дрянная дѣвчонка! Я тебя проучу! Вотъ я тебя свяжу, такъ ты у меня отвыкнешь драться, шипѣлъ Иванъ Матвѣевичъ, схвативъ крѣпко за руки молодую женщину.

Почувствовавъ свое полное безсиліе въ желѣзныхъ лапахъ Федотова, Елена Васильевна разразилась страшными рыданіями.

Иванъ Матвѣевичъ, испугавшись истерики, выпустилъ ее, наконецъ, изъ своихъ объятій.

Она заперлась въ своей комнатѣ, бросилась на постель и долго нервно рыдала. Успокоившись немного, Леночка начала обдумывать средства выйти изъ этого гнуснаго положенія.

Впрочемъ, ей казалось, что Федотовъ долженъ одуматься и что, въ особенности послѣ всего случившагося, онъ не станетъ удерживать ее оставаться съ нимъ.

Она поспѣшила написать къ нему записку съ просьбой одолжить ей лошадей доѣхать до станціи желѣзной дороги, отстоящей отъ его имѣнія въ ста верстахъ.

Онъ грубо велѣлъ передать ей черезъ горничную, что лошадей она не получитъ, и что ей нечего собираться въ дорогу, потому что она никуда не уѣдетъ. Тогда она вторично написала записку, объявивъ ему, что ничто на свѣтѣ не можетъ удержать ее здѣсь, а по этому она еще разъ просить его одуматься...

На это не послѣдовало никакого отвѣта. Тогда она рѣшилась бѣжать. Но Иванъ Матвѣевичъ былъ человекъ предусмотрительный и принялъ всѣ мѣры предосторожности для предупрежденія побѣга. Онъ слѣдилъ за каждымъ ея шагомъ, за каждымъ ея приказаніемъ и ни на минуту не терялъ ее изъ виду. Она поняла, что онъ способенъ задержать ее грубой физической силой, а поэтому выжидала только удобнаго случая для своего бѣгства. Проходили длинные, томительные, тяжелые дни, и Леночка сидѣла у себя въ заперти, какъ въ одиночномъ заключеніи. Иванъ Матвѣевичъ снова сдѣлался милъ, любезенъ, предупредителенъ и не терялъ еще надежды примириться съ женой, хотя Елена Васильевна съ нимъ совершенно не говорила и положительно избѣгала встрѣчаться съ нимъ.

Онъ даже нѣсколько разъ пытался ворваться къ ней въ комнату, но она рѣшительно противилась этому, запираясь на ключъ и угрожая скандаломъ... Обѣ стороны выжидали: удобнаго случая для бѣгства, онъ — ея смиренія. Такимъ образомъ прошло около двухъ недѣль. Однажды, когда Федотову представилась необходимость отлучиться на нѣсколько часовъ изъ дому, и Леночка увидала, какъ подкатили къ крыльцу его прекрасные рысаки и какъ за тѣмъ они увезли ея милаго супруга, она рѣшилась не терять ни минуты, живо

накинула на себя верхнее платье и бросилась къ дверямъ... къ однимъ, къ другимъ, но всѣ выходы оказались запертыми. Она начала звать прислугу, звонить, но никто не откликнулся на ея зовъ. Тогда она попыталась выломать дверь, но вскорѣ должна была отказаться отъ этого намѣренія. У нея мелькнула мысль бѣжать черезъ окно. Не долго думая, она выбила стекло и заглянула внизъ. Оказалось, что окно отстоитъ отъ земли не выше сажени, и что по карнизу можно легко спуститься въ полисадникъ выходившій на большую дорогу. Испаравъ себѣ руки и разорвавъ платье, она наконецъ очутилась на свободѣ. Не теряя времени, Леночка пустилась бѣжать безъ оглядки и вздохнула только свободно, когда усадьба скрылась за густой рощей. Такимъ образомъ, она добралась до ближайшей деревни, здѣсь наняла мужика и на простой телѣгѣ доѣхала до города.

Она явилась къ отцу изнеможенная, усталая, худая и блѣдная и умоляла его помочь ей бѣжать отъ этого ненавистнаго человѣка, какъ она называла Федотова. Отецъ испугался страшныхъ припадковъ отчаянія дочери, старался ее успокоить, не велѣлъ принимать въ домъ эксъ-супруга, и самъ посѣщилъ собрать Леночку въ дорогу, опасаясь новыхъ скандаловъ и разныхъ сплетень.

Теперь Иванъ Матвѣевичъ, хотя и сознавалъ, что дѣло его было проиграно, но, по мстительности своей натуры, рѣшился преслѣдовать жену и пустился за нею въ погоню. Отыскавъ ее въ Петербургѣ, онъ чуть ли не ежедневно началъ ее беспокоить различными каверзами. Но при всемъ этомъ Федотовъ оказался трусишкой. Когда однажды онъ добивался свиданія съ Еленой Васильевной, Викторъ Петровичъ вышелъ къ нему и пригрозилъ спустить его съ лѣстницы, если онъ не прекратитъ своихъ преслѣдованій, Иванъ Матвѣевичъ ступшевался. Но не успокоился. Онъ задумалъ требовать жену черезъ полицію.

Но и Елена Васильевна не теряла времени: она дѣтельно хлопотала о полученіи себѣ отдѣльнаго вида на жительство.

Молодой женщинѣ пришлось не мало обѣгать разныхъ канцелярій и побывать у многихъ болѣе или менѣе высокопоставленныхъ личностей, отъ которыхъ зависѣло рѣшеніе ея участи.

— Такъ вы непремѣнно желаете получить отдѣльный видъ на жительство, спрашивалъ ее одинъ изъ этихъ господъ, причемъ его маслянистые, маленькіе глазки сладострастно глядѣли на Елену Васильевну, — и твердо порѣшили не мириться съ мужемъ?

— Да, я подала объ этомъ прошеніе, уклончиво отвѣчала Леночка, не желая входить съ нимъ ни въ какія подробности своей семейной жизни.

— Хорошо, хорошо, это можно будетъ устроить; собственно вѣдь это не отъ меня зависитъ, но я могу содѣйствовать, помочь вашему дѣлу. А вы давно изволили пріѣхать въ Петербургъ?

— Недавно, отвѣтила она коротко.

— Съ кѣмъ же вы живете въ настоящее время? продолжалъ допытывать ее чиновникъ, и глазки его все болѣе и болѣе щурились и утопали въ жирныхъ щехахъ.

— Такъ когда я могу надѣяться получить видъ? спросила Елена Васильевна, дѣлая видъ, что не разслышала его вопроса, и поднялась съ мѣста.

— Заходите завтра, и я вамъ дамъ опредѣленный отвѣтъ, сказалъ чиновникъ, пожимая ея маленькую ручку, которая скрылась въ его пухлой ладони.

Насталъ и завтрашній день. Леночка снова явилась. На этотъ разъ чиновникъ былъ смѣлѣе и, не вдаваясь въ дальнѣйшія подробности, объявилъ ей, что дѣло ея легко можетъ быть улажено.

— Стоитъ только вамъ самой захотѣть, прибавилъ онъ, умилно поглядывая на нее.

— Я очень этого желаю, отвѣтила Елена Васильевна, въ недоумѣніи глядя на него.

— Такъ вы согласны на мое предложеніе, радостно вос-

кликнуть онъ: я постараюсь обставить васъ прилично, доставить вамъ извѣстный комфортъ...

— Я васъ не понимаю, перебила его Леночка, вся вспыхнувъ и догадываясь въ чемъ дѣло.

— Allons donc, mon enfant, сказалъ ей чиновникъ и, быстро придвинувъ къ ней свое кресло, взялъ ее за обѣ руки.

Елена Васильевна отодвинулась отъ него еще быстрее и промолвила:

— Милостивый государь, я явилась сюда по дѣлу и не подаю вамъ никакого повода оскорблять меня...

— Какое вы еще, дитя, право! Подобное предложеніе можетъ только льстить вамъ...

— Я васъ прошу кончить этотъ разговоръ и отвѣтить мнѣ на мой вопросъ: могу ли я получить видъ, и когда именно?

— Это не отъ меня зависитъ-сь, сказалъ чиновникъ, разводя руками и принимая холодно-почтительную позу.

Елена Васильевна взглянула на него презрительно и затѣмъ, не поклонившись, вышла вонъ.

Озлобленная, она вернулась домой и долго еще не могла успокоиться отъ нанесеннаго ей оскорбленія. Много еще было разныхъ неудачъ, покуда, наконецъ, она не добилаь себя паспорта.

— Ну, подумала она, наконецъ-то мнѣ можно будетъ вздохнуть свободно!

III.

Первые порывы страсти улеглись, и, мало-по-малу, въ жизнь Ватюковыхъ начиналъ вкрадываться тотъ монотонно-скучный элементъ, со всѣми, почти неминуемыми, мелочами и дрязгами, которыя наблюдаются вообще въ нашей семейной жизни средняго круга, имѣющаго въ своемъ распоряженіи скромныя средства къ жизни и большія наклонности къ роскоши и удобствамъ.

Притомъ же, наша молодая чета находилась въ исключительныхъ условіяхъ. Елена Васильевна, не желая играть роли любовницы Виктора Петровича, спѣшила поставить свою жизнь на семейную ногу и объявила Ватюкову, что не намѣрена ни передъ кѣмъ скрывать своихъ отношеній къ нему.

На первыхъ порахъ Ватюковъ не принималъ къ себѣ никого изъ знакомыхъ, подѣ предлогомъ спѣшной научной работы, въ которой, дѣйствительно, засталъ его врасплохъ пріѣздъ Леночки. Когда его мелькомъ встрѣчали гдѣ нибудь его пріатели и друзья, то невольно поражались той переменной, какая произошла въ немъ: онъ сіялъ, казался довольнымъ, и никто не умѣлъ объяснить себѣ этого превращенія. Вѣчно хандращій, вѣчно недовольный и нервный, онъ превратился въ живаго, веселаго и дѣятельнаго человѣка. Леночка была очень самолюбива и никогда не рѣшилась бы играть двусмысленной роли; уже одна мысль о томъ, что Ватюковъ можетъ стѣсняться, передъ кѣмъ бы то ни было, называть ее своей женой, страшно оскорбляла и волновала ее.

Викторъ Петровичъ, наоборотъ, весьма затруднялся этимъ обстоятельствомъ и покуда тщательно скрывалъ пріѣздъ Леночки отъ всѣхъ своихъ знакомыхъ.

Однажды къ нему, неожиданно, ворвался одинъ его хорошій товарищъ, который давно не видался съ нимъ и интересовался его работой. Онъ ожидалъ застать Ватюкова одного и притомъ погруженнаго въ свои занятія. Ему представилась совершенно другая картина. Викторъ Петровичъ сидѣлъ рядомъ близехонько съ Еленой Васильевной, которая, въ нарядномъ восточномъ халатѣ, съ широкими шитыми рукавами, разливала чай. Товарищъ, было, попытался, но Ватюковъ остановилъ его и, послѣ обоюдныхъ обычныхъ привѣтствій, предложилъ ему стаканъ чаю. Однако Викторъ Петровичъ не представилъ его Еленѣ Васильевнѣ, и она сидѣла, какъ на иголкахъ. Разговоръ не клеился. Гость искоса поглядывалъ на молодую женщину и подумывалъ: „такъ вотъ отчего онъ теперь прячется, и его нигдѣ не видно. Это понятно! А она очень недурна!“

Всѣ трое сознавали натянутость положенія. У Леночки кипѣло въ груди. Пріятель отказался отъ новаго предложеннаго ему стакана чаю и поспѣшилъ удалиться.

Не успѣла захлопнуться за нимъ дверь, какъ Леночка встала съ своего мѣста и, проницательно глядя на Виктора Петровича, съ нѣкоторымъ озлобленіемъ сказала:

— Ужъ не думаешь ли ты меня прятать, Викторъ? Или мое присутствіе компрометируетъ тебя?

— Какой вздоръ ты говоришь, Леночка!

— Иначе, вѣдь ты бы познакомилъ меня съ этимъ господиномъ.

И за этимъ послѣдовалъ длинный разговоръ.

Ватюковъ доказывалъ, что невозможно всѣхъ заставить думать по своему, что онъ не знаетъ убѣжденій этого господина, что онъ не желаетъ ставить ни ее, ни себя въ глупое положеніе и т. д.

Она слушала его, все болѣе и болѣе раздражаясь и перебивая его постоянно замѣчаніями, изъ которыхъ онъ могъ понять, что она вовсе не намѣрена скрывать своего съ нимъ сожителства, что она готова всѣмъ на свѣтѣ объявить, что она живетъ съ нимъ на правахъ жены, и даже высказала мысль, что считаетъ свой бракъ безконечно нравственнѣе тысячи другихъ законныхъ браковъ.

— Согласись, возразилъ Ватюковъ, что нельзя же всѣхъ заставить считать тебя моею женою, тѣмъ болѣе, что, вѣдь, знаютъ, что я женатъ, несомнѣнно, узнаютъ также, что и ты замужемъ...

— Никого не надо заставлять, горячилась Елена Васильевна,—а такихъ людей, которые смотрятъ на меня, какъ на твою любовницу, порядочный человѣкъ, на твоемъ мѣстѣ, не сталъ бы принимать къ себѣ въ домъ.

— Полно, Лена, мы сошлись вовсе не для того, чтобы стѣснять свободу другъ друга, я не могу же отвернуться, ради тебя, отъ всѣхъ своихъ пріятелей.

— Хороши же у тебя пріятели.

Молодые люди долго еще спорили, и Ватюковъ, въ заключеніе, сказалъ, что обо всемъ этомъ говорить не стоитъ.

— Женщина, по моему мнѣнію, никогда не можетъ быть товарищемъ мужчины, прибавилъ Викторъ Петровичъ, — напротивъ, они оба точно спѣшаютъ наложить цѣпи другъ на друга... пояснилъ онъ свою мысль, не подозрѣвая, какъ всякое его слово, будто острымъ ножомъ, кололо прямо въ сердце Леночки.

Слова его явились результатомъ уже нѣкотораго накопившагося раздраженія за послѣднее время. Его, мало по малу, начинала тяготить застигшая его врасплохъ новая обстановка жизни, съ которою онъ совершенно пока не умѣлъ справиться.

Эгоистъ и баловень судьбы, онъ любилъ только пожинать лавры и не умѣлъ и не хотѣлъ стѣснять себя въ чемъ либо. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые бываютъ прекрасными любовниками и очень плохими мужьями. Въ первые дни Викторъ Петровичъ былъ страстно увлеченъ Леночкой, посвящалъ ей все свое время и былъ неразлученъ съ ней, но затѣмъ онъ вскорѣ какъ-то охладѣлъ къ ней, общество ея начинало тяготить его, и онъ, по немножку, сталъ удаляться отъ нея, часто выходилъ изъ дому одинъ, и еще чаще, подъ предлогомъ работы, просиживалъ цѣлые часы, запершись у себя въ кабинетѣ. Леночка не хотѣла допустить такой перемѣны въ ихъ жизни, она, по прежнему, желала быть вѣчно съ нимъ, знать, что онъ дѣлаетъ, помогать ему въ его работахъ, читать вмѣстѣ, дѣлить пополамъ, какъ она говорила, радость и горе. Она мечтала о такомъ сожителствѣ, въ которомъ любовь основывается на разумныхъ, товарищескихъ отношеніяхъ, а Ватюковъ часто не понималъ ее и раздражался, считая, что ея требованія вытекаютъ изъ эгоистическихъ побужденій.

— Я не могу отказаться ради тебя отъ всѣхъ и отъ вся, говаривалъ онъ ей, — подобныя отношенія ни въ какомъ случаѣ не могутъ служить къ сближенію, а лишь къ разъединенію людей, прибавилъ онъ.

Однако Викторъ Петровичъ временами чувствовалъ себя

счастливымъ, его самолюбію льстила та мысль, что такая прекрасная натура, какъ Леночка, могла до такой степени беззавѣтно отдаться ему всей душой; съ другой стороны — эти постоянныя преслѣдованія, какъ онъ называлъ поведеніе Елены Васильевны, верѣдко сильно тяготили его, и онъ возмущался всякій разъ, когда, явившись домой, она забрасывала его вопросамъ, гдѣ онъ былъ, что видѣлъ, съ кѣмъ встрѣтился, получилъ ли письмо и отъ кого именно и т. д. Онъ неоднократно твердилъ, что все это ведетъ лишь къ обоюдному стѣсненію свободы, причемъ всякій разъ Леночку точно обливали холодной водой, и она или горячо спорила съ Викторомъ Петровичемъ, или же, не говоря ни слова, уходила къ себѣ. Ватюковъ въ этихъ случаяхъ также упрямылся, и, такимъ образомъ, зачастую случалось, что въ продолженіи цѣлаго дня они почти не выдались и не говорили другъ съ другомъ ни слова.

— Какъ это все глупо, мелочно, рассуждалъ Викторъ Петровичъ — и вотъ опять почти буквальное повтореніе моей прежней жизни... Я снова попалъ въ какой-то омутъ... Какъ глупо повторять ошибки и переживать ихъ вторично...

Елена Васильевна скоро уже должна была сдѣлаться матерью. Викторъ Петровичъ, благодаря новой обстановкѣ, почти совершенно пересталъ появляться въ томъ кругу общества, въ которомъ онъ вращался прежде, и это обстоятельство еще болѣе способствовало развитію его нервозности; онъ принимался хандрить, часто раздражался и, желая на комъ нибудь выместить свое болѣзненное настроеніе, придирался къ Леночкѣ. То, что ему прежде нравилось въ ней, въ томъ теперь онъ верѣдко упрекалъ ее: небрежно заплетенная коса, какая нибудь рѣзкая выходка, смѣлое, незаурядное сужденіе, все это служило предлогомъ къ замѣчаніямъ. Одно онъ находилъ неприличнымъ, другое — эксцентричнымъ. По малѣйшему поводу возникали горячіе споры, обѣ стороны не уступали и, наконецъ, недовольные расходились по своимъ комнатамъ. Размолвкамъ и недомолвкамъ не было конца.

Леночка утѣшала себя тѣмъ, что Викторъ Петровичъ неро-

ный человекъ, что эта тяжелая полоса непременно должна пройти, и что они снова заживутъ по прежнему, какъ въ тѣ дни, когда она только что пріѣхала.

— Притомъ же я сама вспыльчивая, неуступчивая, казнила она себя,—въ особенности теперь... Немудрено, что онъ раздражается... Я увѣрена, что когда у насъ родится ребенокъ, то будетъ совсѣмъ не то...

Подобныя мысли ее успокоивали, и она опять являлась къ своему Виктору, опять обнимала, цѣловала его, даже извинялась передъ нимъ...

Викторъ Петровичъ разсуждалъ въ томъ же направленіи.

— Конечно, теперь нужно потерпѣть, а когда она станетъ матерью, то я поставлю жизнь нашу на совершенно иную ногу.

Однако нужно было приготовляться къ появленію на свѣтъ новаго маленькаго существа, а потому Ватюковы порѣшили переѣхать изъ меблированныхъ комнатъ и нанять квартиру. Пришлось обзавестись обстановкой. Появились на сцену неинтересные, но неизбѣжные и очень важные, въ особенности при небольшихъ средствахъ, вопросы — о прислугѣ, о нянькѣ, о завтрашнемъ обѣдѣ и т. д. Все это живо напоминало Ватюкову его жизнь съ первой женой, его раздражали всякія мелкія хозяйственныя дразги, и, подчасъ, ему хотѣлось бѣжать вонъ, куда — онъ и самъ того не зналъ.

А Елена Васильевна, по прежнему, утѣшала себя, что пройдетъ извѣстный періодъ времени, и они лучше поймутъ другъ друга и лучше заживутъ.

Недоразумѣнія однако возникали все чаще и чаще.

Однажды Еленѣ Васильевнѣ случилось уѣхать по дѣлу на нѣсколько дней изъ Петербурга, и Викторъ Петровичъ почувствовалъ, точно крылья у него выросли за плечами. Онъ испытывалъ нѣчто въ родѣ того ощущенія, которое переживаютъ вышедшіе на волю заключенные; онъ радовался свободѣ, которую, какъ ему казалось, отняла у него его сожительница. Онъ отправился въ театръ, игралъ на бильярдѣ, посѣтилъ

многихъ знакомыхъ, съ которыми давно не видался, и ему казалось, что онъ долженъ пользоваться не только часами, но и минутами отсутствія Леночки. Ватюковъ съ удовольствіемъ вспоминалъ, что никто у него дома не спроситъ отчета въ проведенномъ днѣ, никто не будетъ упрекать, что онъ долго отсутствовалъ, никто не станетъ упрашивать пойти туда, куда ему не хочется, или заняться тѣмъ, что для него неинтересно.

А Елена Васильевна, наоборотъ, торопилась какъ можно скорѣе покончить со своимъ дѣломъ, чтобы вернуться домой и обнять своего милаго.

„Неужели же я не люблю ее“, разсуждалъ Викторъ Петровичъ, анализируя свои чувства къ Леночкѣ: — „нѣтъ, это неправда; я люблю ее, и даже очень люблю“, убѣждалъ онъ себя, „но нашъ общественный строй таковъ, что мужчина съ женщиной могутъ быть только или любовниками, или врагами... товарищество между мной и Леной невысказано! Такая семейная жизнь, какъ наша, и какъ она вообще устраивается всюду, есть дѣйствительно могила любви... Экая подлая жизнь“, заключилъ онъ, „за что же мы будемъ забѣдять жизнь другъ друга?“

IV.

Въ небольшой комнатѣ, въ которой молодая женщина помѣстилась со своимъ сыномъ, и гдѣ каждая вещь напоминала заботливую руку матери, старавшейся превратить эту келію, по возможности въ идеальную дѣтскую, стояла Елена Васильевна, въ бѣломъ капотѣ и съ засученными до локтей рукавами, наклонившись, надъ ванночкой и держала въ рукѣ большую губку, которою обмывала малютку; ребенокъ своими розовыми рученками и ноженками дѣлалъ разныя нецѣлесообразныя движенія, какъ будто непремѣнно стараясь своими крошечными кулачками попасть себѣ же въ глаза. Елена

Васильевна все время разговаривала съ малюткой, точно та способна была понять ее.

Волосы Леночки пришли въ безпорядокъ, она вся раскрасивлась и, не замѣчая усталости, наслаждалась своимъ произведеніемъ.

Туть же вертѣлась няня, высокая, здоровая дѣвушка съ очень развитыми формами, въ русскомъ сарафанѣ и съ рябоватымъ, но открытымъ и добродушнымъ лицомъ. Она приготовляла пеленки, одѣяльца, поправила крошечную постельку и ожидала теперь, чтобы барыня кончила купать Петю.

— Не пора ли, барыня, вынимать Пегяиньку, спросила она Елену Васильевну, обращаясь къ ней просто, безо всякаго подобострастія.

— Посмотрите который часъ, Настя, сказала Елена Васильевна. — Ну вотъ, черезъ минуту, тогда и довольно. Агу, агу, продолжала она обращаться къ Петѣ, которому, повидимому, ванна уже надоѣла, и онъ начиналъ проявлять признаки нетерпѣнія.

— Можно къ вамъ войти? спросилъ Викторъ Петровичъ, вернувшись только что домой, — я привезъ съ собою Витю.

Витя былъ сынъ Ватюкова отъ его перваго брака и, нѣсколько дней тому назадъ, пріѣхалъ съ матерью въ Петербургъ. Викторъ Петровичъ встрѣтился со своей бывшей женой спокойно, хотя нѣсколько холодно, былъ очень радъ видѣть сына и просилъ отпустить его къ себѣ, тѣмъ болѣе, что Елена Васильевна настаивала на этомъ.

— Ну, я тебѣ дома покажу живую куклу, говорилъ отецъ сыну, усадивъ его на извозчика.

Витѣ было уже около семи лѣтъ, онъ нѣсколько напоминалъ отца, глазенки его быстро бѣгали, и онъ казался очень живымъ ребенкомъ.

— Живыхъ куколъ не бываетъ, отвѣтилъ онъ бойко.

— Папка, отчего ты теперь съ нами не живешь? началъ опять мальчикъ, няня говоритъ, что съ тобою было гораздо лучше.

— Оттого, что у меня дѣла, другъ мой, отвѣтилъ отецъ, застигнутый врасплохъ и не зная, что сказать ему на это

— Какъ будто и съ нами нельзя дѣлать дѣла! Нѣтъ, папка, скажи, скажи, отчего, продолжалъ приставать сынъ.

— Смотри, Витя, вотъ мы и пріѣхали домой, сказалъ Викторъ Петровичъ, дѣлая видъ, что не слышитъ вопроса мальчика. ?

Ватюковъ ввелъ Витю въ дѣтскую.

— Ну, вотъ и живая кукла, о которой я тебѣ говорилъ, промолвилъ онъ, обращаясь къ сыну и указывая на Петю, покоившагося уже на рукахъ Леночки.

— Да это маленькій ребенокъ! воскликнулъ Витя, засмѣявшись.

— Ну да, и этотъ маленькій ребенокъ—твой братъ, любя его, Витя. А эта тетя, продолжалъ Викторъ Петровичъ, положивъ руку на плечо Елены Васильевны.—мама-твоего брата, ты тоже долженъ любить ее.

Леночка протянула руку мальчику, но онъ нехотя отвѣчалъ на ея пожатіе и стоялъ въ раздумьи.

— Поцѣлуй же брата, сказалъ отецъ.

— Я не люблю маленькихъ дѣтей, отвѣтилъ бойко Витя и, взявъ за руку отца, сказалъ ему:

— Пойдемъ отсюда.

Какъ ни было наивно поведеніе ребенка, но вся эта сцена тяжело подѣйствовала на Елену Васильевну.

Она въ глубокомъ раздумьи глядѣла на своего Петю, покрывая его тысячами поцѣлуевъ, которые только беспокоили малютку, и отъ которыхъ онъ отбояривался, какъ умѣлъ, то щуря глаза, то ворочая головкой.

Въ головѣ же Вити все перепуталось, слова отца глубоко запади ему въ душу, онъ продолжалъ думать о нихъ, но ничего не могъ понять. Мальчикъ смутно о чемъ-то догадывался, какое-то чувство, похожее на ревность, смущало его душу, и онъ порѣшилъ, во что бы то ни стало, выяснить себѣ этотъ вопросъ.

Съ этой цѣлю онъ нашель нужнымъ поговорить съ той тетей, которая, какъ объявилъ ему отецъ, была матерью его брата. Ему хотѣлось, однако, чтобы Викторъ Петровичъ не присутствовалъ при этомъ разговорѣ.

Онъ выждалъ удобную минуту и отправился въ дѣтскую.

— А, Витя, это ты? спросила Елена Васильевна, взглянувъ на скрипнувшую дверь.—Войди, голубчикъ, войди! Посмотри, какъ Петя хорошо улыбается.

Витя остановился у самой двери, предварительно тщательно притворивъ ее, заложилъ руки назадъ и молчалъ.

— Какъ онъ вамъ приходится? спросилъ онъ, спустя минуту, мотнувъ головой въ сторону ребенка.

— Это мой сынъ.

— А папъ?

— Тоже сынъ.

Мальчикъ задумался.

— А какъ его величаютъ? спросилъ онъ затѣмъ, съ насмѣшливымъ оттѣнкомъ въ голосѣ.

— Что значить величаютъ?

— То есть, какъ его зовутъ по отчеству?

— Викторовичемъ, отвѣтила Елена Васильевна.

— У меня никогда не было братьевъ, промолвилъ Витя, пожавъ плечами.—Смѣхъ, да и только! прибавилъ онъ и выѣжалъ вонъ изъ комнаты.

V.

Надежды Елены Васильевны не оправдались: никакого товарищества она не достигла въ своемъ сожителствѣ съ Викторомъ Петровичемъ, а напротивъ, чѣмъ дальше, тѣмъ жизнь ихъ какъ-то все болѣе и болѣе раздѣлялась, и они стали походить на тѣхъ безчисленныхъ супруговъ, гдѣ каждый занятъ своимъ собственнымъ дѣломъ, гдѣ оба глядятъ въ разные стороны и разговариваютъ другъ съ другомъ, чуть ли не исклю-

чительно за обѣдомъ или въ спальнѣ, гдѣ супругъ рветъ и мечетъ за то, что у него взяли перо съ его письменнаго стола или передожили его книгу на другое мѣсто, обвиняя во всемъ жену и проклиная хозяйственные порядки.

Викторъ Петровичъ тоже убѣдился, что поставить жизнь на другую ногу, какъ онъ прежде рассчитывалъ, было дѣломъ невозможнымъ. Елена Васильевна не хотѣла отказаться отъ своихъ идеаловъ—и по прежнему пыталась найти, такъ сказать, точки соприкосновенія въ ихъ сожителствѣ, а Ватюковъ говорилъ ей на это, что „она врывается къ нему въ душу“.

Когда недоразумѣнія продолжались, и Викторъ Петровичъ не предвидѣлъ имъ конца, то первой его мыслью было разойтись съ Еленой Васильевной, и, такимъ образомъ, освободить другъ друга отъ этой, ни для кого ненужной борьбы и вѣчныхъ мученій.

„Мы совершенно ни въ чемъ съ ней не сходимся“, разсуждалъ онъ, „у насъ рѣшительно нѣтъ ничего общаго: она еще ребенокъ, вѣрить и ищеть какихъ-то идеаловъ, я же человѣкъ почти отжившій, разочарованный?“..

Но, вслѣдъ за этимъ, у него появлялись другого рода мысли.

„Развѣ т е п е р ь—в р е м я“, мелькало у него въ головѣ, „думать о томъ, что мы люди неподходящіе? Смѣю ли я т е п е р ь сказать ей объ этомъ? Вѣдь это значило бы окончательно разбить ея жизнь... А сколько ей пришлось перестрадать, не достигнувъ еще и совершеннолѣтія! И, надо вѣдь сознаться, что, главнымъ образомъ, я былъ причиной этихъ страданій... но все-таки, если жизнь наша будетъ продолжаться въ томъ же духѣ, то мы кончимъ тѣмъ, что окончательно загрыземъ другъ друга! За что же мы будемъ заѣдать и мучить одинъ другого! Но въ чемъ она виновата? Неужели же только въ томъ, что меня любить?“

Такъ разсуждалъ онъ цѣлыми часами, маршируя изъ угла въ уголъ въ своемъ кабинетѣ, или переворачиваясь съ боку на бокъ на постели.

Иногда, когда онъ бывалъ въ хорошемъ расположеніи духа, день проходилъ мирно, безо всякихъ недоразумѣній съ Леночкой, и мысли его принимали другой оборотъ. Ему казалось, что всѣ ихъ размолвки, которымъ онъ придавалъ такое серьезное значеніе, не имѣютъ собственно никакой цѣны, и что они могутъ быть хорошими друзьями съ Еленой Васильевной. Тогда онъ отправлялся къ ней, затѣвалъ какуюнибудь прогулку, развлеченіе,—время проходило мило, весело, и Леночка опять чувствовала себя счастливой, а Ватюковъ—довольнымъ.

Но этотъ домашній миръ и спокойствіе обыкновенно продолжались недолго. Супруги вообще часто разыгрываютъ изъ себя взрослыхъ дѣтей: нежданно-негадано, по поводу какогонибудь пустяка, у нихъ возникаютъ споры, которые нерѣдко влекутъ за собою настоящую ссору.

Появляются на сцену разнаго рода упреки, незаслуженныя оскорбленія, послѣ которыхъ нельзя не удивляться, какъ люди, дѣйствительно, не разошлись окончательно и продолжаютъ тянуть свою лямку. Такъ бывало и съ Ватюковыми. Съ одной стороны, Викторъ Петровичъ, какъ человекъ нервный и раздражительный, часто позволялъ себѣ говорить колкости и разнаго рода неприятныя вещи, съ другой — Леночка, хотя иногда и не отвѣчала на его оскорбленія, но затѣмъ также неожиданно раздражалась цѣлымъ потокомъ упрековъ, и дѣло не разъ кончалось слезами, доходившими чуть ли не до истерики. Тогда Викторъ Петровичъ захлопывалъ дверь, убѣгалъ къ себѣ, и у Ватюковыхъ снова царилъ мертвая тишина съ тѣмъ оттѣнкомъ горя и унынія, который замѣчается всегда въ домахъ, гдѣ произошло какоенибудь несчастье или тяжелая утрата. Викторъ Петровичъ начиналъ снова хандрить и не говорилъ съ Леночкой по цѣлымъ днямъ.

„Какъ тутъ разойтись“, часто думалъ онъ:—„не мудроно, что у Вити голова закружилась отъ моей жизненной обстановки... Тутъ самъ чортъ ногу сломаешь: она замужемъ, я женатъ, у меня отъ одной жены сынъ, отъ другой — опять

сынъ... Что я буду изображать изъ себя, когда разойдусь съ Леной? А что будетъ съ ней? А ребенокъ?"

Мысли его запутывались, и онъ не находилъ исхода изъ этого положенія. Въ послѣднее время Ватюковъ исключительно былъ занятъ этимъ вопросомъ, и въ его душѣ происходила жестокая борьба. Онъ анализировалъ свои чувства къ Леночкѣ, свои къ ней отношенія, искалъ повода оправдать себя въ своихъ глазахъ, въ томъ случаѣ, если онъ окончательно рѣшится разстаться съ ней, но у него не доставало духа обвинить ее въ чемъ либо...

Такъ проходили дни, недѣли, и онъ все продолжалъ мучиться и беспокоиться этими преслѣдовавшими его мыслями. Наконецъ наступилъ кризисъ, и плодомъ его долгихъ размышленій явилось рѣшеніе смириться и не покидать Леночки.

„Нѣтъ, это было бы подло съ моей стороны“, заключилъ онъ, „я не въ правѣ сдѣлать этого шага... Теперь настала и моя очередь уступать немного. Надо помириться съ этой жизнью... Итакъ, аминь! Положенъ крестъ. Пусть будетъ, что будетъ, — и посмотримъ, что изъ всего этого будетъ дальше?..."

Еленѣ Васильевнѣ ни разу даже въ голову не приходило, что Викторъ Петровичъ можетъ мучиться подобными чувствами: она совершенно не догадывалась о его борьбѣ, а онъ, конечно, никогда не рѣшался намекнуть о ней Леночкѣ, предчувствуя и понимая, какъ подобная откровенность могла бы подѣйствовать на нее, и опасаясь, что она, пожалуй, способна на какой нибудь отчаянный поступокъ...

Между тѣмъ, Леночка попрежнему любила Виктора Петровича, вѣрила и въ его чувства къ себѣ, хотя, конечно, жизнь ихъ совершенно не удовлетворяла ее.

Съ того момента, какъ Ватюковъ порѣшилъ, что онъ не можетъ, что онъ не долженъ разойтись съ Леночкой, ихъ жизнь опять нѣсколько измѣнилась и приняла еще болѣе обыденный характеръ нашей русской семейной жизни.

Викторъ Петровичъ утромъ уходилъ на службу и на прак-

тику, являлся домой къ обѣду, послѣ обѣда спалъ по цѣлымъ часамъ, вечеромъ садился за работу или читалъ.

Елена Васильевна усердно начала готовиться къ своимъ экзаменамъ, съ любовью возилась съ сыномъ, но и она начинала понимать полезѣйшую рознь съ Викторомъ Петровичемъ, чувствовала себя вполне одинокой и сильно тосковала.

„Неужели же я такъ страстно рвалась къ такой жизни“, раздумывала она въ минуты своей грусти.

Всякій пережитый день приносилъ только одни разочарованія и безжалостно разбивалъ ея идеалы.

Ежедневно, когда Викторъ Петровичъ возвращался со службы домой, она выбѣгала къ нему на встрѣчу и торопилась обнять его.

— Постой, дай раздѣться, говорилъ онъ ей, зачастую не отвѣчая на ея нѣжныя ласки.

— Викторъ, голубчикъ, не ложись спать послѣ обѣда, какъ-то однажды просила Елена Васильевна, когда Ватюковъ допивалъ послѣдній глотокъ своего послѣобѣденнаго кофе и лѣниво потягивался на стулѣ, приготавливаясь къ сладкому сну.

— Леночка, ну какъ ты хочешь, чтобы я отказался отъ своихъ давнишнихъ привычекъ! Какія у тебя странныя требованія!

— Вѣдь ты же никогда не спалъ послѣ обѣда въ первые мѣсяцы нашей совмѣстной жизни.

— Да, но вѣдь невозможно же быть вѣчно въ такомъ состоянїи, которое мы уже пережили съ тобой.

— Неужели же мы настолько надобѣли другъ другу, что намъ скучно провести часокъ-другой вмѣстѣ, вдвоемъ, возразила Елена Васильевна, укоризненно глядя на него.

— Какое ты дитя, право! Развѣ можно вѣчно объясняться другъ другу въ любви... Ну, хорошо, Леночка, прибавилъ онъ, замѣтивъ грустное выраженіе ея лица,—дай вздремнуть только съ полчаса, а потомъ приди и разбуди меня.

Викторъ Петровичъ улегся спать, а Леночка принялась

за чтеніе. Она то и дѣло вскакивала, смотрѣла на часы и снова перелистывала свою книгу.

Она давно уже не проводила времени со своимъ Викторомъ такъ, какъ ей того хотѣлось, по старому, и сегодня она почему-то чувствовала особенную потребность быть снова съ нимъ, вдвоемъ попрежнему, и вспомнить пережитыя счастливыя минуты. Время длилось безконечно долго. Наконецъ, пробилъ желанный часъ, и Леночка отправилась въ спальню.

— Милый, вставай, уже прошло болѣе получаса, какъ ты спишь, говорила она, принимаясь будить его.

— Ахъ, не приставай, пожалуйста, спать хочется.

— Вставай, милый, вставай, приставала Леночка, приглаживая его волосы.

— Вотъ, чертъ возьми, никогда покоя не дадутъ. Уйди пожалуйста отсюда, проворчалъ Ватюковъ, переворачиваясь на другой бокъ.

Леночка вышла въ сосѣднюю комнату и задумчиво усѣлась въ креслѣ. Викторъ Петровичъ потянулся, полежаь нѣсколько минутъ, но уже не могъ болѣе уснуть, онъ напялилъ халатъ и недовольный, еще заспанный, подошелъ къ Еленѣ Васильевнѣ и усѣлся рядомъ съ ней.

— Ну, что же мы теперь будемъ дѣлать? Любоваться другъ на друга, что ли, началъ онъ съ какой-то ироніей въ голосѣ.

Леночка подняла на него свои большіе глаза, молча встала и, заложивъ руки назадъ, начала ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Чего же ты сердишься, Лена, я не понимаю, продолжалъ Ватюковъ.

— Да я и не думаю сердиться, возразила Леночка.

— Станный ты человѣкъ, право, Лена!

— Я думаю, что я, съ большимъ правомъ, могу назвать тебя страннымъ человѣкомъ, Викторъ!

Молчаніе. Въ комнатѣ царилъ полумракъ. Викторъ Петровичъ сидѣлъ на диванѣ и курилъ папироску, пуская большіе

клубы дыма. Леночка продолжала ходить изъ угла въ уголъ по небольшой комнатѣ, затѣмъ подошла къ роялю и начала играть что-то очень грустное... Ватюковъ, въ свою очередь, всталъ и тоже зашагалъ, какъ маятникъ. На душѣ у него было скверно, тяжело, а музыка еще болѣе раздражала его и возбуждала его нервы. Онъ всегда злился на Леночку, когда она спорила съ нимъ, но злился еще гораздо болѣе, когда она вела себя именно такъ, какъ въ данномъ случаѣ. Ему становилось невыносимо, и онъ чувствовалъ потребность излить желчь.

— Брось ты эту музыку, Бога ради, почти крикнулъ онъ, остановясь передъ ней, — ты страшно меня раздражаешь...

Пальцы Леночки, какъ окаменѣлые, замерли... Она не докончила своихъ жалобныхъ трелей, медленно встала и опустила крышку рояля.

М. Валицкая.

Вестаки

Печально-блѣдныя, въ одеждахъ бѣлоснѣжныхъ,
Онѣ задумались вдвоемъ,
На мраморъ опершись. Какъ ропотъ волнъ мятежныхъ,
Къ нимъ доносился смутный громъ
Далекихъ голосовъ, безсильно замирая
Подъ сводомъ низкимъ и глухимъ.
И вотъ одна изъ нихъ промолвила, вздыхая:
„Сестра! Опять безумный Римъ
Затѣялъ оргію по манію солдата
Или наложницы. Растеть,
Увы, растеть потокъ неволи и разврата
И мутно-гнѣвный съ корнемъ рветъ
Величье древнее. Римъ гибнетъ. Дремлютъ боги.
Кому молиться и о чемъ?
Римъ гибнетъ. Римъ погибъ. Что-жъ пользы въ жизни строгой,
Въ молитвахъ, въ бдѣніи ночью
И въ чистыхъ помыслахъ? Что пользы въ томъ для Рима,
Коль шесть безгрѣшныхъ дѣвъ хранить
На ветхомъ алтарѣ огонь неугасимый
И стѣны ветхія кропятъ
Святой струей Камень? Римъ гибнетъ. Нѣтъ спасенья.
Чу! Шумъ приблизился... Сестра,
Устала грудь моя отъ тайнаго мученья.
Больше пламени костра

Огонь, что душу жжетъ. Томлюсь, изнемогая:
 Постыла горестная жизнь...“
 И, быстро вспрыгнувши, воскликнула другая:
 „Сестра! Молю, остановись!
 Пусть дряхлый Римъ забылъ свой жребій: надъ вселенной
 Мечемъ и разумомъ царить,—
 Ты, жрица, помни свой: небесъ огонь священный
 И сердце чистое хранить.
 Кругомъ настала ночь,—въ безмолвномъ упованьи
 Зажги священные огни.
 Ты слышишь оргій шумъ,—удвой свое вниманье
 И страхъ заботливѣй гони.
 И если-бъ міръ опять испалъ въ хаосъ нестройный,—
 Владѣя искрою одной,
 Ты изъ послѣдняго обломка съ ней спокойно
 Послѣдній жертвенникъ устрой.
 И знай, что лучшій міръ изъ искры той родится
 И племя лучшее придетъ,
 Отыщеть твой огонь и съ небомъ примирится,
 И небу жертвенникъ зажжетъ“.
 Сказала—и, склонясь, въ огонь кореньевъ новыхъ
 Подбросила, и вспыхнулъ храмъ
 Предъ взоромъ дѣвственницъ задумчиво-суровыхъ,
 Внимавшихъ дальнимъ голосамъ.

Н. Минскій.

Римъ 1861.

Кольцо.

Новый рассказ изъ калифорнійской жизни Брета Гарта.

Сѣрыя полосы, вѣстники утра, ужъ прихотливо раскинулись по небу, когда дождь наконецъ прекратился и Blazing-Star (Сіяющая Звѣзда)—небольшой лагерь золотопромышленниковъ, пробудился въ сознаниіи собственной своей чистоты и опрятности: всевозможные остатки и обломки, кучи мусора и пыли, скопившіеся вокругъ хижины, были тщательно смыты обильными дождями, и теперь снова получили надежду выглянуть на свѣтъ Божій различные ножики, цинковыя чашечки и прочая мелкая утварь домашняго обихода, давно забытая и заброшенная въ кучахъ сора. И, дѣйствительно, значилось въ лѣтописяхъ Сіяющей Звѣзды, нѣкому счастливцу, поднявшемуся ранѣе прочихъ, удалось подобрать на большой дорогѣ изрядный кусокъ золота, появленію котораго, во всемъ его блескѣ, способствовали именно дожди, смывшіе съ него его земляные покровы. Вотъ почему, должно быть, всякій изъ обитателей этого края, кому случится встать рано въ дождливую пору, принимаетъ глубокомысленную осанку, изрѣдка только поднимая задумчивый взглядъ на черные ключья разорванныхъ облаковъ.

„Бассъ“ (Бассій) Бартъ всталъ рано въ это утро. Не жажда находки и наживы выгнала его изъ дому въ такую погоду: въ четыре часа утра проснулся онъ сегодня подъ совершенно мокрымъ одѣяломъ на затопленныхъ нарахъ: въ крышѣ

его хижины оказалась течь, вполне соответствовавшая всему образцу его жизни, беззаботному и беспорядочному. Лучины его дровяного запаса оказались также негодными, и чтоб добыть себѣ огня, у котораго можно было бы посушить измокшую постель, пришлось обратиться къ помощи болѣе предусмотрительнаго сосѣда, жившаго почти насупротивъ. Переходя черезъ дорогу, господинъ Кассій вдругъ остановился. У самыхъ его ногъ, въ красной лужѣ воды что-то блеснуло. Золото! да, золото—безъ всякаго сомнѣнія! И, странное дѣло,—не просто кусокъ необработанной руды, вышедшей прямо изъ плавильнаго горшка природы, а произведеніе золотыхъ дѣлъ мастера гладкое золотое кольцо. При ближайшемъ разсмотрѣніи оказалась и надпись: „Мѣй своему Кассу“.

Кассъ былъ суевѣренъ подобно большинству своихъ товарищей. „Кассъ!“ Да вѣдь это его собственно имя. Онъ прибрѣлъ кольцо—какъ будто нарочно сдѣлано на его маленькій палецъ. Очевидно, это кольцо женщины. Онъ окинулъ взглядомъ улицу. Ничто еще не шевелилось. Небольшія лужи на большой дорогѣ засверкали и окрасились розовымъ цвѣтомъ, отражая алое зарево дальняго востока. Нигдѣ ни слѣда обладателя блестящей находки. Онъ зналъ, что въ ихъ селеніи не было ни одной женщины, и не могъ припомнить, чтобы видѣть что-либо подобное у кого-нибудь изъ своихъ немногочисленныхъ товарищей. Зналъ онъ также, что это удивительное совпаденіе надписи съ его не совсѣмъ обыденнымъ прозвищемъ послужитъ неисчерпаемымъ источникомъ для шуточекъ и насмѣшекъ въ его компаніи, гдѣ нѣтъ мѣста для трогательныхъ чувствъ и сантиментальныхъ воспоминаній. Опустивъ сверкающее колечко въ карманъ, онъ возвратился въ свою хижину.

Прошло два часа, пока длинная процессія золотискателей, ежедневно тянувшаяся вдоль одной и той же дорожки, двинулась въ свой обычный путь. Кассъ счелъ нужнымъ спросить своихъ товарищей: „Никто изъ васъ не потерялъ чего-нибудь вчера ночью?“

— У меня выпалъ бумажникъ съ государственными фондами и нѣкоторыми другими цѣнными предметами, долларовъ на пятьдесятъ-шестьдесятъ тысячъ, небрежно возразилъ Петръ Друммондъ. Но это бы ничего: пусть оставляетъ себѣ деньги тотъ, кто возвратитъ мнѣ находившіяся въ бумажникѣ нѣкоторыя собственноручныя письма иноземныхъ владѣтелей, — письма, имѣющія значеніе только для ихъ обладателя. Пусть никто не подумаетъ, что я жаденъ на деньги, договорилъ онъ лѣнливо.

Никто не возражалъ на этотъ отвѣтъ, исполненный наглою, беззащитничивою лжи. Шествіе продолжалось торжественно и серьезно.

— А ты? обратился Кассъ къ другому товарищу, немного погодя.

— Я потерялъ въ эту ночь въ Вингдамѣ кучу денегъ въ игрѣ съ Жакомъ Гамлинномъ, отвѣчалъ тотъ спокойно: но едва ли ихъ найдешь лежащими гдѣ-нибудь на-виду.

Дальнѣйшія насмѣшки товарищей вынудили у Касса признаніе относительно найденнаго имъ сокровища, которое онъ тутъ-же имъ и показалъ. Десятки догадокъ одна другой ужаснѣе были немедленнымъ слѣдствіемъ этого признанія. Волосы становились дыбомъ и ужасъ охватывалъ душу отъ всѣхъ высказывавшихся предположеній, изъ которыхъ, однако, одно только вызвало всеобщее сочувствіе и одобреніе, какъ всего болѣе подходящее къ угрюмому настроенію компаніи, — настроенію, источникъ котораго надо искать въ пиццѣ, состоявшей изъ наскоро проглатываемой жареной свинины и невыпеченныхъ лепешекъ. Рѣшено было, что кольцо выронено какимъ-нибудь грабителемъ, посиѣшно проходившимъ тутъ со своею грѣховною ношей.

— Я бы на твоёмъ мѣстѣ, глубокомысленно говорилъ Друммондъ, не сталъ лѣзть людямъ въ глаза съ этимъ кольцомъ. Видывалъ я господъ почище тебя и съ меньшими улизками были, да висѣли на часахъ, вздернутые на дерево.

— А я, прибавилъ другой товарищъ, обладавшій еще болѣе пессимистическимъ взглядомъ на вещи, не сталъ бы благо-

вѣстять о томъ, что поднялся въ такую дьявольскую рань,—присяжные увидать въ этомъ мало хорошаго.

Съ такими словами толпа равнодушно проходила мимо, а бѣдный, невинный Кассъ остался одинъ съ кольцомъ въ рукѣ, съ смутной тревогой въ сердцѣ, вызванной неяснымъ сознаниемъ подозрѣнія, брошеннаго на него его товарищами. И золотоискатели отлично понимали впечатлѣніе своихъ словъ,—не безъ ехиднаго намѣренія водворили они смуту въ незлобивой и довѣрчивой душѣ своего товарища.

Несмотря на суевѣрныя надежды, въ первую минуту вызванныя кольцомъ въ душѣ Касса, счастье, однако, казалось, по прежнему, не хотѣло улыбнуться ни самому нашедшему, ни всему поселенію,—по прежнему результатомъ цѣлаго дня напряженной работы являлось ничтожное вознагражденіе, а язвительный юморъ и мрачное уныніе лагеря, вслѣдствіе этого, все возрастали. Если Кассу и не принесло матеріальной пользы найденное сокровище, зато оно разнуздаło его нѣсколько лѣтнвое воображеніе, пустившееся теперь вскачь и уносящее его далеко отъ повседневной лагерной жизни, въ одно и тоже время нищенской и беззаботной, но вполнѣ до сихъ поръ его удовлетворявшей. Кассъ принялъ къ свѣдѣнію мудрый совѣтъ своихъ товарищей и потому только ночью позволялъ себѣ украшаться кольцомъ. Завернувшись въ свое одѣяло, онъ тотчасъ же надѣвалъ кольцо на палець, и затѣмъ, засыпалъ „во сто разъ лучше“, какъ онъ самъ выражался. Не могу навѣрное утверждать, чтобы кольцо это навѣвало пламенные сны и видѣнія въ тѣ неподвижныя, холодныя, дѣвственныя весеннія ночи, когда даже луна и большія звѣзды исчезаютъ куда-то съ однообразно сѣраго, какъ сталь, и холоднаго, какъ ледъ небснаго свода,—не могу утверждать этого навѣрное, но знаю, что суевѣрныя мечты начинали принимать опредѣленныя краски и образы, и сладкія надежды являлись на смѣну горемычной дѣйствительности, смягчая и облегчая ее. Нельзя, однакоже, сказать, чтобъ сны эти способствовали дѣятельному участию въ общей работѣ золотоискателей, а потому Касса постигло

одиночество, которому онъ весьма обрадовался вначатѣ, забывая тѣ уроки жптейской мудрости, которые онъ могъ-бы почерпнуть въ суровыхъ выраженіяхъ своихъ товарищей. „Чортъ меня побери, говорилъ одинъ, если я приписываю растерянность Касса чему иному, какъ найденному кольцу. Онъ носить его на шнуркѣ подъ рубашкой“.

Времена года смѣнялись обычной чередой, а тайна все оставалась неразгаданной. Изчезли ужъ съ улицъ красныя лужи, прибранныя знойнымъ іюньскимъ солнцемъ при содѣйствіи грозныхъ вѣтровъ, завывающихъ по ночамъ въ этихъ широтахъ. Ужъ недолговѣчныя травы появились на мѣстѣ прежнихъ лужъ шоколадно-коричневой грязи; ужъ увяли и засохли эти травы, унося съ собою и прочіе признаки весны, а на смѣну ей ужъ спѣшило лѣто, обращая всю большую дорогу въ необозримую песчаную пустыню.

Въ густой чащѣ орѣшника пробирался Кассъ, предаваясь одному изъ своихъ столь частыхъ, въ послѣднее время, безцѣльных блужданій. Неожиданно для себя самого, онъ очутился на большой дорогѣ, ведущей въ Красную Главу, чѣмъ самъ былъ не мало удивленъ. Сѣрое облако пыли вдали свидѣтельствовало Кассу о промчавшемся тутъ почтовомъ экипажѣ. Весь проникнутый своимъ суевѣрнымъ ожиданіемъ, Кассъ придавалъ значеніе каждому ничтожному обстоятельству, ища въ немъ разъясненія своей тайны. Онъ глядѣлъ впередъ, какъ бы въ надеждѣ на новую находку, которая явилась бы на помощь его безсиьной фантазіи. Воображеніе унесло его такъ далеко отъ дѣйствительности, что представшая его взору молодая дѣвушка на лошади, казалась ему видѣніемъ, выросшимъ изъ земли.

— Ахъ, подите сюда! Скорѣе, прошу васъ, пожалуйста.

Кассъ приближался къ ней нерѣшительно, съ изумленнымъ взглядомъ.

— Я услышала шаги въ кустахъ и вотъ ждала васъ здѣсь, продолжала она: поспѣшите же! Это нѣчто ужасное!

Несмотря на такое устрашающее вступленіе, Кассъ не

могъ не замѣтить, что, при всей своей торопливости и возбужденности, говорившая нисколько не была взволнована или испугана, а брошенный на него взглядъ блестящихъ глазъ носилъ выраженіе удовлетвореннаго любопытства. Она продолжала съ живостью болтать:

— Вотъ какъ разъ на этомъ самомъ мѣстѣ я направлялась къ кустарнику, чтобъ вырѣзать себѣ пруть для лошади, и вотъ поглядите-ка, что я тутъ нашла.

Шагахъ въ тридцати отъ дороги Кассъ увидѣлъ выложенную высокую мужскую шляпу, одиноко и безпомощно валяющуюся въ травѣ; она блестѣла—совершенно новая и скроенная по послѣдней модѣ; но тѣмъ поразительнѣе было ея вопиющее несоотвѣтствіе съ окружающей обстановкой. Въ ней было что-то франтовское и легкомысленное, но теперь она имѣла видъ жалкой безпомощности, смѣшно и бессмысленно выдѣляясь среди окружающей природы. Противорѣчіе это такъ странно поразило Касса, что онъ глядѣлъ на шляпу въ нѣмомъ изумленіи.

— Да вы совсѣмъ не туда глядите, нетерпѣливо воскликнула дѣвушка: посмотрите-ка сюда!

Кассъ бросилъ взглядъ по направленію ея прута, и взору его предстало нѣчто такое, что можно было принять сначала за небрежно брошенный сюртукъ. Но мало по малу изъ подъ свободно болтавшагося рукава обозначался неподвижно и безцѣльно сжатый кулакъ бѣлой руки. Еще далѣе можно было разглядѣть пару брюкъ, полускрытыхъ въ травѣ и, казалось, случайно только находившихся въ связи съ сюртукомъ; трудно было бы заподозрить въ нихъ содержаніе, еслибъ не свидѣтельствовала о немъ пара сапогъ, образовавшихъ неправильный уголъ на концѣ валявшейся фигуры. Да, это была человѣческая фигура, — фигура мертваго человѣка! Болтающаяся одежда придавали ей такой жалкій, униженный видъ, что, казалось, голосъ тѣло на анатомическомъ столѣ было бы гораздо менѣе оскорбительно для человѣческаго чувства. Опрокинутая назадъ голова завалилась въ углубленіе почвы; обращенное къ небу блѣдное

лицо, съ закрытыми глазами, носило еще менѣе признаковъ отлетѣвшей жизни, чѣмъ жалкіе покровы тѣла. Одна рука свѣсилась на вздувшійся животъ, что придавало фигурѣ смѣшной и отвратительный видъ джентльмена, высыпающагося отъ послѣдствій слишкомъ роскошнаго пиршества.

— Неправда ли, отвратительное зрѣлище? проговорила дѣвушка, — но какая собственно причина его смерти?

Кассъ былъ въ нерѣшимости: хладнокровное любопытство дѣвушки подзадаривало его, и въ то же время мертвое тѣло внушало ему невольный ужасъ. Нетвердой рукой поднялъ онъ голову мертвеца — голубоватая рана на правомъ вискѣ, нѣсколько коричневыхъ пятенъ на лбу и на воротникѣ рубашки, да склепшіеся клоки спутанныхъ волосъ были единственными слѣдами насилія.

— Поверните-ка его еще разъ! нетерпѣливо воскликнула дѣвушка, замѣтивъ, что Кассъ намѣревается опустить трупъ на его прежнее мѣсто, быть можетъ, мы найдемъ еще какую нибудь рану.

Но въ головѣ Касса ужъ мелькало представленіе о нѣкоторыхъ формальностяхъ, обязательныхъ при нахожденіи трупа въ странахъ болѣе старой цивилизаціи, чѣмъ Калифорнія. Исслѣдованіе трупа было отложено на дальнѣйшее время.

— Не будетъ ли для васъ умнѣе, барышня, уѣхать отсюда, пока васъ не притянули въ свидѣтельницацы? А я извѣщу власти Красной Главы и пришлю сюда коронера.

— Возьмите и меня съ собой, серьезно попросила она: мнѣ это доставить удовольствіе. Я буду охотно свидѣтельствовать. Или же, знаете что? продолжала она не обращая ни малѣйшаго вниманія на изумленный взоръ своего собесѣдника, я буду здѣсь сторожить, пока вы вернетесь!

— Это, барышня, совсѣмъ не годится, началъ было Кассъ.

— Вѣдь я его первая открыла, капризничала дѣвушка.

Всякій золотопскатель свято уважаетъ право первенства находки, и ссылка на это право совершенно обезоружила Касса; онъ не возражалъ болѣе.

— Кто такой коронеръ? спросила дѣвушка.

— Джой Горнсби.

— А, этотъ длинный хромоу человѣкъ, наполовину обглоданный сѣрымъ медвѣдемъ.

— Да!

— Такъ вотъ что! Я сейчасъ же ѣду и черезъ полчаса буду снова здѣсь вмѣстѣ съ нимъ? Идетъ?

— Но, барышня...

— Пожалуйста не хлопчите обо мнѣ. Я еще никогда ничего подобнаго не видѣла и теперь хочу собственными глазами посмотрѣть на весь ходъ дѣла.

— Вы знаете Горнсби? спросилъ Кассъ съ какимъ-то неопредѣленнымъ раздраженіемъ.

— Нѣтъ, но все-таки я приведу его сюда! отвѣчала она, поворачивая свою лошадь.

Это олицетвореніе живости и энергій заставило Касса совершенно позабыть о валявшемся тутъ мертвецѣ.

— Давно вы въ нашемъ краю? спросилъ онъ.

— Дней четырнадцать! отвѣтила она кротко: оглядите-ка все кругомъ, не найдется ли какого нибудь пистолета или чего иного, хотя я ужъ и сама два раза хорошенько осматривала.

Дѣвушка поправилась въ сѣдлѣ; звякнули подковы раза два, и затѣмъ все скрылось въ облакѣ пыли.

Минуть черезъ пять, Кассъ уже каялся въ томъ, что не поѣхалъ вмѣстѣ съ дѣвушкой. Ждать на этомъ мѣстѣ—вещь довольно тягостная. Окружающій видъ, собственно, не долженъ былъ бы располагать къ мрачнымъ мыслямъ: блестящее солнце Калифорніи озаряло всѣ предметы яркимъ свѣтомъ, обрисовывая ихъ рѣзкими чертами. Все ясло, какъ на ладони,—нигдѣ не слышеть гѣны, не колыхнется вѣтка,—ничего такого, что вводитъ въ заблужденіе глазъ зрителя. Вотъ вѣтеръ случайно залетѣлъ въ пустую шляпу и покатилъ ее по землѣ, но это ничуть не страшно,—смѣшно только. Поиски Касса оказались тщетны: онъ ничего новаго не нашелъ, и душой его стало овладѣвать нетерпѣніе. Онъ ругалъ себя, затѣмъ согласился тутъ остано-

ся, и не будь ему стыдно, онъ бы всего охотнѣе удралъ отсюда. Когда, полчаса спустя, въ облакѣ пыли показались на горизонтѣ двѣ скачущія на лошадахъ фигуры, Кассъ былъ слишкомъ раздраженъ, чтобъ сразу повеселѣть, а между тѣмъ это приближалась молодая дѣвушка въ сопровожденіи Горнсби. Смутная досада и раздраженіе его возросли еще болѣе, когда ему показалось, что прибывшіе не обращаютъ на него никакого вниманія, а на его поклонъ коронеръ отвѣчалъ едва замѣтнымъ кивкомъ головы. Горнсби осматривалъ трупъ со всѣхъ сторонъ, наполовину поднимъ его вверхъ съ помощью дѣвушки, энергія и оживленіе которой доставляли ему видимое удовольствіе. Карманы мертвеца были тщательно изслѣдованы: все, что въ нихъ найдено — нѣсколько мелкой монеты, серебряный карандашъ, ножикъ и табакерка — не могло дать никакихъ разъясненій на счетъ ихъ обладателя. Молодая дѣвушка, подъ вліяніемъ неодолимаго любопытства опустившаяся на колѣни у ногъ блюстителя закона въ Красной Главѣ, испустила вдругъ крикъ радостнаго торжества.

— Вотъ что-то! Посмотрите! Очевидно, это хранилось на его груди и отсюда выпало на землю.

Съ этими словами она высоко подняла руку, держа между большимъ и указательнымъ пальцемъ нѣчто, завернутое въ клочокъ сильно истрепанной газетной бумаги. Глаза ея свѣтились радостнымъ блескомъ.

— Развернуть? спросила она.

— Да.

— Маленькое колечко, сообщила дѣвушка, похожее на обручальное кольцо. А, да на немъ и написано что-то! Посмотрите-ка: „Мэй своему Кассу“.

Кассъ бросился впередъ: „Это мое кольцо!“ вскрикнулъ онъ, задыхаясь отъ волненія: „оно выпало у меня! Оно ничего не значить, совсѣмъ ничего“, прибавилъ онъ краснѣя и смущаясь подъ вліяніемъ пристальныхъ взоровъ дѣвушки и представителя закона: „это пустякъ, но я хотѣлъ-бы получить его обратно“.

Коронеръ отвелъ его протянутую руку, проговоривъ многозначительно: „Вотъ какъ“.

— Но кольцо принадлежитъ мнѣ! снова воскликнулъ Кассъ, у котораго гнѣвъ уже замѣнилъ смущеніе и стыдъ отъ обнаруженія его тайны, я нашелъ его на улицѣ полгода тому назадъ.

— И на немъ ужъ стояло ваше имя? Это было очень кстати, проговорилъ коронеръ съ злобной шутливостью.

— Это давнишняя исторія, говорилъ Кассъ, снова краснѣя отъ взгляда дѣвушки, испытующаго и шаловливаго въ одно и то же время. Всея Сіяющей Звѣздѣ извѣстно, что я нашелъ кольцо.

— Въ такомъ случаѣ, вамъ какъ нельзя легче доказать это, возразилъ Горнсби иѣжнымъ тономъ. Въ настоящую минуту мы нашли кольцо и считаемъ нужнымъ сохранить его у себя до судебного разбирательства.

Кассу оставалось только пожать плечами. Пускаться въ дальнѣйшіе споры—значило бы явиться еще болѣе смѣшнымъ въ глазахъ дѣвушки. Онъ удалился, оставивъ свое сокровище въ рукахъ Горнсби.

Черезъ два дня началось судебное разбирательство, быстро доведенное до конца. Не было ни одного указанія, по которому можно было бы возстановить личность покойнаго, ни одного признака, по которому достоверно можно было бы утверждать фактъ убійства или самоубійства, ни одной улики, ни одного слѣда преступленія какого-либо извѣстнаго или неизвѣстнаго лица. Слѣдствіе возбуждало живѣйшій интересъ среди публики, тѣмъ болѣе, что главной свидѣтельницей по дѣлу являлась прекрасная молодая дѣвушка. „Мы обязаны присутствію духа, энергій и умной головѣ дѣвицы Портеръ“, гласило газетное сообщеніе изъ Красной Главы:—„нахожденіемъ трупа. Всякій, кому только удалось присутствовать на судебномъ разбирательствѣ, долженъ былъ быть очарованъ наружностью и поведеніемъ этой прелестной молодой особы. Дѣвица Портеръ недавно только пріѣхала въ наши края, но мы

надѣмся, что она не скоро насъ покинетъ и еще нѣсколько останется какъ живою образецъ для всѣхъ лунатичныхъ, сентиментальныхъ представителей такъ называемаго „сильнѣйшаго пола“.

Всѣмъ былъ понятъ этотъ намекъ на Касса Барта. „Внимание публики“, говорилось далѣе въ сообщеніи: „сильно было привлечено однимъ предметомъ, въ которомъ сначала надѣялись найти указаніе для дальнѣйшихъ открытій, именно маленькимъ обручальнымъ кольцомъ, найденнымъ у трупа. Были приведены нѣкоторые доводы, будто бы кольцо это принадлежитъ Кассу Барту изъ Сіяющей Звѣзды, прибывшему на мѣсто происшествія послѣ того, какъ трупъ былъ открытъ дѣвицей Портеръ. Самъ онъ увѣрялъ, что выронилъ кольцо въ то время, когда наклонился, чтобы поднять мертвеца. Смѣшнымъ эпизодомъ, потѣшавшимъ все судилище, было сентиментальное смущеніе Касса и партіонный духъ его товарищей изъ Сіяющей Звѣзды. Однако-же, по собственному признанію этого вздыхающаго селадона изъ горь, обнаружилось, что „залогъ любви“ былъ поднять имъ на улицѣ шесть мѣсяцевъ тому назадъ, почему коронеръ и счелъ нужнымъ передать кольцо въ вѣрныя руки судилища до тѣхъ поръ, пока не найдется его законный обладатель“.

Такимъ-то образомъ перешло 13 сентября 186... года найденное Кассомъ сокровище въ новыя руки.

Совершенно неожиданно тайнѣ суждено было выплыть на свѣтъ Божій. Это было ужъ осенью. Ранакъ Джой былъ арестованъ за конократство. Въ припадкѣ благородной откровенности, онъ сознался въ преступленіи болѣе почетномъ—въ смертоубійствѣ. Быстрая и вѣрная рука правосудія, отъ которой не удалось ускользнуть конокроду даже на этихъ высотахъ, задержала на нѣкоторое время исполненіе приговора, такъ-какъ изъ дальнѣйшихъ признаній выяснилось, что жертвой преступленія являлся никто иной, какъ таинственный чужестранецъ. Съ большимъ любопытствомъ присту-

пили члены на скоро организованнаго судилища къ разслѣдованію.

— У насъ былъ честный бой, рассказывалъ подсудимый не безъ рисовки, такъ какъ онъ зналъ, что каждое слово его жадно подхватывается всѣмъ поселеніемъ; а побѣда осталась на сторонѣ того, кто быстрѣе и вѣрнѣе обращался со своимъ оружіемъ. Наканунѣ вечеромъ, мы встрѣтились въ Лагранжѣ и тутъ-же слегка повздорили за картами по случаю того, что у каждаго изъ насъ оказалось по четыре туза. Мы схватились было въ рукопашную, но поборовшись немного, скоро оставили другъ друга съ убѣжденіемъ, что дѣло должно быть разрѣшено при помощи оружія, что иначе невозможно. На другое утро онъ съ солнечнымъ восходомъ покинулъ Лагранжъ, а я отправился своимъ путемъ, пробираясь сквозь низкія деревья и кустарники, какъ вдругъ по пути къ Красной Главѣ совершенно случайно снова на него наткнулся. Я окликнулъ его и въ то-же время вынулъ свой револьверъ. Онъ поспѣшилъ сойти съ коня и, стараясь укрыться за него, тоже взялся за револьверъ. Но лошадь встала на дыбы, столкнула его на траву и тутъ-то я положилъ его на мѣстѣ однимъ выстрѣломъ.

— Послѣ чего вы украли его лошадь? добавилъ судья.

— Нѣтъ, просто я удиралъ на его лошади, отвѣчалъ преступникъ.

Дальнѣйшій допросъ не выяснилъ ничего новаго. Джой не зналъ ни имени, ни общественнаго положенія своей жертвы. Тотъ былъ чужой въ Лагранжѣ.

Былъ послѣобѣденный часъ. Бурная вѣтренная погода стоитъ на дворѣ; бурно и въ лагерѣ, гдѣ все волнуется, обсуждая необычайное происшествіе. Раздается предложеніе повѣситъ Джоя за конокрадство, а потомъ ужъ судить его за убійство; но предложеніе это отвергнуто, слышится другое,—смотришь на убійство только, какъ на одно изъ доказательствъ воровства. Изъ Красной Главы прибыла цѣлая компанія охотниковъ съ цѣлью помогать временному суду своимъ совѣтомъ. Коронеръ былъ

также здѣсь. Кассъ Бартъ не вмѣшивался во всю эту исторію, будившую печальныя воспоминанія въ его душѣ. Захвативъ свою сумку, кирку и ведро, блуждалъ онъ вдали отъ лагера; блужданіе его было совершенно праздно и безцѣльно, не смотря на атрибуты его ремесла, которые могли ввести въ заблужденіе посторонняго зрителя, заставляя его думать, что онъ встрѣтился съ золотонкателемъ, вышедшимъ на добычу. Прощатавшись такъ часа три, Кассъ вышелъ на большую дорогу, по направленію къ Красной Главѣ, которую, однако, едва можно было разпознать, скрытую густыми облаками пыли, вздымаемой дикими порывами вѣтра, бѣшено срывавшагося съ горныхъ высотъ. Мѣстность показалась Кассу знакомой, несмотря на свѣже вырытыя ямы, плотно прилегающія къ большой дорогѣ, и на наваленныя тутъ-же кучи земли, свидѣтельствовавшія о недавней работѣ какого-нибудь золотонкателя, думавшаго найти здѣсь что-нибудь. Кассъ все еще старался сообразить, гдѣ онъ находится, какъ вдругъ пылъ неожиданно улеглась, и онъ узналъ эту мѣстность,—узналъ арену преступленія. Дрожь пробѣжала по его тѣлу. Онъ ни разу не посѣщалъ этого мѣста со дня таинственнаго происшествія, а теперь стоило бы только присоединить сюда фигуру покину таго мертвеца и, какъ-бы для полнаго контраста, находившуюся тутъ молодую дѣвушку полную жизни и дѣятельности, и вся тогдашняя картина воскресла-бы вполне. Онъ бросилъ еще одинъ взглядъ на разстлавшееся предъ нимъ пространство,—мертвеца ужъ теперь не было, но миссъ Портеръ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него сидѣла на своемъ конѣ такъ-же ровно и твердо, такая-же возбужденная и озабоченная, какъ и при первой ихъ встрѣчѣ. Суевѣрный ужасъ охватилъ все существо Касса, и снова пробудилъ прежнія недружелюбныя чувства къ молодой дѣвушкѣ.

Она слегка кивнула ему головой. „Я пріѣхала сюда, чтобы возстановить все это въ своей памяти, заговорила она: такъ-какъ господинъ Горнсби говорить, что мнѣ придется еще разъ давать показанія“.

Кассъ молчалъ, бессознательно постукивая киркой о землю.

— А вы? спросила дѣвушка.

— Я случайно попалъ сюда, отыскивая золото, иначе меня-бы здѣсь не было.

— Такъ это вы выкопали эти ямы?

— Нѣтъ! отвѣчать Кассъ съ плохо скрытымъ презрѣніемъ, едва-ли кто-нибудь, кромѣ чужестранца, можетъ быть такъ глупъ, чтобъ позариться на эти мѣста.

Онъ остановился вдругъ самъ пораженный своимъ невѣжливимъ намекомъ, и потомъ договорилъ угрюмо: я думаю, что никто иной не станетъ тутъ копать.

Дѣвушка разсмѣялась, обнаруживъ при этомъ два ряда бѣлоснѣжныхъ зубовъ.

— Вы хотите этимъ сказать, что не всякій золотонскатель знаетъ, что слѣдуетъ копать въ томъ именно мѣстѣ, гдѣ пролита человѣческая кровь?

Снова овладѣлъ Кассомъ припадокъ суевѣрія. „Я слышу объ этомъ въ первый разъ“, проговорилъ онъ, не поднимая глазъ.

— И называетесь еще калифорнійскимъ золотонскателемъ!

— А чтожь!

Миссъ Портеръ не могла не замѣтить его отрывистыхъ отвѣтовъ и ворчливаго тона. Она бросила на него пристальный взглядъ, причемъ лицо ея покрылось краской досады и раздраженія. Натягивая поводья своей лошади, она проговорила небрежно.

— Вы совсѣмъ не такой, какъ большинство золотонскателей, какихъ мнѣ приходилось до сихъ поръ видѣть.

— А вы совсѣмъ не такая, какъ другія дѣвушки изъ Восточныхъ Штатовъ, съ которыми мнѣ приходилось встрѣчаться.

— Что вы хотите этимъ сказать? спросила она, удерживая свою лошадь.

— То, что я сказалъ! отвѣчалъ онъ строптиво. Едва только эти слова были произнесены, какъ Кассъ сообразилъ

уже, что они не достойны мужьяны, но было поздно, — мысль Портеръ уже исчезла.

Суждено было, однако, имъ встрѣтиться еще разъ вечеромъ того-же дня. Изъ Калаверо прибылъ судья со своимъ помощникомъ, вслѣдствіе чего весь ходъ дѣла былъ нарушенъ, и Джой перешелъ изъ рукъ импровизированнаго судьи Сіяющей Звѣзды въ вѣдѣніе власти болѣе законной, а потому оставившей дѣло большимъ количествомъ формальностей и разсматривавшей его гораздо подробнѣе и обстоятельнѣе. Но еще ранѣе этого неожиданнаго поворота, прежнія разслѣдованія были повторены еще разъ и исторія съ кольцомъ восстановлена публично во всѣхъ подробностяхъ. Рассказывали, что подсудимый, выслушавъ эту исторію, недовѣрчиво разсмѣялся и выразилъ пламенное желаніе увидѣть счастливецъ, нашедшаго кольцо. Желаніе его было исполнено; тогда подсудимымъ, стоявшемъ уже въ тѣни висѣлицы, — роль ея могла сыграть одна изъ высокихъ елей, подъ сѣнью которыхъ расположена была биллиардная комната, гдѣ и происходило описываемое засѣданіе — овладѣлъ такой припадокъ искренней и непринужденной веселости, что присяжнымъ и самому судѣ не оставалось ничего болѣе, какъ принять въ ней участіе. Вскорѣ, однако, спокойствіе и порядокъ были восстановлены, такъ что судья могъ потребовать отъ подсудимаго объясненія этой необычайной сцены: но тотъ, вмѣсто отвѣта, слегка только прицеленуль языкомъ.

— Не ваше-ли это кольцо? спросилъ судья, а присяжные и публика съ напряженнымъ вниманіемъ ждали отвѣта; но подсудимый, молча, обвелъ все собраніе злобно сверкающимъ взглядомъ.

— Отвѣчай-же намъ, Джой, шепнулъ ему одинъ изъ присяжныхъ, охотно смѣявшійся прежде вмѣстѣ съ подсудимымъ, на сторонѣ котораго было его полное сочувствіе, ну говори, и мы облегчимъ твою участь.

— Обвиняемый! говорилъ судья, снова уже вполнѣ вошедшій въ роль представителя юстиціи: вспомните, что для

вась идетъ теперь дѣло о жизни или смерти. Вы все еще медлите?

Джой медленно и спокойно положилъ руку на спинку своего кресла и проговорилъ съ твердостью: „Я полагаю, что призванъ сюда не по дѣлу о похищеніи кольца, которое будто бы нашелъ другой человѣкъ, и насколько мнѣ извѣстно, все это не имѣетъ никакого отношенія къ данному случаю. Такого мое мнѣніе.

Тайна такъ и осталась невыясненною.

Еслибъ населеніе Сіяющей Звѣзды хотѣло принять въ ображеніе чувствительную душу Касса, ему понятна была-бы та боль и горечь, которыми въ душѣ этой отзывался смѣхъ, неизмѣнно сопровождавшій въ послѣднее время его пмя. Онъ совершенно утратилъ свой веселый нравъ и добродушіе, побудившее его къ злосчастной откровенности; характеръ его сталъ все суровѣе и угрюмѣй. Его сонъ на яву, его чудная мечта была обращена во всеобщую потѣху. Сначала онъ хоронилъ въ своей душѣ горечь этого разочарованія, но въ поступкахъ его неволью обнаруживался протестъ, и тогда онъ не могъ болѣе ужиться въ мирѣ со своими товарищами. Онъ утратилъ всякую популярность въ ихъ кругу. Ужасно сердимся мы на человѣка, избраннаго нами цѣлью шутокъ и насмѣшекъ, но не желающаго поддерживать шутливаго настроенія толпы и требующаго серьезнаго къ себѣ отношенія и уваженія. Не жди онъ послѣ этого и не рассчитывай на дружескія чувства со стороны товарищей.

Въ такомъ-то невеселомъ положеніи находился Кассъ Бартъ, влѣзавшій въ настоящую минуту во внутренность почтового экипажа, направлявшагося по дорогѣ къ Красной Главѣ. Дѣло было вечеромъ. Кассъ имѣлъ обыкновеніе ѣздить всегда съ кучеромъ, но на этотъ разъ присутствіе Горнсби и дѣвицы Портеръ въ переднемъ купе заставило его измѣнить свое первоначальное намѣреніе. Они его не замѣтили; весьма довольный этимъ обстоятельствомъ, Кассъ поспѣшилъ забраться во внутренность задней половины экипажа, гдѣ оказался единствен-

нымъ пассажиромъ, почему я расположился съ полнымъ комфортомъ на подушкахъ сидѣнья, и вслѣдъ затѣмъ отдался своимъ невеселымъ размышленіямъ. Онъ твердо рѣшился поконить Сіающую Звѣзду, посвятить всѣ свои силы накопленію большой суммы денегъ и тогда возвратиться къ своимъ товарищамъ важной особой съ презрительнымъ видомъ, насмѣшливымъ обращеніемъ и успѣхомъ, возбуждающимъ всеобщую зависть. Бѣдный Кассъ не понималъ, что успѣхъ его въ будущемъ возможенъ только въ томъ случаѣ, если онъ совершенно разорветъ со своимъ прошлымъ. Юность его протекла среди этихъ людей, и теперь ему не могло прійти въ голову, что не они цѣнители успѣха, не ихъ масштабомъ измѣряется положеніе человѣка въ свѣтѣ.

Луна послала свои блѣдные лучи во внутренность экипажа, озаряя его поэтическимъ свѣтомъ. Экипажъ все двигался впередъ, и эти медленные колеблющіяся движенія, одиночество, открытій видъ впередъ на необозримую даль, — все это вмѣстѣ давало просторъ воображенію, которому казалось теперь все возможнымъ при помощи кольца, пріобрѣтшаго вдругъ такую силу, какою нѣкогда обладало кольцо Гиген.

Такъ грезилъ Кассъ съ открытыми глазами, какъ вдругъ сильный толчокъ возвратилъ его къ дѣйствительности. Карета внезапно остановилась, и до слуха его донеслись съ козелъ два голоса горячо спорившихъ мужчинъ, — одинъ голосъ умолялъ о чемъ-то, другой бранился. Рука Касса невольно искала пистолеть.

— Благодарю васъ! Но я должна непремѣнно сойти.

Это ужъ говорила миссъ Портеръ. Затѣмъ снова слышались какіе-то переговоры между Горнсби и кучеромъ, причемъ можно было слышать фразу послѣдняго, произнесенную повелительнымъ тономъ:

— Если дамѣ угодно ѣхать внутри, — пустите ее.

Миссъ Портеръ спорхнула внизъ, Горнсби послѣдовалъ за нею. „Одну минуточку“ говорилъ онъ голосомъ сконфужен-

нымъ и въ то-же время нахальнымъ: „вы меня не поняли, — я только хотѣлъ“...

Но миссъ Портеръ успѣла ужъ прыгнуть внутрь кареты. Горнсби схватился за ручку дверцы, дѣвушка крепко держала ее изнутри, вслѣдствіе чего произошла нѣкоторая борьба. Все это производило на Касса впечатлѣніе какого-то страннаго сна, хотя онъ и не думалъ спать. Наконецъ онъ очнулся.

— Угодно вамъ, проговорилъ онъ голосомъ, странно звучащимъ въ его собственныхъ ушахъ, чтобы этотъ человѣкъ не входилъ сюда?

— Да.

Съ яростью молодого тигра Кассъ схватилъ руку нахала; но благородное намѣреніе и рыцарскій подвигъ не увѣнчались желаннымъ результатомъ: слишкомъ порывистымъ и сильнымъ движеніемъ Кассъ распахнулъ дверцу, которую молодая дѣвушка удерживала съ большей ловкостью и, надо сознаться, вѣрнѣе направленной силой. Тогда юный герой въ бѣшенствѣ схватилъ за горло своего противника, но тутъ-же остановился, выжидая, что тотъ станетъ дѣлать. Они ужъ были далеко отъ кареты въ пространствѣ, ярко залитомъ луннымъ свѣтомъ.

— Эй! Кто возьметъ у меня возжп! крикнулъ кучеръ, носившій имя „Карла изъ горъ“, и тутъ-же, не дождавшисъ отвѣта, онъ соскочилъ съ козелъ, чтобы разобрать противниковъ. „Вы сидите внутри?“ обратился онъ къ Кассу, и не успѣлъ еще тотъ отвѣчать, какъ миссъ Портеръ закричала изъ окна кареты:

— Да, да!

Однимъ движеніемъ руки Карлъ втокнулъ Касса въ карету.

— А вы, продолжалъ онъ, обращаясь къ Горнсби, если не хотите прогуляться не много, то поѣзжайте въ переднемъ купе, на которое вы записались. Ну, на верхъ, скорѣе!

Весьма вѣроятно, что Карлъ со свойственной ему кучерской любезностью помогъ Горнсби взобраться на верхъ, послѣ

чего карета тотчас-же покатила далѣе съ усиленной быстротою.

Благодаря энергій Карла, Кассъ очутился на колѣняхъ у молодой дѣвушки. Онъ быстро вскочилъ, намѣреваясь пробраться къ среднему сидѣнью, но въ ту-же минуту двинувшаяся карета отбросила его обратно и привела въ тѣсное соприкосновеніе съ шляпой и плечомъ дѣвушки. Все это мало содѣйствовало поддержанію его достоинства и внушительности, которую онъ желалъ сохранить въ обращеніи со своею сосѣдкой. Къ послѣдней ужъ возвратилось ея грубо разрушенное веселое настроеніе. „Фи, что за противный человѣкъ!“ проговорила она, расправляя ленту шляпки подъ своимъ широкимъ подбородкомъ и проводя руками по своей полотноной тальмѣ, надѣтой для защиты отъ дорожной пыли.

Кассъ дѣлалъ видъ, будто-бы ужъ позабылъ всю исторію, и прогосорилъ разсѣянно: „Кто? Ахъ, да, конечно; да, да“.

— Конечно, я обязана вамъ благодарностью, проговорила она, улыбаясь: тѣмъ не менѣе я вполнѣ угѣрена, что онъ не вошелъ бы сюда, если-бы вы не отдернули его руку. Вотъ я вамъ это докажу: возьмитесь вы за ручку снаружки, а я буду держать ее изнутри, и вы не будете въ состояніи ее повернуть. Вотъ увидите!

И въ самомъ дѣлѣ, она говорила правду,—рука ея была сильна, хотя мягка и нѣжна въ то-же время, какъ замѣтилъ Кассъ при случайномъ соприкосновеніи къ ней во время опыта; теперь при лунномъ свѣтѣ рука эта сверкала бѣлизной. Все время Кассъ хранилъ глубокое молчаніе, и теперь снова опустился въ свой уголокъ, не произнося ни слова, но въ пальцахъ его оставалось особенное ощущеніе отъ прикосновенія ея руки. Онъ сидѣлъ въ тѣни и могъ свободно разсматривать ея лицо и фигуру, самъ оставаясь незамѣченнымъ. Ему казалось теперь, что до сихъ поръ онъ никогда не видѣлъ ея хорошенько: онъ считалъ ее выше, чѣмъ она была на самомъ дѣлѣ. Ея черные глаза были не велики, но казались такими вслѣдствіе своей выпуклой формы и плѣвали мягкимъ свѣтомъ сво-

его бархатнаго взгляда; носъ ея не отличался особенно правильной формой, а лицо было почти безцвѣтно; только небольшія темныя веснушки у угловъ рта и носа оттѣняли его, придавая ему видъ снѣжной бѣлизны; ея топкия губы были темно-краснаго цвѣта и, подобно глазамъ, отличались всегда влажнымъ блескомъ. Она сидѣла, прижавшись къ углу кареты, со свѣсившейся свободно рукою; мягкія очертанія ея красиво-сложенной фигуры покачивались въ воздухѣ вслѣдствіе движенія кареты. Черезъ нѣсколько времени она, казалось, позабыла о своемъ нѣмомъ спутникѣ, приотынемся въ темномъ углу экипажа, и, прислонившись головой къ стѣнкѣ, выдвинулась немного впередъ, чтобъ положить на среднее сидѣнье двѣ красиво-обутыя ножки. Въ эту минуту она положительно представляла собою очаровательную картину здоровой простоты и естественности.

Прошло пять минутъ. Она сидѣла неподвижно, глядя на луну. Кассъ чувствовалъ, что его гордое равнодушіе все болѣе и болѣе принимаетъ видъ смущенія; лучше было-бы держать себя съ холодной учтивостью.

— Надѣюсь, обратился онъ къ дѣвушкамъ, что вы не особенно взволнованы этимъ... этой...

— Я? Она выпрямилась и бросила въ темный уголъ взглядъ полный смѣха, но тотчасъ-же, снова опустившись, проговорила: какъ тутъ не взволноваться?

Снова прошло минутъ пять. Очевидно, она объ немъ совершенно забыла. Слѣдовало-бы ей, по крайней мѣрѣ, соблюдать долгъ вѣжливости. Кассъ снова обратился къ своей первоначальной манерѣ равнодушія и несообщительности, но теперь къ нимъ примѣшивалось чувство раздраженнаго самолюбія.

Тѣмъ не менѣе онъ не могъ не замѣтить, что при лунномъ свѣгѣ черты ея приняли болѣе мягкое выраженіе, чѣмъ они носили обыкновенно; даже широкій четырехугольный подбородокъ ея не выглядѣлъ теперь столь прозаическимъ и будничнымъ,—онъ былъ даже не дурень теперь, когда Кассъ не читалъ на немъ выраженія презрѣнія къ его слабости. А эти влажные глаза,—они буквально пскрятся при лучахъ луннаго

свѣта! Однако, блескъ ихъ все ярче, вотъ онъ еще разъ свернулъ изъ подъ длинныхъ рѣсницъ и пчезъ. Возможно-ли? Да, безъ всякаго сомнѣнія,—она плачетъ.

Этого ужъ Кассъ не могъ снести равнодушно. Онъ подвинулся ближе. Дѣвушка высунула голову изъ окно и чрезъ минуту снова оглянулась на Касса уже сухими глазами.

— Господи, съ какими разнообразными людьми приходится встрѣчаться въ пути, проговорилъ Кассъ, напуская на себя веселый видъ.

— Да... Я этого до сихъ поръ не знала — мнѣ еще никогда не приходилось наталкиваться на человѣка, который позволилъ бы себѣ со мною наглое и безстыдное обращеніе. Я извѣздила всю страну, и всегда одна, и сталкивалась со всевозможными людьми, но, насколько мнѣ помнится, никакихъ затрудненій, никакихъ неприятностей и тревогъ я на своемъ пути не встрѣчала. Я всегда веду такую жизнь и не вижу въ этомъ ничего дурнаго; быть можетъ, другимъ это и не нравится, но мнѣ такъ нравится. Мнѣ хочется все испытать, все видѣть, все, что только есть на свѣтѣ. Неужели-же на томъ только основаніи, что я родилась дѣвушкой, я не смѣю шагу ступить безъ надзирательницы? Почему мнѣ не дѣлать все то, что можно всякому мужчине, если только въ этомъ нѣтъ ничего дурнаго? Быть можетъ, и вы принадлежите къ поклонникамъ тѣхъ дѣвицъ, которыя то и дѣло слоняются въ своемъ домѣ изъ угла въ уголь, если не терзаютъ фортепіано, или не предаются чтенію романовъ. Быть можетъ, вы считаете меня дерзкой за то, что я не нахожу въ этомъ удовольствія и откровенно это высказываю.

Такимъ образомъ, рѣчь ея перешла отъ общихъ разсужденій къ личнымъ нападкамъ, которыя послужили какъ-бы отвѣтомъ на его невысказанное, но тѣмъ не менѣе явное неодобреніе ея поведенія.

— Вы вѣдь сами не станете отрицать того, что были очень возмущены, когда я побѣжала за коронеромъ Горнсомъ, тогда, какъ мы нашли мертвеца, не унималась дѣвушка.

— За то Горнсби этимъ не былъ возмущенъ, отвѣчалъ Кассъ сердито.

— Что вы хотите этимъ сказать? встрепенулась она.

— Вы были съ нимъ большіе друзья, пока...

— Пока онъ не оскорбилъ меня? Вы это ходите сказать?

— Пока онъ думалъ... говорилъ Кассъ, запинаясь: на томъ основаніи, что вы не совсѣмъ такъ... такъ... вы понимаете... такъ осторожны, какъ другія дѣвушки... что и онъ... и онъ можетъ себѣ позволить болѣе вольное обращеніе.

— Значить, на томъ только основаніи, что я согласилась проѣхать вмѣстѣ съ нимъ одну милю, желая видѣть нѣчто, выходящее изъ ряда обыкновеннаго, желая приобрѣсти новый жизненный опытъ и въ то-же время желая быть чѣмъ нибудь полезной, вмѣсто того, чтобы глазѣть въ окна магазиновъ на главной улицѣ или прогуливаясь взадъ и впередъ мимо отеля...

— И услаждать взоры публики, прервалъ ее Кассъ. Но эта жалкая попытка задорной любезности была сражена въ самомъ ея зародышѣ, — миссъ Портеръ выпрямилась и, глядя въ окно, проговорила:

— Вамъ угодно, чтобы оставшуюся часть пути я совершила пѣшкомъ?

— Нѣтъ! поспѣшилъ успокоить ее Кассъ, причемъ лицо его покрылось яркой краской стыда и раскаянія.

-- Въ такомъ случаѣ, позвольте со мной такъ не разговаривать.

Послѣдовало молчаніе, увеличившее смущеніе Касса.

— Я бы хотѣла быть мужчиной, проговорила дѣвушка съ серьезной и искренней горечью въ голосѣ. Кассъ Бартъ былъ еще не настолько опытенъ, чтобы знать, что это скромное желаніе большей частью принадлежитъ именно тѣмъ, которыя всего менѣе имѣютъ право сожалѣть о своей принадлежности къ прекрасному полу. Не будъ въ его памяти еще такъ свѣжъ только что полученный отъ нея урокъ, Кассъ не воздержался бы отъ горячаго протеста, вызываемаго во всѣхъ насъ, мужчинахъ, подобнымъ заявленіемъ, если оно произносится мягкимъ

голоскомъ, исходящимъ изъ пунцоваго ротика; говоря мимоходомъ, мы совсѣмъ не такъ притки въ тѣхъ случаяхъ, когда старыя женщины, принадлежащія скорѣе къ среднему полу, начинаютъ восхвалять прелести и доблести женщинъ. Желаніе миссъ Портеръ было, очевидно, совершенно искренно, потому что, помолчавъ немного, она продолжала, какъ бы дуясь на кого-то:

— Въ Сакраменто, когда мнѣ было еще только десять лѣтъ, я ужь бѣгала на всѣ пожары. Я была при томъ, какъ сгорѣлъ театръ, и никто тогда ничего противъ этого не имѣлъ.

Кассъ счелъ нужнымъ спросить, неужели ея родители не протестовали противъ мальчишескихъ наклонностей своей дочери. Отвѣтъ былъ не совсѣмъ удовлетворительный, но характерный: „Они станутъ протестовать? Хотѣлось бы мнѣ это посмотреть“.

Дорога поворачивала въ сторону. Измѣнчивая луна отвратила свой ликъ отъ миссъ Портеръ и, отыскавъ Касса въ его темномъ углу, озарила мягкимъ свѣтомъ шелковистые усы и длинныя рѣсницы парня, скрадывая въ то же время загаръ его смуглыхъ щекъ.

— Что это у васъ на шеѣ? воскликнула вдругъ дѣвушка.

Кассъ покраснѣлъ и потупился въ смущеніи, замѣтивъ, что воротъ его просторной матросской рубашки былъ оборванъ, обнаруживая его мягкую, бѣлую, почти женственную кожу. На рубашкѣ видѣлись пятна крови, сочившейся изъ небольшой ранки на плечѣ. Теперь только онъ вспомнилъ о царапинѣ, полученной имъ въ схваткѣ съ Горнсби.

Глаза дѣвушки свернули мягкимъ, нѣжнымъ блескомъ. „Позвольте мнѣ, пожалуйста, заговорила она съ живостью: я умѣю обращаться съ ранами. Подите-ка сюда, ко мнѣ! Или нѣтъ, оставайтесь на своемъ мѣстѣ,—я пересяду къ вамъ“.

Она перепорхнула чрезъ среднее сидѣнье и опустилась на подушки возлѣ него. Снова онъ почувствовалъ магнетическое косновеніе пальцевъ и теплое дыханіе на своей шеѣ. „Это

пустяки“, проговорилъ онъ въ волненіи, которое гораздо справедливѣе было отнести къ леченію, чѣмъ къ самой ранѣ.

— Дайте вашу бутылку, распорядилась она, не слушая его. Она смочила края раны спиртуозной жидкостью. Рѣзкая боль, вызванная этой операціей, возвратила Касса въ нормальное состояніе. „Вотъ такъ“, проговорила дѣвушка, ловко дѣлая повязку изъ своего носогаго платка. „Теперь застегните хорошенько вашъ скюртукъ,—вотъ такъ хорошо,—и не простуживайтесь“. Она настояла на томъ, чтобы собственноручно застегнуть его. Не такъ радуется мужчина своей силѣ, какъ женщина возможности быть полезной какому-нибудь представителю сильнѣйшаго пола въ его слабости. Однако, какъ только молодая дѣвушка покончила со своимъ дѣломъ, она тотчасъ и не безъ смущенія поспѣшно отодвинулась отъ Касса. Она сама не понимала, что ее смутило.

Послѣ непродолжительнаго молчанія, она спросила неожиданно: „Какъ вы полагаете поступить съ Горнсби?“

Кассъ еще совсѣмъ не подумалъ объ этомъ. Его гнѣвъ никогда не былъ продолжителенъ и на этотъ разъ онъ исчезъ вмѣстѣ съ причиной, вызвавшей его. Кассъ не боялся своего противника, но предпочиталъ бы не встрѣчаться съ нимъ болѣе, а потому на предложенный вопросъ могъ только отвѣтить: „это вполне отъ него зависитъ“.

— О, въ такомъ случаѣ вы ужъ навѣрное никогда о немъ не услышите, проговорила она увѣренно, но все-таки не мѣшаетъ вамъ раздобыть себѣ немного поболѣе мускульной силы; вѣдь вы не сильнѣе какой-нибудь женщины. Она вдругъ умолкла въ смущеніи.

— Какъ мнѣ поступить съ вашимъ платкомъ? спросилъ Кассъ, желая отклонить неприятный для него разговоръ на новую тему.

— Можете оставить его себѣ, если вамъ это пріятно, только, пожалуйста, не показывайте его всякому встрѣчному, какъ то кольцо, которое вы носили.

По лицу его скользнуло болѣзненное выраженіе; дѣвушка это тотчасъ же замѣтила, и потому поспѣшила прибавить:

— Конечно, вся эта болтовня сущій вздоръ, потому что еслибъ вы въ самомъ дѣлѣ придавали такое значеніе этому кольцу, то не стали бы его всюду показывать и рассказывать о немъ. Не правда ли?

Онъ почувствовалъ облегченіе при этихъ словахъ; вѣдь и въ самомъ дѣлѣ, она права, хотя ему самому до сихъ поръ дѣло никогда не представлялось въ подобномъ свѣтѣ.

— Вы его, въ самомъ дѣлѣ, нашли? спросила вдругъ дѣвушка совершенно серьезно, только говорите правду!

— Да.

— И никакая Мэй въ дѣйствительности тутъ не участвуетъ?

— По крайней мѣрѣ, я объ ней не знаю, разсмѣялся Кассъ съ какимъ-то радостнымъ чувствомъ.

Миссъ Портеръ измѣрила его строгимъ взглядомъ, потомъ вскочила съ мѣста и перебравшись чрезъ среднее сидѣнье, усѣлась въ своемъ прежнемъ уголкѣ. „Все-таки будетъ лучше“, проговорила она: „если вы мнѣ возвратите мой платокъ“.

Кассъ немедленно сталъ растегиваться.

— Нѣтъ! нѣтъ! Что вы? Хотите до смерти простудиться? воскликнула она въ волненіи.

Чтобъ предупредить такой несчастный случай, Кассъ снова застегнулъ сюртукъ, закрывая имъ не только ея платокъ, но и свое радостно трепетавшее сердце.

Они успѣли еще обмѣняться немногими словами, какъ треска и грохотъ кареты по крутой дорогѣ возвѣстали о приближеніи къ Красной Главѣ. Одинъ за другимъ замелькали огни вдоль длинной главной улицы. Засверкали ярко-освѣщенные окна магазиновъ. Осыпаемая безчисленными вопросами нетерпѣливыхъ голосовъ, миссъ Портеръ, не дожидаясь помощи Касса, быстро выскочила изъ экипажа, еще ранѣе даже, чѣмъ Карлуша изъ горъ успѣлъ сойти со своихъ козель. Она тихонько обмѣнялась съ нимъ нѣсколькими словами.

— Ужь будьте спокойны, барышня, проговорилъ Карлъ, послѣ чего миссъ Партеръ, отвернувшись отъ него, съ дружеской улыбкой протянула руку Кассу, слегка отвѣчала ему на пожитіе и упорхнула.

Прошло нѣсколько дней. У плагбаума Сіяющей Главы стоялъ Кассъ въ ту минуту, какъ подъѣхала карета, на козлахъ которой сидѣлъ Карлуша изъ горъ. Карета остановилась, и кучеръ передалъ Кассу маленькій пакетикъ.

— Мнѣ поручено передать вамъ это отъ барышни Портеръ. Вотъ видите ли, это то шальное кольцо, негодная дрявь, о которой благовѣстили во всѣхъ газетахъ. Барышня не въ состояніи была успокоиться, пока не заставила сердитаго судью отдать ей кольцо. Мой вамъ совѣтъ выбросить его—пусть его найдетъ кто-нибудь другой и станетъ вслѣдствіе этого лунатикомъ. Ну, вотъ и все.

— Она говорила еще что-нибудь? въ волненіи спросилъ Кассъ, принимая свое сокровище довольно равнодушно.

— Можетъ быть, и говорила. Она поручила мнѣ сдерживать васъ и Горнсби. Вы его не затрагивайте, а ужъ я позабочусь о томъ, чтобы онъ васъ не задѣвалъ. При этомъ Карлуша многозначительно подмигнулъ, затѣмъ хлопнулъ кнутомъ по лошадямъ и укатилъ.

Кассъ вскрылъ пакетикъ. Кольцо — и больше ничего. Ни слова, ни звука, ни поклона, ни напониманія, ни даже насмѣшки. Подобное посланіе казалось ему почти оскорбленіемъ. Что это? Хотѣла она ему прямо поставить на видъ его глупость? Или она думаетъ, что онъ еще тоскуетъ по своей потерѣ и возвращеніемъ ея хотѣла вознаградить его за ту ничтожную услугу, которую онъ ей оказалъ. Въ первую минуту Кассъ хотѣлъ послѣдовать совѣту Карла и тутъ-же въ горной пыли похоронить эмблему своей глупости и ея пренебреженія. Вѣдь она унизила его вдвойнѣ! Она избрала Карла примирителемъ между нимъ и его врагомъ. Онъ сейчасъ-же пойдетъ домой и отошлетъ ей носовой платокъ, который она ему подарила. Но тутъ явилось новое соображеніе, далеко не

романическаго характера: хотя онъ и выстиралъ платокъ сегодня, запершись въ своей тихой каморкѣ, но выгладить его было нечѣмъ, а отослать барышнѣ платокъ просто высушенный—вещь невозможная и немислимая. Такимъ образомъ, Кассъ не могъ осуществить своего злобнаго намѣренія.

Но какъ ни безнадежны были раздраженіе и жажда мести Касса, они много дней и даже недѣль наполняли его сердце. Разнеслась вѣсть объ оправданіи Ранака Дая, а вмѣстѣ съ тѣмъ забытая исторія кольца снова выплыла на свѣтъ Божій и вызвала нѣсколько подновленныхъ старыхъ шутокъ и острогъ. Но на этотъ разъ существованіе ихъ было недолговѣчно: въ послѣднее время фортуна замѣтно повернулась спиной Сіяющей Звѣздѣ: ранніе свѣга на горахъ и совершенно бесплодно потраченные капиталы, поглощенные жадной рѣкой, похитили у золотонскателей ихъ оригинальное остроуміе, исчезающее всегда вмѣстѣ съ веселой юностью и Сіяющая Звѣзда дѣйствительно „продулась“, какъ выражались золотонскатели на своемъ живописномъ языкѣ; она была исчерпана и истощена не работами, не добытымъ золотомъ, а спекуляціями и неудачами.

Кассъ храбро боролся противъ ударовъ судьбы, такъ что добылъ даже себѣ не совсѣмъ легко получаемое признаніе своихъ товарищей. Но онъ добылъ и еще нѣчто, что гораздо дороже—довольство самимъ собою, проистекавшее изъ развѣсившихся въ немъ за послѣднее время увѣренности въ своихъ силахъ.

Онъ нашелъ теперь практическое примѣненіе своему живому воображенію и необычайной наблюдательности, сдѣлавъ нѣсколько открытій, поразившихъ его товарищей, хотя и болѣе его умудренныхъ опытомъ, во снѣжномъ сѣзанныхъ старыми тридцѣтниками. Однакоже открытія Касса не могли быть немедленно переведены на наличную монету, а потому Сіяющая Звѣзда вскорѣ убѣдилась въ томъ, что она ежедневно потребляетъ извѣстное количество свинины и муки, не вырабатывая соотвѣтственную этому сумму денегъ. Вскорѣ Сіяющая Звѣзда

лишилась всякаго кредита; Сіяющая Звѣзда была голодна, грязна и оборвана, блескъ „Сіяющей Звѣзды“ окончательно погухалъ.

Честно принимая участіе въ общихъ невзгодахъ поселенія. Кассъ долженъ былъ еще нести бремя своего личнаго горя. Онъ твердо рѣшился покончить съ самымъ воспоминаніемъ о миссъ Портеръ и обо всемъ томъ, что имѣло какое нибудь отношеніе къ злосчастному кольцу; но жестокосердная судьба ни за что не хотѣла допустить, чтобы онъ ее забылъ, и всѣ его усилія были безплодны. Ея статная, гибкая фигура нерѣдко впитала въ его полуразрушенной лачугѣ, озаренная свѣтлыми лучами мѣсяца, заглядывавшаго въ окно; ея голосъ слышался ему среди ропота рѣки, на берегу которой онъ надрывался надъ своей работой; ея взглядъ, прикосновеніе ея руки нерѣдко заставляли его трепетать даже во снѣ. Вотъ почему онъ рѣшился всѣми силами избѣгать Красной Главы и всякаго другаго мѣста, гдѣ ему могла угрожать какая-либо возможность встрѣтиться съ нею, что казалось ему тѣмъ страшнѣе, что платье его было въ дырахъ и заплаткахъ. Несмотря, однако, на всѣ предосторожности, онъ, однажды, наткнулся на нее. Она сама правила маленькой колясочкой, запряженной пони, и проѣхала мимо него такая нарядная и модная, что онъ поспѣшилъ спрятаться за ближайшую иву, чтобы остаться незамѣченнымъ. Онъ бросилъ взглядъ на свой костюмъ, покрытый брызгами красной грязи, и увѣрилъ себя, что питаетъ глубокую ненависть къ молодой дѣвушкѣ. Товарищи его рѣдко упоминали ея имя, быть можетъ, подозрѣвая тутъ нѣчто серьезное, способное поколебать всѣ спартанскія привычки и правила Касса. Однако, время отъ времени Кассу приходилось слышать о томъ, что она появлялась на балахъ и собраніяхъ, гдѣ повидимому находила наслажденіе въ тѣхъ развлеченияхъ, которыя прежде она сама такъ строго осуждала.

Весна была въ самомъ началѣ. Въ воскресенье, утромъ, Кассъ возвращался домой изъ города, гдѣ онъ безплодно пытался втянуть одного капиталиста въ дѣла и интересы Сію-

щей Звѣзды. Кассъ размышлялъ объ ограниченности капиталиста, который, очевидно, не довѣрялъ чистотѣ намѣреній стѣсненнаго обстоятельствомъ поселенія, заподозрѣвая его только на основаніи виѣшняго вида его представителя. Кассъ начиналъ ужъ чувствовать усталость, а потому очень обрадовался, когда одинъ извозчикъ, ѣхавшій по пути, предложилъ подвезти его.

Какъ разъ въ то время, когда они медленно пробѣжали мимо новой церкви у окраины города, изнутри ея повалилъ народъ. Первой мыслью Касса было вскочить и убѣжать, но теперь ужъ было слишкомъ поздно; попросить извозчика скорѣе погнать лошадей онъ не рѣшился. Мучимый сознаниемъ своего небритаго подбородка и изодраннаго платья, онъ рѣшился устремить взоръ въ пустое пространство улицы и такъ слѣдить, не оглядываясь, чтобы никого не видѣть. Но голосъ, отъ звука котораго онъ затрепеталъ всѣмъ своимъ существомъ, окликнулъ его по имени. То была миссъ Портеръ, подобная волшебному видѣнію, — сотканному изъ весеннихъ цвѣтовъ, шелка и кружевъ, что не мѣшало ей, однако, съ остаткомъ старинной привязанности къ свободѣ и не безъ взбаломошенности пуститься въ догонку за уѣзжавшей телѣжкой. Изумленный извозчикъ остановилъ лошадей при видѣ бѣгущей дѣвушки; тогда она проговорила, едва переводя духъ:

— Почему вы не хотѣли оглянуться? Зачѣмъ вы заставили меня пробѣжать такое большое пространство?

Стараясь закрыть газетой грубую заплату на своихъ колѣняхъ, Кассъ отвѣчалъ, заикаясь, что онъ ея не видѣлъ.

— Значитъ, вы ненарочно опустили глаза?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Кассъ.

— Почему вы не показывались больше въ Красной Главѣ? Почему вы ничего не отвѣтили на мое посланіе съ кольцомъ? поспѣшно задавала она вопросы одинъ за другимъ.

— Тамъ вѣдь, кромѣ кольца, ничего не было, возразилъ Кассъ краснѣя и взглядывая изподтишка на извозчика.

— Но вѣдь кольцо само по себѣ представляло посланіе, простота вы!

Кассъ широко открылъ глаза. Извозникъ размѣялся. Миссъ Портеръ окинула взглядомъ телѣжку.

— Я-бы охотно проѣхала немножко въ вашемъ экипажѣ; онъ очаровательно выглядитъ. При этихъ словахъ она бросила лукаво-шаловливый взглядъ на медленно двигавшуюся мимо любопытную толпу: „Можно“?

Но Кассъ всѣми силами отговаривалъ ее отъ исполненія подобнаго намѣренія. Экипажъ грязенъ, а за прочность его Кассъ также не ручается. Ей будетъ очень неудобно сидѣть. Самъ онъ пройдетъ всего сажени двѣ, не болѣе. Она можетъ испортить свое платье.

— Да, конечно, проговорила она съ горечью: на первомъ планѣ мое платье. Ну, что же еще?

— Публика найдетъ это страннымъ и подумаетъ, наконецъ, что я васъ пригласилъ, проговорилъ Кассъ нерѣшительно.

— Въ то время, какъ на самомъ дѣлѣ, я хотѣла сама навязаться. Очень вамъ благодарна! Прощайте!

Она махнула рукой и отошла. Кассъ готовъ былъ отдать весь миръ за то, чтобъ позвать ее обратно, и тѣмъ не менѣе онъ оставался неподвиженъ и нѣмъ, когда повозка покатила далѣе. На первомъ-же перекресткѣ онъ соскочилъ. „Благодарю васъ“, проговорилъ онъ извознику; тотъ, отвѣтивъ, окидывая его любопытнымъ взглядомъ: „Ладно! Только въ слѣдующій разъ, когда въ этой повозкѣ захочетъ ѣхать такая дѣвушка, какъ та была, такъ я ужъ не позволю какому-нибудь слѣпому пассажиру совать свой языкъ въ это дѣло. Прощайте-съ, молодой человѣкъ! Только смотрите, не приходите домой слишкомъ поздно, а то васъ можетъ унести какая-нибудь дѣвушка, и что тогда скажетъ ваша маменька“?

Кассу оставалось только удалиться своей дорогой, бросивъ предварительно въ отвѣтъ насмѣшнику взглядъ невыразимато презрѣнія. Но онъ чувствовать, что рассчитанно-гордое обращеніе его терпитъ сильный ущербъ отъ большой заплаты, составлявшей часть мучнаго мѣшка ранѣе, чѣмъ она заняла свое видное положеніе на панталонахъ молодого человѣка. И теперь

еще, какъ бы въ насмѣшку, она сохраняла четкую надпись: „Первый сортъ“.

Наступило лѣто. Теплая погода общала Сіяющей Звѣздѣ обиліе цвѣтовъ, а можетъ быть и богатую добычу; длинныя дни дали возможность золотонскателямъ вступить въ болѣе близкое соотношеніе къ природѣ и радостныя надежды заступили теперь мѣсто зимняго унынія и недовольства. Теперь, когда не было болѣе половодья, дѣлавшаго непроходимыми всѣ броды, и снѣга, загромождавшаго всѣ дорожки. Тяжеловѣсные обладатели капиталовъ легче соглашались на недалекую экскурсію въ горы. Въ одинъ изъ этихъ радостныхъ дней Кассъ курилъ свою трубочку, сидя у двери своей одинокой хижины, какъ вдругъ, къ великому его изумленію, уединеніе это было нарушено приближеніемъ около дюжины его товарищей. Во главѣ ихъ шелъ Петръ Друммондъ, высоко размахивая газетой, какъ побѣднымъ знаменемъ.

Онъ остановился передъ Кассомъ, отгѣсня всѣхъ другихъ назадъ. „Теперь все въ отличнѣйшемъ порядкѣ, Кассъ! слышишь старина?“ воскликнулъ онъ, весь запыхавшись.

— Что въ порядкѣ? спросилъ Кассъ недовѣрчиво.

— Ты въ порядкѣ! Ты можешь теперь сколотить капиталъ. Ты счастливецъ! Ты... Теперь ты будешь спать на бархатѣ! Послушай-ка!

Онъ развернулъ газету и съ разстановкой и спокойствіемъ, мучительно пытавшими терпѣніе Касса, прочелъ слѣдующее:

„Утеряно. 4 марта 186... года на большой дорогѣ Сіяющей Звѣзды должно было быть найдено гладкое золотое кольцо съ вырѣзанной надписью „Мэй своему Кассу“. Кто нашелъ его, пусть явится къ Букгаму и Сыновья № 1007, на Широкой ул., въ Сакраменто, гдѣ получить соответственное вознагражденіе, не только въ томъ случаѣ, если онъ доставитъ обратно кольцо, но и просто тогда, когда онъ въ состояніи будетъ дать подробныя указанія относительно мѣста его нахожденія“.

Кассъ вскочилъ со своего мѣста съ нахмуреннымъ лбомъ

и глядѣлъ на товарищѣй дико сверкающими очами. „Нѣтъ! нѣтъ!“ успокоивала его дюжина голосовъ: „это не насмѣшка! это такъ-же вѣрно, какъ вѣрно Священное Писаніе! Безъ шутокъ, Кассъ!“

— Вотъ тебѣ газета, — вчерашній номеръ „Sacramento Union“ — прочитай самъ, говорилъ Друммондъ, вручая ему сильно потрепанный листъ. И смотри только, какой ты счастливецъ! Совсѣмъ не нужно представить самое кольцо, такъ что если эта сова набитая, судья, и не отдастъ его тебѣ, такъ это ничего не значить.

— Это значить только, что никто не долженъ являться, кромѣ того самого, который нашелъ кольцо, поясняя другой; а потому самъ старый хрѣнь и Ранака Джой тутъ не при чемъ.

— Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что тутъ мѣтятъ именно на тебя, Кассъ, спѣшилъ добавить третій: это такъ-же ясно, какъ бы имя твое стояло напечатаннымъ въ объявленіи.

Щадя миссъ Портеръ, а отчасти и себя, Кассъ не разсказалъ товарищамъ о томъ, что онъ снова владѣеть кольцомъ; очевидно, и Карлуша изъ горь снято хранилъ молчаніе объ этомъ предметѣ. Не желая нарушить тайпу, Кассъ и теперь ничего не говорилъ, весьма довольный тѣмъ, что кольцо утратило ту первостепенную роль, которую оно играло до сихъ поръ во всей этой запутанной исторіи; вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣя владѣло весьма естественное любопытство узнать, что все это значить, и почему теперь на первомъ планѣ стоитъ онъ, а кольцо является предметомъ второстепенной важности, и зачѣмъ это такъ нужно видѣть непременно того самого, кто нашелъ кольцо?

— Видишь ли ты, толковалъ Друммондъ, какъ бы въ отвѣтъ на его мысли: эта дѣвушка, — натурально, что тутъ не безъ дѣвушки — прочитала сообщенія въ газетахъ и, такъ сказать, вторилась въ тебя. Теперь ей все равно, кто бы ни былъ ея Кассомъ, потому что того она ужъ очевидно выбросила за бортъ.

— И по дѣломъ ему: потерялъ кольцо дѣвушки, да еще

и молчить себѣ—не пикнеть, вмѣшался другой, какъ видно, сильно заинтересованный горемъ незнакомки.

— Она же, очевидно, была тронута тѣмъ романтическимъ благородствомъ, съ какимъ ты придавалъ цѣнность этому кольцу, продолжалъ Друммондъ, совершенно упуская изъ виду всѣ тѣ насмѣшки, которыя онъ любилъ расточать по поводу этого самого романтизма. Все поселеніе вполне себя убѣдило въ томъ, что оно всегда питало самыя рыцарскія чувства, которыя теперь только должны получить достойное вознагражденіе. Несомнѣнно, „она“ дочь того самого банкира, который названъ въ объявленіи, и ужь, конечно, никакого сомнѣнія не можетъ быть въ томъ, что счастливый отецъ съ полной готовностью поспѣшитъ взять Сіяющую Звѣзду подъ свое покровительство. Таково было единогласное мнѣніе поселенцевъ. И въ самомъ дѣлѣ, развѣ не стоитъ вложить порядочный капиталъ въ обработку мѣстности, производящей матеріалъ для обручальныхъ колецъ и, какъ прибавилъ Джимъ Фокисъ, населенною молодцами, умѣющими цѣнить эти кольца. Этотъ же чувствительный виргинецъ, отведя Касса въ сторону, прошепталъ ему слѣдующее великодушное предложеніе: „Если окажется, что ты и эта дѣвушка пара неподходящая, такъ какъ у тебя приращенное отращеніе къ рыжимъ волосамъ и хромымъ ногамъ“, — поселеніе безъ всякаго основанія надѣлило таинственную подательницу объявленія этими неслишкомъ соблазнительными атрибутами—„въ такомъ случаѣ, ты можешь на меня рассчитывать. Ты такъ только замолви, что я въ такой же степени почитаю кольцо, какъ и ты, и что по воскресеньямъ я всегда просилъ одолжить его мнѣ. Если изъ этого что нибудь выйдетъ, то барышъ пополамъ“...

Весьма важнымъ представлялся теперь вопросъ относительно туалета Касса, который долженъ былъ явиться въ качествѣ дипломатическаго представителя всей общины. Само собой разумѣется, что его настоящій костюмъ былъ совершенно немыслимъ для какого бы то ни было сватовства, хотъ бы и къ „покинутой дѣвѣ“. „А впрочемъ“, предложилъ Джимъ: „онъ

могъ бы явиться къ ней именно въ такомъ видѣ, какъ онъ есть, чтобъ она подумала, что любовное горе, овладѣвъ всѣмъ его существомъ, заставило его позабыть обо всемъ прочемъ! Но Кассъ привелъ самыя неопровержимыя возраженія противъ подобнаго предложенія; его сторону принялъ и младшіе члены общины. Кое-какъ, опираясь на объявленіе въ газетѣ, заняли въ Красной Главѣ пару парусинныхъ панталонъ, красную рубашку, большой чернѣй шелковый галстухъ и панамскую шляпу. Друммондъ, хотя и не женатый, одолжилъ свое массивное вѣнчалное кольцо, которое должно было служить нѣкоторымъ тонкимъ намекомъ на пылкость и нѣжность чувствъ, и ужъ въ послѣднюю минуту Фокисъ украсилъ галстухъ Касса огромной булавкой изъ золотой руды. „Это такъ—маленькій намекъ на огромныя золотыя богатства нашего края; не долженъ же этотъ старикъ (т. е. глава фирмы Букгамъ и Сыновья) узнать, что я выигралъ эту булавку въ Санъ-Франциско. Если же ты переведешь дѣвушку на меня, то возвратишь мнѣ и булавку, и я съ нею попытаю свое счастье“. Сверхъ всего Кассъ получилъ еще сорокъ долларовъ на дорожные расходы. Вся община провожала его до перекрестка, гдѣ стояла почтовая карета, направлявшаяся въ Сакраменто; въ ней онъ и уѣхалъ, сопровождаемый тысячами пожеланій и благословеній, пистолетными выстрѣлами и маханіемъ шляпъ.

Само собой разумѣется, Кассъ нисколько не раздѣлялъ преувеличенныхъ надеждъ своихъ товарищей; что же касается ихъ плановъ относительно сватовства, то онъ гналъ отъ себя даже самую мысль объ этомъ. Онъ добродушно соглашался на все, но въ глубинѣ души хранилъ свою независимость. Вся эта исторія, однако, имѣла нѣчто заманчивое и привлекательное даже и для него. Конечно, теперь его таинственная мечта должна была разсѣяться навсегда, но ему пріятно было самое сознаніе того, что, по его желанію, она могла бы осуществиться. По крайней мѣрѣ, миссъ Портеръ услышитъ обо всемъ этомъ, — въ чемъ онъ ничуть не сомнѣвается, — и тогда она пожалѣетъ о томъ, что не умѣла цѣнить его чувствъ такъ,

какъ они этого заслуживали. Если, въ самомъ дѣлѣ, какая-нибудь богатая дѣва воспылала къ нему нѣжнымъ чувствомъ, то пусть же узнаеть миссъ Портеръ, что ради нея онъ отказался отъ блестящей будущности.

Сидя одинъ на имперіалѣ экипажа, Кассъ, подобно всѣмъ смертнымъ, одареннымъ богатой фантазіей, развивалъ въ своемъ воображеніи планъ разговора,—одного изъ тѣхъ разговоровъ, которые такъ и остаются въ области идеала, никогда не осуществляясь въ дѣйствительности. „Милѣйшая миссъ Портеръ“, отчеканивалъ онъ обращаясь къ спящъ кучера: „неужели вы можете думать, что изъ-за какихъ-нибудь презрѣнныхъ денегъ я откажусь отъ единственной страсти всей моей жизни, — я, который оставался вѣренъ пустой юношеской мечтѣ, бессмысленной химерѣ?“ Все составленіе и произнесеніе этого убѣдительнаго монолога отняло часть времени. Онъ нѣсколько разъ повторилъ эту рѣчь, послѣ чего въ головѣ его стали ужъ носиться только отдѣльные слова и отрывки ея, что причинило значительный ущербъ прелести ея стили. Тѣмъ не менѣе Кассъ продолжалъ декламировать все съ тѣмъ же пафосомъ и самоудовольствомъ: „Милѣйшая миссъ Портеръ! неужели вы можете думать, что я измѣню моей единственной страсти?“ или: „я, который отказался отъ моей юношеской мечты“ и все въ томъ же родѣ. Иногда ему приходило въ голову, что дѣло могло бы оказаться гораздо сложнѣе, еслибъ выяснилось, что незнакомка—бѣдная дѣвушка; притомъ-же ходили слухи о значительномъ состояніи миссъ Портеръ.

Банкирскій домъ Букгамъ и Сыновья съ внѣшней стороны представлялъ изъ себя весьма мало заманчиваго, и тѣмъ менѣе таинственнаго. Стекланные двери, изъ которыхъ многія были отворены, придавали ему вполнѣ практическій и дѣловой характеръ. Едва-ли кому-нибудь могло прійти въ голову дешифровать тутъ какую-нибудь тайну, не опясясь, что ее обмѣняють на звонкую монету у кассы этого учрежденія. Кассомъ овла-

дѣло неопредѣленное сознание своей неумѣстности тутъ, у этого храма реализма, со своей галливенной исторіей и найденнымъ сокровищемъ. Какъ бы въ доказательство чистоты своихъ намереній, онъ держалъ въ рукахъ свертокъ, заключавшій въ себѣ кольцо и вырѣзку изъ газеты съ объявленіемъ, но это все-таки не уменьшало его смущенія. Ближайшій изъ слушающихъ замѣтилъ Касса, взялъ у него свертокъ изъ рукъ, развернулъ его, вынулъ кольцо, но тотчасъ-же снова возвратилъ его и, продѣлавъ все это чрезвычайно быстро, проговорилъ: „Не здѣсь, молодой человѣкъ, въ слѣдующую дверь!“ Затѣмъ онъ обратился къ другому посетителю, а Кассъ вышелъ, но тотчасъ-же замѣтивъ, что слѣдующая дверь вела въ кассу ссудъ, снова возвратился. Глаза его сверкали и лицо вспыхнуло когда онъ пояснилъ. „Я пришелъ по объявленію въ газетахъ“.

Прикащикъ, окинувъ взглядомъ его галстухъ и булавку изъ золотой руды, отрывисто проговорилъ: „Мѣсто занято со вчерашняго дня—больше у насъ мѣсть нѣтъ“.

Кассъ поблѣднѣлъ отъ негодованія; но обитатели Сіяющей Звѣзды не привыкли оставаться въ долгу на дерзкія рѣчи наглецовъ, а потому онъ не замедлилъ возразить: „Что касается в а ш е г о мѣста, то я нисколько не сомнѣваюсь въ томъ, что можно сразу найти цѣлую дюжину людей, подобно вамъ способныхъ торчать въ той дырѣ, въ которой вы теперь вертитесь. Но я пришелъ по этому вотъ объявленію. Если самого старика Букгама здѣсь нѣтъ, то пошлите мнѣ кого-нибудь изъ его взрослыхъ сыновей“. Видъ вырѣзаннаго изъ газеты объявленія и смѣхъ окружающихъ оказалъ свое дѣйствіе: дерзкій молодой прикащикъ исчезъ и, возвратившись черезъ нѣсколько времени, велѣлъ Кассу послѣдовать за собой въ одну изъ заднихъ комнатъ. Кассъ снова почувствовалъ упадокъ духа, увидѣвъ предъ собою сѣдаго человѣка, вся внѣшность котораго, всѣ черты, рѣчь и манера такъ несоотвѣтствовали всему существу Касса, его кольцу и связанной съ нимъ романтической исторіи. Молодой человѣкъ рассказалъ обо всѣхъ своихъ по-

хожденіяхъ и показалъ кольцо, но банкиръ, едва удостоивъ небрежнымъ взглядомъ его сокровище, нетерпѣливо спросилъ:

— Гдѣ ваши бумаги?

— Мои бумаги?

— Ну да! Удостовереніе вышей личности. Вы говорите, что называетесь Кассомъ Бартомъ. Такъ. Но чѣмъ-же вы это подтвердите? Какъ я могу знать, кто вы такой на самомъ дѣлѣ?

Никакое подозрѣніе не можетъ въ первую минуту такъ поразить и смутить человѣка, одареннаго чувствительной душой, какъ сомнѣніе въ его личности. Кассъ чувствовалъ оскорбленіе тѣмъ сильнѣе, что онъ не имѣлъ подъ рукой никакихъ доказательствъ въ пользу истинности своихъ словъ. Банкиръ окинулъ его воркимъ, но не недружелюбнымъ взглядомъ.

— Ну, ладно, рѣшилъ онъ: въ сущности меня это совсѣмъ не касается. Если только дама, агентомъ которой я состою, будетъ удовлетворена вашими свѣдѣніями, то больше ничего и не надо. Я полагаю, что все это уладится, а такъ только предупреждало васъ на всякій случай. Я задалъ вамъ свой вопросъ изъ опасенія, чтобъ эта дама не наткнулась на какого-нибудь мошенника, но вы таковымъ не выглядите. Вотъ вамъ карточка, и отправляйтесь съ Божьей помощью.

„Миссъ Мортимеръ“ было напечатано на карточкѣ. Значить не родная дочь банкира. Первая надежда Сіяющей Звѣзды разлеталась въ прахъ, какъ пустая и суетная мечта. Но во всякомъ случаѣ, она должна быть богата, къ чему-же иначе эти заботы ея повѣреннаго объ охраненіи ея отъ встрѣчи съ мошенниками? О молодости и красотѣ ея Кассъ ужъ давно оставилъ всякія думы.

Квартира, обозначенная на карточкѣ, находилась неподалеку. Съ сильно бьющимся сердцемъ Кассъ дернулъ звонокъ одного изъ прилично выглядѣвшихъ домовъ. Ему отперли и провели въ приемную комнату. Очевидно, эта комната часто мѣняла своихъ жильцовъ—она носила общій характеръ меблированныхъ квартиръ, хотя принадлежала къ изящнѣйшимъ изъ нихъ. Эти первыя мысли Касса подтвердились еще болѣе,

когда дверь отворилась, и на порогъ ея показалась высокая дама въ глубокомъ траурѣ, находившаяся тутъ, казалось, не среди своей обычной обстановки. Съ улыбкой, носившей слѣды свѣтской непринужденности, соединенной съ печальной сдержанностью, она пригласила его сѣсть.

Миссъ Мортимеръ была молода, красива, одѣта по модѣ и вообще чрезвычайно привлекательна. Съ перваго привѣтствія и до послѣдняго прощанія Кассъ видѣлъ изъ каждаго ея слова, что она тщательно освѣдомлялась объ немъ ранѣе, что и избавило его отъ необходимости удостовѣрять свою личность. Тѣмъ не менѣе, онъ чувствовалъ себя какъ-то чрезвычайно неловко при этой женщинѣ, въ присутствіи которой онъ ясно сознавалъ всю свою юность и неопытность.

— „Надѣюсь, вы мнѣ повѣрите, начала она:—если я скажу, что собираюсь вамъ задать нѣсколько вопросовъ безъ всякой другой цѣли, кромѣ желанія доставить печальное удовлетвореніе своему сердцу“. Она грустно улыбнулась. „Если-бы дѣло находилось нѣсколько въ иномъ положеніи, я бы предоставила его судебному разслѣдованію и тогда вамъ пришлось-бы разговаривать съ людьми болѣе холодными, благоразумными и менѣе тутъ заинтересованными, нежели я. Но я полагаю, о нѣтъ, я навѣрное знаю, что вамъ можно довѣриться. Мы, женщины очень глупы съ нашимъ инстинктомъ; узнавъ мою исторію, вы убѣдитесь еще болѣе, что я-то навѣрное не должна была бы толковать объ этомъ инстинктѣ, и тѣмъ не менѣе въ васъ я надѣюсь найти необходимое сочувствіе къ подобнымъ слобостямъ; и я не ошибаюсь, не правда-ли?“ Она сопровождала свои слова меланхолической улыбкой; губы ея плотно сжались, а одна рука конвульсивно схватилась за другую; но послѣ нѣкотораго молчанія, она снова продолжала: „вы говорите, что нашли кольцо на улицѣ мѣсяца за три до... до того, какъ... вы вѣдь понимаете, о чемъ я говорю... до того, какъ найденъ былъ трупъ.“

— Да.

— Вы подумали тогда, что его обронилъ прохожій?

— Да. Я такъ подумалъ, потому что оно не принадлежало ни одному изъ нашей колоніи.

— Вы его нашли у вашей хижины или на большой дорогѣ.

— У моей хижины.

— Вы въ этомъ вполнѣ увѣрены? При этомъ она улыбнулась улыбкой все еще печальной, но вмѣстѣ съ тѣмъ столь сладостной, что краска неволью бросилась Кассу въ лицо.

— Да, но хижина моя плотно прилегаетъ къ дорогѣ.

— Ахъ, да, понимаю. И больше вы ничего не нашли? Никакихъ бумагъ? Никакой обертки?

— Больше ничего.

— И вы сохранили кольцо потому только, что имя совпало съ вашимъ?

— Да.

— Безъ всякаго другого основанія?

— Безъ всякаго другого. Кассъ чувствовалъ, какъ яркій румянецъ покрылъ его лицо при этихъ словахъ.

— Извините меня, если я вамъ снова задамъ вопросъ, на который вы мнѣ ужъ одинъ разъ отвѣчали; но меня это чрезвычайно занимаетъ. На судъ, кажется, старались доказать, что кольцо найдено при трупѣ этого... несчастнаго человѣка. Вы это отрицаете?

— Могу въ этомъ поклясться.

— Боже правый! Какой измѣнникъ! Она быстро поднялась съ мѣста и прошла къ окну, но тотчасъ же снова возвратившись къ Кассу, проговорила совершенно надломленнымъ голосомъ:—я обѣщала довѣрить вамъ все,—это кольцо принадлежало нѣкогда мнѣ.

Послѣ нѣкотораго молчанія, она какъ-то торопливо заговорила:

— Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я дала его человѣку который оскорбилъ и обманулъ меня,—человѣку, жизнь котораго съ тѣхъ поръ стала позоромъ для всякаго, кто знаетъ его когда либо, человѣку, который нѣкогда заслуживалъ названіе джентльмена, но потомъ погрязъ такъ глубоко, что сталъ товарищемъ

всѣхъ негодяевъ и воровъ, такъ глубоко погрязъ, что сталъ измѣнникомъ даже въ ихъ средѣ, и, убитый ими, былъ позорно брошенъ, чтобы исчезнуть въ безвѣстной могилѣ. Таковъ былъ человѣкъ, трупъ котораго вы нашли!

Кассъ содрогнулся. „Его имя“, спросилъ онъ.

— Его имя отчасти совпадаетъ съ вашимъ, — Кассъ... Генрихъ Кассъ“. Помолчавъ немного, она продолжала: — теперь вы видите, почему Провидѣніе послало кольцо именно въ ваши руки. Если вы интересуетесь знать, почему меня такъ занимаетъ вопросъ о томъ, нашли ли вы кольцо на улицѣ, или у трупа, то выслушайте! Огромная часть моего позора заключается въ томъ, что, какъ говорятъ, этотъ человѣкъ всѣмъ показывалъ мое кольцо, хвасталъ имъ, а потомъ поставилъ его на игорный столъ и проигралъ одному изъ своей жалкой компаніи.

— Ранакъ Джю, проговорилъ Кассъ, вспоминая теперь смѣхъ конокрада при предъявленіи ему кольца на судѣ.

— Да, да, онъ самый! воскликнула она съ живостью: если бы кольцо нашлось у трупа, мнѣ бы еще оставалась вѣра въ то, что въ скрытомъ уголкѣ его сердца живетъ слабая искра чувства къ женщинѣ, которую онъ обманулъ. На то ужъ я женщина... быть можетъ глупая, безумная... теперь же моя послѣдняя надежда погибла навсегда!

— Но зачѣмъ вы собственно меня призвали? спросилъ Кассъ, глубоко тронутый видомъ ея отчаянія.

— А зачѣмъ, что мнѣ хотѣлось знать навѣрное, дико воскликнула она: „развѣ вы не можете понять, что женщина, подобная мнѣ, не въ состояніи выносить неизвѣстности? Но, кромѣ того, вы можете быть мнѣ полезны; я звала васъ не только зачѣмъ, чтобъ обременять васъ своими жалобами и страданіями. Вы должны взять меня съ собой туда, гдѣ вы нашли кольцо, туда, гдѣ лежалъ трупъ, къ тому мѣсту, гдѣ... гдѣ онъ погребенъ. Но вы должны это устроить такъ, чтобъ никто не видѣлъ, не могъ узнать меня.

Кассъ колебался. Онъ думалъ о своихъ товарищахъ; о ихъ

блестящихъ, радужныхъ надеждахъ, разлетѣвшихся въ прахъ, подобно столь же блестящему и радужному мыльному пузырю. Какъ сохранить ему тайну отъ нихъ?

— Если вамъ нужны на это деньги, то скажите прямо, я вашимъ временемъ также не хочу злоупотреблять, безъ соотвѣтствующаго вознагражденія. У Буктама лежитъ тысяча долларовъ, предназначенныхъ тому, кто найдетъ кольцо; я удвою эту сумму, если вы не откажете мнѣ въ моей просьбѣ.

Онъ подумалъ, что, въ самомъ дѣлѣ, это возможно. Онъ возьметъ ее съ собой такъ, чтобы никто не узналъ. Товарищамъ онъ скажетъ, что нужны еще нѣкоторыя показанія для полученія въ руки вознагражденія, а если потомъ онъ раздѣлитъ свою награду съ другими, то все будетъ улажено.

— Я васъ доставлю туда, проговорилъ онъ рѣшительно.

Съ благодарной улыбкой она взяла его руки и поднесла къ своимъ губамъ. Вся сдержанность и печаль вдругъ исчезли съ ея лица, а въ темныхъ глазахъ сверкнулъ кокетливый веселый огонекъ, такъ сильно поразившій впечатлительную душу Касса, что онъ оставилъ ее домъ съ какимъ-то туманомъ въ головѣ и путаницей въ мысляхъ. Что сказала бы миссъ Портеръ, узнавъ обо всемъ случившемся? мелькнуло у него въ головѣ. Но вѣдь онъ возвратится къ ней счастливѣе прежняго и богаче на тысячу долларовъ. Зачѣмъ же ему терзаться угрызениями совѣсти изъ-за того только, что онъ растрогался печальной судьбой красивой женщины? Усаживая ее почтовую карету, онъ испытывалъ удовольствіе отъ признанія ея близости, а воспоминаніе о другой поѣздкѣ съ другою женщиной нисколько ему не мѣшало расточать этой слова утѣшенія; онъ, вѣдь, только исполняетъ свой долгъ. Рѣшено было, что онъ высадитъ ее въ гостиницѣ Красной Главы, а самъ будетъ продолжать свой путь въ Сіяющую Звѣзду. Въ полдень онъ пріѣдетъ за нею, если только будетъ надежда доставить ее незамѣченной къ мѣсту назначенія.

Уже свѣтало, когда карета остановилась въ Красной Главѣ. Залитая огнями гостиница, казалось, соперничала яркимъ свѣ-

томъ своей столовой и буфета съ пылающимъ заревомъ дальняго востока. Кассъ сошелъ, передалъ свою спутницу хозяйкѣ и потомъ возвратился къ каретѣ, наполненной тяжелымъ ночнымъ воздухомъ, выдыхаемымъ многочисленными спутниками, изъ которыхъ нѣкоторые были погружены въ глубокой сонъ. Замѣтивъ свободное мѣсто съ наружной стороны кареты, Кассъ поспѣшилъ избраться туда, гдѣ и помѣстился рядомъ съ плотно укутанной фигурой. Что-то слегка зашевелилось подъ многочисленными покрывами; укутанная фигура повернулась къ нему, и холодный голосъ проговорилъ:

- Добраго утра! То былъ голосъ миссъ Портеръ.
- Вы давно здѣсь? пробормоталъ онъ.
- Всю ночь.

Въ это время карета тронулась. Самымъ искреннимъ желаніемъ Касса было соскочить съ козелъ, чтобъ избѣжать непонимаемаго теперь объясненія. Онъ чувствовалъ, что его смущеніе, въ сущности совершенно неосновательное, рѣзко бросается въ глаза, но, подобно многимъ неловкимъ и мнительнымъ людямъ, самъ себя запутывалъ все болѣе и болѣе. Онъ все ей объяснилъ, выдалъ даже свою тайну, потомъ сталъ терзаться мучительными укорами совѣсти, ясно чувствуя въ то-же время, что откровенность его рѣшительно ничего не оправдала, ничего не выяснила и не поправила.

— Такъ это, значить, ваша Мэй? спросила дѣвушка, пожимая плечами.

Кассъ собирался тотчасъ-же начать снова всю исторію сначала.

— Пожалуйста, оставьте! Эта исторія и не интересна и не оригинальна. А вы вѣрите всему?

— Я? да! отвѣчалъ Кассъ, вспыхивъ.

— Какое счастье! Пожалуйста, дайте мнѣ спать.

Кассъ, все еще раздраженный, рѣшился не обращаться къ ней болѣе ни съ однимъ словомъ, но на душѣ у него было скверно. Когда карета, наконецъ, остановилась въ Сіяющей

Звѣздѣ, дѣвушка небрежно спросила: „Когда начнется это трогательное странствіе къ святымъ мощамъ?“

— Я заѣду за нею въ часъ, отвѣчалъ Кассъ съ искусственной суровостью.

Онъ сдержалъ слово. Товарищей онъ смягчилъ обѣщаніемъ будущихъ богатствъ и перспективой единовременнаго огромнаго вознагражденія. Затѣмъ онъ взялъ съ собой миссъ Мортимеръ и привезъ ее къ своей хижинѣ, объѣзжая окольнымъ путемъ, только ему одному извѣстнымъ. На ея вѣсколько увядшихъ щекахъ горѣлъ теперь румянецъ возбужденія.

— Такъ здѣсь? спросила она въ волненіи.

— Здѣсь я нашелъ кольцо.

— А трупъ?

— Его я нашелъ гораздо позже вонъ въ томъ направленіи, по ту сторону орѣшника, у шлагбаума Красной Главы.

— А скажите: если кто-нибудь направлялся по большой дорогѣ къ... тому мѣсту, то непременно долженъ былъ проходить здѣсь? спросила она съ какимъ-то страннымъ смѣхомъ, кладя въ тожс время свою холодную, нервно дрожащую руку на его руку: „Не такъ-ли?“

— Да, совершенно вѣрно.

— Такъ, прошу васъ, пойдите... туда.

Кассъ направился поспѣшными шагами, стараясь поскорѣе укрыться отъ взоровъ любопытныхъ глазъ въ лѣсу, расположенномъ по другую сторону дороги.

— Какъ видно, вы часто ходили этой дорогой, — тропинка выгладитъ такой протоптанной.

— Быть можетъ и я ее протопталъ, — это кратчайшій путь къ рошѣ.

— Вы больше никогда ничего не находили на дорожкахъ.

— Я ужъ вамъ сказалъ, что никогда ничего не находилъ, кромѣ кольца.

— Да, да, вы правы. Потому-то вы и были такъ удивлены. Я, вдругъ, было все это и забыла.

Через полчаса они достигли роши. По пути она тщательно разсматривала всё подробности и особенности дороги. Когда они переходили через дорогу и Кассъ указалъ ей мѣсто преступленія, она спросила, робко оглядываясь вокругъ: „Вы увѣрены въ томъ, что никто за нами не наблюдаетъ?“

— Вполнѣ увѣренъ.

— Не считите меня сумасбродной, если я попрошу васъ постоять здѣсь, пока я схожу туда одна, проговорила она, указывая на роковую чашу. Лицо ея было покрыто мертвенной блѣдностью.

Сердце Касса охладѣло къ прекрасной незнакомкѣ послѣ разговора съ миссъ Портеръ, но теперь онъ былъ снова растроганъ и смягченъ.

— Идите. Я подожду.

Прошло пять минутъ, но она не возвращалась. Ужъ не вздумала-ли несчастная покончить съ собою на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ ея вѣроломный любовникъ палъ отъ руки убійцы? Вскорѣ, однако, Кассъ успокоился, услыжавъ шумъ женского платья среди низкихъ деревь.

— А я ужъ началъ было беспокоиться проговорилъ онъ.

— И не напрасно, отвѣчалъ ему голосъ торопливымъ шепотомъ; онъ вздрогнулъ, потому что съ этими словами показалась миссъ Портеръ изъ-за кустовъ: „Поглядите-ка туда, видите-ли вы человѣка вонъ тамъ на дорогѣ? Онъ слѣдилъ за обоими вами отъ самой хижины. Знаете-ли, кто онъ такой?“

— Нѣтъ.

— Такъ я вамъ скажу: это Въ-Три-Пальца-Толстъ, одинъ изъ самыхъ закоренѣлыхъ уличныхъ разбойниковъ. Я его знаю.

— Поспѣшимъ-же предупредить ее, воскликнулъ Кассъ:

Миссъ Портеръ положила свою руку къ нему на плечо. „Не думаю, чтобъ она была вамъ за это благодарна. Не лучше-ли вамъ будетъ пойти взглянуть, чѣмъ-то она тамъ занимается?“

Совершенно смущенный и растерянный Кассъ, отправился вслѣдъ за своей собесѣдницей, невольно подчиняясь ея власти.

Ловкая и увертливая дѣвушка съ легкостью котенка скользила среди гущи вѣтвей. Вдругъ она остановилась неподвижно: „Извольте-ка поглядѣть“, злобно проговорила она:— „будьте сами свидѣтелемъ тѣхъ нѣжныхъ поминокъ, какія справляетъ ваша разбитая Мэй на могилѣ усопшаго!“ И Кассъ увидѣлъ, что женщина, съ которой онъ недавно только расстался, стояла теперь на колѣняхъ и, какъ кротъ, усердно рыла и шарила на землѣ; онъ видѣлъ также, что время отъ времени она поднимала голову и бросала взглядъ тревожный и пристальный въ ту сторону, гдѣ по ея мнѣнію находился онъ самъ. Но вдругъ кусты хруснули и вслѣдъ за тѣмъ человекъ, тотъ самый, котораго они только что видѣли на дорогѣ, однимъ прыжкомъ очутился возлѣ нея. „Бѣгите“, проговорилъ онъ: „бѣгите изо всѣхъ силъ—за вами наблюдаютъ“.

— Ахъ, этотъ человекъ... Бартъ? выговорила она презрительно.

— Нѣтъ! другой! Спѣшите-же, глупая женщина! Теперь вы знаете мѣсто и возвратитесь въ другой разъ. „Скорѣе, скорѣе!“ Съ этими словами онъ схватилъ ее на руки и исчезъ въ кустахъ. Едва только они успѣли скрыться, какъ миссъ Портеръ успѣшила занять мѣсто таинственной незнакомки. „Поглядите-ка сюда!“ воскликнула она торжествующимъ голосомъ: „Что вы теперь скажете?“ Кассъ опустился возлѣ нея на колѣни. „Ужъ это стоило тысячи долларовъ, неправда-ли?“ продолжала она уже злобно. „Не правда-ли? Но ваша обязанность возвратить ей это назадъ. Безъ всякихъ шутокъ, вы должны были-бы это сдѣлать“.

Кассъ не могъ произнести ни звука. „Но какимъ-же образомъ вы это узнали?“ выговорилъ онъ, наконецъ.

— О, я тотчасъ-же увидѣла тутъ нѣчто подозрительное... женщина была замѣшана... а вы такой простофиля.

Кассъ сталъ на ноги и принять суровый видъ.

— Не доставляйте мнѣ новаго доказательства того, что я говорю правду, а достаньте-ка мнѣ лучше мою лошадь съ коляской, да не говорите ничего кучеру.

- Такъ вы не одни приѣхали?
 — Нѣтъ, — вѣдь это было-бы слишкомъ смѣло и неприлично.
 — Перестаньте, пожалуйста!
 — Если подумать, къ какой развязкѣ привело это кольцо.
 — Да, кольцо, которое я отъ васъ получилъ обратно.
 — Что вы сказали?
 — О, ничего!
 — Оставимъ это теперь, — экипажъ приближается.

Въ ближайшемъ-же номерѣ утренняго „Chronicle“ Красной Главы читатели могли ознакомиться съ слѣдующимъ сенсационнымъ сообщеніемъ:

«Удивительное открытіе!»

„Отысканіе похищенныхъ денегъ фирмы Вельсъ, Фарго и Комп., на сумму болѣе 300,000 долларовъ“.

„Въ памяти нашихъ читателей, вѣроятно, свѣжъ еще слухи о похищеніи въ ночь на 1-ое сентября, въ почтовой каретѣ, совершающей свой путь между Сакраменто и Красной Главой денегъ фирмы Вельсъ, Фарго и Комп. Хотя вся почти шайка была переловлена, но двумъ изъ ея членовъ удалось улизнуть и унести съ собой добычу, состоящую изъ векселей, золота и драгоценныхъ камней, приблизительно на сумму въ 300,000 долларовъ. Какъ давно подозрѣвали, сокровища эти были зарыты въ землю; но вчера одному изъ нашихъ согражданъ, высокочтимому господину Кассу Баргу, давно уже снискавшему себѣ глубочайшее уваженіе всѣхъ окрестныхъ жителей, удалось найти похищенные деньги въ орѣховыхъ кустахъ, близъ плагбаума Красной Главы, у того самаго мѣста, гдѣ нѣсколько времени тому назадъ поднятъ былъ трупъ незнакомца. Возникаютъ весьма основательныя подозрѣнія, что трупъ принадлежалъ нѣкому Генриху Кассу, извѣстному гнусностью своего характера и оказывающемуся теперь однимъ изъ двухъ бѣ-

завшихъ воровъ. Въ настоящее время все дѣло передано судебному разслѣдованію. Открытіемъ этимъ мы обязаны систематическому плану гениальнаго господина Барта, потратившаго на это общепольное дѣло цѣлый годъ времени; первый толчекъ былъ данъ ему найденнымъ кольцомъ, которое, какъ оказывается, принадлежало къ числу похищенныхъ сокровищъ оброчено было преступниками во время бѣгства ихъ чрезъ Ляющую Звѣзду“.

Другое сообщеніе того-же номера хроники должно пояснить и пополнить намъ правдивый рассказъ:

„Носятся слухи, что въ скоромъ времени должно состояться ракосочетаніе героя исторіи отысканія сокровищъ съ молодой дѣвушкой изъ Красной Главы. Самоотверженная дѣятельность дѣвушки на помощь этому дѣлу снискала ей извѣстность среди всѣхъ членовъ общины“.

То, чего не было.

Въ одинъ прекрасный іюньскій день,—а прекрасный онъ былъ потому, что было двадцать восемь градусовъ по Реомюру,— въ одинъ прекрасный іюньскій день было вездѣ жарко, а на полянкѣ въ саду, гдѣ стояла копна недавно скопешаго сѣна, было еще жарче, потому что мѣсто было закрытое отъ вѣтра густымъ, прегустымъ вѣшнякомъ. Все почти спало: люди наѣлись и занимались послѣобѣденными боковыми занятіями; птицы примолкли; даже многія насѣкомыя, попрятались отъ жары. О домашнихъ животныхъ нечего и говорить: скоть, крупный и мелкій, прятался подъ навѣсъ; собака, вырывъ себѣ подъ амбаромъ яму, улеглась туда и, полузакрывъ глаза. прерывисто дышала, высунувъ розовый языкъ чуть не на полъ-аршина; иногда она, очевидно отъ тоски, происходящей отъ смертельной жары, такъ зѣвала, что при этомъ даже раздавался тоненькій визгъ; свиньи, маменька съ 13-ю дѣтками, отравились на берегъ и улеглись въ черную, жирную грязь, причеъ изъ грязи видны были только сопѣвшіе и храпѣвшіе свинные пяточки съ двумя дырочками, продолговатыя, облитыя грязью спины, да огромныя повислыя уши. Однѣ куры, не боясь жары, кое-какъ убивали время, разгребая лапами сухую землю противъ кухоннаго крыльца, въ которой, какъ онѣ отлично знали, не было уже ни одного зернышка; да и то пѣтуху, должно быть, приходилось плохо, потому что иногда онъ принимать глупый видъ и во все горло кричать: „какой скаанда-агъ!“

Вотъ мы и ушли съ полянки, на которой жарче всего, а на этой-то полянкѣ и сидѣло цѣлое общество неспавшихъ господъ. То-есть сидѣли-то не всѣ; старый гнѣдой, напримѣръ, съ опасностью для своихъ боковъ отъ кнута кучера Антона разгребавшій копну сѣна, будучи тошадью, вовсе и сидѣть не умѣлъ; гусеница какой-то бабочки тоже не сидѣла, а скорѣе лежала на животѣ; но дѣло вѣдь не въ словѣ. Подъ вишнею собралась маленькая, но очень серьезная компанія: улитка, навозный жукъ, ящерица, вышеупомянутая гусеница; прискакала кузнечикъ. Возлѣ стоялъ и старый гнѣдой, прислушиваясь къ ихъ рѣчамъ однимъ повернутымъ къ нимъ гнѣдымъ ухомъ, съ торчащими изнутри темносѣрыми волосами; а на гнѣдомъ сидѣли двѣ мухи.

Компанія вѣжливо, но довольно одушевленно спорила, причемъ, какъ и слѣдуетъ быть, никто ни съ кѣмъ не соглашался, такъ какъ каждый дорожилъ независимостью своего мнѣнія и характера.

— По моему, говорилъ навозный жукъ,—порядочное животное прежде всего должно заботиться о своемъ потомствѣ. Жизнь есть трудъ для будущаго поколѣнія. Тотъ, кто сознательно исполняетъ обязанности, возложенныя на него природой, тотъ стоитъ на твердой почвѣ: онъ знаетъ свое дѣло и, чтобы ни случилось, онъ не будетъ въ отвѣтѣ. Посмотрите на меня: кто трудится больше моего? Кто цѣлые дни безъ отдыха катаетъ такой тяжелый шаръ?—шаръ, мною-же столь искусно созданный изъ навоза съ великой цѣлью дать возможность вырости новымъ подобнымъ мнѣ навознымъ жукамъ? Но за то не думаю, чтобы ктонибудь былъ такъ спокоенъ совѣстью и съ чистымъ сердцемъ могъ бы сказать: „да, я сдѣлалъ все, что могъ и долженъ былъ сдѣлать“, какъ скажу я, когда на свѣтъ явятся новые навозные жуки. Вотъ что значитъ трудъ!

— Поди ты, братецъ, съ своимъ трудомъ! сказалъ муравей, притащившій во время рѣчи навознаго жука, несмотря на жару, чудовищный кусокъ сухого стебелька. Онъ на минуту остановился, присѣлъ на четыре заднія ножки, а двумя

передними отеръ потъ со своего измученнаго лица.—И я вѣд-
тружусь, и побольше твоего! Но ты работаешь для себя, или
все равно, для своихъ жученятъ; не всё такъ счастливы...
попробовалъ бы ты потаскать бревна для казны, вотъ какъ я.
Я и самъ не знаю, что заставляетъ меня работать, выбиваясь
изъ силъ, даже и въ такую жару.—Никто за это и спасибо
не скажетъ. Мы, несчастные рабочіе муравьи, всё трудимся.
а чѣмъ красна наша жизнь? Судьба!..

— Вы, навозный жукъ, слишкомъ сухо, а вы, муравей,
слишкомъ мрачно смотрите на жизнь, возразилъ имъ кузне-
чнкъ. Нѣтъ, жукъ, я люблю такъ потрещать и попрыгать, и
ничего! совѣсть не мучить! Да при томъ, вы несколько не
коснулись вопроса, поставленнаго г-жей ядерицей: она спро-
сила: „что есть міръ?“ а вы говорите о своемъ навозномъ шарѣ:
это даже невѣжливо. Міръ — міръ по моему очень хорошая
вещь уже потому, что въ немъ есть для насъ молодая травка,
солнце и вѣтерокъ. Да и великъ же онъ! Вы здѣсь, между
этими деревьями, не можете имѣть никакого понятія о томъ,
какъ онъ великъ. Когда я бываю въ полѣ, я иногда вспры-
гиваю какъ только могу вверхъ, и увѣряю васъ, достаю
огромной высоты. И съ нея-то я вижу, что міру нѣтъ конца.

— Вѣрно, глубокомысленно подтвердилъ гнѣдой. — Но
всѣмъ вамъ, все-таки, не увидѣтъ и сотой части того, что ви-
дѣлъ на своемъ вѣку я. Жаль, что вы не можете понять, что
такое верста... За версту отсюда есть деревня Лупаревка:
туда я каждый день ѣзжу съ бочкой за водою. Но тамъ меня
никогда не кормятъ. А съ другой стороны Ефимовка, Висля-
ковка; въ ней церковь съ колоколами. А потомъ Святс Троиц-
кое, а потомъ Богоявленскъ. Въ Богоявленскѣ мнѣ всегда
даютъ сѣна, но сѣно тамъ плохое. А вотъ въ Николаевѣ,—
это такой городъ, двадцать восемь верстъ отсюда, такъ тамъ
сѣно лучше и овесъ даютъ; только я не люблю туда ѣздить:
туда ѣздить на насъ баринъ и везить кучеру погонять, а ку-
черъ больно стегаетъ насъ кнутомъ... А то есть еще Алек-
сандровскъ, Бѣлозерка, Херсонъ — городъ тоже... Да только,

куда вамъ понять все это!.. Вотъ это-то и есть міръ; не весь, положимъ, ну да все-таки значительная часть.

И гнѣдой замолчать, но нижняя губа у него все еще шевелилась, точно онъ что-нибудь шепталъ. Это происходило отъ старости: ему былъ уже 17-й годъ, а для лошади это все равно, что для человѣка семьдесятъ седьмой.

— Я не понимаю вашихъ мудреныхъ лошадиныхъ словъ, да признаться и не говюсь за вами, сказала улитка. — Мнѣ былъ бы лопухъ, а его довольно: вотъ уже я четыре дня ползу, а онъ все еще не кончается. А за этимъ лопухомъ есть еще лопухъ, а въ томъ лопухѣ навѣрно сидитъ другая улитка. Вотъ вамъ и все. И прыгать никуда не нужно—все это выдумки и пустяки; сиди себѣ, да ѣшь листь, на которомъ сидишь. Если бы не лѣнь ползти, давно бы ушла—отъ васъ съ вашими разговорами: отъ нихъ голова болить и больше ничего.

— Нѣтъ, позвольте, отчего же? перебилъ кузнечикъ, — погрѣщать очень пріятно, особенно о такихъ хорошихъ предметахъ, какъ безконечность и прочее такое. Конечно, есть практическія натуры, которыя только и заботятся о томъ, какъ бы набить себѣ животъ, какъ вы или вотъ эта прелестная гусеница...

— Ахъ нѣтъ! оставьте меня, прошу васъ, оставьте, не троньте меня! жалобно воскликнула гусеница; — я дѣлаю это для будущей жизни, только для будущей жизни.

— Для какой тамъ еще будущей жизни? спросилъ гнѣдой.

— Развѣ вы не знаете, что я послѣ смерти сдѣлаюсь бабочкой съ разноцвѣтными крыльями?

Гнѣдой, ящерица и улитка этого не знали, но насѣкомыя имѣли кое-какое понятіе. И всѣ немного помолчали, потому что никто не умѣлъ сказать ничего о будущей жизни!

— Къ твердымъ убѣжденіямъ нужно относиться съ уваженіемъ, затрепалъ, наконецъ, кузнечикъ. — Не желаетъ ли кто сказать еще что нибудь? Можетъ быть вы? обратился онъ къ мухамъ. И старшая изъ нихъ отвѣтила:

— Мы не можемъ сказать, чтобы намъ было худо. Мы сейчасъ только изъ комнатъ; барыня разставила въ мискахъ наваренное варенье и мы забрались подъ крышку и наѣлись. Мы довольны. Наша маменька увязла въ вареньи, но чтожь дѣлать? Она уже довольно пожила на свѣтѣ. А мы довольны.

— Господа, сказала ящерица, я думаю, что всѣ вы совершенно правы! Но съ другой стороны...

Но ящерица такъ и не сказала, что было съ другой стороны, потому что почувствовала, какъ что-то крѣпко прижало ся хвостъ къ землѣ.

Это пришелъ за гнѣдымъ проснувшійся кучеръ Антошь; онъ нечаянно наступилъ своимъ сапожникомъ на компанію и раздавилъ ее. Одняѣ мухи улетѣли обсасывать свою мертвую, обмазанную вареньемъ маменьку, да ящерица убѣжала съ оторваннымъ хвостомъ. Антошь взялъ гнѣдаго за чубъ и повелъ его изъ сада, чтобы запречь въ бочку и вѣхать за водой, при чемъ приговаривать: ну, иди ты, хвостяка! на что гнѣдой отвѣчалъ только шептаньемъ.

А ящерица осталась безъ хвоста. Правда, черезъ нѣсколько времени онъ выросъ, но навсегда остался какимъ-то тупымъ и черноватымъ. И когда ящерицу спрашивали, какъ она повредила себѣ хвостъ, то она скромно отвѣчала:

— Мнѣ оторвали его за то, что я рѣшилась высказать свои убѣжденія.

И она была совершенно права.

Всеволодъ Гаршинъ.

6 февраля, 1882.

Народная школа въ Швейцаріи.

«Каждый народъ долженъ и можетъ учиться у другого».

(Карлъ Маркъсъ «Das Capital», I, стр. 6).

I.

Съ тѣхъ поръ, какъ народы начали познавать значеніе образованія, школьный вопросъ составляетъ одинъ изъ самыхъ згучныхъ соціальныхъ вопросовъ. Въ разумные періоды, когда поначенія о народномъ благѣ стояли на первомъ планѣ и были результатомъ искренняго чувства любви къ народу, а не маскою только и пустыми фразами, въ эти, крайне немногочисленные, періоды исторической жизни, самыя лучшія силы посвящали себя дѣлу народнаго образованія. Общій культурный прогрессъ шелъ рука объ руку съ развитіемъ народной школы не только какъ источникъ, но и какъ результатъ этой послѣдней. Народная школа можетъ служить наилучшимъ критеріемъ историческаго прогресса, историческаго развитія вообще. Вслѣдствіе этого, какъ намъ кажется, исторія народной школы могла бы служить самымъ лучшимъ воспитательнымъ средствомъ въ умственномъ и, въ особенности, въ нравственномъ отношеніи. Она, въ несравненно высшей степени, чѣмъ исторія войны, въ состояніи возбудить въ учащейся молодежи любовь къ отечеству, любовь къ народу, и, притомъ, не вселяя въ юныя сердца яда шовинизма, яда, присущаго политическаго исторіи.

Принципъ, что каждый народъ долженъ и можетъ учиться у другихъ, ни въ чемъ не выразился яснѣе, ни въ чемъ не проявился болѣею необходимостью, какъ въ дѣлѣ народнаго образованія.

ванія. Вездѣ, во всякой культурной странѣ, занимался изслѣдованіемъ школьнаго дѣла другихъ странъ. Но изслѣдованія эти были всегда односторонни: школьный вопросъ рассматривали самъ по себѣ, безъ всякаго отношенія къ общей соціальной жизни, и ограничивались, притомъ, почти однимъ только изслѣдованіемъ методовъ преподаванія. Изслѣдованія эти, сверхъ того, основывались на предвзятыхъ мнѣніяхъ о странахъ, гдѣ они производились. Да они и производились съ исключительной цѣлью абсолютнаго подражанія, когда изслѣдуемая страна стояла, въ культурномъ отношеніи, выше отечества изслѣдователей. Такимъ образомъ, методы преподаванія въ Германіи напр. бывали всецѣло вводимы въ Россію, причемъ очень мало задумывались о цѣлесообразности такихъ абсолютныхъ подражаній, о соответственности нѣмецкихъ методовъ русскимъ условіямъ и т. п. Вслѣдствіе этого, эти перепятыя системы подвергались, во вредъ школѣ, столь часто «кореннымъ ломкамъ».

Трудъ, начало котораго составляетъ настоящая статья, имѣетъ не педагогическую, а общественную цѣль. Мы будемъ заниматься изслѣдованіемъ не методовъ преподаванія, а общественныхъ основаній народнаго образованія. Эти послѣднія болѣе международнаго характера и, слѣдовательно, болѣе международнаго значенія. Мы отнюдь не думаемъ умалить значеніе изслѣдованій методовъ преподаванія, существующихъ въ различныхъ странахъ. Авторъ имѣетъ, въ настоящее время, слишкомъ мало конкретныхъ данныхъ для подобнаго изслѣдованія и только потому и отказывается отъ него, предоставляя его людямъ болѣе компетентнымъ, самъ же ограничивается вышеозначенными предѣлами.

Мы пока ограничиваемся рассмотрѣніемъ народнаго образованія въ Швейцаріи, какъ потому, что у насъ для этого больше всего матеріала (хотя и тутъ матеріала этого настолько мало, благодаря недостаточности изслѣдованій, что трудъ нашъ не будетъ претендовать на полноту даже въ предѣлахъ нашей задачи), такъ и потому, что швейцарская народная школа развивалась свободнѣе отъ личныхъ вліяній отдѣльныхъ лицъ, въ родѣ министровъ, и составляетъ чисто народное созданіе.

Эпохой для нашего изслѣдованія мы выбираемъ начало семидесятыхъ годовъ—потому, что эта эпоха больше всѣхъ изслѣдована, и потому, что Швейцарія той эпохи представляетъ больше

интереснаго для насъ разнообразія въ школьномъ дѣлѣ. Школа состояла тогда подъ верховнымъ надзоромъ кантоновъ, между тѣмъ какъ теперь верховное право это принадлежитъ федераціи, въ лицѣ бундесрата (министерства). Приэтомъ, въ началѣ семидесятыхъ годовъ, обязательность школы существовала въ нѣсколькихъ только кантонахъ, между тѣмъ какъ въ настоящее время, она признана для всей Швейцаріи. Вслѣдствіе всего этого изслѣдованіе о швейцарской народной школѣ начала семидесятыхъ годовъ можетъ намъ дать больше интересныхъ, поучительныхъ данныхъ.

Рекрутскія испытанія.

При обсужденіи удовлетворительности или неудовлетворительности школы, рациональности или нерациональности, пользы или вреда отдѣльных ея явленій—намъ необходимо имѣть, для сравненія, въ видѣ мѣрила, какое-нибудь конкретное явленіе положительнаго достоинства. Таковымъ мѣриломъ могутъ намъ служить рекрутскія испытанія. Мѣрило это, правда, не удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ; оно относительнаго только достоинства. Во-первыхъ, рекрутскимъ испытаніямъ подвергается только часть подростающаго поколѣнія: дѣвушки и всѣ мужчины, не принятые въ военную службу, не подвергаются имъ. Во-вторыхъ, познанія, оказываемыя при рекрутскихъ испытаніяхъ на 20-мъ или 21-мъ году, не суть и прямой, полный результатъ народной школы; познанія эти или ниже вынесенныхъ изъ школы, или же выше ихъ и представляютъ плодъ самообученія. Но такъ какъ у насъ другого мѣрила народнаго образованія нѣтъ, то мы принуждены довольствоваться упомянутымъ.

Рекрутскія испытанія въ Швейцаріи производятся не только по отношенію къ умѣнью читать и писать, а включаютъ въ себя, сверхъ того, ариметику, исторію и географію Швейцаріи. Вслѣдствіе этого, рекрутскія испытанія въ Швейцаріи весьма интересны.

Мы выбираемъ рекрутскія испытанія 1874 года, такъ какъ лица, подвергавшіяся имъ, кончали народное училище въ періодъ 1870—1872 годовъ.

Народное образованіе стояло высоко: изъ 17.294 рекрутовъ, подвергавшихся испытанію, только 621 оказался безграмотными или едва умѣющими читать и писать. По общимъ результатамъ этихъ испытаний, Базель-городъ занималъ 1-е мѣсто. Женева—2-е, Цюрихъ—3-е, Ваатландъ—4-е, Тургау—5-е, Шафгаузенъ—6-е, Нейенбургъ—7-е, С. Галленъ—8-е, Золотурнъ—9-е, Аппенцель (нар.) Роденъ—10-е, Сельскій Базель—11-е, Люцернъ—12-е, Граубюнденъ—13-е, Бернъ—14-е, Ааргау—15-е, Цугъ—16-е, Гларусъ—17-е, Тессинъ—18-е, Ури—19-е, Фрейбургъ—20-е, Обвальденъ—21-е, Швицъ—22-е, Валезія—23-е, Нидвальденъ—24-е, Аппенцель (внутрен.) Роденъ—25-е, то-есть самое послѣднее мѣсто въ ряду швейцарскихъ кантоновъ.

Распределеніе школъ по кантонамъ.

Кантоны.	Число школъ.	1 школа на				Порядокъ по народному образованію.
		Жителей.	Порядокъ.	Квадр. километровъ.	Порядокъ.	
Цюрихъ	369	769	20	4,02	6	3
Бернъ	877	571	11	7,77	15	14
Люцернъ	163	809	21	9,21	17	12
Ури	29	554	9	37,1	25	19
Швицъ	74	645	15	12,3	20	22
Обвальденъ	26	555	10	18,3	22	21
Нидвальденъ	24	488	6	12,1	19	24
Гларусъ	32	1100	23	21,5	23	17
Цугъ	28	747	19	8,53	16	16
Фрейбургъ	303	364	4	5,45	8	20
Золотурнъ	127	587	12	6,12	11	9
Базель-городъ	14	3360	25	2,64	1	1
Сельскій Базель	74	731	17	5,62	10	11
Шафгаузенъ	39	965	22	7,06	14	6
Аппенцель нар. Роденъ	70	696	16	3,72	3	10
Аппенцель внутр. Роденъ	16	745	18	9,23	18	25
Санъ Галленъ	302	631	14	6,62	13	8
Граубюнденъ	324	284	3	22,1	24	13
Ааргау	334	594	13	4,15	4	15
Тургау	185	504	7	5,21	7	5
Тессинъ	440	276	2	6,44	11	18
Ваатландъ	570	396	5	5,24	9	4
Валезія	404	239	1	12,9	21	23
Нейенбургъ	168	507	8	4,29	5	7
Женева	76	1160	24	3,72	2	2

Сравнительныя цифры этой таблицы имѣютъ очень мало положительнаго значенія или, вѣрнѣе, имѣютъ значеніе только относительно нѣсколькихъ кантоновъ. Относительно большее или меньшее число школъ, само по себѣ, ничего еще не доказываетъ, если только всѣ дѣти имѣютъ возможность учиться. Такъ, напримѣръ, мы видимъ, что Базель-городъ, Женева и Цюрихъ имѣютъ относительно меньше школъ, чѣмъ, напримѣръ, Валезія, Тессинъ, Нидвальденъ. Но первые стоятъ, въ умственномъ отношеніи, все-таки гораздо выше послѣднихъ. Меньшее число школъ Базеля-города, ЖENEVЫ и Цюриха обусловливается большимъ сгущеніемъ населенія въ городахъ. За-то таблица эта поучительна относительно, напримѣръ, Ури, Валезии, Нидвальдена и др. Эти кантоны имѣютъ, по отношенію къ населенію, больше школъ, чѣмъ, напримѣръ, Базель-городъ, Цюрихъ и Женева. Но населеніе ихъ такъ разсѣяно по деревнямъ, что оказывается собственно недостатокъ въ школахъ. Нидвальденъ имѣетъ одну школу на 12,1, Валезія—на 12,9, а Ури—на дѣльныхъ 37,1 квадрат. километровъ. Но, въ этомъ отношеніи, населеніе Нидвальдена, Валезии, Ури и другихъ подобныхъ кантоновъ невиновато. Это бѣдное деревенское населеніе не въ состояніи собственными матеріальными средствами значительно увеличить число школъ и, вообще, сдѣлать школу доступнѣе для своей молодежи, разсѣянной по мелкимъ деревнямъ. Здѣсь должна обнаружиться солидарность всѣхъ, составляющихъ государство, частей; государство должно совместно съ провинціями заботиться о народномъ образованіи. Доколѣ заботы по народному образованію лежатъ исключительно на населеніи отдѣльныхъ провинцій, народное образованіе будетъ въ богатыхъ провинціяхъ стоять высоко, а въ бѣдныхъ будетъ въ плачевномъ состояніи.

Но количество школъ, само по себѣ, еще не обусловливаетъ образованности или невѣжества народовъ. Важно еще и качество ихъ. Такъ, мы изъ нашей таблицы видимъ, что Фрейбургъ имѣетъ, относительно, много, а Шафгаузенъ—мало школъ. Несмотря, однако, на это, Шафгаузенъ занимаетъ по народному образованію шестое, а Фрейбургъ—двадцатое только мѣсто въ ряду кантоновъ. Тутъ оказываютъ вліяніе условія школы и общественной жизни. Сначала мы займемся первыми; а затѣмъ перейдемъ къ общественной жизни.

Школьное время.

Огромное вліяніе на успѣхи учащихъ имѣеть не только величина школьнаго времени вообще, но и распредѣленіе его—перманентность или отрывочность. Деревенское дитя, посѣщающее школу только зимою, а лѣтомъ работающее на полѣ и не берущее книжки въ руки, не можетъ, понятно, оказывать такіе успѣхи, какъ городское дитя, круглый годъ, безъ значительныхъ перерывовъ, посѣщающее школу. А принуждать бѣднаго крестьянина посылать своихъ дѣтей въ школу круглый годъ, при настоящей общественной и школьной системѣ, нельзя. Чтобы сдѣлать возможнымъ посѣщеніе школы крестьянскими дѣтьми втеченіе цѣлаго года, для этого необходимы измѣненія въ нашихъ общественныхъ условіяхъ и въ школьной системѣ.

Образованіе каждаго гражданина есть вліятельный факторъ общественной жизни; чѣмъ выше умственное и нравственное развитіе каждаго гражданина, тѣмъ выше, въ умственномъ, нравственномъ и матеріальномъ отношеніяхъ, и все общество. На обществѣ, въ его цѣлости, слѣдовательно, лежитъ — во имя его же интереса — и обязанность давать каждому своему члену хорошее воспитаніе, а слѣдовательно, и обязанность помогать каждому отцу, не только нравственно, но и матеріально, въ воспитаніи дѣтей. Обязанность эта, дѣйствительно, признана уже культурными народами и выразилась въ безвозмездности школьнаго ученія. Въ нѣкоторыхъ общинахъ Швейцаріи дошли уже до того, что всѣмъ школьнымъ дѣтямъ зимою дается, на счетъ общины, даровой теплый обѣдъ. Но всего этого, понятно, еще недостаточно. Крестьянинъ смотритъ на дѣтей своихъ какъ на источникъ труда, и, по причинѣ своей бѣдности, принужденъ такъ смотреть. Слѣдовательно, не давая ему эквивалента, общество не имѣеть права требовать отъ него, чтобы онъ жертвовалъ рабочей силой своихъ дѣтей, которыхъ ему, бѣднику, приходится кормить и одѣвать.

«Да чего же вы хотите? скажетъ намъ иной читатель. — Не можетъ же государство обучать, кормить и одѣвать, на свой счетъ, всѣхъ школьныхъ дѣтей, да, пожалуй, еще сверхъ того, и давать бѣднякамъ матеріальную помощь на содержаніе младен-

цевъ! Откуда взять государству всё необходимыя для этого средства? Вѣдь оно и такъ еле-еле дышетъ, не удовлетворяетъ и другимъ социальнымъ требованіямъ и чуть не задыхается подъ бременемъ долговъ!...» — Позвольте, скажемъ мы, не будемъ заходить слишкомъ далеко. Мы теперь не занимаемся вопросами государственнаго хозяйства и вообще политической экономіи, а спеціально школьнымъ вопросомъ. Правда, мы сами затронули политико-экономическій вопросъ, и насколько этотъ вопросъ затрагиваетъ школу, мы о немъ и говорить будемъ. Приэтомъ сдѣлаемъ даже большую уступку, не вдаваясь въ разсмотрѣніе вопроса полнаго воспитанія всѣхъ дѣтей обществомъ, вопроса, который, по нашему убѣжденію, разрѣшится будущностью въ положительномъ смыслѣ. Мы только будемъ говорить о томъ, что необходимо и возможно сдѣлать въ настоящее время.

Всѣ должны согласиться, что если общество беретъ у крестьянина дѣтей, способныхъ поддерживать его въ борьбѣ за существованіе, то оно обязано давать ему хотя нѣкоторое вознагражденіе. Это и возможно, безъ новыхъ жертвъ со стороны общества даже съ пользою для него, если оно измѣнитъ нѣкоторую часть школьной системы или, вѣрнѣе, дополнитъ ее. Мы думаемъ о введеніи въ программу народныхъ школъ обученія ремесламъ и сельскимъ работамъ.

Мы поговоримъ, впрочемъ, объ этомъ послѣ, а теперь, что касается до того, что отрывочность посѣщенія школы вредно вліяетъ на воспитаніе, то это доказывается слѣдующими цифрами:

К а н т о н ы .	Школьный возрастъ.	Среднее число школьных недѣль.				Порядокъ по на- родному образо- ванію.
		Во весь періодъ.	Порядокъ.	Въ году.	Порядокъ.	
Цюрихъ	6—15	306	7	43,9	5	3
Бернъ	6—15	284	9	31,6	21	14
Люцернъ	6—14	196	22	37,4	14	12
Ури	6 лѣтъ.	152	25	24,3	25	19
Швицъ	6—14	247	17	39,3	11	23
Обвальденъ	6—12	215	21	35,6	16	21

Кантоны.	Школьный возраст.	Среднее число школьных недель.				Порядок по народному образованию.
		По весь период.	Порядок.	Въ году.	Порядок.	
Индвальденъ	7—12	191	23	36,1	15	24
Гларусъ	6—14	283	10	44,2	3	17
Цугъ	6—13	254	15	41	9	16
Фрейбургъ	7—15	340	6	38,7	12	20
Золотурнъ	7—15	250	16	33,2	18	9
Базель-городъ	7—13—14	329	5	44,5	2	1
Сельскій Базель	6—15	300	8	45,4	1	11
Шафгаузенъ	6—15—17	352	3	43,2	6	6
Аппенцель нар. Родень	6—15	216	20	33	20	10
Аппенцель внутр. Родень	6—12	164	24	27,4	23	25
С.-иъ Галленъ	6—15	269	13	33,2	17	8
Граубюнденъ	7—15—16	217	19	25,5	24	13
Ааргау	7—15	336	4	42	8	15
Тургау	5—15	283	11	38,2	13	5
Тессинъ	6—14	265	14	33,1	19	18
Ваатландъ	7—16	385	1	42,2	7	4
Валезія	7—15	220	18	27,5	22	23
Нейенбургъ	7—16	356	2	39,6	10	7
Женева	6—13	218	12	44	4	2

Величина среднихъ чиселъ школьныхъ недельъ въ году зависитъ, главнымъ образомъ ¹⁾ отъ числа годовыхъ, тричетверти-годовыхъ и полугодовыхъ, цѣлодневныхъ и полудневныхъ ²⁾ школъ. Такъ, напримѣръ, изъ десяти кантоновъ, имѣющихъ большее среднее число школьныхъ недельъ въ году, Цюрихъ, Базель-городъ, Сельскій Базель, Шафгаузенъ, Ааргау и Женева имѣютъ исключительно полногодовыя цѣлодневныя школы, Ваатландъ — 96,6 проц.

¹⁾ Мы говоримъ «главнымъ образомъ» потому, что тутъ играютъ роль и число праздниковъ, и величина канкулярнаго времени. Такъ, напр. Люцернъ, имѣющій 98,2 проц. полногодовыхъ цѣлодневныхъ школъ, все-таки стоитъ на 14-й только степенн, потому что и въ этихъ школахъ среднннъ числомъ только 37,6 школьныхъ недельъ въ году.

²⁾ Въ цѣлодневныхъ школахъ занятіе продолжается три-четыре часа передъ обѣдомъ и около двухъ часовъ послѣ обѣда, въ полудневныхъ — только передъ обѣдомъ.

Гларусъ—90,° проц., Цугъ—85,7 проц., Нейенбургъ—68,° проц. полугодовыхъ цѣлдневныхъ школъ.

Изъ нашей таблицы мы видимъ, что изъ этихъ десяти кантоновъ шесть—Цюрихъ, Базель-городъ, Сельскій Базель, Шафгаузенъ, Ваатландъ и Нейенбургъ—имѣютъ и значительный школьный періодъ, и большое число школьныхъ недѣль въ году, и суть, вмѣстѣ съ тѣмъ, болѣе образованные кантоны. Женева принадлежитъ къ нимъ по отношенію къ образованію; несмотря на то, что весь школьный періодъ заключаетъ въ себѣ лишь 218 школьныхъ недѣль, дѣти посѣщаютъ школу цѣлыхъ 44 недѣли въ году. Это послѣднее обстоятельство, слѣдовательно, имѣетъ не исключительное, но во всякомъ случаѣ положительное вліяніе на успѣхи учащихся. За то Гларусъ, напримѣръ, стоитъ, по отношенію къ числу школьныхъ недѣль въ году, на 3-й, а по отношенію къ числу школьныхъ недѣль за весь школьный періодъ—на 10-й степени, т. е. въ обихъ случаяхъ выше Жены, а находится, по отношенію къ образованію, на 17-мъ только мѣстѣ. Слѣдовательно, продолжительность учебнаго года и школьнаго періода не-суть исключительные факторы успѣховъ школы. Мы видимъ это, напр. и въ Аппенцелѣ нар. Роденѣ, и въ Фрейбургѣ. Но съ другой стороны, изъ пяти самыхъ послѣднихъ, по народному образованію, кантоновъ, ни одинъ не имѣетъ непрерывнаго школьнаго періода. Въ самомъ необразованномъ кантонѣ—въ Аппенцелѣ внутр. Роденѣ—не было, въ изслѣдуемое нами время, ни одной полугодовой цѣлдневной народной школы; изъ числа школъ этого кантона 87,5 проц. были полугодовая полудневныя, а 12,5 проц. полугодовая полудневныя. Въ Вalezinъ напр. 5 проц. школъ цѣлгодовая цѣлдневныя, 77 проц.—полугодовая цѣлдневныя, а 18 проц.—полугодовая полудневныя школы и т. д. Отсюда несомнѣнно видно, что народное образованіе страдаетъ и отъ отрывочности школьнаго обученія для значительной части населенія.

Число преподавателей и учащихся.

К а н т о н ы .	Преподавателей обо- его пола.	Учащихся.	1 преподав. на учащихся.	Порядокъ.	Порядокъ по народному образованію.
Цюрихъ	573	44413	78	22	3
Бернъ	1602	88703	55	13	14
Люцернъ	267	16880	63	17	12
Ури	46	2225	48	9	19
Швицъ	101	7162	71	18	22
Обвальденъ	35	1926	55	12	21
Нидвальденъ	33	1472	45	6	24
Гларусъ	65	5358	82	23	17
Цугъ	63	2937	47	7	16
Фрейбургъ	337	18187	54	10	20
Золотурнъ	193	11511	60	15	9
Базель-городъ	58	3172	55	11	1
Сельскій Базель	111	10530	95	24	11
Шафгаузенъ	117	7260	62	16	6
Аппенцель нар. Роденъ	86	9183	107	25	10
Аппенцель внутр. Роденъ	22	1586	72	21	25
С.-Галленъ	419	29772	71	19	8
Граубюнденъ	442	14340	71	1	13
Ааргау	540	31382	58	14	15
Тургау	242	17274	71	20	5
Тессинъ	475	17036	36	2	18
Ваатландъ	744	33005	44	5	4
Валезія	450	16686	37	3	23
Нейенбургъ	318	14084	44	4	7
Женева	140	6705	48	8	2

Какъ непрерывность или отрывочность ученія, такъ и приходящееся на каждого преподавателя число учащихся играютъ извѣстную роль въ воспитаніи. Но, прежде чѣмъ положительно судить о вліяніи этого послѣдняго фактора, намъ необходимо объяснить себѣ значеніе школы. Это тѣмъ болѣе необходимо, что школа принадлежитъ къ тѣмъ социальнымъ областямъ, гдѣ противорѣчіе между теоріей и практикой составляетъ правило.

Отъ школы требуется всѣмъ и всякимъ не только дрессировка дѣтей въ чтеніи, писаніи, счисленіи, въ знаніи назустъ историческихъ и географическихъ именъ и чиселъ и т. п., но — и это главное — также воспитательное вліяніе на умственное и нравственное развитіе воспитанниковъ. Школа — какъ бы ни было ея обыкновенное названіе: начальное ли училище, гимна-

зія, реальное училище, университетъ и т. п. — пмѣть основною задачей воспитаніе гражданъ, т. е. развитіе въ дѣтяхъ и юношахъ чувства гражданственности. Другими словами: основная задача школы состоитъ въ развитіи умственныхъ способностей молодежи въ томъ — нравственномъ — направленіи, чтобы эта развитая умственная сила служила не средствомъ исключительно личнаго, индивидуальнаго, матеріальнаго обезпеченія будущихъ гражданъ, а помощью въ стремленіи къ обезпеченію всего общества. Уже съ самаго ранняго возраста личность должна свыкаться съ мыслью, что она обязана своимъ развитіемъ — косвенно — трудамъ всего человѣческаго рода, а прямо — работамъ общества, въ которомъ она воспитывается; что, слѣдовательно, плоды этихъ заботъ должны принадлежать не исключительно личности, а всему обществу, и что личность должна искать своего благополучія въ благополучіи всего общества. Эта основная задача воспитанія, въ нравственномъ отношеніи, обозначенная нами здѣсь въ общихъ только чертахъ, требуетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ умственномъ отношеніи, полнаго развитія умственныхъ способностей и характера каждой личности, сообразно съ ея обязанностями.

Но современное общество не дозрѣло еще до подобнаго пониманія назначенія школы. Въ нравственномъ отношеніи, общество наше, а слѣдовательно и наша школа, довольствуются развитіемъ въ дѣтяхъ морали десяти заповѣдей, а въ интеллектуальномъ — снабженіемъ молодежи извѣстнымъ количествомъ знаній для лучшаго обезпеченія жизни каждой личности въ отдѣльности, въ духѣ промышленно-торговаго или чиновничьяго карьеризма.

Съ этой точки зрѣнія, приходящееся на каждаго преподавателя число учащихся, въ извѣстныхъ предѣлахъ, играетъ незначительную лишь роль въ воспитаніи: обучаетъ ли преподаватель 30, или 40, или 50 дѣтей — разница педагогическая тутъ не особенно велика. Таблица наша, какъ нельзя лучше, доказываетъ это. Сравните, напримѣръ, стоящія, въ умственномъ отношеніи, во главѣ Швейцаріи пять кантоновъ: Базель-городъ, Женеву, Цюрихъ, Ваатландъ и Тургау. На одного преподавателя приходится въ нихъ учащихся: 55, 48, 78, 44 и 71. Вообще и поверхностный взглядъ на послѣднюю таблицу указываетъ, что приходящееся на каждаго преподавателя большее или меньшее число учащихся —

до пзвѣстныхъ предѣловъ, разумѣется — не имѣеть вліянія на качество школы.

Но если мы непрѣмной задачей школы поставимъ самостоятельное развитіе умственныхъ способностей и характера каждой личности, сообразно съ ея особенностями, то мы не можемъ признать и за швейцарской школой удовлетворительнаго воспитательнаго значенія, такъ какъ одинъ учитель, будь онъ даже превосходный педагогъ, съ основательнымъ образованіемъ, абсолютно не въ состояніи воспитывать не только 70, не только 50, но и 30 дѣтей.

Учителя или учительницы?

Когда женщина освободилась изъ семейной заключенности и начала, волей или неволей, стремиться къ самостоятельному общественному положенію, возникъ, такъ называемый, женскій вопросъ, ставшій, въ настоящее время, однимъ изъ самыхъ гнущихъ соціальныхъ вопросовъ. Первая область, въ которой онъ проявился, была воспитательная; занятіе учительницы было первое, за которое ухватились стремившіяся къ самостоятельному общественному положенію женщины. Несмотря на эту давность, вопросъ, на этомъ поприщѣ, еще не разрѣшенъ окончательно общественнымъ мнѣніемъ. Причиной этому то обстоятельство, что общественное мнѣніе еще не порѣшило окончательно, такой же ли человекъ женщина, какъ мужчина, т. е. равна ли она ему въ интеллектуальномъ отношеніи. Общественное мнѣніе уступило женщинамъ первенство въ воспитаніи дѣтей перваго возраста, когда требуется для воспитанія не столько ума и знаній, сколько качествъ слуги; но, начиная съ того періода, когда дѣтя уже нуждается мало въ услуженіи и больше въ интеллектуальномъ воспитаніи, общественное мнѣніе предпочитаетъ, для занятія воспитателя, мужчину женщинамъ.

Подробный разборъ этого взгляда общественнаго мнѣнія насъ не касается здѣсь. Мы только хотимъ показать вліяніе участія женщинъ, какъ учительницъ, въ народной школѣ. Къ сожалѣнію, оффиціальная статистика не регистрируетъ экзаменныхъ результатовъ. Эти послѣдніе лучше всего и непосредственнѣе служили бы нашей цѣли. Но такъ какъ ихъ у насъ нѣтъ, то удовольствуемся, для сравненія, нашимъ мѣрломъ — результатомъ рекрутскихъ

испытаній. Мы это можемъ сдѣлать потому, что наибольшая часть народныхъ школъ въ Швейцаріи—со смѣшанными классами, т. е. съ классами, гдѣ мальчики обучаются совмѣстно съ дѣвочками.

К а н т о н ы .	Число учительницъ.	Процентъ преподавате- лей.	Порядокъ ¹⁾ .	Порядокъ по народному образованію.
Цюрихъ	8	1,4	21	3
Бернъ	504	31,4	9	14
Люцернъ	15	5,6	17	12
Ури	9	19,6	12	19
Швицъ	44	43,6	5	22
Обвальденъ	26	74,3	1	21
Нидвальденъ	17	51,3	4	24
Гларусъ	0	0		17
Цугъ	22	34,9	8	16
Фрейбургъ	89	26,4	11	20
Золотурнъ	6	3,1	18	9
Базель-городъ	10	17,3	14	1
Сельскій Базель	0	0		11
Шафгаузенъ	2	1,7	20	6
Аппенцель нар. Роденъ	0	0		10
Аппенцель внутр. Роденъ	4	18,3	13	25
Санъ-Галленъ	13	3,1	19	8
Граубюнденъ	54	12,3	15	13
Ааргау	33	6,1	16	15
Тургау	2	0,6	22	5
Тессинъ	266	56	2	18
Ваатландъ	205	27,6	10	4
Валезія	169	37,6	7	23
Нейенбургъ	172	54,1	3	7
Женева	54	38,6	6	2

Сравнивая, напр. Цюрихъ, Шафгаузенъ, Тургау—съ одной стороны, и Базель-городъ, Нейенбургъ, Женеву — съ другой, мы не замѣчаемъ вліянія пола учащихся на народную школу: съ одной стороны, у насъ образованные кантоны съ ничтожнымъ процентомъ учительницъ, а съ другой—по крайней мѣрѣ столь же образованные съ весьма значительнымъ числомъ ихъ. А сопоставивъ полу-кантонъ Базель-городъ съ своей другой половиной, сельскимъ Базелемъ, у насъ невольно является даже мысль, не обязанъ ли первый своимъ народнымъ образованіемъ отчасти своимъ учительницамъ, и не терялъ ли, съ другой стороны, сельскій Базель от-

¹⁾ 1 обозначаетъ наибольшее число учительницъ, 22—наименьшее.

того, что у него учительницъ не было. И если приэтомъ вспомнимъ, что въ Женевѣ школьный періодъ заключаетъ въ себѣ 218 недѣль и, несмотря на это, она занимаетъ, по народному образованію, второе мѣсто въ ряду кантоновъ, то мысль наша о способности учительницъ подтверждается. Въ самомъ дѣлѣ, не объясана ли Женева этимъ успѣхамъ своей народной школы, въ значительной степени, тому обстоятельству, что около 30 проц. преподавательскаго состава составляютъ женщины?

Правда, съ другой стороны, намъ, вѣроятно, возразятъ: не стоятъ ли Ури, Швицъ, Обвальденъ, Нидвальденъ и др., по отношенію къ народному образованію, такъ низко, хоть отчасти, именно потому, что женщины занимаютъ значительную часть учительскихъ мѣстъ?

Мы прямо отвѣчаемъ: да! Но это зависитъ не отъ женщинъ, какъ таковыхъ, а отъ другихъ фактовъ, о которыхъ мы сейчасъ поговоримъ. Читатели увидятъ, что тутъ виновата система школы, тутъ виноваты учительницы, а не женщины, учительницы наравнѣ съ учителями. Точно также, какъ никто не скажетъ, что мужчинамъ неспособны къ педагогикѣ, потому только, что Ури, несмотря на свои 80 проц., Фрейбургъ, несмотря на свои 74 проц., Золотурнъ, несмотря на свои 97 проц. преподавателей-мужчинъ,—стоятъ низко по народному образованію: мы не должны дѣлать, изъ подобныхъ фактовъ, подобнаго заключенія и относительно женщинъ. Тутъ виноваты условія жизни, а не полъ преподавателей.

Участіе духовныхъ конгрегацій въ школахъ.

Сопоставивъ, для сравненія, католическое и протестантское населеніе Швейцаріи, мы, въ общемъ, замѣчаемъ, что послѣднее образованіе перваго, точно также, какъ протестантская часть Германіи образованіе католической. Изъ этого обстоятельства многіе протестанты вывели заключеніе, что протестантизмъ *eo ipso* поощряетъ просвѣщеніе, между тѣмъ какъ католицизмъ притупляетъ умъ. Мы не намѣрены заниматься здѣсь разборомъ и этого вопроса, а замѣтимъ только, что и протестантизмъ, и католицизмъ, какъ вѣроисповѣданія, одинаковы. Основные принципы у обоихъ одинаковы, слѣдовательно, также и ихъ специфическое вліяніе на умственное направленіе. Если католики шестнадцатаго сто-

лѣтія называли мысль о движеніи земли вокруг солнца безбожной, то и протестанты второй половины девятнадцатаго вѣка пмѣютъ своего пастора Кнака (недавно умершаго), дѣлавшаго то же, ссылаясь на библію. Умственное превосходство протестантовъ надъ католиками, слѣдовательно, ничуть не зависитъ отъ духа того или другого вѣроисповѣданія. Причины тутъ не религіозныя, а политическія.

Находясь въ борьбѣ съ грознымъ авторитетомъ папы, протестантскіе реформаторы принуждены были опираться на свѣтскую власть, давно уже стремившуюся низвергнуть папскій гнетъ. Съ побѣдой протестантизма, гнетъ этотъ долженъ былъ пасть и пасть, т. е. государство освободилось изъ-подъ опеки церкви, да в послѣдняя, сдѣлавшись національною, стала сама частью государства.

Однимъ изъ важныхъ и благотворныхъ послѣдствій этого переворота было то, что школа потеряла свой прежній характеръ церковнаго учрежденія и стала общественнымъ, государственнымъ институтомъ. И она должна была стать таковымъ уже потому, что протестантизмъ уничтожилъ духовныя конгрегаціи, ордена, которые, до того, занимались преподаваніемъ. Между тѣмъ, въ католическихъ мѣстностяхъ лица изъ духовныхъ конгрегацій фигурируютъ, отчасти, и по настоящее время, еще въ роли учителей и содержателей школъ.

И вотъ въ этомъ-то обстоятельствѣ и заключается причина умственнаго превосходства протестантовъ надъ католиками. Между тѣмъ какъ у протестантовъ дѣломъ народнаго образованія занимаются свѣтскія лица съ свободнымъ свѣтскимъ образованіемъ, признающія цѣлю своей дѣятельности образованіе гражданъ, — у католиковъ учителя изъ духовныхъ конгрегацій занимаются преподаваніемъ съ ограничивающимъ ихъ кругозоръ предвзятими мыслями и признаютъ главной задачей своей — образованіе вѣрныхъ сыновъ церкви. Отрекшіеся отъ общественной жизни, монахи и монахини не въ состояніи внести въ школу животворный общественный элементъ, и потому ихъ педагогическая дѣятельность бесплодна.

И, дѣйствительно, что католицизмъ, самъ по себѣ, не хуже вліяетъ на народное просвѣщеніе, видно уже изъ того, что тѣ католическія мѣстности, гдѣ школа находится подъ вѣдѣніемъ свѣтскихъ учителей, не ниже, по народному образованію протестантскихъ мѣстностей.

стантскихъ мѣсть. Такъ напр., Женева, съ 51, проц. католиковъ, занимаетъ второе мѣсто въ ряду швейцарскихъ кантоновъ, Золотурнъ, съ 83 проц. католиковъ, занимаетъ девятое, а Гларусъ, гдѣ 80 проц. населенія протестанты, только семнадцатое.

Участіе духовныхъ конгрегацій въ швейцарской школѣ слѣдующее:

Кантон.	Учителей.	Учительн.	Всего.	% учитель-скаго состав.	Мѣсто по народному образованію.
Бернъ	—	11	11	0,7	14
Ури	5	8	13	28,7	19
Швицъ	—	39	39	38,6	22
Обвальденъ	—	22	22	62,6	21
Нидвальденъ	—	16	16	48,6	24
Цугъ	1	20	21	33,8	16
Фрейбургъ	—	15	15	4,5	20
Аппенцель внутр. Росенъ	—	4	4	18,7	25
С-нъ Галленъ	—	9	9	2,7	8
Граубюнденъ	1	15	17	3,6	13
Валей	17	40	57	12,7	23
Нейенбургъ	—	2	2	0,6	7

Отсюда мы видимъ, что изъ кантоновъ, гдѣ участіе духовныхъ конгрегацій въ школѣ болѣе или менѣе значительно, ни одинъ не занимаетъ, по народному образованію, передоваго мѣста; да—этого мало, они занимаютъ самыя послѣднія мѣста.

Изъ сравненія послѣднихъ двухъ таблицъ явствуетъ также, что школа въ кантонахъ: Ури, Швицъ, Обвальденъ, Нидвальденъ, Цугъ и проч. низко стоитъ не потому, что ими руководятъ женщины, а между прочимъ, потому, что эти женщины—монахини. И дѣйствительно, изъ 9 учительницъ въ Ури 8 принадлежали къ духовнымъ конгрегаціямъ ¹⁾, изъ 44 въ Швицъ—39, изъ 26 въ Обвальденъ—22, изъ 17 въ Нидвальденъ—16, изъ 22 въ Цугъ—20 и т. д.

Школы по полу учащихся.

Вопросъ о совмѣстномъ или отдѣльномъ обученіи мальчиковъ и дѣвочекъ занимаетъ уже давно педагоговъ. Протпвники совмѣст-

¹⁾ Эти учительницы известны подъ именемъ *Lehrschwestern*.

наго обученія боятся деморализующаго вліянія отъ подобной системы; друзья ея ожидаютъ, въ нравственномъ отношеніи, напротивъ, благотворнаго вліянія, въ особенности со стороны дѣвочекъ на мальчиковъ, и, сверхъ того, такого же вліянія на прилежаніе тѣхъ и другихъ.

Обстоятельно в этомъ вопросѣ заниматься мы здѣсь не будемъ, а приведемъ только нѣсколько объяснительныхъ фактовъ по отношенію къ умственному вліянію совмѣстнаго и отдѣльнаго обученія половъ. Непосредственные результаты школьнаго обученія служили бы наилучшимъ мѣриломъ. Но такъ какъ ихъ у насъ нѣтъ, то мы будемъ довольствоваться общими данными.

К а н т о н ы .	Классовъ ¹⁾ .			Процентъ смѣшанныхъ классовъ.	Мѣсто по народному обученію.
	Мужск.	Женск.	Смѣш.		
Цюрихъ	22	22	529	92,5	3
Бернъ	118	111	1388	85,5	14
Люцернъ	14	14	229	88,5	12
Ури	12	10	23	51,1	19
Швицъ	22	24	54	54,0	22
Обвальденъ	13	14	12	30,5	21
Нидвальденъ	8	7	19	55,0	24
Гларусъ	65	100	17
Цугъ	21	17	14	26,0	16
Фрейбургъ	68	85	210	61,5	20
Золотурнъ	6	6	181	93,5	9
Базель-городъ	24	38	5	7,5	1
Сельскій Базель	3	3	105	94,0	11
Шафгаузенъ	13	13	93	78,1	6
Аппенцель нар. Родень	167	100	10
Аппенцель внутр. Родень	6	4	26	72,5	25
Санъ-Галленъ	23	26	456	90,5	8
Граубюнденъ	16	16	410	92,7	13
Ааргау	29	39	471	87,5	15
Тургау	242	100	5
Тессинъ	139	137	199	41,0	18
Ваатландъ	105	106	536	71,5	4
Валезія	134	132	184	40,0	23
Нейенбургъ	89	90	147	45,1	7
Женева	49	52	36	26,5	2

¹⁾ Классовъ, на самомъ дѣлѣ, вездѣ больше, чѣмъ здѣсь указано, такъ какъ всѣ классы имѣютъ, о крайней мѣрѣ, два разрядныхъ отдѣленія.

Сравнивая десять самых образованных кантоновъ съ десятью самыми необразованными, мы видимъ, что средній процентъ смѣшанныхъ классовъ въ первыхъ равняется 70,5, въ другихъ—53,5, т. е. средній процентъ смѣшанныхъ школъ въ первыхъ превышаетъ, относительно, средній процентъ ихъ въ другихъ на 17. Эти цифры даютъ намъ, слѣдовательно, уже нѣкоторое основаніе полагать, что совмѣстное обученіе мальчиковъ и дѣвочекъ, въ интеллектуальномъ отношеніи, полезно. А если—позволяемъ себѣ апріористическое заключеніе—система эта въ интеллектуальномъ отношеніи, хотя бы незначительно, полезна и, слѣдовательно, поощряетъ прилежаніе дѣтей, то она, вслѣдствіе этого, можетъ вліять и въ нравственномъ отношеніи только благотворно.

Экономическое положеніе преподавателей.

Главный внѣшній факторъ успѣховъ школы, это—экономическое обезпеченіе учителей. Во первыхъ, только при этомъ условіи можно ожидать основательно подготовленныхъ и способныхъ преподавателей и, во-вторыхъ, только при этомъ условіи можно ожидать, что учителя всецѣло посвятятъ себя своему занятію. Въ противномъ случаѣ, приходится довольствоваться неучами и недоучками, которые, сверхъ того, съ недостаточнымъ вниманіемъ относятся къ своимъ школьнымъ обязанностямъ, будучи принуждены искать и другихъ еще источниковъ существованія. Вліяніе матеріальнаго обезпеченія учителей на успѣхи школы, слѣдовательно, и на народное образованіе, доказывается и нижеслѣдующими данными. Мы перечисляемъ здѣсь кантоны по порядку, какъ они слѣдуютъ другъ за другомъ по народному образованію.

Кантоны.	Учит. жалованье во франкахъ.	Кантоны.	Учит. жалованье во франкахъ.
1) Базель-городъ	2,199	14) Бернъ	988
2) Женева	1,187	15) Ааргау	996
3) Цюрихъ	1,435	16) Цугъ	794
4) Ваатландъ	1,070	17) Гларусъ	1,124
5) Тургау	1,096	18) Тессинъ	362
6) Шафгаузенъ	1,212	19) Ури	465
7) Нейенбургъ	1,130	20) Фрейбургъ	769
8) С-нъ Галленъ	942	21) Обвальденъ	500
9) Золотурнъ	903	22) Швицъ	651
10) Аппенцель (наружн.) Р6- денъ	1,261	23) Валезія	234
11) Сельскій Базель	1,123	24) Нидвальденъ	428
12) Люцернъ	971	25) Аппенцель (внутренній) Роденъ	581
13) Граубюнденъ	370		

Цифры эти имѣютъ относительное только значеніе. 1.070 франками, которые получаетъ учитель, среднимъ числомъ, въ Ваатландѣ, онъ не менѣе обезпеченъ, чѣмъ учитель въ Женевѣ, Нейенбургѣ и даже Шафгаузенѣ, потому что въ этихъ послѣднихъ кантонахъ жизнь дороже, чѣмъ въ Ваатландѣ. Учитель въ Валезіи и Тессинѣ, напримѣръ, также не бѣднѣе своего коллеги въ Аппенцель (внутр.) Роденѣ, потому что въ этомъ промышленномъ кантонѣ жизнь дороже, чѣмъ въ кантонахъ крестьянскихъ. Но, во всякомъ случаѣ, контрастъ между учительскимъ жалованьемъ въ первыхъ двѣнадцати, болѣе образованныхъ, кантонахъ, въ сравненіи со вторыми, такъ значителенъ, что принимаетъ абсолютное значеніе въ смыслѣ обезпеченности учителей. Цифры такъ ясно говорятъ сами за себя, что мы считаемъ дальнѣйшія слова объ этомъ излишними.

Экономическое состояніе школъ.

Другой, столь же важный факторъ преуспѣянія школъ, это—матеріальная обстановка самой школы и, въ особенности, въ дѣлѣ снабженія ея библіотекой, кабинетамъ для нагляднаго обученія и т. п. Чѣмъ богаче школа, въ этомъ отношеніи, обставлена, тѣмъ больше гарантіи на успѣшность ученія. Мы, поэтому, обратимъ вниманіе читателей и на этотъ пунктъ. Другія, не столь важныя, хотя и не остающіяся безъ вліянія, матеріальныя условія, какъ напр. качество зданій и т. п., оставимъ безъ разбора.

Кантоны.	Расходъ на учащихся вообще.	Цѣнность библіотекъ и музеевъ.	Израсход. въ 1871 году на библ. и музеи.	Мѣсто по народному образованію.
Базель-городъ	54,»	2229	386	1
Женева	34,»	2132	117	2
Цюрихъ	29,»	701	27	3
Ваатландъ	25,»	317	23	4
Тургау	20,»	?	8	5
Шафгаузенъ	29,»	1121	60	6
Нейенбургъ	31,»	?	12	7
Санъ-Галленъ	24,»	423	0,»	8
Золотурнъ	17,»	247	11	9
Аппенцель вар. Роденъ	12,»	665	51	10
Свѣцкія Базель	12,»	544	6	11

К а н т о н ы .	Расходъ на уча- щагося воощо.	Цѣнность библіо- текъ и музеевъ.	Израсходовано въ 1871 г. на библ. и музеи.	Мѣсто по народ- ному образованію.
Люцернъ	20,00	310	19	12
Граубюнденъ	13,00	?	3	13
Бернъ	20,00	343	45	14
Ааргау	25,00	438	25	15
Цугъ	18,00	449	11	16
Гларусъ	11,00	661	11	17
Тессинъ	0,00	179	0,00	18
Ури	25,00	25	3	19
Фрейбургъ	14,00	247	6	20
Обвальденъ	8,00	31	2	21
Швицъ	11,00	345	5	22
Валезія	6,00	112	12	23
Нидвальденъ	10,00	262	9	24
Аппенцель ввутр. Роденъ	7,00	348	5	25

Изъ первой рубрики общихъ расходовъ школъ, сведенныхъ на долю, достаемуюся на каждого воспитанника народнаго училища, видно вліяніе лучшей или худшей матеріальной обстановки на успѣхи учащихся: между тѣмъ какъ въ первыхъ двѣнадцати кантонахъ, среднимъ числомъ, расходуется на каждого воспитанника 25 фр., 95 сент., въ остальныхъ тринадцати кантонахъ этотъ расходъ, среднимъ числомъ, составляетъ только 13 фр. 30 сент., т. е. почти вдвое менѣе. Вторая рубрика доказываетъ значеніе хорошей ученической библіотеки и хорошаго учебнаго музея. Къ сожалѣнію, цифры эти не вездѣ достовѣрны, такъ какъ не вездѣ передаютъ дѣйствительную стоимость библіотекъ и музеевъ, а лишь отчасти, лишь аппроксимативную ихъ цѣнность. Третья рубрика указываетъ на значеніе, которое признается учебнымъ начальствомъ каждого кантона за библіотекой и музеемъ. А всѣ эти рубрики вмѣстѣ доказываютъ намъ, почему напр. Женева, гдѣ школьный періодъ заключаетъ всего 218 недѣль, стоитъ, по народному образованію, выше многихъ другихъ кантоновъ съ школьнымъ періодомъ въ 300 и болѣе школьныхъ недѣль, — почему Сельскій Базель со своими 300, Ааргау съ 336, Фрейбургъ съ 310 школьными недѣлями стоятъ, относительно, низко.

II.

Разсмотрѣвъ нѣкоторыя стороны социаль-но-педагогической обстановки швейцарской народной школы, мы перейдемъ теперь къ отношеніямъ общества къ народному образованію и положенію, какое народная школа занимаетъ въ жизни. Предметомъ нашего разсужденія будетъ не спеціально швейцарская школа, а народная школа вообще, какъ она должна быть, чтобы удовлетворить своему дѣйствительному назначенію.

Народная школа, по отношенію къ учащимся, разсматривается, обыкновенно, какъ самостоятельный, отдѣленный отъ остальной практической жизни, институтъ. Это наслѣдіе древности. При возникновеніи народной школы, имѣлось въ виду всего болѣе основательное распространеніе догматовъ религіи: единственнымъ предметомъ обученія былъ законъ Божій. Такъ, напр. въ статутахъ о народной школѣ, изданныхъ бернскимъ правительствомъ въ 1616 г., задачей школы было выставлено «улучшеніе» всѣхъ сословій, такъ какъ царствовало «грубое невѣжество и незнаніе божьяго слова и его святыхъ таинствъ»¹⁾. Назначеніе школы, какъ распространительницы вѣры—и только, признавалось до второй половины прошлаго вѣка. Школа, по господствовавшему до того мнѣнію, должна была только укрѣплять учащихся въ вѣрѣ и стоять внѣ «земной» жизни. Но во второй половинѣ XVIII вѣка, благодаря усложненію и расширенію социаль-но-экономической жизни, торгово-промышленный классъ позналъ необходимость расширенія школьной программы и облегченія доступности школы для народа. Задачей школы начали признавать, кромѣ уясненія религіозныхъ догматовъ, и облегченіе гражданской и экономической жизни, посредствомъ большаго распространенія грамотности.

На этой точкѣ зрѣнія «общественное мнѣніе» остановилось и стоитъ до настоящаго времени. Задачей школы признается обу-

¹⁾ Die Verböserung aller Stenden bi diser letzten Zeit, insonderheit die grobe Unwüssenheit und Unkenntnuss Cottes Worts und der Geheimnuss seiner heiligen Sakramenten» Dr. Kummer, «Geschichte des bernischen Schulwesens» въ журналѣ «Zeitschrift für schweizerische Statistik» 1873 г.

ченіе будущихъ гражданъ чтенію, писанію, счисленію и т. п. цѣль народной школы, это—дать крестьянину, ремесленнику, фабричному рабочему возможность написать и прочитать письмо или счетъ ¹⁾. Въ болѣе развитыхъ странахъ, напр. въ Швейцаріи, требуется отъ каждаго гражданина и знаніе исторіи и географіи родины. Если школа удовлетворяетъ этому требованію, она, по господствующему мнѣнію, достигла своей цѣли, выполнила свою задачу.

Народная школа, слѣдовательно, не связана органически съ общественною жизнью; жизнь человека, по окончаніи школы, не есть дѣйствительное продолженіе его школьной жизни. Вслѣдствіе этого, школа теряетъ, въ значительной мѣрѣ, свое социальное значеніе. И, дѣйствительно, очень многіе разучиваются современемъ всему, надъ чѣмъ трудились въ школѣ, часто разучиваются даже простой грамотности. Не только въ Россіи, но даже въ Пруссіи мы встрѣчали очень часто молодыхъ людей, не умѣвшихъ ни читать, ни писать, несмотря на то, что 5—6 лѣтъ пробыли въ школѣ. Одно это уже есть лучшее доказательство, что школа, въ ея современной формѣ, не составляетъ, въ общемъ, ограниченной части общественной жизни и не удовлетворяетъ своему назначенію.

Задача школы состоитъ въ доставленіи образованія народу. Но образованіе не должно смѣшиваться съ грамотностью. Народъ можетъ быть весь грамотенъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, необразованъ. Татары напр. всѣ грамотны, но все-таки необразованы. Точно также и массы евреевъ, сплоченныя въ западныхъ губерніяхъ Россіи. Весьма ошибаются тѣ, которые считаютъ образованными народы, имѣющіе такъ-называемую интеллигенцію и родившіе великихъ представителей научной или художественной мысли. Такіе народы—культурные. Образованнымъ же можетъ называться только тотъ народъ, который, въ своей массѣ, стоитъ, въ данное время, на высотѣ социальнаго развитія.

Но, возражать намъ, образованіе, въ такомъ широкомъ смыслѣ, не можетъ же составлять задачу народной школы! Мы совершенно согласны въ этомъ. Народная школа не въ состояніи одна выполнить подобную задачу. Это—задача всей жизни. Но

¹⁾ Мы говоримъ только по отношенію къ гражданской жизни. Религія стоитъ внѣ задачъ нашей статьи.

дѣло въ томъ, что, для облегченія этой задачи, школа должна стать органической частью самой жизни; общественная жизнь должна быть, для каждаго человѣка, органическимъ продолженіемъ школы. Современная народная школа, вслѣдствіе ея чисто теоретическаго характера, такова, что юноша изъ народа, по окончаніи ея, оказывается въ совершенно новыхъ условіяхъ жизни, не имѣющихъ ничего общаго съ школьною жизнью. Этимъ и обуславливается малополезность современной школы, обуславливается тотъ фактъ, что многіе, по выходѣ изъ школы, мало-по-малу разучиваются даже начальной грамотѣ.

Слѣдствіемъ такой постановки школы бываетъ относительное равнодушіе народа къ ней. Обученіе дѣтей грамотѣ опъ не считаетъ особенно важной вещью, а другого отъ школы не видитъ.

Индифферентизмъ рабочаго народа по отношенію къ школѣ, до извѣстной степени, всеобщій. Лучше всего это видно въ Швейцаріи, именно въ тѣхъ кантонахъ, гдѣ законы подлежатъ народному голосованію. Въ бернскомъ кантонѣ, напр. отъ 1870 до 1878 года, народъ четыре раза голосовалъ по поводу школы. 1-го мая 1870 года народному голосованію подлежалъ законъ о продленіи обязательнаго школьнаго періода, увеличеніи мизернаго учительскаго жалованья ¹⁾ и т. п. улучшеніяхъ народной школы. Въ голосованіи принимали участіе 56, проц., имѣвшихъ право голоса. Около половины гражданъ, значитъ, было совершенно равнодушно къ школѣ. Но и изъ другой половины 60, проц. были за законъ, а 39, проц., т. е. около пятой части гражданъ, были противъ него. Въ другихъ голосованіяхъ, по поводу школьныхъ законовъ, принимало участіе менѣе 50 проц., въ одномъ случаѣ — даже только 26, проц., т. е. лишь четвертая часть гражданъ. Это было 18 іюля 1875 года, по поводу закона объ учительскихъ семинаріяхъ. Къ этому важному, фундаментальному школьному вопросу 73, проц. гражданъ оставались, слѣдовательно, равнодушны. Но остальные 26, проц. были далеко не всѣ за этотъ законъ, имѣвшій цѣлью многостороннее улучшеніе семинарій: около половины голосовавшихъ, именно 45, проц., были про-

¹⁾ Что учителя въ бернскомъ кантонѣ и послѣ принатія этого закона еще бѣдствовали, видно изъ нашей предъидущей главы.

твѣ него ¹⁾. Въ результатѣ получаемъ, что 73,6 проц. гражданъ не придавали учительскимъ семинаріямъ особаго значенія, 12 проц. считали всякія улучшенія излишнею тратою денегъ, и только 14,4 проц. поняли значеніе учительскихъ семинарій для народнаго образованія.

Это равнодушіе народа къ школѣ происходитъ оттого, что между нею и практической жизнью нѣтъ, за исключеніемъ простой грамоты, никакой органической связи. Школа должна быть началомъ практической жизни и, такимъ образомъ, служить прямымъ средствомъ усовершенствованія этой послѣдней.

Изъ сказаннаго нами слѣдуетъ, что школа, и въ теоретическомъ отношеніи, не можетъ довольствоваться одной грамотою. Программа школы должна быть гораздо шире и органически связана съ будущою гражданскою жизнью воспитанниковъ въ интеллектуальномъ и экономическомъ отношеніяхъ.

Теоретическая часть школьной программы.

Прочтавъ наше требованіе о расширеніи программы народной школы, иной читатель, вѣроятно, подумалъ: вотъ какой утопическій идеализмъ этотъ авторъ! хочетъ изъ народной школы сдѣлать ученое заведеніе!.. Ничуть. Авторъ не «утопистъ», а весьма практической человекъ. Статья наша вамъ это докажетъ. Проспѣйте только читать ее внимательно и безъ предвзятыхъ мнѣній.

Каждый интеллигентный человекъ говоритъ, что ученіе развиваетъ умъ и чувство, что это развитіе—главная задача школы. Но каждый, наблюдавшій за школой, знаетъ, что она вовсе почти не выполняетъ этой своей задачи. Причина этого—сухость школьной программы. Грамота, сама по себѣ, не средство развитія для ума и чувства; она для этого, по своей ограниченности, равно какъ и по господствующей школьной методѣ, слишкомъ суха, малосодержательна. Пишущій эти строки, занимавшійся нѣсколько лѣтъ преподаваніемъ, пришелъ къ убѣжденію, что не только самой содержательной, но и самой легкой пищей для ума и чувства служитъ гражданственность.

¹⁾ «Zeitschrift für schweizerische Statistik», 1877, 3. Quartal Heft, въ статьѣ: «Die Wirkungen des Referendums im Kanton Bern», pag. 193.

Значеніе гражданственности въ жизни человѣчества доказы-
вается и исторіей культуры. Мы видимъ изъ исторіи, что куль-
тура—плодъ работы ума и чувства ¹⁾—начала развиваться съ
первыми попытками гражданскаго единенія людей и, именво.
какъ слѣдствіе гражданственности. Дикари внутренней Австраліи,
живущіе внѣ гражданской связи другъ съ другомъ, почти что не
отличаются, по уму и чувству, отъ животныхъ: они абсолютно
безкультурны. Съ другой стороны, какъ только люди образуютъ
гражданскій союзъ, хотя бы на самыхъ примитивныхъ началахъ,
они перестаютъ быть дикарями. И, дѣйствительно, внѣ на зем-
номъ шарѣ ни одного гражданскаго союза, члены котораго не
имѣли бы ума и чувства въ человѣчески-культурномъ значеніи
этихъ словъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ мы видимъ, что чѣмъ ближе гражданскій
союзъ къ своему нормальному назначенію, т. е. чѣмъ равномѣр-
нѣе гражданственность, по отношенію къ правамъ и обязанно-
стямъ, распредѣлена между членами его, тѣмъ они образованнѣе.

Педагогическое вліяніе развитости или неразвитости граждан-
ственности въ человѣкѣ видно и въ другихъ случаяхъ. Въ стра-
нахъ, гдѣ высшими гражданскими правами не пользуется или не
можетъ пользоваться большинство населенія и гдѣ, вмѣстѣ съ
тѣмъ, личности воспитываются въ индивидуалистическомъ на-
правленіи, очень часто, въ особенности среди мелкаго промышленно-
торговаго класса, встрѣчаются личности, обладающія порядочными
школьными познаніями, но, въ культурно-гражданскомъ отноше-
ніи, очень мало развиты. Возьмите въ примѣръ какого-нибудь
купца изъ комедій Островскаго и надѣлите его хорошей грамот-
ностью. Вы въ этомъ человѣкѣ увидите грубый умъ и грубое
чувство. Народъ, состоящій, въ своемъ большинствѣ, изъ подоб-
ныхъ гражданъ, не можетъ не быть несчастнымъ, не можетъ быть
образованнымъ, хотя бы всѣ граждане, безъ исключенія, были
грамотны. Причина заключается въ маломъ развитіи граждан-
ственности.

¹⁾ Слово «чувство» мы вездѣ, въ этой статьѣ, понимаемъ въ его куль-
турномъ смыслѣ, а не физиологическомъ, какъ напр. гражданское чувство,
эстетическое и т. п.

Понявъ, что главное условіе культуры есть развитіе гражданственности, каждый, претендующій на званіе образованнаго чело-вѣка, долженъ признать главнымъ культурнымъ требованіемъ то, чтобы гражданственность—по отношенію къ правамъ и обязанностямъ—была, по возможности равномѣрно, распространена на всѣхъ гражданъ. Жизнь, такимъ образомъ, будетъ, на благо на-роду, поощрять и развивать это основное условіе цивилизаціи.

Далѣе. Признавая, что народная школа, выражаясь словами цюрихскаго закона, «должна содѣйствовать образованію дѣтей всѣхъ сословій умственно дѣятельными, граждански дѣльными и нравственно хорошими людьми»¹⁾,—мы должны требовать отъ народной школы, чтобы она обучала дѣтей не только сухой гра-мотѣ, но и развивала въ нихъ гражданскій смыслъ, объясняя имъ культурное значеніе чело-вѣка и чело-вѣческаго общества, права и обязанности чело-вѣка, какъ гражданина.

Предметъ этотъ, несмотря на заключающуюся въ немъ глубинну мысли и нравственную силу, такъ простъ и доступенъ уму дѣтяти, что результатъ, при способности преподавателя, былъ бы блестя-щій. Намъ это подтвердить каждый, который былъ воспитанъ или воспитывалъ другихъ въ подобномъ направленіи. Такіе люди подтверждаютъ также, что дѣти, воспитываемыя въ такомъ духѣ, быстро развиваются умственно и нравственно и что между этими дѣтьми рѣдко встрѣчаются «лѣнныя». Между тѣмъ, изъ дѣтей, воспитываемыхъ по господствующей, сухой и скучной методѣ, рѣдкія прележны.

Понятно, что развитіе гражданскаго духа въ учащихся мо-жетъ быть вполне достигнуто только тогда, когда общественная жизнь гармонируетъ съ этой школьной программой, когда юноша не только слышитъ о гражданственности, но видитъ ее справедливо проведенной въ дѣйствительной жизни. Всякая способность всякое чувство развивается не посредствомъ абстракцій, а только посредствомъ реального метода наглядности и упражненій. Слѣ-довательно, какъ школа есть факторъ социальнаго прогресса, такъ и социальный прогрессъ есть факторъ преуспѣянія школы. Поэто-му, весьма ошибаются тѣ, которые думаютъ, что можно въ зна-

¹⁾ «Gesetz betreffend das gesammte Unterrichtswesen des Kantons Za- rich», § 2.

чтительной мѣрѣ поднять качество народной школы, несмотря на то, что уровень народной, общественной жизни не возвышается. Только въ томъ случаѣ, когда гражданственность справедливо проведена въ самой жизни, школа можетъ стоять на высотѣ своего назначенія.

Намѣченный выше, въ нѣсколькихъ словахъ, общественный порядокъ не можетъ однако быть осуществленъ «съ сегодня на завтра», какъ пѣмци выражаются. Онъ, вообще, не можетъ быть сдѣланъ. Онъ можетъ быть только плодомъ послѣдовательнаго развитія ¹⁾. Слѣдовательно, гражданственно развитымъ людямъ непозволительно сидѣть, сложа руки, да ждать минуты, когда можно бы было устроить на землѣ рай справедливости, или, познавъ, что осуществленіе этого рая далеко, махнуть «пессимистически» рукою на «утопій мечтателей». Необходимо постоянно работать надъ улучшеніемъ настоящаго, не брезгать никакимъ результатомъ, какъ бы незначителенъ онъ ни казался. Малѣйшее экономическое или интеллектуальное улучшеніе въ быту народа есть положительное приближеніе къ идеальному порядку справедливости, есть факторъ, влияющій на осуществленіе этого порядка не только въ арифметической, но и въ геометрической прогрессіи: сдѣланное важно еще въ томъ отношеніи, что оно облегчаетъ предстоящую работу, облегчаетъ будущее развитіе.

Поэтому мы не должны относиться равнодушно и къ народной школѣ, хотя устройство ея сообразно нашему идеалу невозможно, быть можетъ, при нашей еще жизни. Мы обязаны, напротивъ того, посвящать, насколько возможно, силы улучшеніямъ школы, какъ бы незначительнымъ они намъ ни казались.

Мы выше показали, что обученіе грамотѣ, само по себѣ, не есть исключительная задача народной школы. что эта, господствующая въ настоящее время, въ особенности въ Россіи, узкая постановка школы, не образуя прямой органической связи между школой и жизнью, дѣлаетъ первую мало полезною. Въ какомъ же направленіи возможно возстановить эту прямую органическую связь? На этотъ вопросъ мы уже отвѣчали: необходимо ввести въ

¹⁾ Мы этииъ никакъ не хотимъ сказать, что цѣль эта можетъ быть достигнута лишь спустя цѣлыя столѣтія. Развитіе можетъ не только замедлиться, но и „удивительно“ ускориться.

школьную программу гражданственный элементъ, т. е. изъясненіе будущимъ гражданамъ ихъ гражданскихъ правъ и обязанностей.

Разсматривая историческую жизнь народовъ, по отношенію къ причинамъ и послѣдствіямъ отдѣльныхъ явленій, мы приходимъ къ заключенію, что главнѣйшая интеллектуальная причина медленнаго движенія цивилизаціи вообще, а въ отдѣльности — причина столь частыхъ побѣдъ противонародныхъ реакцій надъ реформаторскими стремленіями, равно какъ неудачъ столькихъ проведенныхъ реформъ, — главнѣйшая причина всего этого заключается въ народномъ невѣжествѣ, выраженномъ въ познаніи и непониманіи народами своихъ гражданскихъ правъ и обязанностей. Вслѣдствіе этого же народъ беззащитенъ противъ многихъ противозаконныхъ попытокъ помѣщиковъ, фабрикантовъ и т. п. лицъ, власть имѣющихъ. Случай противозаконныхъ требованій со стороны сельскаго начальства и помѣщиковъ, требованій, которыми крестьяне удовлетворяли, не зная ихъ противозаконности, извѣстны всякому, знающему сельскую жизнь въ Россіи. Въ чемъ искать причину возможности подобныхъ фактовъ, какъ не въ гражданственномъ невѣжествѣ крестьянскаго люда?

Это такъ ясно, что считаемъ излишнимъ распространяться болѣе. Всякій пойметъ, что введеніе въ программу сельской школы обученія касающимся крестьянскаго быта законамъ есть настоятельнѣйшая потребность русской сельской жизни. Это нововведеніе подниметъ, въ глазахъ народа, и значеніе школы. Крестьянство, такимъ образомъ, непосредственно, активно постигнетъ значеніе и силу просвѣщенія и всѣми силами будетъ поддерживать школу. Это будетъ результатомъ органической связи сельской школы съ жизнью. Мы тогда рѣже встрѣтимъ случаи разучиванія у бывшихъ школьничковъ; крестьянскій юноша, получившій въ школѣ понятіе о касающихся до крестьянскаго быта законахъ, часто будетъ искать совѣта въ книгѣ законовъ и будетъ интересоваться ихъ развитіемъ, равно какъ и книгами вообще. Польза отъ этого, слѣдовательно, прямая и косвенная.

Но мы, изъ практическихъ же видовъ, однимъ этимъ нововведеніемъ, въ настоящее время, довольствоваться не можемъ. Настоятельная необходимость требуетъ большаго расширенія его. У насъ, въ Россіи, введенъ отчасти принципъ самоуправленія. У

насъ есть согласное съ этимъ принципомъ городское положеніе, есть земскія и т. п. учрежденія. А. между тѣмъ, большинство не только юношей, но и взрослыхъ мужчинъ почти что незнакомо, въ ущербъ этимъ же учрежденіямъ и всей, слѣдовательно, странѣ съ подробностями этихъ учрежденій. Настоятельную необходимость социальной жизни, слѣдовательно, составляетъ и введеніе этой вѣтви законовѣдѣнія въ школьную программу, понятно, въ общихъ чертахъ, на сколько это доступно дѣтямъ 12—15 лѣтъ.

Правда, западная Европа, нашъ давнишній менторъ (часто сомнительнаго характера) не добралась еще до пониманія этой простой вещи. Но неужели Россія должна не только на двѣнадцать дней по календарю, но на цѣлыя десятилѣтія или даже вѣка, отставать, въ социальной жизни, отъ Запада?! Неужели Россія вѣчно должна довольствоваться тѣмъ, что она первая ввела употребленіе самовара? Неужели она должна вѣчно остаться, въ социальной жизни, школьникомъ Запада, да притомъ школьникомъ низшаго свойства? Пора, пора подумать объ этомъ! Уже болѣе тысячи лѣтъ русскій народъ живетъ какъ государство, уже полтора ста лѣтъ, со времени великаго «архангельскаго мужика», Россія учится мыслить самостоятельно, и неужели вѣчно ей оставаться недоучкой?!

Практическая часть школьной программы.

Мы выше говорили о необходимости органической связи школы съ жизнью. Надѣемся, что намъ, несмотря на краткость изложенія, удалось доказать отсутствіе этой связи въ настоящее время и необходимость ея существованія. Но одного этого еще недостаточно. Задача школы гораздо шире. Школа должна быть органической частью, органическимъ началомъ социальной жизни. А такъ какъ послѣдняя состоитъ не исключительно изъ теоретическихъ элементовъ, то и школа ни въ какомъ случаѣ не можетъ, если хочетъ быть на родной. Школа не должна быть особымъ миромъ, а должна непосредственно быть связана съ жизнью. Окончивающій школу не долженъ, по окончаніи ея, очутиться безпомощнымъ—въ социальной жизни. Эта послѣдняя должна быть для него органическимъ продолженіемъ школы. Слѣдовательно, школа должна

быть началомъ социальной жизни и въ практическомъ отноше-
шеніи.

Принципъ этотъ проведенъ уже по отношенію къ высшимъ учебнымъ заведеніямъ: врачъ готовится къ жизни не только теоретически, но и практически; точно также агрономъ, химикъ, землеѣръ, инженеръ, архитекторъ и др. Даже учителя готовятся къ своему занятію теоретически и практически. Самостоятельная жизнь для нихъ не новый міръ, а непосредственное продолженіе школы. Въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ принципъ этотъ принятъ по отношенію къ женскому полу. Современность, указывающая женщинѣ на «хозяйственность», какъ на ея «естественное призваніе», готовитъ ее къ этому, и практически дѣвушекъ обучаютъ не только теоретическимъ, но и практическимъ предметамъ: кухонному искусству, рукодѣлю и проч. Для мужчинъ же современная школа есть только заведеніе для воспитанія писцовъ. Между тѣмъ, жизнь настоятельнѣйшимъ образомъ требуетъ отъ школы и практическихъ цѣлей по отношенію къ промышленности и къ сельскому хозяйству.

Сельское хозяйство и промышленность настоящаго времени гораздо сложнѣе, чѣмъ въ прошедшія времена, и требуютъ, вслѣдствіе этого, большаго развитія интеллектуальныхъ способностей, чѣмъ прежде. Каждому понятно напр., что одна изъ главныхъ причинъ меньшаго плодородія русскаго чернозема въ сравненіи съ плодородіемъ почвы въ Германіи, это недостатокъ сельско-хозяйственныхъ знаній у русскаго мужика. Слѣдовательно, о необходимости распространенія этихъ знаній въ нашемъ народѣ нечего было бы и говорить. Но гдѣ крестьянинъ приобрѣтетъ ихъ? Если онъ и умѣетъ читать, то книги сельско-хозяйственной, въ большинствѣ случаевъ, и читать не будетъ, по той простой причинѣ, что человеку необходимо прежде познать значеніе новыхъ системъ, чтобы потомъ принять ихъ. Если же крестьянинъ, мальчикомъ еще, въ школѣ, ознакомился съ извѣстными усовершенствованіями сельскаго хозяйства, онъ, въ самостоятельной практической жизни, будетъ прилагать ихъ къ дѣлу. Послѣдствіемъ введенія сельско-хозяйственныхъ занятій было бы, съ одной стороны, поднятіе благосостоянія крестьянства, а съ другой поднятіе значенія школы въ глазахъ народа.

Необходимость школьной подготовки рабочаго, въ промыш-

ленномъ мирѣ, уже сознава; напр., въ Хемницѣ, Мюльгаузенѣ, Лионѣ и многихъ другихъ городахъ уже существуютъ ткацкія школы. Тамъ поняли, что въ частной мастерской или фабрикѣ невозможно изучить какую-нибудь отрасль такъ основательно и всесторонне, какъ въ хорошо устроенной школѣ. Но мы имѣемъ въ виду не собственно большую индустрію, а ремесло. Мы желаемъ введенія ремеслъ въ число учебныхъ предметовъ народной школы.

Прежде чѣмъ рассмотримъ социальное значеніе этого нововведенія, скажемъ нѣсколько словъ съ педагогической точки зрѣнія.

Главное требованіе педагогика, это — воспитывать дѣтя сообразно его наклонностямъ. Отъ воспитателя требуется не только умѣнье обучать, но и умѣнье заинтересовать дѣтя. Всякому же извѣстно, что наклонности дѣтяти направлены къ физическому труду; имъ оно больше всего интересуется. Всякое дѣтя охотнѣе будетъ заниматься десять часовъ у ремесленника, чѣмъ одинъ часъ сидѣть на школьной скамьѣ. Слѣдовательно, физическій трудъ составляетъ самый лучшій фундаментъ и для умственно-нравственнаго воспитанія дѣтяти. На этомъ принципѣ, прекрасно разработанномъ геніальнымъ Фурье, основывается и система такъ-называемыхъ «дѣтскихъ садовъ», практически реализованная Фребелемъ.

Введеніе физическихъ занятій въ программу народныхъ школъ было бы только послѣдовательностью по отношенію къ дѣтскимъ садамъ; отъ шестого-седьмого года дѣтя болѣе интересуется физической работой, чѣмъ до этого возраста. Сверхъ того, физическій трудъ имѣетъ еще огромное нравственно-воспитательное значеніе. Онъ служитъ даже средствомъ исправленія преступниковъ. Испытано это, въ послѣднее время, и въ Россіи. Опытъ показалъ, что одно теоретическое проповѣдываніе нравственности не имѣетъ никакого практическаго значенія. Самое лучшее средство нравственнаго воспитанія, это — осмысленный трудъ. Опыты, сдѣланные въ этомъ направленіи съ малолѣтними преступниками въ петербургской земледѣльческой колоніи и ремесленномъ пріютѣ, какъ свидѣтельствуемъ членъ «общества попечительства о тюрьмахъ», В. Н. Никитинъ, увѣнчались успѣхомъ ¹⁾. Собственный физическій трудъ вселяетъ въ дѣтей любовь и уваженіе къ труду и къ рабочему народу. А это главнѣйшая нравственная задача воспитанія.

¹⁾ «Тюрьма и ссылка» В. Н. Никитина.

Правда, въ книгахъ для чтенія, употребляемыхъ въ школахъ, указывается часто на пользу чернаго труда и говорится о томъ, что должно уважать всякій трудъ и всякаго трудящагося. Но подобныя правоученія оставляютъ глубокое впечатлѣніе въ дѣтяхъ только тогда, когда это послѣднее имѣетъ возможность непосредственно примѣнять къ дѣлу проповѣдуемую правственность. Не исключительно посредствомъ абстракцій человѣкъ воспитывается, а, главнымъ образомъ, путемъ практическимъ, — работая, можно научиться уважать работу. Сельско-хозяйственныя и ремесленныя занятія дѣйствуютъ, сверхъ того, и въ умственномъ отношеніи, побудительнымъ образомъ на умъ дѣтяхъ. Умственныя способности легче и основательнѣе развиваются посредствомъ активнаго отношенія къ жизни. А занимаясь сельско-хозяйственнымъ и ремесленнымъ трудомъ, дѣтя и становится въ активныя отношенія къ міру.

Общественное значеніе введенія ремесленныхъ занятій въ школьную программу—огромно во всей своей всесторонности:

А) Введеніемъ ремесленныхъ занятій въ число учебныхъ предметовъ школа станетъ вполне органической частью соціальной жизни, приобрететъ сознательное сочувствіе народныхъ массъ и будетъ поддерживать въ рабочихъ любовь къ ученію, поощрять въ нихъ стремленіе къ самообразованію. Народная школа, такимъ образомъ, станетъ дѣйствительнымъ средствомъ поднятія и поощренія народнаго образованія.

Б) Сельско-хозяйственныя и ремесленныя занятія въ народной школѣ поднимутъ благосостояніе и культурный уровень крестьянскаго населенія въ особенности. Это кажется намъ такою ясною, по своей простотѣ, мыслью, что не будемъ дагѣе о ней распространяться, тѣмъ болѣе, что мы выше объ этомъ говорили.

В) Для городскаго, ремесленнаго населенія польза будетъ не меньшая. Это нововведеніе будетъ средствомъ регулированія ремесленно-ученическаго вопроса, на который, несмотря на его жгучесть, въ Россіи не обращено никакаго вниманія.

Всякій знаетъ, какъ дѣти, безъ пользы для себя и для своего ремесла, эксплуатируются мастерами. На 5—6 лѣтъ дѣтя часто поступаетъ въ кабалу къ мастеру, у котораго оно, первый годъ, а иногда и нѣсколько лѣтъ, почти вовсе не занимается изученіемъ ремесла, а служитъ лакеемъ и няней. Въ этой должности ученикъ остается года 2 — 3, а ремесломъ занимается лишь мимоходомъ.

Послѣ первыхъ 2—3 лѣтъ, ученикъ уже больше занимается своимъ дѣломъ. Но и тутъ мастеръ не обращаетъ вниманія главнымъ образомъ на то, чтобы ученикъ изучалъ, какъ слѣдуетъ, ремесло, а старается лишь извлекать, по возможности, больше пользы для себя изъ ученической работы. Изученіе ремесла у мастера, сверхъ всего этого, затрудняется еще неспстематичностью. И, дѣйствительно, рѣдко встрѣтится юноша, знающій, по окончаніи учебной кабалы, свое ремесло хорошо.

Изученіе ремесла у мастера, сверхъ того, весьма вредно вліяетъ на здоровье дѣтей. Ученики, обыкновенно, продолжительное время, цѣлые мѣсяцы сряду, притомъ по десяти-двѣнадцати часовъ въ день, занимаются однообразной работой, притупляющей, вслѣдствіе своей однообразности, умъ, изнуряющей извѣстные органы и оставляющей другія части тѣла въ бездѣйствіи. У столяровъ, напр., вы очень часто встрѣтите учениковъ, занимающихся полгода сряду, по 10—12 часовъ въ день, ни чѣмъ инымъ, какъ только скобленіемъ досокъ или, что еще хуже, рѣзаніемъ ихъ. Что подобное однообразіе ужасно подкапываетъ здоровье—понятно всякому.

Въ нравственномъ отношеніи, мы сплошь да рядомъ слышимъ жалобы мастеровъ на «лѣность» учениковъ, противъ которой господишь мастеръ или старшій подмастерье считаютъ необходимымъ бороться посредствомъ ремня, палки и т. п. Но неужели это дѣйствительно лѣность учениковъ, а не непривычка къ труду? Представьте себѣ мальчика 13—14 лѣтъ, 5—6 лѣтъ сидѣвшаго на школьной скамьѣ, занимавшагося только книжками да тетрадями и вдругъ очутившагося въ мастерской, гдѣ онъ, не привыкшій къ физическому труду, долженъ 10—12, а часто и еще больше часовъ въ день тяжело работать. Неужели такой мальчикъ можетъ быть «прлеженъ»? Мастера и подмастерья оправдываютъ свое жестокое обращеніе съ учениками тѣмъ, что и они, при тѣхъ же обстоятельствахъ, должны были работать и терпѣть удары. Но вѣдь такое жестокое недомысліе—страшный вредъ для общества! Это послѣднее обязано, ради своего же реального интереса, покончить съ подобнымъ варварствомъ.

Введеніе ремесленныхъ занятій въ число учебныхъ предметовъ народной школы въ состояніи устранить всѣ эти недостатки занятія въ частной мастерской. Дитя мало-по-малу привыкаетъ къ физическому труду, не изнуряя чрезмѣрной работой своего нѣж-

наго организма. Умѣренный физическій трудъ, укрѣпляя тѣло, освѣжаетъ и умъ. Не занимаясь чрезвычайно долгое время однообразной работой, дитя развиваетъ не одну только часть мускулатуры въ ущербъ другимъ, а развиваетъ, посредствомъ разнообразной работы, все тѣло свое равномерно и возвышаетъ свою умственную пылкость. Мѣсяцы и годы нянчання и лакейства замѣняются временемъ дѣла. Не служа средствомъ эгоистической эксплуатаціи, работая умѣренно и въ разнообразіи, дитя будетъ охотно работать и тѣмъ скорѣе изучитъ ремесло. А выходя изъ школы привыкшимъ къ труду, смысленнымъ въ работѣ, юноша въ мастерской не будетъ «лѣниться» и будетъ, на пользу не только здоровья, но и нравственности, освобожденъ отъ ремня и палки.

Г) Благотворное вліяніе этой школьной реформы обнаружится, въ фабрично-промышленныхъ мѣстностяхъ еще и въ другихъ отношеніяхъ. Послѣдствіемъ этой реформы будетъ и уменьшеніе дѣтей, работающихъ на фабрикахъ. Мѣсто дѣтей опять займутъ взрослые, часть которыхъ, вытѣсненная съ фабрики дѣтьми, голодаетъ вмѣстѣ съ своими семействами. А это повлечетъ за собою и возвышеніе мизерной теперь рабочей платы.

Д) Введеніе сельско-хозяйственныхъ и ремесленныхъ занятій въ программу народной школы будетъ также средствомъ для увеличенія современемъ школьнаго періода до 14-ти, 15-ти и даже 17-лѣтняго возраста.

Опытъ введенія этой реформы уже сдѣланъ въ Швеціи. Прусское правительство, въ прошломъ году, отправило специальныхъ комиссаровъ для изученія этихъ шведскихъ школъ на мѣстѣ. Недавно въ прусской палатѣ депутатовъ читался отчетъ объ этой экспедиціи, изъ котораго беремъ слѣдующія данныя ¹⁾:

Школы съ ремесленными занятіями устроены въ Гетеборгѣ. Воспитаніе по этой системѣ начинается въ «малыхъ школахъ», гдѣ дѣти обучаются отъ 7-го до 9-го года. Продолженіе составляютъ собственно «народныя школы», которыхъ теперь въ Гетеборгѣ пять съ 1,400 учащимися. На тринадцатомъ году дитя

¹⁾ Отчетъ этотъ весьма неудовлетворителенъ, такъ какъ занимается лишь внешней стороною дѣла.

переходить въ «старшую школу». Эта послѣдняя отличается отъ «народной школы» тѣмъ, что въ ней изученіе ремесла ведется вполне систематически и всесторонне, между тѣмъ какъ въ малой и въ народной школахъ занятіе ремеслами только приготовительное и неспеціальное, а многообразное. Каждый мальчикъ занимается въ этихъ школахъ пятью различными ремеслами: черченіемъ и рисованіемъ, столярно-токарной работой, плетеніемъ соломѣ и дерева, приготовленіемъ вещей изъ картона и даже слесарно-кузнечной работой; послѣдней занимаются только старшіе мальчики. Въ школѣ, которую коммисары посѣтили, вся почти мебель и школьныя принадлежности были изготовлены самими учениками. Планъ обученія ремесламъ въ этихъ школахъ таковъ, что дѣти сначала занимаются всѣми упомянутыми ремеслами; когда же мальчикъ порядочно ознакомился со всѣми ими, онъ выбираетъ одно ремесло, которое потомъ специально изучаетъ ¹⁾. Подобныя школы находятся также въ Стокгольмѣ, Упсалѣ и другихъ городахъ. Но гетеборгскія лучше и систематичнѣе устроены.

Указавъ въ общихъ чертахъ индивидуальную и социальную пользу введенія сельско-хозяйственныхъ и ремесленныхъ занятій въ число предметовъ народной школы, перейдемъ теперь къ обсужденію нѣкоторыхъ общественныхъ условій устройства послѣдней.

¹⁾ Мысль эта такъ энтузіазировала одного шведскаго богача, Абрамсона, и племянника его, Соломона, что они устроили въ нѣвнѣ первого, въ мѣстечкѣ Нэвсъ (Nävs), лежащемъ при станціи гетеборго-стокгольмской желѣзной дороги Флода, — по этому принципу, учительскую семинарію для 16-ти молодыхъ людей. Предметы обученія суть: педагогика и методика, обыкновенныя школьныя занятія, черченіе и столярно-токарное ремесло. Курсъ ученія продолжается одинъ годъ. Молодые люди живутъ тамъ на полномъ содержаніи, и, за исключеніемъ очень малой платы за столъ, все въ семинаріи — безвозмездно, на счетъ г. Абрамсона. Сверхъ этого, гг. Абрамсонъ и Соломонъ устраиваютъ ежегодно пятинедѣльный курсъ ремесленныхъ занятій для состоящихъ на службѣ народныхъ учителей. Цѣль институтовъ гг. Абрамсона и Соломона — теоретическое и практическое образованіе народныхъ учителей, которые не только словомъ, но и пріямъ дѣломъ распространяли бы въ народѣ мысль о полезности рабочаго воспитанія юности. Предпріятіе, заслуживающее подражанія.

О проведеніи школьной реформы.

Всѣ честно мыслящіе образованные русскіе люди, безъ сомнѣнія, убѣждены въ томъ, что наша народная школа не удовлетворяетъ самымъ элементарнымъ требованіямъ народного образованія и что, слѣдовательно, коренная реформа необходима. Но въ такомъ обширномъ государствѣ, съ разнокалибернымъ населеніемъ и разнообразными условіями отдѣльныхъ мѣстностей, является кажущійся простымъ, а въ дѣйствительности весьма сложный, вопросъ: кто долженъ быть проводителемъ реформы? Большинству русскихъ людей, вслѣдствіе извѣстныхъ историческихъ условій развитія, вопросъ этотъ покажется очень простымъ: «кто? да государство!» Это, однако, ошибка, и ошибка часто злосчастная. Неужели «государство», т. е. Петербургъ, въ состояніи оставить народную школу въ каждой изъ многочисленныхъ, отличныхъ другъ отъ друга, мѣстностей, сообразно съ условіями ихъ? Русская народная школа была до сихъ поръ столь мало полезна, между прочимъ, потому, что она была однообразна для всѣхъ частей разнокалибернаго населенія. Это иначе и не могло быть, потому что все исходило изъ одного и того же источника.

Во всѣхъ государствахъ, страдающихъ отъ слишкомъ большой централизаціи или отъ слишкомъ большой разрывности, идетъ, въ настоящее время, борьба за децентрализацію или за централизацію. Вслѣдствіе узкости соціально-политической мысли у современныхъ народовъ, вопросъ этотъ поставленъ неправильно, и потому борьба изъ-за него ожесточенная и не ведетъ къ скорому разрѣшенію. Принципъ централизаціи въ общественной жизни абсолютно вреденъ: онъ игнорируетъ потребности отдѣльныхъ частей государства. Самымъ лучшимъ примѣромъ для этого можетъ намъ служить, именно, народная школа въ той широкой формѣ, какъ ее требуетъ соціальная жизнь. За то, съ другой стороны, успѣхъ соціальныхъ мѣропріятій значительно облегчается при объединеніи. Предоставленные самимъ себѣ, общины и области, вслѣдствіе незначительности у нихъ средствъ, не въ состояніи такъ рационально обставить свои учрежденія, напр. школы, какъ при объединеніи общинъ и областей, т. е. при взаимной ихъ помощи и

поддержкѣ. Но для того, чтобы не стать вреднымъ централизмомъ, единеніе должно оставаться въ своихъ естественныхъ предѣлахъ, т. е. не противодействовать самостоятельному развитію отдѣльныхъ мѣстностей, сообразно съ ихъ особенностями, не обезличивать ихъ, точно такъ, какъ развитіе въ дѣтяхъ гражданскаго духа не должно стирать съ отдѣльной личности особенностей ея естественнаго характера, по отношенію къ уму и чувству. Какъ воспитаніе дѣтей имѣетъ задачей привести самостоятельно-развитыми особенностями ума и чувства каждаго индивида въ гармонію съ особенностями другихъ индивидовъ, такъ какъ только на этой гармоніи основывается культурно-свободный гражданскій духъ,—точно также гражданскій союзъ группъ и мѣстностей долженъ основываться не на уничтоженіи типичностей ихъ, а на развитіи этихъ типичностей въ общую общественную гармонію. А это послѣднее реализуется путемъ единенія ихъ общихъ чертъ и интересовъ.

Примѣняя намѣченныя здѣсь мысли къ плану устройства народной школы, мы выведемъ заключеніе, что такъ какъ Россія не состоитъ изъ однообразной суммы земель и обществъ, а, напротивъ того, земли и общества, входящія въ составъ государства, очень разнокалиберны, то устроеніе и веденіе школьнаго дѣла должно быть задачей не государства, а отдѣльныхъ мѣстностей. Требования отъ народной школы, какъ мы ее желаемъ, въ тульской и тверской губерніяхъ, напр., гдѣ развита фабричная дѣятельность, и въ екатеринославской или херсонской губерніяхъ, гдѣ преобладаетъ земледѣльческая промышленность, столь различны, что школьное дѣло не должно стоять въ непосредственномъ вѣдѣніи одного и того же государственнаго учрежденія. Тутъ необходима самостоятельность каждой отдѣльной провинціи. Задача же государства состоитъ въ верховномъ активномъ надзорѣ за дѣятельностью ихъ, надзорѣ, связанномъ съ поощреніемъ и поддержкой ихъ. Система эта проведена, на пользу народному образованію, въ Швейцаріи. Здѣсь каждая община, состоящая, среднимъ числомъ, изъ 3—4.000 душъ,—самостоятельно ведетъ у себя школьное дѣло. Кантонъ наблюдаетъ за дѣятельностью общинъ и поддерживаетъ, нравственно и матеріально, слабыя общины. Верховный надзоръ за школой принадлежитъ всей федераціи въ лицѣ бундесрата. Недостатокъ школь-

ной администраціи состоитъ только въ томъ, что федерация не поддерживаетъ матеріально-бѣдныхъ кантоновъ.

Введеніе этой системы въ Россіи не было бы вовсе связано съ пугающимъ старыхъ дѣтей призракомъ «коренной ложки». Элементы этой системы существуютъ и у насъ, въ системѣ земскихъ учреждений. Слѣдовало бы только предоставить земствамъ полную свободу въ дѣлѣ развитія школьнаго дѣла, т. е. чтобы они, земства, лучше петербургскихъ канцелярій знающіи потребности своихъ мѣстностей, могли развивать школу, количественно и качественно, безъ испрошенія разрѣшеній, и подчинить ихъ народныя школы, во всѣхъ ихъ частяхъ, непосредственно вѣдѣнію земства, въ лицѣ училищнаго совѣта, избираемаго земскимъ собраніемъ и подчиненнаго ему же,—освободить, слѣдовательно, школу отъ урядниковъ, становыхъ и т. п. Задача государства состоитъ въ формулированіи основныхъ принциповъ народной школы вообще, обязательныхъ для всѣхъ земствъ, въ надзорѣ за исполненіемъ этихъ основныхъ предначертаній земствами и въ матеріальной поддержкѣ бѣдныхъ изъ нихъ.

Для согласныхъ съ нами въ принципѣ введенія въ народную школу рабочаго воспитанія и предоставленія автономіи въ школьномъ дѣлѣ земствамъ, является еще одинъ важный вопросъ относительно средствъ для проведенія столь широкой реформы. Понятно, что подобная реформа не можетъ быть вполне осуществлена въ одинъ или два года. Необходимо давать земствамъ срокъ, положимъ, пятилѣтній, для проведенія обязательнаго обученія вообще, и пятилѣтній, сверхъ того, для введенія въ народную школу рабочей системы. Всего, значитъ, лѣтъ десять. На устройство школъ потребовалось бы, напримѣръ, сверхъ ежегоднаго содержанія ихъ, 50—60 милліоновъ рублей, т. е. 5—6 милліоновъ ежегодно втеченіе срочнаго времени. Мы того мнѣнія, что эти расходы всецѣло должно взять на себя государство. За то на обязанности земствъ должно лежать содержаніе школъ, равно какъ и устройство и содержаніе учительскихъ семинарій—съ помощью, для бѣдныхъ провинцій, отъ государства. Государству, слѣдовательно, придется израсходовать на устройство школъ и поддержку бѣдныхъ областей, втеченіи первыхъ 10 лѣтъ, положимъ, 100 милліоновъ рублей. Тутъ представится намъ вопросъ: откуда взять встоющенному и обремененному государству русскому

эту громадную сумму, составляющую 10 милліоновъ рублей ежегодно? На это мы отвѣтимъ, во первыхъ, что это—ничтожная сумма, въ сравненіи съ суммами, поглощаемыми, въ видѣ наличныхъ денегъ, потери сотенъ тысячныхъ силъ и разрушенія благосостоянія десятковъ тысячъ семействъ внѣшними войнами. Неужели обремененная долгами Россія для подобныхъ предпріятій находитъ средства, а на такой важный факторъ народнаго благосостоянія, какъ умственное и рабочее воспитаніе подростящаго поколѣнія, не можетъ найти ихъ? Стомилліонный заемъ для народной школы въ сто разъ легче, чѣмъ заемъ на войны: состоитъ онъ и внутри, и внѣ страны. А эти сто милліоновъ не будутъ обременіемъ для государства, такъ какъ они послужатъ полезному дѣлу, способствующему поднятію благосостоянія народа, слѣдовательно—и государства. Во-вторыхъ, правительство могло бы даже обойтись безъ займа, еслибы захотѣло сократить разрушительный для страны бюджетъ военнаго и морскаго вѣдомствъ.

Мы кончили. Мы говорили о педагогическихъ и специальныхъ условіяхъ устройства и обстановки народной школы въ общихъ только чертахъ. Одни найдутъ въ этомъ недостатокъ, другими оно намъ, быть можетъ, зачтется даже въ заслугу. Мы не хотѣли сочинять подробный планъ, такъ какъ онъ, исходя отъ одного человѣка, вышелъ бы непременно одностороннимъ и затемняющимъ основную мысль мелочами. Основная наша мысль, надѣемся, ясно выражена; а больше мы ничего и не хотѣли. Разработка вопроса—не дѣло личности, не дѣло даже комисіи. Это — дѣло всего общества, въ своемъ цѣломъ болѣе опытнаго и болѣе умнаго, чѣмъ десятки полковниковъ или ученыхъ. Прежде чѣмъ приступить къ осуществленію какой бы то ни было реформы, необходимо представить вопросъ о ней на свободное обсужденіе въ собраніяхъ и въ печати.

Такимъ только образомъ возможна всесторонняя разработка вопроса, такимъ только образомъ возможно избѣгать ошибокъ, чѣмъ позже, тѣмъ труднѣе поправимыхъ.

А. Блументаль.

Мифъ и наука.

(Mythos und Wissenschaft. Eine Studie von T. Vignoli. Internationale wissenschaftliche Bibliothek. XLVII Band).

При пробужденіи въ человѣкѣ сознательной, разумной мысли, у него явилась потребность разрѣшить загадку міра, понять его явленія, въ ихъ безконечномъ разнообразіи и таинственной смѣнѣ, понять себя самага, угадать причины и цѣли какъ своего существованія, такъ и существованія всего окружающаго. Много подобныхъ вопросовъ являлось у человѣка, вопросовъ, хотя и некасавшихся прямо и непосредственно его обыденной жизни, несвязанныхъ прямо съ удовлетвореніемъ его матеріальныхъ потребностей, но, тѣмъ не менѣе, — вопросовъ мучительныхъ и недававшихъ ему покоя. Разрѣшенія этихъ вопросовъ онъ искалъ вообще двумя путями: первоначально — путемъ созданія мифовъ, а впоследствии — путемъ положительнаго знанія, т. е. науки и научной философіи. Конечно, человѣкъ и мифы свои считалъ прежде дѣйствительнымъ знаніемъ, — и въ нихъ, въ самомъ дѣлѣ, входилъ элементъ знанія, — но, въ концѣ концовъ, оказалось, что мифъ — не есть дѣйствительное знаніе, и чѣмъ болѣе развивалась наука, тѣмъ болѣе мифъ отступалъ на задній планъ, терялъ подъ собою почву. Въ своемъ прогрессивномъ развитіи, наука все болѣе и болѣе расширяла и расширяетъ свою область, свой горизонтъ, такъ что, мало по малу, она сдѣлала предметомъ своего наблюденія и изученія всѣ явленія внутренняго и внѣшняго міра, не отступая передъ самыми величественными и торжественными, и не гнушаясь самыми мелкими и неприглядными. Къ числу наиболѣе, можетъ быть, таинственныхъ и величественныхъ явленій внутренняго, субъективнаго, міра принадлежатъ и сами эти наука и мифъ. Откуда первона-

чально явился мнѣ? какимъ путемъ пришелъ человекъ къ созданію его? и благодаря какимъ основнымъ свойствамъ человекъ оказался способнымъ создать науку, которая доказала несостоятельность мнѣа и замѣнила его собою?—все это вопросы въ высшей степени важные и интересные. Разрѣшенію ихъ посвящено, между прочимъ, сочиненіе Т. Виньоли: «Мнѣа и Наука», съ содержаніемъ котораго мы намѣрены познакомить читателей въ настоящей статьѣ.

I.

Трудъ Виньоли представляетъ собою философско-психологическое изслѣдованіе о мнѣа, его происхожденіи и развитіи, а также объ отношеніяхъ его къ наукѣ, въ процессѣ ихъ обоюднаго развитія. По мнѣнію Виньоли, всѣ объясненія мнѣа, предложенныя многими филологами, этнографами и философами, не исчерпываютъ вопроса, потому что ограничиваются, по большей части, лишь внѣшнею его стороною. Виньоли желаетъ глубже проникнуть въ вопросъ. «Цѣлью и задачею нашихъ скромныхъ изслѣдованій,—говоритъ онъ,—служитъ попытка приблизиться къ дѣйствительно первому источнику всѣхъ мнѣовъ во внутреннѣйшемъ существѣ человѣческой природы, отыскать и основать единый фактъ, изъ котораго рождается и развивается мнѣа, въ его внутренне-необходимой и всеобщей формѣ» (S. 2). Мнѣа является, по Виньоли, не случайнымъ продуктомъ первыхъ зачатковъ жизни народовъ, не результатомъ неправильнаго толкованія словъ и предложеній и т. п., а, напротивъ того,—есть необходимый результатъ основныхъ законовъ дѣятельности человѣческаго духа. Поэтому, прирожденная способность къ созданію мнѣовъ должна быть свойственна всѣмъ людямъ, къ какой бы расѣ ни принадлежали и на какой бы ступени развитія ни стояли они.

Рядомъ съ мнѣообразующей дѣятельностью, человекъ способенъ также къ дѣятельности, направленной собственно къ познанію. Этотъ второй факторъ интеллектуальной жизни, ведущій человека по пути къ истинѣ, необходимо долженъ, со временемъ, получить полный перевѣсъ въ нашихъ понятіяхъ о мнѣа; но, тѣмъ не менѣе, все же существуетъ, по мнѣнію Виньоли, нѣкоторая

область субъективной дѣятельности духа, гдѣ оба эти фактора останутся всегда неразрывно связаны другъ съ другомъ.

На какой бы низкой ступени развитія мы ни взяли теперь чело-вѣка, вездѣ, при внимательномъ и глубокомъ изслѣдованіи, мы найдемъ, хотя бы только въ зачаточной и грубой формѣ, какъ мнѣю образующую, такъ и познавательную дѣятельность: «это—два первичные рода мышленія, прирожденные челоуѣку, какъ физико-интеллектуальному организму». Племена, принадлежащія къ самымъ грубымъ и дикимъ на всей землѣ, какъ недавно исчезнувшіе тасманійцы, а также существующіе и теперь андаманцы, австралийцы, веддахи на Цейлонѣ и др., могутъ служить, въ указанномъ отношеніи, доказательствомъ. Всѣ эти дикари обладаютъ рѣчью, хотя, конечно, самою несовершенною, и имъ не чужды многія прозрачныя мнѣнческія представленія и вѣра въ духовъ; но, съ другой стороны, они имѣютъ также, хотя бы самое простое и эмпирическое, представленіе объ естественной связи нѣкоторыхъ причинъ и слѣдствій, о периодичности явленій природы и т. п. сообразно съ чѣмъ приспособляютъ обычай и потребности своей частной и публичной жизни.

Для изслѣдованія мнѣя и для открытія его основныхъ, такъ сказать, органическихъ, условій, Виньоли находятъ необходимымъ не только воспользоваться относящимися сюда историческими и этнографическими фактами, но и не отступать передъ болѣе глубокииъ опытно-психологическимъ изслѣдованіемъ первичныхъ и основныхъ психическихъ явленій: «только такое изслѣдованіе можетъ помочь намъ открыть первый источникъ всѣхъ мнѣнческихъ представленій».

Благодаря успѣхамъ науки, въ особенности же — сравнительнаго языковѣдѣнія, вопросъ о происхожденіи мнѣя выяснился, за послѣднее время, въ очень значительной степени, и для разрѣшенія его предложены многія чисто-научныя теоріи. Нѣкоторые изъ ученыхъ, какъ, напр., Кунъ, Веберъ, Гриммъ и др., общую основу мнѣя нашли въ неопредѣленномъ примитивномъ олицетвореніи вѣтровъ, бурь, солнца, утренней зари, и вообще космическихъ и метеорологическихъ явленій. Максъ Мюллеръ, на основаніи данныхъ сравнительнаго языковѣдѣнія, приходитъ къ заключенію, что единственнымъ источникомъ, по крайней мѣрѣ, для арійскихъ мнѣювъ служитъ метафора и двоякое значеніе словъ;

эту двусмысленность словъ онъ называетъ «болѣзнью языка». Спенсеръ видитъ первоначальный источникъ мпоовъ въ историческихъ событіяхъ, ставшихъ преданіемъ, и въ культѣ мертвыхъ, а Тэйлоръ указываетъ, какъ на такой источникъ, на непосредственное «одушевленіе» первобытнымъ человѣкомъ всѣхъ предметовъ, на «анимизмъ». Но всѣ эти теоріи Виньоли находятъ недостаточными, потому что онѣ оставляютъ перѣшленнымъ вопросъ: «почему же человѣкъ олицетворяетъ всѣ явленія природы и объектируетъ въ нихъ самого себя, сначала неопредѣленно, позднѣе совершенно антропоморфически, и такимъ образомъ строить постепенно міръ по своему образу и подобию?» (S. 16). Для разрѣшенія этого вопроса, необходимо, прежде всего, свести къ одному, всеобъемлющему психо-органическому акту душевной дѣятельности всѣ относящіеся сюда факты, какъ-то: прямое олицетвореніе явленій природы, косвенное—метафоръ, одушевленіе собственной тѣни, грезъ, образовъ, отражающихся въ водѣ, вѣру въ объективную реальность нормальныхъ иллюзій и ненормальныхъ галлюцинацій. Но на этомъ анализѣ душевной дѣятельности, создающей человѣческіе мпоы, Виньоли, какъ истинный и послѣдовательный приверженецъ теоріи естественнаго развитія и измѣнчивости типовъ, не хочетъ остановиться. «Ясно.—говоритъ онъ,—по крайней мѣрѣ для тѣхъ, которые не опутаны старыми традиціями, что человѣкъ есть членъ животнаго царства». Палеонтологія, эмбриологія, сравнительная анатомія, сравнительная психологія и пр. съ каждымъ днемъ все тверже и тверже устанавливаютъ несомнѣнность родства между человѣкомъ и животными,—и при томъ не только со стороны физической организаціи и физиологическихъ процессовъ, то также и со стороны психическихъ явленій. На основаніи этого родства и сходства между человѣкомъ и животными (въ чемъ состоитъ различіе между ними,—увидимъ дальше), Виньоли приходитъ къ такому заключенію: «занимаясь генезисомъ мпоа, а слѣдовательно, и вопросомъ о самой первоначальной и простой формѣ его происхожденія, необходимо постараться открыть, не заключается ли первый зародышъ мпоическихъ представленій, въ его существенныхъ элементахъ, уже въ животномъ царствѣ?» (S. 25).

II.

«Всѣ животныя стоятъ, при посредствѣ внѣшнихъ чувствъ, въ связи какъ съ своимъ внутреннимъ, такъ и съ окружающимъ міромъ, въ средѣ котораго протекаетъ ихъ жизнь, и образуютъ, при помощи этой внутренней и внѣшней дѣятельности своего sensogium'a (чувствилнца), представленія и понятія» (S. 43). Въ какой-же общей формѣ долженъ являться животному внѣшній міръ, служащій для него объектомъ чувственного ощущенія и воспріятія? Отвѣтить на этотъ вопросъ не трудно, если мы примемъ во вниманіе, что животное не знаетъ иной жизни, кромѣ своей, что оно и вообще не знаетъ иной формы существованія, кромѣ той, которая извѣстна ему, по его собственному, внутреннему опыту; чтобы перешагнуть черезъ этотъ горизонтъ, животное должно было бы обладать тою рефлексіею, которая постепенно развила въ человѣкѣ и которой, однако, животное лишено. А жить, или существовать, для животного значитъ чувствовать, такъ какъ всѣ явленія внутреннего и внѣшняго міра, достигающія до сознанія животного, сопровождаются для него чувствованіями, болѣе или менѣе живыми и сильными, которыя не прекращаются даже и во время сна. Поэтому, внутренняя психическая жизнь, опредѣляющая все содержаніе и всю субъективную дѣятельность индивидуальнаго животного существованія, преобразуетъ для животного, подобно съ собою, всѣ его отношенія къ внѣшнему міру, и оживляетъ и строитъ послѣдній по своему подобію. Всякій внѣшній предметъ, воспринимаемый животнымъ и возбуждающій въ немъ чувственное ощущеніе, тотчасъ-же и непосредственно, въ самомъ актѣ этого воспріятія и возбужденія, вызываетъ въ его сознаніи болѣе или менѣе неясное и смутное представленіе о чемъ-то живомъ, подобномъ ему самому. «Первоначальная дѣятельность души не разлагаетъ содержанія чувственного воспріятія, посредствомъ поднявшейся рефлексіи, на его дѣйствительныя составныя части, но всегда непосредственно объективруется въ явленіяхъ, принимающихъ, такимъ образомъ, форму, аналогичную съ воспринимающимъ субъектомъ» (S. 46). Поэтому, не только другія животныя, но и всѣ природныя тѣла и явленія представляются вос-

принимающему животному не просто реальными объектами, каковы они суть на самомъ дѣлѣ, но живыми и дѣйствующими существами, которыя могутъ принести, лично ему, вредъ или пользу и которыя, слѣдовательно, всегда могутъ представлять нѣкоторую опасность, поза, по крайней мѣрѣ, опытъ не докажетъ противнаго. Въ послѣднемъ случаѣ, т. е. при извѣданной безопасности какого-нибудь предмета, животное привыкаетъ къ нему и относится индифферентно, но относится все-же какъ къ безразличному для него живому существу, а не какъ къ мертвому объекту, и, при первомъ-же удобномъ случаѣ, прежнее подозрѣніе можетъ снова возникнуть со всею своею силою. Изъ многихъ, доказывающихъ это положеніе, опытовъ, описанныхъ Виньоли, мы возьмемъ только одинъ для примѣра. Въ клѣткѣ ручного черного дрозда Виньоли устроилъ коробку, въ которую насыпался кормъ, такимъ образомъ, что можно было, дернувъ за нитку, приподнимать дно коробочки вмѣстѣ съ кормомъ. Когда производился опытъ, то дроздъ всегда со страхомъ отлеталъ въ сторону, и если ему приходилось пугаться нѣсколько разъ, то онъ уже не могъ больше привыкнуть къ страшной коробкѣ. Но этого мало: послѣ такихъ опытовъ, дроздъ и на самую пищу свою смотрѣлъ со страхомъ и по долгу не осмѣливался приблизиться къ ней, даже если она предлагалась ему уже не въ коробкѣ. Очевидно, у дрозда должно было возникнуть здѣсь смутное представленіе объ обычной пищѣ, какъ о живомъ существѣ, съ которымъ не всегда то бываетъ вполне безопасно имѣть дѣло и къ которому, поэтому, нельзя уже относиться съ прежнею довѣрчивостью. Замѣтимъ здѣсь еще, что даже поверхностное наблюденіе надъ животными легко можетъ доказать намъ, что послѣднія, въ своихъ играхъ, относятся къ неодушевленнымъ предметамъ такъ, какъ будто-бы тѣ, дѣйствительно, обладали сознаниемъ и волею.

Такимъ образомъ, животное необходимо, въ силу психо-органическихъ своихъ свойствъ, объективируетъ себя во внѣшней природѣ и одушевляетъ ее сообразно съ своими впечатлѣніями, чувствами и инстинктами. Весь міръ воспринимаемыхъ явленій представляетъ для него «безконечную драму болѣе или менѣе ясно представляемыхъ, но всегда дѣятельныхъ существъ, приносящихъ то вредъ, то пользу, то дружественныхъ, то враждебныхъ, привлекаемыхъ или страшныхъ... И между мертвыми предметами животное никогда не остается одинокимъ,... но всегда чувствуетъ

себя въ обществѣ сознательныхъ и дѣйствующихъ живыхъ существъ» (S. 58—59),

Теперь перейдемъ къ человѣку. На самыхъ низшихъ ступеняхъ развитія, душевная жизнь человѣка почти не отличается отъ жизни высшихъ животныхъ, и если послѣднія, въ процессѣ воспріятія, одушевляютъ всю окружающую природу, то это не менѣе справедливо и относительно перваго: человѣкъ также объективнруетъ себя во всѣхъ чувственно-воспринятыхъ и сознанныхъ явленіяхъ природы и вдыхаетъ въ нихъ свою собственную жизнь. Могучая внутренняя жизнь чувствованій покрываетъ, такъ сказать, собой для человѣка, какъ и для животнаго, весь объективный міръ, преобразовываетъ его по образу своему и подобію и видитъ въ предметахъ существа, съ такими же чувствами, стремленіями и намѣреніями, какъ и тѣ, которыя она знаетъ въ себѣ. Словомъ, и тутъ имѣетъ мѣсто непосредственное, истиннѣе всего необходимое олицетвореніе всего окружающаго, олицетвореніе, которое и составляетъ сущность первобытнѣйшихъ мифическихъ воззрѣній на природу. Дѣйствительно, чѣмъ больше будемъ мы удаляться въ глубину вѣковъ, тѣмъ яснѣе будутъ признаки, указывающіе на такое олицетвореніе всѣхъ явленій, и тѣмъ непосредственнѣе и проще будетъ послѣднее. Древнѣйшіе гимны старой Веды, относящіеся, однако, уже къ тому періоду, когда наша раса давно вышла изъ первобытнаго дикаго состоянія, могутъ служить примѣромъ того, какъ человѣкъ олицетворяетъ, по своему подобію, явленія и силы природы. Тутъ мы видимъ, напр., что не только огонь представляется вообще какъ лицо и въ образѣ человѣка, но что то же самое имѣетъ мѣсто и относительно формы жертвеннаго пламени, относительно всѣхъ горючихъ матеріаловъ, составныхъ частей и отрѣзковъ жертвы, горящихъ дровъ, молитвъ и обѣтовъ, приносимыхъ Богу. То же самое наблюдается у всѣхъ, и теперь еще существующихъ, дикарей, и при томъ, чѣмъ ниже стоятъ они по своему развитію, тѣмъ болѣе выступаетъ на сцену первоначальнѣйшій фетишизмъ, т. е. олицетвореніе, одушевленіе и культъ множества отдѣльныхъ предметовъ. Въ культурныхъ обществахъ, такое стремленіе къ олицетворенію предметовъ ясно выражается у всѣхъ дѣтей и у взрослыхъ, съ слабо развитою рефлексією, слѣдовательно, приближающихся къ животнo-психическому уровню, а также, какъ результатъ регрессивнаго процесса, у

драхлыхъ стариковъ. Но эти факты олицетворенія содержанія чувственнаго воспріятія, имѣющаго мѣсто среди наиболѣе низко или наиболѣе близко къ животнымъ стоящихъ людей, обратно, могутъ служить доказательствомъ существованія его и у животныхъ, и поэтому «мѣръ, въ который превращается такое олицетвореніе и одушевленіе всѣхъ вещей, имѣетъ свои послѣдніе корни въ животномъ и только изъ его природы вытекаетъ дѣйствительно съ необходимостью» (S. 64—64). Такимъ образомъ, первичныя мнѣшескія возрѣнія на природу не могутъ считаться сознательными гипотезами для разрѣшенія возбуждаемыхъ феноменальнымъ міромъ вопросовъ, и олицетвореніе, одушевленіе явленій должны быть признаны самобытнымъ и необходимымъ результатомъ чувственнаго воспріятія и психо-органическаго строенія животныхъ и человѣка. Сознательная постановка и рѣшеніе вопросовъ невозможны для животныхъ, лишенныхъ способности глубоко внкать въ явленія; но также мало возможны они и для первобытнаго человѣка, хотя и обладающаго разумной мыслью, но еще не развившаго ее.

До сихъ поръ мы вездѣ видѣли полное торжество въ явленіяхъ душевной жизни у человѣка и у животныхъ; теперь же намъ нужно будетъ остановиться на выясненіи того различія, которое, по Виньолл, существуетъ между ними и обусловливаетъ ту громадную, недоступную для животныхъ, высоту развитія, на которую оказался способнымъ подняться человѣкъ. Разсмотримъ сначала, съ общей точки зрѣнія, мнѣшескую дѣятельность животныхъ. Одушевленіе и олицетворенія тѣлъ и явленій у животныхъ всегда стоятъ въ тѣсномъ и опредѣленномъ отношеніи къ свойствамъ окружающаго внѣшняго міра, служащаго для нихъ объектомъ воспріятія: животныя переносятъ себя, объективируютъ, такъ сказать, воспринимаютъ самихъ себя лишь въ видѣ отдѣльныхъ реальныхъ образовъ, которые раздражаютъ, пугаютъ, привлекаютъ ихъ и угрожаютъ имъ; и самобытная дѣятельность ихъ души, имѣющая слѣдствіемъ такое одушевленіе, необходимо находитъ для себя границу въ свойствахъ ихъ чувственнаго воспріятія. Животное имѣетъ, напр., представленіе объ опредѣленномъ растеніи, деревѣ, когда это послѣднее, именно какъ нѣчто реальное, индивидуальное, представляется его воспріятію; и оно олицетворяетъ растеніе, которое въ данную мнуну видитъ передъ собою, посредствомъ

перенесенія въ него своей собственной души, особенно если это растеніе привлекаетъ его своими плодами или листьями, или какъ-нибудь возбуждаетъ его своими движеніями, производимыми вѣтромъ. Но животное не идетъ дальше олицетворенія и одушевленія отдѣльныхъ предметовъ, явленій, непосредственно представляющихся ему, и если явленіе мнвовалось и псчезло изъ его чувствъ, то также совершенно псчезаетъ и одушевленіе явленія. Что-же касается соотвѣтствующей дѣятельности человѣка, то въ ней легко замѣтить нѣкоторыя новыя и въ высшей степени важныя свойства. Что бы понять, откуда являются эти новыя элементы, необходимо указать на ту существенную черту душевной дѣятельности, отъ которой зависитъ различіе между человѣкомъ и животнымъ и основное превосходство перваго надъ вторымъ. Черта эта заключается въ томъ, что человѣкъ не только, подобно животнымъ, воспринимаетъ, воспоминаетъ, и т. д., но и «можетъ хотѣть воспринимать, хотѣть вспоминать..», потому что онъ способенъ какъ къ прямому и непосредственному созерцанію себя и внѣшняго міра, къ которому способенъ и всѣ животныя, такъ и къ созерцанію этого созерцанія, къ представленію объ этомъ представленіи, черезъ что удваивается вся его психическая дѣятельность. И послѣднее основаніе для этого возвращенія къ самому себѣ и къ созерцанію вещей мы находимъ въ болѣе совершенномъ развитіи его воли, которая у него управляетъ не только многообразными внѣшними функціями тѣла, но и комплексомъ психическихъ дѣятельностей» (S. 21). Эта способность (конечно, не абсолютная) сознательно управлять собою, своими мыслями и чувствами, ведетъ къ чрезвычайно важнымъ послѣдствіямъ. Животное всегда остается чисто пассивнымъ существомъ, душевные процессы котораго всецѣло зависятъ отъ унаслѣдованныхъ инстинктовъ и отъ впечатлѣній, получаемыхъ имъ отъ внѣшняго міра; оно абсолютно не способно сознательнымъ усиліемъ направить и видоизмѣнить теченіе своихъ идей и чувствъ. Между тѣмъ человѣкъ, до извѣстной степени по своему произволу, можетъ или пассивно отдаваться впечатлѣніямъ, причемъ внутренніе, душевные процессы, опредѣляемые законами ассоціаціи идей и чувствъ и окружающими, въ данный моментъ, условіями среды, будутъ въ высокой степени случайны и неопредѣлены; или-же онъ можетъ сознательно вліять на теченіе своихъ мыслей, направляя ихъ въ

строго-логическомъ и цѣлесообразномъ порядкѣ, и только этою способностью дается для него возможность научнаго наблюденія и рефлексіи. Благодаря способности составлять представленіе объ объектахъ внѣшняго и внутренняго міра, а также и представленіе объ этомъ представленіи, и вслѣдствіе болѣе совершеннаго развитія своей воли, человѣкъ можетъ, по произволу, всякое явленіе, удержавшееся въ его памяти, сдѣлать еще разъ объектомъ своего внутренняго созерцанія и разсмотрѣнія. Такимъ образомъ, явленія, въ формѣ внутреннихъ представленій, становятся собственностью души. Но разъ человѣкъ получилъ прибавку этой новой способности къ своему внутреннему я. онъ, естественно, начинаетъ замѣчать подобія, аналогіи, различія, тождества, между всѣми предметами и явленіями, между настроеніями и душевными движеніями, собираетъ, группировуетъ ихъ и соединяетъ въ гомологичные типы, изъ которыхъ каждый соотвѣтствуетъ неограниченному числу представленій внѣшнихъ или внутреннихъ объектовъ, подобныхъ, аналогичныхъ, идентичныхъ между собою. Такимъ путемъ возникаютъ общія понятія обо всѣхъ явленіяхъ природы (дерево, растеніе, животное) и душевныхъ настроеніяхъ и движеніяхъ (любовь, ненависть, гнѣвъ),—понятія, не чуждыя самымъ грубымъ народамъ и самымъ несовершеннымъ языкамъ. Эти понятія, или идеальныя, родовыя типы, подвергаются затѣмъ тому-же процессу олицетворенія и одушевленія, который, и у животныхъ, и у людей, имѣетъ мѣсто относительно тѣлъ и явленій природы. «Типы стоятъ передъ человѣкомъ, въ процессѣ воспоминанія, такъ-же объективно, какъ тѣла природы передъ животными» (S. 73). Такимъ образомъ, «объектъ мнѣа теперь удваивается: имъ можетъ быть, во первыхъ, частное представленіе, соотвѣтствующее отдѣльному чувственному воспріятію, и, во вторыхъ—интеллектуальный терминъ, полученный путемъ созданія родовыхъ типовъ» (S. 81). Сообразно съ этимъ, и мнѣа, по своей природѣ, могутъ быть частными (Kinzelsmythen) и передовыми (specifische Mythen).

Взглянемъ въ общихъ чертахъ на ходъ развитія мнѣовъ. Первая и простѣйшая форма мнѣа, первоначальнѣйшій образъ, подъ которымъ онъ появляется, заключается въ томъ, что одаренное сознаніемъ и активною дѣятельностью существо приписываетъ, прямо и непосредственно, предметамъ внѣшняго міра произвольную способность оказывать благодѣянія или причинять страданія,

быть полезнымъ или вреднымъ. «Этотъ мнѣзъ всегда бываетъ частнымъ и, въ такой формѣ, встрѣчается у всѣхъ животныхъ, выражаясь только болѣе или менѣе опредѣленно, смотря по ступени психо-органическаго развитія. На томъ-же самомъ основаніи онъ свойственъ и человѣку, у котораго впервые выражается въ безконечно разнообразномъ поклоненіи фетишамъ» (S. 81), т. е. въ той формѣ, въ которой у всѣхъ народовъ проявляются первые зачатки религіознаго чувства. Почему фетишистическая форма многа появляется лишь на ступени уже человѣческаго развитія,—не трудно понять. Какъ мы видѣли выше, животное одушевляетъ вредныя и полезныя ему вещи, лишь въ моментъ (объективнаго) ихъ воспріятія, и теряетъ къ нимъ всякій интересъ, разъ онѣ исчезли (и изгладилось непосредственно вызванное ими впечатлѣніе); но человѣкъ, напротивъ того, благодаря указанному удвоенію своей психической дѣятельности, можетъ опять вызвать къ себѣ (въ воображеніи) и подвергнуть созерцанію предметъ, удержавшійся въ его воспомнаніи какъ живое существо; вслѣдствіе этого, воображаемое вліяніе вещи не прекращается и служитъ источникомъ надежды и страха въ прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ. Кромѣ того, и само таинственное появленіе вещи (образа) въ процессѣ воспомнанія должно было поражать человѣка и дѣлать его еще болѣе склоннымъ приписывать явленіямъ особую, таинственную силу. вмѣстѣ съ тѣмъ, разъ у людей возникла вѣра въ духовъ (какимъ путемъ возникаетъ она,—прекрасно разъяснено Тэйлоромъ и Спенсеромъ), объекты не олицетворяются уже прямо и непосредственно, какъ въ первоначальномъ возрѣвіи на міръ, но считаются лишь какъ-бы внѣшнею оболочкою особой, духовной, силы, которая, собственно, чужда имъ, по своей природѣ,—и уже эта-то невидимая сила служитъ теперь предметомъ поклоненія и страха. Такимъ образомъ, благодаря вѣрѣ въ духовъ и непрямому олицетворенію объектовъ и представленій о нихъ, природный мнѣзъ животнаго превращается у человѣка въ поклоненіе фетишу, или въ то суевѣріе, которое ожидаетъ добра и зла отъ различныхъ предметовъ, привлечшихъ почему нибудь къ себѣ вниманіе человѣка, или отъ голыхъ представленій о нихъ. Но человѣкъ не останавливается на этой первоначальной формѣ фетишизма. Какъ мы видѣли, онъ можетъ создавать изъ частныхъ представленій родовые типы, или общія

понятія, которыя также одушевляются и олицетворяются. На этой ступени развитія для него становятся фетишами не только опредѣленные, конкретные предметы, — какой-нибудь камень, источникъ, дерево и т. д., но всѣ вообще камни, источники, деревья, — т. е. частные фетиши преобразуются въ родовые, или общіе, поскольку это допускается природою явленій. Когда же человѣкъ доходитъ до олицетворенія общихъ типовъ, то, очевидно, ему приходится тутъ имѣть дѣло съ матеріаломъ менѣе конкретнымъ, или болѣе неопредѣленнымъ и пластичнымъ, вслѣдствіе чего для него все легче и легче становится воплощать въ этомъ матеріалѣ, при помощи воображенія, свои личныя стремленія и свойства, т. е. переносить въ него свою собственную жизнь. Въ результатъ этого процесса является то, что общіе, идеальные типы все болѣе и болѣе очеловѣчиваются, какъ въ смыслѣ духа, такъ и въ смыслѣ тѣла, т. е., другими словами, — фетишизмъ переходитъ въ мнѣшескій антропоморфизмъ и политеизмъ.

III.

Въ ощущеніяхъ, получаемыхъ животнымъ и человекомъ посредствомъ органовъ чувствъ, могутъ быть различены три составныя части, которыя, въ моментальной послѣдовательности, сливаются другъ съ другомъ, именно: самое содержаніе воспріятія (явленіе), непосредственно предполагаемое въ немъ животнымъ или человекомъ живое и дѣятельное существо (субъектъ) и, слѣдовательно, возможная, болѣе или менѣе неопредѣленная, причина различныхъ дѣйствій. Эти тождественныя психическія функціи чувственнаго воспріятія у человека и у животныхъ только тогда становятся несходными, когда мы, посредствомъ позднѣйшей высшей дѣятельности разума, опять обезличиваемъ внѣшній міръ и начинаемъ разсматривать всѣ вещи, какъ мертвыя тѣла, подчиненныя всеобщимъ мировымъ законамъ. Однако, внимательное наблюденіе показываетъ, что даже и на этой высокой ступени развитія, мы не освободились еще вполне отъ первобытной иллюзіи, т. е. отъ олицетворенія и одушевленія явленій природы. «Кто изъ насъ не находился въ такихъ положеніяхъ, въ которыхъ внѣшнія явленія непосредственно возбуждали въ немъ олицетворяющій во-

ментъ? У кого, при взглядѣ на какое-нибудь необыкновенное явление, не появлялось иногда неопредѣленнаго чувства, что какъ бы какая-то высшая сила возвѣщаетъ ему въ этомъ явленіи свою волю?... Кому не приходилось иногда, на единѣ, обращаться съ разговоромъ къ окружающимъ предметамъ, какъ будто бы они дѣйствительно могли думать и желать» (s. 111—112). Конечно, въ жизни развитыхъ и образованныхъ людей нашего времени такія проявленія первобытнаго фетишизма бывають только моментальными и тотчасъ же подавляются, какъ только рефлектирующая мысль вступаетъ въ свои права; но, тѣмъ не менѣе, эти моменты важны, какъ указанія на первичныя функціи нашей души. Множество общепринятыхъ выраженій въ рѣчи всѣхъ образованныхъ народовъ ясно указываетъ на этотъ, олицетворяющій природу, процессъ. Мы говоримъ, напр.: небо «хочетъ» проясниться; природа «отдыхаетъ», «объятія» моря, и т. д.

Раньше мы говорили уже, что человекъ олицетворяетъ не только внѣшніе объекты, но и представленія о нихъ, и указали на этотъ процессъ, какъ на источникъ первыхъ религіозныхъ представленій. Въ этомъ внутреннемъ воспріятіи представленій легко можно различить тѣ же составные элементы, какъ и во внѣшнемъ воспріятіи объектовъ, т. е. явленіе (представленіе), предполагаемаго въ немъ субъекта и, слѣдовательно, возможную причину различныхъ дѣйствій. Эти же самые три элемента мнѣстеско-религіозныхъ представленій характеризуютъ и высшія ступени развитія послѣднихъ, такъ что духъ человека остается вездѣ единъ и вѣренъ самому себѣ. вездѣ дѣйствуетъ по однимъ и тѣмъ же основнымъ законамъ. Но такъ какъ тѣже основные элементы существуютъ и въ воспринимающемъ процессѣ животныхъ, то, очевидно, мы можемъ расширить предъидущее заключеніе и видѣть въ немъ новое подтвержденіе справедливости «закона непрерывности». Чтобы яснѣе выставить законъ единства духа, здѣсь умѣстно будетъ указать на внутреннюю связь мнѣстеской и научной дѣятельностей. Суевѣрный страхъ передъ фетишемъ заставляетъ человека внимательнѣе приглядываться къ явленіямъ, чѣмъ обусловливается эмпирическое познаніе, все болѣе и болѣе развивающееся и идеализирующееся, соответственно развитію рефлектирующей мысли и мнѣстескихъ представленій. «Какъ мнѣ, такъ и научныя системы создавались однимъ и тѣмъ же орудіемъ, и существуетъ только одинъ способъ ихъ возникновенія. Наука и мнѣе наблюдаютъ явленія, собирають отдѣльныя знанія и классифицируютъ ихъ; оба неотступно стремятся отъ единичнаго черезъ родовые типы къ единству въ цѣломъ.... Объекты ихъ различны, но принципы, по которымъ они творять, суть одни и тѣ же.... Духовный актъ, рождающій мнѣе, даетъ начало и наукѣ, какъ общій ихъ источникъ. Безъ воспріятія, безъ индивидуализированія идей, спецификація и клас-

спифкаціи типовъ невозможны ни наука, ни мнѣе». (S. 95—101—120).

Въ предъидущемъ изложеніи мы достаточно выяснили, въ основныхъ чертахъ, глубокое значеніе олицетворяющей дѣятельности духа. Однако эта послѣдняя, — съ развитіемъ общественности и взаимныхъ сношеній между людьми, большей выработанности рѣчи, съ накопленіемъ и выясненіемъ разнообразныхъ эмпирическихъ фактовъ, — оказалась уже недостаточною для удовлетворенія повысившихся логическихъ потребностей ума. Поэтому, рядомъ и въ тѣсномъ соединеніи съ олицетвореніями отдѣльных воспріятій и родовыхъ типовъ, возникали и развивались постепенно все болѣе и болѣе соотвѣтствующія дѣйствительности рациональныя представленія объ этихъ отдѣльных вещахъ и специфическихъ типахъ, а также и термины для обозначенія этихъ представленій и понятій. Путемъ такого естественно-необходимаго процесса развитія возникаютъ абстрактныя понятія, столь необходимыя для прогресса рѣчи и знаній. Собственно говоря, безсознательная абстракція принадлежитъ къ самымъ первымъ актамъ чловѣческаго духа, такъ, какъ она имѣетъ мѣсто вездѣ, гдѣ. вмѣсто цѣлаго, разсматривается одна или нѣсколько частей его, — но эти первоначальныя абстракціи всегда бываютъ болѣе или менѣе конкретны, потому что процессъ олицетворенія распространяется тогда не только на цѣлое, но и на всякое свойство его. Дѣйствительно, полная абстракція, въ нынѣшнемъ смыслѣ этого слова, т. е. какъ чистое представленіе о качествѣ или части цѣлаго, въ тѣ времена не существовала, и лишь постепенно завоевывала себѣ право гражданства въ мысли и въ языкѣ. Въ основѣ абстрактныхъ понятій, — возьмемъ-ли мы, напр., общее понятіе причинности, или какія бы то ни было другія понятія, относящіяся къ области физическихъ, нравственныхъ, интеллектуальныхъ свойствъ, — всегда лежитъ опытъ, т. е., съ субъективной точки зрѣнія, — ощущеніе, воспріятіе, представленіе, а слѣдовательно, и соотвѣтствующія физико-органическіе процессы, и эти элементарныя факторы абстрактныхъ понятій никогда вполнѣ не исчезаютъ изъ нихъ. При терминѣ какого-нибудь абстрактнаго понятія, напр., бѣлыи, бѣлаго цвѣта, не только мыслится соотвѣтствующее свойство многихъ вещей, но возникаетъ также, до нѣкоторой степени, и то чувственное впечатлѣніе, которое, будучи вызвано реальными объектами, дало первоначально основаніе представленію о бѣломъ цвѣтѣ.

Что касается значенія абстрактныхъ понятій въ частной и общественной жизни людей, то оно было нѣсколько иное, чѣмъ значеніе общихъ мнѣтескихъ представленій. Если послѣднія служили «для объясненія причинъ жизни и имѣли вліяніе символовъ вѣры на ходъ нравственнаго и соціальнаго развитія чловѣка, то первыя были простымъ средствомъ для болѣе удобнаго соче-

танія и ассоціаціи мыслей или для устнаго сообщенія между отдѣльными лицами» (S. 131). Но, не смотря на такое различіе, понятія эти, вслѣдствіе содержанія въ нихъ элементовъ воспріятія и представленія, возбуждали въ человѣкѣ мысль объ ихъ объективной реальности и казались ему, поэтому, самостоятельными, единичными существами, хотя и не олицетворялись въ человѣческомъ образѣ (за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда они вполне превращались въ мнѣ). Такимъ образомъ, абстрактныя понятія рассматривались какъ реальныя единства въ природѣ, какъ нѣчто чуждое лицу или вещи, въ которыхъ они проявлялись и, въ то же время, обуславливающее для послѣднихъ возможность активнаго и причиннаго дѣйствія.

Какъ общій выводъ изъ предъидущаго, приведемъ слѣдующія слова Виньоля: «Идетъ ли дѣло о физическихъ, моральныхъ или интеллектуальныхъ мнѣяхъ, или, съ другой стороны, — о воплощеніи (объективной реализаціи) абстрактныхъ понятій, — вездѣ причина заключается въ образахъ виѣшняго и внутренняго воспріятія нашихъ чувствъ, которые непосредственно, а не путемъ рефлексіи, вызываютъ представленіе о живомъ и способномъ къ дѣйствию существѣ» (S. 142), и единственно лишь въ силу этого основнаго закона нашего духа и его психо-физиологической дѣятельности э н т и ф и ц и р у е т с я (превращается въ сущности или существа) содержаніе всякаго воспріятія, чувства, представленія или понятія. «Человѣкъ, по внутреннѣйшему свойству своей интеллектуальной жизни, чувствуетъ и мыслить сначала мнѣчески... и лишь при помощи долгаго, постепеннаго развитія раціональнаго мышленія, удается ему освободиться отъ этого: наука становится для него путемъ къ духовному освобожденію, истинѣ и свободѣ» (S. 142).

Теперь мы должны, хотя бы въ краткихъ и самыхъ общихъ чертахъ, описать то развитіе, которое освободило человѣка отъ мнѣческихъ фикціи и дало ему дѣйствительно раціональное, научное, понятіе о мірѣ. Начавшись, подобно мнѣ, съ воспріятія и представленія явленій, наука идетъ дальше уже по иному пути. Ибо въ то время, какъ собственно мнѣческая энтификація протѣкаетъ подъ все болѣе и болѣе опредѣленными зооморфными и антропоморфными формами и какъ-бы кристаллизуется въ этихъ формахъ, геній науки все дальше и дальше раздвигаетъ границы своей области, все болѣе и болѣе обезличиваетъ мнѣческія представленія и ставитъ на мѣсто ихъ чистыя абстрактныя понятія о законахъ и причинной связи явленій. Для выработки научныхъ понятій, необходимо изучать явленія, сравнивать ихъ, подводить подъ различныя категоріи, обобщать, — и все это стало возможнымъ лишь потому, что наше вниманіе, первоначально автоматически, а впоследствии произвольно, сосредоточивалось на различныхъ сторонахъ явленій. Какъ мы говорили, всѣ абстрактныя понятія были сначала мнѣческими и лишь постепенно сбрасывали съ себя эту

оболочку. «Отъ первыхъ попытокъ раціональнѣе объяснить явленія природы человекъ доходитъ до нѣкоторыхъ понятій, выражающихъ законы міровыхъ явленій, и рассматриваетъ эти законы какъ субстанціальныя единства, которыя управляютъ міромъ в которыхъ. въ періоды политеизма представлялись въ видѣ высшихъ боговъ. Здѣсь начинается дѣйствительно научный міръ, олицетворяющій уже не силы и явленія природы, а правила, общіе принципы физики. имѣющіе для него теперь значеніе закона» (S. 184). Но на этомъ не прекращается переходный мнѣстическо-научный періодъ человѣческаго мышленія: онъ продолжается и въ идеальныхъ понятіяхъ, въ чистыхъ идеяхъ, полученныхъ путемъ обобщенія душевныхъ явленій: эти идеи также стали считаться вѣчными и независимыми сущностями. Хотя, благодаря глубокимъ психологическимъ изслѣдованіямъ, благодаря примѣненію, въ дѣлѣ изученія природы, опыта, измѣренія, вѣса, и т. д., научное мышленіе сдѣлало въ настоящее время уже громадныя успѣхи, но, «не смотря на столь великій прогрессъ разума, не смотря на широкій свѣтъ, пролитый уже истиною, все еще мѣстами замѣчаются остатки древняго мнѣстическаго заблужденія... И только, когда законъ энтификаціи и его непосредственное вліяніе на душевную жизнь будутъ вполне сознаны и поняты, тогда лишь человекъ окончательно освободится отъ мнѣстическихъ фикцій; и только, когда міръ будетъ уничтоженъ во всѣхъ областяхъ доступнаго чувствамъ міра, тогда лишь наука увѣренно и прямо пойдетъ своєю дорогою, не дѣлаясь безсознательною жертвою этого оболещенія» (S. 227).

Итакъ, историческій ходъ умствениаго прогресса показываетъ, что наука постепенно «сбрасывала мнѣстическую оболочку, стѣснявшую дѣятельность разума. Свобода, дѣтя науки, обезпечивала постоянный духовный прогрессъ. Поэтому, можно сказать, что историческое развитіе, если оно выражается въ цивилизаціи, т. е. въ увеличеніи и расширеніи всѣхъ земныхъ, духовныхъ и матеріальныхъ, благъ,—есть не что иное, какъ постоянная борьба наукъ и свободы противъ невѣжества и дѣтища его—деспотизма. подъ всѣми соціальными формами этихъ мрачныхъ силъ. Всякій мыслящій и честный человекъ, всякій искренній другъ человѣческаго достоинства и счастья... долженъ жертвовать, ради первыхъ, и самою своею жизнью. Ибо, если бы случилось (что почти невозможно), что онъ на всегда бы исчезли изъ міра, то человекъ безвозвратно погибъ бы, потому что только онъ освободили насъ отъ варварства и даютъ намъ силу въ борьбѣ съ послѣднимъ, постоянно оживающимъ подъ той или иной формою» (S. 308—309).

Научная хроника.

(Новости теоретическаго и прикладнаго знанія).

Акцентъ у говорящихъ глухонѣмыхъ.—Къ вопросу объ оживленіи памяти.—
«Лучистая нервная сила».—Опыты Дюмонпалъе надъ истеричными больными.—
Необычайная чувствительность истеричныхъ въ состояніи гипнотическаго
сна.—Искусственное вызываніе сновидѣній у здоровыхъ людей.

Рѣчь глухонѣмага, научившагося говорить, обнаруживаетъ акцентъ и другія особенности языка той мѣстности, откуда происходитъ самъ глухонѣмой, — таковъ въ высокой степени замѣчательный фактъ, впервые подмѣченный въ заведеніи для глухонѣмыхъ, находящемся подъ патронатствомъ семейства Перейры, и сообщенный докторомъ Эманомъ (Hémeut) въ одномъ изъ недавнихъ засѣданій французской Академіи Наукъ. «Такъ какъ дѣти эти (глухонѣмыя), — замѣчаетъ между прочимъ Эманъ, — до поступленія въ заведеніе совсѣмъ не говорили, то акцентъ ихъ можетъ быть объясненъ только особенностями строенія мозга, унаслѣдованными ими отъ ихъ родителей».

Сообщеніе Эмана вызвало возраженія со стороны знаменитаго изобрѣтателя телефона, Бэля, человѣка, какъ извѣстно, весьма компетентнаго по вопросамъ, касающимся глухонѣмыхъ. Бэль говоритъ, что въ послѣдніе годы онъ имѣлъ возможность изслѣдовать произношеніе по крайней мѣрѣ четырехсотъ глухонѣмыхъ, путемъ систематическаго обученія совершенно избавившихся отъ нѣмоты, и что при этомъ ему неоднократно приходилось констатировать фактъ, указанный Эманомъ. По его наблюденіямъ, мѣстныя акценты дѣйствительно существуютъ у глухонѣмыхъ, когда эти послѣдніе научаются говорить; но опъ рѣшительно несогласенъ съ тѣмъ объясненіемъ, которое даетъ этому факту французскій авторъ.

Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда тотъ или другой мѣстный акцентъ, та или другая мѣстная особенность рѣчи дѣйствительно проявлялась у видѣнныхъ имъ субъектовъ, при тщательномъ изслѣдованіи, можно было съ несомнѣнностію доказать, что субъекты эти не были глухонѣмыми отъ рожденія и въ раннемъ дѣтствѣ умѣли говорить. потеряли-же слухъ и обратились въ глухонѣмыхъ только впоследствии. Въ виду этого Балъ склоняется къ тому мнѣнію, что наследственность въ данномъ случаѣ не играетъ ни малѣйшей роли и что все дѣло сводится къ бессознательной дѣятельности памяти, воспроизводящей особенности давно забытаго языка.

Въ виду новизны самаго факта, подавшаго поводъ къ этой ученой полемикѣ, въ настоящее время трудно рѣшить, которое изъ двухъ вышеприведенныхъ объясненій ближе къ истинѣ. Дальнѣйшія изслѣдованія, конечно, не замедлятъ выяснить намъ, играетъ ли тутъ роль наследственность или память, или, можетъ быть, и та и другая вмѣстѣ. Въ теоретическомъ отношеніи гипотезы Эмана и Балъ представляются одинаково вѣроятными. Въ самомъ дѣлѣ, имѣется громадное количество несомнѣнныхъ фактовъ, показывающихъ, что наследственнымъ путемъ передаются даже мельчайшія особенности физической и духовной организаціи. А если это такъ, то гипотеза Эмана, объясняющаго акцентъ глухонѣмыхъ наследственностію, должна быть признана правдоподобною. Съ другой же стороны, и въ пользу мнѣнія Балъ, сводящаго все дѣло на дѣятельность памяти, можетъ быть приведено весьма много очень вѣскихъ данныхъ и аналогій. Что бессознательное запоминаніе, о которомъ въ данномъ случаѣ говоритъ Балъ, дѣйствительно играетъ громадную роль въ психической жизни человѣка, объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ цѣлая масса достовѣрныхъ фактовъ, примѣромъ которыхъ могутъ служить хотя бы слѣдующіе. Аберкромби рассказываетъ объ одномъ мальчикѣ, который на четвертомъ году своей жизни упалъ и разбилъ себѣ черепъ. Для удаленія осколковъ костей ему тотчасъ-же произведена была трепанація (круговое выпиливаніе кости), вскорѣ послѣ которой больной совершенно выздоровѣлъ, но, повидимому, у него не сохранилось ни малѣйшаго воспоминанія ни о случившемся съ нимъ несчастіи, ни о послѣдовавшей затѣмъ операціи. По прошествіи одиннадцати лѣтъ, онъ подвергся какой-то лихорадочной болѣзни и въ припадкахъ бреда съ величайшею точностію и съ мельчайшими по-

дробностями рассказывалъ какъ объ обстоятельствахъ, при которыхъ совершилось въ раннемъ дѣтствѣ его несчастное паденіе, такъ и о ходѣ операціи, о людяхъ, присутствовавшихъ при ней, объ одеждѣ, которая была на нихъ въ это время, и т. д., и т. д.; а между тѣмъ никто никогда не сообщалъ ему никакихъ подробностей объ этомъ событіи. — Другой фактъ, о которомъ сообщаетъ тотъ-же авторъ, еще интереснѣе, такъ какъ онъ показываетъ, что память сохраняетъ въ скрытомъ состояніи впечатлѣнія, полученныя еще въ болѣе раннемъ дѣтствѣ и воскрешаетъ ихъ по прошествіи еще болѣе длиннаго промежутка времени. Одна пятидесятилѣтняя дама какъ то разъ зашла въ одинъ изъ домовъ въ окрестностяхъ Лондона, причемъ была вполне увѣрена въ томъ, что видитъ этотъ домъ первый разъ въ своей жизни. Войдя въ одну изъ комнатъ, она вдругъ вся задрожала. Когда ее спросили о причинѣ ея внезапнаго волненія, то она сказала, что поражена тѣмъ впечатлѣніемъ, которое производитъ на нее эта комната. — «Мнѣ живо представляется, — продолжала она, — что я какъ будто-бы уже была здѣсь когда-то... Вотъ тутъ, у стѣны, стояла кровать, а на кровати лежала больная женщина... Когда меня подвели къ ней, она плакала»... И что-же? Оказалось, что пятидесятилѣтняя старуха рассказывала о дѣйствительныхъ событіяхъ, происходившихъ въ этой комнатѣ сорокъ девять лѣтъ тому назадъ. Она дѣйствительно была здѣсь, когда ей не было еще и года отъ рожденія. Больная женщина, плакавшая надъ нею, была ея умиравшая мать, пожелавшая передъ смертію благословить своего ребенка, который ради этого и былъ привезенъ сюда на нѣсколько дней изъ Лондона. — Извѣстенъ также вполне достовѣрный рассказъ объ одной безграмотной нѣмецкой крестьянкѣ, которая въ горячечномъ бреду произносила длинныя выдержки изъ еврейскихъ, латинскихъ и греческихъ сочиненій. По разслѣдованіямъ врача, лечившаго больную и крайне заинтересовавшагося этимъ поразительнымъ явленіемъ, оказалось, что крестьянка эта, лѣтъ десять тому назадъ, жила въ качествѣ служанки, у одного пастора, который имѣлъ привычку читать вслухъ своихъ любимыхъ авторовъ. Ей нерѣдко приходилось слышать это чтеніе, причемъ впечатлѣнія отъ звуковъ и словъ непонятныхъ ей языковъ, помимо, конечно, ея сознанія, задерживались въ мозгу, цѣлые годы сохранялись въ немъ въ скрытомъ

состояніи и вотъ наконецъ всплыли наружу подъ вліяніемъ лихорадочнаго возбужденія.

Подобными примѣрами мы могли-бы наполнить многія страницы, но, надѣмся, что и вышеприведеннаго вполне достаточно для доказательства того, что мозгъ нашъ удерживаетъ получаемыя имъ при посредствѣ органовъ чувствъ впечатлѣнія, и что, подъ вліяніемъ какого либо возбужденія или толчка, эти послѣднія могутъ оживать со всею своею первоначальной свѣжестью, могутъ переходить изъ сферы безсознательной памяти въ область яснаго сознанія.

На фактахъ этихъ мы остановились не только потому, что они служатъ надежною опорою для приведенной выше гипотезы Баля о происхожденіи акцента у научившихся говорить глухонѣмыхъ, но также и потому, что они тѣсно соприкасаются съ цѣлымъ рядомъ вопросовъ, имѣющихъ громадный теоретическій и практический интересъ, какъ это ясно видно изъ нижеслѣдующихъ соображеній. Въ теченіи всей нашей жизни мы учимся, т. е., обогащаемъ свой умъ всякаго рода знаніемъ. Но какъ медленно, съ какою трудностью и какъ несовершенно усваивается нами это знаніе!.. Несмотря на то, что мы чуть не цѣлую половину своей жизни проводимъ на школьной скамейкѣ, перечитываемъ затѣмъ многія сотни и даже тысячи книгъ, посѣщаемъ всевозможные музеи и выставки, на каждомъ шагѣ наблюдаемъ самыя разнообразныя естественныя явленія, постоянно сталкиваемся все съ новыми и новыми людскими типами и характерами, — несмотря на все это, запасъ нашихъ знаній объ окружающей насъ природѣ и людяхъ въ большинствѣ случаевъ оказывается, по истинѣ, жалкимъ и въ количественномъ, и въ качественномъ отношеніяхъ. Едва-ли будетъ преувеличеніемъ сказать, что изъ всей массы поглощаемаго нами знанія въ нашемъ распоряженіи не остается и десятой, а можетъ быть и сотой доли, да и этой-то ничтожной доли мы постоянно рискуемъ лишиться, если неоднократно повтореніемъ не закрѣпимъ ее болѣе или менѣе прочно въ своей памяти. Это крайне невыгодное для насъ обстоятельство. Но мы уже знаемъ, что это забвеніе только относительное, знаемъ, что ни одинъ образъ, ни одна идея, ни одно впечатлѣніе, хотя-бы только разъ пронеслось въ головѣ, не исчезаетъ безслѣдно, — что все, забываемое нами, только ускользаетъ отъ нашего сознанія, отодвигаясь въ

бессознательную область нашей психической жизни, откуда оно при благоприятных обстоятельствах вновь может выдвинуться на первый планъ. Все забытое нами еще далеко не потеряно;— оно, если можно такъ выразиться, сдано только въ архивъ, въ которомъ такимъ образомъ и хранятся, въ скрытомъ состояніи, всѣ результаты когда либо происходившихъ въ насъ нервномозговыхъ процессовъ. Мозгъ нашъ представляетъ собою настоящую сокровищницу знанія, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова; къ сожалѣнію, мы до настоящаго времени не имѣемъ ключа къ этой сокровищницѣ, а потому и не можемъ по своему произволу и въ каждую данную минуту пользоваться ея богатымъ содержаніемъ. Еслибы этотъ ключъ былъ найденъ, т. е., другими словами, если бы мы, при помощи какого нибудь средства или приѣма, могли освѣщать лучемъ сознанія недоступныя намъ теперь тайники нашего мозга, еслибы могли по желанію воспроизводить любое изъ когда либо полученныхъ нами впечатлѣній, любую изъ когда либо возникшихъ у насъ идей,—то какъ широко раздвинулся-бы нашъ умственный кругозоръ, во сколько разъ стало-бы больше наше умственное богатство и какъ, съ другой стороны, легко и быстро шло-бы впередъ наше умственное совершенствованіе! Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ предположеніи, что при извѣстныхъ условіяхъ мозгъ можетъ воспроизвести всѣ моменты былой психической жизни даннаго индивидуума, а можетъ быть и извѣстнаго ряда его предковъ... Вѣроятно, большинству читателей гипотеза эта покажется слишкомъ смѣлою, но она не противорѣчитъ даннымъ современной біологической наукѣ. Спрашивается, однако, можемъ-ли мы въ настоящее время даже и мечтать о томъ, что средство для воздѣйствія на мозгъ въ указанномъ направленіи будетъ когда либо найдено?.. Въ виду того изумительнаго прогресса, который мы видимъ теперь во всѣхъ областяхъ знанія, едва-ли кто нибудь рѣшится на вопросъ этотъ отвѣтить категорическимъ отрицаніемъ. Если какой нибудь лихорадочный процессъ, какое нибудь случайное внѣшнее раздраженіе или толчекъ—могутъ, какъ это мы видѣли выше, дѣйствовать возбуждающимъ образомъ на память, то отсюда мы можемъ предположить, что долженъ существовать и, слѣдовательно, можетъ быть открытъ и какой нибудь искусственный возбуждатель, дѣйствіе котораго вполне зависѣло-бы отъ нашей воли. Въ области патологій мы встрѣчаемъ очень много фактовъ, вполне

оправдывающих такое заключение. Такъ, напр., фактъ общей или частной нечувствительности истеричныхъ больныхъ указалъ на возможность искусственнаго вызванія этого явленія и послужилъ исходною точкою для изслѣдованій въ этомъ направленіи; изслѣдованія-же привели къ открытію цѣлаго ряда безвредныхъ средствъ для произведенія упомянутой нечувствительности, въ видахъ практическихъ цѣлей медицины. На такой-же результатъ научныхъ изслѣдованій мы смѣло можемъ надѣяться и по отношенію къ предполагаемому теперь нами возбудилю памяти. Многіе факты заставляютъ думать, что отъ прикладной біологической науки, находящейся пока еще въ младенческомъ состояніи, въ ближайшемъ будущемъ мы можемъ ожидать настоящихъ чудесъ. Чтобы составить себѣ хотя приблизительное понятіе о тѣхъ могучихъ средствахъ для воздѣйствія на человѣчскій организмъ, которыя можетъ дать намъ эта наука, стоитъ только ознакомиться, хотя-бы въ общихъ чертахъ, съ тѣми, въ высокой степени интересными, изслѣдованіями и опытами, которые въ настоящее время производятся надъ истеричными субъектами, подвергаемыми одновременному дѣйствію гипнотическихъ и металоскопическихъ вліяній.

Лѣтъ тридцать пять тому назадъ медицинскій студентъ, по имени Бюркъ, слѣдя за одной молодой дѣвушкой, находившейся въ состояніи сомнамбулизма, подмѣтилъ слѣдующее любопытное явленіе: безсознательно двигавшаяся больная каждый разъ, когда ей приходилось братья за мѣдную ручку двери, чтобы отворить послѣднюю и пройти въ сосѣднюю комнату, обнаруживала какое-то колебаніе и страхъ и, только завернувъ руку въ полу своего платья, она рѣшалась прикоснуться къ мѣдному предмету, возбуждавшему въ ней какое-то физиологическое отвращеніе. Эта странность крайне заинтересовала юнаго медика и послужила ему исходною точкою для изслѣдованій, въ результатѣ которыхъ получилась металоскопія, съ 1877 года, послѣ провѣрочныхъ опытовъ знаменитаго профессора нервныхъ болѣзней, Шарко, наконецъ завоевавшая себѣ право гражданства въ наукѣ и обезсмертившая имя Бюрка, который въ концѣ прошлаго года получилъ за свои ученія заслуги орденъ Почетнаго Легіона.

Почти при таких же случайныхъ обстоятельствахъ были открыты недавно и тѣ «загадочныя» явленія, о которыхъ докторъ Барети, изъ Ниццы, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ сообщалъ въ одномъ изъ засѣданій парижскаго Біологическаго Общества. Мемуаръ Барети, представленный въ это Общество, озаглавленъ слѣдующимъ образомъ: «о физическихъ свойствахъ особенной силы человѣческаго организма (лучистой нервной силы), известной въ публикѣ подъ именемъ животнаго магнетизма». Ниже мы увидимъ, насколько такое заглавіе соотвѣтствуетъ фактамъ дѣйствительности.

Въ концѣ октября 1880 года авторъ только что упомянутаго мемуара былъ приглашенъ, въ качествѣ врача, къ одной восемнадцатилѣтней дѣвушкѣ, уже болѣе мѣсяца страдавшей весьма сильнымъ нервнымъ расстройствомъ. По два или по три раза въ день съ нею случались разнообразныя нервныя припадки, во время которыхъ она ничего не видѣла, ничего не слышала, произносила странныя рѣчи, совершала самыя беспорядочныя движенія, пыталась выскочить въ окно, отбивалась отъ лицъ, предохранявшихъ ее отъ разныхъ несчастныхъ случайностей, и даже кусала ихъ. Чаще всего припадокъ проявлялся въ слѣдующей формѣ: больная внезапно падала на полъ, причѣмъ нерѣдко причиняла себѣ серьезные ушибы и пораненія, затѣмъ быстро поднималась съ широко раскрытыми, но ничего не видящими глазами, жестикулировала, разговаривала сама съ собою, смѣялась или плакала, а окружающихъ называла именами различныхъ животныхъ. Чувство ослзанія становилось у нея въ это время до такой степени тонкимъ, что она безошибочно узнавала по одному лишь прикосновенію руки присутствовавшихъ въ комнатѣ лицъ, носившихъ, на ея языкѣ, каждое свое собственное животное имя: теленокъ, мать теленка, отецъ теленка и т. д. Во время припадка она нерѣдко вскрикивала и со слезами на глазахъ жаловалась на сильнѣйшія боли въ затылкѣ, а также и въ области желудка. Припадки кончались такъ-же, какъ и начинались, т. е., или быстро, внезапно, или-же медленно, мало по малу. По мѣрѣ того, какъ сознаніе восстанавливалось, исчезали и всѣ болѣзненные симптомы, за исключеніемъ чувства тяжести подъ ложечкой и легкихъ невралгическихъ болей въ задней части головы, которыя не проходили никогда. Чтобы дорисовать картину болѣзни, прибавимъ, что описанное нервное состояніе сопровождалось расстройствомъ желудочно-кишечныхъ отпав-

лений, лихорадочными приступами, задержаніемъ менструаціи и разнообразными судорогами.

Съ перваго-же визита докторъ Барети замѣтилъ, что онъ можетъ, даже и на разстояніи, дѣйствовать успокоивающимъ образомъ на нервную систему больной, практикуя приемы, пмѣвшіе, по его словамъ, «большую аналогію съ тѣми, которые обыкновенно употребляются при опытахъ съ тѣмъ называемымъ животнымъ магнетизмомъ». Самымъ дѣйствительнымъ средствомъ оказался гипнотизмъ. При помощи его Барети удалось сначала сдѣлать припадки болѣе рѣдкими, а затѣмъ и окончательно уничтожить ихъ. Какъ сказано выше, леченіе началось въ концѣ октября, когда бывало по два и по три припадка въ день; въ февралѣ-же слѣдующаго, 1881 года, припадки повторялись уже не чаще одного раза въ недѣлю и были притомъ очень непродолжительными, такъ что больная чувствовала себя почти совсѣмъ хорошо. Въ началѣ іюня наступило полное выздоровленіе.

Барети воспользовался случайнымъ открытіемъ своихъ «магнетическихъ» способностей, чтобы начать дѣлныи рядъ изслѣдованій, которыя онъ свободно могъ повторять, расширять и дополнять, благодаря полному довѣрію, съ которымъ относилось къ нему, въ виду замѣчательнаго успѣха леченія, все семейство больной. Эти изслѣдованія, производившіяся какъ во время самихъ припадковъ, такъ и въ свободные промежутки, дали ему возможность убѣдиться въ дѣйствительности многихъ изъ тѣхъ фактовъ, на которые указывали профессиональные магнетизеры, а также и открыть много новыхъ. Всѣ эти факты привели его къ убѣжденію въ существованіи «особенной силы, со временъ Месмера извѣстной въ публикѣ подъ именемъ животнаго магнетизма». По мнѣнію Барети, это есть ничто иное, какъ нервная сила, существующая у человѣка въ двухъ состояніяхъ: во 1-хъ) статическомъ, выражающемся въ собственной дѣятельности нервныхъ элементовъ,—клетокъ и волоконъ, и во 2-хъ), въ состояніи динамическомъ, обнаруживающемся во внутренней циркуляціи вдоль нервныхъ стволовъ и въ лучистомъ распространеніи наружу. Это послѣднее происходитъ въ томъ случаѣ, когда нервная сила не потребляется дѣлкомъ внутри организма, при функционированіи различныхъ отдѣловъ нервной системы; при этомъ избытокъ ея выдѣляется наружу, въ формѣ

лучей, тремя путями: глазами, концами ручныхъ пальцевъ и ртомъ, другими словами, проводниками ея являются нервы: оптический, лучевой съ локтевымъ и бродящій (*vagus*).

Барети занимался главнымъ образомъ изученіемъ физическихъ свойствъ этой новой силы, причемъ пришелъ къ тому заключенію что по своему дѣйствию на неодушевленные предметы она имѣеть много сходства съ теплотою, свѣтомъ и электричествомъ. Что же касается до физиологическихъ свойствъ ея, то для изслѣдованія, ихъ въ парижскомъ госпиталѣ Pitié докторомъ Дюмонпалье былъ предпринятъ дѣлный рядъ опытовъ, къ изложенію которыхъ мы теперь и переходимъ.

Передъ нами молодая женщина, уже много лѣтъ страдающая истеріею и представляющая типическія для этой болѣзни явленія нечувствительности. Въ рукахъ Дюмонпалье и его помощника, Маньена, она обращается въ послушное орудіе для демонстраціи металлюскопическихъ, гипнотическихъ и «животно-магнетическихъ» эффектовъ. Ознакомимся прежде всего съ ея, такъ называемою, металлическою чувствительностію.

При изслѣдованіи оказывается, что изъ всѣхъ металловъ на большую дѣйствуетъ только сплавъ серебра съ желтой мѣдью; приложеніе къ различнымъ частямъ тѣла пластинокъ, приготовленныхъ изъ этого сплава, возстановляетъ чувствительность и повышаетъ температуру. Подобный-же результатъ получается и при одновременномъ употребленіи серебряныхъ и мѣдныхъ пластинокъ, причемъ однакоже характеръ явленій нѣсколько измѣняется, смотря по тому, прикладываются-ли пластинки отдѣльно одна отъ другой, или-же накладываются другъ на друга. Въ первомъ случаѣ чувствительность возстановляется только въ тѣхъ членахъ, которые находятся въ соприкосновеніи съ металломъ, — прежде всего подъ серебромъ, а потомъ уже подъ мѣдью, — и эффекты представляются совершенно тождественными, будутъ-ли разнородныя пластинки наложены на одинъ и тотъ-же членъ и на большемъ или меньшемъ разстояніи одна отъ другой, на обѣ верхнія или на обѣ нижнія конечности, на правую руку и на лѣвую ногу или наоборотъ (приложеніе ихъ къ двумъ конечностямъ одной и той-же стороны остается безъ результата). Въ томъ-же случаѣ, когда на

лобъ или на животъ накладывается серебряная пластинка, а на эту послѣднюю мѣдная, восстановление чувствительности и повышение температуры оказывается немедленнымъ и всеобщимъ, т. е., распространяется на все тѣло. Считаемъ нелишнимъ прибавить, что приложеніе платиновой пластинки, одновременно съ серебряною и мѣдною, совершенно уничтожаетъ дѣйствіе послѣднихъ, т. е., препятствуетъ какъ восстановленію чувствительности, такъ и повышенію температуры.

Такъ реагируетъ подъ вліяніемъ названныхъ металловъ организмъ истеричной больной при обыкновенныхъ условіяхъ. Но вотъ на сцену выступаетъ гипнотизмъ и картина измѣняется. Когда серебряная и мѣдная пластинки приложены симметрично съ обѣихъ сторонъ средней линіи тѣла, — все равно, въ области лба или живота, — то всѣ средства, обыкновенно употребляемія для производства гипноза, оказываются совершенно безспѣшными. Напротивъ того, если субъектъ предварительно загипнотизированъ, то вышеупомянутое наложеніе пластинокъ тотчасъ-же обусловливаетъ пробужденіе и восстановление чувствительности, какъ общей, такъ и частной (органовъ чувствъ). Если пластинка изъ сплава серебра съ мѣдью прикладывается къ лѣвой части лба и больная приводится затѣмъ въ гипнотическое состояніе давленіемъ на глазные яблоки, то результатъ получается слѣдующій: чувствительность восстанавливается въ правой верхней и лѣвой нижней конечностяхъ, которыя при уколахъ сокращаются; другіе-же два члена остаются совершенно нечувствительными, причемъ, при открытіи праваго глаза спящей больной, они приходятъ въ каталептическое состояніе, т. е. остаются въ томъ положеніи, которое придаетъ имъ экспериментаторъ. Далѣе, если пластинки изъ того-же сплава прикладываются къ кожѣ живота, по одной съ каждой стороны срединной линіи, и больная при этомъ уснивается, то чувствительность обнаруживается въ нижнихъ конечностяхъ, верхнія-же оказываются нечувствительными и послѣдовательнымъ открытіемъ обонхъ глазъ могутъ быть приведены въ каталептическое состояніе. При передвиженіи пластинокъ въ область живота выше эффектъ получается обратный. Посмотримъ-же теперь, какъ дѣйствуетъ на мускулы, приведенные металlosкопическими и гипнотическими средствами въ сокращенное или каталептическое со-

стояніе, та «лучистая нервная сила», о которой докторъ Барети говоритъ въ своемъ мемуарѣ.

Пластинки изъ сплава симметрично прикладываются бодрствующей больной въ нижней части груди. Черезъ десять минутъ послѣ этого наложенія вся верхняя половина тѣла оказывается чувствительною, нижняя же—лишенною чувствительности. Вслѣдъ затѣмъ больная усыпляется закрытіемъ ея вѣкъ и давленіемъ на глазные яблоки, причемъ сонъ наступаетъ почти моментально. Наконецъ, на лѣвой рукѣ производится иголкою уколъ, вслѣдствіе котораго происходитъ отдергиваніе и затѣмъ судорожное сокращеніе всей руки. Держа раздвинутые пальцы своей руки въ разстояніи одного или двухъ сантиметровъ надъ сокращенною конечностію, Дюмонпалье начинаетъ водить ими взадъ и впередъ вдоль послѣдней, ни разу не прикасаясь къ ней. Черезъ одну-двѣ минуты наступаетъ полное расслабленіе мускуловъ. Уколъ затѣмъ повторяется, получается вторичное сокращеніе руки больной, снова продѣлывается только-что описанная манипуляція и въ результатѣ снова получается тотъ же эффектъ.

Больная продолжаетъ спать. Одна изъ нижнихъ конечностей ея приводится въ каталептическое состояніе и поднимается вертикально надъ кроватью. Дюмонпалье устремляетъ на нее пристальный взоръ и медленно переводитъ его по длинѣ поднятой ноги, которая, подъ вліяніемъ глазныхъ «нервныхъ лучей», мало по малу приходитъ въ свое нормальное состояніе и надаетъ затѣмъ на кровать. Подобный-же результатъ получается и въ томъ случаѣ, когда на экспериментируемый членъ или мускулъ производится легкое дуновеніе ртомъ. Въ длинномъ ряду дальнѣйшихъ опытовъ экспериментаторы видоизмѣняли и комбинировали вышеупомянутые приемы самымъ разнообразнымъ образомъ; такъ, напр., оптическіе «нервные лучи» направлялись не прямо изъ глазъ экспериментатора на испытуемую часть тѣла, а отражались на нее зеркаломъ; далѣе, «лучистую нервную силу» заставляли дѣйствовать не на самые сокращенные мускулы, а на ихъ антагонисты, которые подъ вліяніемъ ея сокращались и такимъ образомъ направляли тотъ или другой членъ.

Послѣ того, какъ Дюмонпалье сдѣлалъ въ біологическомъ обществѣ сообщеніе объ этихъ замѣчательныхъ опытахъ, послѣд-

не были повторены въ другомъ парижскомъ госпиталѣ, Сальпетриерѣ, подъ руководствомъ знаменитаго Шарко, который, путемъ тщательныхъ наблюденій и изслѣдованій, пришелъ къ тому заключенію, что факты, сообщенные докторомъ Дюмонпалье, совершенно вѣрны и что въ нихъ нѣтъ ничего случайнаго. И у Шарко такъ-же, какъ у его собрата по профессіи, подъ вліяніемъ взгляда, дыханія, приближенія пальцевъ, мускулы извѣстнымъ уже образомъ подготовленныхъ истеричныхъ больныхъ то расслаблялись, то сокращались. Такимъ образомъ, сомнѣваться въ реальности вышеупомянутыхъ явленій, неизмѣнно повторявшихся у различныхъ и притомъ вполне компетентныхъ экспериментаторовъ, стало совершенно невозможно и самый отъявленный скептикъ долженъ былъ признать, что глаза, пальцы и ротъ дѣйствительно являются источниками силы, обнаруживающейся въ измѣненіи состоянія мускульной системы. Что-же это за сила? «Лучистая нервная сила», категорически отвѣчаетъ Барети, воскрешая и реабилитируя такимъ образомъ знаменитое ученіе Месмера о животномъ магнетизмѣ. Что-же касается до другихъ ученыхъ изслѣдователей, то они оказались болѣе осторожными въ своихъ заключеніяхъ на этотъ счетъ. Такъ, напр., Дюмонпалье, съ опытами котораго мы только что познакомили читателя, хотя и склоняется въ своемъ докладѣ биологическому обществу къ мнѣнію Барети, но тѣмъ не менѣе заканчиваетъ этотъ докладъ слѣдующею оговоркою: «Я указываю на факты, констатированные мною самымъ несомнѣннымъ образомъ; каждому желающему я предлагаю самому проверить дѣйствительность ихъ въ моей лабораторіи. Но пока я еще не рѣшаюсь строить на основаніи этихъ фактовъ какую бы то ни было гипотезу и воздерживаюсь отъ всякаго теоретическаго объясненія ихъ».

Послѣдствія не замедлили оправдать эту благоразумную осторожность. Прошло три мѣсяца со времени опытовъ Дюмонпалье, повидимому, такъ краснорѣчиво свидѣтельствовавшихъ о существованіи «лучистой нервной силы», и гипотеза Барети оказалась совершенно излишнею. Дальнѣйшія изслѣдованія съ очевидностію показали, что никакого истеченія гипнотической нервной силы изо рта, оконечностей пальцевъ и глазъ въ дѣйствительности не происходитъ и что во всѣхъ тѣхъ явленіяхъ, для объясненія которыхъ эта мнимая сила была призвана, все дѣло сводится на

дѣйствіе различныхъ физическихъ агентовъ. Оказалось, что кожа гипнотизированныхъ истеричныхъ субъектовъ обнаруживаетъ такую необычайную чувствительность, что малѣйшаго механическаго, теплаго или свѣтового вліянія, дѣйствующаго на нее прямо или косвенно, вполне достаточно для произведенія тѣхъ рефлекторныхъ актовъ, къ которымъ сводятся всѣ вышеописанныя явленія. Теплота, холодъ, слабыя электрическіе токи, магнитъ, солнечный и друммондовъ свѣтъ, полосы спектра, звукъ, приложеніе металловъ, простое прикосновеніе и т. д. даютъ тѣ-же самыя результаты, какъ и приближеніе пальцевъ, пристальный взглядъ, дуновеніе ртомъ, роль котораго вполне успѣшно выполняется простымъ раздувательнымъ мѣхомъ. Опытъ показалъ, что глазъ въ данномъ случаѣ дѣйствуетъ по столько, по скольку зеркальныя поверхности его хрусталика и роговой оболочки отражаютъ на кожу испытуемаго субъекта обыкновенныя лучи свѣта; дѣйствіе же пальцевъ весьма просто объяснить лучеиспускаемою ими теплотою. Такимъ образомъ, пресловутую «лучистую нервную силу» оказалось возможнымъ сдать въ общпрный архивъ научныхъ фантазій, подобно тому, какъ это нѣтакъ давно сдѣлано было съ «лучистой матеріею» Крукса.

Какой изумительной тонкости достигаетъ чувствительность кожи истеричныхъ больныхъ въ состояніи гипноза, объ этомъ читатель можетъ судить, между прочимъ, по слѣдующимъ опытамъ, производившимся въ январѣ текущаго года въ лабораторіи того же Дюмонпалье.—Взгляни на меня,—говоритъ Дюмонпалье больной. Та исполняетъ приказаніе и черезъ какія нибудь полминуты засыпаетъ глубокимъ гипнотическимъ сномъ; наступаетъ полное расслабленіе мускуловъ,—руки и ноги висятъ, какъ плети; однимъ словомъ, передъ нами летаргическій періодъ сна. Вегдъ затѣмъ, на небольшомъ разстояніи отъ ноги больной, помѣщается конецъ тонкой каучуковой трубки, имѣющей семь метровъ въ длину и на другомъ концѣ разширяющейся въ видѣ воронки, къ отверстію которой подносятся обыкновенныя карманные часы. Нога приэтомъ тотчасъ-же начинаетъ сокращаться въ тактъ съ тиканьемъ часовъ.—Далѣе, берется миниатюрный раздувательный мѣхъ, наконечникъ котораго представляетъ собою капиллярную трубочку, и посредствомъ его тончайшая струя воздуха направляется на извѣстную точку волосистой части головы:—лице эк-

спериментируемой больной немедленно принимает счастливое выражение, на немъ появляется блаженная улыбка. Но вотъ, кончикъ трубки устремляется на другую точку черепа, и картина моментально измѣняется: больная смотритъ надменно, презрительно, свысока.— При одновременномъ дѣйствіи двухъ воздушныхъ струй на различныхъ точки, получаютъ всевозможныя комическія комбинаціи выраженій; такъ, на одной сторонѣ лица обнаруживается самая беззаботная веселость, а на другой—глубокая печаль или высшая степень гнѣва, на лѣво смѣхъ, на право—слезы, и т. д.— Въ другомъ ряду опытовъ на сцену выступаютъ явленія амнезій. Подувши мѣхомъ на опредѣленную точку черепа больной, показываютъ этой послѣдней ключъ. Что это такое?—спрашиваютъ ее. Больная колеблется, долго ищетъ слова и не находитъ его.— Это.... вещь,—отвѣчаетъ она наконецъ. Та-же исторія повторяется и съ другими предметами. Оказывается, что больная совершенно забыла названія всѣхъ ихъ. Затѣмъ, мѣняется мѣсто дѣйствія воздушной струи и снова показывается ключъ.— Это ключъ,—отвѣчаетъ теперь больная безъ малѣйшихъ колебаній.— А для чего онъ служитъ? На этотъ вопросъ она рѣшительно не можетъ дать отвѣта, такъ какъ вполне забыла употребленіе всѣхъ вообще вещей, а въ томъ числѣ и названной ея.

Не имѣя возможности остановившася здѣсь на многихъ другихъ опытахъ въ томъ-же родѣ, мы, въ заключеніе, замѣтимъ только, что каждый квадратный сантиметръ, а можетъ быть даже и каждый квадратный миллиметръ черепной поверхности больной, при воздѣйствіи на него воздушной струи, даетъ свой спеціальнй эффектъ. Всѣ эти эффекты, по мнѣнію Дюмонпалье, имѣютъ чисто рефлекторный характеръ. Вопросъ заключается только въ томъ, какими путями происходитъ въ данномъ случаѣ рефлексъ. Но какъ-бы ни былъ рѣшенъ этотъ вопросъ, во всякомъ случаѣ, не можетъ подлежать сомнѣнію, что между волосистою частію черепныхъ покрововъ и двигательными центрами коркового вещества мозга существуетъ тѣснѣйшая связь.

Итакъ, мы видимъ, что слово, взглядъ, дуновеніе, прикосновеніе или «наложеніе» рукъ п. тому подобныя средства и приемы способны творить настоящія чудеса у истеричныхъ больныхъ. Лѣтъ полтора ста или дѣсти тому назадъ вышеприведенные нами

опыты, навѣрное, создали-бы автору ихъ репутацію колдуна, воящагося съ нечистою силою, а въ концѣ концовъ привели-бы его на костеръ. Для насъ-же эти опыты и константированныя при помощи ихъ факты, помимо своего глубокаго теоретически-научнаго интереса, представляютъ еще и ту громаднуя важность, что даютъ возможность сознательно отнестись ко многимъ изъ тѣхъ «загадочныхъ», «таинственныхъ», «чудесныхъ» и «сверхъестественныхъ» явленій, разсказами о которыхъ полна культурная исторія человѣчества и которыя служили,—да служатъ еще и по сіе время,—твердую опору для всевозможныхъ суевѣрій и предрасудковъ.

Въ то время, какъ Дюмонпалье, своими опытами надъ гипнотизированными истеричными больными, открываетъ передъ нами цѣлый міръ новыхъ нервно-мозговыхъ явленій, о которыхъ мы говорили выше,—докторъ Делонэ знакомитъ насъ съ дѣятельностію мозга во время нормальнаго сна у здоровыхъ субъектовъ. Исслѣдованія этого ученаго касаются главнымъ образомъ вопроса о вызваніи, по произволу, тѣхъ или другихъ сновидѣній.

Извѣстно, что чѣмъ обильнѣе кровь приливаетъ къ мозгу, тѣмъ и дѣятельность этого послѣдняго становится энергичнѣе, съ усиленіемъ-же дѣятельности повышается и его температура, причемъ это повышеніе наиболѣе замѣтно въ тѣхъ именно частяхъ его, которыя въ данную минуту болѣе всего работаютъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, измѣняется и термометрическое состояніе черепа: чѣмъ теплѣе та или другая доля мозга, тѣмъ выше температура и непосредственно лежащей надъ нею части черепного свода. Такъ, Поль Бэръ доказалъ недавно, что когда человѣкъ декламируетъ или произноситъ рѣчь, то сильнѣе всего разогрѣваются тѣ части черепа, которыя покрываютъ третью лобную извилину лѣваго полушарія мозга, въ которой, какъ извѣстно, помѣщается центръ, управляющій рѣчью.

Въ виду этихъ фактовъ докторъ Делонэ построилъ слѣдующее предположеніе: если искусственно нагрѣвать извѣстную часть че-

репного свода, а слѣдовательно и соотвѣтственную долю мозга, то эта послѣдняя должна проявить и усиленную дѣятельность, особенно въ томъ случаѣ, если извѣстнымъ положеніемъ головы ей будетъ обеспеченъ сравнительно болѣе обильный притокъ крови. Опытная провѣрка этой гипотезы и составила главнѣйшую цѣль его изслѣдованій. Такъ какъ вмѣшательство дѣятельнаго сознанія у бодрствующихъ субъектовъ могло-бы только мѣшать опыту, затемнять его результаты, то въ виду этого обстоятельства Делонэ и рѣшилъ производить свои эксперименты надъ спящими и прежде всего надъ самимъ собою. Результатъ опытовъ вполне подтвердилъ его апріорныя заключенія. Оказалось, что нагрѣваніе дѣйствительно усиливаетъ мозговую дѣятельность, выражающуюся въ формѣ сновидѣній, которыя бываютъ различны, смотря потому, какая часть мозга подвергается вліянію повышенной температуры. Если лечь спать съ низко опущенной головой, и при этомъ—покрыть лобъ ватой, для уменьшенія отдачи теплоты окружающей средѣ, то сонъ оказывается, такъ сказать, продолженіемъ бодрствованія: сновидѣнія являются связными, послѣдовательными, разумными и, по содержанию своему, относятся обыкновенно къ міру тѣхъ вещей, идей и отношеній, которыя занимаютъ человѣка и въ состояніи бодрствованія. Делонэ удалось констатировать также фактъ, что при положеніи спящаго на спинѣ, когда затылокъ нагрѣвается подушкой и когда притекающая къ мозгу кровь, повинуваясь закону тяжести, обильнѣе всего орошаетъ заднія его части,—сновидѣнія почти постоянно имѣютъ страстный, нерѣдко эротическій характеръ и сопровождаются различными тѣлодвиженіями и жестами.—Далѣе, многочисленныя наблюденія привели нашего автора къ слѣдующимъ выводамъ: при положеніи спящаго на правомъ боку, когда къ низу, къ согрѣвавшему изголовью, приходится правая,—по Броунъ-Секуару, растительная, а по Флери, женская,—половина мозга, — предметомъ сновидѣній, часто сопровождающихся въ этомъ случаѣ кошмаромъ, являются обыкновенно событія давно прошедшія; если-же спать на лѣвомъ боку, на сторонѣ лѣваго полушарія мозга, то снятыя въ большинствѣ случаевъ событія и вещи изъ недавняго прошлаго. Сновидѣнія, если можно такъ выразиться, правой стороны нерѣдко представляютъ собою развитіе темъ нравственнаго характера, но за то блещутъ полнымъ отсутствіемъ ло-

гики и здраваго смысла, которые напротивъ того рѣдко отсутствуютъ въ сновидѣнiяхъ двустороннихъ. Въ заключенiе, намъ остается только предложить читателю проверить на самомъ себѣ справедливость всѣхъ вышеприведенныхъ наблюденiй и выводовъ, — благо, это такъ легко и общедоступно.

И. Д.

Внутреннее обозрѣніе.

Мы хотѣли поговорить объ одномъ изъ вредныхъ предрассудковъ, а именно предрассудковъ по поводу толковъ о необходимости усиленія надзора за крестьянскимъ самоуправленіемъ.

Толки о деморализаціи крестьянскаго самоуправления и безобразіяхъ, творящихся въ немъ, начался не со вчерашняго дня. Это—весьма «старая» исторія, начало которой надо искать въ актѣ освобожденія крестьянъ. Еще тогда, какъ въ періодъ подготовительныхъ работъ по крестьянской реформѣ, такъ и во время совершенія самой реформы, въ гулъ звонкихъ фразъ и искреннихъ восторговъ слышался довольно многочисленныя голоса, пророчествовавшіе Россіи неминуемую гибель отъ дарованія свободы и самоуправления народной массѣ. Голоса эти не умолкали и послѣ, тѣмъ болѣе, что жизнь давала имъ возможность черпать новыми горстями факты для доказательства справедливости ихъ увѣреній, что мужикъ безъ палки жить не можетъ. Эти увѣренія продолжаютъ настойчиво раздаваться и теперь; такъ: не далѣе какъ въ прошлогоднюю сессію с.-петербургскаго губернскаго земства, гласный г. Платоновъ, съ большимъ апломбомъ и весьма краснорѣчиво, доказывалъ, что «мужикъ» обнищалъ единственно потому, что до «обнародованія Положенія 19 февраля 1861 года за крестьянствомъ былъ надзоръ, попеченіе или опека, однимъ словомъ,

была власть, которая благотворно дѣйствовала на него, а когда ему дали права свободного гражданина и предложили пользоваться всѣми правами, когда ему дали свободу, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, поставили соблазнъ: открыли кабакъ, въ который онъ и пошелъ какъ бы праздновать свою свободу...» Выводъ ясенъ: нужно мужика опять взять «въ руки»; но вмѣстѣ съ тѣмъ ясна и подкладка такихъ стремленій.

Но, на ряду съ гг. Платоновыми, ратовали и ратуютъ противъ «распушенности» крестьянскаго самоуправленія и другіе люди, совершенно иного покроя, не задающіеся никакими задними мыслями. Эти люди понимали и понимаютъ, что центръ тяжести внутренней жизни общества лежитъ въ народной массѣ, и видѣли, что ненормальность въ жизни массы всегда болѣзненно отзвучивалась и на жизни культурныхъ слоевъ общества, что особенно рельефно проявлялось въ жизни нашего земства, въ которомъ деморализація въ сферѣ крестьянскаго самоуправленія вела къ образованію весьма грозной темной силы изъ подонковъ городского и деревенскаго міра, безуданно ставящей помѣхи благимъ начинаніямъ лучшихъ земскихъ людей и обращающей дѣло заботы о народныхъ нуждахъ въ дѣло проведенія личныхъ цѣлей и удовлетворенія личныхъ интересовъ. А между тѣмъ впередъ, хотя и въ туманѣ, мелькала надежда, что не вѣчно же земство будетъ вращаться въ узкихъ предѣлахъ завѣдыванія дѣлами, «относящимися къ мѣстнымъ хозяйственнымъ пользамъ и нуждамъ», и что наступитъ когда-нибудь такой моментъ, когда права и сфера дѣятельности земства будутъ расширены. Но что можно было ожидать хорошаго впередъ, разъ сила въ земствѣ будетъ на сторонѣ темной клянки хищниковъ и «дѣльцовъ», руководящихся въ своей дѣятельности не благомъ народа, а только корыстными цѣлями?... Поэтому-то лучшихъ людей земства всегда занимала мысль объ искорененіи деморализаціи и произвола изъ крестьянскаго самоуправления, въ чемъ они справедливо видѣли причину успѣха темной силы. Усилія этихъ лучшихъ людей земства по этому предмету до извѣстной степени не оставались безплодными, но единственно только потому, что они въ данномъ случаѣ сходились съ администраціей. Такъ, когда жизнь рядомъ фактовъ выяснила, что мировые посредники и ихъ сѣзды, за приведеніемъ къ концу главной ихъ задачи—поземельнаго устройства крестьянъ, стали

не только излишнимъ бременемъ для земскаго бюджета, но, помимо того, даже тормазомъ для благотворной дѣятельности земства, потому что, вліяя на массу (конечно, не нравственнымъ своимъ совершенствомъ, а авторитетомъ власти, имѣющей въ своихъ рукахъ право карать «ослушниковъ»). они проводили въ среду земскихъ дѣятелей весьма нежелательныхъ и вредныхъ для успѣха земской дѣятельности людей,—когда все это выяснилось, говорили мы, на многихъ земскихъ собраніяхъ и въ длинномъ рядѣ земскихъ ходатайствъ, то мировые посредники были упразднены, но только потому, что они не удовлетворяли требованіямъ и самой администраціи, которая желала видѣть въ нихъ нѣчто въ родѣ строгихъ и точныхъ исполнителей своей воли, а вмѣсто того встрѣчала въ нихъ людей, «отличающихся замѣчательнымъ бездѣйствіемъ и равнодушіемъ къ своимъ обязанностямъ», какъ говоритъ пояснительная записка къ положенію 17 іюня 1874 года. Желаннаго администраціею надзора за крестьянскимъ самоуправленіемъ трудно было и ожидать отъ мировыхъ посредниковъ уже по одному тому, что они сами внесли безпорядокъ въ самоуправленіе народной массы, нарушая ея права и замѣняя законъ произволомъ. Какъ бы то ни было, но и земство и администрація сошлись въ данномъ случаѣ въ своемъ мнѣніи о негодности мировыхъ посредниковъ, какъ органовъ надзора, хотя и исходили при этомъ изъ разныхъ взглядовъ на конечную цѣль дѣятельности этихъ органовъ: мировые посредники исчезли, хотя не съ лица русской земли, а только изъ тѣхъ губерній, гдѣ были введены земскія и мировыя судебныя учрежденія, и были замѣнены непремѣнными членами, по выбору губернскаго земства, а съѣзды ихъ—уѣздными по крестьянскимъ дѣламъ присутствіями, состоящими, кромѣ непремѣннаго члена, изъ уѣзднаго предводителя дворянства, предсѣдателя уѣздной земской управы, одного изъ почетныхъ мировыхъ судей и исправника.

Но вскорѣ же оказалось, что отъ такой замѣны мировыхъ посредниковъ новыми органами надзора выиграла только администрація. Земство же, что называется, попало изъ кульба въ рогожку, потому что изъ всего состава новыхъ присутствій только непремѣнные члены не имѣли никакихъ другихъ обязанностей, кромѣ дѣлъ по поземельному устройству крестьянъ, и потому

могли себя всецѣло посвятить надзору за крестьянскимъ самоуправленіемъ, хотя ихъ объ этомъ и не просили, вслѣдствіе чего такой «надзоръ» въ рукахъ людей преслѣдовавшихъ сословные интересы, обратился въ «управленіе» старостами и старшинами по личному усмотрѣнію, такъ что въ концѣ концовъ оказалось, что мировые посредники въ сущности и не думали уступать мѣста новымъ «вѣяніямъ», а только перемѣнили свою ключку... Начались новыя ходатайства земскихъ собраній объ «улучшеніи» крестьянскаго самоуправления и надзора за нимъ, начались новыя толки и предложенія,—и все это въ концѣ концовъ разрѣшилось опубликованнымъ въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» циркуляромъ министерства внутреннихъ дѣлъ отъ 22-го декабря 1880 года. Циркуляромъ этимъ было поручено губернаторамъ «передать на обсужденіе губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ собраній и присутствій по крестьянскимъ дѣламъ возникшіе по разнымъ губерніямъ вопросы и предположенія». Разъяснивъ при этомъ, что «независимо отъ отзывовъ по наложеннымъ въ перснѣ и сводѣ вопросамъ, могутъ быть представлены соображенія и о другихъ мѣрахъ по устройству мѣстныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учреждений, которыя земство или присутствія сочтутъ полезными для дѣла». Можно было напередъ сказать, что земства этимъ «разъясненіемъ», или лучше сказать—разрѣшеніемъ, не примнутъ воспользоваться, потому что приложенный къ означенному циркуляру «перечень возникшихъ донимѣ вопросовъ и предположеній объ измѣненіи нѣкоторыхъ постановленій Положенія 27-го іюня 1874 года» не затрагивалъ въ существенныхъ чертахъ Положенія 1874 года «объ измѣненіяхъ въ устройствѣ мѣстныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учреждений», не поднималъ вопроса о коренномъ измѣненіи этого Положенія или существующихъ органовъ надзора за крестьянскимъ самоуправленіемъ, а только наивчалъ вопросы о нѣкоторомъ разъясненіи или дополненіи существующаго уже законодательства по этому предмету, въ родѣ того: гдѣ избирать непремѣнныхъ членовъ—на губернскихъ или уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ, или не нужно ли выбирать еще кандидатовъ къ нимъ. И дѣйствительно, земства считаютъ почти рѣшеннымъ вопросъ о негодности существующихъ учреждений по надзору за крестьянскимъ самоуправленіемъ; и не одно какое-нибудь особенно «либеральное» земство, а почти всѣ земства, кото-

рыя высказались на министерскій циркуляръ; *) если же и замѣчается нѣкоторое разногласіе, то только въ томъ, какъ устроить целесообразнѣе этотъ надзоръ, причемъ въ большинствѣ проектовъ по этому предмету ясно высказывается желаніе ослабить или даже обойтись совсѣмъ безъ опеки бюрократіи.

Разсматривая всѣ эти планы и проекты земства, относительно болѣе рациональнаго устройства органовъ надзора за крестьянскимъ самоуправленіемъ, мы видимъ, что планы и проекты эти легко можно свести къ тремъ слѣдующимъ типамъ: одни земства стоятъ за существующую форму надзора, въ видѣ уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій, съ выборными отъ земства непремѣнными членами, но только требуютъ устраненія вліянія полиціи, въ лицѣ исправника, на крестьянское самоуправленіе, и усиленія крестьянскаго вліянія въ этихъ присутствіяхъ, что предполагается достигнуть, 1) выборомъ непремѣнныхъ членовъ или на уѣздномъ земскомъ собраніи или на сходѣ выборныхъ отъ сельскихъ общинъ уѣзда; затѣмъ 2) въ составъ уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія должны войти еще два члена изъ крестьянъ, выбираемые тоже сходомъ выборныхъ отъ сельскихъ общинъ, причемъ для устраненія начальственнаго вліянія, предполагается старшинъ, старостъ и волостныхъ писарей включить въ ст. 36-ю Положенія о земскихъ учрежденіяхъ, т. е. чтобы они, подобно тому какъ мѣстные губернаторы, вице-губернаторы и чины мѣстной полиціи, не могли быть избираемы въ гласные. Кроме того, такъ какъ вліяніе полиціи, въ лицѣ исправника, на органы крестьянскаго самоуправления держится правомъ исправника штрафовать сельскихъ старостъ и волостныхъ старшинъ до пяти рублей и подвергать ихъ аресту до семи дней, то земцы лишаютъ исправника этого права и передаютъ его уѣздному по крестьянскимъ дѣламъ присутствію.

Это первый типъ улучшенія надзора за крестьянскимъ самоуправленіемъ. Другія земства идутъ дальше: они проектируютъ совершенное уничтоженіе существующихъ уѣздныхъ по крестьян-

*) Изъ которыхъ земства, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не прислали своихъ отвѣтовъ, а нѣкоторыя ограничились только формальными отвѣтами на поставленные вопросы.

скимъ дѣламъ присутствій и замѣну ихъ органами земскаго самоуправления. Предполагается слить вышшія уѣздныя по крестьянскимъ дѣламъ присутствія съ земскими управами: предсѣдательство должно принадлежать предсѣдателю земской управы, обязанности и полномочія членовъ присутствія—членамъ управы, «которымъ можно прибавить, безъ отягощенія земскаго бюджета, жалованья... Такое измѣненіе существующаго порядка надзора за крестьянскимъ самоуправленіемъ мотивируется тѣмъ, что тогда въ понятіяхъ крестьянина будетъ меньшая путаница относительно властей предержавшихъ, тогда какъ теперь «крестьянинъ часто не знаетъ, куда обратиться ему...»

Третьи земства (огромное большинство), отчаявшись окончательно въ пригодности къ чему-либо бюрократическихъ учрежденій и присутствій, пришли къ тому, что нашли болѣе полезнымъ и соответствующимъ цѣли перенести надзоръ со стороны внутрь крестьянской общины, поручивъ его всѣмъ вообще «культурнымъ» людямъ, а въ особенности землевладѣльцамъ, которыхъ и предполагается поставить во главѣ крестьянскаго самоуправления.

Они рекомендуютъ для устраненія всѣхъ золъ, творящихся въ крестьянскомъ быту,—введеніе всесловной, а нѣкоторые безсловной волости, причемъ выставляются для убѣжденія «скептиковъ», такіе «неотразимые» доводы: «участіе въ волостномъ сходѣ жителей той же мѣстности, принадлежащихъ къ другимъ сословіямъ, кромѣ крестьянскаго, конечно на равныхъ правахъ съ крестьянами, особенно тѣхъ изъ этихъ жителей, которые обладаютъ сравнительно большимъ образованіемъ, могло бы быть только благотворно, внося въ составъ сходовъ элементъ образованности и въ сужденія ихъ большую многосторонность; высказываемыя ими по этому поводу опасенія слишкомъ большого вліянія помѣщиковъ едва ли основательны, не только у насъ (рѣчь идетъ о тверской губерніи), но даже и въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ помѣщичій элементъ имѣетъ гораздо болѣе значеніе: и теперь вліятельный, по своему богатству или значенію, помѣщикъ можетъ всегда дѣйствовать на сходѣ, если непосредственно, то черезъ посредство тѣхъ крестьянъ, которые находятся отъ него въ экономической зависимости, а частію еще проще — черезъ предводителя, непремѣннаго члена или исправника;

вліяніе, законнымъ образомъ проявляемое имъ въ качествѣ равноправнаго члена схода, всегда будетъ лучше такового же, дѣйствующаго окольными путями; притомъ же, помѣщики могли бы служить противовѣсомъ міроѣдамъ и кулакамъ изъ самой крестьянской среды, вредное вліяніе которыхъ опасно и въ настоящее время ничѣмъ не сдерживается». Ту же ноту слышимъ мы и въ проектѣ гласнаго рязанскаго земства, князя С. В. Волконскаго: «говорятъ — оправдываетъ онъ свое предложеніе объ организаціи мелкой земской единицы, приуроченной къ приходу, — что крестьяне еще недостаточно свыклись съ дарованной имъ свободой, не довольно еще окрѣпли въ пониманіи своихъ правъ, а потому, будучи соединены съ личными землевладѣльцами въ обществѣ самоуправленія, могутъ быть снова закрѣпощены послѣдними, какъ болѣе интеллигентнымъ и болѣе привыкшимъ къ самодѣятельности — не *de jure*, разумѣется, а *de facto*. Но полно, такъ ли это? Нынѣшняя отчужденность другъ отъ друга крестьянъ-общинниковъ и личныхъ землевладѣльцевъ не представляетъ ли большихъ удобствъ къ этому? Другой, неразборчивый въ выборѣ средствъ наживы кулак-землевладѣлецъ еще поостерегся бы, а можетъ быть, даже и посовѣстлся бы слишкомъ усердно эксплуатировать крестьянина своего округа, съ которымъ онъ имѣетъ общіе интересы и общее самоуправленіе, а теперь — что можетъ умѣрить таковое его усердіе? Ничто. Еще онъ же отвѣтитъ всякому, кто вѣдуналъ бы упрекнуть его: «на то и щука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ». Нѣтъ, намъ кажется, что, напротивъ, только организаціей подобныхъ округовъ и можно умѣрить прозорливость этихъ щукъ, которыхъ, въ послѣднее время, такъ много развелось въ морѣ нашего сельскаго неустройства. Спрашиваютъ еще — какое мѣсто въ этихъ округахъ займутъ образованные землевладѣльцы? Отвѣтимъ — го мѣсто, которое имъ слѣдовало бы давно занять: мѣсто передовыхъ людей труда, мѣсто образцовыхъ хозяевъ, мѣсто защитниковъ законныхъ правъ и интересовъ своихъ околотковъ... А для того, чтобы поставить «образованныхъ землевладѣльцевъ» на такую высоту, кн. Волконскій проектируетъ такія условія для выборовъ: во-первыхъ, «всѣ владѣющіе въ округѣ подлежащею обложенію собственностію въ размѣрѣ не меньшемъ опредѣленнаго имущественнаго ценза, могли бы быть признаны членами собранія по праву ценза; всѣ мелкіе личные собственники могли бы вѣ-

бирать своихъ представителей въ члены собранія, по одному отъ каждаго коллективнаго ценза такового же размѣра; на тѣхъ же основаніяхъ могли бы избирать своихъ представителей и крестьяне-общинники». А во-вторыхъ, «до избранія въ председатели собранія могли бы допускаться только лица, получившія извѣстное образованіе, напримѣръ: кончившія курсъ въ высшемъ или среднемъ учебномъ заведеніи, или имѣющія другой образовательный цензъ, установленный закономъ; при непмѣніи такихъ лицъ въ округѣ, или въ случаѣ, если никто изъ нихъ не будетъ избранъ, председательство могло бы быть предоставлено мировому судьѣ. Въ случаѣ единогласнаго избранія кого-либо председателемъ, можно бы не требовать для него образовательнаго ценза»...

Не останавливаясь пока на критической оцѣнкѣ всѣхъ этихъ мнѣній, отмѣтимъ только ту характеристическую черту, что и земство и администрація сходятся въ своихъ взглядахъ на мужика, какъ на существо, неспособное, по крайней мѣрѣ, въ данное время, къ самостоятельной жизни и обреченное на вѣрную гибель, если онъ будетъ оставленъ безъ «надзора» и «руководства», на «тернистомъ» пути самоуправленія. Разница состоитъ только въ томъ, что, по мнѣнію администраціи, если мужика освободить отъ «надзора», то онъ своимъ правомъ самоуправленія воспользуется во вредъ государству и, не видя надъ собой «бдительнаго» начальства, начнетъ дѣло своей свободы съ того, что прекратитъ всякіе платежи и повинности на «содержаніе армій и флотовъ» и потеряетъ всякое уваженіе и «спасительный» страхъ передъ властью; земство же боится того, что разъ ослабнетъ надзоръ надъ органами крестьянскаго самоуправленія, этими органами завладѣтъ деревенская буржуазія, пользуясь стѣсненнымъ положеніемъ мужика въ матеріальномъ отношеніи и обратитъ ихъ, а черезъ нихъ и земство и другія представительныя собранія, если таковыя будутъ, — въ орудіе наживы и преслѣдованія личныхъ цѣлей. Если факты несколько не оправдываютъ опасеній администраціи насчетъ того, что мужикъ забудетъ свою «священную» обязанность касательно «пользы и нужды» государственнаго фиска, то нельзя опровергать, что жизнь даетъ массу фактовъ, какъ бы подтверждающихъ мнѣніе земства о несостоятельности мужика отстоять самостоятельность своего самоуправленія отъ напора деревенскихъ воротилъ, которые, дѣйствительно, захватили власть надъ деревенскимъ миромъ въ свои

руки и хозяйничают въ волости какъ имъ удобнѣе и выгонѣе. такъ что въ сущности крестьянское самоуправленіе представляетъ собою только тѣнь самоуправленія. Все это такъ, и не мы будемъ спорить противъ непріятнаго состоянія крестьянскаго управленія въ данное время. Но, тѣмъ не менѣе, остается нерѣшеннымъ такой вопросъ: дѣйствительно ли эта непріятность современнаго крестьянскаго самоуправления вызвана отсутствіемъ надлежащаго надзора со стороны культурныхъ слоевъ общества, какъ это думаетъ земство? Вотъ вопросъ, который не иѣшало бы земскимъ людямъ рассмотреть потщательнѣе прежде всего.

Замѣчательное это, право, дѣло: пока гг. земскіе «либералы» ограждаютъ свои права, — они стоятъ на вполнѣ правильной и справедливой почвѣ и проявляютъ замѣчательную чуткость и достойную всякаго уваженія послѣдовательность въ развитіи своего либеральнаго міросозерцанія; такъ, они хорошо поняли весь вредъ зависимости земства отъ произвола администраціи, или какого-нибудь сословія, и потому, какъ только явилась возможность, съ жаромъ возстали на защиту своей самостоятельности. Вспомните только, какъ горячо убѣждалъ г. де-Роберти дворянъ тверской губерніи отказаться отъ дарованной имъ законовъ привилегіи предсѣдательствовать, въ лицѣ своихъ предводителей, на земскихъ собраніяхъ. Земскіе «либералы» со всѣхъ краевъ русской земли восторженно рукоплескали «смѣлому» оратору за его рѣшимость освободить дѣятельность земства отъ чьего бы то ни было вмѣшательства. И эти же самые либералы, когда заходить рѣчь о мужикѣ, объ его правахъ на самоуправленіе, начинаютъ толковать объ его неспособности самоуправляться и безкорыстно предлагаютъ свои услуги «управлять мужицкимъ selfgovernment'омъ». При этомъ, конечно, логика до поры до времени убирается съ дороги и радѣтели о мужикѣ и его благѣ попадаютъ въ такія дебри противорѣчій, что вчужѣ страшно за нихъ становится. Кто, напримѣръ, повѣрилъ бы, что право надзора надъ органами крестьянскаго самоуправленія и положенія на нихъ взысканій требуетъ для земства тотъ самый г-нъ Кошелевъ, который, между прочимъ, говорилъ слѣдующее по поводу предложенія г. Колупанова — замѣнить уѣздня на крестьянскимъ дѣламъ присутствія одноличными попечителями

или надзирателями, однимъ или нѣсколькими на уѣздъ, имѣющими наблюдать за крестьянскимъ самоуправленіемъ: «Не думаемъ, чтобы г-нъ Колупановъ считалъ всѣхъ крестьянъ—малолѣтками, а насъ—ихъ отцами и наставниками... Нѣтъ! крестьяне въ нравственномъ и общественномъ отношеніи стоятъ, если не выше насъ, то, конечно, на почвѣ болѣе здоровой и болѣе твердой. У нихъ много болѣе общественнаго духа, чѣмъ въ дворянствѣ; а обычаи и поговорки съ выгодною замѣняютъ у нихъ строго формулированныя правила. Если теперь, въ нравственномъ отношеніи, они нѣсколько поупали, пьянствуютъ, безобразничаютъ, бѣдвѣютъ, если ихъ управленіе и судъ приходятъ все въ большее и большее разстройство, то въ этомъ едва ли мы не болѣе виноваты, чѣмъ они. Ужъ какъ мы надъ ними не мудрили! Чего для ихъ облагодѣтельствованія мы не предпринимали! И дворянскія присутствія по крестьянскимъ дѣламъ, и исправниковъ, вооруженныхъ властью карать крестьянскихъ избравниковъ (а теперь—не мѣшало бы прибавить г. Кошелеву—проектируемъ облечь такую же властью земское «начальство»), и кассацию приговоровъ волостныхъ судовъ, и сокращеніе числа приходоу, и кабаки на каждомъ шагу съ дорого-оплаченными патентами и проч... Выкиньте въ глубь быта крестьянъ, всмотритесь безпристрастно въ то, что дѣлаютъ съ ними бесчпсленныя, властью облеченныя лица и учрежденія, а равно разныя—деньгами и другимъ кое-чѣмъ выдвинутые люди, и вы должны дивиться, что наше крестьянство еще стоитъ на ногахъ, не приходитъ въ отчаяніе и бредеть кое-какъ своимъ обычнымъ путемъ. Довольно ломокъ мы предпринимали, довольно новыхъ властей мы вводили, а толку изъ всего этого было очень мало. Попробуемъ теперь не ломать, не сочинять, не считать нашу страну *tabula rasa*, а будемъ развивать и улучшать то, что уже есть, а пуще всего перестанемъ быть самонадѣянными, и постараемся лучше узнать крестьянъ, ихъ нужды и то, чѣмъ они сами думаютъ улучшить свой бытъ». И вѣроятно потому, что «довольно мы вводили новыхъ властей,» г. Кошелевъ и предлагаетъ создать новую власть надъ мужикомъ—земскую! А для того, чтобы лучше «узнать крестьянъ» и «не быть самонадѣянными»—требуется для земства права «карать крестьянскихъ избравниковъ!..» Такую же логику

обнаруживаетъ и г. Колюпановъ, на котораго, какъ мы сейчасъ видѣли, напалъ съ такимъ ожесточеніемъ г-нъ Кошелевъ: «представьте себѣ,—говоритъ онъ,—что вдругъ всѣ суды уничтожены, чиновники обратились во взяточниковъ, правды нигдѣ не существуетъ. Личность ваша и имущество обезпечены еще менѣе, чѣмъ теперь, и еслибы вы, въ крайнемъ случаѣ, стали искать защиты, то выигривъ вашего праваго дѣла зависѣлъ бы отъ предложенія болѣе взятки, нежели какую обѣщаетъ вашъ противникъ! Что бы вы сдѣлали при подобной обстановкѣ? Вы бѣжали бы, такъ какъ жить въ подобной обстановкѣ нельзя. Крестьянину бѣжать невозможно, и некуда, и не съ чѣмъ. Но въ такой обстановкѣ онъ прожилъ больше десятилѣтій. Вотъ вы и сообразите всю силу деморализаціи, которую такая обстановка внесла въ крестьянскую среду, при такомъ постоянномъ и продолжительномъ возбужденіи...» Прочитавъ такую характеристику «обстановки», въ которой приходилось и приходится жить мужику, каждый, маломальски обладающій способностью разсуждать правильно, не задаваясь посторонними и необразженіями, пришелъ бы тотчасъ же къ тому выводу, что если «обстановка» привела мужика къ деморализаціи, то прежде всего надо уничтожить эту «обстановку». Но г. Колюпановъ думаетъ иначе: онъ хочетъ оставить мужика въ невозможной обстановкѣ, изъ которой всякій другой — по его словамъ — бѣжалъ бы, потому что такъ жить нельзя, и въ то же время требуетъ, чтобы надъ мужикомъ былъ поставленъ «надзиратель», который силою заставлялъ бы мужика жить, когда жить нѣтъ никакой возможности. А между тѣмъ, что бы г-ну Колюпанову тряхнуть немного стариной и вспомнить страничку — другую изъ исторіи развитія русскаго общества... Вотъ онъ проситъ читателя «представить» обстановку, въ которой пришлось жить мужику. Напрасный трудъ! Пусть онъ лучше напомнилъ бы читателю, что въ такой обстановкѣ приходилось жить всему русскому обществу до крымской катастрофы, и жить не десятки, а сотни лѣтъ: точно также не существовало суда и правды, точно также собственность была необезпечена; точно также царилъ всюду произволъ и взяточничество, точно также личность была припнжена до послѣднихъ предѣловъ. И тѣмъ не менѣе, лучшіе, свѣтлые умы (въ томъ числѣ, можетъ быть, былъ тогда и г. Колюпановъ) не требовали усилевія ад-

министративнаго надзора, не видѣли спасенія въ сохраненіи существующей обстановки, а прямо заявляли, что только гласность и свобода общественной дѣятельности подъ контролемъ самого же общества могутъ спасти общество отъ дальнѣйшей деморализаціи. Такъ отчего же, гг., теперъ вы не мѣрите тою же мѣркою мужика, зачѣмъ вы, сознавая, что атмосфера, которою онъ дышетъ, нездорова, тѣмъ не менѣе, стоите за сохраненіе этой атмосферы и на будущія времена, да еще требуете, чтобы вамъ было дано право заставлятъ мужика неукоснительно жить въ невозможной для житья атмосферѣ?..

А атмосфера, дѣйствительно, весьма тяжелая, что сознаютъ и самі земскіе «либералы». И началась она давно, съ самаго момента освобожденія крестьянъ отъ крѣпостнаго права. По выходѣ изъ крѣпостной зависимости, крестьяне образовали «по дѣламъ хозяйственнымъ» сельскія общества, а «для ближайшаго управленія и суда» соединились въ волости. Какъ въ сельскомъ обществѣ, такъ и въ волости завѣдываніе общественными дѣлами было предоставлено міру и его избраннымъ. Но собственно рѣшеніе дѣлъ предоставлялось сходамъ сельскому и волостному; сельскій же староста и волостной старшина должны были являться только органами исполнительной власти, приводящими въ исполненіе рѣшеніе сходовъ и дающими передъ ними отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, предполагалось въ теоріи. Вотъ тутъ-то и оказалось, что предвзятыя мысли всегда ставятъ практику въ разрѣзъ съ теоріей: руководясь тѣмъ соображеніемъ, что крестьяне, получивъ свободу и самоуправленіе, начнутъ вести себя не какъ подобаешь полноправнымъ и развитымъ гражданамъ просвѣщеннаго государства, а какъ дѣти, которымъ дали въ руки «цапу»,— рѣшено было подвергнуть «самостоятельныхъ» гражданъ деревенскаго міра полицейскому надзору или же выбранныхъ должностныхъ лицъ, которыя, для бѣдшихъ успѣховъ въ этомъ отношеніи, были снабжены правомъ «вязать» и «рѣшить» своихъ избирателей. Съ этою именно цѣлью сельскому старостѣ и волостному старшинѣ было предоставлено право «охраненія на сходахъ порядка»; правомъ созывать сходы пользуются исключительно только староста или старшина, но отнюдь не самъ міръ; сходъ считается дѣйствительнымъ только тогда, когда на немъ участвуютъ самъ староста или старшина, или лица, заступающія ихъ, и помощники;

кромѣ того, сельскому старостѣ предоставлено было право за маловажные проступки, совершенные лицами, ему подвѣдомственными, подвергать виновных: назначенію на общественныя работы до двухъ дней, или денежному, въ пользу мірскихъ суммъ, взыскаіію до одного рубля, или аресту не долѣе двухъ дней; тѣ же взыскаііія <за маловажные полицейскіе проступки> можетъ налагать на подвѣдомственныхъ ему лицъ и волостной старшина, отвѣтствующій <за охраненіе общаго порядка, спокойствія и благочинія въ волости>, которому въ этомъ отношеніи вполнѣ подчинены сельскіе старосты. Такимъ образомъ, за членами сельскаго общества наблюдать и чинить судъ и расправу сельскій староста, надъ сельскимъ старостой — волостной старшина. Но здѣсь дѣль еще не кончалась: предполагалось, что хотя сельскому старостѣ и волостному старшинѣ можно было оказать больше довѣрія, чѣмъ простому мужику, но все-таки вполнѣ положиться на нихъ опасно, — и потому надъ ними <надзирателемъ> былъ поставленъ сначала мировой посредникъ, которому предоставлено было право подвергать сельскихъ старостъ и волостныхъ старшинъ денежному штрафу до пяти рублей или аресту до семи дней, а когда мировой посредникъ въ губерніяхъ съ земскими и мировыми судебными учрежденіями исчезъ, то права его перешли къ уѣздному исправнику, который, конечно, считалъ своею священною обязанностью неукоснительно и какъ можно чаще прилагать на практикѣ эти права...

Г. Колюпановъ проситъ своихъ читателей, какъ мы видѣли выше, для уясненія положенія мужика, представить себѣ такую жизнь, въ которой суда и правды не существуетъ, а царствуетъ одинъ произволъ и взяточничество. Мы такъ насловать фантазію нашихъ читателей не будемъ; мы попросимъ только представить себѣ такую картину: вдругъ, напримѣръ, органамъ земскаго самоуправленія—членамъ и предсѣдателямъ уѣздныхъ и губернскихъ управъ будетъ предоставлено, взаиѣнъ осуществленія <иллюзіи>, право сажать земскихъ гласныхъ и ихъ избирателей въ <холодную>, или подвергать общественнымъ работамъ по очисткѣ ваикихъ нибудь Авгіевыхъ конюшенъ, или денежному штрафу, причемъ наложеніе такихъ взыскаііій зависѣло бы не отъ судебного постановленія, а просто отъ воли лицъ, обладающихъ этимъ правомъ; но это еще не все: пусть, въ свою очередь, право водворенія въ

«кутузку» членовъ и предсѣдателей земскихъ управъ, а равно право наложенія на нихъ денежныхъ взмысканій было бы предоставлено губернатору... Что бы тогда заговорили гг. земскіе либералы?.. Мы видимъ, что даже и теперь, когда такъ ихъ правъ, по крайней мѣрѣ по закону, не предоставлено ни губернатору—надъ органами земскаго самоуправленія, ни органамъ земскаго самоуправленія—надъ всѣми лицами, причастными къ земству,—даже и теперь земскіе дѣятели крайне тяготеютъ тѣмъ надзоромъ, который законъ предоставилъ начальнику губерніи, и тяготеютъ исполнѣ справедливо, потому что видятъ въ этомъ правѣ надзора только возможность для мѣстной администраціи проявлять свой произволъ и «мудрить» всячески надъ земствомъ; а между тѣмъ, законъ съ правомъ мѣстной администраціи на надзоръ надъ дѣятельностью земства отнюдь не соединяетъ право суда и расправы, возлагая на представителя мѣстной администраціи, въ случаѣ разногласія съ земствомъ, передавать дѣло на рѣшеніе высшаго судебнаго учрежденія — сената; равнымъ образомъ, земство горячо возстаётъ противъ того, что въ лицѣ предводителя дворянства оно находится какъ бы въ зависимости отъ дворянскаго сословія, да къ тому же вынуждено переносить то, весьма часто повторяющееся, ненормальное явленіе, что въ лицѣ предводителя дворянства оно нерѣдко видитъ и предсѣдателя земскаго собранія и предсѣдателя земской управы, т. е., другими словами, видитъ, что органъ исполнительной власти земства держитъ въ своихъ рукахъ земство, пользуясь подлежащею статьею закона, и вмѣсто того, чтобы отдавать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ собранію и дѣйствовать подъ его контролемъ, обладаетъ возможностью во всякое время зажать ротъ какому-нибудь «неспокойному» гласному, въ случаѣ, если такой гласный подниметъ «непріятный» для него вопросъ. Но и тутъ, хотя предсѣдатель земской управы обладаетъ возможностью прекратить и ослабить всякую оппозицію противъ себя, тѣмъ не менѣе онъ не обладаетъ правомъ подвергать лицъ, которыми онъ недоволенъ,—«ранамъ» и «скорпіонамъ», какъ потому, что этого права не предоставлено ему закономъ, такъ и потому, что гласные не находятся отъ него въ зависимости, въ силу своей материальной несостоятельности или какихъ другихъ причинъ. И, тѣмъ не менѣе, даже противъ такого ограниченія земскихъ правъ и

ненормальности отношеній между избирателями и выборными, возстають земскіе либералы. Поэтому, можно смѣло сказать, что они пришли бы въ страшное негодованіе и возстали бы какъ одинъ человѣкъ, еслибы земское самоуправленіе попало въ такія же условія, въ какихъ находится крестьянское самоуправленіе; и, во всякомъ случаѣ, для уничтоженія деморализаціи, могущей легко проявиться при такомъ ограниченіи правъ земства, земскіе «либералы» не стали бы кричать на всѣхъ перекресткахъ, что необходимо усилить и регулировать надзоръ надъ дѣятельностью земскихъ учреждений, а единогласно бы заявили, что причина деморализаціи земства — въ той обстановкѣ, въ которой оно поставлено, и что поэтому прежде все необходимо устранить эту обстановку, даровавъ земскимъ дѣятелямъ возможно большую свободу дѣйствій подъ контролемъ всего земства, при условіи существованія широкой гласности, и съ отвѣтственностью за незаконность дѣйствій передъ судомъ только... Но совсѣмъ другую пѣсню поютъ земскіе «либералы», когда заходитъ рѣчь о «мужичкѣ»: онъ, видите ли, такъ простъ, наивенъ, невѣжественъ, что его всегда легко надуть, обойти, и потому изъ чувства человѣколюбія, исполняя заповѣдь Господню, нужно помочь ему и, не жалѣя себя, «надзирать» за нимъ денно и нощно! Но что же даетъ поводъ думать такъ о мужикѣ? Какъ что? помыслите: а растраты волостныхъ суммъ, а полнсе превращеніе крестьянскаго самоуправления въ самоуправство волостныхъ старшинъ и писарей, а замѣна удовлетворенія крестьянскихъ нуждъ — кумовствомъ и личными интересами? Прекрасно, все это, дѣйствительно, въ деревенскомъ мірѣ существуетъ; но въ самомъ-то земствѣ развѣ подобныхъ печальныхъ явленій не замѣчается? На это, не думаемъ, чтобы кто-нибудь рѣшился дать отрицательный отвѣтъ. Мы тутъ встрѣтимъ: 1) неправильное выведеніе въ расходъ суммъ по несправленію дорогъ (напр. въ вологод. зем.), устройству больницъ (вольскомъ зем.), покупки муки (олонецкомъ зем.), и т. д., встрѣтимъ и лихоимство (въ александр. у. з), и присвоенія и растраты (костромскомъ зем.), и разныя неправильныя дѣйствія. Для того, чтобы увидѣть это, нѣтъ надобности перерывать даже старыхъ газетъ и земскихъ отчетовъ, а стоитъ только заглянуть въ «Земскій Ежегодникъ»: мы встрѣтимъ тутъ и председателей управъ, и дѣйстви-

тельныхъ статскихъ совѣтниковъ Аеонасьевыхъ, и громкія фамиліи Казакуцкихъ, князей Шихаевыхъ и т. д.

Да, «злоупотребляютъ» и «грѣшатъ» противъ земскихъ суммъ — отдѣльные члены управъ, и предсѣдатели, и члены управы въ полномъ составѣ; дѣло «обходится» и домашнимъ образомъ, и доходить до суда; но послѣднее, какъ кажется, только тогда, когда съ виноватыхъ взятки-гладки и тогда остается утѣшаться сознаниемъ, что вотъ-де порокъ наказуется, а добродѣтель торжествуетъ; но дѣло-то въ томъ, что «порокъ наказуется» только въ тѣхъ случаяхъ, когда въ данномъ земствѣ существуетъ сильная оппозиціонная партія часто, желающая только занять мѣсто у земскаго пророга; разъ же сильной оппозиціи нѣтъ — все остается шито и крыто и о «преданіи» суду не возникаетъ даже и рѣчи. Какъ бы то ни было, ясно только то, что растраты денежныхъ суммъ существуютъ и въ земствѣ. Затѣмъ, разные гешефты на счетъ земства тоже у земскихъ «дѣльцовъ» въ большомъ ходу: вспомните смоленскихъ земцевъ, строившихъ земскую дорогу въ то время, когда народъ въ губерніи положительно умиралъ съ голоду; вспомните саратовскихъ земцевъ, заставившихъ земскихъ плательщиковъ отдавать свои послѣдніе гроши на уплату земской гарантіи по тамбово-саратовской дорогѣ; вспомните гг. Шулешкина и Вятковского, воротилъ бугульминскаго земства, скупившихъ за бездѣнокъ крестьянскія земли, пользуясь голодухой? новоуземское земство, выдававшее въ пособіе голодавшимъ крестьянамъ розъ такого качества, что она сжималась въ рукахъ, «какъ тѣсто»? Не занимать стать фактовъ и по части земской халатности: къ примѣру, достаточно указать на оеодосійское земство, про которое писали въ «Голосъ» такіа вещи: «идеть, напр., вопросъ о неотложной починкѣ такого-то земскаго моста, и что же оказывается? что предсѣдатель управы и сама управа не знаютъ даже, гдѣ находится этотъ мостъ»... Органы крестьянскаго самоуправленія обвиняются въ томъ, что они служатъ орудіемъ въ рукахъ деревенской буржуазіи къ проведенію ея личныхъ интересовъ. Что вѣрно — то вѣрно; но только позвольте спросить: а земство не заражено этою слабостью «порадѣть родному человѣчку», при чемъ этимъ «человѣчкомъ» всегда является землевладѣлецъ? Не указывая на единичные случаи проявленія такой «слабости», считаемъ достаточно обратитъ вниманіе читателя только на тотъ общій всему

земству фактъ, что даже «либеральныя» земства, въ обложеніи своихъ плательщиковъ земскими сборами, не идутъ дальше видной равномерности и не хотятъ никакъ принять въ соображеніе то обстоятельство, что если оно облагаетъ и землевладѣльца и земледѣльца однимъ и тѣмъ же сборомъ съ десятины, то, въ сущности, оно поступаетъ крайне несправедливо, потому что чистый доходъ того и другого съ земли далеко не одинаковъ: мужикъ изъ валового своего дохода съ земли платитъ рублями различные сборы въ пользу казны и помѣщика, и потому чистый доходъ его равняется копѣйкамъ; баринъ же, наоборотъ, платитъ съ своей земли копѣйки и чистый доходъ его равняется рублямъ...

Итакъ, дѣятельность земства также далеко не безъ пятенъ, и «деморализація» этой самой въ немъ тоже достаточно. Тѣмъ не менѣе никто, кромѣ закоренѣлыхъ ретроградовъ, не занкается объ усиленіи надзора надъ земствомъ; напротивъ, раздаются все сильнѣе и сильнѣе голоса въ пользу расширенія правъ и свободы дѣятельности земства, голоса—находившіе сочувственный откликъ и въ высшихъ сферахъ. Но почему же сваливать деморализацію крестьянскаго самоуправленія на недостатокъ должнаго надзора? почему бы не потребовать и для мужика расширенія правъ и свободы дѣятельности? Зачѣмъ наказывать его, когда въ своей деморализаціи онъ имѣлъ бы, кажется, право требовать себѣ большаго снисхожденія, потому что онъ, въ сущности, поставленъ въ гораздо худшія условія, чѣмъ земскій дѣятель. Въ самомъ дѣлѣ, вспомните матеріальное положеніе мужика, какъ члена міра, и сравните его съ положеніемъ землевладѣльца, какъ члена земства. Мужикъ, въ силу тѣхъ или другихъ обстоятельствъ, поставленъ въ такое положеніе, что онъ почти всегда и вездѣ оказывается неисправнымъ въ отбываніи возложенныхъ на него въ пользу государства и земства податей и повинностей. А администрація съ такою неисправностью шутить не любитъ: «одной изъ высшихъ правительственныхъ задачъ есть, безспорно, обезпеченіе государству правильнаго своевременнаго и безнедопущимаго поступленія доходовъ», — такъ говорилъ въ своей запискѣ одинъ изъ губернаторовъ въ 1867 году (см. «Русская Старина», 1881, январь), и въ этомъ отношеніи выражалъ мнѣніе всѣхъ своихъ собратьевъ, которымъ, по закону, грозилъ посылка

ревизіи на ихъ счетъ, въ случаѣ значительнаго накопленія недоимокъ, и которые, поэтому, твердо помнили и въ точности исполняли циркуляры, подобно слѣдующему циркуляру министра внутреннихъ дѣлъ. отъ 21 января 1864 года, за № 15: «Имѣя въ виду, что въ настоящее время государственная казна особенно обременена огромными расходами, требующими своевременнаго удовлетворенія, и что неуспѣшное поступленіе податей и недоимокъ, при отсутствіи особыхъ причинъ, имѣющихъ вредное вліяніе на народное благосостояніе, должно отнести къ неисполненію мѣстными начальствами возложенныхъ на нихъ законномъ обязаностей при взисканіи казенныхъ повинностей и уклоненію частныхъ лицъ отъ платежа оныхъ, я признаю необходимымъ напомнить начальникамъ губерній, что неослабное наблюденіе за своевременнымъ и исправнымъ взносомъ податей и взисканіемъ недоимокъ составляетъ одну изъ главныхъ ихъ обязанностей и что существующіе на сей предметъ законы, въ уставѣ о податяхъ, даютъ имъ полную возможность точнаго исполненія сей обязанности; означенные законы въ такой степени ясны и строги, какъ въ отношеніи несправныхъ плательщиковъ казенныхъ повинностей, такъ и въ отношеніи должностныхъ лицъ. допускающихъ медленность и неправильныя дѣйствія при взисканіи оныхъ, что исполненіе сихъ узаконеній, во всей ихъ силѣ, дѣлается недоимки почти невозможными... Толчокъ, данный сверху, понятенъ отзывался на всемъ механизмѣ мѣстной администраціи: отъ главы этой администраціи онъ переходилъ къ исправнику, отъ исправника къ становому, отъ станового къ волостнымъ и сельскимъ властямъ, и въ концѣ концовъ отражался на мужикѣ. По мнѣнію администраціи, такой толчокъ долженъ былъ вызвать въ мужикѣ своего рода «рефлексъ», выражающійся въ томъ, что мужикъ вынималъ изъ сапога засаженный кредиты и удовлетворялъ требованіе государственнаго фиска, дошедшее къ нему черезъ сотни посредниковъ. Мужикъ такъ и дѣлалъ, но средства не позволяли ему «очищать» себя вполне и потому онъ чувствовалъ и сознавалъ себя «впноватымъ». А такая вина вела за собой по закону не совсѣмъ пріятныя послѣдствія: «въ отношеніи несправныхъ плательщиковъ—говорилъ законъ—сельское общество можетъ принять слѣдующія мѣры взисканія: 1) обратять на возмѣщеніе недоимки доходъ съ принадлежащаго недоимщику въ

собственность недвижимого имущества; 2) отдать самого недомыщика или кого-либо изъ членовъ его семейства въ посторонніе заработки; 3) опредѣлить къ недомыщику опекуна или назначить, вмѣсто неисправнаго хозяина, старшимъ въ домѣ другого члена той же семьи; 4) подвергнуть продажѣ принадлежащее недомыщику недвижимое имущество; 5) продать ту часть движимаго имущества и строеній недомыщика, которая не составляетъ необходимости въ его хозяйствѣ, и 6) отобрать у недомыщика часть отведенныхъ ему полевыхъ угодій и даже весь его полевой надѣлъ. Кроме того, какъ вѣнецъ всѣхъ этихъ мѣръ—«пуганье» недомыщиковъ березовой кашей. Но и этого казалось мало; думали, что общество будетъ, пожалуй, мрволить своимъ членамъ, а потому вооружили мирового посредника слѣдующими правами: 1) предписать сельскому начальству несостоятельнаго общества никого не увольнять по паспортамъ изъ селенія безъ письменнаго на то согласія мирового посредника и не возобновлять паспортовъ находящимся въ отлучкѣ крестьянамъ; 2) вмѣсто избранныхъ обществомъ должностныхъ лицъ назначить другихъ по своему усмотрѣнію; 3) распорядиться, чтобы общество ставило неисправныхъ крестьянъ на заработки по контрактамъ, и 4) произвести черезъ полицію опись всего крестьянскаго движимаго имущества и, исключивъ изъ оного то, что составляетъ необходимость въ крестьянскомъ хозяйствѣ и не можетъ быть продано безъ разоренія крестьянъ, распорядиться черезъ полицію же продажей остальной части означеннаго имущества.

По уничтоженіи мировыхъ посредниковъ, права на эти мѣры перешли къ уѣздной полиціи, въ лицѣ исправника, которая и раньше и теперь особенно любила употреблять послѣднюю мѣру: взисканіе сборовъ—говоритъ Ф. С. Офросимовъ, гласный рязанскаго уѣзднаго земства—производится полиціею безпощадно, безъ всякаго вниманія къ тому, въ силахъ ли общество уплатить или нѣтъ, и отчего произошла недомыка; продается все, что продать можно, и хотя, по закону, оговорено, что продажѣ не подлежатъ предметы, необходимые въ хозяйствѣ, но понятіе объ этой необходимости такъ растяжимо, а усердіе полиціи въ исправномъ взисканіи податей и повинностей такъ велико, что большею частію все имущество крестьянъ поступаетъ въ продажу... Понятное дѣло, что разъ надъ «неочистившимъ» себя мужикомъ всѣмъ по-

стоянно Дамокловъ мечъ, въ видѣ поименованныхъ мѣръ, онъ долженъ бытъ всю свою жизнь проводить въ «спасительномъ» трепетѣ—пройдетъ или ибѣтъ мимо него «чаша сія». А такъ какъ до извѣстной степени избавленіе отъ этой «чашы» зависѣло отъ сельскаго и волостнаго начальства, то мужикъ хорошо понималъ, что начальство это всегда можетъ привязаться и насолить ему, въ случаѣ, если онъ забудется и вздумаетъ учпывать эту власть и ея дѣйствія. И вотъ, первое звено уже завязано: слушаешься сельскаго старосты и волостнаго старшины, держишь ихъ руку, смотришь сквозь пальцы на ихъ продѣлки, обѣляешь ихъ, когда нужно, на сходѣ своимъ приговоромъ,—начальство оставить тебя въ покоѣ, вмѣющіяся у него въ рукахъ средства «понужденія» къ исправному отбыванію податей и повинностей приложить къ другимъ «несочистившимся», и гроза, до поры-до времени, пройдетъ мимо; не слушаешься, оппозицію составляешь, хочешь утопить его,—не прогнѣвайся, если «понудительныя» мѣры, до тѣлеснаго наказанія, по приговору волостнаго суда, включительно, будутъ пущены въ ходъ. Правда, есть возможность устранишься отъ давленія волостныхъ властей: стоить пойти къ мѣстному «богатѣю» и поклониться ему, чтобы выручить. Но это значитъ попасть пзъ огня да въ полмя, т. е. вмѣсто того, чтобы бытъ покорнымъ слугою начальства, закабалить себя мѣстному воротилѣ. который, хотя подате и уплатитъ за недопмщика, но самаго недопмщика пзъ своихъ рукъ не выпуститъ; и такимъ образомъ въ результатѣ то же, что и въ въ первомъ случаѣ: отсутствіе въ мужикѣ самостоятельности, необходимой для самоуправленія, которая прежде всего дается независимостью въ матеріальномъ отношеніи... Скажутъ—мужики сами виноваты: зачѣмъ выбираютъ въ «начальники» дурныхъ людей? Въ томъ-то и дѣло, что мужики не виноваты, потому что «планнда» уже такая, что только «дурные» люди и могутъ удержаться на мѣстахъ этихъ начальниковъ. Обстоятельства сложились такъ, что или пусть волостныя власти приюмятъ на себя все гнѣвъ уѣздной и губернской администраціи, высиживая все время въ «темной» и уплачивая штрафы, или передавай этотъ гнѣвъ на мужика. Поэтому, еслибы даже мужику удалось посадить въ начальники «хорошаго» человѣка,—онъ не много выигралъ бы: человѣкъ этотъ долго бы не выдержалъ и убѣжалъ бы, потому что, по самому закону, сельское и волостное начальство находится во

власти исправника, а несправность обществъ еще сильнѣе подчиняетъ ихъ полиціи, которая и третируетъ ихъ, какъ какикъ-нибудь отверженцевъ. Все это вполне понятно: исправникъ знаетъ, что съ него, такъ сказать, шкуру <въ губерніи> сдерутъ, если онъ окажется <ослабленіе> и не приметъ должныхъ мѣръ.—и вотъ онъ, въ свою очередь, предупреждая ожидающую его судьбу, переноситъ процессъ <дранья шкуры> на деревенское начальство, которое тоже снимаетъ съ себя такую обузу, и, въ концѣ концовъ, эта обуза исходитъ на спину мужика, который съ удивленіемъ видитъ, что, кажись, онъ хорошаго человѣка выбралъ въ старшныи, а подижты—совсѣмъ звѣрь оказался... Очевидно, что, при перспективѣ такого печальнаго житія, хорошій человѣкъ рѣдко пойдетъ въ волостные начальники; а идутъ или только самые негодные люди, идутъ даже не сами, а по наряду, по очереди: <два брата не пошли въ солдаты, остались дома—пишетъ новгородскій корреспондентъ <Порядка>.—вотъ вамъ и <негодяи> (т. е. негодные)—они должны заплатить міру за свою негодность службой въ старостахъ: при свирѣпомъ исправникѣ эта служба не въ примѣръ тяжеле солдатской>... Или въ сельскіе начальники идутъ люди, увѣренные въ томъ, что они сдумаютъ извлечь выгоду изъ своего положенія: это — деревенскіе кулаки; они не боятся ответственности за недоимку, потому у нихъ ея никогда не будетъ: они уплачиваютъ ее изъ своего кармана, но не думайте, что изъ челоуѣколюбія. — нѣтъ! они найдутся, какъ выжать изъ мужика вдвое, втрое больше противъ того, что за него заплатили... Наконецъ, есть третій сортъ сельскаго начальства: эти идутъ съ прямымъ сознаниемъ, что кончатъ свою службу растратою; но такихъ впрочемъ, меньше...

Можно-ли послѣ всего этого удивляться тому, что въ крестьянскомъ самоуправленіи сильна деморализація? Иначе и трудно было бы ожидать: избиратель находится въ зависимости отъ лицъ, избранныхъ имъ въ органы исполнительной власти своего самоуправления, а эти выборныя лица, въ свою очередь, находятся въ рукахъ уѣздной полиціи или мѣстныхъ воротилъ. Очевидное дѣло, что о самостоятельности дѣйствій такихъ избирателей и такихъ борныхъ не можетъ быть и рѣчи. Земскіе <либералы>, надѣющіеся внустраниить такое печальное положеніе дѣлъ не переустройствомъ крестьянскаго самоуправления на рациональныхъ началахъ, а усн-

леніемъ надзора надъ избирателемъ и выбраннымъ имъ должностнымъ лицомъ, пусть выскнутъ хорошенько въ сущность и послѣдствія такого усиленія надзора. Прежде всего, что могутъ контролировать такіе «надзиратели», если даже предположить, что всѣ они будутъ люди добросовѣстные и не будутъ увлекаться сословными интересами? Да, весьма немногое: они только заставятъ должностныхъ лицъ крестьянскаго самоуправленія оформлять свои злоупотребленія, но коренной перемены въ отношеніяхъ избирателей къ своимъ выборнымъ никакой они не произведутъ: попрежнему мужикъ, въ силу своей экономической несостоятельности, будетъ находиться въ рукахъ деревенской буржуазіи и сельскаго начальства, попрежнему должностныя лица крестьянскаго самоуправленія будутъ чувствовать себя связанными, находясь въ зависимости отъ новыхъ «надзирателей», вмѣсто прежнихъ въ лицѣ уѣздной полиціи. Такъ что хорошая сторона усиленія надзора будетъ заключаться развѣ только въ устраненіи неоформленной законнымъ образомъ дѣятельности органовъ крестьянскаго самоуправленія на себя и во вредъ интересамъ этого самоуправления. Для примѣра возьмемъ, хоть, случаи учета должностныхъ лицъ: теперь имъ часто встрѣчаемъ такія явленія, что волостныя власти подолгу не допускаютъ миръ до учета себя; тогда, дѣйствительно, такого оттягиванія, пожалуй, не будетъ; но, тѣмъ не менѣе, въ рѣдкихъ случаяхъ будетъ доставаться старостѣ или старшинѣ за неправильное распоряженіе съ мужицкими грошами: волостныя власти, пользуясь своими правами начальства и бѣднотою мужика, съумѣютъ составить себѣ на сходѣ сильную партію, которая не замедлитъ обѣлгать ихъ, несмотря на явную даже растрату, составивъ общественный приговоръ о правильности расходованія мирскихъ суммъ. Если же отъ усиленія надзора и пострадаютъ нѣкоторыя должностныя лица сельскаго самоуправления, то только болѣе неумѣли въ мошенническихъ продѣлкахъ, и такимъ образомъ усиленіе надзора, ослабляя развитіе самостоятельности въ избирателѣ и избираемомъ, поведетъ только къ своего рода подбору хищниковъ: менѣе искусные погибнутъ, а болѣе искусные останутся и еще болѣе усилятъ свою власть и вліяніе... Таковы послѣдствія усиленія надзора, и то только въ томъ предположеніи, что надзоръ будетъ находиться въ рукахъ людей добросовѣстныхъ и не руководящихся сослов-

ными интересами. Но дѣло въ томъ, что такое предположеніе въ сущности имѣетъ подѣ собою мало твердыхъ основаній. Какъ тѣ земства, которыя проэктируютъ передачу надзора въ руки земства, такъ и тѣ, которыя думаютъ поручить надзоръ внутри самой общины болѣе «просвѣщеннымъ» и болѣе «состоятельнымъ» членамъ всесословной волости,—всѣ они имѣютъ въ виду прежде всего землевладѣльца, какъ потому, что въ данное время земство, хотя и именуется всесословнымъ, но прежде всего — землевладѣльческое, такъ и потому, что болѣе просвѣщеннымъ и болѣе состоятельнымъ въ всесословной волости, въ большинствѣ случаевъ и преимущественно, явится землевладѣлецъ,—не помѣщикъ, а вообще землевладѣлецъ, т. е. человекъ, обрабатывающій свою землю не своимъ трудомъ, а трудомъ наемныхъ лицъ, для котораго, поэтому, главный интересъ представляетъ тотъ вопросъ, какъ бы достать болѣе дешевыхъ рабочихъ для обработки принадлежащей ему земли. Очевидно, что такое желаніе землевладѣльца идетъ въ разрѣзъ съ интересами мужика, и потому въ этомъ отношеніи у мужика должно существовать съ землевладѣльцемъ вѣчное разногласіе. Теперь представьте, что землевладѣлецъ встанетъ во главѣ мужицкой общины.

Интересъ общины заключается въ томъ, чтобы найти средства для обезпеченія себя въ матеріальномъ отношеніи, чтобы избавиться отъ необходимости продавать свой трудъ за безцѣнокъ и чтобы соразмѣрить платежи, казенные и другіе, съ своими доходами. Интересъ же землевладѣльца состоитъ въ томъ, чтобы не допустить мужика брать дорого за свой трудъ и чтобы несоразмѣрностью платежей съ доходами парализировать всѣ его усилія къ достиженію экономической самостоятельности. Понятное дѣло, что дѣло крестьянскаго самоуправленія пойдетъ не лучше, чѣмъ оно идетъ и теперь.

Кн. Волконскій можетъ увѣрять своихъ довѣрчивыхъ слушателей, что другой, неразборчивый въ выборѣ средствъ жизни, кудакъ-землевладѣлецъ еще поостерегся бы, а можетъ быть, даже и посовѣстился бы слишкомъ усердно эксплуатировать крестьянина своего округа, съ которымъ онъ имѣетъ общіе интересы и общее самоуправленіе. Но мы беремъ на себя смѣлость не вѣрить такому оптимизму, потому что — какъ мы видѣли выше —

общихъ интересовъ у земледѣльца и землевладѣльца мало, а общее самоуправленіе поведетъ только къ тому, что землевладѣлецъ, захвативъ въ свои руки власть надъ общиной, постарается осуществить какъ можно полнѣе свои «хозяйственныя» стремленія относительно удешевленія мужицкаго труда. Равнымъ образомъ, трудно рассчитывать и на осуществленіе мечты тверскихъ земцевъ, что «помѣщики могли бы служить противовѣсомъ мірѣдамъ и кулакамъ изъ самой крестьянской среды»; трудно потому, что, во-первыхъ, «культурному» человѣку не легко поборотъ «Колупаева», лучше его знающаго крестьянскую жизнь и натуру мужика, а во-вторыхъ, потому, что въ большинствѣ случаевъ ему нѣтъ и расчета подставлять ножку «Колупаеву», потому что вся дѣятельность этого послѣдняго направлена къ тому, чтобы мужикъ не обросталъ слишкомъ и не зазнавался бы предъ своими благодѣтелями». Намъ скажутъ, что нельзя быть такими пессимистами, что не всѣ же землевладѣльцы хищники и что найдутся и такія личности среди нихъ, которыя будутъ преслѣдовать только интересы общины, избравшей ихъ. Найдутся, совершенно вѣрно; но надо думать, во 1-хъ, что найдется ихъ мало, гораздо меньше, по крайней мѣрѣ, чѣмъ людей другого сорта, а во 2-хъ, и это главное, для чего, возставая принципиально противъ одной опеки, опеки административной, сейчасъ же создавать другую опеку и спекулировать непремѣнно на преобладаніе въ мѣстномъ самоуправленіи. Развѣ нѣтъ другихъ путей и средствъ содѣйствія упорядоченію крестьянской жизни? Если нѣтъ, то слѣдуетъ ихъ искать и можно найти. Если этому мѣшаетъ полицейская и административная опека, опека несомнѣнно тяжелая и тормозящая крестьянскую жизнь, то объ устраненіи ея и надо хлопотать. И это будетъ совершенно понятно и не дастъ повода говорить о спорѣ изъ-за власти, который только раздражаетъ стороны. Съ устраненіемъ административной опеки крестьянское самоуправленіе само собою приблизится къ земству, и останется только желать, чтобы само земство испытало измѣненіе, въ смыслѣ усиленія въ немъ крестьянскаго элемента. На словахъ либеральныхъ людей очень много, но какъ только затрогиваются личные интересы, такъ либерализмъ этотъ часто пропадаетъ. За примѣрами далеко ходить нечего: ужь, кажется, какой либеральный человѣкъ г. Кошелевъ!? Онъ стоитъ и за общину, и за необходимость

оказать мужику кредитъ для увеличенія его надѣла, онъ требуетъ, чтобы крестьянскіе гроши, собираемые земствомъ, не тратились на вѣтеръ, онъ желаетъ распространенія образованія въ массѣ, — и тѣмъ не менѣе, этотъ самый г. Кошелевъ, при обсужденіи вопроса объ обязательномъ выкупѣ земельныхъ надѣловъ временно-обязанными крестьянами, не постыдился сказать такую вещь: «несправедливо бы теперь—закономъ—лишать помѣщиковъ той пятой части, которая закономъ же признана была имъ слѣдующею. Это было бы несправедливо еще потому, что цѣны на землю вообще значительно поднялись и что не поступившія еще въ выкупъ земли стоятъ по большей части болѣе, и много болѣе выкупныхъ суммъ, опредѣленныхъ Положеніемъ 1861 года... Несправедливо бы также теперь навязывать крестьянамъ излишніе платежи или заставлять ихъ платить за земли дороже, чѣмъ что они дѣйствительно стоятъ. А потому... помѣщикамъ выдать сполна 5% билетами суммъ, слѣдующія имъ, на основаніи Положенія 1861 года; крестьянъ, поступающихъ въ разрядъ собственниковъ, обязать уплачивать выкупные платежи не свыше нынѣ платимыхъ ими оброковъ; излишки между выкупными суммами, установленными Положеніемъ 1861 года, и нынѣшнею, по оцѣнкѣ нынѣшею оцѣниться, дѣйствительною стоимостью, принять на счетъ казны. Думаемъ, что наши предположенія и законны, и справедливы...» Г. Кошелевъ не хочетъ возлагать на мужика уплату пятой части выкупной ссуды, не хочетъ обременять его и возвышенными платежами по нынѣшней болѣе высокой стоимости выкупаемой имъ земли; но въ то же время не хочетъ обижать и помѣщика, лишая его пятой части выкупной ссуды—что было бы даже (по его мнѣнію) незаконно — и заставляя его уступить мужику въ собственность землю по оцѣнкѣ ниже настоящей ея стоимости. И вотъ онъ находитъ «законный» и «справедливый» исходъ,—заставивъ уплатить и пятую часть выкупной суммы, и разницу между прежнею оцѣнкою и нынѣшнею стоимостью—казну! Но, да позволено спросить г. Кошелева: казна-то откуда возьметъ средства на такую уплату? Вѣдь, изъ кармана того же мужика,—такъ какое же облегченіе будетъ для мужика, если съ него будутъ брать больше не прямо на усиленіе платежей по выкупу крестьянскихъ земель, а на усиленіе государственныхъ средствъ вообще—усиленіе, вызванное усиленіемъ такихъ плато-

«Устол.» № 3, отд. II:

жсй. Это—во-первыхъ. А во-вторыхъ, какую-такую законность изобрѣлъ г. Кошелевъ, когда въ Положеніи 1861 года прямо говорится, что при обязательномъ выкупѣ помѣщикъ лишается права на требованіе отъ крестьянъ уплаты дополнительной одной пятой части выкупной суммы? Наконецъ, отчего г. Кошелевъ такъ заботится только о помѣщикахъ? Вѣдь, тутъ уже явная несправедливость: эти помѣщики уже двадцать лѣтъ пользовались оброкомъ съ своихъ временно-обязанныхъ крестьянъ и теперь имъ предстоитъ еще втеченіи сорока девяти лѣтъ пользоваться получениемъ % по выкупнымъ свидѣтельствамъ, даже еще по возвышенной оцѣнкѣ земли; а между тѣмъ помѣщики, у которыхъ уже прекращены временно-обязанныя отношенія къ крестьянамъ, являются совершенно обиженными въ сравненіи съ первыми. Такъ отчего же г. Кошелевъ заодно не предложитъ и ихъ удовлетворить также на счетъ казни?..

А г. Кошелевъ, между тѣмъ, несомнѣнно одинъ изъ либеральныхъ земскихъ дѣятелей. Вотъ почему мы и думаемъ, на основаніи всего вышесказаннаго, что толки о надзорѣ за крестьянскимъ самоуправленіемъ составляютъ предрасудокъ и не приведутъ къ желательнымъ результатамъ, даже въ томъ случаѣ, если бы надзоръ этотъ былъ ввѣренъ гг. либераламъ. Но если успѣвие надзора не поведетъ ни къ чему путному, такъ что же можетъ вывести самоуправленіе пародной массы на вѣрный путь? Да то же, что можетъ вывести на этотъ путь и самоуправленіе земства, т. е. прежде всего устраненіе экономической зависимости мужика отъ капитала, путемъ улучшенія его матеріальнаго быта, а во-вторыхъ, освобожденіе его и его самоуправления отъ всякаго полицейскаго надзора, будетъ ли этотъ надзоръ исходить отъ администраціи или отъ земства. Мужикъ прежде всего долженъ быть самостоятеленъ и не зависѣть ни отъ кого, вслѣдствіе своей бѣдности; только тогда можно ожидать, что онъ будетъ выбирать людей, дѣйствительно стоящихъ за него; равнымъ образомъ, и выбранныя имъ лица только тогда будутъ стоять на высотѣ своего призванія, когда будутъ отвѣтственными только передъ своими избирателями и не будутъ находиться въ зависимости отъ полиціи, земства и землевладѣльцевъ. Вотъ тѣ двѣ основныя задачи, которыя помогутъ крестьянскому самоуправленію стать твердо на ноги. Иначе мы будемъ постоянно созерцать безобразныя явленія въ жизни народной массы.

СНѢГОВЫЯ ВЕРШИНЫ АЛЬПЪ.

(Лоринъ. Романъ графа П. А. Валюва. Въ 2-хъ частяхъ. Спб. 1862).

Ночной эфиръ
Струить эфиръ,
Шумить, бѣжить
Гадалкавиръ.

I.

Если бы дана пріятная во всѣхъ отношеніяхъ умѣла (а впрочемъ, зачѣмъ умѣнье? Лишь бы грамотѣ знать. А, впрочемъ, зачѣмъ грамотѣ знать? Лишь бы смѣлымъ духомъ обладать) писать романы, она подарила бы насъ въ настоящее время художественнымъ произведеніемъ, которое пролило бы бальзамъ въ наши измученныя и израненныя сердца. Г. Евгений Марковъ, какъ извѣстно, усердно старался разрѣшить эту задачу, но ничего не разрѣшилъ, никого не умиротворилъ, а, наоборотъ, подъ конецъ и самъ разошелся и принялся ругаться направо и налево — преимущественно налево, конечно. Это очень жалко. Въ самомъ дѣлѣ, не все намъ слезы горькія лить о бѣдствіяхъ существенныхъ, карать бѣдность и несовершенство нашей жизни, разбираться въ своихъ сомнѣніяхъ и опасеніяхъ — необходимъ отдыхъ, хотя бы кратковременный. Если кругомъ себя вы только и слышите рѣзкіе крики, что «стаканъ волеетъ», вамъ пріятно повстрѣчаться съ чело-вѣкомъ, который со скромностію говорить что «стаканъ дурно ведетъ себя». Если вы постоянно видите людей, которые «сморкаются» и, съ позволенія сказать, иногда даже непосредственно пальцами, вы не безъ отрады остановите свой взглядъ на чело-

вѣкъ, который благоприлично «обходится посредствомъ платка». Г. Гончаровъ съ гениальною проникательностью, еще года 3 или 4 назадъ, предусмотрѣлъ появленіе въ нашей литературѣ пріятныхъ во всѣхъ отношеніяхъ дамъ и характеризовалъ ихъ произведенія такимъ лестнымъ образомъ: «герои» (этихъ произведеній) представители принциповъ чести, человѣческаго достоинства и высокой степени умственного и моральнаго развитія — до внѣшней выработки включительно, до умѣнья выразить въ каждомъ шагѣ и словѣ уваженіе къ себѣ и другимъ, до изящныхъ, простыхъ и естественныхъ манеръ, до языка и всѣхъ формъ общенія. Это была чистая сфера джентльменовъ, салонъ жизни, гдѣ скорби и радости, заботы, труды и удовольствія, мысли, знанія, искусства, даже самыя страсти подчинялись строгому регулятору традиціонной школы вершинъ жизни, доступной въ европейскихъ обществахъ ограниченному меньшинству. Ничего вульгарнаго, никакой черновой, будничной стороны людскаго быта не входило въ рамки этой жизни, гдѣ все было очищено, убрано, освящено и украшено, какъ въ свѣтлыхъ и изящныхъ залахъ богатаго дома. Прихожія, кухни, дворъ, со всею внѣшнею естественностью, — ничего этого не проникало сюда; сіяли одни ясные верхи жизни, какъ снѣговья вершины Альпъ».

Любопытно въ высшей степени. Въ то время, какъ всѣ мы, лукаво мудрствуя, бьемся надъ разрѣшеніемъ разныхъ «проклятыхъ вопросовъ», ищемъ идеаловъ, оказывается, что идеалы у насъ можно сказать подъ бокомъ, такъ что и трудиться намъ не зачѣмъ и волноваться не отъ чего, а остается только благоговѣть, да, по силѣ возможности, подражать и копировать. Все рѣшено — болѣе того — все осуществлено и олицетворено, «Куда идти, къ чему стремиться, гдѣ силы юныя пытатъ?» спрашивалъ поэтъ и, разумѣется, совершенно праздно спрашивалъ. Куда идти? Туда, безъ сомнѣнія, гдѣ сверкаютъ своей бѣлизной «снѣговья вершины Альпъ» Къ чему стремиться? Къ тому, разумѣется, чтобы отблескомъ этихъ вершинъ озарить сколько нибудь и свою собственную бѣдную личность. Гдѣ пытатъ силы? Въ усердѣйшемъ подражаніи этимъ «представителемъ чести, человѣческаго достоинства и высокой степени умственного и моральнаго развитія». Нѣтъ другой, болѣе высокой и достойной человѣка задачи, которая къ тому же имѣетъ еще то удобство, что нисколько, въ сущности,

не замисловата. Вотъ графъ А., вотъ князь В., вотъ баронъ С., вотъ тайные совѣтники Дыба и Удавъ. Старайтесь возвыситься до ихъ идей, проникнитесь чувствами, подражайте самой внѣшности ихъ, въ этомъ нравственный долгъ вашъ. Это люди высшаго порядка. Это носители и хранители всѣхъ нравственныхъ доблестей, до какихъ только можетъ возвыситься человѣкъ. Вамъ, разnochицу, никогда конечно не проникнуть въ эту чистую сферу джентльменовъ, но вы обязаны передъ своимъ собственнымъ человѣческимъ достоинствомъ въ тѣсномъ кругу своей жизни и дѣятельности руководиться тѣми же принципами, которые вдохновляютъ и этихъ людей, дѣлающихъ честь человѣчеству. Вы должны вести въ свои отношенія къ людямъ ту же строгость къ себѣ и снисходительность къ другимъ, тоже прямоту, тоже рыцарственность, сдержанность, самообладаніе, всѣ тѣ качества, которыя пока составляютъ привилегію, по свидѣтельству г. Гончарова, которому и книги въ руки, «ограниченнаго меньшинства». Г. Гончаровъ не преувеличиваетъ, не папегрики слагаетъ, а чистую правду говоритъ. Есть историческія свидѣтельства. Джентльменъ между джентльменами, князь Меттернихъ напр. довелъ свое подчиненіе «строгому регулятору традиціонной школы» даже до того, что Наполеонъ сказалъ о немъ одному изъ своихъ маршаловъ: «если бы я далъ ему въ задъ пинка, ты не подмѣтилъ бы въ его сладчайшей фізіономіи никакой перемѣны». Такой то высоты можетъ достигать въ избранныхъ «умѣнье выразить въ каждомъ шагѣ и словѣ уваженіе къ себѣ и другимъ»!

Въ виду всего этого, трудно найти достаточно горькія слова, чтобы какъ слѣдуетъ выразить порицаніе нашей плебейской литературѣ, которая носится съ своимъ «мужикомъ». Графъ Валувъ въ своемъ замѣчательномъ романѣ (говоримъ пока только эпизодически, а не по существу дѣла), устами нѣкоторыхъ изъ своихъ персонажей, преподаетъ нашей жалкой литературѣ хорошій нравственно—эстетическій урокъ, который, будемъ надѣяться, не пропадетъ для нея задаромъ. Описывается великосвѣтскій раутъ, «на которомъ, между прочимъ, происходитъ такой поучительный» діалогъ:

— Посмотрите, сказалъ князь, на прекрасную графиню Тавскую, тамъ у колонны, и на моего толстаго офиціанта, который

ей подаетъ мороженное. — Что долженъ живописать художникъ, графиню, или официанта?

— Можно написать обоихъ вмѣстѣ, сказалъ Соболинъ.

— Да, — но на комъ сосредоточить свѣтъ?

— Вопросъ въ сосредоточеніи не только свѣта, но и мысли. Современный живописецъ можетъ ихъ сосредоточить и на официантѣ.

— Какую же мысль можно на немъ сосредоточить? спросилъ князь.

— Двѣ, — сказалъ Соболинъ: первая, — что ему не слѣдуетъ быть официантомъ; и вторая, — на дальнемъ планѣ, — что графиня могла бы подавать мороженное официанту... (I. 133)

Думаемъ, что даже наша толстокожая литература почувствуетъ силу этого удара. Какое очаровательное соединеніе глубокомыслия философа съ тонкой и ядовитой ироніей юмориста, выразившейся въ послѣднихъ словахъ г. Соболина! Но не въ томъ дѣло, а въ томъ, что въ своемъ непобѣдимомъ стремленіи къ вульгарному, къ официанту и мужику, наша литература погрѣшаетъ не только противъ эстетическихъ, но и противъ нравственныхъ принциповъ. Дѣйствительно, графиня Танская не только «прекрасна», а потому можетъ служить сюжетомъ для художника, она — и это всего важнѣе — высоко нравственна, глубоко умна и широко образована и потому должна служить однимъ изъ главнѣйшихъ предметовъ искусства. Въ чемъ задача искусства? Въ служеніи нравственному идеалу. Что такое графиня Танская? Олицетвореніе нравственного идеала. Выводъ очевиденъ: искусство, не желающее унижить себя до степени того «современнаго реализма», противъ котораго графъ Валувевъ, вспомоществуемый гг. Гончаровымъ и Евг. Марковымъ, вооружается всею силою своего сарказма и своей діалектики, однимъ словомъ истинное искусство обязательно должно «сосредоточить свѣтъ» не на комъ другомъ, какъ именно на прекрасной графинѣ Танской. Тутъ не только красота, тутъ истина.

Теперь, что такое «официантъ» или, говоря общее, «музыкѣ»? Съ эстетической точки зрѣнія говорить объ этомъ было бы напрасно: орреръ и больше ничего. Безъ сомнѣнія, есть наслажденіе и въ дикости лѣсовъ и есть гармонія въ семь говорѣ валовъ, можно найти своего рода поэзію и въ мужицкомъ заплѣ, но мы г. е. графъ П. А. Валувевъ, П. А. Гончаровъ, г. Марковъ и я — мы,

говору, не понимаемъ этого идеализированья предметовъ низкихъ и недостойныхъ. Но что такое «мужикъ» въ моральномъ и умственномъ отношеніи? Странно было бы задаваться этимъ вопросомъ серьезно: существо низшее, конечно, которому недоступны ни тонкость мысли умовъ развитыхъ, ни изящность и чистота чувствъ натуръ облагороженныхъ и просвѣтленныхъ. Мы должны позаботиться о благосостояніи этого существа, но сосредоточивать на немъ «свѣтъ», «мысль»,—значить профанировать достоинство искусства. «Прекрасное должно быть величаво»—это давно уже сказано, но жалкое порожденіе извращенной мысли, именуемое русской литературой, не хочетъ или не можетъ понять этого и, какъ остроумно замѣтилъ г. Соболинъ (тоже, помнится и Удавъ говорилъ) только и дѣлаетъ, что занимается вопросами—почему мужикъ долженъ, во-первыхъ, заработать, а, во-вторыхъ, съ поклономъ подать прелестной графинѣ Танской ея порцію мороженого?

Графъ П. А. Валуевъ, съ мужествомъ и благородною прямою, отличающими всѣ вообще крупные таланты и умы, сбросилъ съ себя иго литературныхъ традицій нашихъ и направился своимъ самостоятельнымъ путемъ. Правда, этотъ путь не новъ. «Коленико-ровыхъ манишекъ безпощадные ювеналы» никогда не переводились въ нашей журналистикѣ, но если не нова задача, новы тѣ приемы, съ какими нашъ талантливый авторъ подходитъ къ ея рѣшенію. Онъ даетъ намъ романъ, въ рамки котораго буквально не входитъ «ничего вульгарнаго, никакой черновой, будничной стороны людскаго быта». Прежніе наши трубадуры великосвѣтской жизни—это постоянно чувствовалось при чтеніи ихъ произведеній—никакъ не могла содречь съ себя ветхаго челоуѣка. Сокрушительный вопросъ Санчо-Пансы—«на какія деньги благородные рыцари путешествовать изволятъ»? повидимому представлялся имъ не лишнимъ въ некотораго основанія, и это сбывало, путало ихъ, лишало ихъ необходимаго апломба. Не то ми видимъ у графа Валуева. «Черновая, будничная» сторона жизни играетъ въ его романѣ служебную роль аксессуара, роль какъ разъ того «толстаго офиціанта», который подавалъ графинѣ Танской мороженное. Передъ читателемъ развертывается широкое «полотно» (говоря любимымъ выраженіемъ г. Гончарова), на которомъ искусною кистью изображены глазки и лапки, то бишь образы и картины. образы одни

другаго прекраснѣе, чище, возвышеннѣе, идеальнѣе. Въ произведеніи графа П. А. Валюева мы находимъ синтезъ такъ называемаго реализма и такъ называемаго идеализма. Авторъ-реалистъ, потому что списываетъ съ природы, держится природы, не подкрашивая и не смягчая ее. Но авторъ въ тоже время и—идеалистъ, потому что идеальна и, какъ кристалъ, какъ «снѣговныя вершины Альпъ», чиста и прозрачна изображаемая имъ жизнь.—«Боже мой, восклицаетъ взволнованный и смущенный читатель романа графа Валюева, сколько красоты таится въ жизни, какіе люди, какіе умы и сердца скрываются въ тѣхъ сферахъ, которыя мы по вѣрному инстинкту называемъ «высшими». И это впечатлѣніе не только отрадно, но и благотворно: оно не только примиряетъ васъ съ жизнью, которую оклеветали близорукіе или злонамѣренные люди, оно возвышаетъ и ободряетъ васъ. Вы видите, какой нравственной чистоты могутъ достигать люди, при условіи нѣкотораго (благодаря «офиціантамъ») досуга, и въ свою очередь подвигаетесь на великое дѣло непрестаннаго самосовершенствованія, самокультуриванія, такъ сказать.

Графъ П. А. Валюевъ даетъ намъ не только образцы ума и нравственности, (о которыхъ скажемъ подробнѣе дальше) онъ снисходитъ до преподаванія намъ наставленій относительно даже той «внѣшней выработки, до языка включительно», которую воспринималъ Г. Гончаровъ. Прочитавши романъ графа, наши писатели должны будутъ сознаться, что они не умѣютъ писать, а читатели, что они не умѣютъ говорить. Кто бы могъ подумать, что можно выразаться по русски напр. такимъ образомъ: «прозрачная блѣдность водворилась на лицѣ», (I, 20) «полковникъ сдѣлалъ комплиментарное движеніе» (I, 32), «вы стали такъ исключительны, что васъ нигдѣ не встрѣтишь» (I, 38), «не отъ злыхъ языковъ зависятъ для меня солнечные дни» (I 49), «его встревожило ущемленіе сердца» (I, 54), «онъ сохранилъ опредѣлительность движеній молодости» (I, 57), «я не демонстративнаго десятка» (I, 109). «говорилъ совершенно свободно, проводя съ памяти нѣкоторые примѣры» (I, 383) «гдѣ вы бы ни были, мнѣ вы присущи» (II, 32), «я любопытна его увидѣть» (II, 78), «сказалъ поблѣднѣвшій отъ осерчанія» (II, 149), «я не могу вліять на то, чтобы дорога была проѣздиною.... содержаніе мельницы подпоромъ воды заболачиваетъ мнѣ часть лѣсной дачи» (II, 186), «отблескъ доб-

рнхъ ума и сердца» (I, 20), И такъ далѣе, и такъ далѣе. Такъ вотъ какъ надо писать! Въ качествѣ понятливаго ученика, мы довольно быстро усвоили себѣ оригинальный стиль автора и можемъ теперь представить читателю напр. такую рецензію о романѣ: «Мы были очень любопытны прочесть новое произведеніе графа П. А. Валуева и теперь, прочитавши его, должны сдѣлать автору комплиментарное движеніе. Мы не демонстративнаго десятка, но ущемленіе сердца, съ которымъ мы читали романъ, живо говорить въ его пользу. Нѣкоторыя страницы произвели на насъ сильнѣйшее впечатлѣніе и успѣхъ ихъ обезпеченъ: не отъ злыхъ языковъ зависятъ они. Мы то блѣднѣли отъ осерчанія, то, наоборотъ, налицѣ нашемъ водворялась пурпуровая краска; вообще же, гдѣ бы вы ни развернули романъ, талантъ автора вамъ будетъ присущъ. Мы нашли не болѣе двухъ-трехъ страницъ (съ памяти указать ихъ не можемъ) недостаточно проѣздныхъ, нѣсколько заболоченныхъ подпорокъ излишняго краснорѣчія. Въ общемъ, романъ несомнѣнно носитъ отблескъ добрыхъ ума и сердца уважаемаго автора». Это была бы рецензія, если не на русскомъ, то на великосвѣтскомъ языкѣ. Сначала мы имѣли было дерзость подумать, что графъ Валуевъ выражается такимъ образомъ потому же, почему тургеневскіе генералы говорятъ «эфта» и «энта», т. е. потому, что считаетъ себя такъ сказать выше грамматики. Это предположеніе казалось тѣмъ правдоподобнѣе, что такіе учебники какъ «большое и малое Пепино свиство» (см. «Письма къ тетенькѣ»), конечно, особаго уваженія къ наукѣ воспитать не въ состояніи. Но мы должны были взять назадъ это объясненіе, въ виду того, что всѣ эти «комплиментарныя движенія», «проѣздности» и пр. являются не въ видѣ исключенія, а въ видѣ правила и не одинъ, а всѣ персонажи графа Валуева говорятъ этимъ оригинальнымъ языкомъ, съ одной стороны пересыпаннымъ французскими, а съ другой какъ бы канцелярскими фразами. Нѣкая княгиня Круглова ораторствуетъ напр.: «— Да, милая княгиня, балъ точно былъ съ событіемъ, впрочемъ съ событіемъ неожиданнымъ только по формѣ и мѣсту, а не по существу. Рано или поздно, и скорѣе рано чѣмъ поздно, піеса должна была имѣть развязку» (I, 75). Кто бы могъ думать, что «неземныя» созданія большого свѣта выражаются на жаргонѣ обстоятельныхъ столоначальниковъ изъ бурсы.

Отъ формы пора перейти къ содержанію романа. Содержаніе это очень немногосложно. Герой романа, конногвардейскій офицеръ, Михаилъ Николаевичъ Лоринъ, влюбленъ въ графиню Искрицкую, которая «была однимъ изъ блистательныхъ явленій въ четвербургскомъ великосвѣтскомъ мірѣ» (I, 35). Въ блистательности Лоринъ не уступаетъ графинѣ ни на волосъ, за что и пользуется ея взаимностью. Къ сожалѣнію, счастье ихъ омрачается «злѣдемъ» романа, страшнымъ, но за то же и единственнымъ злѣдемъ во всей этой многочисленной толпѣ возвышеннѣйшихъ и чистѣйшихъ людей. нѣкимъ княземъ Чекаловымъ, у котораго «глаза имѣли два различныхъ взгляда» (I, 34) Благодаря интригамъ и наговорамъ этого Чекалова, въ графинѣ Искрицкой пробуждается люта я ревность и она уѣзжаетъ за границу, ради испытанія Лорина. Лоринъ, разумѣется, оказывается на высотѣ положенія: выходитъ въ отставку и летитъ вслѣдъ за графиней, которая встрѣчаетъ его съ распростертыми объятіями. Начинается на свободѣ сугубое любовное воркованіе; при которомъ читатель обязательно присутствуетъ. Воркованье продолжается что то ужасно долго, страницъ 150, по крайней мѣрѣ, и внезапно оканчивается такимъ неожиданнымъ образомъ: «шорохъ дамскаго платья послышался въ корридорѣ. Шорохъ затихъ. Промчалось нѣсколько мгновеній. Послышался глухой взрыдъ,—потомъ удаляющійся шорохъ платья—и все смолкло» (I, 458). Это, видите ли, графиня додумалась какими то непостижимыми путями, что ей необходимо разстаться съ Лориннымъ, и она бѣжитъ отъ него потихоньку, хотя и со «взрыдамъ». Лоринъ не меньше читателя изумленъ этимъ бѣгствомъ, но такъ какъ къ этому времени денежныя дѣла его поразстроились, то для поправленія ихъ, онъ поступаетъ на гражданскую службу и оправляется въ Уфимскую, то бишь въ Краснозерскую губернію «состоять» и «числиться».

Скоро сказка сказывается да не скоро дѣло дѣлается. Мы передали читателю фабулу первой и большей части романа, фабулу, какъ видите, неновую и незамысловатую, по что съумѣлъ сдѣлать изъ этого неблагодарнаго матерьяла графъ Валуевъ! Онъ любилъ ее, она любила его—казалось бы тутъ и толковать много не о чемъ и не зачѣмъ, а между тѣмъ посмотрите, какіе дивные узоры, амурны и пукеты вышилъ графъ Валуевъ на этой простой канвѣ! Шопоть, робкое дыханье, трели соловья, рѣчи то страст-

ныя, то кротко-нѣжныя, тончайшія чувства, отличившія идея, благороднѣйшіе порывы, ночной зефиръ струитъ эфиръ, глубина психологическаго анализа сверхъестественная, шумптъ, бѣжитъ Гвадалквивиръ. Лично меня пуще всего плѣняетъ психологія, какъ авторская, такъ и та, которую разводятъ персонажи. Такъ напр., несравненная графиня Искрицкая философствуетъ въ своемъ дневникѣ: «что же жизнь, — если не привязанность къ чему-нибудь, не связь себя съ чѣмъ-нибудь, не отданіе себя чему-нибудь? — Но кто-нибудь всегда опредѣленнѣе, всегда можетъ имѣть надъ вами болѣе власти, чѣмъ что-нибудь. Въ разнообразномъ составѣ дня, въ цѣлой вереницѣ дней, намъ нужна единящая и связующая нить. Нужно господствующее чувство. Оно источникъ господствующей мысли. Прочія чувства и мысли пмъ какъ будто подчиняются, или отъ нихъ проттекаютъ. Если мы думаемъ о «вчера», думаемъ о «завтра», — ожидаемъ сегодня, — и думаемъ, ждемъ, желаемъ, такъ сказать интенсивно, искренно, цѣльно, всѣмъ существомъ нашимъ, — то подъ влияніемъ того чувства и той мысли. То чувство стоитъ, какъ свѣтило, надъ всѣмъ прочимъ и при его свѣтѣ все прочее принимаетъ опредѣленные образы. — Конечно, обиденныя частности»... и пр. и пр. (II, 264). Видите, какое глубокомысліе! Выше мы замѣтили, что графъ Валугевъ представляетъ счастливое соединеніе реализма и идеализма; тоже можно сказать и о его персонажахъ, въ томъ числѣ и о графинѣ Искрицкой. Если разобраться въ туманныхъ фразахъ приведеннаго отрывка, мы откроемъ въ нихъ ни больше, ни меньше какъ апологію любви. Умирающая женщина (графиня Искрицкая писала это передъ своею смертію), усленно мечтающая или съ причмокиваніемъ губъ вспоминающая объ «отданіи себя кому-нибудь» — это тема достойная самого Зола. Но, съ другой стороны, это причмокиванье выражено такъ эфирно, зефирно и гвадалквивирно, что производитъ на читателя не тяжелое, а, напротивъ, самое розовое «идеальное» впечатлѣніе. Тутъ именно и обнаруживается вся сила художественнаго таланта графа П. А. Валугева. Грубый реалистъ, въ родѣ какого-нибудь Зола, представилъ бы этотъ эпизодъ въ такомъ обнаженномъ видѣ, что читатель непремѣнно бы вознегодовалъ на графиню. Господи, сказалъ бы онъ, что это за непутевая бабенка такая! На ладонь, шкура этакая, дышетъ, а все угомониться не можетъ, все «кого-нибудь» себѣ требуетъ! Завзятый идеалистъ

заставилъ бы графиню посвятить свои послѣднія мысли цвѣточкамъ («отцвѣли, отцвѣли!»), птичкамъ («улетѣли, улетѣли!»), наполнилъ бы, словомъ, читателя потокомъ и дѣло было бы въ шляпѣ. Графъ Валуевъ выше такихъ приемовъ: «по существу» (говоря его любимымъ словомъ), онъ даетъ намъ чистую, совершенно реальную правду; но облачаетъ эту правду въ такую форму, что «снѣговныя вершины Альпъ» сохраняютъ всю свою пречистую и пренепорочную бѣлизну.

Графиня Искрицкая умерла, приличнѣе сказать—«угасла», но романъ съ ея смертью не заканчивается. Дѣло въ томъ, что Лоринъ давно уже разлюбилъ несравненную графиню, полюбилъ нѣкую Ольгу Соболину (это уже прямо ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать) и если продолжалъ совершать съ графиней, по выраженію Ионы Циника, пантомимъ любви, то исключительно по чувству долга.

Да, долг! Лоринъ, отправляясь вслѣдъ за графиней за границу, подъ сѣнь струй, «принесъ жертву, но кому?—графинѣ, а не своей любви къ ней. Онъ сознавалъ, что исполнилъ долгъ; но развѣ простое и непринужденное повиновеніе увлеченіямъ сердца сопровождается такимъ (т. е. неприятнымъ) сознаниемъ? Онъ чувствовалъ, что исполнилъ долгъ чести, совѣсти, тешлаго, даже горячаго участія, быть можетъ долгъ благодарности; но онъ исполнилъ его потому, что долженъ былъ исполнить, а не потому, чтобы для него самаго, для того, что онъ лично могъ бы назвать счастьемъ, исполненіе этого долга было прямою и повелительною необходимостью» (I, 54). Гвадалквивирность этихъ понятій о чести и совѣсти далеко переходитъ ту границу, до которой плебей-читатель еще можетъ кое-какъ слѣдовать за авторомъ. Любить ея не любя—это по нашимъ грубымъ понятіямъ просто проституція, а по утонченнымъ понятіямъ Лорина это—«долгъ чести, совѣсти». По нашему, по плебейскому, каждый подѣлуи, который мы даемъ нелюбимой женщинѣ, унижаетъ ее до уровня самки, ну, а по ихнему, по лорински, это только «исполненіе долга», «повелительная необходимость». Между тѣмъ, по свидѣтельству автора, «Лоринъ хотя и былъ молодъ, но зрѣлость ума и характера въ немъ опередили лѣта», и, кромѣ того, «Лоринъ привыкъ къ внутреннему анализу. Правдивый съ другими, онъ и съ самимъ собою былъ искрененъ. Когда обстоятельства побуждали его ближе всматриваться въ мо-

твы своихъ намѣреній или поступковъ, онъ давалъ себѣ въ нихъ точный отчетъ» (I, 53). Не удивительное ли дѣло, читатель? «Зрѣлость ума» и въ тоже время неспособность обсудить элементарнѣйшій нравственный вопросъ! «Правдивость и искренность» и въ тоже время полная готовность сколько угодно лгать и лицедрать передъ любящей женщиной! Привычка къ «внутреннему анализу» и жалкое, истинно ребяческое неумѣнье разобраться въ собственныхъ чувствахъ! Авторъ говоритъ, что Лоринъ всегда руководствовался такимъ принципомъ, «что если дѣло касается нашихъ отношеній къ другимъ и нашихъ обязанностей вообще, то въ случаѣ сомнѣнія, намъ всегда слѣдуетъ предпочитать то, что намъ кажется непріятнымъ и труднымъ, тому, что намъ представляется удобнымъ или пріятнымъ». Принципъ удивительный, принципъ какого-то средневѣковаго полоумнаго аскетизма, но онъ даетъ намъ единственное средство, чтобы сколько нибудь облить Лорина въ нравственномъ отношеніи. Въ самомъ дѣлѣ, представьте себѣ честнаго и искреннаго человѣка, усвоившаго себѣ крѣпко на крѣпко какой нибудь античеловѣчвый или бессмысленный принципъ, которымъ онъ неизмѣнно руководствуется: онъ фатально будетъ въ одно и тоже время и мучителемъ и мученикомъ, но мучителемъ невидяемымъ и мученикомъ безъ заслуги. Положимъ, я проникся идеей спасительности страданія (принципъ Лорина близко подходитъ къ этой идеѣ): мучить себя и другихъ явится для меня нравственной обязанностью, потому что, по моей логикѣ, мучить и мучиться, значить спасать и спасаться. И что же вы съ меня возьмете на судъ чистой нравственности? Вы можете опасаться за состояніе моихъ умственныхъ способностей, можете разсматривать меня, какъ человѣка психически больного, можете требовать для меня горячечной рубашки, но вы не въ правѣ осудить меня нравственно. Такимъ образомъ, Лорина оправдать не трудно. Но тогда въ его характеристикѣ, сдѣланной авторомъ, оставивши «правдивость и искренность» въ неприкосновенности, надо будетъ рѣшительно вычеркнуть «зрѣлость ума».

Романъ заканчивается законнымъ и благополучнымъ бракомъ Лорина съ Ольгой Соболиной, которая, по своимъ совершенствамъ, является какимъ-то Монбланомъ, среди окружающихъ ее «снѣговыхъ вершинъ Альпъ». Распространяться о ней мы однакоже не

станемъ, какъ не станемъ говорить и о другихъ персонажахъ романа, хотя бы уже потому, что за единственнымъ исключеніемъ «злодѣя» князя Чекалова, обладавшаго двумя различными взглядами, всѣ они удивительно походятъ другъ на друга. Разница между ними такъ сказать количественная, а не качественная: у одного только миллионъ достоинствъ, у другого цѣлѣхъ полтора, а у третьяго и всѣ два. Но мы должны, во избѣжаніе упрека въ голословности, дать читателю документальныя подтвержденія тѣхъ высокыхъ достоинствъ, которыя мы усматриваемъ въ романѣ. «Лоринъ» не только романъ, но и лирическая поэма, не только лирическая поэма, но и психическій этюдъ, не только психическій этюдъ, но и философско-публицистическій трактатъ. Моря ковшомъ не вычерпать и мы не претендуемъ ознакомить читателя со всѣми красотами романа, но кое-что дать попытаемся, хотя у насъ и разбѣгаются глаза, какъ у щеголихи въ ювелирномъ магазинѣ. Буду приводить выписки безъ комментариевъ, хотя бы г. Буренинъ и опять грянулъ: «какой онъ трусъ! какой онъ презрѣнный трусъ!» Трусъ или не трусъ, а что вѣскольکو притруживаю—это вѣрно. Только какое же мое въ этомъ безчестье? Вѣрнѣе, мнѣ-ли въ этомъ безчестье? Итакъ, читатель, извольте волучать. Вопервыхъ, по части лирической психологій или психологической лирики—не знаю, какъ сказать точнѣе...

«Въ человѣческомъ сердцѣ есть изгнбм, которые иногда внезапно освѣщаются неожиданнымъ свѣтомъ. Есть чувства, которыхъ истинное значеніе и сила остаются не вполне извѣданными, пока они крутымъ опытомъ не проверены. Есть чувства, по которымъ опытъ скользитъ, какъ стекло по алмазу; и есть другія чувства, которыя опытъ надрѣзываетъ, какъ алмазь, въ рукахъ стекольщика, надрѣзываетъ стекло. Что есть опытъ? Совокупность всего ожидаваго и всего нечаяннаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ, въ отдельности, всякая нечаянность и всякое явленіе нами ожидаемое или предусмотрѣнное, всякое затрудненіе, всякое успіе, всякій успѣхъ, всякое достиженіе предпоставленной цѣли, всякое новое ощущеніе, радостное или печальное, всѣ длинныя ряды повторяющихся съ разными оттѣнками прежнихъ впечатлѣній, однимъ словомъ, всякое сопркосновеніе нашихъ чувствъ, нашей мысли и нашей воли съ внѣшнимъ міромъ и съ внутреннимъ міромъ нашей духовной природы. Опытъ, какъ воздухъ, насъ обнимаетъ со всѣхъ

сторонѣ; онъ сопровождаетъ насъ на каждомъ шагѣ; онъ иногда проливаетъ медленный свѣтъ на нашу внутреннюю жизнь, иногда озаряетъ ее какъ молнія; иногда незамѣтно вкрадывается въ наше сознание; иногда вдругъ становится передъ нами и говоритъ: я—опытъ; взгляните въ себя и дайте отвѣтъ» (I, 52).

Это одно изъ сильнѣйшихъ мѣстъ въ романѣ, въ дальнѣйшемъ теченіи котораго читатель встрѣчаетъ по части психологическаго анализа только афоризмы, болѣе или менѣе глубокомысленные. Напр.: «Въ жизни свѣтской женщины могутъ быть минуты, когда не одно суетное тщеславіе приковываетъ ея взоры къ тому образу, который зеркало воспроизводитъ передъ нею. Ее не тѣшатъ минутный нарядъ, и не плѣняетъ мысль о мимолетномъ свѣтскомъ успѣхѣ. Она въ своихъ чертахъ видитъ передъ собою вопросъ, который глубже волнуетъ ея мысли и чувства, и самъ по себѣ есть и мысль и чувство» (II, 123). Или еще: «Бываютъ минуты, когда присутствіе заявляетъ только себя нашему сознанию, но въ него не проникаетъ». Здѣсь кстати будетъ упомянуть еще объ одномъ качествѣ нашего романиста, именно о его обстоятельности, который мы такъ удивлялись въ нѣкоторыхъ французскихъ писателяхъ (въ Гонкурахъ, напр.). Нашему автору ровно ничего не стоитъ съ высочайшихъ вершинъ философской мысли перейти къ детальному описанію предметовъ не весьма перво-степенной важности. Такимъ образомъ, читатель, узнавши, что «есть чувства, которыя» и пр., «могутъ быть минуты» и «бываютъ минуты», поучается, что «могутъ быть» и дѣйствительно «бываютъ» и «бальная платья различныя». «Отъ настоящаго вѣрнаго платья, при длинномъ шлейфѣ, едва замѣтныхъ рукавахъ, цвѣтахъ на головѣ и бѣломъ атласѣ на ногахъ, далеко до высокаго платья въ обыкновенномъ смыслѣ слова. Есть полу-вѣрки, прямоугольныя, какъ на нѣкоторыхъ портретахъ Рубенса и Ванъ-Дейка, и заостренныя однимъ угломъ, болѣе или менѣе низко спущенныя. Есть прозрачныя лифы, рукава прозрачныя или широкимъ разрѣзомъ концовъ открывающіе руки до локтя. Есть различія въ тканяхъ, отъ кисеи и тарлатанта до Лионскаго шелка, платья *costume* или *demi-costume*, и такъ далѣе и далѣе» (II, 98). Вообще, разныя бываютъ платья... Разныя существуютъ и науки: «Мы, говоритъ авторъ, привыкли злоупотреблять словами и словомъ «наука» еще болѣе, чѣмъ многими другими. Насъ

увѣряютъ, что наука даетъ или можетъ дать отвѣты на всѣ вопросы духовной, матеріальной и общественной жизни человѣка, и забываютъ, или умалчиваютъ, о завѣтномъ предѣлѣ его познаванія. Все, что намъ дано узнать, только болѣе и болѣе раскрываетъ и опредѣляетъ передъ нами область того, что нашему знанію и разумѣнію остается недоступнымъ, или непостижимымъ. Приращеніе нашихъ знаній велико не само по себѣ, а только въ сравненіи съ тѣмъ, что нами прежде познавалось. Всѣ успѣхи въ одномъ направленіи; въ другомъ мы неподвижны. Мы дошли отъ силексоваго топора каменнаго вѣка до скорострѣльнаго оружія нашего времени, и отъ первоначальныхъ наблюденій за измѣняющимся положеніемъ небесныхъ свѣтилъ до опредѣленія движеній системъ тройныхъ звѣздъ въ пространствѣ. Но мы не приблизились ни на одинъ шагъ къ уразумѣнію нашей духовной природы. Тайна жизненнаго начала, тайна самосознанія, тайна способности мышленія и способности умственнаго творчества, для насъ такія же тайны теперь, какими онѣ были пять тысячъ лѣтъ тому назадъ. Съ одной стороны, открытый путь, — и человѣческій умъ идетъ: съ другой—преграда, которой онъ преступить не можетъ. Наука, непризнающая этой преграды, есть ложная и вѣроломная наука» (II, 365). Странно, конечно, что такой замѣчательный психологъ, какъ графъ Валуевъ, отрицаетъ начисто какіе бы то не было успѣхи современной науки о духѣ. Авторъ однимъ росчеркомъ пера, одной страничкой мечтаетъ убить цѣлую громадную литературу по психологіи—смѣлость, которой нельзя не удивиться.

Н. Морозовъ.

БИБЛОГРАФІЯ.

Судьбы капитализма въ Россіи, В. В. Сиб., 1882, стр. 1 — 312.

До конца семидесятыхъ годовъ у насъ господствовало убѣжденіе, что экономическое развитіе Россіи немислимо безъ усвоенія тѣхъ промышленныхъ формъ, которыя выработаны въ государствахъ западной Европы. Пересадить на русскую почву роскошные плоды крупнаго капиталистическаго хозяйства, привить къ намъ возможно большее число обширныхъ денежныхъ предпріятій, акціонерныхъ, банковыхъ, биржевыхъ, желѣзнодорожныхъ, фабричныхъ и иныхъ, хотя-бы цѣною громадныхъ затратъ со стороны государства, — такова была сущность нашей экономической политики со времени освобожденія крестьянъ.

Заботы о поземельномъ устройствѣ крестьянства вчернаны были изданіемъ положеній 1861 года; общество, утомленное хорошими порывами и дѣлами эмансипаціоннаго періода, успѣшило забыть о народѣ и направить всѣ свои помыслы въ другую сторону, въ заманчивую область накопленія капиталовъ на счетъ будущихъ народныхъ благъ. Многіе искренно увлекались блестящею перспективою промышленнаго процвѣтанія, при господствѣ заимствованныхъ изъ-за границы хозяйственныхъ порядковъ; «прогрессъ» и «цивилизациа» считались равнозначущими установленію капитализма въ самыхъ широкыхъ размѣрахъ, со всѣми его видными атрибутами и особенностями. Государство не щадило народныхъ средствъ для созданія и поддержки новаго промышленнаго строя, предназначеннаго замѣнить собою скрошную обстановку

вѣковаго земледѣльческаго быта страны. Капиталистическая горячка охватила верхніе классы, поглотила выкупныя ссуды и даже земли помѣщиковъ, вызвала къ жизни массу дутыхъ и дорого стоящихъ учреждений, увеличила государственные долги до грандіозной цифры и совершенно подорвала главную основу народнаго благосостоянія—земледѣліе. Съ другой стороны, подати росли и множились въ безобразной прогрессіи, все болѣе затапливая народъ въ предательскія объятія благодѣтелей «чумазныхъ».

Общество опомнилось немножко поздно, когда хищные инстинкты получили уже безраздѣльное преобладаніе когда дѣло дошло уже до повальнаго голода и приходилось обращаться къ благотворительности для доставленія жалкаго временнаго корма нашимъ всегдашнимъ кормильцамъ-земледѣльцамъ. Правительство было, однако, озабочено унадомъ курса русскихъ кредитныхъ бумагъ на иностранныхъ биржахъ, и потому не могло удѣлить достаточную долю вниманія экономическому кризису, развивавшемуся внутри страны, при дѣятельномъ содѣйствіи многочисленныхъ казенныхъ вѣдомствъ. Извѣтъ появились между тѣмъ интересныя вопросы—герцеговинскіе, сербскіе, англо-турецкіе; понадобились новыя колоссальныя средства для успѣшнаго разрѣшенія международной задачи, поставленной намъ Европою. Попытки искусственнаго поддержанія курса были поневолѣ оставлены, послѣ истощенія запасовъ золота, хранившихся въ государственномъ банкѣ и выброшенныхъ ни за что, ни про что, въ жертву спекуляціи, подъ прикрытіемъ своеобразной финансовой теоріи адмирала Грейга и г. Ламанскаго.

Достигнуть-ли, по крайней мѣрѣ, тотъ воображаемый промышленный прогрессъ, ради котораго систематически разорялся народъ въ продолженіи цѣлыхъ двадцати лѣтъ? Удалось-ли, по крайней мѣрѣ, посадить то крупное производство, о которомъ мечтали наши англomanы и западники шестидесятыхъ годовъ? Окупилась-ли хоть сотая часть тѣхъ безумныхъ жертвъ, которыя упорно и настойчиво приносились новому русскому Малоху—капитализму?

Обстоятельный отвѣтъ на эти вопросы содержится въ весьма поучительной книгѣ г. В. В. Авторъ задакъ цѣлью фактически доказать бесплодность всякихъ капиталистическихъ усилій на русской почвѣ и неизбежность перерожденія ихъ въ простое безцѣльное разореніе народа, къ очевидному ущербу казны и безъ

всякой пользы для крупнаго производства. Обширная масса данных собрана авторомъ относительно различныхъ отраслей крупной и мелкой промышленности, въ томъ числѣ и земледѣлія; всѣ эти данныя краснорѣчиво подтверждаютъ мысль о мертворожденности капитализма въ Россіи, объ отсутствіи у насъ элементарныхъ условій для его дѣйствительнаго упроченія и о полной зависимости его отъ субсидій и поддержекъ правительства. Большинство населенія доведено почти до нищеты, въ интересахъ развитія крупнаго капиталистическаго хозяйства по заграничному образцу, а между тѣмъ насаждаемый съ такимъ усердіемъ европейскій продуктъ не прививается вовсе, многомилліонныя затраты размѣстившись по карманамъ отдѣльныхъ лицъ, и вмѣсто желаннаго прогресса оказывается просто какая-то безсмысленная вакханалія кулачества надъ забабаленнымъ, обезпленнымъ мужикомъ.

Результатъ, повидимому, совершенно безотрадный; но въ немъ есть значительная доля утѣшенія для будущаго. Значить, Россіи вообще не суждено пройти капиталистическую стадію развитія, сопряженную съ столь мучительными явленіями въ западной Европѣ—съ безнадежнымъ пауперизмомъ рабочихъ массъ, превращенныхъ въ простые орудія производства, то покупаемныя капиталомъ за безцѣнокъ на товарномъ рынкѣ, то вовсе отбрасываемыя въ сторону примѣненіемъ машинъ или кризисомъ черезчуръ зарвавшейся промышленности. Если насъ минуетъ чаша сія, если не добьются намъ разцвѣта капитализма въ средѣ русскаго народа, если мелкіе крестьянскіе промыслы ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть замѣнены крупной капиталистическою организаціею, то остается лишь поскорѣе отречься отъ ошибочной политики прежняго времени и перейти на единственно-возможный у насъ путь самостоятельнаго народнаго развитія, на началахъ крестьянскаго общиннаго землевладѣнія. Поворотъ этотъ неизбеженъ послѣ разорительныхъ опытовъ и блужданій недавняго прошлаго; и сознаніе этой неизбежности должно внушить бодрость бойцамъ народныхъ идеаловъ, запуганныхъ-было кажущимися успѣхами капитализма.

Г-нъ В. В. особенно настаиваетъ на этомъ послѣднемъ пунктѣ, въ виду распространеннаго у насъ quasi-научнаго мнѣнія, что каждый народъ долженъ неминуемо пройти капиталистическій фазисъ въ развитіи своей промышленности и что ни одна страна не мо-

жетъ избѣгнуть дѣйствія этого «общаго экономическаго закона». Народная партія—говоритъ авторъ—«много-бы выиграла въ практическомъ отношеніи, если-бы къ ея вѣрѣ въ живучесть народныхъ устоевъ присоединилось убѣжденіе въ исторической невозможности развитія капиталистическаго производства въ Россіи. Такое убѣжденіе способны дать наши обобщенія (если они только истинны)». Если полученные выводы вѣрны, то — продолжаетъ г. В. В.—«лица, желающія добра народу и имѣющія возможность помочь ему, смѣлѣе выступаютъ на борьбу съ угнетающими его вліяніями, такъ какъ они могутъ не опасаться, что всѣ ихъ успѣхи въ общественно-политической сферѣ будутъ разбиты неумолимыми и не поддающимися никакому политическому закону промышленнаго прогресса». Авторъ даетъ понять, что послѣдователи Маркса раздѣляли и поддерживали вѣру въ обязательность для Россіи капиталистической формы хозяйства, какъ вытекающей будто-бы изъ неизбѣжныхъ законовъ историческаго развитія. Отчасти самъ Марксъ давалъ поводъ къ такому печальному толкованію, которое въ нашей литературѣ было между прочимъ высказано г. Михайловскимъ.

Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ теоретическимъ недоразумѣніемъ, которое необходимо разъяснить. Марксъ, какъ извѣстно, смотритъ на ходъ экономической организаціи, какъ на «естественно-историческій процессъ», и цѣлью своего труда онъ ставитъ «открытіе экономическаго закона движенія современнаго общества». «Дѣло идетъ не о высшихъ или низшихъ степеняхъ развитія общественныхъ антогонизмовъ, возникающихъ изъ естественныхъ законовъ капиталистическаго производства», — говорится между прочимъ въ «Капиталѣ», — «дѣло въ самихъ этихъ законахъ, въ самихъ этихъ тенденціяхъ, дѣйствующихъ и проявляющихся съ желѣзною необходимостью... Болѣе развитая въ промышленномъ отношеніи страна показываетъ другимъ, менѣе развитымъ, картину ихъ собственнаго будущаго». Даже, «когда общество напало на слѣдъ естественнаго закона своего движенія, оно не можетъ ни обойти, ни устранить предстоящія естественныя фазы развитія: оно можетъ только ускорить родъ и смягчить сопряженныя съ ними боли» (*Das Kapital*, 1873, предисл., стр. 5—7, а также стр. 821—822).

Изъ этихъ словъ выведено было заключеніе о бесполезности

принципиальной борьбы съ капитализмомъ и о неизбежности его окончательной побѣды въ Россіи, какъ и въ другихъ странахъ. Забывалось при этомъ только одно, что Марксъ говоритъ объ историческомъ процессѣ, въ силу котораго извѣстнаго рода результаты создаются и готовятся всѣми предшествовавшими причинами и условіями, давшими такое, а не иное направленіе народной жизни. Нельзя ни обойти, ни устранить причинную связь явленій, — нельзя избѣгнуть послѣдствій, когда даны извѣстныя условія и элементы. Можно сказать, что необходимо произойдетъ то-то, если дѣйствуютъ такіа-то силы, при такой-то группировкѣ обстоятельствъ; дальше не идетъ компетенція научнаго закона.

Марксъ никогда не утверждалъ и не могъ утверждать, что всѣ народы подвергаются дѣйствию однихъ и тѣхъ-же факторовъ и шествуютъ по одному и тому-же пути, независимо отъ природныхъ и историческихъ условій. Капиталистическое производство предполагаетъ существованіе многочисленнаго класса рабочихъ, насильственно оторванныхъ отъ земли и продающихъ свой трудъ предпринимателямъ; оно могло потому укрѣпиться въ Европѣ только съ XVI вѣка, когда большія массы людей были внезапно «освобождены» отъ своихъ средствъ существованія и производства и выкинуты на рабочій рынокъ въ качествѣ «свободныхъ» пролетаріевъ. Обезземленіе сельскаго населенія составляетъ исходную точку европейскаго капитализма; затѣмъ, для развитія крупнаго производства, требовалось существованіе обширнаго сбыта, особенно внѣшняго, международнаго, предполагающаго въ свою очередь легкость, быстроту и дешевизну перемѣщенія товаровъ. Все это съ достаточною ясностью указываетъ Марксъ, такъ что истинный смыслъ его взгляда на значеніе историко-экономическихъ законовъ не можетъ возбуждать серьезныхъ сомнѣній. «Природа—замѣчаетъ Марксъ въ одномъ мѣстѣ—не поставила на одной сторонѣ обладателей денегъ или товаровъ, а на другой — голыхъ обладателей своихъ собственныхъ рабочихъ рукъ. Это отношеніе не имѣетъ естественно-историческаго характера и столь же мало обязательно для различныхъ историческихъ періодовъ. Оно само, очевидно—результатъ предшествующаго развитія, продуктъ многихъ экономическихъ переворотовъ, исчезновенія цѣлаго ряда старыхъ формъ общественнаго производства».

Откуда-же могло возникнуть убѣжденіе, противъ котораго

борется теперь г. В. В., — что капиталистическая стадія должна быть пройдена Россією во что бы то ни стало, въ силу общаго научно-историческаго закона, открытаго будто-бы Марксомъ? Въ Россіи, какъ отлично доказываетъ самъ-же г. В. В., не существуетъ тѣхъ именно условій, которыя вездѣ предшествовали полному развитію капитализма, — нѣтъ многолюднаго безземельнаго класса рабочихъ, нѣтъ значительнаго сбыта, при невозможности конкурировать съ болѣе развитою промышленностью другихъ европейскихъ странъ, нѣтъ также и не можетъ быть легкихъ и дешевыхъ сообщеній, при громадныхъ нашихъ разстояніяхъ. Такимъ образомъ, можно было теоретически предсказать непримѣнимость крупнаго пропзводства къ русскимъ условіямъ, слѣдуя именно ученію Маркса и его послѣдователей. Г-нъ В. В. могъ-бы одинаково опираться на «экономическія теоріи запада», какъ и опровергать ихъ въ своемъ изслѣдованіи, — тѣмъ болѣе что въ западно-европейской литературѣ мы встрѣчаемся не съ одними апологетами капитала, но и съ цѣлымъ рядомъ дароватыхъ и компетентныхъ враговъ его.

Недавняя еще вѣра русскаго общества въ благотворную миссію крупной промышленности всего менѣе происходила изъ научныхъ убѣжденій и не имѣла, конечно, ничего общаго съ выводами западной науки. Ко времени зарожденія у насъ «великой эры реформъ», буржуазная политическая экономія успѣла ужъ сплпно пошатнуться на западѣ подъ ударами научной критики и подъ вліяніемъ жгучаго рабочаго вопроса. Вспомнимъ, что русскій писатель, котораго Марксъ называетъ «великимъ ученымъ» (з. 812), имѣлъ возможность уже въ шестидесятихъ годахъ «мастерски освѣтить» (по выраженію Маркса) банкротство этой мѣщанской экономіи. Частая пренебрежительная упоминанія о западныхъ экономическихъ теоріяхъ кажутся намъ поэтому немножко запоздалыми и несправедливыми со стороны таковаго солиднаго изслѣдователя, какъ г. В. В.

Въ книгѣ г-на В. В. не вполне выдержана именно теоретическая сторона задачи, которую поставилъ себѣ авторъ. Въ первой главѣ говорится нѣсколько разъ, что «молодыя» страны, позже другихъ выступившія на путь историческаго развитія, находятся въ особыхъ невыгодныхъ условіяхъ въ промышленномъ отношеніи, сравнительно съ «зрѣлыми». Употребленіе такихъ словъ, какъ

«молодая» и «зрѣлая», не соотвѣтствуютъ дѣствительной теоріи, лежащей въ основѣ всѣхъ дальнѣйшихъ разсужденій автора. Россія не годится для капиталистическаго хозяйства вовсе не потому, что она страна «молодая», а по отсутствію въ ней естественныхъ и хозяйственныхъ условій, безъ которыхъ не можетъ вообще существовать крупная промышленность. До какой-бы зрѣлости ни дошла Россія, она можетъ и должна будетъ сохранить свой земледѣльческій строй, недопускающій поглощенія себя индустриализмомъ, хотя и могущій быть раздавленнымъ иными враждебными силами.

Затронувъ вскользь политическую сторону обсуждаемыхъ вопросовъ, авторъ высказывается слишкомъ неопредѣленно и какъ-будто не договариваетъ своей мысли. Нѣкоторый оптимизмъ замѣтенъ въ приводимыхъ авторомъ параллеляхъ между Европою и Россіею,—въ указаніи напр. на то, что «кулачество, бывшее въ Европѣ первою инстанціею грандіознаго капиталистическаго порядка и потому вызывавшее къ себѣ симпатію власти, русскимъ правительствомъ считается зломъ, съ которымъ неизбежно бороться» (стр. 7). Это указаніе лучше всего опровергаться фактическимъ содержаніемъ книги г-на В. В. Нигдѣ и никогда кулачество не пользовалось такимъ широкимъ покровительствомъ и просторомъ, какъ именно у насъ. «Въ послѣднее двадцатилѣтіе — говоритъ самъ-же авторъ—правительство послѣдовательно проводитъ идею покровительства крупному капиталистическому производству на средства, доставляемая обреченныхъ гибели мелкихъ» (стр. 284 и др.). Печальныя слѣдствія этой политики вызываютъ иногда у автора горькія, негодующія фразы, въ которыхъ только слабо примѣшивается робкій тонъ надежды на будущую коренную перемѣну въ симпатіяхъ и дѣйствіяхъ правительственной власти.

Описывая искусственное разстройство земледѣлія въ угоду какому-то фантастическимъ планамъ рациональнаго крупнаго хозяй-

ства, авторъ восклицаетъ: «Какая польза государству, народу, помещикамъ, если еще глѣзда хитцевковъ — евреевъ, поляковъ, армявъ, русскихъ — жидовъ всѣхъ религій и національностей накинется на наши степи и ихъ населеніе, расширить площадь заповшен вдвое, втрое, высосетъ изъ земли и мужика все, что она въ силахъ высосать, набьетъ карманы, броситъ истощенную землю и отправится поживать лавры гдѣ-нибудь на новомъ мѣстѣ? При чемъ здѣсь крупное производство, причемъ здѣсь даже сельско-хозяйственная культура; здѣсь есть только грабежъ земли и чело-вѣка, грабежъ настоящихъ и будущихъ поколѣній!» И тутъ-же авторъ прибавляетъ: «Не пора-ли поэтому оставить заботы о без-личныхъ производствахъ и сбытѣ, а обратитъ вниманіе на органи-зацію производителей, похлопотать объ отстраненіи отъ земли кулака-проходимца, пріютившагося здѣсь благодаря нашимъ-же стараніямъ» (стр. 140).

Но, во-первыхъ, не къ кулакамъ-проходимцамъ дѣло, а въ чемъ-то другомъ болѣе важномъ; и во-вторыхъ, изъ того, что «не пора-ли» измѣнить систему, не слѣдуетъ еще, что дѣла идутъ у насъ лучше чѣмъ въ Европѣ, ибо для подобнаго вывода недостаточно еще знать, что «русскимъ правительствомъ кулачество считается зломъ, съ которымъ надо бороться». Много есть хорошихъ офи-ціальныхъ мнѣній и намѣреній, остающихся только на бумагѣ или на словахъ и расходящихся на каждомъ шагѣ съ дѣйствитель-ностью.

Л. Сл.

Степанъ Джевопсъ. Основы наукъ. Трактатъ о логикѣ и на-учномъ методѣ. Переводъ съ англійскаго М. А. Антоновича.

На чемъ основана «не физика, не химія», а наука вообще?— Читателя затруднить, какая это наука, которая не физика, не хи-мія и т. д., но Джевопсъ рѣшаетъ этотъ вопросъ весьма просто: наука состоитъ изъ сужденій, а о сужденіяхъ трактуетъ логика, слѣдовательно, наука основана на логикѣ. Отсюда постѣ известнаго

ряда разсужденій онъ приходитъ къ тому заключенію, что «никакое конечное число примѣровъ не можетъ дать намъ основанія ожидать съ увѣренностью, что слѣдующій примѣръ будетъ имѣть такую же природу» (гл. XXXI, ст. 686), и сомнѣвается въ томъ, «чтобы необходимая истина содѣлалась даже въ такихъ основныхъ законахъ природы, какъ неунничтожаемость матеріи, сохраненіе энергій и т. п.» (Ibidem). Тѣмъ не менѣе мы часто ждемъ съ полной увѣренностью, несмотря на то, что человѣческій опытъ всегда конечно, и, чтобы ни говорилъ Джемсонъ, люди никогда не думаютъ, да и не могутъ думать, какъ онъ. Тутъ, очевидно, есть какое-то недоразумѣніе, и интересно прослѣдить самую аргументацію автора, чтобы открыть источникъ его страннаго скептицизма.—Задается Джемсонъ въ своей книгѣ, какъ уже видно по заглавію, той-же цѣлью, какъ и Контъ, и Уэвель и другіе мыслители, пытавшіеся объединить научный методъ, опредѣлить предѣлы его applicaціи и сдѣлать его основаніемъ для практическаго міровоззрѣнія. Въ книгѣ Джемсона опять выступаетъ на сцену старая борьба между чистымъ разумомъ, личнымъ началомъ въ философіи и «*bon sens commun*», какъ говоритъ Контъ, социальнымъ началомъ. Джемсонъ считаетъ «внутреннее сознаніе» независимымъ отъ внѣшняго міра, научныя теоріи—подведеніемъ явленій подъ независимые законы логики; индукцію онъ поэтому называетъ «обратной дедукціей» и въ логикѣ видитъ прямо средство создать апіористическую теорію научнаго метода, и найти критерій для научныхъ обобщеній. Понятно, поэтому, что авторъ сильно вооружается противъ Конта, который считаетъ логику только отдѣломъ психологій, а установившіяся научныя обобщенія—социальными явленіями, подлежащими изслѣдованію, а не критикѣ. Джемсонъ разсуждаетъ такъ: «Если-бы существовало состязаніе между предметами, напрашивающимися на сознаніе, то внѣшній міръ долженъ былъ бы уступить несомнѣнному внутреннему міру» (осн.

науки, гл. XXI ст. 713), «умственные-же предметы могут существовать вне времени и пространства» (ib); следовательно, умозрительнымъ путемъ можно вполне точно опредѣлить достовѣрность и цѣнность знанія. Такъ какъ на практикѣ невозможно осуществить всѣ логическія условія мышленія, и следовательно научные приемы логически не точны, а научныя обобщенія не достовѣрны, то ихъ прежде всего слѣдуетъ разсматривать, по мнѣнію автора, независимо отъ тѣхъ группъ явленій, къ которымъ они относятся, съ точки зрѣнія ихъ логической законченности и достовѣрности; такимъ путемъ мы опредѣлимъ логическую цѣнность знанія. Читатель, можетъ быть, съ недоумѣніемъ спроситъ, гдѣ же мѣра для этой цѣнности,—но у Девонса и на это есть отвѣтъ: такъ какъ въ математической теоріи вѣроятностей считается одинаково возможнымъ существованіе и несуществованіе неизвѣстнаго явленія, то, по его мнѣнію, она не зависитъ ни отъ какого знанія и составляетъ прямой выводъ изъ законовъ логики, и въ ея формулахъ онъ считаетъ себя вправѣ искать независимой и численно точной мѣры достовѣрности того или другого знанія.

Сама по себѣ логика въ книгѣ Девонса составляетъ только введеніе, суть заключается въ томъ, что логика и теорія вѣроятности составляютъ ключъ ко всякому знанію, и предметъ второй части составляетъ приложеніе этой мысли къ изслѣдованію научнаго метода. Исходя изъ указанныхъ основаній, авторъ излагаетъ отдѣльные научные приемы по степени ихъ логической законченности, переходя, послѣ главъ о наблюденіи и опытѣ, къ количественной индукціи и употребленію гипотезъ, а затѣмъ въ 5 книгѣ къ обобщенію, аналогіи и классификаціи. При изложеніи каждаго приема, онъ раздѣляетъ тѣ явленія, къ которымъ его можно приложить, на логическія группы; такъ напр. знаніе вообще онъ раздѣляетъ на эмпирическое знаніе, обобщенное знаніе и знаніе, ука-

занное теоріей, но не подтвержденное опытом. Въ частности, въ каждой главѣ можно найти много весьма поучительнаго относительно такихъ важныхъ и общихъ научныхъ приѣмовъ, какъ методъ среднихъ величинъ, взаимность причины и дѣйствія, аналогія и классификація; но въ общемъ ложность основной идеи приводитъ путаницу въ раздѣленіи предмета, и въ самомъ изложеніи читателя постоянно сбиваетъ чередованіе двухъ совершенно противоположныхъ и непримиримыхъ точекъ зрѣнія: то, переходя на научную почву, Девонсъ принимаетъ установленшіеся научные выводы за достовѣрные, то, переходя на свою личную, принимается за неутѣшительныя вычисленія вѣроятностей. Теорія у Девонса, согласно съ его основной идеей, разсматривается помимо фактовъ (въ противоположность Контю, который считаетъ методъ неотдѣлимимъ отъ доктрины), факты подбираются только для примѣра, и, вслѣдствіе этого, читатель нигдѣ не можетъ составить себѣ яснаго понятія о предѣлахъ приложенія того или другаго метода, объ общности той группы явленій, къ которой онъ прилагается. Что, напр., можетъ дать разборъ «исключительныхъ явленій», «явленій, не подведенныхъ подъ теорію», помимо тѣхъ явленій, къ которымъ они стоятъ ближе всего, и тѣхъ причинъ, которыя исключаютъ возможность обобщенія? что можно сказать опредѣленнаго объ обобщеніи помимо аналогій, классификацій и другихъ основныхъ приѣмовъ обобщенія и даже раньше ихъ, какъ у Девонса?—Формула, выражающая какой-нибудь научный методъ, далеко не исчерпываетъ его содержанія; относительно приложенія каждаго метода можно задать множество вопросовъ, на которые заранее никто не въ состояніи отвѣтить; въ исторіи науки бывали примѣры, что методъ былъ понятъ логически за цѣлыя столѣтія прежде, чѣмъ онъ получалъ какое-нибудь опредѣленное приложеніе. Такимъ образомъ, логическій смыслъ метода самъ по себѣ не обуславливаетъ его научнаго значенія, и цѣнность метода заключается въ тѣхъ рядахъ аналогій, изъ которыхъ онъ выведенъ и на которыя онъ наталкивается; слѣдовательно, методъ не можетъ быть излагаемъ отдѣльно отъ доктрины, и, что еще важнѣе, индукція не только даетъ общія истины, но обуславливаетъ и возможность дѣлать правильные выводы. Даже въ математикѣ, какъ говоритъ Контъ, «расширеніе основныхъ началъ зависитъ или отъ открытія новыхъ дѣйствій или отъ введенія новыхъ функцій»; въ

сущности, какъ первый, такъ и второй случай зависятъ отъ обобщеній опытныхъ наукъ, но на дѣлѣ значеніе имѣетъ только второй. И Фурье своими изслѣдованіями надъ теплотой расширилъ область математики. Если разобрать самые элементарные процессы сужденія, то окажется, что мышленіе практически состоитъ исключительно въ предсказаніи и что индуктивныя сужденія совершаются чисто психологическимъ путемъ на тѣхъ ступеняхъ развитія, на которыхъ о дедукціи не можетъ быть и рѣчи; составленіе понятій изъ ощущеній и сужденій изъ понятій есть основной индуктивный процессъ, и здѣсь уже, при самомъ образованіи языка и рѣчи, безъ которыхъ логика немислима, уже существуетъ индуктивное предсказаніе, такъ какъ каждое понятіе имѣетъ цѣлью по однимъ признакамъ предсказать другіе, каждое сужденіе по одному термину предсказать другой. Слѣдовательно, нельзя строго говорить, что индукція состоитъ въ переходѣ отъ частныхъ феноменовъ къ общимъ и логика есть только искусственная форма представленія индуктивнаго процесса мысли.—Зачѣмъ искать для науки такихъ критеріевъ, которые никогда не будутъ употреблены на дѣлѣ (вѣдь не станеть же никакой ученый руководствоваться «вѣроятными» дробями Девонса) и оставлять тотъ, который одинъ прилагался и прилагается—примѣнимость знанія? Положенія, въ родѣ «человѣкъ смертенъ», говоритъ ученый, называющій теорію вѣроятностей возвышеннѣйшей изъ наукъ, «суть нравственныя истины, въ которыхъ едва-ли человѣкъ съ здравымъ смысломъ можетъ усомниться»; наука есть продуктъ развитія человечества, и науку, какъ нѣчто цѣлое, можно разсматривать только какъ социальное явленіе;—ни одинъ ученый не развилъ вполнѣ и одной теоріи, никакіе спеціалисты не создали сами по себѣ ни одной науки. Въ такомъ случаѣ, когда разсматриваютъ науку вообще, установившіяся научныя обобщенія составляютъ такіе же первичные факты, какъ свидѣтельства чувствъ въ каждой спеціальной наукѣ, и при такомъ изслѣдованіи начинать нужно, какъ при изслѣдованіи всѣхъ явленій жизни, не съ апіористическихъ выводовъ, а съ разумной классификаціи данныхъ наукъ. Что у отдѣльнаго мыслителя могутъ слагаться такія условія мышленія, при которыхъ онъ будетъ искать абсолютнаго вѣшняго критерія «въ времени и пространствѣ», что слѣдовательно такой критерій мыслимъ, вовсе не доказываетъ его необходимости; тотъ же мыслитель, какъ ученый и въ

жизни, слѣдовательно, какъ соціальная единица, непремѣнно оставить этотъ критерій въ сторонѣ и будетъ сообразоваться съ «здравымъ разсудкомъ». Только общность ощущеній производитъ общность мыслей, и потому чисто умозрительные выводы, вѣрны-ли они или невѣрны, совершенно субъективны.

Если вспомнить, какъ глубоко вѣрилъ въ непреложность законовъ природы Лапласъ, написавшій самые капитальные труды по теоріи вѣроятностей, то невольно приходишь къ заключенію, что въ томъ значеніи, которое Джевонсъ придаетъ теоріи вѣроятностей, есть передержка. И дѣйствительно, математики смотрятъ на нее какъ на послѣднее, а не первое средство, и отказываются, какъ я уже упоминалъ, примѣнять ее къ тѣмъ положеніямъ, въ которыхъ не можетъ усумниться ни одинъ человѣкъ съ здравымъ разсудкомъ; она даетъ болѣе или менѣе приближенные предѣльные результаты по такимъ даннымъ, которыми нельзя воспользоваться никакимъ другимъ путемъ. Положеніе о равномѣрности утвержденія и отрицанія есть не болѣе, чѣмъ приемъ для упрощенія, и только къ тѣмъ задачамъ разумно можетъ быть приложена теорія вѣроятности, въ которыхъ этому положенію соответствуетъ реальное, здоровое положеніе. Не приводя никакихъ специальныхъ примѣровъ, напомню только, что математическіе выводы въ опытныхъ наукахъ только тогда могутъ имѣть какое нибудь значеніе, когда они допускаютъ реальное, согласное съ опытомъ истолкованіе. Джевонсъ говоритъ, что такіе писатели, какъ Контъ и Милль, которые ограничиваютъ свое умозрѣніе тѣмъ, что составляетъ въ настоящее время достояніе науки, тѣмъ самымъ считаютъ науку въ ея настоящемъ видѣ законченной. Это, повидимому, самый сильный доводъ противъ положительнаго взгляда на науку; но если развитіе мысли и ея приемовъ водчинены законамъ соціальнаго прогресса, то Контъ и Милль въ этомъ случаѣ поступаютъ, какъ статистикъ, когда онъ принимаетъ, что извѣстныя явленія остаются постоянными въ теченіи какого-нибудь промежутка времени или измѣняются только въ опредѣленномъ направленіи; ни тотъ, ни другой не думалъ, что его сочиненія сохранять на вѣки все свое значеніе, каждый изъ нихъ имѣлъ въ виду только извѣстный промежутокъ времени и оставлялъ въ сторонѣ тѣ вопросы, взгляды на которые могли значительно измѣниться за это время.

Самую интересную часть книги Джевонса составляет собственно логика, формальная логика, которая у него доведена до замѣчательной простоты и совершенства. Система Джевонса состоитъ въ слѣдующемъ. Онъ исходитъ изъ той весьма простой мысли, что математическія равенства суть сужденія въ самой точной формѣ и математическія преобразованія формулъ умозаключенія въ самой простой формѣ. Это упрощеніе сужденія въ математикѣ зависить не отъ точности математическихъ данныхъ, а отъ опредѣленности математическихъ символовъ и слѣдовательно примѣнимо ко всѣмъ логическимъ умозаключеніямъ, если выразить терминъ не словами, которыя мало удовлетворяютъ этому требованію опредѣленности, а математическими знаками. Вся теорія какъ дедукціи, такъ и индукціи, основывается такимъ образомъ на главномъ принципѣ математики, что равныя могутъ замѣщать другъ друга и вся старая громада технической терминологіи и ненужныхъ и сбивчивыхъ раздѣленій дѣлается излишней. У Джевонса есть нѣсколько примѣровъ того, до какой степени эта система логики упрощаетъ выводъ умозаключеній въ наиболѣе сложныхъ случаяхъ. Не только въ дедукціи примѣнимъ такой чисто математическій приемъ, но и въ индукціи удобнѣе всего руководствоваться тѣми правилами, которыми пользуются математики при отысканіи общаго члена ряда. Схоластическая терминологія логики и раздѣленія, которыя вели къ бесполезнымъ тонкостямъ, обращали логику въ значительной степени въ праздную затѣю любителей остроумія, въ нѣчто вродѣ теоріи шахматной игры, а система Джевонса оставляетъ въ сторонѣ всѣ излишнія тонкости и даетъ возможность безъ большой потери времени извлечь изъ логики ту практическую пользу, которую она можетъ принести и которая, къ сожалѣнію, у Джевонсона не выяснена.

Балетъ, его исторія и мѣсто въ ряду изящныхъ искусствъ. Валетомана. Спб. 1882 г. типографія А. С. Суворина.

Представьте себѣ, читатель, что въ вашей жизни происходитъ какая нибудь драма или вообще что нибудь тяжелое. заставляющее и васъ и всѣхъ близкихъ вамъ людей горевать, волноваться, тревожиться, можетъ быть даже оплакивать кого нибудь и т. п., и вдругъ въ это самое время къ вамъ влетаетъ какой нибудь развеселый бонвиванъ и говорить: «я хочу вамъ показать — прелесть балета!» и, сказавъ это, на-

чинаеть выкидывать разные балетныя антраша... Что вы скажете на это, что заключите о такомъ человѣкѣ и какъ его примете? Не трудно, конечно, угадать и заключеніе ваше, и примѣтъ вашъ; но вы, можетъ быть, подумаете, что лучше того, что онъ выдумалъ, ничего уже нельзя придумать и выкинуть? Въ такомъ случаѣ ошибаетесь.

Ваше дѣло—частное, слѣдовательно—и горе ваше частное, о которомъ весельчакъ могъ и не знать; наконецъ, онъ могъ временно находиться въ состояніи какаго нибудь экстаза или просто невнятности отъ употребленія, положимъ, спиртныхъ напитковъ... Но вы представьте себѣ, что цѣлое общество находится въ состояніи подобномъ вашему, въ состояніи какаго нибудь горя и тревоги, въ состояніи мучительнаго историческаго кризиса, когда нервы у всѣхъ втянуты и гудутъ какъ телеграфныя проволоки, когда каждый не увѣренъ за завтрашній день, когда газеты воютъ волкомъ и идеть междусобища, и вдругъ въ это самое время сидитъ человѣкъ—пишетъ о балетѣ и опредѣляетъ его мѣсто въ ряду изящныхъ искусствъ! Передъ нимъ балеринны, обнаженныя плечи и ноги «изящныя линіи, дивныя, безплотныя абрисы»; (205) онъ весь ушелъ въ корсетныя панталоны и тюлевые тонки, весь погрузился въ злеваціи, выворотность ногъ и т. д. Мало того, что погрузился, сидитъ и описываетъ это, но еще старается осмыслить свое положеніе и утѣшается тѣмъ, что «la danse n'est pas seulement un plaisir, un amusement, non, c'est un grand intérêt social». Это, какъ видите, даже не деревенскій іерей гл. Успенскаго, который въ то время, когда рядомъ съ нимъ въ волостномъ правленіи дерутъ мужика, сидитъ и пишетъ отличнѣйшимъ почеркомъ: «Милостивый государь, господинъ Іоганъ Гоффъ! Употребивъ, совокупно съ тещей, одержимой воспаленіемъ всѣхъ суставовъ, 25 бутылокъ мальца экстрактаго препарату» и т. д.; это еще болѣе жестоковѣрное, глухое и слѣбое къ жизни существо. Мало и этого; онъ даже думаетъ что книгою его могутъ не заинтересоваться только «существенныя скопцы» да «ученыя женщины»; а люди интересующіеся «философіей и исторіей искусствъ», для которыхъ онъ и «назначалъ» свою книгу, зтотъ «плодъ весьма разнообразной начитанности», (предисл. стр. II—III), примутъ ее, надо полагать по меньшей мѣрѣ, съ благодарностью. Однако, авторъ, не смотря на такую серьезность предмета, не пожелалъ выставить въ

своемъ «плодѣ разнообразной начитанности» своего имени и скрылся подъ ширму «балетомана». Онъ, повидимому, сознавалъ, что люди, интересующіеся философіей и исторіей искусствъ, найдутъ въ этомъ плодѣ гораздо больше порнографіи, чѣмъ матерьяла для изученія, хотя авторъ и употребилъ, повидимому, всѣ усилія, чтобы не послѣдовало такого результата и чтобы книгу его читали не одни только балетоманы и любители женскихъ ногъ, для которыхъ она главнымъ образомъ и писана, но и люди серьезные. И чего онъ только для этого не дѣлаетъ: вы найдете у него и ссылки на Сократа, учившагося у Аспазіи граціи и танцамъ и сказавшаго однажды: «какъ пріятно прыгать на мѣстѣ»; и опроверженіе Виктора Гюго, что танцовщицы суть «розовыя канцбалдеи», такъ какъ, будто бы, даже «суровые моралисты, считающіе танцы занятіемъ безнравственнымъ», навѣрное измѣнили бы свои взгляды «при знакомствѣ съ лучшими балеринами»; и указаніе на то, что вліяніе «многихъ изъ нихъ было всемогуще на кавалерію, флотъ, театральныя дѣла и даже на покойное III отдѣленіе». (61). Последнее, конечно, есть самое убѣдительное доказательство важности балета, а отсюда, конечно, и серьезности труда г. Балетомана. Оцѣнку исторической и фактической стороны этого труда взялъ на себя дѣйто г. Мих. Невичъ, въ «Новостяхъ», и замѣтилъ въ немъ великое множество прорѣхъ, неточностей и невѣжества. Надо ждать полемики, ибо, какъ видно, дока на добу наполь, если только г. Балетоманъ не признаетъ себя посрамленнымъ и не согласится съ оппонентомъ. Намъ больше всего заинтересовало въ книгѣ великое множество разныхъ закулисныхъ анекдотовъ, приключеній и интригъ, представляющихъ удивительную смѣсь смѣшнаго и тяжелаго, что, какъ намъ кажется, дѣйствительно можетъ характеризовать извѣстное время и нравы. То вы читаете, что во время, анокреонтическаго балета «Зефиръ и Флора», было «невозможно описать того, что изображалось на лицѣ поэта (Державина), воскликнувшаго наконецъ: «нѣтъ! самое пламенное воображеніе поэта никогда не можетъ породить подобнаго», то вы читаете, что танцовщица Колосова упала безъ памяти отъ испуга, испугавшись только того, что Императоръ Павелъ всталъ съ мѣста и указалъ на отшпиглившуюся у нея гирлянду цвѣтовъ, въ которой она могла запутаться и упасть. Колосова же подумала, что императоръ чѣмъ нибудь недоволенъ.

А вотъ и умеръ человекъ отъ испуга. Въ 1822 г. въ особеннoсти славилась танцовщица Новицкая, которая была за то «не очень красива и поведенія безукоризненнаго» (187). Она была учительницей танцевъ въ Смольномъ монастырѣ и Екатерининскомъ институтѣ и пользовалась особенною благосклонностью императрицы Маріи Теодоровны. «Графъ же Милародовичъ, завѣдывавшій театрами, ухаживать за Телешевой. Дидло приготовилъ какой-то новый балетъ, въ которой главную роль назначилъ Телешевой, а второстепенную — Новицкой. Последней это показалось обидно; она просила Дидло избавить ее отъ подобной роли. Дидло сказалъ объ этомъ графу Милародовичу; тотъ призвалъ Новицкую и объявилъ ей, что если она не будетъ танцовать въ назначенной ей роли, то онъ посадитъ ее въ сумрачный домъ! Эта угроза такъ сильно подѣйствовала на Новицкую, что она на другой же день захворала нервическою лихорадкою и все время бредила, что ее одѣли въ арестантское платье съ «латкой» на спинѣ. Императрица Марія Теодоровна, узнавъ о болѣзни Новицкой, прислала къ ней своего лейбъ-медика Рюля, которому мать бѣдной дѣвушки объяснила причину болѣзни своей дочери. Рюль обо всемъ слышанномъ довелъ до свѣдѣнія государыни. Это дошло до графа Милародовича, и онъ, желая чѣмъ нибудь загладить свой жестокий поступокъ, пріѣхалъ самъ навѣстить больную. Новицкой въ это время сдѣлалось получше: она пришла въ память... Но едва ей доложили о пріѣздѣ графа, какъ съ ней отъ испугу сдѣлался новый бредъ, болѣзнь усилась и черезъ нѣсколько дней Новицкой не стало» (188). Вотъ какіе люди были въ прежнее время: отъ одного вида ихъ могла происходить смерть.

Деревенскіе будни, Н. Златовратскаго. Спб., 1882 г.

Одно изъ характернѣйшихъ явленій современной русской литературы составляетъ, несомнѣнно, «мужичья беллетристика». Западная литература почти не знаетъ его. Есть, положимъ, и въ западныхъ литературахъ высоко-талантливыя произведенія, имѣющія предметомъ изображеніе народной жизни. Но все-таки это совсѣмъ не то. И старинныя «Dorfgeschichten» Ауэрбаха или «Petite Fadette» Жоржъ Занда, и новѣйшія нѣмецкія повѣсти изъ деревенскаго «Stilleben», и изображенія народной жизни у французскихъ писателей реальной школы, все это принадлежитъ къ той области искусства, которая въ живописи уже нѣсколько сотъ

лѣтъ тому назадъ получила широкія права гражданства подъ именемъ «жанра». Западныя беллетристы изъ народной жизни, за крайне рѣдкими исключеніями, за предѣлы жанра не переступаютъ. Это значитъ, что его никогда не покидаетъ покровительственная улыбка барина, который настолько прекрасодушенъ, что его можетъ интересовать жизнь людей несравненно болѣе низкаго соціального уровня, нежели онъ. Всегда онъ чувствуетъ себя выше этой жизни и, что самое главное, нѣтъ между нимъ и предметомъ изображенія живой, органической связи. «Объективно» изображаетъ онъ то, что находитъ характернымъ, считая свою работу чисто художественнымъ предпріятіемъ и не тревожа при этомъ своего нравственнаго міра.

Русская литература уже давнымъ давно отбросила всякое поповное свести изображеніе народной жизни на «жанръ». Никому изъ русскихъ бытописателей народной жизни не придетъ охоты покровительственно улыбаться. Слишкомъ уже серьезно дѣло, за которое они берутся. И потому-то западные «жанристы» просто себѣ живописуютъ; а русскія писатели-народники какъ-бы священнодѣйствуютъ. Въ западной литературѣ «народная беллетристика» есть ничто иное, какъ «между прочимъ», а у насъ она ставится во главу угла. У насъ «народная литература» не столько художественное явленіе, сколько одинъ изъ частныхъ случаевъ стремленія заглядить предъ народомъ многовѣковую вину. Отсюда серьезность, жгучесть и страстность русской «народной литературы»—этого кроваваго риданія лучшихъ элементовъ русскаго общества.

Уже третье литературное поколѣніе разрабатываетъ «народный вопросъ». Начало положили «орлы» сороковыхъ годовъ—Тургеневъ, Толстой, Писемскій, Григоровичъ. Шестидесятые годы выдвинули новыхъ работниковъ—М. Вовча, Рѣшетникова, Левитова. Наконецъ, современную литературу «заполонила» къ оторченію г. Буренина цѣлая плеяда мужицкихъ беллетристовъ въ лицѣ Глѣба Успенскаго, Златовратскаго, Наумова, Нефедова, Вологодина, Эртеля и др.

Такая продолжительная и упорная разработка «народной литературы» не могла не подвинуть значительно впередъ эту область творчества. Такое множество работниковъ не могло не внести постепеннаго измѣненія въ способы изображенія, въ манеру писать и вообще во все содержаніе «народной беллетристики». Припоми-

найдется мнѣ по этому поводу нѣкоторые недавніе отзывы критики объ отдѣльномъ изданіи «Деревенской Неурядицы» Глѣба Успенскаго. Нашлись критики, которые полагали, что новыя бытописатели народной жизни не пошли дальше старыхъ мастеровъ—Тургенева, Толстаго, Писемскаго, что читатель, знакомый съ народомъ по «Запискѣмъ Охотника», не найдетъ новыхъ данныхъ для сужденія о народной психологій у новѣйшихъ беллетристовъ-народниковъ. Подумаешь, какія странныя на свѣтѣ критики бываютъ. Не замѣтитъ разницы между типами Тургенева и типами Успенскаго и Златовратскаго, когда она просто въ носъ бьетъ. Я не говорю тутъ о степени талантливости воспроизведенія, объ умѣніи ярко выставить наблюденное. Въ этомъ конечно, Успенскому и Златовратскому, какъ талантамъ менѣе крупнымъ, куда же угнаться за такими колосами художества, какъ Тургеневъ или Толстой. Но по приближенію къ живой дѣйствительности, по точному воспроизведенію всѣхъ мелочей крестьянскихъ, именно крестьянскихъ, а не тѣхъ, которые барамъ интересны, типы новѣйшихъ писателей-народниковъ несомнѣнно представляютъ огромный шагъ впередъ. Мужики Тургенева—ровно на половину пейзаже, типы преломившіеся черезъ дилетантски-барскую наблюдательность, съ ея непониманіемъ тѣхъ сторонъ народной жизни, которая не имѣютъ себѣ аналогіи въ жизни интеллигентныхъ классовъ. Прежніе писатели, задавшись благородною и высокою цѣлью отыскать въ мужикѣ челоуѣка, проглядѣли въ немъ мужика. И потому-то получалось въ результатѣ, что именно мужицкія стороны народной жизни, то, что только крестьянину свойственно, въ литературѣ воспроизведенія не нашло. Такъ напр. авторъ разбираемой нами книги совершенно справедливо нападаетъ на нашу «художественную литературу», которая не дала «ни одной мало-мальски типичной и яркой картины изъ области общинной жизни: мы не имѣемъ ни общинныхъ характеровъ, ни типичныхъ сценъ общинныхъ сходовъ, судовъ, передѣловъ,—этихъ выразительнѣйшихъ и характернѣйшихъ картинъ народной жизни. Наши художники какъ-то ухитрились изображать народъ, отвлекая его совершенно отъ почвы, да которой онъ рождался, выросталъ, дѣйствовалъ и умиралъ» (стр. 92).

Очень хѣткое объясненіе такого игнорированія крупнѣйшей черты народной жизни г. Златовратскій влагаетъ въ уста одного

крестьянина. Авторъ описываетъ, какъ онъ пошелъ посмотрѣть передѣлъ общинной земли.

— Вишь ты, съ конхъ поръ поднялся? говорили мнѣ мужики:— ази наши мужицкіе распорядки посмотрѣть охотнисья?

— Ка-аже! Вѣдь передѣлы у васъ не каждый день бываютъ, разъ въ годъ, а то и рѣже. Когда еще-то увидишь!

— Такъ, такъ; у васъ этого нѣтъ.

«У насъ этого нѣтъ»—совершенно вѣрно. Этимъ сказано очень много. У насъ этого нѣтъ—и культурный художникъ изъ «свѣжихъ» и стороннихъ наблюдателей, компануя путемъ крайне подозрительнаго творчества мужицкія фигуры на основаніи общихъ и очень поверхностныхъ психическихъ аналогій, совершенно игнорировалъ общенародный, исконно-традиціонный элементъ, охватывающій всецѣло, съ самой колебели, непосредственный индивидуумъ изъ народа» (стр. 138).

Въ другомъ мѣстѣ г. Златовратскій чрезвычайно вѣрно резюмируетъ огромное значеніе такого страшнаго промаха. «При мало-мальски серьезномъ и внимательномъ изученіи народной жизни, не можетъ быть сомнѣнія, что этотъ общенародный, исконно-традиціонный элементъ долженъ имѣть громадное значеніе какъ въ мужицкой «психіи» исключительно, такъ и въ строеъ мужицкаго міровоззрѣнія и въ социальныхъ отношеніяхъ. Какъ ни велики были внѣшнія вліянія на народную жизнь, какъ ни уродовали они естественно-органическое развитіе его первобытныхъ идеаловъ, подъ игомъ какихъ стороннихъ при-иѣсей ни дошли до насъ эти идеалы, но они все же, къ счастью нашему, дошли, сохранились въ теченіи тысячелѣтій, и въ актѣ передѣловъ, можетъ быть, въ наиболѣе чистой, примитивной ихъ формѣ. И это доказывается какъ массой неопровержимыхъ фактовъ, такъ и путемъ очень простыхъ логическихъ умозаключеній. Скажите, возможно-ли послѣ этого, чтобы извѣстный социальный факторъ, дѣйствуя неустанно и неослабно въ теченіи вѣковъ, сохранившійся подъ игомъ всевозможныхъ внѣшнихъ воздѣйствій, почти въ первобытной чистотѣ, факторъ въ высшей степени своеобразный и характерный, охватывающій собой самый широкій принципъ справедливѣйшихъ социальныхъ отношеній—возможно ли, чтобы этотъ факторъ проходилъ безгдѣдно надъ мужицкою душой, чтобы онъ не наложилъ на нее глубокаго, своеобразнаго

клеяма, чтобы онъ не пронизывалъ насквозь все мужицкое міровоззрѣніе, чтобы онъ не сопутствовалъ мужику отъ колыбели до могилы? Мы можемъ, конечно, признавать или нѣтъ, что, подъ влияніемъ тѣхъ или другихъ тяжелыхъ условій, значеніе этого фактора могло умалиться, суживаться, или же наоборотъ, но отрицать его, игнорировать, проходить мимо—невозможно. Однако, мы ухитрились, говоря о мужицкомъ мірѣ, о мужицкой душѣ, воспроизводя въ самыхъ сочувственныхъ даже краскахъ мужицкіе «типы», ухитрились такъ игнорировать этотъ факторъ, что, читая наши художественныя произведенія изъ народнаго быта, иностранецъ непремѣнно воскликнетъ: «Да что же это за фантастическій вздоръ наговорили намъ гг. Гакстаузены, Лавелэ, Мэны и др. о какихъ-то существующихъ въ Россіи первобытныхъ народныхъ идеалахъ, не въ примѣръ намъ, европейцамъ! Вотъ вамъ художественные типы русскихъ писателей, первостепенныхъ русскихъ писателей, хоть бы, на примѣръ, Пушкина, Тургенева, Толстого, Писемскаго, второстепенныхъ, спеціальныхъ ужъ народниковъ: Григоровича, Потѣхина, М. Вовчка и tutti quanti—укажите же намъ, гдѣ тутъ имѣется хотя намекъ на своеобразное міровоззрѣніе, какъ логическое слѣдствіе вѣковыхъ общинныхъ началъ? Гдѣ эти выразительныя, характернѣйшія картины общинно-бытовой жизни? Эти художники сочиняли и историческія народныя эпопеи, и современные романы, дали намъ массу мужицкихъ фигуръ—любящихъ и враждующихъ, покорныхъ и протестующихъ, резонеровъ и тугоумныхъ, распутныхъ и ангельски-непорочныхъ, звѣроподобныхъ и моралштовъ высшей пробы. Но гдѣ же, укажите, гдѣ у всѣхъ этихъ фигуръ та общая всѣмъ имъ черта, которая говоритъ, что всѣ они—общинныя, мірскіе люди, что всѣ они рождаются, живутъ и умираютъ въ своеобразныхъ условіяхъ общиннаго быта?»

Упрекъ неотразимый. Я не буду настолько пристрастенъ къ народникамъ-писателямъ новѣйшей формаціи, чтобы утверждать, что они безусловно свободны отъ этого упрека, что они совсѣмъ приблизились къ полному воспроизведенію народной жизни. Но что они значительно ближе къ ней, нежели прежніе писатели со своимъ «общечеловѣческимъ» типамъ крестьянъ—это такъ элементарно, такъ ясно изъ самаго бѣлаго сравненія, что въ короткой рецензіи даже не хочется тратить мѣсто для доказательствъ. Уже одинъ приведенный сѣтованія г. Златовратскаго ясно показыва-

вать, что новая школа народных писателей ступила на путь полного воспроизведения народной жизни. Г. Златовратскій самъ неоднократно заявляетъ о своемъ безсиліи дать полную картину общинной жизни. Но одно сознание этой необходимости есть уже залогъ будущаго. Разъ правильно поставленъ діагнозъ, найдется, несомнѣнно и лекарство.

Думаемъ, впрочемъ, что г. Златовратскій нѣсколько скромничаетъ. Его книга, несомнѣнно, значительное приближеніе къ полному пониманію народныхъ «устоевъ». И если кто-нибудь хочетъ получить точное представленіе о житьѣ-бытьѣ современной деревни, то, предпочтительнѣе предъ всѣми книгами, ему можно рекомендовать «Деревенскіе будни». Это своего рода энциклопедія деревенской жизни и притомъ именно будничной, что довольно ново въ ряду повѣстей и рассказовъ изъ народной жизни. До сихъ поръ бытописатели народа все больше останавливались на исключительныхъ явленіяхъ деревенской жизни: любви деревенскихъ парней и дѣвокъ, посидѣлкахъ, хороводахъ, крестинахъ, похоронахъ, наконецъ голодовкахъ и разныхъ митарствахъ, претерпѣваемыхъ мужиками при столкновеніяхъ съ хищными элементами, окружающими его со всѣхъ сторонъ. Г.-же Златовратскій вводитъ насъ именнo въ тѣ мелочи крестьянской жизни, которыя многимъ наблюдателямъ кажутся слишкомъ дробными и безцвѣтными и которыя однако въ десять разъ больше характеризуютъ основной фонъ народной жизни, нежели всякія исключительныя положенія. Не всегда одинаково ярко, иной разъ даже жестоко «скучно» для любителей «пязнаго чтенія», но всегда добросовѣстно старается г. Златовратскій уловить народныя устои, и такъ какъ онъ ихъ ищетъ не только тамъ, гдѣ они ясны какъ день и сразу бросаются въ глаза наблюдателю, но и тамъ, гдѣ ихъ нужно отрыть въ массѣ постороннихъ наслоеній, то въ результатѣ получаются многія новыя, до сихъ поръ мало замѣченныя черты народной психологій.

Въ заключеніе, нѣсколько словъ по вопросу о томъ, кто намъ дастъ безусловно-вѣрную картину народной жизни. Г. Златовратскій полагаетъ вотъ какъ:

«Принявъ во вниманіе то, что наблюденіе народа со стороны у насъ сопровождается разными побочными соображеніями — крѣпостническими, опекунскими, сантиментальными, спекуляторскими, патріотическими и проч., смотря по тому, съ какой сто-

ронъ подходитъ въ звѣ наблюдатель—у мыслящаго читателя невольно должно зародиться сомнѣніе въ правдѣ воспроизведенія народной жизни этими «сторонними наблюдателями. И это совершенно естественно, потому что нѣтъ прочнаго критерія, нѣтъ данныхъ для оцѣнки, нѣтъ специально-научной точки зрѣнія. Этотъ критерій могъ бы дать мыслящему читателю или научныя изысканія въ сферѣ народнаго быта, или непосредственный народный художникъ, мірской, общипный человѣкъ. Къ сожалѣнію, первыхъ у насъ до сего времени очень мало; втораго мы не видѣли еще и, Богъ вѣсть, дождемся ли когда илбудъ» (стр. 129).

По этому поводу вспоминается мнѣ недавній разговоръ съ однимъ изъ крупнѣйшихъ писателей нашихъ. Мы заговорили о современныхъ писателяхъ изъ народной жизни. Собесѣдникъ мой, находящійся теперь въ періодѣ страстнаго исканія именно народной правды, выразилъ свою неудовлетворенность картинами народной жизни, попадающимися ему въ современной литературѣ.

— Не то отношеніе къ дѣлу, говорилъ онъ. Не съ тѣмъ душевнымъ настроеніемъ подходятъ наши писатели къ народу. Онъ для нихъ предметъ изученія, точно предъ ними зулусы какіе нибудь. Возьмутъ мужика, положатъ подъ микроскопъ и разсматриваютъ, какъ это онъ копошится и возится въ своемъ міркѣ. Совсѣмъ, совсѣмъ иначе нужно относиться. Нужно самому быть народомъ. Нужно до такой степени слиться душевно съ мужикомъ, чтобы и въ «изученіи» никакой надобности не было. Вы просто будете себѣ сидѣть въ кабинетѣ и изображать свой собственный душевный міръ, а это и будетъ народное міросозерданіе, потому что между вами и мужикомъ не должно быть никакой психической разницы: у васъ должны быть одні и тѣже чувства, стремленія, вѣрованія. Только тогда и можетъ удасться точное изображеніе народной жизни. Мужикъ не долженъ вамъ быть человѣкомъ другого міра. Слиться, всецѣло слиться должны вы съ нимъ.

На подобную, нѣсколько фантастическую постановку вопроса, я могъ только отвѣтить, что, дѣйствительно, лучшая часть интеллигенціи стремится къ полному сліянью съ народомъ, но что это трудно дается. По крайней мѣрѣ лѣтъ пятьдесятъ должно пройти, прежде чѣмъ наступитъ такое сліяніе.

— Нѣтъ, зачѣмъ же пятьдесятъ, горячо возразилъ мой собеседникъ.
«устонъ» №№ 3 и 4, отд. II.

сѣдникъ, мнѣ 53 года, но я твердо вѣрю, что еще мнѣ удастся видѣть это сляніе.

Въ сущности, и г. Златовратскій, и великій писатель, о которомъ только что шла рѣчь, говорятъ одно и тоже: что только человѣкъ съ такою же мужицкою душою, какъ и изображаемые мужики, можетъ дать полную картину народной жизни. Но кабы г. Златовратскому, писателю относительно молодому, передать хоть частицу того упованія, которая была у моего собесѣдника, не покладая бы онъ рукъ и не сдавая бы работы на руки «мірскаго» чело-вѣка, а бодро взялся бы за нее самъ. С. В.

Антропология. (Введеніе къ изученію чело-вѣка и цивилизаціи). Эд. В. Тайлора. Спб. 1882 г.

Значеніе антропологическихъ свѣдѣній для специальныхъ наукъ вполне выяснилось въ послѣднія десятилѣтія, — этимъ и объясняется быстрый успѣхъ антропологии въ массѣ образованной публики, занятой мыслью найти выходъ изъ социальныхъ затрудненій, грозящихъ всей современной европейской цивилизаціи. Основой всякаго общественнаго строя былъ, есть и всегда будетъ самъ чело-вѣкъ, съ его умственными и нравственными качествами; неудивительно поэтому, что изученіе чело-вѣка со всѣхъ сторонъ считается необходимымъ условіемъ правильнаго взгляда на социальные явленія. Теперь мало-по-малу вытѣсняется изъ социальной науки мысль, что общественный строй идеальнаго типа можетъ быть изобрѣтенъ какою-нибудь гениальнымъ чело-вѣкомъ или группою наиболѣе интеллигентныхъ людей. Подъ именемъ лучшаго социального строя можно подразумѣвать только такой, который соответствуетъ чувству и мыслямъ людей, составляющихъ общество. Идеальный строй, созданный по чувству и мыслямъ одного лица или группы лицъ, никогда не можетъ соответствовать душевному настроенію и міросозерцанію массъ, а потому и можетъ держаться только насильемъ, всегда развращающимъ личность, если бы даже она была обязана дѣлать что-нибудь хорошее: добро, совершаемое подъ угрозой наказанія, не воспитываетъ въ чело-вѣкѣ альтруистическихъ чувствъ, а, наоборотъ, содѣйствуетъ развитію лицемерія, притворности и т. п. Социальный строй долженъ быть вполне приуроченъ къ сознанію тѣхъ лицъ, которыя входятъ въ его составъ; всѣ попытки изобрѣсти такой идеальный типъ общества, который бы годился для всего чело-вѣчества, будутъ вполне безплодны

и пелѣмъ. Лучшее, что могутъ сдѣлать люди науки въ этомъ отношеніи, это—предоставить самимъ членамъ общества опредѣлять, какая форма общественности имъ наиболѣе по сердцу; хотя, разумѣется, за ними остается право убѣжденія людей въ превосходствѣ той или другой формы. Мы говоримъ здѣсь только о томъ, что окончательное, практическое рѣшеніе задачи должно быть предоставлено свободной волѣ членовъ общества. Поэтому-то изученіе человѣчества и его отдѣловъ со всѣми ихъ пороками, предразсудками и заблужденіями — настоятельно необходимо для всѣхъ, желающихъ такъ или иначе вліять на ходъ общественнаго прогресса. Но изученіе всякаго предмета будетъ не полнымъ и не яснымъ, если мы не изслѣдуемъ тѣхъ пзмѣненій, которыми подвергался онъ въ прошломъ, т. е. необходимо изучить его исторію.

Тэйлоръ въ своей «Антропологіи» сгруппировалъ свѣдѣнія по преимуществу по исторіи человѣка, его языка, письменности, жителской техники, изящныхъ искусствъ, науки, религіи. Его историческій анализъ отрываетъ намъ, какъ, напримѣръ, изъ древняго музыкальнаго лука, съ тыквеннымъ резонаторомъ, мало-по-малу развилась средневѣковая арфа. Последнимъ же словомъ развитія этого древняго лука должно считать рояль, такъ какъ самая форма большаго рояля показываетъ, что онъ есть нечто иное, какъ арфа, которая положена на бокъ въ ящикѣ и струны которой теперь перебираются не руками, но звучатъ подъ ударами молоточковъ, дѣйствующихъ съ помощью клавиатуры. Примѣръ развитія рояли изъ первобытнаго музыкальнаго лука можетъ дать намъ понятіе о томъ процессѣ историческаго развитія, которому подчиненъ человѣкъ со всѣми своими дѣлами.

Вполнѣ признавая значеніе изслѣдованій историческаго развитія языка и жителской техники, мы не можемъ не пожалѣть, что Тэйлоръ очень мало занялся особенностями человѣческихъ расъ. Онъ знакомитъ насъ по преимуществу только съ наружными физическими особенностями, не давая никакого понятія объ умственныхъ и нравственныхъ отличіяхъ. Это было бы понятно, если бы онъ принадлежалъ къ тѣмъ устарѣвшимъ изслѣдователямъ, которые, подобно Боклю, признавали все человѣчество вполнѣ тождественнымъ въ этомъ отношеніи. Тэйлоръ самъ указываетъ на несправедливость подобныхъ мнѣній и говоритъ, что антропологія находитъ расовыя отличія наиболѣе ясно выраженными, между

прочимъ, въ умственномъ и нравственномъ складѣ расъ. Плюстраціей этихъ нравственныхъ особенностей расъ можетъ служить примѣръ одного «низко-стоящаго бѣднаго племени въ Южной Индіи» — курубаръ. Фермеры нанимаютъ ихъ для охраненія своихъ полей, хорошо зная, что «эти люди скорѣе умрутъ съ голода, нежели украдутъ одно зерно изъ ввѣреннаго ихъ попеченію; и они такъ правдивы, что ихъ свидѣтельство немедленно рѣшаетъ споры даже съ ихъ болѣе богатыми сосѣдями такъ какъ всѣ говорятъ: «курубаръ всегда говоритъ правду».

Къ сожалѣнію, мы не встрѣчаемъ у Тэйлора свѣдѣній, какія общественныя формы вырабатываются соотвѣтственно тѣмъ расовымъ особенностямъ, о которыхъ мы говорили выше. Невозможно предположить, что курубаръ будетъ жить въ такомъ же общественномъ строѣ, въ какомъ живетъ какое нибудь хпщное, разбойническое племя, пробавляющееся грабежомъ мирныхъ сосѣдей. Исторія ихъ обществъ не можетъ быть тождественною, а потому всѣ попытки давать общую схему развитія обществъ должны быть оставлены. Развитіе обществъ идетъ не одинаковымъ путемъ; они должны походить и отличаться другъ отъ друга столько же, сколько отличаются расы, входящія въ ихъ составъ. Хотя у Тэйлора и есть глава, въ которой онъ занятъ исторіей общественныхъ формъ, но она совершенно несоотвѣтствуетъ важности предмета; въ особенности, если сравнить ее съ тѣми главами, въ которыхъ онъ трактуетъ о развитіи житейской техники самымъ подробнымъ образомъ. А между тѣмъ, общественныя формы въ жизни людей имѣютъ не меньшее значеніе, чѣмъ техника.

Г. Пивинъ, переводчикъ Тэйлора, почелъ нужнымъ присоединить къ русскому изданію «Антропологін» свое предисловіе, къ сожалѣнію, весьма обширное. Врядъ ли была необходимость въ пристегиваніи къ серьезному труду извѣстнаго англійскаго ученаго комплиментной размазни г. переводчика.

Что такое истиннорусская государственная программа? Очеркъ современнаго соціального положенія Россіи. Николая Алышевскаго. Спб. 1882.

Цѣна брошюрѣ г. Алышевскаго, состоящей всего изъ 5 печатныхъ листовъ, — 1 рубль 20 коп. Вотъ ужъ поистинѣ малъ золотникъ да дорогъ! И дѣйствительно, брошюра г. Алышевскаго очень любопытна. Положимъ, что никакого очерка современнаго

соціального положенія Россіи въ брошюрѣ не заключается и вообще о соціальномъ положеніи Россіи упомянуто въ заголовкѣ, видимо, для красоты слога и для внушительности. Но за то врядъ ли можно найти другой такой прекрасный прихѣръ путаницы понятій, господствующей въ настоящее время въ головахъ добродушныхъ русскихъ людей, какой представляетъ собою брошюра г. Алышевскаго. Въ наше время благодушнымъ россиянамъ приходится очень плохо: они всѣмъ своимъ нутромъ чувствуютъ непорядки русской жизни, отражающіеся на присвоенныхъ имъ окладахъ и выкупныхъ; но понять причины этихъ непорядковъ они, эти благодушные россияне, собственнымъ умомъ не могутъ. И вотъ они начинаютъ прислушиваться къ тому, что говорятъ другіе на тему о «непорядкахъ»: съ одной стороны, имъ представляются программы такихъ требованій, въ справедливости которыхъ ихъ убѣждаетъ непосредственное чувство, но которыхъ, въ то же время, они не могутъ не страшиться, такъ какъ эти требованія угрожаютъ окладамъ и выкупнымъ; съ другой стороны, слухъ благодушныхъ россиянъ поражается словами: «средостѣніе», «цѣлокупность», «оздоровленіе корней» и проч., которыя если и не заключаютъ никакого смысла, за то оставляютъ въ непрямомъ существованіи существующіе оклады и выкупные. Сбитый съ толку, увлекаемый съ одной стороны внутреннимъ чувствомъ справедливости, а съ другой—брюшными интересами, благодушный россиянинъ кончаетъ тѣмъ, что усваиваетъ себѣ по кусочку отъ обонхъ представленныхъ ему міровозрѣній, несмотря на ихъ полную противоположность. Ухитрившись, такимъ образомъ, и капиталъ приобрѣсти, и невинность соблюсти, примиривъ голосъ совѣсти съ несовсѣмъ чистыми инстинктами, благодушный россиянинъ чувствуетъ себя въ столь хорошемъ расположеніи духа, что желаетъ и другихъ привести въ таковое-же, и потому садится и пишетъ брошюру въ 1 рубль 20 коп.

Г. Алышевскій, несомнѣнно, благодушнѣйшій изъ всѣхъ благодушныхъ россиянъ. Для него всѣ люди одинаково хороши: хорошъ мужичекъ, не дурень чиновникъ, всякій помѣщикъ—распрекраснѣйшая душа, даже «мальчишки» и тѣ, по мнѣнію г. Алышевскаго, не безнадежно застряли на пути заблужденій, а могутъ еще возвратиться вспять, исправиться. Странно только нѣсколько, почему въ Россіи, сверху до язу наполненной хо-

рошши людьми, живется довольно неудовлетворительно почти всѣмъ—и мужичку, и чиновнику, и помѣщику, да и «мальчиш-кажъ». Г. Алышевскій объясняетъ дѣло, впрочемъ, очень просто: тутъ вязалось нѣкое «средостѣніе», которое и помѣшало «цѣлокупности» (не знаю, вѣрно-ли я понялъ г. Алышевскаго; но дѣло въ томъ, что его брошюра написана на такомъ странномъ жаргонѣ, что на немъ сломали бы ноги даже знаменитые 77 толковниковъ). А самое «средостѣніе» явилось, повидному, вслѣдствіе того, что нашему государственному органпзму не доставало «духовнаго самоизученія наряду съ внѣшнимъ самосознаніемъ», «внутренняго самосозерцанія наряду съ опытнымъ наблюденіемъ и анализомъ міра внѣшняго», «отвлеченнаго и мистическаго послушанія своему инстинктивному чутью наряду съ исполненіемъ разумомъ предписываемыхъ требованій жизни» (стр. 6). Эту глубокую мысль г. Алышевскій иллюстрируетъ примѣрами, изъ которыхъ мы возьмемъ одинъ. «Земецъ, говоритъ нашъ авторъ, не успѣваетъ въ дѣлахъ не потому, что онъ не хочетъ или не можетъ этого, а потому, что слишкомъ хорошо уже изучилъ—какъ ни странно это—нужды и потребности дѣла, которому служить, слишкомъ распозналъ видимыя и palpчныя средства исполненія этого дѣла. Дѣло изучено вполне, потребности и его нужды выяснены, но средствъ ихъ исполненія не оказывается на лицо,—и у земца опускаются немощно руки, онъ разочарованъ и бездѣйствуетъ... Средства бы и отыскались, но ихъ нельзя взять руками, надо воспринять духовно (?!), а русскій человекъ воспитанъ («увѣрно (?), на чужихъ и ложныхъ идеалахъ (!); онъ и чувствуетъ подчасъ тщету и фальшь этихъ идеаловъ, предугадываетъ чувствомъ суть и правду родной жизни, угадываетъ даже, гдѣ взять и средствъ самихъ (?) къ обновленію этой жизни, но не вѣритъ себѣ и не хочетъ знать своего непосредственнаго чувства, лезетъ въ доктрину и (какой съ Божьей помощью оборотъ!) обвиняетъ государство во всемъ...» (стр. 23—24). Однимъ словомъ, «безъ працы не бенды кололацы» и прочія изреченія московскихъ мудрецовъ.

А рядомъ съ этимъ вздоромъ, какъ будто запикствованнымъ у самаго Ивана Яковлевича Корейши, г. Алышевской, въ видахъ улучшенія современнаго положенія Россіи, проектируетъ, правда въ невѣроятно-туманныхъ фразахъ, такіа мѣры, которыхъ не мо-

жетъ не сочувствовать всякій здравомыслящій чловѣкъ, какъ то: широкое развитіе и правильная постановка дѣла народнаго образованія, свободу слова и проч. Но на такой почвѣ г. Алышевскій оставаться долго не можетъ и тотчасъ же выдвигаетъ проекты организаціи института прокуроровъ—народныхъ трибуновъ (1), учрежденія должности государственнаго контролера, періодически избираемаго народомъ, но которому, однако, власть всегда можетъ дать по шапкѣ и т. и.

Къ чему, однако, столько вниманія къ такому вздору, какимъ является брошюра г. Алышевскаго? спроситъ иной читатель. А въ тому, что вздоръ этотъ—знаменіе времени: подумайте-ка, читатель, почему въ прежнее время Иваны Яковлевичи занимались предсказываніемъ будущаго московскимъ купчихамъ, а нынче издають брошюры, трагующія о социальномъ положеніи Россіи?..

О крестьянскомъ самоуправленіи ¹⁾.

(Окончаніе).

Одни изъ земствъ ограничились просто отпиской на министерскіе вопросы; выискались и такія, которыя отказались отъ разсмотрѣнія предложенныхъ вопросовъ, полагая, что это «дѣло губернскаго собранія» или учрежденной правительствомъ особой комисіи; но нашлось не мало и такихъ, которыя въ полной мѣрѣ воспользовались предоставленнымъ имъ правомъ обсуждать вопросъ, не стѣсняясь оффиціальной программой. Мнѣнія этой послѣдней группы земствъ весьма любопытны и ихъ, главнымъ образомъ, мы и будемъ разсматривать.

Опытъ привелъ земства къ убѣжденію, что никакія частныя измѣненія въ устройствѣ существующихъ крестьянскихъ учреждений, въ родѣ измѣненія состава присутствія, перенесенія власти съ одного лица на другое и т. п., не могутъ устранить той неурядицы, какая господствуетъ теперь въ крестьянскомъ управленіи. Замѣчательно, что въ критической оцѣнкѣ крестьянскихъ присутствій сошлись не только либеральныя и нелиберальныя земства, но даже и сами присутствія по крестьянскимъ дѣламъ. Одинъ изъ наиболее рѣзкихъ отзывовъ о ихъ несостоятельности принадлежитъ Лубенскому присутствію ²⁾. Одно изъ Полтавскихъ уѣздныхъ присутствій также съ полной откровенностью заявляетъ, что «дальнѣйшее существованіе этого учрежденія не можетъ принести никакой пользы для крестьянскаго населенія ³⁾».

¹⁾ См. «Устон» № 2.

²⁾ «Трудъ» 1880, № 44.

³⁾ «Земство», 1883, № 30, стр. 14.

Но между мнѣніями крестьянскихъ присутствій такія откровенныя заявленія составляютъ, конечно, исключеніе; земства же, напротивъ, всѣ единодушно сошлись въ убѣжденіи, что дальнѣйшее существованіе порядка вещей, созданнаго положеніемъ 27 іюня 1874 года, невозможно. Орловское уѣздное земское собраніе (Вятской губ.), мнѣнія котораго особенно любопытны, такъ какъ большинство гласныхъ въ собраніи составляли крестьяне, заявляетъ, что «выпѣ дѣйствующія присутствія по крестьянскимъ дѣламъ, послѣ долгой и неудачной практики, обнаружили очевидную неспособность ихъ служить тѣмъ дѣламъ, ради которыхъ они были созданы. По бюрократическому характеру своему, они не могли не внести формализма и канцелярщины и въ дѣло столь живое, какъ жизнь крестьянина, и, обнаруживъ свою неспособность идти въ уровень съ развитіемъ жизни той среды, въ которой имъ пришлось дѣйствовать, давно пережили себя». Въ виду такихъ недостатковъ, они, по убѣженію собранія, должны быть уничтожены, а дѣла, подлежащія ихъ вѣдѣнію переданы земскимъ и мировымъ общественнымъ учрежденіямъ¹⁾. Большинство уѣзныхъ земствъ Костромской губерніи, въ составѣ которыхъ крестьянскій элементъ также значителенъ, признаетъ, что «учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ, по своему составу и по условіямъ, въ которыя они поставлены, не отвѣчаютъ ни цѣли, имѣвшейся въ виду при ихъ установленіи, ни требованіямъ жизни того сословія, для руководства и исправленія котораго они предназначены, и потому учрежденія эти, какъ совершенно излишнія, подлежатъ уничтоженію». «Присутствіе состоитъ», говорилъ въ Варнавнскомъ собраніи гласный отъ крестьянъ Лебедевъ, мнѣніе котораго въ полномъ объемѣ принято земскимъ собраніемъ, — «изъ элементовъ, вовсе чуждыхъ крестьянскому народонаселенію, не связанныхъ съ нимъ никакими интересами и равнодушныхъ къ его бытовому положенію... Предводитель дворянства, избираемый особымъ сословіемъ и совершенно съ дѣлами сословными, чуждыми послѣ 19 февраля 1861 года крестьянскихъ бытовыхъ и экономическихъ интересовъ, едва ли можетъ считаться преданнымъ въ пользу крестьянскаго благосостоянія, тѣмъ болѣе, что онъ не по-

¹⁾ № 41.

лучаетъ за свои занятія и заботы о благѣ народномъ никакого вознагражденія. Непремѣнный членъ занять рассмотрѣнїемъ спеціальныхъ на него возложенныхъ дѣлъ, возникающихъ изъ земельныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ». Но главнѣйшіе недостатки этого учрежденія обусловливаются тѣмъ положеніемъ, какое отведено въ немъ уѣздному исправнику. Сознаніе необходимости устранить полицейскій элементъ изъ системы крестьянскаго управленія выражается въ каждомъ почти постановленіи земскихъ собраній. «Исправникъ, говорится въ постановленіи Варнавинскаго собранія, «лицо правительственное, не связанное съ мѣстными интересами и преслѣдующее лишь фискальныя цѣли. Главную его заботу составляетъ выбиваніе съ крестьянъ податей и другихъ повинностей. Онъ не имѣетъ ни надобности, ни времени входить въ нужды народа: долгъ службы заставляеть его очистить подати и другіе сборы, не разсуждая о положеніи крестьянъ, принимая при этомъ всевозможныя мѣры, какъ-то: продажу имущества и послѣдняго скота, аресты и даже розги». Предоставленіемъ исправнику единоличной власти подвергать взыскацію волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ за неисправное взысканіе податей «нанесенъ, по заявленію Чухломскаго земства, тяжкій ударъ развитію крестьянскаго самоуправленія: волостные старшины и сельскіе старосты превратились въ сборщиковъ однихъ только податей, а о другихъ дѣлахъ общества и наблюденіи за общественнымъ порядкомъ перестали вовсе заботиться и только въ крайнихъ случаяхъ занимаются, когда понуждаетъ крестьянское присутствіе и дѣло касается взысканія податей». «Превращеніе должностныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ, говоритъ Варнавинское земство, въ самыхъ низшихъ служителей фискальнымъ и полицейскимъ цѣлямъ повело къ тому, что всѣ порядочные люди отъ этихъ званій откупаются предъ обществомъ виномъ и идутъ лишь люди, имѣющіе цѣлью наживу и разгулъ. Да иначе и быть не можетъ. Какой истинный представитель народа согласится быть волостнымъ старшиною, когда всякій шагъ его дѣятельности парализуется униженіемъ его предъ народомъ? Всякое должностное лицо въ уѣздѣ, начиная съ урядника, возлагаетъ на него всевозможныя обязанности, присущія только низшему полицейскому служителю, а при малѣйшемъ уклоненіи отъ исполненія ихъ, неминуемо слѣдуютъ замѣчанія, выговоры, штрафы

и аресты». Предоставленная исправнику дисциплинарная власть, относительно лицъ крестьянскаго управленія, прибавляетъ Велужское земство, признается для дѣла вредной и подлежащей неизбѣжному отмѣненію. Вообще большинствомъ уѣздныхъ Костромскихъ земствъ признается неотложная необходимость въ преобразованіи крестьянскаго сословнаго управленія. «такъ какъ вслѣдствіе ряда реформъ, послѣдовавшихъ въ истекшее двадцатилѣтіе, на столько измѣнились политическія, экономическія и бытовыя условія жизни народа, что весь строй этой жизни оказывается непохожимъ на тотъ, который существовалъ при изданіи Положенія 19 февраля, а потому для правильнаго развитія и упроченія крестьянскаго самоуправленія, для возвышенія нравственнаго и экономическаго положенія сельскаго сословія, въ законоположеніи этомъ должны быть сдѣланы призмѣненія для приведенія его въ соотвѣтствіе съ требованіями настоящей жизни ¹⁾».

Таковы мнѣнія крестьянскихъ, демократическихъ земствъ.

Тоже самое и въ неменѣе энергической формѣ заявляютъ и барскія земства. Губернская Тульская управа въ своемъ докладѣ признаетъ Положеніе 27 іюня 1874 г. «несостоятельнымъ въ своихъ существенныхъ частяхъ» ²⁾ и подлежащихъ отмѣнѣ. Самарская губернская управа убѣждена, что «безъ кореннаго переустройства присутствій по крестьянскимъ дѣламъ, никакое серьезное улучшеніе въ нихъ невозможно, потому что недостатки кроются въ самой ихъ организаціи». На коренной перемѣнѣ въ системѣ крестьянскаго управленія настаиваютъ земства Московское, Одесское и др. Совершенно излишне продолжать выписки изъ земскихъ постановленій по этому пункту, такъ какъ это значило бы повторять одно и тоже.

Такой единодушный приговоръ крестьянскимъ учрежденіямъ не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ ихъ полной непригодности. Мотивы, точки зрѣнія земствъ несомнѣнно различны. Въ то время, какъ одни требуютъ отмѣны положенія 27 іюня во имя самостоятельности крестьянскаго самоуправленія, его независимости отъ

¹⁾ «Земство», № 55.

²⁾ № 45.

поліцейскаго вліяннiя, во имя возвышенiя личности крестьянина, другіе объясняютъ несостоятельность современныхъ учрежденiй устраненiемъ отъ участiя въ нихъ культурнаго класса, дворянства. Но со всѣхъ точекъ зрѣнiя дѣло представляется однако въ неприглядномъ видѣ.

Единодушiе, хотя и не такое уже полное, проявили земства и въ проектахъ новыхъ учрежденiй, которыя должны замѣнить существующiя. Для того, чтобы дать полное и ясное понятiе о взглядахъ земства, какъ цѣлаго, мы будемъ разбирать не каждый проектъ отдѣльно, а сгруппируемъ мнѣнiя земствъ по наиболѣе важнымъ вопросамъ крестьянскаго самоуправленiя, прежде всего по вопросу о сельскомъ обществѣ, затѣмъ о волостномъ управленiи, волостномъ судѣ и, наконецъ, о контролѣ за органами крестьянскаго управленiя.

Но предварительно считаемъ не лишнимъ обратить вниманiе читателя на одно обстоятельство, важное для характеристики общаго направленiя земскихъ проектовъ. Ставя вопросъ о реформѣ крестьянскихъ учрежденiй въ связь съ реформой всей системы уѣзднаго и даже всего мѣстнаго управленiя, затрогивая самыя разнообразныя стороны дѣла, почти всѣ земства упустили изъ виду связь крестьянскаго управленiя съ экономическими условiями крестьянскаго быта. Два три постановленiя требуютъ измѣненiя податной системы, громадное же большинство совершенно игнорируетъ экономическія отношенiя. Весьма вѣроятно, что такое невниманiе къ наиболѣе существенной сторонѣ дѣла было не преднамѣреннымъ, и объясняется просто непониманiемъ земцами значенiя экономическихъ условiй; но тѣмъ яснѣе свидѣтельствуетъ оно объ одностороннемъ направленiи земскихъ мнѣнiй. Да иначе, конечно, и быть не могло, при преобладающемъ землевладѣльческомъ или, вѣрнѣе, дворянскомъ составѣ земскихъ собранiй. Вдоволь наголодавшись послѣ уничтоженiя крѣпостнаго права, землевладѣльцы всего скорѣе должны были, при такомъ благопріятномъ случаѣ, вспомнить о себѣ, а не о мужикѣ.—Но обращаемся къ намѣченнымъ вопросамъ.

Большая часть земствъ высказалась за сохраненiе сельскаго общества, какъ первой и исключительной крестьянской, сословной единицы самоуправленiя (слиянiе сословiй должно начаться только въ болѣе крупной единицѣ, волости). Какъ чисто мужицкiй, во-

прось о сельскомъ обществѣ, впрочемъ, мало занималъ земство. Между тѣмъ этотъ вопросъ, особенно въ виду той неопредѣленности, какая явилась послѣдствіемъ смѣшенія различныхъ понятій общины и общества, заслуживаетъ самаго внимательнаго разсмотрѣнія. Раньше было сказано, къ какимъ неудобствамъ привело такое смѣшеніе и какъ мало на практикѣ привилась искусственная, бюрократическая организація сельскаго общества. Поземельныя общины продолжаютъ отдѣльно другъ отъ друга вѣдать свои общія нужды, общіе интересы, и жизнь ясно указываетъ на необходимость возвратиться къ основной мысли Положенія 19 февраля, т. е. принять за основную, первую ячейку крестьянскаго самоуправленія общину, состоятъ ли она изъ одного или нѣсколькихъ селеній, владѣющихъ общими угодьями, или части селенія. Кромѣ того, условія деревенской жизни въ послѣдніе двадцать лѣтъ настолько измѣнились, что теперь во многихъ мѣстахъ, особенно въ промышленныхъ губерніяхъ, община не представляетъ болѣе союза равныхъ людей, связанныхъ между собою солидарностью экономическихъ интересовъ, одинаковыми потребностями, единствомъ міровозрѣнія и братскими единодушіемъ въ общественныхъ дѣлахъ. Члены ея все болѣе и болѣе распадаются на двѣ борющіяся между собою группы людей: зажиточныхъ, группирующихся около міроѣдовъ, кулаковъ, и голытьбы. Нѣкоторые изъ этихъ зажиточныхъ закупили себѣ земель въ личную собственность и стали въ такія же отношенія къ общинѣ, какъ и другія землевладѣльцы. Интересы ихъ не могутъ быть, конечно, тождественны съ интересами остальныхъ однообщинниковъ; напротивъ, несчастіе общины, развитіе бѣдности среди ея, обезпечивая дешевый трудъ, можетъ быть имъ въ высшей степени выгодно. Вопросъ о томъ, желательно ли, чтобы такіе міроѣды оставались въ общинѣ и пользовались своимъ положеніемъ въ ней для личныхъ цѣлей, совсѣмъ не затронуть земствами. Соглашаемся, что въ настоящее время опасность кулацкаго господства еще ничтожна, но легче бороться со зломъ, когда оно въ зародышѣ, чѣмъ когда оно достигнетъ полнаго развитія. Если земскіе проекты и заговариваютъ объ общинѣ, то только для того, чтобы ограничить сферу ея дѣятельности исключительно поземельными дѣлами и чтобы выдѣлить изъ круга вѣдомства «сельскаго общества» всѣ остальные интересы, которыми оно завѣдуетъ въ настоящее время.

Между тѣмъ, въ видахъ самостоятельности мѣстнаго самоуправленія они должны были бы, напротивъ, настаивать на расширеніи компетенціи общины сравнительно съ тою, какая предоставлена по закону сельскому обществу.

По проекту костромскаго уѣзднаго земскаго собранія сословно-хозяйственныя дѣла должны вѣдаться общиною или міромъ, какъ это названіе понимается самими крестьянами, т. е. большею частью тѣмъ количествомъ домохозяевъ, какое состоитъ въ одной уставной грамотѣ или владѣнной запискѣ. Павловское земство высказалось за сохраненіе сельскаго общества въ смыслѣ Положенія 19 февраля. Новгородская губернская управа также не противъ «сельскихъ сходовъ», но вѣдѣнію ихъ должны подлежать только дѣла по раздѣлу общинной земли, о наследствѣ и ошекѣ надъ малолѣтними¹⁾ Кузнецкое земство передаетъ право распоряженія общинной землею земскимъ управамъ, которыя могутъ отрѣзывать надѣлы отъ одной общины другой и вообще перекрапывать мірскую землю по своему усмотрѣнію. Комиссія Московскаго губернскаго земства ограничивается нѣкоторыми поправками къ существующему порядку. Въ виду того, что сельскія общества въ Московск. губ. часто слишкомъ незначительны по своему составу (въ среднемъ около 57 дворовъ), отъ чего мірскіе сборы тяжело ложатся на домохозяевъ, будучи въ то же время ничтожными по суммѣ и недостаточными для покрытія общинныхъ расходовъ на управленіе и полицію, комиссія предлагаетъ, чтобы «каждая деревня въ 200 душъ и выше этого числа составляла сельское общество. Поземельныя общины, состоящія изъ меньшаго числа душъ, соединяются въ административномъ отношеніи въ сельскія общества, либо присоединяются съ этою цѣлью къ сосѣдней деревнѣ, число жителей которой не менѣе 200 душъ. Но по хозяйственнымъ дѣламъ, связаннымъ съ поземельнымъ владѣніемъ и съ уплатою податей, каждая поземельная община, какъ бы она мала не была, составляетъ отдѣльную хозяйственную единицу.»

То, что было сказано нами въ первой статьѣ по поводу отдѣленія административнаго общества отъ общины, цѣлкомъ можетъ быть отнесено и къ московскому проекту, оставляющему организацию сельскихъ обществъ въ существующемъ видѣ. Одно только

¹⁾ Земство, № 21, 24, 34.

Череповское земство съ должнымъ вниманіемъ отнеслось къ вопросу объ общинѣ и предложило нѣсколько мѣръ для ея упроченія и развитія; наиболее полезной изъ этихъ мѣръ кажется намъ соединеніе нѣсколькихъ поземельныхъ общинъ въ одно цѣлое съ правомъ общаго передѣла.

Развязавшись на скоро съ сельскимъ обществомъ, составители земскихъ проектовъ спѣшатъ перейти къ вопросу о волости. Реорганизация волости любимое дѣтище земства, она больше всего занимала земскія собранія, о ней велись долгіе и наиболее страстные споры едва-ли не во всѣхъ захолустьяхъ Россіи. Загорѣлось дѣло, какъ будто бы, изъ за того-же мужика.

Поземельная община, доказывали сторонники переустройства волости на новыхъ началахъ, не можетъ уже по своей малочисленности удовлетворять всѣ нужды и интересы составляющихъ ее членовъ. Кроме поземельныхъ интересовъ у крестьянъ есть много другихъ, которые вводятъ ихъ въ соприкосновеніе съ лицами другихъ сословій, живущими въ той-же мѣстности: помещиками, духовенствомъ, торговыми и промышленными людьми. Ихъ общіе интересы, ихъ столкновенія при правильномъ устройствѣ управленія должны вѣдаться также мѣстными органами. Волость, потому, необходима должна сдѣлаться всесословной. Такая реформа въ сущности была-бы лишь признаніемъ существующаго факта. По «Положенію», современная волость вѣдаетъ исключительно крестьянскіе интересы, но такъ какъ крестьяне не могли быть изолированы отъ лицъ другихъ сословій, то въ дѣйствительности услугами волостнаго правленія и даже суда пользуются и эти послѣдніе, а въ качествѣ низшаго полицейскаго органа волость и по закону является учрежденіемъ общимъ. Между тѣмъ содержаніе ея органовъ лежитъ исключительно на крестьянахъ. Но это еще не важная сторона дѣла. Главнѣйшій недостатокъ современнаго волостнаго управленія, по мнѣнію земцевъ, заключается въ отсутствіи прямой органической связи его съ земствомъ, поставленнымъ по закону рядомъ, вѣдъ его. Установленіемъ этой «связи», этого единства мѣстнаго управленія исключительно и занялись земства. Они надѣются достигнуть такой цѣли превращеніемъ, «по закону, сословной, а на дѣлѣ обще-полицейской, бюрократической волости» въ «мелкую земскую единицу», называемую то «всесловною или безсословною волостью».

то «земскомъ округомъ», «приходомъ», «участкомъ» и т. д. Благодѣтельныя результаты такой реформы неисчислимы: она внесетъ гармонію въ существующій хаосъ уѣзднаго управленія, гдѣ теперь ведутъ нескончаемую борьбу не только учрежденія выборныя съ бюрократическими, но и различные виды первыхъ (сословныя и общіе для всего населенія) между собою, поставитъ земство въ живую и прочную связь съ почвой, съ мѣстностью, дастъ крестьянскому, тогда уже только сельскому, самоуправленію недостающую ему свободу и независимость, удовлетворитъ множество существенныхъ интересовъ, которые «оказываются теперь лишеными представительства и способовъ удовлетворенія». «Уѣздъ, не рѣдко обнимающій десятыя тысячъ квадратныхъ верстъ, является единицею, слишкомъ крупною; для центрального управленія — для земскаго собранія, и тѣмъ болѣе для земской управы, состоящей изъ 3—7 лицъ, — невозможно не только удовлетвореніе всѣхъ мелкихъ мѣстныхъ потребностей, но даже обстоятельное знакомство съ ними, такъ какъ въ земскомъ собраніи даже не всякая мѣстность имѣетъ своего представителя. Съ другой стороны, на мѣстѣ нѣтъ такого органа, который обнималъ бы всѣ мѣстные интересы: у насъ кромѣ уѣзднаго земства, есть крестьянское общество, крестьянская волость, вѣдающая нужды одного крестьянскаго сословія и оставляющія въ сторонѣ нужды мѣстныхъ обывателей, не принадлежащихъ къ крестьянству»¹⁾. Нужды эти между тѣмъ, весьма существенны и отъ неудовлетворенія ихъ страдаютъ всѣ жители. Вслѣдствіе отсутствія необходимыхъ мѣстныхъ органовъ народное продовольствіе, по мнѣнію рязанскаго гласнаго, князя Волконскаго, который первый возбудилъ вопросъ о мелкой земской единицѣ, до сихъ поръ остается также мало обеспеченнымъ, какъ и при передачѣ его старымъ учрежденіямъ въ земскія руки; «нищенство не прекращается, а, напротивъ, распространяется съ каждымъ годомъ; ничего не сдѣлано для предупрежденія пожаровъ; земская школа, безъ мѣстнаго попеченія, приходитъ въ упадокъ; ничего не сдѣлано въ санитарномъ отношеніи и противъ эпизоотій; весьма мало — для снабженія крестьянъ кредитомъ и т. п.» Уже эта аргументація достаточно характерна для земскихъ проектовъ. Объяснять перечисленныя явленія не общимъ экономическомъ разстройствомъ крестьян-

¹⁾ Земство, № 35,

явскаго быта вслѣдствіе ограниченности надѣловъ и тяжести налоговъ, а недостаточностью представительства мѣстныхъ интересовъ можно только, если не предполагать крайней близорукости, полной неискренности составителей проэктвъ.

Какъ ни грустно высказать это, но земскіе проэкты всесословной волости, не смотря на то, что «теперь устройство безсословной волости предлагается земскими собраніями и притомъ многими изъ числа тѣхъ, которыя постоянно отличались наибольшею свободою отъ сословныхъ предразсудковъ»¹⁾, стоятъ въ генетической связи съ проэктами всесословной волости петербургскаго дворянскаго собранія 1874 года и разныхъ «послѣдней» крѣпостнаго права. Они также сочплялись на словахъ съ благою цѣлю внести порядокъ въ неурядицу крестьянской жизни введеніемъ интеллигенціи въ деревенскую среду, а на дѣлѣ съ цѣлю возстановить если не крѣпостное право, то, по крайней мѣрѣ, вотчинную власть. По этимъ проэктамъ, волостными старшинами и земскими головами у насъ должны были сдѣлаться помѣщики «изъ людей достаточныхъ и достаточно образованныхъ», причемъ, въ избѣжаніе излишняго безпокойства, полицейскія свои обязанности они могли поручать своимъ уполномоченнымъ; въ рукахъ помѣщика сосредоточивалась административная, полицейская и судебная власть, надзоръ за крестьянскими сходами, училищами, больницами и вообще всеми деревенскими учрежденіями²⁾ совершенно также, какъ во время крѣпостнаго права.

Земскіе проэкты, конечно, не такъ откровенны: они не представляютъ всего одному сословію, но мужикъ, въ концѣ концовъ, по нимъ оказывается въ такомъ же подчиненномъ положеніи, какъ и по дворянскимъ проэктамъ. Въмѣсто того, чтобы искать устраненія существующихъ недостатковъ мѣстнаго управленія въ измѣненіи общихъ условій экономическаго быта крестьянства, въ укрѣпленіи экономической солидарности сельскихъ общинъ, входящихъ въ составъ волости, въ расширеніи компетенціи и самостоятельности волостнаго управленія. земства наставляютъ напротивъ на полномъ подчиненіи волости земству или его уполномоченнымъ, на уничтоженіи даже существующей самосто-

¹⁾ Вѣстникъ Европы 1881, V, в. об.

²⁾ Отеч. Записки 1881, № 10. По поводу внутреннихъ вопросовъ, стр. 210.

тельности волостнаго управления посредствомъ установленія мелочнаго и сложнаго контроля. Въ то же время, ни одно изъ земствъ не требуетъ ни коренныхъ измѣненій въ составѣ земскаго правительства, оставляя земскія собранія въ такомъ же полномъ распоряженіи землевладѣльцевъ, т. е., по преимуществу, бывшихъ помѣщиковъ, какъ теперь, ни уничтоженія сословной организаціи дворянства, при существованіи которой немислимо сліяніе сословіи, выставяемое конечной цѣлью земскихъ проектовъ. Въ справедливости этихъ замѣчаній не трудно убѣдиться изъ разсмотрѣнія любого проекта «земской волости». Возьмемъ прежде всего проектъ комисіи московскаго губернскаго земства. Печать отнеслась къ нему съ рѣзкимъ осужденіемъ, совершенно справедливо полагая, что «болѣе опасное извращеніе понятія о мелкой земской единицѣ трудно было бы придумать». Но сравнивая московскій проектъ съ другими земскими проектами, мы находимъ, что онъ лишь яснѣе формулируетъ заветныя желанія земцевъ, скрытыя въ другихъ проектахъ подъ либеральными фразами о народной свободѣ. Съ перваго же абзуга, московскіе земцы заявляютъ, что они имѣютъ въ виду не развитіе мѣстной автономіи; ихъ задача: «согласовать между собою разнообразныя дѣлскія уѣздовъ (станы, волости, мировые, воинскіе участки и т. д.), привести ихъ въ единство и проэктировать организацію такихъ мелкихъ административныхъ единицъ, въ которыхъ бы съ одной стороны могли быть сосредоточены всѣ разнородныя административныя функціи въ уѣздѣ, а съ другой стороны, которые явились бы подсобными органами уѣздныхъ управъ и исполнителями на мѣстахъ обязанностей, возложенныхъ на земскія учрежденія». Такими административными единицами должны быть «земскія волости», каждая съ населеніемъ около 9,000, на которыя и дѣлится уѣздъ. Въ составъ ихъ входятъ сельскія общества и личные землевладѣльцы. Хотя комисія и заявила, что въ волости сосредоточиваются всѣ разнородныя административныя функціи въ уѣздѣ, но, по проекту, она оказывается простымъ агентомъ земства. Имѣя значеніе «не хозяйственное, административное» (правительственное и земское), волость не имѣетъ права «ни выборовъ, ни самообложенія»; «въ ней не должно происходить никакихъ собраній мѣстныхъ жителей или выбранныхъ отъ нихъ для избранія должностныхъ лицъ или для установленія какихъ либо сборовъ». Во

главѣ волости стоитъ «волостной мировой судья», «совмѣщающій въ себѣ власть судебную и административную». Въ помощь ему дается «товарищъ по административной части». И тотъ и другой избираются не волостью, а земскимъ собраніемъ; волостной судья состоитъ, кромѣ того, членомъ уѣздной земской управы. Допускается и коллегіальный элементъ для обсужденія «нѣкоторыхъ» административныхъ дѣлъ. При мировомъ судѣ образуется «волостная управа», изъ его «товарища», почетныхъ мировыхъ судей, «волостнаго пристава полицейскаго», назначаемаго правительствомъ и подчиненнаго уѣздному исправнику; вѣроятно, для поученія, а быть можетъ, исполненія разныхъ личныхъ услугъ прочимъ членамъ, составъ управы усиливается тремя «очередными» сельскими старостами. Всѣ расходы по содержанию волостнаго управления, за исключеніемъ волостнаго пристава, относятся на счетъ земства. При земской волости учреждается волостной судъ изъ двухъ сельскихъ судей подъ предѣлательствомъ мирового судьи; онъ составляетъ вторую инстанцію сословнаго, крестьянскаго суда. Въ волостной судъ должны поступать дѣла только въ апелляціонномъ порядкѣ, и онъ постановляетъ «по своимъ окончательнымъ рѣшеніямъ по существу», но этого мало. «Рѣшеніе вопроса о подсудности должно быть предоставлено единолично мировому судѣ». Волостному мировому судѣ предоставляется, наконецъ, чрезвычайно важное право свидѣтельствовать сдѣлки и договоры согласно 91 ст. общ. полож. Захвативши въ свои руки администрацію, судъ, сборъ податей (при каждой волости учреждается казначейство для приѣма податей и земскихъ сборовъ), нотаріальную часть, московскіе ландроды великодушно оставляютъ крестьянамъ поземельную общину, сельскій судъ, а власть сельскаго старосты даже расширяютъ до предѣловъ власти нижнихъ старшин¹⁾.

Къ чести гласныхъ московскаго губернскаго земскаго собранія надо сказать, что они, въ концѣ концовъ, провалили этотъ хитрый проэктъ, высказавшись за сохраніе крестьянской волости. Но мы сочли нужнымъ остановить вниманіе читателя на этой крѣпостнической паутиѣ въ виду особеннаго обстоятельства.

¹⁾ Земство 1881 г., № 26, 35.

Дѣло въ томъ, что основанія московскаго проекта нашли себѣ сильнаго защитника и поддержку въ газетѣ «Русь». Въ виду особаго положенія, которое занимаетъ этотъ органъ въ нашей печати, можно предполагать, что его шпроковѣщательныя разсужденія «о живомъ челоуѣкѣ», т. е. волостномъ судѣ, коего слѣдуетъ «предпоставить поверхъ внутренняго крестьянскаго самоуправленія», о необходимости «послѣдовать указаніямъ жизни и настоящую волость, уже обратившуюся, силою вещей, въ административно-полицейскій органъ обще-государственнаго и общественнаго характера—пзять пзъ исключительно-крестьянскаго завѣдыванія» и «возвести въ государственныя и земскія административно-полицейскія и судебныя, равно необходимыя для всего мѣстнаго населенія, органъ—подъ контролемъ правительства, уѣзнаго земства и самаго мѣстнаго населенія»—что эти разсужденія будутъ приняты во вниманіе. Для характеристикъ направленія газеты, защита московскаго проекта, встаетъ замѣтимъ, въ высшей степени любопытна. Какъ только дѣло дошло отъ туманныхъ разглагольствованій до практическаго вопроса, гг. Аксаковъ и Самаринъ, безъ малѣйшаго колебанія, сбросили съ себя народническую маску и явились во всемъ блескѣ. Куда дѣвалась «вѣра» въ здравый смыслъ народа, въ народныя устои, толки о необходимости уничтожить всякія «средостѣнія»? Мужикъ оказывается неспособнымъ вести даже свои деревенскія дѣла и не можетъ шагу шагнуть безъ земской палки, которая окажется, конечно, хуже всякаго «бюрократическаго снаряда».

Печать выдвинула московскій проеетъ какъ что-то особенно дикое, но въ существѣ съ нимъ сходятся и другіе проекты все-сословной волости, заслужившія почти общее одобреніе. Наибольшее вниманіе и сочувствіе возбудилъ проеетъ кн. С. В. Волконскаго, которому рязанское губернское земство поручило разработать вопросъ объ организаціи мелкой земской единицы. Но въ чемъ его сущность?

«Пятнадцатилѣтній опытъ,—говоритъ кн. Волконскій,—приводитъ къ заключенію, что для правльнаго и успѣшнаго развитія земскаго дѣла недостаточно однихъ губернскихъ и уѣзныхъ земскихъ учреждений, что наши мелкія хозяйственныя единицы, наши сельскія захолустья, эти производители всего нашего богатства, слишкомъ отдалены, слишкомъ изолированы отъ центровъ земской

дѣтельности, и что необходимо, наконецъ, заняться и ихъ устройствомъ, соединить ихъ въ земскіе округа, менѣе крупныя, чѣмъ уѣзды, но болѣе способныя видѣть ихъ нужды, необходимо, наконецъ, и имъ предоставить законное право совѣщаться о своихъ нуждахъ и удовлетворять ихъ общими силами». Доводы эти, конечно, убѣдительнѣе, чѣмъ «единство управленія» московскаго проэкта. Князь также великодушно спузшелъ до объясненій по поводу естественно возникающихъ опасеній, какъ бы крестьяне, будучи соединены съ личными землевладѣльцами въ обществѣ самоуправленія, не были снова закрѣпощены послѣдними, «какъ болѣе интеллигентными и болѣе привыкшими къ самостоятельности—не de jure, разумѣется, а de facto», опасеній, о которыхъ московскіе земцы не сочли нужнымъ даже и упомянуть. Кн. Волковскій рѣшительно не раздѣляетъ подобныхъ опасеній. По его мнѣнію, устройство земскихъ округовъ, напротивъ, должно предупредить такое порабощеніе. «Нынѣшняя отчужденность другъ отъ друга крестьянъ-общинниковъ и личныхъ землевладѣльцевъ не представляетъ ли большихъ удобствъ къ этому», спрашиваетъ онъ. «Другой, неразборчивый въ выборѣ средствъ наживы, будабы-землевладѣлецъ еще поостерегся бы, а можетъ быть, даже и посовѣстился бы слишкомъ усердно эксплуатировать крестьянина своего округа, съ которымъ онъ имѣетъ общіе интересы и общее самоуправленіе, а теперь что можетъ укрѣпить таковое его усердіе? Ничто. Еще онъ же отвѣтитъ всякому, кто вздумалъ бы упрекнуть его: «на то и щука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ». «Нѣтъ, намъ кажется, что, напротивъ, только организаціей подобныхъ округовъ и можно укрѣпить прозорливость этихъ щукъ, которыхъ такъ много развелось въ морѣ нашего сельскаго устройства». Что же касается до «образованныхъ землевладѣльцевъ», т. е. помѣщиковъ, то князь не знаетъ, какими словами выразить ту пользу, какую внесутъ они въ земскіе округа. Здѣсь они займутъ «то мѣсто, которое имъ слѣдовало бы давно занять: мѣсто передовыхъ людей труда, мѣсто образцовыхъ хозяевъ, мѣсто представителей законныхъ правъ и интересовъ своихъ околотовъ»¹⁾).

¹⁾ Земство, № 11.

Какъ бы хотѣлось вѣрить въ эти «кажется», въ это «посоветлись бы», въ эту возвышенную миссію «образованныхъ землевладѣльцевъ», въ магическую силу «общаго самоуправленія» соединять противоположные интересы! Но увы, въ той же газетѣ «Земство», гдѣ напечатанъ проектъ князя Волконскаго, рядомъ съ передовыми статьями, направленными къ защитѣ мелкой земской единицы, находится рядъ статей г. Кошелева, въ которыхъ можно найти довольно основательныя возраженія противъ самыхъ существенныхъ основаній проекта князя Волконскаго. Любопытно, что оба, и Кошелевъ, и Волконскій, ссылаются на опытъ и даже на опытъ одной мѣстности, Рязанской губерніи. «Мы много жили въ деревнѣ, пишетъ г. Кошелевъ, и были въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ крестьянами; а потому смѣло можемъ сказать, что не только интересы ихъ и наши весьма различны и часто даже противоположны; но что ихъ понятія, вѣрованія и чувства существенно расходятся съ нашими». Положимъ, что это слишкомъ сильно сказано, но относительно противоположности интересовъ личныхъ землевладѣльцевъ и общинниковъ авторъ несомнѣнно правъ. «У однихъ, объясняетъ онъ, во владѣніи всего болѣе дѣсовъ, у другихъ всего болѣе усадебъ и выгонной земли; для однихъ желательно имѣть какъ можно болѣе дорогъ, а для другихъ — какъ можно ихъ меньше; для личныхъ собственниковъ нужно принятіе самыхъ дѣйствительныхъ мѣръ противъ погравъ и порубокъ, а наши крестьяне вытраиваютъ очень беззаботно (?) свои собственные поля, а дѣса не перестаютъ считать Божиимъ насажденіемъ и потому общимъ достояніемъ. Такихъ различныхъ, даже противоположныхъ интересовъ, и понятій у личныхъ землевладѣльцевъ и общинниковъ очень много — они нѣсколько исчезаютъ въ крупной единицѣ — въ уѣздѣ (какимъ таинственнымъ способомъ?), но они весьма сильны и дѣйствены на мѣстахъ — въ приходѣ или волости, и нѣтъ никакой возможности ихъ уравновѣсить въ мелкой единицѣ. Учрежденіе мелкой земской единицы, въ которой совокуплены были бы общинники и личные землевладѣльцы, послужило бы не къ ихъ сближенію, а къ водворенію между ними враждебныхъ отношеній», къ тираніи личныхъ владѣльцевъ надъ общинниками или наоборотъ. «Нѣтъ, восклицаетъ г. Кошелевъ, отъ такой земской ячейки и отъ такого фундамента для нашей

уѣздной земской единицы Боже насъ упаси!»¹⁾). Когда ему возражали, что «дѣйствуютъ же вмѣстѣ въ «первичныхъ чисто-мѣстныхъ проявленіяхъ своихъ», горожане, по образу жизни, степени развитія, понятіямъ, вѣрованіямъ, чувствамъ, на столько же различные между собою, на сколько нѣкоторые личные землевладѣльцы отличны отъ нѣкоторыхъ крестьянъ-общинниковъ»²⁾, то онъ отвѣчалъ, что въ послѣднемъ случаѣ различіе гораздо существеннѣе, чѣмъ въ первомъ. «Въ крестьянскихъ обществахъ вообще, между ихъ членами, есть связь, единодушіе, братство, о которыхъ личные землевладѣльцы почти понятія не имѣютъ, и которыя сохраняли и теперь одушевляютъ сельскую общину»; напротивъ «въ средѣ личныхъ землевладѣльцевъ мало общинности и много самости (индивидуальности) и слить ихъ съ крестьянами въ одну мелкую мѣстную единицу было бы страшнымъ посягательствомъ на то, что, по нашему мнѣнію, составляетъ лучшую принадлежность, самое существенное отличіе нашего народа». Но, по какой-то своеобразной логикѣ, авторъ находитъ, что такого взаимнаго возпранія, уничтоженія противоположныхъ началъ—общиннаго и личнаго—въ среднихъ и высшихъ единицахъ быть не можетъ, что, напротивъ, оба эти начала равно необходимы для процвѣтанія государства; въ первомъ изъ нихъ онъ видитъ «основу устойчивости», во второмъ—«источникъ преуспѣянія (прогресса)». Онъ такъ убѣжденъ въ ихъ гармоніи, что предлагаетъ даже укрѣпить организацию личныхъ землевладѣльцевъ. «Личные землевладѣльцы изъ дворянъ имѣютъ своего предводителя; но личные землевладѣльцы изъ другихъ сословій лишены всякой связи между собою и съ остальными лицами своего землевладѣльческаго состоянія». «А потому устройство этого состоянія совершенно необходимо и неотложно. Затрудненій и неудобствъ къ тому нѣтъ никакихъ; а потребности въ томъ высказываются весьма рѣзко и настоятельно. Стоитъ только къ дворянамъ-землевладѣльцамъ присоединить землевладѣльцевъ изъ другихъ, такъ называемыхъ, сословій, и тогда образуется окончательно и законно уже на дѣлѣ существующее состояніе личныхъ землевладѣльцевъ. Пусть они избираютъ своего предводителя, имѣютъ свою опеку, пусть отъ времени до времени

¹⁾ „Земство“, № 22.

²⁾ „Вѣстникъ Европы“, VII, вѣ. обзорнѣе.

собираются для обсуждения дѣлъ и интересовъ своего состоянія»¹⁾. Община предполагается достаточно сильной, и для укрѣпленія ея путемъ союзовъ авторъ не предлагаетъ никакихъ мѣръ. Логика дѣйствительно оригинальная: признавать лично землевладѣльцевъ въ волости вредными членами, а въ уѣздѣ давать имъ преобладающее значеніе. Усиливать ихъ вліяніе! Изъ всѣхъ проектовъ, какіе только предлагались для урегулированія мѣстныхъ отношеній, проектъ г. Кошелева, кажется, наиболее противорѣчитъ самымъ элементарнымъ требованіямъ справедливости. Его осуществленіе приведетъ къ полному разрушенію того общиннаго начала, сохраненіе котораго, по недоразумѣнію, вѣроятно, авторъ выставляетъ главнѣйшею своею задачей.

Но возраженія автора противъ введенія всеобщей волости въ значительной степени основательны: примирить непримиримые экономическіе интересы при помощи мелкой земской единицы—это очевидно невыполнимая задача. Вѣроятно, по этимъ или по подобнымъ соображеніямъ, Рязанское собраніе отвергло проектъ мелкой земской единицы, признавъ себя вообще некомпетентнымъ въ разсматриваемомъ вопросѣ. Больше всего повезло всеобщей мелкой единицѣ въ Тульскомъ земствѣ. Губернская управа, полагая, что «идею хорошаго крестьянскаго управленія нельзя отдѣлать отъ хорошаго управленія вообще, тѣмъ самымъ наметила тѣ ближайшіе предѣлы, въ которыхъ долженъ быть разрѣшенъ поставленный министерствомъ вопросъ». «Дѣйствительно, замѣчаетъ коммисія, выбранная собраніемъ для разсмотрѣнія доклада управы, многія отрасли управленія, находящіяся въ завѣдываніи земства, какъ-то: страхование, переустройство селеній, продовольствіе, учрежденіе школъ, больницъ, дорогъ, установленіе сборовъ и пр. имѣютъ столь же существенное значеніе для крестьянъ, какъ и дѣла, подвѣдомственные, такъ называемымъ, мѣстнымъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденіямъ». Отсюда коммисія выводитъ, что необходимо, «по мѣрѣ возможности, полное сліяніе самоуправленія крестьянскаго съ самоуправленіемъ земскимъ путемъ согласованія Положенія 19-го февраля съ Положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ». Не оспаривая этого вывода, мы замѣтимъ только, что онъ не вытекаетъ изъ положеній коммисіи.

¹⁾ „Земство“, № 21, 6.

Если крестьянское самоуправление не охватываетъ всѣхъ отраслей управления, то изъ этого слѣдуетъ только, что сферу его дѣятельности слѣдуетъ расширить. Но коммисія о крестьянахъ заговорила очевидно мимоходомъ, для соблюденія приличія. Главная ея задача не въ расширеніи круга крестьянскаго самоуправления, а въ допущеніи въ него «всѣхъ сословій». «Къ каждому волостному управленію, разсуждаетъ коммисія, тяготѣетъ извѣстная территория, не принадлежащая къ составу волости, и лица, въ ней проживающія, пользуются волостнымъ судомъ, полицейскою властью старшины и услугами волостнаго управленія (для засвидѣтельствованія актовъ и для разнаго рода официальныхъ заявленій), не участвуя въ расходахъ на содержаніе этихъ учрежденій». Поэтому коммисія предлагаетъ, «принявъ на счетъ земства всѣ расходы по содержанію волостнаго управленія, снять съ крестьянъ часть, подлежащую тяготѣющихъ на нихъ, волостныхъ расходовъ». Затѣмъ, вѣроятно, полагая, что уступила мужику уже довольно, коммисія сбрасываетъ маску народолюбія и круто забираетъ въ сторону вотчинныхъ порядковъ. «По бытовымъ причинамъ» (коммисія не считаетъ нужнымъ объяснять, что это за причины), она не признаетъ возможнымъ предоставить проэктируемой ею территоріальной единицѣ «самоуправленіе съ правомъ самообложенія. (Удивительно, какъ земскія коммисіи боятся этого права самообложенія! А какое же самоуправленіе возможно безъ такого права!) «Населенію всей волости предоставляется только выборъ волостнаго старшины, мѣстнаго представителя полицейской власти и судей волостнаго суда, а также право совѣщанія (!) о мѣстныхъ нуждахъ и потребностяхъ, удовлетворяемыхъ на счетъ земства». Но эта совѣщательная коммисія можетъ пожалуй совѣщаться и беззаботно земство заявленіями о предметахъ, которые ей не подлежатъ, и потому необходимо ее кому нибудь держать въ границахъ, обуздывать. «Для того, чтобы съ одной стороны, докладываетъ коммисія, приблизить къ народу власть, контролирующую должностныхъ лицъ сельскаго и волостнаго управленія, съ другой децентрализовать управу и перевести ея членовъ въ самыя центры ихъ дѣятельности — коммисія предлагаетъ раздѣлять уѣздъ на округа, управленіе которыми поручить выборнымъ лицамъ, дѣйствующимъ на правахъ мировыхъ посредниковъ и членовъ управы. Какъ бывшимъ мировымъ посредникамъ,

при введеніи крестьянскаго положенія, бытъ предоставленъ значительный просторъ для личной самостоятельной дѣятельности, такъ (любопытно для тульской логики это «такъ»), по мнѣнію комисіи, въ земскомъ хозяйственномъ дѣлѣ окружными членамъ должна быть предоставлена извѣстная доля самостоятельности». Какъ московское и рязанское земства, и тульская земская комисія предлагаютъ не стѣснять свободы господъ «окружныхъ членовъ». «Для распоряженій по хозяйственнымъ дѣламъ не требуется постоянно заседающая коллегія». Комисія полагаетъ, что «управа по своей организаціи должна подходить къ бывшему мировому съѣзду посредниковъ». Вообще, «окружный начальникъ» выходитъ маленькимъ генералъ-губернаторомъ, а волостной старшина—его полицейскимъ агентомъ. Первому дана такая широкая власть, что предъ нею меркнетъ теперешняя власть уѣздныхъ присутствій. Онъ по своему усмотрѣнію наказываетъ и смѣщаетъ съ должности сельскихъ старостъ, можетъ временно удалять старшинъ; отъ его личнаго произвола зависитъ также давать или нѣтъ ходъ жалобамъ крестьянъ на мірскіе приговоры. Надъ нимъ правда поставлена управа, но эта управа состоитъ изъ тѣхъ же окружныхъ начальствъ, а извѣстно, что «воронъ ворону глазъ не выклюетъ!» Волостной старшина, въ свою очередь, имѣетъ право безъ суда, карать всѣхъ подвѣдомственныхъ ему крестьянъ; волостное правленіе, вѣроятно съ цѣлію устранить всякое стѣсненіе произвола старшины, уничтожается. Вообще тульскій проектъ можно назвать роднымъ братомъ московскаго: тоже глубокое недовѣріе къ крестьянамъ, такая же свора опекуновъ изъ культурнаго класса съ огромными правами надъ личностью крестьянъ, словомъ, тоже вотчинное право, только нѣсколько исправленное и приспособленное къ времени и ученію Токевиля и компаніи. Но Прокопъ ¹⁾, отбѣрвши себѣ жирный кусокъ, не забылъ по свойственной ему родительской нѣжности и о своихъ чадахъ. Комисія «предлагаетъ признать пмущественный цензъ необязательнымъ для сыновей мѣстныхъ землевладѣльцевъ», имѣя въ виду «расширить кругъ лицъ, изъ котораго земству можно будетъ избирать своихъ дѣя-

¹⁾ О личности и дѣяніяхъ его смотри въ «Дневникъ провинціала», Щедрина.

телей и дать возможность молодому поколѣнію, по окончаніи своего образованія, поступать на земскую службу ')». Но отчего же въ этотъ кругъ не вводятся также дѣти не землевладѣльцевъ? Не правда ли, трогателенъ будетъ въ земскомъ собраніи этотъ союзъ Прокоповъ съ Саврасами!

Мы не задаемся цѣлю составить полный сводъ земскихъ мнѣній о волостяхъ; скажемъ лишь, что вотчинныя вожделѣнія не составляютъ исключительной принадлежности сердца Россіи, и нашли себѣ сочувственный откликъ во всей Россіи, въ доказательство чего приведемъ кое какія выдержки изъ проектовъ другихъ земствъ.

Въ Петербургское земское собраніе нѣсколько гласныхъ внесли записку, въ которой предлагается положить въ основу преобразованія крестьянскихъ учреждений также начала всеословности и единства власти. Для характеристичнаго настроенія земскаго собранія можетъ служить то обстоятельство, что оно сочло пужнымъ передать на разсмотрѣніе особой комиссіи предложеніе Волкова о заарестованіи рабочихъ, нарушившихъ контрактъ съ землевладѣльцемъ. Тѣже вотчинныя рѣчи велель и на югѣ. «По смыслу доклада кузнецкой (Саратовской губерніи) управы, ишутъ въ «Саратовскомъ Дневникѣ», крестьянскія общества останутся только при сельскихъ старостахъ, а взамѣнъ волостныхъ правленій и старшинъ докладъ рекомендуетъ назначеніе участковыхъ начальниковъ, опредѣляемыхъ земскимъ собраніемъ большинствомъ голосовъ. Вѣдѣнію участковыхъ начальниковъ будетъ подлежать все, что въ настоящее время лежитъ на обязанности волостнаго правленія, съ присовокупленіемъ обязанностей полиціи по сбору податей, земскихъ и участковыхъ сборовъ и педонмокъ». Здѣсь еще ничего новаго нѣтъ,—все это мы уже слышали. Но вотъ что новое. Кузнецкое собраніе, не въ примѣръ прочимъ, затронуло вопросъ объ улучшеніи экономическаго положенія крестьянъ. Гласный Иконниковъ выработалъ даже съ этой цѣлью особый проектъ, подобнаго которому, по оригинальности замысла, мы еще не встрѣчали. Власть, предоставляемая этимъ проектомъ будущей реорганизованной земской управѣ, такова, что предъ нею полномочія московскихъ волостныхъ и тульскихъ окружныхъ начальниковъ и ихъ сѣздовъ сушіе пустяки.

') «Земство», 1881 г., № 45.

Реорганизованное земство получаетъ право полного и постоянного вмѣшательства въ поземельныя отношенія крестьянъ: въ видахъ «улучшенія экономическаго положенія крестьянъ», оно имѣетъ право расселять ихъ въ тѣхъ общинахъ, гдѣ надѣлы растянуты, отдѣльными выселками въ удаленной части надѣла, отрѣзывать, по своему произволу, землю отъ многоземельныхъ общинъ мало-земельныхъ, приостанавливать раздробительную продажу питей», и т. п. Но особенно любопытенъ одинъ параграфъ проекта. Гласный Иконниковъ, а вмѣстѣ съ нимъ и уѣздное кузнецкое собраніе, положительно завѣряютъ, что «несостоятельность общины происходитъ отъ слишкомъ большаго надѣленія общины землею». Будущей управѣ для поднятія благосостоянія, въ этихъ замѣчательныхъ случаяхъ, назначается «отрѣзать не болѣе половины земельного надѣла общины и сдать его въ аренду на срокъ до 6-ти лѣтъ, пополняя арендную платою часть или всѣ платежи, на общинѣ лежащія». Вообще земля, по убѣжденію земцевъ, для крестьянина не особенно нужна: «если община имѣетъ внѣ своего надѣла, говорится въ одномъ мѣстѣ проекта, выгодный рынокъ для сбыта своего труда, то недостатокъ своего капитала (дарственный надѣлъ, напр.) не вліяетъ на ея экономическое благосостояніе»¹⁾. Одесское уѣздное земское собраніе не заходитъ такъ далеко и довольствуется «опекой надъ крестьянами», по ея мнѣнію, «совершенно не подготовленнымъ къ самостоятельному веденію своихъ дѣлъ, доказательствомъ чего служатъ вопіющія злоупотребленія въ сельскихъ и волостныхъ учрежденіяхъ и въ крестьянскихъ судахъ. Но опека навязывается довольно основательная. Земскимъ учрежденіямъ предлагается «предоставить право контроля въ отношеніи мірскихъ сборовъ, смѣтъ и раскладокъ въ крестьянскихъ обществахъ. Организацию существующихъ волостныхъ учреждений пзмѣнить установленіемъ имущественнаго и образовательнаго ценза для волостныхъ старшинъ, разрѣшивъ избирать ихъ изъ лицъ всѣхъ сословій. Судебно-мировымъ учрежденіямъ предоставить право дисциплинарныхъ взысканій по отношенію къ лицамъ, служащимъ въ волостныхъ учрежденіяхъ, а волостнымъ судамъ вмѣ-

¹⁾ Земство, № 32.

нить въ обязанность рѣшать дѣла не на основаніи обычнаго права, а на основаніи общихъ законовъ»¹⁾

Мы могли бы привести и еще нѣсколько подобныхъ мнѣній. Но полагаемъ, довольно! Читатель вѣроятно уже убѣдился, что во всѣхъ этихъ земскихъ заявленіяхъ нѣтъ и слѣда истиннаго земскаго духа, что подъ блескомъ громкихъ фразъ о современныхъ бѣдствіяхъ деревни и необходимости скорѣйшей помощи меньшему брату скрываются побужденія сословнаго, властолюбиваго свойства. Всѣ подобныя мнѣнія имѣютъ значеніе лишь какъ историческій документъ. Они доказываютъ съ убѣдительною ясностью, что въ земскихъ собраніяхъ до сихъ поръ господствуетъ «духъ крѣпостнаго права». Взамѣнъ ушедшей невозвратно вотчинной власти надъ крестьянами отдѣльныхъ лицъ, земства стремятся установить зависимость ихъ отъ цѣлаго сословія или класса. Земскія собранія всеогловны, — но изложенныя нами проекты убѣждаютъ, что таковы они только по названію и что сила и вліяніе въ нихъ до сихъ поръ принадлежатъ дворянству. Инаго конечно и быть не могло. «Въ моментъ введенія земскихъ учрежденій, сообщаетъ въ своемъ докладѣ смоленскому уѣздному земству гласный Черевинъ, составъ гласныхъ отъ землевладѣльцевъ былъ исключительно дворянскій; затѣмъ, при поступленіи новыхъ лицъ въ среду общества, имѣющаго свои историческія традиціи и, такъ сказать, кровныя привычки и убѣжденія, лица эти, конечно, скоро заимствовали всѣ качества окружающей ихъ среды, тѣмъ болѣе успѣшно, что качества эти заключались въ привычкѣ властвовать, свободно распоряжаться своимъ имуществомъ и повелѣвать не безъ выгоды лично для каждаго. Такимъ образомъ, духъ крѣпостнаго права передается преемственно. И вслѣдствіе того, всѣ даже самыя благія начинанія земства, на пользу народа, дѣлаются не по праву, принадлежащему на то народу, но какъ бы въ видахъ снисхожденія къ его убожеству, — по милостивому нашему, на то, къ нему снисхожденію. Да и народъ смотритъ на земство чуть-ли не какъ на особое начальство, замѣнявшее частію, въ нѣкоторыхъ проявленіяхъ своей власти, бывшего помѣщика»²⁾.

¹⁾ Отечество. Записки 1881, № 10. По поводу внутреннихъ вопросовъ, стр. 198.

²⁾ Земство, № 53.

Было бы несправедливо смѣшивать съ этими проектами проекты безсословной волости тверскаго и другихъ земствъ. Вотчынныя возделѣнія здѣсь не играютъ такой роли, и на первомъ планѣ поставлена, напротивъ, задача добиться для мѣстнаго управленія большей или меньшей свободы отъ внѣшнихъ давленій, нѣкотораго единства въ дѣятельности органовъ, въ самоуправленіи, создать для личной дѣятельности сколько нибудь сносна условия. Интеллигенціи дается здѣсь роль не начальниковъ и опекуновъ, такъ какъ лица всѣхъ сословій входятъ въ волость на равныхъ условіяхъ съ крестьянами. Дозакательствомъ сочувственнаго отношенія этихъ земствъ къ мужику можетъ служить то обстоятельство, что въ программу ихъ реформъ входитъ измѣненіе экономическаго положенія крестьянъ, о чемъ въ разсмотрѣнныхъ выше проектахъ нѣтъ и помину. Эти земства, впрочемъ, не идутъ далеко, ограничиваясь лишь сбавкой прямыхъ налоговъ. Но очевидно, что одной податной реформой нельзя устранить той розни экономическихъ интересовъ, о которую могутъ разбиться всѣ великодушныя планы слиянія, и нѣтъ сомнѣнія, что въ дальнѣйшемъ развитіи «безсословная» волость приведетъ къ тѣмъ же результатамъ, какіе гораздо скорѣе и прямѣе достигаются при помощи волости «всословной». Ошибка составителей проектовъ второй группы въ томъ, что они «ищутъ руководящихъ силъ» не среди народа, а между тѣми классами, которые сами же бичуютъ, объясняя современную деревенскую неурядицу безалабернымъ бюрократическимъ контролемъ, парализующимъ всякое проявленіе мѣстной жизни; они не задаются мыслью объ освобожденіи крестьянскаго самоуправленія отъ всякой опеки, хотя бы эта опека являлась въ видѣ «руководства интеллигенціи» «Руководящая сила, говорилъ совершенно справедливо одинъ гласный Лебедевъ въ кузнецкомъ собраніи, нашлась бы и въ самой общинѣ, если бы волостные старшины и сельскіе старосты не были тамъ поработаны и припужены властью исправника.» Отъ этихъ должностей бѣгутъ теперь всѣ порядочные крестьяне, потому что «ихъ тяготитъ произволъ полиціи и та безцеремонность въ обращеніи съ должностными лицами крестьянскаго самоуправленія, благодаря которой крестьяне теряютъ всякое уваженіе къ своимъ старостамъ и старшинамъ». По мнѣнію этого гласнаго, при одномъ «устраненіи изъ

крестьянскаго самоуправленія порабоощающаго вліянія полиціи, составъ должностныхъ лицъ измѣнился бы къ лучшему»¹⁾. Нельзя судить о способности крестьянъ къ самоуправленію, пока не сдѣланъ полный, искренній опытъ. Основывать же свои сужденія объ этой способности на существующихъ безобразныхъ явленіяхъ деревенской жизни и считать единственнымъ исходомъ «прізваніе руководителей» изъ другихъ классовъ, въ виду ненормальныхъ условій, о которыхъ было говорено въ предыдущей статьѣ, очевидно совершенно несправедливо. Между тѣмъ, это недовѣріе къ умственнымъ и нравственнымъ силамъ крестьянъ лежитъ въ основаніи всѣхъ, даже лучшихъ земскихъ проектовъ. Но, можетъ быть, это недовѣріе дѣйствительно основательно, можетъ быть оно неизбежно возникаетъ при ближайшемъ соприкосновеніи съ дѣйствительностью, можетъ быть «довѣріе» есть результатъ плюрицип, идеализація народа? Къ счастью, между проектами земскихъ людей, притомъ такихъ, которые принимаютъ участіе въ земской дѣятельности едва ли не съ самаго возникновенія земскихъ учрежденій, можно найти нѣсколько такихъ, которые доказываютъ, что близкое знакомство съ дѣйствительностью не только не колеблетъ, но, напротивъ, при безпристрастномъ отношеніи къ общимъ интересамъ, укрѣпляетъ вѣру въ народъ. Одно изъ первыхъ мѣстъ по своей дѣятельности между уѣздными земствами Тверской губерніи принадлежитъ съ давнихъ поръ Новоторжскому, въ средѣ котораго встрѣчаются личности испытанной честности и опытные въ земскихъ дѣлахъ. Въ январѣ 1880 года гласные этого земства подали въ Тверское губернское собраніе слѣдующій сводъ своихъ мнѣній. Они полагаютъ, что необходимо: 1) «Ходатайствовать объ отмѣнѣ подушной подати и замѣнѣ ея налогомъ, падающимъ на каждого русскаго гражданина, соразмѣрно его силамъ и способностямъ: 2) Ходатайствовать о замѣнѣ настоящей административно-фискальной крестьянской волости «безсловно» волостью, которая бы представляла собою земскую единицу низшаго порядка, по образцу той, какую изображаетъ изъ себя городъ съ новымъ городскимъ управленіемъ (Вѣроятно, повоторжскіе гласные имѣютъ въ виду только одну сторону городского управле-

¹⁾ Земство № 32.

нія—безсловность, такъ какъ во всемъ остальномъ оно мало заслуживаетъ подраженія); 3) чтобы съ представителей какъ крестьянской общины, такъ и всесловной волости, т. е. сельскихъ старость, волостныхъ старшинъ и членовъ правленія были сняты всякія полицейскія и фискальныя обязанности, съ чѣмъ вмѣстѣ они должны быть освобождены отъ всякаго непосредственнаго подчиненія полицейскимъ властямъ, въ той же мѣрѣ, какъ не подчинены имъ городской голова и члены городской управы. Какъ мы скажемъ далѣе, Новоторжскіе гласные считаютъ необходимымъ ввести крестьянъ и въ то учрежденіе, которому будетъ принадлежать высшее завѣдываніе крестьянскими дѣлами. Многимъ можно было бы дополнить эти предложенія, кое съ чѣмъ не согласится, но, во всякомъ случаѣ, подобныя мнѣнія не имѣютъ ничего общаго съ капральскими планами московскихъ, тульскихъ и рязанскихъ земцевъ. И если, не смотря на такія мнѣнія, не смотря на энергическій протестъ губернской управы противъ установившагося взгляда на крестьянина, какъ на «крѣпостного государства, казеннаго чело-вѣка, не могущаго имѣть, независимо отъ воли и интересовъ государства, ни собственности, ни желаній, ни даже вѣры», какъ «на источникъ государственнаго дохода» и на высказанное тверскою управою убѣжденіе, что главнѣйшая задача жизни должна заключаться въ томъ, чтобы «поставить русскаго крестьянина по отношенію къ обществу, государству въ тоже положеніе, въ которомъ находятся лица другихъ сословій», если, несмотря на все это, та же губернская управа, а съ нею и собраніе, на ряду съ прекрасными предложеніями, включила въ свой проектъ статьи, направленныя къ ограниченію самостоятельности «мелкой земской единицы», то мотивы этихъ статей она очевидно почерпнула не изъ наблюденій надъ крестьянскимъ самоуправленіемъ. Въ общемъ, однакожь, проектъ тверской управы полнѣе отвѣчаетъ истиннымъ интересамъ мѣстнаго самоуправленія и поставленъ на болѣе правильную почву, чѣмъ всѣ другіе. Вотъ его главнѣйшія положенія:

1) Для завѣдыванія хозяйственными нуждами мѣстности образуются мелкія единицы—волости.

2) Единицы эти завѣдуютъ преимущественно хозяйственными нуждами мѣстности, и исполнительный органъ оной не находится ни въ какой зависимости отъ администраціи.

3) Право участія въ дѣлахъ волости признается за каждымъ

лицомъ, живущимъ въ предѣлахъ волости, къ какому бы сословію оно не принадлежало. Основной принципъ, дающій право на участіе въ дѣлахъ волости, есть осѣдлость—жизнь въ волости.

4) Помимо осѣдлости право участія въ дѣлахъ волости даетъ и извѣстный имущественный цензъ (??).

5) Волость составляетъ первую земскую единицу и тѣсно связана съ земствомъ.

6) Выборы гласныхъ въ земскія собранія производятся въ волостяхъ (этотъ параграфъ заслуживаетъ особаго вниманія: съ перенесеніемъ выборовъ въ волость крестьяне, т. е. земское большинство, конечно, будутъ имѣть болѣе возможности проводить своихъ кандидатовъ въ гласные).

7) Право обложенія волостями ограничено, и самая система обложенія опредѣляется высшею земскою единицею (и тверскіе земли очевидно одержимы боязнью, какъ бы крестьяне не налегли на землевладѣльческія земли).

9) Полицейскія обязанности вышѣшней волости за исключеніемъ тѣхъ изъ нихъ, кои имѣютъ отношеніе къ хозяйственнымъ интересамъ мѣстности, какъ напримѣръ, наблюденіе за исправностью путей сообщенія, наблюденіе за исполненіемъ предупредительныхъ противъ пожаровъ мѣръ и т. п.—переходятъ въ вѣдѣніе полиціи; фискальныя же обязанности вышѣшней волости переходятъ въ вѣдѣніе особаго фискальнаго управленія¹⁾.

Мы не будемъ приводить другихъ проектовъ всеобщей волости, такъ какъ въ главныхъ основаніяхъ они мало отличаются отъ только-что изложенныхъ. Разница между ними лишь въ частностяхъ: одни, напримѣръ, владимірскій, предоставляютъ личнымъ землевладѣльцамъ право присылать на сходъ своихъ повѣренныхъ, другіе этого права за ними не признаютъ. Казанское собраніе предлагаетъ установить для какой-то надобности двѣ волости: 1) общинниковъ и 2) личныхъ землевладѣльцевъ и т. и.

Нѣкоторыя земства предлагаютъ совсѣмъ упразднить волостное общественное управленіе, и всѣ дѣла его передать земствамъ. Симферопольское губернскае собраніе мотивировало такое требо-

¹⁾ „Отечествен. Записки“ 1881, № 9, По поводу внутреннихъ вопросовъ, стр. 116.

ваніе тѣмъ, что волостныя правленія обходятся очень дорого (въ крымскихъ уѣздахъ до 30 тысячъ руб. и болѣе, а въ сѣверныхъ до 75,000 руб.), что они не только бесполезны, но даже вредны, такъ какъ стѣсняютъ сельскія общества въ ихъ домашнихъ хозяйственныхъ дѣлахъ. По мнѣнію собранія, необходимо оставить только одну единицу крестьянскаго самоуправления—сельское общество. Череповское уѣздное земство настаиваетъ на упраздненіи не только волостнаго, но и сельскаго управленія, «какъ сословныхъ по ихъ организаціи и содержанію». Крестьянское сословное управленіе, учрежденное закономъ 19 февраля 1861 года, аргументируютъ земцы, за 20 лѣтъ показало, что оно, какъ и другія сословныя группы, не имѣетъ сферы для самостоятельной общественной дѣятельности, отличной отъ прочихъ общественныхъ группъ той же мѣстности, въ такихъ отрасляхъ, какъ пути сообщенія, здравіе, образованіе, мировыя судебныя учрежденія, страхованіе, общественная безопасность, благоустройство, торговля, промышленность и т. д. Органы крестьянскаго управленія въ дѣйствительности обратились въ низшіе служебныя органы земства, полиціи и прочихъ казенныхъ вѣдомствъ. Между тѣмъ содержаніе ихъ, до 60 т. руб. въ годъ, лежитъ исключительно на однихъ крестьянахъ и притомъ лишь крестьянахъ-общинникахъ, такъ какъ съ земель, состоящихъ въ личномъ владѣніи крестьянъ, сборовъ на волостное управленіе не взимается. Крестьянская община не имѣетъ общихъ интересовъ съ общественнымъ управленіемъ; она даже не совпадаетъ ни съ сельскимъ обществомъ, ни съ селеніемъ, да если случайно и совпадаетъ, то только одновременнымъ составомъ членовъ, а не хозяйственныхъ интересовъ; отдѣленіе общественнаго управленія отъ общины только можетъ облегчить ее, освободивши отъ тяжелой обязанности содержать мѣстные органы исключительно на свои средства. Требуя упраздненія сословнаго сельскаго управленія, земская комиссія настаиваетъ въ то же время на сохраненіи и упроченіи общины, тѣмъ болѣе, что «оставленная въ настоящемъ видѣ—съ надѣломъ ограниченнымъ и безъ всякой надежды на увеличеніе надѣловъ—она неминуемо разрушится». «Если правительство должно поддержать общинное начало, какъ лучшее средство обезпечить за большинствомъ населенія обладаніе главнымъ орудіемъ труда, землею, то оно обязано и позаботиться, чтобы община была дѣйствительно поставлена въ усло-

вія, при которыхъ возможно ея дальнѣйшее развитіе. Замкнутая, неорганизованная, необеспеченная земельнымъ фондомъ, разбитая на независимые, скорѣе враждующіе между собою, чѣмъ преслѣдующіе общіе интересы, небольшіе кружки, настоящая община вовсе не удовлетворяетъ этой высокой цѣли, а между тѣмъ задерживаетъ культуру (?), ограничивая личный починъ въ экономическихъ улучшеніяхъ. Настоящая община весьма слабо и временно предохраняетъ отъ обезземеленія». Для упроченія общины, коммисія предлагаетъ «слить всѣ общинныя земли уѣзда въ одно цѣлое. Пусть всѣ нивы отведенныя въ надѣль крестьянъ земли будутъ состоять въ постоянномъ пользованіи крестьянской общины, а значительная часть свободныхъ казенныхъ земель будетъ служить постояннымъ фондомъ для увеличенія общинныхъ земель, для расселенія избытковъ населенія съ коренныхъ общинныхъ земель на свободныя, пусть этимъ дѣломъ будутъ съ извѣстными, закономъ установленными ограниченіями, завѣдывать сами общинники, въ лицѣ представителей общины»; тогда, по мнѣнію коммисіи, возможно будетъ рассчитывать, что крестьянское земледѣльческое населеніе будетъ дѣйствительно избавлено отъ пролетаріата¹⁾. Коммисія напала на вѣрную мысль. Развитіе организаціи общины, путемъ союзовъ признаніе передѣла между общинами, предоставленіе общинамъ права самоуправленія общинными землями въ связи съ приобрѣтеніемъ въ крестьянское пользованіе казенныхъ и частныхъ земель—это не только гарантія отъ обезземеленія, но и лучший путь къ правильному устройству мѣстной автономіи.

Покончивъ съ вопросомъ объ общинѣ и «отведя ей подобающее мѣсто и значеніе въ системѣ общественнаго устройства», коммисія съ развязанными, такъ сказать, руками принялась за устройство общественныхъ учреждений, вѣдающихъ необщинныя дѣла, на началахъ всесословности. Но вмѣсто того, чтобы принять за основаніе всей системы «общинные союзы», поземельныя волости, предоставить имъ право самостоятельно, въ соединеніи съ другими союзами, рѣшать вопросъ о всесословности своего состава, о компетенціи, о взаимныхъ отношеніяхъ—череповскіе земцы задались

¹⁾ «Земство», 1881 № 38, 40, 41.

дѣлю сдѣлать изъ существующихъ земскихъ учрежденій полно-властныхъ распорядителей судьбы уѣзда. Земство одно вѣдасть всѣ вопросы народнаго благосостоянія, обложенія населенія прямыми налогами, полицію, благоустройства и благочинія, порядка и спокойствія, предупрежденія и пресѣченія преступленій. Увлекаясь попятнымъ желаніемъ ослабить существующую опеку и положить конецъ произволу и хищенію, земство, въ свою очередь, впало въ крайность, сдѣлавши изъ земскаго собранія единственнаго и неограниченнаго начальника всего уѣзда. Централизація земской дѣятельности доведена въ череповскомъ проектѣ до крайней степени, напоминающей о московскихъ планахъ. Между тѣмъ проектъ даже не затрогиваетъ вопроса о земскомъ представительствѣ, оставляя все по старому. И вотъ, теперешнему уѣздному земскому собранію предоставляется право «организовать представительство по мѣстностямъ уѣзда, для чего должно быть предоставлено право дѣлать уѣзды, сообразно мѣстнымъ особенностямъ и удобствамъ, на участки, кварталы, обруга, приходы, волости и т. п. (намѣстничество, да и только), опредѣлять предметы вѣдомства этихъ сходовъ или собраній» и т. д. Надо удивляться, какъ люди могутъ не понимать самихъ себя. Вооружаясь прогнвѣ бюрократіи, земство создаетъ въ то тоже время такую канцелярскую систему управленія, въ сравненія съ которой существующее устройство можетъ назваться пожалуй свободнымъ «самоуправленіемъ».

Громадное большинство земствъ, особенно уѣздныхъ, высказалось, однакожь за *status quo*, за сохраненіе крестьянской волости въ нынѣшнемъ видѣ. Одни изъ этихъ земствъ ограничились отвѣтомъ на министерскіе вопросы, другія предложили нѣкоторыя перемѣны въ устройствѣ учреждений, завѣдующихъ крестьянами, волостныхъ судовъ и пр. Здѣсь выдается одна особенность: въ уѣздныхъ земствахъ, гдѣ крестьяне имѣютъ достаточное количество представителей, замѣтно отрицательное отношеніе къ проектамъ всесословной волости. Вытекаетъ ли такое отношеніе, какъ думаютъ нѣкоторые, изъ чувства развивающагося общественнаго самосознанія крестьянъ, желающихъ обсуждать свои дѣла самостоятельно и отдѣльно, безъ участія другихъ сословій, интересы которыхъ могутъ оказаться не только чуждыми, но и противоположными крестьянскимъ, или же уѣздныя земства боятся просто преступить

предѣлы министерской программы, сказать трудно. Отчеты о засѣданіяхъ уѣздныхъ земскихъ собраній появляются въ печати рѣдко и въ такомъ видѣ, что нельзя судить о мотивахъ принимаемыхъ ими рѣшеній. За сохраненіе statu quo стоятъ и нѣкоторыя губернскія земства: ярославское, калужское и др. Первое изъ этихъ земствъ настаиваетъ лишь на ограниченіи компетенціи волостнаго управленія и на усиленіи надъ нимъ контроля въ лицѣ судебныхъ и земскихъ учрежденій, на обузданіи произвола полиціи и т. п. Но въ самомъ собраніи нашлись люди, которые доказали, что изъ измѣненій, предлагаемыхъ земствомъ, ничего путнаго не выйдетъ. Особенно замѣчательно мнѣніе гласнаго, крестьянина Дерунова. Онъ убѣжденъ, что «никакое измѣненіе крестьянскихъ учрежденій не можетъ принести существенной пользы» народу («трудюбивой массѣ», какъ онъ выразился), если останется неизмѣннымъ настоящій экономическій строй. Имѣя корни въ этомъ строѣ, который взлелѣялъ и укрѣпилъ ихъ, крестьянскія учрежденія, во все время своего существованія, не оказали никакого благотворнаго вліянія на благосостояніе сельскаго люда, и только обременяли земство излишними расходами. Затѣмъ, г. Деруновъ нарисовалъ картину реформъ, которыя, по его мнѣнію, могли бы подвинуть впередъ застоявшееся экономическое statu quo. Полагая въ основу принципъ широкаго крестьянскаго самоуправленія, онъ требуетъ: 1) отмены подушной подати или, по крайней мѣрѣ, уравниванія ея между всѣми сословіями, какъ всякой прямой поголовной подати; 2) равномернаго распредѣленія государственныхъ и земскихъ налоговъ, при чемъ эти налоги, въ особенности, должны быть обращены на процентныя бумаги, пароходы, желѣзныя дороги, промышленныя учрежденія и т. п.; 3) измѣненія паспортной системы, обременительно падающей на низшіе классы; 4) устройства общегосударственнаго земельного банка, съ цѣлью полученія изъ него крестьянами ссудъ для покупки земель; этотъ общегосударственный банкъ долженъ имѣть отдѣленія при губернскихъ земскихъ управахъ: «только тѣсная связь правительства съ земствомъ можетъ приносить пользу для населенія»; 5) признанія крестьянской общины нераздѣльной въ юридическомъ отношеніи и земельномъ пользованіи; права артелей, союзовъ, ремесленныхъ цеховъ (?); 6) выдача ссудъ, различныхъ привилегій и наградъ всѣмъ тѣмъ общинамъ, которыя захотятъ улучшить и улучшаютъ свое положеніе.

ніе (напр., въ обработкѣ полей); 7) выработка уставовъ и правилъ для общинъ, въ которыхъ бы точно и ясно опредѣлялись бы права и значеніе общинъ (?); 8) переселенія на пустопорожнія земли на счетъ правительства тѣхъ крестьянъ, которые пожелаютъ выйти изъ общины, за недостаткомъ въ ней земельныхъ угодій; при чемъ, въ новой осѣдлости имъ должны быть предоставлены удовлетворительныя участки; 9) предоставленія права сходамъ распределять, соединять и пр. волости и общества, «не ломая ихъ устройства издалека»; 10) предоставленія крестьянамъ права создавать характеръ волости (всесловный или нѣтъ, и т. д.) по собственному усмотрѣнію; права общинъ добровольно разлагать между собой подати и разверстывать земельныя участки; 11) права собственного рѣшенія относительно надобности или негодности волостныхъ судовъ; 12) чтобы полиція вся была выборная отъ земства; обязанности найма и содержанія сотскихъ лежали бы на земствѣ; 13) распореніе принципа земскаго самоуправленія; 14) права каждой волости имѣть своего представителя-гласнаго въ земскомъ собраніи; 15) увеличенія числа гласныхъ въ каждомъ уѣздномъ собраніи, и 16) предоставленія земству права сохранять и расширять права общинъ»¹⁾.

Это уже не канцелярскій и не управскій прожектъ.

Это мнѣнія человѣка, живущаго среди народа, понимающаго потребности крестьянской жизни, ясно сознающаго, гдѣ основная причина деревенской неурядицы и въ чемъ средства къ ея устраненію. Безъ сомнѣнія, подобныя мнѣнія высказали бы всѣ крестьяне, еслибы они были спрошены на сходахъ, какъ предлагало всероссийское земство о своемъ общественномъ управленіи. Подъ ними (за исключеніемъ нѣкоторыхъ предложеній) подпишется всякій образованный человѣкъ, искренно преданный народнымъ интересамъ.

Къ числу земскихъ мнѣній, въ защиту необходимости сохранить существующій порядокъ крестьянскаго управленія, принадлежитъ мнѣніе коммисіи калужскаго губернскаго земскаго собранія. Она признала, какъ и харьковское губернскаго земство, всесловную волость учрежденіемъ желательнымъ, но преждевременнымъ и по-

¹⁾ Земство, 1882, № 3, стр. 13.

тому предполагаетъ оставить волостное правленіе, волостной и сельскій сходъ въ томъ видѣ, какъ они узаконены Положеніемъ 19-го февраля, приравъ только нѣкоторыя мѣры для улучшенія персонала волостныхъ писарей. Для улучшенія же состава волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ коммисія находитъ нужнымъ изъять ихъ отъ наказаній, налагаемыхъ единоличной властью, предоставивъ присуждать имъ кары и отрѣшать ихъ отъ должности только коллегіальному составу управы. Въ каждой волости долженъ состоять земскій стражникъ съ правами и жалованьемъ настоящихъ урядниковъ. Собраніе налоговъ съ крестьянъ поручается земскимъ приставамъ, избираемымъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ ¹⁾).

Посмотримъ теперь, какъ отнеслись земства къ вопросу о волостномъ и сельскомъ судѣ.

Московская земская коммисія предлагаетъ взамѣнъ существующихъ крестьянскихъ судовъ учредить два новые: 1) сельскій судъ, какъ первую инстанцію крестьянскаго суда. Онъ состоитъ изъ 3 очередныхъ судей, избираемыхъ сельскимъ сходомъ изъ числа исправныхъ домохозяевъ, не моложе 45 лѣтъ; 2) при каждомъ предполагаемомъ волостномъ судѣ—волостной судъ, какъ вторую инстанцію сословнаго крестьянскаго суда.

Въ составъ этого суда входитъ мировой судья, конечно, въ качествѣ предсѣдателя, и двое вызываемыхъ по очереди сельскихъ судей. «Въ волостной судъ должны поступать дѣла только въ апелляціонномъ порядкѣ, и онъ долженъ разсматривать ихъ не въ кассационномъ порядкѣ, а постановляя по нимъ окончательныя рѣшенія по существу» Непзвѣстно, назначаются ли «сельскіе судьи» на роль весталокъ для храненія обычнаго права или на роль ликторовъ на случай умрѣтворенія тяжущихся.—Одесское уѣздное собраніе съ легкимъ сердцемъ постановило «вмѣнить волостнымъ судамъ въ обязанность рѣшать дѣла не на основаніи обычнаго права, а на основаніи общихъ законовъ». По недоразумѣнію, вѣроятно, оно приводитъ мотивъ, который долженъ былъ бы привести собраніе къ совершенно противоположному рѣшенію, именно разнообразный этнографическій составъ населенія губерніи.

¹⁾ № 51, стр. 12.

Кузнецкое и петровское уездныя собранія оставляютъ те-перешніе волостные суды, но первое на начальника уѣзда возлагаетъ обязанность слѣдить за внѣшнимъ порядкомъ суда, а второе ограничивается допущеніемъ права подавать на рѣшенія волостнаго суда апелляціонныя жалобы въ сѣздъ мировыхъ судей. По проекту тверской губернской управы, «волостной судъ, вѣдающій дѣла исключительно гражданскія, съ расширеніемъ его компетенціи, избирается волостью изъ лицъ безъ ограниченія принадлежностью ихъ къ тому или другому сословію». Новоторжскіе гласные стоятъ, напротивъ, за сохраненіе специально-крестьянскаго суда. Въмѣсто волостнаго суда, по ихъ мнѣнію, нужно установить судъ мірской и приходскій. Первый состоитъ изъ старосты и 4-хъ хозяевъ и вѣдаетъ семейные раздѣлы и разборъ имущественныхъ и вообще правовыхъ отношеній между членами нераздѣльныхъ семей, а также дѣла по опекамъ и попечительствамъ надъ членами общины. Приходскій судъ состоитъ изъ пяти членовъ, избираемыхъ сходомъ, составленнымъ изъ выборныхъ отъ каждаго десяти дворовъ, принадлежащихъ къ приходу. Онъ разбираетъ правовыя отношенія между членами одного крестьянскаго общества, когда возникшій споръ вытекаетъ изъ правъ и обязанностей, какъ членовъ общины, наприимѣръ, о передѣлахъ общинной земли, о вознагражденіи за переносы усадебъ и за убытки, нанесенные члену общины распоряженіями сельскаго схода или сельскихъ должностныхъ лицъ, и т. п. Дѣла же, вытекающія изъ общахъ гражданскихъ отношеній, договоровъ, заемныхъ обязательствъ и т. п., хотя бы и между крестьянами, какъ членами общины, равно какъ дѣла уголовнаго характера должны быть совершенно изъяты изъ вѣдомства крестьянскаго суда и переданы всесословнымъ судамъ. Рязанскіе земцы нѣсколько уступчивѣе. Имѣя въ виду, что въ настоящее время всѣ сословія подчинены одному общему суду, управа находитъ, что слѣдовало бы совсѣмъ уничтожить волостные суды, какъ суды сословные; но принимая во вниманіе, что рядомъ съ этимъ должно идти коренное измѣненіе гражданскихъ и уголовныхъ законовъ, которые часто идутъ въ разрѣзъ съ обычнымъ крестьянскимъ правомъ, управа согласна, въ видѣ временной мѣры, крестьянскій судъ сохранить, но съ тѣмъ, однако, чтобы въ судья, избираемые однимъ крестьянами, могли избираться и лица другихъ сословій, имѣющіе тотъ или другой образовательный цензъ, дабы

привлечь къ дѣлу «людей интеллигентныхъ и пользующихся довѣріемъ крестьянъ и поднять уровень и достоинство крестьянскаго суда». Апелляціонныя и кассационныя жалобы на этотъ судъ первой инстанціи могутъ приноситься съѣзду крестьянскихъ судей, подъ предсѣдательствомъ мирового судьи, и жалобы на этотъ съѣздъ, въ кассационномъ порядкѣ, въ съѣздъ мировыхъ судей. Владимірская управа предлагаетъ удержатъ волостной судъ для разбора псковыхъ дѣлъ, истекающихъ изъ общиннаго пользованія землею, и семейныхъ раздѣловъ, но съ апелляціею мировому судѣю, рѣшающему эти дѣла окончательно, совместно съ двумя волостными судьями, приглашаемыми изъ другихъ волостей его участка по очереди. Всѣ остальные дѣла отходятъ къ мировому судѣю. «Впрочемъ, управа согласна «для общинниковъ и вообще крестьянъ оставить сельскій судъ стариковъ».

Тулское губернское собраніе оставляетъ волостной судъ, но подъ предсѣдательствомъ участковаго или почетнаго мирового судьи. Рѣшенія волостнаго суда окончательно и на нихъ могутъ быть подаваемы жалобы въ мировую съѣздъ только въ кассационномъ порядкѣ. Калужская комиссія предлагаетъ сохранить волостной судъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существуетъ, но, по ея мнѣнію, необходимо учредить апелляціонную инстанцію, состоящую изъ судей крестьянъ и засѣдающую въ камерѣ мирового судьи. Въ засѣданіяхъ этой инстанціи мировой судья занимаетъ мѣсто прокурора; на его обязанности лежитъ разъясненіе судьямъ законоположеній, относящихся до разсматриваемаго дѣла, и выраженіе его мнѣнія по существу дѣла. Послѣ сдѣланныхъ разъясненій мировой судья долженъ удалиться изъ засѣданія, представивъ судьямъ постановлять рѣшенія, какіе найдутъ нужными. Это едва ли не самое рациональное рѣшеніе вопроса. Большинство же земскихъ проэктвовъ волостнаго суда клонятся или къ полному его уничтоженію и передачѣ дѣлъ въ вѣдѣніе общихъ судебныхъ учрежденій, или къ ограниченію компетенціи сельскихъ судовъ семейными и общинными дѣлами. отдавая во всѣхъ остальныхъ случаяхъ крестьянъ подъ опеку мировыхъ судей, окружныхъ и участковыхъ начальниковъ и имъ подобныхъ земскихъ командировъ. Такого отношенія земствъ нельзя объяснить однимъ убѣжденіемъ ихъ въ неспособности крестьянъ къ самосуду, тѣмъ болѣе что ни одна комиссія не потрудилась собрать по этому во-

просу никакихъ обстоятельныхъ свѣдѣній; нельзя объяснить также подобныхъ мнѣній простымъ поклоненіемъ плочу всеобщности, такъ какъ должны же составители проектовъ быти видѣть противоположность экономическихъ интересовъ крестьянъ интересамъ лицъ другихъ классовъ. Огромныя права, которыми земства вооружаютъ навязываемыхъ крестьянамъ агентовъ, права, предъ которыми блѣднѣетъ власть исправника не касающаяся, по крайней мѣрѣ, самого существа сельскаго управления и суда, доказываютъ, что дѣло идетъ вовсе не о возстановленіи правды въ судахъ, не о возвышеніи ихъ уровня и достоинства. Во всѣхъ земскихъ проектахъ красной нитью проходитъ одна мысль, установить зависимость крестьянъ отъ класса землевладѣльцевъ.

Еще яснѣе эта затаенная мысль выразилась въ земскихъ мнѣніяхъ о реформѣ уѣздныхъ присутствій по крестьянскимъ дѣламъ, т. е. о реформѣ высшаго контроля надъ крестьянскими самоуправленіемъ. Мы уже говорили, что учрежденія эти признаны земствами, и совершенно справедливо, — совершенно несоответствующими своему назначенію. Судя по той безпощадной критикѣ, какой подверглись эти присутствія, по тѣмъ энергическимъ протестамъ противъ гнетущей полицейской опеки и безправности крестьянскихъ органовъ, можно было бы предполагать, что земскіе проекты будутъ направлены, если не къ уничтоженію, то, по крайней мѣрѣ, къ ослабленію контроля. На дѣлѣ же оказалось совершенно противоположное: почти всѣ они требуютъ усиленія опеки. Правда, вмѣсто присутствія всѣ они ставятъ какой либо земскій органъ; но отъ такой замѣны самостоятельность сельскаго управления, какъ скажемъ далѣе, въ результатѣ ничего не выигрываетъ и остается также подавленной, какъ и теперь, если еще не болѣе. Большая часть новыхъ проектовъ наполнены статьями именно объ организаціи надзора.

Тульское земство, не довольствуясь назначеніемъ окружныхъ членовъ, которымъ предоставляется надзоръ за всѣми органами сельскаго и волостнаго управления, утвержденіе въ должности сельскихъ старостъ и старшинъ, право наказывать ихъ штрафами и арестомъ, удалять отъ должностей, рассмотрѣніе жалобъ на приговоры сходовъ и пр., поставило надъ ними еще два контролирующіе учрежденія: 1) уѣздную управу и 2) уѣздное присутствіе, не

считая земскаго собранія. Уѣздная управа состоитъ изъ предсѣдателя и окружныхъ членовъ. Чтобы въ управу не налѣзло мужичье, положено избирать въ должности члена и предсѣдателя уѣздной управы только землевладѣльцевъ, владѣющихъ въ уѣздѣ землею не менѣе 10 десятинъ, а кстатн и ихъ сыновей, если они окончили курсъ наукъ въ высшихъ или среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, или приобрѣли опытность на государственной службѣ, занимая должность не ниже 8 класса). Уѣздной управѣ прпевопваются права и обязанности уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія и исполнительнаго органа уѣзднаго земства. Управа въ коллегіальныхъ засѣданіяхъ разсматриваетъ жалобы на дѣйствія окружныхъ членовъ, разрѣшаетъ представленія этихъ послѣднихъ по дѣламъ, неподлежащимъ ихъ окончательному рѣшенію, и повѣряетъ счета, отчеты и кассы. Надъ управой громоздится уѣздное присутствие, замѣняющее губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствие (вѣроятно въ видахъ «автопомін уѣзда»). Предсѣдательствуетъ въ немъ конечно хозяинъ уѣзда — уѣздный предюдитель дворянства. Членами состоятъ все истые земскіе люди: предсѣдатель уѣздной управы, мировой судья, два гласныхъ по выбору земскаго собранія и, вѣроятно, для успленія врестнжа, уѣздный исправникъ. Присутствіе разсматриваетъ жалобы на управу и наблюдаетъ за поступленіемъ податей¹⁾).

Какія либо коментаріи къ этой дворянско-землевладѣльческой паутинѣ, полагаемъ, совершенно излишни. О московскихъ планахъ нечего и упоминать: въ изобрѣтеніи средствъ для «взпуданія звѣря» московскіе земцы не уступаютъ никому. Контроль за крестьянскимъ управленіемъ предоставляется управамъ, состоящимъ изъ «волостныхъ судей». Одесская управа и елисаветградское земство наставляютъ на передачу дѣлъ упраздняемыхъ крестьянскихъ присутствій въ земскія и судебныя учрежденія, а контроль надъ мирскими сборами, сметами и раскладками (теперь свободными) крестьянскихъ обществъ первое предлагаетъ сосредоточить въ земскихъ учрежденіяхъ. По проэку владимірской губернской управы, «все уѣздное управленіе сосредоточивается въ уѣздной управѣ, которая состоитъ: изъ земскаго головы, избираемаго земскимъ собраніемъ,

¹⁾ Земство, 1881. № 45.

изъ членовъ (также избираемыхъ) и съ участіемъ въ ней всѣхъ спеціальныхъ правительственныхъ агентовъ, каждаго по его спеціальному дѣлу. «Но земское собраніе должно быть сначала реорганизовано». Въ него вводится, какъ составная часть, городское самоуправленіе; установленное число гласныхъ распредѣляется по количеству платимаго налога между слѣдующими социальными группами: а) личныхъ владѣльцевъ земель и усадебъ; б) общинныхъ владѣльцевъ земель и усадебъ; в) городскихъ землевладѣльцевъ и домовладѣльцевъ; г) владѣльцевъ фабрикъ и заводовъ. Не трудно предсказать, кто будетъ командовать при такомъ составѣ представительства въ собраніи и управѣ, а, слѣдовательно, и надъ крестьянами. За упраздненіе уѣздныхъ присутствій и передачу надзора за крестьянскимъ самоуправленіемъ земству и мировымъ учрежденіямъ высказались и многіе уѣздные земства: липецкое, костромское, петровское сарат. губ., дмитріевское, курское и др. *)).

Большинство же уѣздныхъ земствъ ограничилось, какъ сказано, отвѣтомъ на вопросы, предложенные министерствомъ. Мы не будемъ приводить ихъ отзывы, сильно напоминающихъ канцелярскія отписки и ни мало не интересныхъ. Достаточно самого поверхностнаго знакомства съ дѣломъ, чтобы видѣть, какъ мало можетъ улучшить существующій порядокъ наиболее удовлетворительное рѣшеніе министерскихъ вопросовъ. Всѣ эти вопросы касаются частныхъ измѣненій въ устройствѣ крестьянскихъ присутствій, порядка выбора непремѣннаго члена въ губернскомъ или уѣзномъ собраніи, пониженія ценза для выбора въ эту должность, назначенія кандидатовъ къ непремѣнному члену, надзора за дѣлопроизводствомъ въ уѣзномъ присутствіи и права налагать взысканія на должностныхъ лицъ волостнаго и сельскаго управленія, выдача суммъ на расходы по разъѣздамъ непремѣннаго члена, мѣста жительства ихъ въ уѣздѣ или городѣ, служебнаго положенія секретаря управы, порядка взиманія сборовъ черезъ сборщиковъ въ уѣзднаа управу и казначейства. Но причина неудовлетворительности присутствій по крестьянскимъ дѣламъ лежитъ «не въ частныхъ недостаткахъ этихъ учреждений, указан-

*) Земство, 1881, № 23, 21, 18, 17.

ныхъ въ перечнѣ вопросовъ, предложенныхъ министерствомъ, а въ болѣе общихъ, коренныхъ условіяхъ, при которыхъ имъ приходится дѣйствовать, а именно: въ той массѣ самыхъ разнообразныхъ и совершенно разнородныхъ обязанностей, которыя возложены на волостныя правленія и на сельскихъ старостъ, въ маломъ развитіи гражданскихъ правъ крестьянъ, въ той зависимости или скорѣе подчиненности должностныхъ лицъ ихъ управленія, въ которой они находятся въ отношеніи многочисленныхъ и разнородныхъ начальствъ, благодаря чему болѣе или менѣе самостоятельныя и порядочныя люди уклоняются отъ дѣла, и т. п.). Мѣстныя крестьянскія учрежденія нуждаются не въ частныхъ преобразованіяхъ, а въ коренномъ переустройствѣ. — «Такого рода измѣненія, какъ выборъ непремѣнныхъ членовъ не въ губернскомъ, а въ уѣздномъ собраніи, жизнь его въ городѣ или уѣздѣ, выдача ему разъѣздныхъ денегъ или предоставленіе права ѣздить на земскихъ лошадяхъ, установленіе или неустановленіе должности его кандидата и т. п., — очевидно не могутъ принести существенной пользы дѣлу». Эти замѣчанія рязанской губернской управы могутъ убѣдить читателя, что пересмотръ земскихъ отвѣтовъ на министерскій циркуляръ былъ бы безплодною тратою времени.

Но необходимо сказать нѣсколько словъ о сосредоточеніи контроля надъ крестьянскимъ управленіемъ въ земствѣ. Съ перваго взгляда, такая реформа можетъ возбудить только полное сочувствіе. Земство состоитъ изъ лицъ, выбранныхъ, «излюбленныхъ» самимъ населеніемъ; въ составъ земскихъ собраній входятъ и крестьяне — это уже не канцелярія, дѣятельность которой стоять внѣ всякаго контроля подчиненныхъ ей обывателей. Но при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи такой перемены, невольно является сомнѣніе, выиграютъ ли отъ нея что либо крестьяне. Известно, что въ земскихъ собраніяхъ гласные изъ крестьянъ составляютъ повсюду меньшинство: «сельскія сословія, или 60 милліоновъ человѣкъ, имѣютъ среднимъ числомъ только 38,6 проц. своихъ представителей, тогда какъ землевладѣльцы, едва составляющіе 1 милл. человѣкъ, имѣютъ 46,2 проц. и горожане въ числѣ 7 милліоновъ съ небольшимъ, 15,2 проц. представителей»¹⁾, что

¹⁾ Отечество. Записки 1881, № 10. По поводу внутреннихъ вопросовъ, стр. 213.

и это крестьянское меньшинство, благодаря привилегированному положенію въ земствѣ дворянства, которому принадлежитъ выборъ предсѣдателей земскихъ собраній (предводителей дворянствъ), на сторонѣ котораго богатство, знаніе, связи, не вмѣетъ въ земствѣ никакого почти значенія. Гласные изъ крестьянъ или безгласны или идутъ на буксирѣ у разныхъ уѣздныхъ воротилъ, или, наконецъ, кулаки и т. п. враги деревни.

Не превратится ли, при такихъ условіяхъ, земскій контроль въ деспотизмъ одного класса надъ другимъ, особенно, если и суденія дѣла крестьянъ будутъ переданы или подчинены мировымъ судьямъ, попасть въ которые могутъ опять такі лица изъ землевладѣльческаго класса? Не выродится ли онъ въ порядокъ, подобный остзейскому, гдѣ, благодаря господству въ мѣстномъ управленіи дворянъ, крестьяне не могутъ найти ни управы на выбираемую дворянствомъ полицію, ни правды въ судахъ, а до послѣдняго времени даже свободнаго выѣзда изъ деревни, если землевладѣльцу, отъ котораго зависѣла выдача паспортовъ. нужны были рабочіе.

Но предположимъ, что представительство въ земскихъ собраніяхъ будетъ совершенно реорганизовано, предположимъ, что они будутъ состоять изъ гласныхъ, выбираемыхъ въ волостяхъ, и что будетъ принята общая подача голосовъ, при равномъ для всѣхъ избирательномъ правѣ? Желательно ли, чтобы эти реорганизованныя земскія собранія сосредоточили въ себѣ всѣ отрасли мѣстнаго управленія, дѣйствуя на мѣстахъ чрезъ своихъ агентовъ безъ участія мѣстныхъ жителей, или, вообще, сдѣлались руководителями подчиненныхъ имъ мѣстныхъ органовъ самоуправленія? По нашему убѣжденію, такая централизація привела бы въ дѣйствительности къ полному устраненію громаднаго большинства населенія отъ управленія своими дѣлами и, слѣдовательно, превратила бы ихъ въ простыхъ исполнителей распоряженій центральнаго органа. Руководящій органъ былъ бы, при самыхъ лучшихъ намѣреніяхъ его членовъ, поставленъ въ невозможность не только удовлетворять всѣ незначительныя мѣстныя потребности, но даже знакомиться съ ними и слѣдить за правильнымъ исполненіемъ своихъ распоряженій. Принимая даже во вниманіе, что и общее избирательное право не устраняетъ преобладанія зажиточныхъ классовъ, можно предположить, что эта централистская система выродится въ полно-

властную олигархію. Правда, на сторонѣ тѣхъ земствъ, которыя предлагаютъ стремиться не къ централизациі, а напротивъ «къ децентрализациі уѣзднаго управленія, къ передачѣ его въ томъ объемѣ, въ какомъ оно касается мѣстности, въ руки самого мѣстнаго населенія», чтобы жители каждой такой мѣстности могли принимать непосредственное участіе въ общественныхъ дѣлахъ. Нужно освободить захолустья отъ этихъ безчисленныхъ начальствъ, которыя тагоуть теперь надъ крестьянами, начальствъ, постоянно пререкающихся и преслѣдующихъ всякія другія дѣла, кромѣ дѣлей правильного управленія. Въ предѣлахъ небольшой мѣстности, при взаимномъ и близкомъ знакомствѣ жителей между собою, общественныя нужды удовлетворялись бы исправно, во время и подъ наблюдениемъ всѣхъ жителей. Для удовлетворенія потребностей, общихъ нѣсколькимъ такимъ единицамъ, онѣ могутъ соединяться чрезъ своихъ представителей въ центральные органы, но эти органы будутъ тогда не начальствующими, а исполнительными.

Но чтобы такая организациія не превратилась въ навязываемую со всѣхъ сторонъ всеобщую волю, необходимо безусловно отстранить отъ участія въ дѣлахъ мелкой единицы—будемъ называть ее волостью—всѣхъ мѣстныхъ жителей, которые по своему экономическому положенію могутъ оказывать вредное вліяніе на ходъ самоуправленія и стѣснять его свободу. Эти лица, не будучи заинтересованы въ правильномъ удовлетвореніи мелкихъ нуждъ волости (школы, богадѣльни и т. п.), могутъ своимъ вліяніемъ не только тормозить самоуправленіе, но и превратить его въ пустую формальность. Напротивъ, учителя, врачи, мелкие землевладѣльцы, размѣры владѣнія которыхъ не превышаютъ, за примѣръ, средняго двороваго участка данной мѣстности и вообще всѣ образованныя люди, живущіе въ предѣлахъ волости, если ихъ экономическіе интересы не противоположны интересамъ общины, будутъ полезными, и потому желательными членами волости. Нечего прибавлять, что они должны войти въ нее на одинаковыхъ правахъ съ крестьянами. Но такое сліяніе съ народомъ, очевидно, можетъ быть желательно и осуществимо безъ ущерба гражданственности только въ томъ случаѣ, если крестьянамъ даны будутъ всѣ гражданскія права свободной личности, если будутъ уничтожены позорныя тѣлесныя наказанія, если прекратится отношеніе къ крестьянину только какъ къ источнику дохода и т. п.

Послѣ сказаннаго, вопросъ о всесловности волости исчезаетъ самъ собою. Волость должна быть безсловной или всесловной, но ни въ какомъ случаѣ не всеклассной. Не вопросъ происхожденія, а вопросъ о сходствѣ интересовъ долженъ быть принимаемъ во вниманіе при приѣмѣ въ волость. Но мѣстное самоуправленіе будетъ дѣйствительно прочно и достаточно сильно, чтобы противостоятъ разрушающимъ вліяніямъ, только при возвышеніи экономическаго благосостоянія ея членовъ. Уменьшеніе податнаго бремени, увеличеніе полевыхъ угодій, соединеніе нѣсколькихъ общинъ въ поземельные союзы, какъ это предлагаетъ череповское земство, и тому подобныя мѣры стоятъ въ такой неразрывной связи съ вопросомъ о мѣстномъ управленіи, что безъ ихъ проведенія нельзя надѣяться на какія либо перемѣны къ лучшему, какія бы начала ни были положены въ основу реформы самоуправления.

Волостной судъ, заботы о народномъ образованіи, продовольствіи, призрѣніи, объ охраненіи здоровья, о предупрежденіи пожаровъ составляютъ необходимыя функціи самоуправляющейся волости, и при той организаціи, основанія которой только что изложены, нѣтъ сомнѣнія, найдется для выполненія ихъ достаточно силъ и средствъ.

Полагаю, что нѣтъ надобности разъяснить, какъ велика разница между этою волостью и «мелкой земскою единицей», или уѣздно-земскою бюрократіей, проекты которыхъ изложены выше. Волость, члены которой не находятся въ состояніи постоянной экономической борьбы, очевидно, должна быть существенно различна отъ земской единицы, въ составъ которой вводятся лица съ противоположными, непримиримыми интересами. Также различна она отъ «участка», дѣйствующаго по распоряженіямъ уѣзднаго земскаго собранія, хотя бы состоящаго изъ излюбленныхъ гласныхъ. Вообще, изъ всѣхъ крупныхъ выводовъ, къ каковымъ пришли земства, можно принять неоспоримо вѣрнымъ лишь одно, что существующія крестьянскія учрежденія не соотвѣтствуютъ своей цѣли и подлежатъ немедленному упраздненію. Выполненіе же ихъ проектовъ приведетъ или къ господству крупныхъ землевладѣльцевъ или еще къ большому развитію бюрократизма.

С.

УИСТВЕННЫЙ ПОВОРОТЪ ВЪ ПОЛЬСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ.

Zarys literatury polskiej z ostatnich lat szesnastu przez D-ra Piotra Chmielowskiego. Wydawnictwa E. Orzeskowej. Wilno. 1881. Р. Н. Сементковскій, Польская библиотечка. С.-Петербургъ. 1882 г., т. I.

Польша и польскія дѣла въ послѣднее время въ извѣстной степени стали интересовать нашу публику. Именно, публику. Въ прежнее время о польскихъ дѣлахъ говорилъ и заботился почти исключительно одинъ только г. Катковъ, и то мимоходомъ, напр., когда нужно было объяснить дѣйствія противниковъ классицизма «польской пнтригой», или когда нужно было доказать, что вся наша либеральная пресса ничто иное, какъ агентура польской «справы», и вообще въ экстраординарныхъ случаяхъ, когда «Московскимъ Вѣдомостямъ» предстояла необходимость писать «сильно». Публика отъ всего этого оставалась въ сторонѣ. Читая остроумныя разслѣдованія «Моск. Вѣд.», она улыбалась или негодующе волновалась—смотря по темпераменту читающаго субъекта—но о мѣсторожденіи «польской пнтриги», по прежнему, продолжала вѣтъ самыя неопредѣленныя свѣдѣнія и, что всего хуже, не особенно стремилась получить болѣе опредѣленныя. Не стремилась, потому, что въ общемъ эти свѣдѣнія, при всей своей неопредѣленности, были не особенно благопріятны для польскаго общества. Какъ ни велико было омерзѣніе, которое внушала всякому мало-мальски брезгливому человѣку травля, производимая московскими quasi-патріотами на народъ, только что испившій чашу униженія до самаго дна, однако же понятно, что этой чисто-отрицательной почвы было недостаточно для созданія симпатій по существу. Она только удерживала отъ проявленія враждебности. А враждебность, въ извѣст-

ной степени, несомненно существовала даже въ самыхъ передовыхъ слояхъ русскаго общества, хотя и простекала изъ совершенно иныхъ мотивовъ. Если московскіе факіры, олицетворившіе собою духъ Охотнаго Ряда, не любили поляковъ за то, что они не «настоящей» вѣры, то и свободная отъ національныхъ и вѣроисповѣдныхъ предразсудковъ часть русскаго общества, именно по тому самому, что она была свободна отъ національныхъ и вѣроисповѣдныхъ предразсудковъ, да кромѣ того и отъ сословныхъ тоже, именно потому, что она разорвала съ реакціонными традиціями московскихъ спасителей отечества, не питала сердечныхъ симпатій къ польскому обществу, внутренняя жизнь котораго ей представлялась стоячимъ болотомъ аристократическихъ, узко-національныхъ и ультра-клерикальныхъ тенденцій. Было ли правильно такое представленіе — это другой вопросъ. Польское общество послѣднихъ 15 лѣтъ всего меньше напоминаетъ стоячее болото. Напротивъ того: широкою струею въ него влилось свѣжее теченіе, которое смыло старую плѣсень и подготавливаетъ Польшѣ свѣтлую умственную будущность. Но русское-то общество обо всемъ этомъ не имѣло ни малѣйшаго понятія, да и теперь въ сущности никакого не имѣетъ. Для него всякій полякъ былъ и теперь еще въ значительной степени есть—представитель шляхетства и клерикализма, т. е. двухъ принциповъ, ненавидимыхъ мыслящей части русской интеллигенціи съ первыхъ минутъ ея сознательнаго существованія. И вотъ отсюда-то, изъ этого невѣрнаго представленія объ умственной фізіономіи современнаго польскаго общества—холодный индифферентизмъ къ польскимъ дѣламъ, до самаго послѣдняго времени господствовавшій какъ въ публикѣ, такъ и въ порядочной прессѣ. Поричать, за одно съ «Моск. Вѣд.» и «Кіевлянину», было и противно чувству безгливости и приводило къ односторонности: имѣя возможность свободно указывать язвы польскаго общества, русская печать, однако же, далеко не такъ свободно могла предлагать лекарства для ихъ излеченія. Хвалить же, казалось, было не за что. Значить, самое подходящее—отмалчиваться—рабій пріемъ, къ которому такъ часто приходится прибѣгать русской печати, за неимѣніемъ возможности откровенно обсудить лицевую и тѣневую сторону вопросовъ, выдвигаемыхъ жизнью.

Но въ послѣднее время это индифферентное отношеніе измѣнилось. Вѣроятно, вслѣдствіе того, что нельзя же, все-таки, замолчать

вопросъ, ежедневно о себѣ напоминающій существованіемъ много-милліоннаго народа, въ газетахъ усиленно сталъ дебатироваться вопросъ о «примиреніи» съ поляками. И, за исключеніемъ двухъ-трехъ изданій, живущихъ всѣмъ тѣмъ, что есть ненормальнаго въ нашей общественной и государственной жизни, пресса очень сочувственно отнеслась къ идеѣ «примиренія». Что же касается ежемѣсячной печати, то, помимо статей публицистическаго характера (напр. статья г. Пыпина въ «Вѣст. Евр.», рядъ статей очень дѣльных, въ «Русской Мысли»), она избрала самый рациональный путь къ сближенію: въ лучшихъ нашихъ толстыхъ журналахъ — фактъ совсѣмъ небывалый прежде — довольно такъ часто стали появляться переводы повѣстныхъ писателей польскихъ — Ожешко, Сенькевича-Литвоса, Оконьскаго, Болеслава Пруса. Все это совершенно новыя имена для огромнаго большинства читающей публики, которая чистосердечно убѣждена, что прежде у поляковъ были Мцкевичъ и Сырокомля, а теперь есть Крашевскій, и что за тѣмъ никакой уже больше польской литературы не существуетъ. Критика наша, никогда почти не говорящая о переводимыхъ вещахъ, относительно только что названныхъ польскихъ беллетристовъ сдѣлала исключеніе и тепло привѣтствовала намѣреніе нашихъ редакцій познакомить публику съ литературой, доселѣ бывшей для нея въ полномъ смыслѣ слова terra incognita.

Какъ ни незначительны эти факты сами по себѣ, они, однакоже, указываютъ, что ледъ холоднаго индифферентизма нашего къ польскимъ дѣламъ начинаетъ трескаться. И не можетъ быть сомнѣнія, что при благопріятныхъ обстоятельствахъ этотъ ледъ быстро и окончательно растаетъ подъ горячими лучами самаго искренняго, самаго братскаго отношенія русской интеллигенціи къ судьбамъ польской культуры. Благопріятныя же условія для такой перемѣны во взглядахъ русской интеллигенціи на польскія дѣла состоятъ исключительно въ томъ, чтобы въ польской жизни проявились и укрѣпились такія теченія, которыя были бы симпатичны нравственному складу современнаго русскаго общества. Если повѣсти Сенькевича, Ожешко, Оконьскаго нашли себѣ пріютъ въ лучшихъ журналахъ нашихъ и были привѣтливо приняты публикой и критикой, то именно потому, что въ нихъ нѣтъ и слѣда дешевой аффектаціи, столь свойственной, увы! полякамъ прежнихъ поколѣній, а главное потому, что въ нихъ пробивается теплая де-

мократическая струйка, совсѣмъ несоотвѣтствующая нашему обычному представленію о польскомъ аристократизмѣ.

Можно даже вопросъ поставить ребромъ: какъ ни естественно и понятно, что польская интеллигенція, желая во чтобы-то ни стало отстоять свою національность, въ отчаяніи крѣпко ухватилась за старину, какъ за наглядный и конкретный лозунгъ. Тѣмъ не менѣе Польша шляхетская и клерикальная никогда не будетъ пользоваться сердечными симпатіями русскаго общества. Польша Северина Соплицы ¹⁾, со своимъ самодовольнымъ невѣжествомъ, со своимъ гасящимъ всякую свѣтлую мысль обскурантизмомъ, со своимъ поистинѣ отвратительнымъ взглядомъ на народъ, какъ на «быдло», словомъ, та Польша которая и многимъ пламеннымъ патриотамъ польскимъ глубоко омерзительна, никогда не можетъ послужить почвой для сближенія русскаго и польскаго общества.

Но Польша, сбросившая съ себя всю свою гниль, Польша, скажемъ для краткости, Сырокомли, всегда найдетъ самую горячую поддержку со стороны русскаго общественнаго мнѣнія. На этой почвѣ сближеніе не является фантастическимъ *riam desiderium* розово-видящихъ оптимистовъ, а есть нѣчто вполне реальное, достижимое однимъ только желаніемъ забыть старые счеты.

Мы только что назвали Сырокомлю. О судьбѣ этого писателя въ русской литературѣ стоитъ сказать нѣсколько словъ, такъ какъ она любопытна для характеристики русско-польскихъ отношеній. Талантъ Сырокомли, конечно, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Это весьма, весьма даровитый поэтъ, съ оригинальной фizioноміей, съ рельефнымъ творчествомъ, съ чувствомъ художественной гармоніи. Но все-таки было бы совсѣмъ смѣшно поставить его на одну доску съ Мицкевичемъ или Словацкимъ. То—звѣзды первой величины, а Сырокомля все-таки второстепенный поэтъ, если сопоставить его съ Байрономъ, Шиллеромъ, Пушкинымъ, Лермонтовымъ. И тѣмъ не менѣе Сырокомля несравненно больше извѣстенъ русской публикѣ, чѣмъ Мицкевичъ и Словацкій. О Словацкомъ уже и гово-

¹⁾ Герой знаменитыхъ „Воспоминаній папа Северина Соплицы“ соч. гр. Ржевусскаго, регроградъ, крѣпостникъ до мозга костей, обскурантѣйшій и суевѣрѣйшій католикъ, падающій „до ногъ“ изгнана и задирающій носъ впродъ слабымъ, деспотъ въ семьѣ, но за то рыцарь, галантный и ловкій шалунъ.

2. Сырокомля — Кондратовичъ.

рить нечего. Его большинство публики даже по имени не знает. Что же касается Мицкевича, то онъ достаточно популяренъ. Но Сырокомля больше. Изъ Мицкевича по временамъ попадаются переводы въ русскихъ журналахъ, а Сырокомлю положительно треплютъ и рѣдкій журналъ обходится безъ его стихотвореній и поэмъ. Въ Москвѣ даже выходитъ теперь полное собраніе сочиненій Сырокомли, чего Мицкевичъ еще не дождался.

Не трудно отыскать причину этого явленія. Сырокомля симпатиченъ русской публикѣ, потому что онъ искренно защищаетъ интересы «быдла», потому что онъ самъ и есть воспѣтый имъ же «Филиппъ изъ Коноплей», который такъ упрямо стоялъ за хлоповъ. Сырокомлю у насъ зовутъ польскимъ Некрасовымъ, и этимъ все сказано.

Такъ вотъ она гдѣ — дѣйствительная почва, на которой русская и польская интеллигенція могутъ протянуть другъ другу руки и примириться немедленно. На почвѣ защиты обездоленнаго хлопа нѣтъ старыхъ воспоминаній, которыя-бы вызвали жолчь, а есть только настоящее горе, устраненію котораго долженъ содѣлствовать всякій порядочный человѣкъ, въ какой бы онъ національности не принадлежалъ. И такъ какъ этихъ же все-отравляющихъ старыхъ воспоминаній нѣтъ также на почвѣ освобожденной отъ цѣпей авторитета человѣческой мысли, то въ ней и заключается второй факторъ нашего «примиренія» съ поляками. Примиренія культурнаго, конечно: только о немъ мы и намѣрены говорить въ настоящей статьѣ.

Къ счастью, Польша Сырокомли побѣждаетъ въ настоящее время Польшу Северина-Солицы. Доказательства этого читатель найдетъ въ послѣдующей передачѣ наиболее характерныхъ мѣстъ двухъ книгъ, названныхъ въ началѣ настоящей статьи.

I.

Первая изъ этихъ книгъ вышла годъ тому назадъ въ Вильнѣ, подъ названіемъ: «Zarys literatury polskiej z ostatnich lat szesnastu», т. е. Очеркъ польской литературы за послѣднія шестнадцать лѣтъ (1864—1881). Принадлежитъ она перу д-ра Петра Хмѣлевскаго.

Это тот самый г. Хмблевскій, который лѣтомъ прошлаго года былъ выбранъ варшавскимъ университетомъ на вновь-учрежденную кафедру польской литературы.

Въ польской журналистикѣ книга г. Хмблевскаго пропзвела большой шумъ. Но въ русской она прошла совершенно незамѣченной. А между тѣмъ она заслуживаетъ вниманія покрайней мѣрѣ той части русской печати, которая желаетъ уменьшить число недоразумѣній, тяготящихся надъ нашею государственно-общественною жизнью. Книга г. Хмблевскаго въ значительной степени уничтожаетъ рутинное представление о Польшѣ, мѣшающее культурному сближенію двухъ народностей, родственныхъ по происхожденію и историческими условіями поставленныхъ въ такія отношенія, при которыхъ всякое сближеніе крайне желательно и благотворно. Оказывается, что Польша вовсе не такое безнадежное гнѣздо культурнаго застоя и реакціи всему тому, что выработано передовою мыслью новѣйшаго времени. Книга г. Хмблевскаго даетъ намъ цѣлый рядъ блестящихъ доказательствъ существованія явленій совершенно противоположнаго характера, перевортывающихъ обычное у насъ представление объ умственной и нравственной физіономіи польскаго общества. И потому-то намъ кажется полезнымъ познакомить читателей нашихъ съ фактами, сведенными въ одно характерное цѣлое искусною рукою г. Хмблевскаго.

Но предварительно намъ-бы хотѣлось сказать еще нѣсколько словъ объ авторѣ излагаемой нами книги. Намъ важно подчеркнуть, что г. Хмблевскій вовсе не самъ по себѣ, но отражаетъ въ своей литературной дѣятельности коллективную мысль значительной части современнаго польскаго общества. Достаточно указать для этого, что г. Хмблевскій участвуетъ почти во всѣхъ сколько нибудь значительныхъ журналахъ польскихъ (въ «Niwa», «Atheneum», «Biblioteka Warszawska», «Opiekun Domowy», «Tygodnik illustrowany», «Besjada literacka», «Kłosy», и даже въ женскомъ журналѣ «Blasz»). Длинный списокъ изданій, въ которыхъ сотрудничаетъ г. Хмблевскій, ясно показываетъ, что онъ представитель «большой публики», взгляды котораго пользуются значительнымъ сочувствіемъ. И дѣйствительно, г. Хмблевскій считается первымъ литературнымъ критикомъ Польши. Когда лѣтомъ текущаго года въ варшавскомъ университетѣ была учреждена кафедра польской

литературы, общественное мнѣніе и пресса единогласно выставили кандидатуру г. Хмѣлевскаго.

Такимъ образомъ, повторяемъ, г. Хмѣлевскій не «крайній», не фантастъ, а писатель, дающій намъ понятіе объ умственной и нравственной фзизіономіи современнаго польскаго общества.

Два фактора по преимуществу обусловили собою тотъ поворотъ въ польскомъ обществѣ, который мы хотимъ теперь констатировать: отмѣна крѣпостнаго права и распространеніе научнаго образованія, отчасти при посредствѣ варшавскаго университета, а главнымъ образомъ путемъ усиленнаго ознакомленія съ произведеніями европейской научной литературы.

Отмѣна крѣпостнаго права не могла не отразиться самымъ рѣшительнымъ образомъ на жизни польскаго «общества», почти сплошь состоявшаго изъ помѣщиковъ, развившихъ въ себѣ на счетъ крестьянскаго «быдла» самыя утопченныя потребности. И если даже въ Россіи, никогда не знавшей узко-сословнаго духа польскаго шляхетства, освобожденіе крестьянъ дало огромный толчокъ демократизаціи русской жизни, то тѣмъ болѣе сильно должно было подѣйствовать увеличеніе правъ человѣческой личности въ Польшѣ, доведшей ученіе о бѣлой и черной кости, можно сказать, до національнаго порока.

Но помимо этого теоретическаго, нравственнаго вліянія, освобожденіе крестьянъ дало себѣ почувствовать болѣе осязательнымъ образомъ. Прошли блаженныя времена сладкаго *far niente* и нужно было заняться крайне-прозаическимъ дѣломъ: собственнымъ трудомъ зарабатывать хлѣбъ. Тоже «оскудѣніе», которое намъ знакомо изъ жизни русскаго общества, въ еще большей степени стало замѣтно на польскихъ помѣщикахъ, изъ которыхъ большинство до «реформы» считало признакомъ дурнаго тона заботиться о правильномъ хозяйствѣ, о согласованіи доходовъ съ расходами и тому подобной житейской прозѣ.

Теперь наступили другія времена. Иныхъ «реформа» совсѣмъ оставила за штатомъ, а тѣ, которые остались при прагѣдовской землѣ, должны были крайне тщательно заботиться о томъ, чтобы извлекать изъ нея надѣжащій доходъ при измѣнившейся рабочей платѣ, при конкуренціи нѣмецкаго элемента, широкой волной хлѣ-

нушаго въ Польшу послѣ 1863 года, при возвышеніи дисконтнаго процента и т. д.

Словомъ, съ теплаго барскаго житья, съ пути, такъ сказать, усьянаго розами удовольствія, пришлось свернуть на суровую дорогу лишеній, борьбы за существованіе, заботъ о насущномъ хлѣбѣ. Съ высотъ аристократическаго идеализма пришлось спуститься въ самую тину мелкихъ будничныхъ интересовъ, заботиться о навозѣ, о земледѣльческихъ инструментахъ, о наймѣ рабочихъ. И это еще въ лучшемъ случаѣ, а въ худшемъ нужно было бѣгать за дешевыми уроками, или приискивать себѣ мѣсто въ конторѣ, открывать небольшую лавочку и т. д.

«Такое положеніе вещей, заставлявшее самымъ тщательнымъ образомъ считаться съ практическими требованіями жизни, не могло не повліять на чувства и стремленія общества, на программу его дѣятельности, на его отношеніе къ прошедшему и настоящему. Лихорадочная, расточительная жизнь, съ одной стороны проходившая въ легкомысленныхъ и бессмысленныхъ пиршествахъ, а съ другой—въ безплодномъ напряженіи своихъ силъ, не могла уже продолжать быть идеаломъ людей, которымъ предстояла борьба за ежедневное существованіе. Исходнымъ пунктомъ становится теперь лозунгъ труда, тщательнаго, упорнаго и постояннаго. Въ немъ видятъ надлежащій путь полезнаго употребленія творческихъ силъ. И этотъ новый идеалъ замѣняетъ прежній идеалъ вулканическихъ вспышекъ и презрѣнія къ житейской прозѣ. Не приглаженный, пышнорованный салонный герой, не томно вздыхающій и вѣчно недовольный «мечтатель», и не гальванизирующій себя великими и святыми намѣреніями, никогда въ исполненіе не приводимыми, вѣтъ, не эти господа привлекаютъ теперь къ себѣ всеобщія симпатіи: предметомъ, если и не поклоненія, то, во всякомъ случаѣ, подражанія становится человекъ труда, удѣляющій большую часть своего времени упорной, долгой работѣ и только незначительную—скромному отдохновенію. Къ этой работѣ привлекаются теперь силою вещей не только мужчины, но и женщины; матеріальныя условія принуждаютъ ихъ разстаться съ ролью салонныхъ куколъ или «непризнанныхъ» существъ; и они должны трудиться» (стр. 21).

Непосредственнымъ результатомъ этого новаго настроенія явилась громадная перемена во взглядахъ на прошедшее. Подъ влияніемъ матеріальной нужды, обусловленной въ значительной степени

прежнимъ барскимъ воспитаніемъ. Не научившимъ справляться съ трудностями жизни, у всякаго возникало не особенно дружественное отношеніе къ родовитымъ предкамъ, передавшимъ своимъ потомкамъ въ наслѣдство множество потребностей и ни одного способа удовлетворять ихъ, иначе какъ при посредствѣ чужаго, дароваго труда. Вотъ почему «къ прошедшему стали теперь относиться не съ тѣмъ безпредѣльнымъ благопоклонствомъ, которое не умѣетъ различать дѣйствительно великое и прекрасное отъ того, что таковымъ кажется только по предразсудку и ничѣмъ немотивированному предрасположенію, въ немъ стали искать причины несчастій Польши и политическаго упадка ея, чтобы, найдя эти причины, избѣгнуть повторенія ихъ послѣдствій въ будущемъ. Сваливаніе съ себя всякой отвѣтственности (и значитъ взваливаніе ея исключительно на «внѣшнія условія» С. В.), практиковавшееся прежде, теперь уже теряетъ кредитъ: на него начинаютъ смотрѣть, какъ на вредное средство задержать развитіе критической мысли убаюкиваніемъ въ своей невинности; начинаютъ понимать, что такое убаюкиваніе мѣшаетъ народиться: энергій, имѣющей достаточно смѣлости взглянуть злу прямо въ лицо и постоянной работой надъ самимъ собою достигъ наконецъ того, чтобы вырвать изъ общественной нивы тѣ плевелы, которыя мѣшаютъ произрастанію полезныхъ растений» (ст. 21).

Зашевелившейся въ этомъ направленіи критической мысли пришло на помощь знакомство съ передовою западно-европейскою наукою.

На очень низкомъ уровнѣ стояло научное образованіе польскаго общества въ среднѣ шестидесятыхъ годовъ. Оно и легко объяснимо, если принять во вниманіе, что въ краѣ не было высшаго научнаго центра. Основанная въ 1857 году медико-хирургическая академія въ Варшавѣ доставляла специалистовъ и разсадникомъ просвѣщенія, слѣдовательно, быть не могла. Только учрежденіе Главной Школы въ 1862 г. измѣнило положеніе дѣлъ. Но съ одной стороны смутное время, а съ другой медленность умственнаго перевоспитанія были причиной того, что по крайней мѣрѣ десятокъ лѣтъ должеетъ быть пройты раньше, чѣмъ стало хоть нѣсколько замѣтнымъ вліяніе ознакомленія съ европейскою наукою. До чего ничтожно было знакомство съ нею, можно судить по тому, что только «позъ вступительной лекціи Генриха Струве молодежи въ первѣе узнала, что за границею края уже много лѣтъ

бушуетъ буря матеріалізма, поднятая Молешоттомъ, Фохтомъ, Бюхнеромъ и о которой до тѣхъ поръ у насъ и слыхомъ не было слышать. Изъ чтеній І. К. Плебанскаго о Юліи Цезарѣ слушатели узнали о новомъ направленіи въ историографіи, представителемъ котораго является Бокль». Крайне любопытно, что Струве и Плебанскій «не только не были пропагаторами новыхъ направленій, но напротивъ того были рѣшительными противниками этихъ теорій». Однако, и этотъ окольный путь сослужилъ свою службу, «давая знать о существованіи новыхъ направленій и этимъ пріохочивая молодежь, заинтересованную новизною, ознакомиться съ оспариваемыми сочиненіями».

Но всего курьезнѣе путь, при посредствѣ котораго польское общество ознакомилось съ теоріей Дарвина. «Характеристично для нашей умственной фізіономіи», говоритъ г. Хмѣлевскій, «что первая вѣсть о теоріи Дарвина пришла къ намъ въ полемической брошюрѣ ксендза Вартенберга, написанной противъ этой теоріи», и пришла эта вѣсть въ 1866 году, т. е. когда дарвинизмъ уже нѣсколько лѣтъ какъ вошелъ въ обиходъ европейской мысли.

Къ концу шестидесятихъ годовъ это невѣроятное невѣжество, мало по малу, исчезаетъ. Появляется цѣлый рядъ переводовъ крупнѣйшихъ естественно-научныхъ сочиненій и начинается серьезное изученіе Конта, Милля, Литрэ, Тэна. Немаловажную роль въ исторіи развитія польскаго общества сыгралъ Ренанъ. Его главное сочиненіе, хотя и не могло появиться въ переводѣ и даже просто быть «обсуждаемо въ печати, заняло тѣмъ болѣе обширное мѣсто въ частныхъ разговорахъ». И если принять во вниманіе степень господства клерикальныхъ идей въ польскомъ обществѣ, то намъ не трудно будетъ понять, какая глубокая бездна должна была образоваться между молодежью, жадно набросившеюся на идеи автора «*Origines du christianisme*», и старымъ поколѣніемъ съ его средне-вѣковымъ взглядомъ на религіозные вопросы.

И дѣйствительно эта бездна образовалась. Знакомство съ передовою мыслью Европы «разбудило критическую мысль молодежи, которая не могла въ концѣ концовъ не задать себѣ вопроса: въ какомъ отношеніи находится культура нашего края къ культурѣ запада? Конечно, вполне точнаго понятія молодежь объ этомъ не могла имѣть; но она знала, что на западѣ давно уже господствуютъ такіа истины, либо теоріи, о которыхъ представители нашей умственной

жизни того времени не имѣли понятія; что на западѣ обсуждаются вопросы огромнаго религіознаго, философскаго, общественнаго и экономическаго значенія, между тѣмъ какъ у насъ умѣютъ только плакаться и ныть; что на западѣ идеи и людскія отношенія подвергаются тщательному анализу, суровой критикѣ, между тѣмъ какъ у насъ еще царствуетъ безгранично традиція; что, словомъ, на западѣ во главѣ умственнаго движенія идетъ наука и искусство, между тѣмъ какъ у насъ все предаются слезливымъ мечтаніямъ или проявляютъ свои силы въ страстныхъ и безразсудныхъ вспышкахъ.

Такое тщательное сравненіе общественной жизни края съ условіями жизни западной не могло не произвести самаго тягостнаго впечатлѣнія на умы смѣлые и энергичные; оно не могло не раскрыть той печальной истины, что съ 1831 года Польша страшно отстала отъ западной Европы, и притомъ во всѣхъ отношеніяхъ: и въ земледѣліи, и въ промышленности, и въ наукѣ, и въ литературѣ. Но болѣе всего учащуюся молодежь поражаютъ застои въ искусствѣ и отсутствіе идейнаго движенія въ обществѣ. Точно также, какъ въ человѣческомъ организмѣ замедленіе кровообращенія приводитъ къ тяжкимъ болѣзнямъ, такъ и въ организмѣ цѣлаго народа остановка идейнаго движенія дѣлаетъ его неспособнымъ къ умственной жизни.

«И вотъ, молодое поколѣніе, которому горячее сердце не мѣшаетъ относиться къ обружающему съ холоднымъ критицизмомъ, полное стремленія къ наукѣ, приступаетъ къ реформаторской дѣятельности. Съ тою юношескою увѣренностью, для которой не существуетъ препятствій, оно выходитъ на борьбу съ господствующимъ направленіемъ литературы, твердо надѣясь измѣнить его, переработать, оживить. Оно твердо увѣренно, что побѣда будетъ на его сторонѣ, такъ какъ оно борется во имя «науки», этой владычницы нашихъ дней» (стр. 28).

II

Крайне любопытно, что прежде всего умственное движеніе молодого польскаго поколѣнія проявилось во взглядахъ на искусство, въ страстныхъ нападкахъ на господствовавшіе до того литератур-

ные идеалы. Любопытно тутъ полное совпаденіе съ таковымъ-же точно явленіемъ русской умственной жизни. У насъ подъемъ мысли въ началѣ шестидесятихъ годовъ всего сильнѣе, ярче и характернѣе выразился въ литературной критикѣ. Вождями новаго поколѣнія были критики: Добролюбовъ, авторъ «гоголевскаго періода», Писаревъ, Антоновичъ, Шелгуновъ и др. Конечно, это не была литературная критика, а въ полномъ смыслѣ слова публицистика. Или если критика, то критика общественная. Но это-то именно и характерно. Въ началѣ шестидесятихъ годовъ у русскаго чело-вѣка не было даже того минимума общественной дѣятельности, который ему теперь предоставленъ: земства, гласнаго суда, городскаго управленія. Не было такимъ образомъ для русскаго публициста объекта, надъ которымъ онъ могъ бы демонстрировать новыя идеи, завладѣвшія русскимъ обществомъ. И приходилось по-позолѣ нападывать на того или другого стихотворца, романиста, которые въ существѣ дѣла тутъ были ни при чемъ. Знаменитая борьба по вопросу объ искусствѣ для искусства никогда-бы не приняла такихъ грандіозныхъ размѣровъ, если бы въ распоряженіи писателей шестидесятихъ годовъ были другіе пути для выясненія своихъ идеаловъ. И глубоко былъ правъ И. С. Тургеневъ, когда, разговаривая съ Писаревымъ о страстныхъ и продолжительныхъ нападахъ послѣдняго на Фета, онъ ему сказалъ: «вы стрѣляете изъ пушекъ по воробьямъ». При этомъ слѣдуетъ только добавить, что Писарева вникать тутъ нельзя. Совершенно такое же явленіе можно прослѣдить въ біографіи Берне. Въ первый періодъ своей дѣятельности, когда давленіе «независящихъ обстоятельствъ» было сильнѣе, весь жаръ знаменитаго критика былъ направленъ на игру актеровъ франкфуртскаго театра. И костилъ онъ несчастныхъ актеровъ до такой степени, что создалъ себѣ въ ихъ средѣ репутацію бѣшеннои собаки. Но потомъ Берне печатно сознавался, что лично онъ къ актерамъ и ихъ игрѣ относился крайне благодушно, но что ему нужно было какъ-нибудь высказать свои мысли, и вотъ онъ, при тогдашнихъ цензурныхъ условіяхъ, только въ театральныхъ рецензіяхъ и могъ это дѣлать. Критикуя игру того или другого актера въ роли придворнаго, духовника и т. д., Берне имѣлъ возможность отпустить шпильки и по адресу самого типа, представляемаго актеромъ.

Но если русская общественная мысль должна была, за немнѣ-

ніемъ другихъ путей, направить весь свой гиль на критику вредныхъ литературныхъ идеаловъ, то въ еще большей степени эта участь должна была постигнуть польскую общественную мысль, которой и до сихъ поръ абсолютно ни на какомъ другомъ полѣ дѣятельности, кромя литературнаго, нѣтъ возможности проявить себя.

Первыя удары новаго направленія польской мысли были направлены на сонмище стихоплетовъ, заполнившихъ страницы журналовъ своимъ рифмованнымъ вздоромъ. Нужно замѣтить, что въ польской литературѣ теорія «искусства для искусства» привела къ несравненно болѣе безобразнымъ результатамъ, чѣмъ въ русской. Наши представители «искусства для искусства»—Феть, Тютчевъ и др. имѣли все-таки несомнѣнное поэтическое значеніе и, *an und für sich*, ихъ стихи прекрасны. Но польскіе поэты стараго направленія застряли на «меланхолическихъ изліяніяхъ къ розѣ, лиліи и даже чертополоху», что, конечно, уже никакого значенія имѣть не могло. И вотъ на эту-то quasi-поэзію, звучавшую дикимъ диссонансомъ среди вновь появившихся умственныхъ потребностей, и направила свой критицизмъ новая польская молодежь. «Стремясь къ жизненной правдѣ, выдвигая на первый планъ трезвую науку, имѣя предъ своими умственными очами серьезные запросы жизни, на которые слезливое томленіе всего менѣе было отвѣтомъ, молодое поколѣніе прежде всего напало на тѣхъ очень уже плачливыхъ мечтателей, которые умѣли только томно стонать».

Органомъ этихъ нападокъ стало «Недѣльное Обзорѣніе» (*Przegląd Tygodniowy*), о которомъ намъ еще часто придется упоминать, такъ какъ оно въ исторіи поворота польской мысли играло и теперь еще продолжаетъ играть такую же роль, какую играли у насъ въ шестидесятыхъ годахъ «Современникъ» и «Русское Слово». «*Przegląd Tygodniowy*», а въ послѣдніе годы «*Nowiny*», «*Prawda*» суть главные органы «Молодой Польши», если можно такъ выразиться въ *pendant* къ «Молодой Германіи».

Въ 1866 г. Адамъ Вислицкій основалъ небольшую еженедѣльную газету «*Przegląd Tygodniowy*». «Скромная по размѣрамъ, она не имѣла въ началѣ никакой специфической окраски, такъ что писатели строго клерикальнаго образа мысли, какъ Юліанъ Бартошевичъ и Елеонора Земенцкая, помещали въ ней свои работы на ряду съ молодыми пропагаторами матеріализма Бюхнера. Имѣла она одно очень важное качество—живость. Не задаваясь полнымъ

рѣшеніемъ того или другого вопроса, или капитальнымъ изученіемъ его, «Przegląd Tygodniowy» умѣлъ всегда заинтересовать читателя, подстрекать его любознательность, и потому затронутые имъ вопросы всегда становились предметомъ одушевленныхъ бесѣдъ. Кроме того, редакторъ обладалъ умѣніемъ выскрывать и сгруппировывать около себя молодыхъ свѣжія силы, полныя юношескаго воодушевленія, хотя и не установившіяся вполне. Въ «Przegląd'ѣ» эти молодые таланты имѣли возможность выработаться такъ какъ здѣсь имъ былъ данъ просторъ высказаться вполне свободно, лишь бы та или другая статья была кратка и въ то же время содержательна».

И вотъ въ этомъ-то самомъ «Przegląd'ѣ» въ концѣ 1867 года «появилась статья подъ названіемъ «Горохъ объ стѣну», которую можно считать profession de foi молодыхъ силъ въ первомъ фазисѣ ихъ оппозиціи господствовавшимъ литературнымъ взглядамъ. Оппозиція эта прежде всего обратилась противъ сорныхъ травъ, заплонившихъ ниву нашей лирики, и бичемъ сарказма выгоняла изъ сердецъ многихъ поэтовъ ихъ мнимыя терзанія и ихъ вздорныя восторги, вызванныя розами, лиліями и чертополохомъ. «Ахъ, сколько уже разъ», говорилось въ статьѣ, «предпринималъ я Дантовское путешествіе по кругамъ рифмъ, надѣясь хоть когда-нибудь наткнуться на какую-нибудь мысль. И однако же каждый разъ приходилось мнѣ заливаться горячими слезами надъ участію бѣдой лиліи, и каждый разъ приходилось забнуть раннимъ утромъ, накрывающимъ звѣзды одеждою, сотканной изъ румянца зарн! Но верхомъ терзанія были для меня вѣщія плоды сонмища поэтическихъ псевдонимовъ и женской лиры. О, вы, чувствительные пѣвцы розы, коноплянки и снитиря: Флоріаны, Збигнѣвы, божественныя Лиліаны, Ванды, Аніели и Адели! вы, которые питаетесь лазурью и эссенціею лиліи, отчего я долженъ страдать вѣсть съ вами? Вы-то, конечно, особая статья: вы изнываете отъ тяжелыхъ страданій, вы — каріатиды, склонившіяся подъ бременемъ несчастія, сочащіеся источниками миліоновъ слезъ. Великая грудь ваша разверста во всю свою ширину, очи блуждаютъ по своду небесъ, комета разрушенія свѣтитъ надъ вашей головой, и какъ лава изъ нѣдръ Везувія, изъ вашихъ устъ выходитъ адскій пламень. Но я-то тутъ чѣмъ виноватъ?» Послѣ этого вступленія, авторъ статьи на конкретномъ примѣрѣ доказываетъ бессмыслицу, неестественность

произведеній вѣѣйшей польской «лрипки». И что стоитъ стихотвореніе безъ мысли, «чувство» безъ яснаго понятія вещей, «сердце» безъ опредѣленнаго, непоколебимаго характера. И развѣ можно назвать «пѣсню» эти потуги на поэтическое произведеніе, этотъ наборъ вычурныхъ образовъ, которыми непризнанные гении наши бомбардируютъ крѣпость здраваго смысла. Больно уже просты ваши приемы: нужно вамъ «проклясть» кого-нибудь, вы берете громъ небесный, нужна вамъ «ненависть», вы вызываете змѣй, крокодиловъ, леопардовъ; въ случаѣ надобности, вся система Кювье, всѣ млекопитающіеся, амфибіи и даже насѣкомыя идутъ въ ходъ». И это называлось «позіею». Русскому читателю нѣсколько странно читать подобную филиппику, такъ какъ «поэты» такого сорта, противъ которыхъ вооружается авторъ цитируемой статьи, относятся уже къ очень отдаленнымъ временамъ, ко временамъ Кукольниковъ, Зотовыхъ, когда въ романахъ и стихахъ, на усладу провинціальныхъ сердець, культивировались самыя «ужасныя» сюжеты. Нашему «возрожденію» шестидесятыхъ годовъ приходилось бороться съ болѣе крупными противниками, и потому, въ нѣмлю полемики, дѣло дошло до подрыванія самыхъ «основъ» поэзіи. Польская передовая партія счастливо миновала этотъ фазисъ борьбы со старою литературною гильдіею.

«Статья «Przegląd'a» была выраженіемъ стремленій достаточно многочисленнаго круга молодежи, который съ тѣхъ поръ не переставалъ требовать отъ поэзіи и беллетристики вообще пониманія современныхъ задачъ, разработку вопросовъ жизни и замѣну блеклыхъ декораций романтизма жизненной правдой. Въ цѣляхъ пропаганды новыхъ идей, пришлось вступить въ борьбу съ господствовавшей теоріей искусства для искусства, которая пользовалась расположеніемъ нашихъ аристарховъ. Правда, давно уже Александръ Тышинскій боролся съ этой теоріей, доказывая, что также, какъ и всякое человѣческое дѣяніе, искусство должно имѣть конечную цѣль, которая одна только и можетъ давать художественному произведенію какое-нибудь значеніе и общественную важность. Но мнѣнія его не имѣли вліянія на критиковъ, которые услаждались красотой формъ и въ этомъ видѣли конечную цѣль искусства. Въ прямую противоположность послѣднему, молодежь прежде всего искала въ произведеніяхъ искусства содержанія, и вопросъ о формѣ оставяла въ сторонѣ. Разбирая то или дру-

гое современное произведение, новая молодежь залавчалась вопросомъ объ идеальныхъ достоинствахъ его, о томъ, какія истины даетъ оно обществу, какія дороги ему указываетъ. Ну, и такъ какъ молодежь не признавала иной правды и иныхъ дорогъ, кромѣ тѣхъ, которыя признавала сама, то она и требовала отъ поэтовъ. чтобы они мыслили ея мыслями и раздѣляли бы ея убѣжденія».

Не трудно понять, что нападки на «поэзію» должны были произвести большой переполохъ среди мнѣмыхъ представителей ея, хотя собственно новыя требованія и не шли очень уже далеко и были куда скромнѣе, напр., требованій молодого русскаго поколѣнія шестидесятихъ годовъ. У насъ дѣйствительно подкапывались «основы» прежнихъ художественныхъ взглядовъ, отвергались не какіе-нибудь пѣвцы розъ и чертополоха, а Пушкинъ и Лермонтовъ. Польская же молодежь съ величайшимъ уваженіемъ относилась къ Мицкевичу, справедливо видя въ его «Панѣ Тадеушѣ» глубокой жизненный реализмъ, преклонялась также предъ всѣмъ дѣйствительно-поэтическимъ и воевала только съ обветшалыми блестящими романтизма. Но и этого было достаточно, чтобы вызвать ужасъ среди той части польскаго общества и литературы, которая застыла въ прагматическихъ понятіяхъ. Появляется цѣлая армія «негодующихъ» стиховъ и статей, которые мечутъ громъ и молнію противъ «разнузданнаго вѣка разума», который думаетъ только о «брюхѣ», плюетъ на «все святое», «желудки предпочитаетъ лавру» и даже «не боится грома небснаго, потому что обезопасилъ себя отъ него страховыми обществами и громоотводами». Последнее должно было заключать въ себѣ тонкую пропію надъ стремленіемъ молодежи къ естественнымъ наукамъ. Физиологія, психологія и вообще наука, которою бредила молодежь, была подвергнута жестокому осмѣянію въ литературѣ стараго направленія, также какъ и стремленіе къ труду, выдвинутое на первый планъ молодымъ поколѣніемъ. Даже внѣшній видъ представителей новыхъ идей былъ подвергнутъ осмѣянію. Любопытно при этомъ прослѣдить относительность человѣческихъ понятій. У насъ, какъ извѣстно, отличительнымъ признакомъ людей новаго образа мысли служили длинные, включенные волосы, а въ Польшѣ, наоборотъ: тамъ, какъ можно судить по одному обличительному стихотворенію, приводимому г. Хмѣлевскимъ, «новыя люди» ухѣвали свою шевелюру и за это были укоряемы.

Злобное отношеніе «сыновъ Аполлона» къ новымъ стремленіямъ всего мѣѣе, конечно, могло способствовать примиренію стараго и новаго, такъ что раздраженіе партій все болѣе и болѣе обострялось. Лишаемые лавровъ поэты все злобнѣе и злобнѣе нападали на «вѣкъ разума», а критики молодаго поколѣнія шли все далѣе и далѣе въ своихъ требованіяхъ отъ художественнаго произведенія не только формы, но и содержанія. Такъ, Янъ Кампневскій въ публичной лекціи объ «отношеніяхъ поэзіи къ общественной жизни», съ большимъ остроуміемъ нападая на теорію искусства для искусства, совѣтовалъ поэтамъ изучать социальныя науки, чтобы не стать, по выраженію Писанія, «кимволоомъ брацующимъ и мѣдью звенящей». Элиза Ожешко начала писать въ журналѣ «Niwa» «Письма о литературѣ», въ которыхъ представила картину XIX вѣка, со всѣми его потребностями и разносторонней умственной и духовною жизнью и рѣзкій, кричащій контрастъ между всѣмъ этимъ и жалкими, современными польскими стихотворцами, воображающими о себѣ богъ вѣсть что, когда на самомъ дѣлѣ они только живое воплощеніе всего отсталаго, всѣхъ предрасудковъ, заѣдающихъ польскую жизнь и люди, закрывающіе красивыми рифмами пустоту внутренняго содержанія.

«Нечестивый XIX вѣкъ, толстый банкиръ, проданная невѣста, измѣна милой, прозаичная химія, богохульная политическая экономія—вотъ вамъ и все содержаніе современной поэзіи нашей», пишетъ Ожешко. «Нѣтъ ей никакаго дѣла до борющихся изъ-за куска хлѣба, до униженныхъ и оскорбленныхъ, до милліоновъ людской толпы съ ихъ чувствами и мыслями, съ безконечнымъ разнообразіемъ ихъ житейской судьбы. Нѣтъ ей никакаго дѣла до идеаловъ добра, справедливости, красоты, милости, любви, братства и прощанія, занимающихся теперь свѣтлою зарею надъ человѣчествомъ. Что ей за дѣло до страстей, бушующихъ въ человѣческой груди, до ея печалей и радостей! Ни о чемъ такомъ не говоритъ современная поэзія наша. И какъ же ей послѣ этого не сказать такого сорта поэту: перестань быть лунатикомъ и то только дѣлать, что глядѣть на мѣсяць; не спи, а живи чувствами, и если ты выходишь на улицы городовъ или вступаешь въ стѣнныя жилища, раствори широко полусонныя очи свои и узришь тотъ крестъ, о которомъ все говоришь—крестъ спротства и недоли, крестъ отчаяннѣе и резигнаціи, душевныхъ мукъ и яда сомнѣній; узришь

ты этотъ крестъ и, если есть въ тебѣ божественная искра таланта, ты пропоешь намъ о томъ жизненномъ крестѣ пѣснь великую и прекрасную» (стр. 38).

Не только къ поэтамъ были предъявлены такія требованія. И отъ беллетристовъ потребовали тенденціи, «которая ничуть, однакоже, не должна повредить художественной красотѣ, такъ какъ должна вытекать изъ духа художника и слиться въ его интеллектѣ съ создаваемыми имъ образами и фигурами». «Каждый писатель, говорилось въ одной изъ вліятельныхъ журнальныхъ статей,—долженъ жить общественною жизнью, а не своими личными капризами и авантюрами, онъ долженъ понимать потребности, возникающіе въ современномъ ему обществѣ, долженъ понимать духъ своего вѣка, долженъ имѣть твердые, опредѣленные принципы. Смѣшонъ былъ бы тотъ, кто вздумалъ бы утверждать, что принципы не имѣютъ значенія въ произведеніяхъ изящной словесности».

Далѣе съ рѣшимостью, свойственной, легкомысленной молодежи объявляется: «или литература пойдетъ рука объ руку съ наиболѣе намъ дорогими интересами, или же она останется въ тылу. Въ первомъ случаѣ принимаемъ ее въ свою среду и будемъ ее цѣнить на ряду съ другими полезностями; если же нѣтъ—пусть умираетъ, намъ ее не нужно» (стр. 39).

Писатель, беря перо въ руки, прежде всего долженъ быть гражданномъ, проповѣдуется въ этой статьѣ. Только тогда «произведеніе его въ одинаковой степени удовлетворяетъ, какъ эстетическому чувству, такъ и требованіямъ разума».

Читая всѣ эти страстные нападки на искусство для искусства, эти горячія требованія идейности, переходящей въ тенденціозность, опять поневолѣ переносишься въ наши шестидесятыя годы, съ ихъ одностороннимъ увлеченіемъ новыми идеями, съ ихъ доведеніемъ художественныхъ произведеній до роли публицистическихъ бугадей. И также, какъ у насъ требованіе идейности породило цѣлый сонмъ «гражданскихъ» стихотвореній и романы г. Михайлова, съ ихъ апофеозомъ «новыхъ людей», такъ и польская литература наводняется въ началѣ семидесятыхъ годовъ цѣлымъ рядомъ произведеній, большею частью стихотворныхъ, не блещущихъ художественными красотою, но за то беззавѣтно стремящихся къ «прогрессу», «разумности», «полезному труду», «общественной

пользѣ» и т. д. Самый выборъ сюжетовъ радикально измѣняется. Въмѣсто воздыханій къ розѣ и лиліи, молодые поэты поютъ о святости труда, о стремленіи къ просвѣщенію, наконецъ о бѣдности, объ униженныхъ и оскорбленныхъ.

Изъ добраго сѣмени можетъ вырасти только добрый плодъ. Поэтому смѣшныя мелочи новаго направленія не были въ состояніи заглушить главнаго теченія. Смѣшныя мелочи мало по малу отпадаютъ, а главное теченіе — стремленіе отъ безмысленныхъ фразъ перейти къ живому дѣлу — продолжаетъ освѣжать прежде столь затхлую атмосферу польской общественной жизни, и въ настоящее время Польша, благодаря энергическому напору молодежи, порвавшей старыя литературныя традиціи, вмѣстѣ цѣлую плеяду талантливыхъ беллетристовъ, соединяющихъ художественныя достоинства съ трезвостью и жизненностью руководящихъ принциповъ.

III.

Одна изъ характернѣйшихъ сторонъ шестидесятыхъ годовъ, какъ извѣстно, есть «неуваженіе къ авторитетамъ» и рѣзкость полемки, прозванная противнымъ лагеремъ «свистопляской», въ честь наиболѣе грознаго представителя вышучиванія старыхъ традицій — «Свистка» «Современника». И дѣйствительно, «нельзя не сознаться», что почтительности мало было въ шестидесятыхъ годахъ. Но, «должно, однако, признаться», что, только благодаря этой непочтительности «ко всему святому», шестидесятые годы и успѣли совершить свою геркулесовскую работу очищенія авгівскихъ стоилъ старой жизни. Гдѣ уже при такой радикальной ломкѣ разбирать. Пришлось задѣть Пушкина, Лермонтова, Тургенева — задѣли Пушкина, Лермонтова, Тургенева. И бѣды особенной въ сущности не вышло. Въ концѣ концовъ, и Пушкинъ, и Лермонтовъ и Тургеневъ остались здоровы и невредимы. А если пострадалъ Фетъ, то будто это уже такъ плохо?

Совершенно аналогичный фазисъ «неуваженія къ авторитетамъ» и «вышучиванія» пережило и польское передовое движеніе.

Отъ критики нелѣпаго рифмоплетства молодежь перешла «къ

критикъ старыхъ авторитетовъ вообще, какъ въ сферѣ литературной, такъ и въ сферѣ общественной». Она не убоилась напасть на «всѣмъ признанныхъ писателей», если находила, что они идутъ въ разрѣзъ съ духомъ вѣка. Въ необыкновенно оживленномъ критическомъ отдѣлѣ «Przegląd Tygodniowy», дѣлая плеяда молодыхъ критиковъ, изъ которыхъ больше всего выдается остроумный Свентоховскій ¹⁾, беспощадно подчеркивала малѣйшій промахъ противнаго лагеря. Спуску никому не давалось. Даже такія святыни, какъ Крашевскій и Викентій Поль, неоднократно испытывали самое непочтительное отношеніе къ слабымъ сторонамъ своихъ произведеній.

Больше всего подвергалась вышучиванію молодежъ періодическая пресса противнаго лагеря. Такъ какъ пресса эта по преимуществу проводила самыя обскурантныя тенденціи и не имѣла понятія о прогрессѣ европейской мысли, по горло застряла въ тнѣхъ клерикализма и старо-польскаго шляхетства, то съ главными руководителями ея молодежъ «обходилась уже безъ всякой церемоніи», какъ сознается г. Хмѣлевскій, самъ одинъ изъ ретивыхъ застрѣльщиковъ молодой дружины. Уже одни заглавія статей, посвященныхъ характеристикѣ журналистовъ враждебнаго направленія, даютъ понятіе о вѣжливости полемики:— «Нули», «Литературные Паразиты», «Общественная и литературная плѣсень». Съ чисто юрешескою заносчивостью, молодежъ требовала, чтобы старикъ уступилъ ей мѣсто. Въ статьѣ, характерно озаглавленной «Мы и вы», Свентоховскій обращается къ представителямъ стараго поколѣнія съ предложеніемъ убраться по добру по здорову. «Вы всѣ, которымъ только и остались сѣдина и морщины для защиты своихъ мнѣній, знайте, что и солнце имѣетъ свой полдень. Или вы думаете отдалить время захода, чтобы восходъ по возможности позднѣе наступилъ?» «Вѣдь силы уже оставили васъ», говорится далѣе, «вы истрепались отъ работы и времени. Зрѣніе ваше притупилось, такъ что не можете видѣть новыхъ горизон-

¹⁾ Одинъ изъ самыхъ выдающихся представителей молодой Польши. Блестящій критикъ, хорошій знатокъ философіи, галантный драматургъ и новеллистъ (подъ псевдонимомъ Оковьскаго). Въ настоящее время онъ редакторъ лучшей польской газеты «Nowiny» и прекрасной еженедѣльной газеты «Prawda».

товъ. умъ потерялъ способность понимать нарождающіяся потребности, лѣпвая мысль, утомянная долгою жизнью, можетъ вращаться только въ маленькомъ кругѣ рутинныхъ представленій, а новыхъ уразумѣть не въ состояніи. И въ довершеніе несчастья, вы еще хотите быть вождями другихъ. Это васъ дѣлаетъ вредными. Очистите-же дорогу вы всѣ, которые въ состояніи только загроздить ее; или-же догоняйте тѣхъ, которые ушли впередъ».

Можно себѣ представить, какой ужасъ возбуждали эти «дерзости». Съ пѣною у рта отвѣчали представители стараго направления обвиненіями въ безбожіи и подрываніи всѣхъ «основъ» общественной жизни.

Иные даже не побрезгали перенести полемику на другую почву. Такъ. напр., года два тому назадъ, какъ мы узнаемъ изъ «Польской Библіотеки» г. Сементковского, «благодаря агитаціи клерикальной партіи, имѣющей многочисленныхъ сторонниковъ между консерваторами, на варшавскихъ прогрессивистовъ стали смотрѣть какъ на дѣйствительно опасныхъ людей, проповѣдующихъ разрушительныя теоріи, и этотъ взглядъ проникъ даже въ варшавскія административныя сферы, гдѣ онъ былъ встрѣченъ съ такимъ довѣріемъ, что бывший варшавскій генераль-губернаторъ, графъ Коцебу, даже счелъ нужнымъ ходатайствовать о закрытіи варшавскихъ прогрессивныхъ органовъ или, по крайней мѣрѣ, объ усиленіи цензурнаго надзора за ними. Въ Петербургѣ, однако, взглянулъ на дѣло иначе и варшавскіе прогрессивные органы уцѣлѣли, хотя, быть можетъ, и оставлены подъ подозрѣніемъ»

IV.

До сихъ поръ мы познакомились съ критицизмомъ молодого польскаго поколѣнія, съ стремленіемъ очистить ниву общественной жизни отъ сорныхъ травъ. Однакоже, однимъ отрицаніемъ не проживешь. Нужно было выдвинуть и положительныя идеалы.

Молодежь не замедлила это сдѣлать.

Въ общемъ она формулировала свои идеалы словами «прогрессъ» и «наука», а въ частности она выдвигаетъ дѣлныя ряды

отдѣльныхъ лозунговъ, общихъ всѣмъ европейскимъ передовымъ партиямъ.

Прежде всего молодежь старается отстоять принципъ обязательнаго для каждаго «честнаго труда», прежнее *dolce far niente* польской шляхты было безусловно отвергнуто новымъ поколѣніемъ, которое не только не стыдилось работы, какъ въ былые годы, но, напротивъ того, гордилось тѣмъ, что честнымъ трудомъ зарабатываетъ себѣ право на существованіе. Сообразно этому коренному измѣненію общественнаго міросозерцанія, и писатели молодого поколѣнія начинаютъ выводить въ своихъ произведеніяхъ такихъ героевъ, которые имѣютъ весьма мало общаго съ галантными джентльменами романовъ сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ. Правда, новоявленные «честные труженники» сильно отзываются мѣщанствомъ. Этого нельзя отрицать. Но надо полагать, что мы тутъ имѣемъ дѣло съ переходною ступенью. Да и во всякомъ случаѣ, лучше «честный труженникъ», мѣщански-довольный своею особою, чѣмъ эlegantный гранитель мостовой, гордящійся тѣмъ, что ничего не дѣлаетъ.

Притомъ же, если ограничиться только сферою литературы, то лозунгъ «честнаго труда» во всякомъ случаѣ тѣмъ уже принесъ громадную пользу, что ввелъ въ область изображенія цѣлый слой людей, до того почти незатронутый польскими писателями. Дѣло въ томъ, что представителей «честнаго труда» польская беллетристика прогрессивнаго лагеря ищетъ не только въ образованныхъ классахъ. Благодаря новому лозунгу, польскіе беллетристы усердно взялись за изображеніе трудового люда вообще. Ожешко, Сенкевичъ, Пруссъ дали намъ цѣлую галерею типовъ изъ крестьянства и низшихъ городскихъ классовъ и этимъ привели литературу и жизнь въ тѣсную, реальную связь. Польская беллетристика послѣднихъ дней, благодаря новому теченію общественной мысли Польши, не есть уже пареніе въ надзвѣздномъ зѣврѣ, а дѣйствительное отраженіе жизни.

Лозунгъ «честнаго труда» имѣлъ также своимъ послѣдствіемъ постановку такъ называемаго «женскаго вопроса».

Ни въ одной странѣ, за исключеніемъ развѣ Франціи, женскій вопросъ не нуждался (да и теперь еще нуждается) въ такомъ усиленномъ вниманіи къ себѣ, какъ въ Польшѣ. Если и вообще-то, прекрасная половина человѣчества всюду является первоначаль-

ною причиною большинства совѣтъ непрекрасныхъ пошлостей, проявляемыхъ представителями такъ называемаго общества, то относительно польскихъ пань это утверждение вѣрнѣе, чѣмъ относительно кого-бы то ни было. Пустота, тщеславіе, заносчивость полекъ достаточно извѣстны всякому, кому приходилось хоть нѣсколько сталкиваться съ польскимъ обществомъ. Польскія женщины—вѣрнѣйшій оплотъ обскурантизма и шляхетской закорючлости, потому что онѣ принципиально противъ всякаго истиннаго образованія, а ученіе о бѣлой и черной кости довели до такихъ тонкостей, что русскому демократическому чувству часто даже не понятно.

Всѣ эти мнѣя качества польскихъ женщинъ были признаны новымъ теченіемъ польской мысли и оно вступаетъ съ ними въ рѣшительную борьбу. Выше уже было констатировано, что въ давномъ случаѣ сама жизнь пришла на помощь польскимъ прогрессистамъ. Печальныя матеріальныя обстоятельства, наступившія для большинства шляхетства послѣ того, какъ оно лишилось дароваго труда, живо отъучила громадную массу пань и паненокъ отъ мысли, что женщина есть по преимуществу салонная кукла, отъ которой ничего не требуется, кромѣ умѣнія тавцовать, бречать на фортепіано, говорить по французски и презирать житейскую прозу. Пришлось теперь по самое горло окунуться въ тину житейской прозы и шляхетскую эфирность какъ рукой сымо.

Въ союзѣ съ измѣнившимися житейскими обстоятельствами, польскіе прогрессисты начинаютъ требовать, чтобы женщина не была только «сладкимъ бременемъ» сначала отца, потомъ мужа, чтобы она приняла участіе въ общей работѣ семьи. Выѣстъ съ тѣмъ, новое поколѣніе требуетъ расширенія женскаго образованія, которое даю-бы польскимъ женщинамъ возможность сознательно относиться къ житейскимъ явленіямъ и надлежащимъ образомъ воспитывать своихъ дѣтей.

Была затронута еще одна частность женскаго вопроса—«свобода сердца». Но тутъ пришлось стукнуться въ такую высокую и толстую стѣну вѣковыхъ предрасудковъ, что ничего нельзя было сдѣлать. Одно изъ легкомысленнѣйшихъ въ свѣтѣ, польское общество, однако, снаружи страшно чопорно и нарушенія «нравственности» не допускаетъ. Поэтому, когда «Przegląd Tygo-

«пiоу», по поводу комедіи Дюма-сына, начать защищать права сердца, это произвело жестокий скандалъ. Самъ г. Хульевскій относится къ этому неодобрительно и утверждаетъ, что «смѣшеніе двухъ разныхъ областей женскаго вопроса породило неясность и въ извѣстной степени дискредитировало вопросъ объ эмансипаціи женщины».

Въ сферѣ отвлеченнаго мышленія двѣ научныя теоріи по преимуществу заняли умы молодого поколѣнія: теорія Дарвина и позитивизмъ Огюста Конта.

Съ самаго начала новаго теченія польской общественной мысли, также какъ и у насъ въ шестидесятыхъ годахъ, наступило страстное увлеченіе естественными науками. Мертвый классицизмъ и схоластика, неоспоримо царствовавшіе прежде, были выброшены за бортъ и всѣ съ жадностью набросались на естественныя науки. Появляется цѣлый рядъ переводовъ лучшихъ европейскихъ натуралистовъ, а также и оригинальныя сочиненія, имѣющія цѣлью популяризировать выводы науки, не всѣми одинаково доступныя въ первоисточникахъ. Изъ числа этихъ выводовъ больше всего публика заинтересовалась положеніями Дарвина, которые своею новизною всего болѣе должны были поразить общество, воспитанное на томъ, что Коперникъ и Галилей еретики. Теорія Дарвина сдѣлалась злобою дня не только въ естественно-научныхъ статьяхъ и обзорѣніяхъ, но далеко за предѣлами ихъ. Консервативная печать подняла страшный гвалтъ, ей, понятво, съ немевшимъ озартомъ отвѣчали, и завязалась литературная баталія, которая привела именно къ тому, къ чему стремились прогрессисты и чего всего менѣе желалъ консервативный лагерь: вся мыслящая Польша ознакомилась, хотя-бы въ общихъ чертахъ, съ теоріей великаго англійскаго натуралиста.

Еще болѣе популярности добиалась въ Польшѣ философія Огюста Конта. Странна судьба нѣкоторыхъ идей. Въ одномъ мѣстѣ онѣ проходятъ незамѣтно или малозамѣтно, въ другомъ возбуждаютъ къ себѣ громаднй интересъ. Возьмите напр. Бокля. Въ Англій онъ произвелъ извѣстнаго рода сенсацію, не очень впрочемъ значительную, въ Германіи почти не обратили на него

вниманія, а въ Россіи онъ надѣлалъ колоссальный шумъ. Изъ всѣхъ героевъ мысли, Бокль въ Россіи больше всѣхъ прошумѣлъ. Бокль—это у насъ еще до сихъ поръ символъ «умной книжки».

Напротивъ того, Контъ—умъ, конечно, не уступающій Боклю и даже одинъ изъ источниковъ, откуда Бокль почерпнулъ свои идеи. Контъ, говорилъ мы, никогда особенною популярностью у насъ не пользовался и, за исключеніемъ маленькой кучки русскихъ позитивистовъ, не создалъ у насъ «школы».

Въ Польшѣ-же, Контъ и его философія нашли среди прогрес-сивистовъ жарчайшихъ поклонниковъ. Настолько, что они даже при-няли имя «позитивисты» въ качествѣ боевой клички.

Оно и понятно, впрочемъ, почему именно въ Польшѣ позити-визмъ приобрѣлъ такіа симпатіи. Люди изъ одной крайности всего охотнѣе бросаются въ другую. Выросши на схоластической мета-физикѣ, на туманѣ католическихъ абстракцій, новое теченіе столько ненависти чувствовало ко всему метафизическому, что съ наслажденіемъ накинулось на теорію, которая даже думать за-прещаетъ объ отвлеченностяхъ. Позитивизмъ, съ его опусканіемъ шлагбаума предъ всякими проклятыми вопросами, какъ разъ по-дошелъ къ настроенію, отбрасывавшему всякія «иллюзіи» и ис-кавшему только «положительнаго». Къ слову сказать, самое на-званіе «позитивисты» ужасно нравилось. Далеко не всѣ, титуло-вавшіе себя такимъ образомъ, имѣли точное понятіе о сущности позитивизма, какъ философской системы. Всякій вкладывалъ въ него свое содержаніе, но за кличку держался крѣпко, ибо оно выдавало патентъ, что человѣкъ не поддается миражамъ, что онъ «положителенъ».

Что касается общественно-политическихъ взглядовъ польскихъ «позитивистовъ», то они, понятно почему, могли быть формулиро-ваны только косвенно—при обсужденіи общественно-политическихъ вопросовъ западно-европейской жизни—или-же отрицательнымъ пу-темъ. Если новое теченіе возмущалось аристократизмомъ, значитъ оно было демократично, если оно возмущалось олигархіей, господ-ствовавшей въ Польшѣ прошлыхъ столѣтій, значитъ оно считало необходимымъ участіе народа въ рѣшеніи своихъ судебъ. Если оно осуждало обскурантизмъ польскаго духовенства, давившій движе-ніе свободной мысли, значитъ оно стояло за свободу человѣческаго духа.

Изъ послѣдняго вытекала полная свобода отъ какихъ-бы то ни было вѣроисповѣднихъ предрасудковъ. И дѣйствительно, молодая Польша не оцѣнивала людей по ихъ религіознымъ воззрѣнiямъ. Евреи, напр., были признаны такими-же людьми, какъ и католики. Если-же исповѣдующіе православіе не пользовались особенною симпатіею, то тутъ были свои спеціальныя причины.

(Окончаніе будетъ).

С. Венгеровъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПОЛИТИЧЕСКО-ОБЩЕСТВЕННАЯ
ГАЗЕТА

ВОЛЖСКО-КАМСКОЕ СЛОВО

выходитъ въ г. Казани съ 1 декабря 1881 года ежедневно,
кроме послѣпраздничныхъ дней, по слѣдующей программѣ:

I. Законодательныя и другія правительственныя распоряженія, преимущественно имѣющія особенно близкое отношеніе къ мѣстному краю. II. Телеграфныя извѣстія изъ С.-Петербурга и другихъ важнѣйшихъ центровъ Русскаго государства и городовъ Волжско-Камскаго края. III. Статьи въ формѣ передовыхъ и другія во экономическимъ и прочимъ общественнымъ вопросамъ областной жизни. IV. Статьи, посвященныя изученію края въ отношеніи естественно-историческомъ. V. Статистическія данныя, какъ основной матеріалъ для изученія и обсужденія современнаго состоянія и нуждъ областной жизни. VI. Этнографическіе очерки разноплеменнаго населенія Волжско-Камскаго края. VII. Историческія и археологическія статьи по различнымъ эпохамъ прошедшаго Волжско-Камскаго края, т. е. Булгарскаго Казанскаго царствъ и со времени присоединенія Казани къ Московскому государству. VIII. Библиографія и критика произведеній печати, особенно имѣющихъ отношеніе къ мѣстному краю или принадлежащихъ Казанскимъ ученымъ. IX. Обзорніе русской периодической печати. X и XI. Хроника общественной жизни г. Казани и мѣстнаго края и хроника Казанскаго Университета и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній въ г. Казани; обзорнія деятельности мѣстныхъ ученыхъ, благотворительныхъ и другихъ обществъ. XII. Отчеты о дѣятельности земскихъ, городскихъ и сословныхъ общественныхъ установленій. XIII. Юридическая хроника: указатель назначенныхъ къ слушанію дѣлъ въ судебныхъ установленіяхъ, отчеты о публичныхъ засѣданіяхъ судебныхъ установленій, судебныя рѣшенія, разборъ и обсужденіе послѣднихъ. XIV. Хроника Казанскаго театра и другихъ общественныхъ собраній и увеселеній. XV и XVI. Корреспонденціи изъ городовъ и уѣздовъ, особенно Волжско-Камской области, и важнѣйшія извѣстія о событіяхъ и жизни другихъ мѣстностей Русскаго государства. XVII. Важнѣйшія извѣстія заграничныя. XVIII. Общеполезныя свѣдѣнія: новыя открытія въ области наукъ и искусствъ, по разнымъ отраслямъ промышленности и домашнему хозяйству; хозяйственные событія и замѣчанія. XIX. Фельетонъ. XX. Мѣстный календарь XXI. Торгово-справочный отдѣлъ: биржевыя свѣдѣнія о фондахъ и процентныхъ бумагахъ, о вексельномъ курсѣ; свѣдѣнія о цѣнахъ и сдѣлкахъ. XXII. Казенныя и частныя объявленія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГАЗЕТУ, СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ВО ВСѢ МѢСТА
РОССІЙСКОЙ ИМПЕРІИ:

За годъ	10 руб.	За три мѣсяца	4 руб. — коп.
За полгода	6 „	За одинъ мѣсяць . . .	1 „ 20 „

За напечатаніе объявленій: 1 разъ 7 к., за строку, 2 раза 11 к., 3 раза 15 к.; за объявленія на первой страницѣ—двоє.

Подписчики адресуютъ свои требованія въ г. Казань, въ редакцію газеты «Волжско-Камское Слово».

Редакторъ-Издатель профессоръ С. Шмидтъ.

ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1882 ГОДУ ГАЗЕТЫ

РАЗСВѢТЪ

ОРГАНА РУССКИХЪ ЕВРЕЕВЪ.

Газета «РАЗСВѢТЪ» будетъ издаваться и въ 1882 гооу, подъ тою же редакціей, по прежней программѣ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

На годъ.

на 6 м.

на 3 м.

Съ доставкою и пересылкою въ Россіи . . . 7 р. 4 р. 2 р. 50 к.

Съ доставкою и пересылкою за границею . 10 „ 6 „ 4 „ — „

Разсрочка уплаты подписныхъ денегъ допускается на слѣдующихъ условіяхъ: къ 1 Января—3 р., къ 1 Апрѣля—2 р., къ 1 Юля—2 р.

Съ требованіями на газету «РАЗСВѢТЪ» благоволять обращаться: въ Контору редакціи газеты «РАЗСВѢТЪ», С.-Петербургъ, Никольская ул., д. № 20. Для городскихъ подпясчиковъ контора ежедневно, отъ 10—4 часовъ пополудня.
Редакторъ-издатель Я. І. Розенфельдъ.

Объ изданіи въ 1882 г. газеты

РУССКІЙ ЕВРЕЙ

Изданіе газеты «РУССКІЙ ЕВРЕЙ» будетъ продолжаться и въ 1882 г. подъ тою же редакціей, по прежней программѣ.

Въ этомъ году истекъ третій годъ существованія «Русскаго Еврея». Продолжая свою дѣятельность въ томъ же духѣ и направленіи, которые уже известны нашимъ читателямъ, мы нескрываемо отъ себя тѣхъ трудностей, которыя предстоятъ намъ на нашемъ пути. Послѣднія печальныя событія на югѣ Россіи доказали, какъ велики и многочисленны еще недоразумѣнія между русскимъ и еврейскимъ населеніемъ Россіи, какъ мало еще еврейская жизнь извѣстна не еврейскимъ элементамъ государства и какъ легко эти грустные недоразумѣнія могутъ вести къ еще болѣе печальнымъ столкновеніямъ. Съ нашей стороны не будемъ самообольщеніемъ, если мы скажемъ, что разсѣвать туманъ, застилающій еврейскую жизнь отъ взоровъ русскаго общества, и давать этому обществу возможность видѣть бытовую жизнь евреевъ въ болѣе верномъ свѣтѣ, было-бы заслугой не предъ одними евреями. Вотъ почему мы считаемъ ознакомленіе русскаго общества съ особенностями еврейскаго быта одной изъ главныхъ и кардинальныхъ нашихъ задачъ.

Что же до нашихъ задачъ по отношенію къ самому еврейскому населенію, то мы будемъ, какъ до сихъ поръ, ратовать, по мѣрѣ возможности, за поднятіе нравственнаго и умственнаго уровня нашей массы, за наше гражданское развитіе и усовершенствованіе, за широкое распространеніе среди еврейской массы элементарнаго образованія и производительнаго труда; мы будемъ и впредъ по мѣрѣ силъ нашихъ, поощрять и поддерживать то, что достойно сочувствія, и бороться противъ того, что мешаеъ народному благу: мы будемъ неуклонно стоять на стражѣ народныхъ интересовъ, не увлекаясь односторонними стремленіями и не отступая передъ кажущейся беззлостью нашихъ усилій. Задачи наши трудны и многосложны: но это не только не дастъ намъ права бѣжать съ поля, а, напротивъ, озымаетъ насъ еще къ болѣе стойкости и послѣдовательности, въ надеждѣ, что даромъ наши усилія, все таки не пропадутъ.

Въ «Русскомъ Евреѣ» принимали и принимаютъ участіе между прочимъ слѣдующія лица: Блюменфельдъ Г., Блюменфельдъ Ф. раввинъ, Богровъ Г., Брандъ Б., Брукъ Я. раввинъ, Баскинъ В., Буки-бсая-Югли (псевдонимъ), Гаркави А. д-ръ, Гетцъ Ф., Гольденвейзеръ М., Канторъ Л. О. д-ръ, Кауфманъ А. Е., Каценельсонъ Л. д-ръ, Кулишеръ Р. д-ръ, Леванъ В., Леванда Л., Левинъ Е., Минаевъ Д., Миюръ З. раввинъ, Орманскій Н. д-ръ, Перельманъ Ф. д-ръ, Иресь А., Рабиновичъ Г. М., Штейнбергъ О. Н. и многіе другіе.

Постоянные отдѣлы «Русскаго Еврея» слѣдующіе:

I. Передовыя и II. Публицистическія статьи — представляют разработку еврейскаго вопроса съ экономической, юридической, религіозной и др. его сторонъ.—III. За недѣлю—внутреннее обзорніе выдающихся явленій общественной жизни русскихъ евреевъ.—IV. Корреспонденціи изъ провинціи.—V. Разныя извѣстія изъ газетъ, касающіяся русскихъ евреевъ.—VI. Среди газетъ и журналовъ—знакомить читателей со взглядами и сужденіями русской періодической печати о евреяхъ и представляеть одѣнку этихъ сужденій.—VII. Привисласская хроника—знакомить съ жизнью евреевъ Царства Польскаго параллельно съ жизнью и бытожь евреевъ другихъ мѣстностей.—VIII. Иностранное обзорніе—излагаетъ важнѣйшія событія въ общественной и государственной жизни заграничныхъ евреевъ.—IX. Изъ всѣхъ странъ свѣта—сообщаетъ факты и явленія изъ жизни заграничныхъ евреевъ.—X. Заграничныя корреспонденціи.—XI. Критика и библиографія.—XII. Учено-литературный отдѣлъ: статьи историческаго и научнаго содержанія. Биографіи замѣчательныхъ еврейскихъ дѣятелей (съ портретами).—Беллетристика.—Стихотворенія.—XIII. Фельетоны.—XIV. Новые книги.—Извѣстія о вновь выходящихъ сочиненіяхъ по еврейскому вопросу и вообще имѣющихъ отношеніе къ евреямъ.—XV. Смѣсь (мелочи и курьезы, касающіеся евреевъ выписки изъ сатирическо-юмористической прессы Россіи и заграничціи).

Условія подписки:	На годъ.	На 6 мѣсяцевъ.	На 3 мѣсяца.
Въ С.-Петербургѣ	6 р.	3 р. 50 к.	2 р. — к.
Во всѣхъ городахъ Им. съ перес.	7 „	4 „ — „	2 „ 25 „
За границую	12 „	7 „ — „	4 „ — „

Допускается разсрочка подписки денегъ: при подпискѣ 3 р., черезъ 3 мѣсяца 2 р., черезъ 6 мѣсяцевъ послѣ подписки 2 р.

Учителя учебныхъ заведеній, учащіеся и духовныя лица, выписывающіе азету непосредственно черезъ главную контору, пользуются уступкою въ 20%.

Отдѣльные номера по 20 к.

За объявленія по 8 коп. за строку нетита.

Редакція и главная контора помѣщаются въ С. Петербургѣ, Измайловскій проспектъ, д. № 7.

Издатель Г. Равновичъ.

Редакторъ-издатель Л. Бирманъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА.

СЪ 1-го ЯНВАРЯ 1882 ГОДА

БУДЕТЪ ИЗДАВАТЬСЯ ВЪ ЕКАТЕРИНОДАРѢ (Куб. Обл.)

съ разрѣшенія предварительной цензуры

„КУВАНЬ“

Газета общественная, литературная и политическая.

Выходитъ отъ 1 до 2 разъ въ недѣлю.

Подписка принимается въ Екатеринодарѣ въ конторѣ Редакціи, на Красной улицѣ.

Цѣна съ пересылкою 7 руб. за годъ и 4 руб. за года.

Редакторъ-издатель Н. Г. Мойсеевко.

ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ЕЖЕДНЕВНАЯ ПОЛТИЧЕСКАЯ и ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ЗАРЯ.

Открыта подписка на 1882 годъ.

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ.

I. Телеграммы. Важнѣйшія событія русской и иностранной жизни.

II. Отдѣлъ внутренней. А) Извѣстія о дѣйствіяхъ правительства, о законодательныхъ мѣрахъ и предложеніяхъ; Б) руководящія статьи по важнѣйшимъ вопросамъ общественной жизни Россіи, какъ-то: по вопросамъ государственнаго хозяйства, путей сообщенія, народнаго образованія, земскаго и крестьянск. и городск. самоуправ.; В) корреспонденціи изъ столицъ и краевъ; Г) свѣдѣнія изъ другихъ періодическихъ изданій; Д) обзорѣніе русской и иностранной печати; Е) вопросы хозяйства, промышленности и торговли въ районѣ южной полосы Россіи, въ губерніяхъ, входящихъ въ составъ генералъ-губернаторствъ: юго-западнаго, одесскаго и харьковскаго.

III. Отдѣлъ городской. А) Хроника г. Кіева; Б) вопросы городского благоустройства.

IV. Отдѣлъ судебный. А) Руководящія статьи по юридическимъ вопросамъ; Б) отчеты о судебныхъ засѣданіяхъ.

V. Отдѣлъ иностранный. А) Руководящія статьи по вопросамъ внѣшней политики; Б) корреспонденціи изъ иностранныхъ государствъ; В) извѣстія о важнѣйшихъ событіяхъ общественной и политической жизни заграничей. Этотъ отдѣлъ значительно расширеть.

VI. Фельетонъ. Очерки и рассказы (оригинальные и переводные). Обзорѣнія и статьи литературно-критическія, рецензіи театральныя, музыкальныя и художественныя. Научная хроника.

VII. Смѣсь. Разныя извѣстія, важнѣйшія изобрѣтенія въ области наукъ, искусствъ и промышленности и проч.

VIII. Отдѣлъ торговый. Свѣдѣнія объ урожаяхъ, о цѣнахъ на зерновые продукты и на главныя товары, составляющіе главный предметъ мѣстнаго производства или мѣстной торговли. Торговья корреспонденціи и телеграммы изъ главныхъ внутреннихъ рынковъ. Свѣдѣнія о состояніи полей. Биржевыя телеграммы и бюллетени. Курсы русскихъ и иностранныхъ монетъ, цѣнныхъ бумагъ и проч. Періодическія торговля и биржевыя обзорѣнія.— Железнодорожная хроника.

Съ настоящаго года предположено дать этому отдѣлу самое широкое развитіе въ виду несомнѣнно существующей потребности въ органѣ экономической, торговой и фивансовой дѣятельности Юга Россіи.

IX. Отдѣлъ справочный. Железно-дорожное и пароходное движеніе. Метеорологическій бюллетень. Судебный указатель по судебнымъ учрежденіямъ округа кievской судебной палаты: списокъ назначенныхъ къ разсмотрѣнію дѣлъ и резолюціи. Ежедневные списки получателей груза по юго-западной жел. дор. и свѣдѣнія о вложенныхъ платежахъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	Съ доставкой или вересмыкой.	Безъ доставки.
На годъ	10 р. — к.	8 р.
• 6 мѣсяцевъ	6 „ — „	5 „
• 3 мѣсяца	4 „ — „	3 „
• 1 мѣсяць	1 „ 50 „	1 „

Выписывающимъ газету съ 1-го января 1882 года на цѣный годъ до пускается разсрочка годоваго взноса, причеиъ при подпискѣ вносятся 3 р. 1-го марта 3 руб., 1-го юня 2 р. и 1-го сентября 2 р. Подписывающіеся въ серединѣ года разсрочкой не пользуются.

Правительственныя, общественныя и частныя учрежденія могутъ выписывать газету въ кредитъ по письменнымъ, на бланкѣ этихъ учрежденій, предложеніямъ. Для служащихъ въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ выписка газеты въ кредитъ допускается черезъ ихъ начальство.

Подписка принимается: въ Кіевѣ, въ Главной Конторѣ газеты «ЗАРЯ», на Крещатикѣ, при книжномъ магазинѣ І. В. Пльвицкаго.

Иногородные благоволятъ адресовать свои требованія исключительно въ Главную Контору или подписываться у агентовъ ея, обозначенныхъ въ каждомъ номерѣ газеты.

Редакторъ-Издатель П. А. Андреевскій.

II ГОДЪ. ОТКРЫТА ПОДПИСКА II ГОДЪ.

на ежедневную общественную, литературную и политическую газету

ЮЖНЫЙ КРАЙ

1882 года.

ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

Газета «Южный Край» будетъ издаваться въ 1882 году подъ прежнею редакціею и по прежней программѣ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ: I. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и виѣшней политики, литературы, науки, искусства и общественной жизни. II. Обзорѣніе газетъ и журналовъ. III. Дѣйствія правительства. IV. Городская и земская хроника. V. Телеграммы спеціальныхъ корреспондентовъ „Южнаго Края“ и телеграфныхъ агентствъ. VI. Последнія извѣстія. VII. Внутреннія извѣстія: корреспонденція „Южнаго Края“ и извѣстія другихъ газетъ. VIII. Политическое обзорѣніе. IX. Виѣшнія корреспонденціи. X. Фельетонъ научный, литературный и художественный. Беллетристика. Театръ. Музыка. XI. Судебная хроника. XII. Критика и библиографія. XIII. Связь. XIV. Биржевая хроника и торговый отдѣлъ. XV. Календарь. XVI. Справочныя свѣдѣнія. Дѣла, назначенныя къ слушанію, и резолюціи по нимъ округа харьковской судебной палаты и харьковскаго военно-окружнаго суда. XVII. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ въ слѣдующихъ городахъ южной Россіи: въ Азовѣ, Александровскѣ, Ахтыркѣ, Брянскѣ, Богодуховѣ, Бѣлгородѣ, Бирючѣ, Бахмутѣ, Валкахъ, Волчанскѣ, Воронежѣ, Гадячѣ, Грайворонѣ, Елизаветградѣ, Екатеринославѣ, Зиньковѣ, Зміевѣ, Изюмѣ,

Кіевъ, Бишиневъ, Бобелявахъ, Константиноградъ, Кременчугъ, Буяинскъ, Курскъ, Керчь, Бутаисъ, Лебединъ, Миргородъ, Мелитополь, Мариуполь, Нѣжинъ, Новочеркасскъ, Новомосковскъ, Одессъ, Острогъ, Полтава, Павлоградъ, Поть, Переяславъ, Путивль, Ромнахъ, Ширятинъ, Ростовъ-на-Дону, Славянскъ, Славянскъ-Сербскъ, Ставрополь, Старобѣльскъ, Старомъ, Осколъ, Спассерополь, Севастополь, Суджъ, Сунахъ, Тамбовъ, Телелъ, Таганрогъ, Херсонъ, Черниговъ и Ялтѣ.

Кромѣ постоянныхъ корреспонденцій изъ Петербурга и Москвы, редація заботилась послуженіемъ свѣдѣній изъ большихъ центровъ западной Европы и Америки.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Безъ доставки	10 р. 50 к.	6 р. — к.	3 р. 50 к.	1 р. 20 к.
Съ доставкою	12 » — »	7 » — »	4 » — »	1 » 40 »
Съ пер. иигород	12 » 50 »	7 » 50 »	4 » 50 »	1 » 60 »

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по соглашенію съ редакціею.

Подписка принимается только съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

Главная контора редакціи въ Харьковѣ, на Московской ул., въ д. Харьковскаго Университета, № 7-й, при «Публичной Библиотека А. А. Юзефовича, принимаетъ подписку и объявленія.

Кромѣ того, подписка и объявленія принимаются: въ Петербургъ—въ Центральной конторѣ объявленій для всѣхъ европейскихъ языковъ, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Струбинскаго и въ книжномъ магазинѣ Эмиля Гартъе, на Невскомъ проспектѣ, № 27; въ Москвѣ—въ Центральной конторѣ объявленій для всѣхъ европейскихъ языковъ, на Петровскъ, въ домѣ Солодовникова и въ конторѣ подписки и объявленій Н. Печковской; въ Варшавѣ—въ варшавскомъ агентствѣ объявленій Рейхманъ и Френдлеръ, на Сенаторской улицѣ, № 22; въ Кіевѣ—въ книжномъ магазинѣ Е. П. Федорова; въ Одессѣ—въ книжныхъ магазинахъ В. П. Бѣлаго и Е. П. Распонова; въ Полтавѣ—въ книжномъ магазинѣ Г. И. Бойно-Родзевича, и въ Кременчугѣ, у нотариуса И. Ф. Зильберберга. Изъ Франціи объявленія принимаются исключительно въ Парижѣ—у Navas, et Lafite C^o, Place de la Bourse.

Издатель А. А. ЮЗЕФОВИЧЪ.
Редакторъ А. И. СТОЯНОВЪ;

МЕДИЦИНСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Будетъ выходить въ 1882 г. въ томъ же объемѣ и по той же программѣ, какъ и въ 1881 году.

Въ составъ журнала входятъ:

- I) Русскія оригинальныя сочиненія по всѣмъ отдѣламъ практической и научной медицины, общественной и частной гигиены.
- II) Избранныя и въ какомъ либо отношеніи примѣчательныя произведенія иностранной литературы по всѣмъ отраслямъ клинической медицины, въ видѣ руководствъ, учебниковъ, компендіумовъ и лекцій.

III. Рефераты о выдающихся работах иностранной и русской журнальной медицинской прессы.

IV. Научныя новости, библиографическія замѣтки и критическія статьи.

V. Объявленія.

Въ Медич. Библ. будутъ помѣщены между проч., соч. проф. Э. Э. Эйхвальда, реальная энциклопедія всей медицины проф. Эйденбурга и всѣ изданія Вредена.

«Медицинская Библиотека» выходить ежемесячно въ объѣмѣ отъ 20 до 30 листовъ.

Съ доставкой и пересылкой . . . 17 р.

Безъ доставки. 15 .

За границу. 19 р.

Допускается разсрочка: съ доставкой: при подпискѣ 7 руб. 1 Апрѣля 5 р. и 1-го Сентября 5 р.; безъ доставки: при подпискѣ 5 р. 1 Апрѣля 5 р. и 1 Сентября 5 р.

Для гг. студентовъ Университетовъ съ пересылкой за годъ 14 р.

Разсрочка при подпискѣ 4 р. 15 Марта 3 р. 1 Мая 3 р. и 1 Сент. 4 р.

Для гг. Студентовъ Академіи и слушателей женскихъ курсовъ безъ доставки—12 р. разсрочка допускается исключительно конторой.

8 книгъ «Медицинской Библиотеки», вышедшія съ Мая 1881 г. по Янв. 1882 г. можно получать за 13 р. съ пересылкой; студенты университетовъ за 11 р. а военно-медицинской академіи за 9 р.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ; у издателя Н. Л. Вилькина, Караванная, собственный домъ № 3—35 и въ книжныхъ магазинахъ К. Рикера и Нозаго Времени.

Редакторъ Доцентъ В. Поповъ
Издатель Н. Вилькинъ.

Ю Г Ъ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЬ.

Въ послѣднее время наша провинціальная жизнь обнаружила замѣтное пробужденіе, между прочимъ выразившееся въ появленіи мѣстныхъ органовъ печати. Не смотря на весьма стѣснительныя для провинціальной прессы условія, послѣдняя, въ короткое сравнительно время, успѣла уже принести значительную долю пользы и (за небольшимъ исключеніемъ) совершенно упрочить свое существованіе. Все болѣе и болѣе увеличивающіяся провинціальныя изданія неопровержимо доказываютъ подъемъ уровня умственной жизни въ провинціи и сознание, что каждая отдѣльная мѣстность должна сама совершать дѣло самосознанія по возможности собственными силами, черзъ посредство своей мѣстной литературы. Во настоящее время въ провинціальной прессѣ едва-ли не первое мѣсто занимаетъ печать Новороссійскаго края и вообще юга Россіи; обстоятельство это признано даже такими нерасположенными къ мѣстной печати изслѣдователями, какъ г. Мордовцевъ (см. «Дѣло» за 1875 г. кн. 9 и 10), но и въ этомъ краѣ она (во-

чать) состоитъ исключительно изъ ежедневныхъ изданій—газетъ, удовлетворяющихъ главнымъ образомъ быстро развивающейся потребности знакомства съ текущею жизнью.—Что же касается до пополненія и распространенія научныхъ знаній, обобщенія частныхъ явленій и фактовъ, удовлетворенія эстетическихъ потребностей, въ видѣ беллетристики,—однимъ словомъ, всего того, что составляетъ содержаніе нашихъ толстыхъ журналовъ—этого всего мы, провинціалы, повинны ждать изъ столицъ, не смотря на то, что столичные журналы (научный ихъ отдѣлъ) почти на половину состоятъ изъ трудовъ провинціальныхъ литераторовъ. Врядъ-ли слѣдуетъ долго распространяться о томъ, что эта централизація—явленіе ненормальное, вредное, такъ какъ она, съ одной стороны, стягивая въ одинъ пунктъ силы изъ различныхъ мѣстностей, этимъ парализуетъ умственную жизнь провинціи, съ другой—привлекая къ одному центру слѣшкомъ много матеріала, она весьма часто ставитъ въ необходимость редакціи браковать такіа произведенія, которыя имѣютъ весьма важное значеніе для отдѣльной мѣстности.

Югъ Россіи—мы здѣсь рзузимъ губерніи, входящія въ составъ Кіевскаго, Харьковскаго и Новороссійскаго округовъ, а также окраины Кавказскаго вѣмствничества, прилегающія къ берегамъ Чернаго и Азовскаго морей—представляетъ самъ по себѣ съ различныхъ сторонъ весьма важное значеніе. Распространяться объ этомъ считаемъ излишнимъ; поэтому, помимо общихъ вопросовъ цивилизаціи, послѣднему разрѣшенію которыхъ посвящаемъ наше изданіе, мы обратимъ особенное вниманіе на тотъ край, органомъ котораго служить нашъ журналъ, и надѣемся, что высказанные нами мотивы достаточно оправдываютъ право появленія «Юга» въ русской журналистикѣ.

Журналъ «ЮГЪ» выходитъ ежемѣсячно въ размѣрѣ отъ 12 до пяти аддати листовъ по слѣдующей программѣ:

I. Словесность: романы, повѣсти, разсказы, драматическія произведенія и стихотворенія (оригинальныя и переводныя). II. Наука: популярныя статьи по антропологіи, исторіи, искусствамъ, философіи, политическимъ, юридическимъ и естественнымъ наукамъ. III. Критика и библиографія русскихъ и иностранныхъ книгъ. IV. Сельско-хозяйственная хроника и статьи по сельскому хозяйству. V. Коммерческая хроника. VI. Внутреннее обозрѣніе, общественная жизнь—преимущественно юга Россіи.

Подписная цѣна 10 руб.; съ доставкой въ г. Одессѣ 11 руб.; съ пересылкой въ другіе города 12 руб.

Подписка принимается въ г. Одессѣ въ конторѣ редакціи журнала «ЮГЪ»: Надежинская ул., д. Савича, въ книжныхъ магазинахъ: В. И. Бѣлаго, Е. П. Распопова, библиотекѣ для чтенія Бортовскаго. Гг. иногородніе благоволятъ обращаться въ контору редакціи.

Редакторъ-издатель В. Яковлевъ.

ОТКРЫТА ПОДПСКА НА 1882 ГОДЪ

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ и ОБЩЕСТВЕННУЮ ГАЗЕТУ

ЗЕМСТВО

Въ будущемъ 1882 г. «ЗЕМСТВО» будетъ издаваться, какъ и въ настоящемъ, безъ предварительной цензуры, номерами отъ 2го, до 3го л. (20—24 стр.), по слѣдующей программѣ:

- 1) Законы и распоряженія правительства. Рѣшенія Правительствующаго Сената по дѣламъ, относящимся до земскаго и городского управленія.
- 2) Статьи по всѣмъ вопросамъ внутренней и иностранной политики, зем-

скаго, городскаго и сословнаго общественнаго управления. 3) Обзорніе дѣятельности городскихъ и земскихъ учреждений. Отчеты о засѣданіяхъ земскихъ и сословныхъ собраній и городскихъ думъ. 4) Внутреннее обозрѣіе. 5) Иностранное обозрѣіе. 6) Корреспонденціи внутреннія и иностранныя. 7) Судебная хроника (безъ обсуждения судебныхъ рѣшеній.) 8) Библиографія: разборы и отчеты о вновь выходящихъ русскихъ и иностранныхъ книгахъ и періодическихъ изданіяхъ по всѣмъ отраслямъ юрисдикс-политическихъ и историческихъ наукъ. 9) Разныя извѣстія. 10) Объявленія.

Въ вышедшихъ №№ «Земства» были помѣщены статьи слѣдующихъ лицъ: К. Д. Андиферова, В. М. Борисова, П. В. Гофмана (предсѣдатель Мелитопольской уѣзд. земской управы), А. А. Пашева (проф. Демидовскаго лицея), А. И. Кошелева, С. А. Муромцова, (проф. Московскаго университета), Н. А. Мельникова, (предсѣдателя Смоленской губернской управы), М. В. Перучева, Е. А. Осипова, В. И. Орлова, С. А. Приклонскаго (внутреннее обозрѣіе), А. И. Прозоровскаго, П. И. Ротаста, (предсѣдатель Костромской уѣзд. земск. управы), А. И. Скворцова, А. В. Скульскаго, (предсѣд. Ярославской губернской управы), А. П. Смирнова, (члена Владимирской губернской управы), Свѣтозара (псевдонимъ) В. А. Ульяницкаго (иностранное обозрѣіе), С. Ф. Фортунатова, Ф. Ф. Эрисмана и др.

Редакціею приняты мѣры для расшпренія «Земской и Городской хроники».

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	Безъ перес. и доставки.	Съ пересыл. и доставкой	За границу.
На годъ	7 р. — к.	8 р. — к.	11 р.
» 6 мѣсяцевъ	4 » — »	4 » 50 »	6 »
» 3 »	2 » 25 »	2 » 50 »	4 »
» 1 »	— » 75 »	1 » — »	2 »

Подписка принимается: въ Москвѣ, въ конторѣ Редакціи, близъ Никитскихъ воротъ, въ Скатертномъ пер., домъ Муромцовой.

Редакторъ-Издатель В. Ю. Скаловъ.

ПОДПИСКА НА 1882 ГОДЪ.

ЮРИДИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ,

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА,

годъ четырнадцатый.

Ежемесячный журналъ «Юридическій Вѣстникъ» служитъ органомъ научной и практической юриспруденціи, въ томъ широкомъ смыслѣ этого слова, который оно получило въ послѣднее время. Въ научномъ отдѣлѣ журналъ помѣщаетъ работы по экономическому и финансовому законодательству, международному, государственному, гражданскому и уголовному праву.—Въ современномъ отдѣлѣ находятъ себѣ мѣсто: хроника русскаго законодательства, хроника гражданскаго и уголовного суда, земская хроника, извлеченіе изъ кассационныхъ рѣшеній сената, уголовныхъ и гражданскихъ, библиографія, разныя замѣтки и т. д.

При «Юридическомъ Вѣстникѣ» издаются, въ видѣ приложенія, «Протоколы Московскаго Юридическаго Общества».

Въ 1880 и 1881 годахъ былъ приложенъ также отчетъ совѣта присяжныхъ повѣренныхъ округа Московской судебной палаты.

Журналъ выходитъ подъ редакціею С. А. Муромцева и В. А. Гольцева при ближайшемъ участіи въ трудахъ редакціи В. М. Пржевальскаго и при сотрудничествѣ какъ ученыхъ силъ русскихъ юридическихъ факультетовъ такъ и умовитыхъ судебныхъ дѣятелей.

Годовое изданіе составляетъ три тома, до сорока листовъ въ каждомъ

Цѣна 8 р. съ пересылкою и доставкою; безъ доставки 7 руб.

Книжные магазины пользуются обычной уступкою.

За перемѣну адреса гг. подписчики благоволятъ присылать деньгами или марками сорокъ коп.

Экземпляры журнала за 1880 и 1881 годы высылаются по 8 р., отдѣльныя книжки 1880 и 1881 годовъ—по 1 руб.

Экземпляры за предыдущіе годы высылаются по 5 руб. за 1878 годъ безъ пересчета, а за прочіе годы въ переплетѣ. За годы 1871, 1872 и 1873 экземпляровъ журнала въ редакціи не имѣется.

Подписка принимается въ Москвѣ, въ редакціи «Юридическаго Вѣстника», въ Скатертномъ пер., домъ Муромцевой; въ книжныхъ магазинахъ А. І. Васильева, на Страстномъ бульварѣ, Н. П. Анисимова, на Никольской улицѣ, и Ланга, на Кузнецкомъ мосту. Въ С.-Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ Н. П. Анисимова, рядомъ съ Императорскою Публичною бібліотекою.

РЕДАКТОРЫ: } С. А. Муромцевъ.
В. А. Гольцевъ.

О Б Ъ И З Д А Н І И

НОВОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ГАЗЕТЫ

ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

выходящей еженедѣльно

БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ.

Подъ редакціею Н. М. Ядринцева.

Изданіе посвящается изслѣдованіямъ въ Азіи, новостямъ Политики, Науки и Общественной жизни въ русскомъ Востокѣ, въ Сибири и Туркестанѣ.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ СЛѢДУЮЩАЯ:

1. Телеграммы, комѣщаемыя въ текстѣ газеты или отдѣльными бюллетенями.
2. Отдѣлъ officialный—важнѣйшія правительственныя распоряженія.
3. Передовыя статьи, касающіяся жизни русскихъ областей и интересовъ населенія на восточныхъ окраинахъ, а также вопросы русской политики на Востокѣ.

4. Обзоръ русской общественной и провинціальной жизни. Хроника событій на окраинахъ.
5. Политическія извѣстія общія и въ частности касающіяся азіатскихъ странъ.
6. Корреспонденціи изъ провинціи: съ русскихъ окраинъ, изъ Сибири, Туркестана, соседнихъ азіатскихъ государствъ и изъ Америки.
7. Научный отдѣлъ — открытія и путешествія на Востоку, свѣдѣнія по исторіи, статистикѣ и промышленности.
8. Литературное обозрѣніе — критика и библіографія, особенное сочиненіе объ Азій. Извлеченія и переводы.
9. Писанная литература. Бытовые очерки изъ жизни Востока и Сибири. Стихотворенія.
10. Фельетонъ.
11. Судебная хроника.
12. Биржевой отдѣлъ — свѣдѣнія о ходѣ русской и азіатской торговли на европейскіхъ и азіатскихъ рынкахъ.
13. Объявленія казенныя и частныя.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ВЪ РОССІИ.

	На годъ:	на 9 мѣсцъ:	на 6 мѣсцъ.
Безъ доставки	7 р. 50 к.	5 р. 75 к.	4 р.
Съ доставкой и пересылк.	8 . —	6 . —	5 .

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГРАНИЦЕЮ НА ГОДЪ 14 РУБ.

Срокъ выхода съ 1-го Апрѣля 1882 г.

Контора редакціи: С.-Петербургъ, Ивановская, д. № 13, кв. 18.

Подписка принимается также въ книжномъ магазинѣ Вольфа, Невскій, Гостиный дворъ № 18. Въ Томскѣ въ книжномъ магазинѣ Макушина. Въ Иркутскѣ въ Конторѣ редакціи газеты «Сибирь»

Статьи и требованія въ редакцію адресуются чрезъ Контору.

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ С. А. Венгеровъ.

молодости, здоровья и веселья. Въ своемъ бѣломъ утреннемъ костюмѣ Гауденци могла вскружить голову самому его великолѣпнѣйшему ректору болонскаго университета. Она была тѣмъ опаснѣе, чѣмъ меньше сознавала производимое ею впечатлѣнiе, а между тѣмъ это впечатлѣнiе было таково, что могло зажечь въ сердцахъ роковое пламя; сама же она при всей шумной и, можно сказать, ребяческой живости своего характера, хранила въ душѣ глубокое спокойствiе и невозмутимую ясность.

Ея большiе голубые глаза имѣли такое выраженiе, когда она на кого нибудь глядѣла, что нельзя было допустить, что этотъ взглядъ не имѣетъ глубокаго значенiя, нельзя было не заводозритель, что она до смерти влюблена въ своего собесѣдника, особенно если это былъ красивый молодой человекъ, и каждый, чувствуя на себѣ этотъ взглядъ, восклицалъ про себя съ торжествомъ: стало быть, я—счастливый избранныкъ! Но она и не подозрѣвала этого, была спокойна и наивна. Да, господа, наивна, хотя уже девять лѣтъ (а ей всего было восемнадцать) дышала развращенной атмосферой театра. Душевное спокойствiе и сердечная доброта при цвѣтущемъ здоровьи, которое ни разу не было нарушено со времени прорѣзыванiя зубовъ въ дѣтствѣ, давали въ результатѣ постоянную веселость и безпечность; притомъ она жила безъ роскоши, но въ изобилiи, всѣми любимая, ни въ комъ не возбуждая зависти, вся преданная своему искусству, которое было для нея неисчерпаемымъ источникомъ наслажденiя.

Но въ чемъ состояли отношенiя этой восемнадцатилѣтней дѣвушки къ Лоренцо Бруни?

Лоренцо Бруни былъ родомъ изъ Тревизы, гдѣ родился 35 лѣтъ тому назадъ сыномъ одного нотарiуса. Онъ учился юриспруденци въ падуанскомъ университетѣ, но, начавъ для собственнаго удовольствiя учиться игрѣ на скрипкѣ, сдѣлалъ такіе успѣхи, что первыя деньги заработалъ въ Венеціи не юриспруденціей, а музыкой; такъ какъ притомъ юридическая профессiя была отравлена ему постояннымъ внимательствомъ его отца, человекъ очень страшнаго и несноснаго, то онъ рѣшился покинуть ее, и въ одинъ прекрасный день, не спросившись отца и даже не простившись съ родными, заключилъ контрактъ съ театральной дирекціей и изъ Венеціи переселился въ Болонью. Переходя изъ одного оркестра въ другой, онъ такимъ образомъ перебивалъ

сто лѣтъ.

чти во всѣхъ главныхъ городахъ Италіи. Изъ Ливорно онъ перешелъ въ Марсель, а оттуда въ Парижъ, гдѣ пробылъ года два. Свободный, какъ воздухъ, и не терпѣвшій ни малѣйшихъ стѣсненій, онъ для того и избралъ музыкальную карьеру, чтобы не зависѣть ни отъ начальства, ни отъ власти, ни отъ страны, быть гражданиномъ всего міра и имѣть возможность всюду находить себѣ дѣло. Человѣкъ ума замѣчательнаго и высокообразованный, онъ знакомился всюду, куда являлся, со всѣми людьми, выдающимися по уму и по таланту; въ Парижѣ, напримѣръ онъ, зналъ и Руссо, и Дидро, и д'Аламбера.

Еще юношей, несмотря на всѣ старанія отца запретить его умъ въ тѣсныя ящики, онъ смутно понималъ, что въ окружающемъ его многое идетъ не такъ, какъ слѣдовало бы. Въ Венеціи, напримѣръ, его возмущали вѣчные доносы и шпіонства, и, видя, что все это служитъ на пользу аристократіи, онъ обвинялъ ее во всемъ и возненавидѣлъ ее одностороннею и преувеличенною ненавистью юности. Потому онъ увидѣлъ, что и въ другихъ мѣстахъ дѣла идутъ не лучше. Въ Парижѣ въ то самое время, когда онъ познакомился съ сочиненіемъ Вольтера и почувствовалъ къ нему сильнѣйшій энтузіазмъ, ему пришлось услышать, какъ наглый виконтъ Роганъ-Шабо отколотилъ великаго человѣка, черезъ своихъ лакеевъ, палками на улицѣ. Это еще болѣе утвердило въ немъ отвращеніе къ грубой кастѣ, которая за отсутствіемъ всякихъ настоящихъ достоинствъ поддерживала свое положеніе наглостью и наспліемъ. Эти чувства въ немъ и ихъ выраженія не знали мѣры; въ его рѣчахъ тогдашнее общество рисовалось самыми каррикатурными чернилами. Вообще, это былъ человѣкъ безпокойный и плохо уживався съ порядками своего времени. Но въ то время такихъ людей появилось уже немало, Богъ вѣсть откуда, въ разныхъ странахъ Европы. Это были точно облачка, являющіяся вдали на разныхъ пунктахъ горизонта, на ясномъ небѣ жаркаго лѣтнаго дня; облачка, повидимому, разсѣянныя и мимолетныя, но которыя мало-по-малу сближаются, сливаются, растутъ, и вдругъ все небо заволакивается одной сплошной черной тучей, и вдали уже гремитъ громъ.

II.

По возвращеніи изъ Парижа, Лоренцо узналъ въ Венеціи Маргариту Гауденци, которая была тогда дѣвочкой-сироткой. Отецъ ея былъ балетнымъ шутомъ и умеръ два года назадъ отъ неудачнаго прыжка; вскорѣ она лишилась и матери, погибшей въ пожарѣ театра въ Спингалы; это была красивая женщина, по профессіи фигурантка, всегда исполнявшая роли богинь, если въ нихъ не предстояло ни дѣйствовать, ни танцовать, а въ пантомимахъ, оканчивавшихся иллюминированнымъ Олимпомъ, она заставляла всегда въ качествѣ Юноны рядомъ съ Юпитеромъ Громовержцемъ. Дѣвочка, въ то время, какъ осталась сиротой, уже выходила на сцену и возбуждала общія рукоплесканія. Лоренцо Бруни увидѣлъ ее въ первый разъ въ балетѣ, на сценѣ театра Сент-Мопзе, куда вся публика стекалась смотрѣть на это маленькое чудо, и былъ пораженъ ея граціей въ танцахъ. Онъ съ грустью подумалъ, что и на ней вскорѣ отразится тогдашняя безвкусица, ей предстоитъ коверканіе, и ломаніе, составлявшія тогдашнее балетное искусство; онъ вспомнилъ свои разговоры въ Парижѣ съ Руссо о происхожденіи и цѣли балета, и ему пришло на умъ, что при такомъ врожденномъ талантѣ, эта дѣвочка можетъ произвести реформу въ искусствѣ, по мысли жевенскаго философа, сдѣлать танцы образцомъ для живописца и скульптора, а не каррикатурнымъ и неблагопристойнымъ прыганіемъ. Въ этихъ мысляхъ ему захотѣлось познакомиться съ дѣвочкой, и дѣйствительно, хотя онъ не былъ балетмейстеромъ по профессіи и руководствовался только хорошимъ вкусомъ, благодаря его указаніямъ, Гауденци показала публикѣ совершенно новый родъ танцевальнаго искусства, возбудившій общій восторгъ.

Между Лоренцо и дѣвочкой тотчасъ завелись фамиллярныя, дружескія отношенія, какъ между учителемъ и талантливой ученицей. Онъ слѣдовалъ за ней на всѣ театры въ качествѣ скрипача, состоя при ней въ качествѣ пріемнаго отца, опекуна и наставника, хотя она всегда жила съ своей теткой. Но по мѣрѣ того, какъ дѣвочка выросла и изъ дѣтства переходила въ юношество, онъ началъ питать къ ней чувство, не похожее на спокойную родительскую любовь или на учительское безпристрастіе. Мало-

по-малу, и еще самъ того не сознавая, онъ влюбился въ дѣвушку; не признаваясь самъ передъ собой въ этомъ чувствѣ, онъ тѣмъ менѣе могъ рѣшиться высказать его Маргаритѣ, которая въ свою очередь была далека отъ этой мысли и смотрѣла на него, какъ на пріемнаго отца.

Переходя съ одного театра на другой, они поступили оба въ первый разъ на миланскій герцогскій театръ въ 1748 г. и остались на карнавалъ 1750 г. Бруни наслаждался успѣхами своей воспитанницы, наслаждался столько же рукоплесканіями, расточаемыми ея таланту, сколько ея громкой славой непорочности и нравственности, потому что, и среди самыхъ раснущенныхъ нравовъ, нравственность всегда находитъ уваженіе и признаніе, какъ великія произведенія искусства, почитаемыя и въ эпохи полнѣйшаго извращенія вкуса. Поэтому можно себѣ представить, какъ жестоко поразили его слухъ о любви ея къ тенору и, что еще хуже, о ночныхъ свиданіяхъ Маргариты съ Амореволи. Правда, онъ ни на минуту не заподозрилъ невинности дѣвушки, но негодованіе его было тѣмъ сильнѣе.

Когда Маргарита со смѣхомъ спросила его о здоровьи, онъ отвѣчалъ: — Душа моя, вы смѣетесь, но повѣрьте мнѣ, смѣяться тутъ нечему.

Дѣвушка приняла нѣсколько болѣе серьезный видъ и сказала:

— Не понимаю васъ, мой милый Лоренцо; вѣдь въ концѣ-концовъ правда откроется; вы увидите, что я умѣю говорить за себя, когда нужно, и мнѣ стоитъ только сказать правду, чтобы всѣ подозрѣнія разсѣялись.

— То есть, вы хотите сказать, что васъ не будутъ больше вызывать въ преторію и что никто не оскорбитъ васъ безнаказанно, потому что я владѣю шпагой не хуже, чѣмъ смичкомъ. Но чтожь изъ этого? Пока не откроется имя той, изъ за которой теноръ попалъ въ эту передрагу, ни у кого не выбьешь изъ головы, что не вы были цѣлью его ночныхъ прогулокъ.

— Почему же непременно я? спросите Зоминно, онъ сегодня приходилъ сюда, сколько женщинъ было вызвано въ полицію? Не правда ли, тетя?

— Это правда, отвѣчала тетка, но это общество не дѣлаетъ тебѣ чести. Одна изъ нихъ — жена таможеннаго, что живетъ напротивъ. Другая швея, здѣсь въ четвертомъ этажѣ. Онѣ обѣ хо-

рошенькія и молоденькія, но незавидной репутаціи. Спроси нашу Джильду, услышишь. Потому есть еще жена одного живописца которая впрочемъ пользуется хорошей репутаціей, да хорошенькая дочь лавочника, про которую тоже ничего нельзя сказать дурного. Видите, свявдоръ Лоренцо.

— Стойте! воскликнулъ онъ вдругъ, широко раскрывъ глаза, но остановился и черезъ минуту прибавилъ: — Я поѣду съ вами въ преторію, Маргарита, и попрошу переговорить съ судьей. Будьте же готовы черезъ часъ, я заѣду за вами въ каретѣ.

Въ назначенное время Лоренцо пріѣхалъ въ каретѣ, и Маргарита съ теткой сѣли въ нее. Около полудня всѣ трое пріѣхали въ преторію, гдѣ уже ихъ ожидала на дворѣ тысяча любопытныхъ. Когда въ канцеляріяхъ преторіи распространился слухъ о пріѣздѣ Гауденци, многія перья посадили клаксы на акты, копіи и протоколы, вслѣдствіе излишней торопливости чиновниковъ бѣжать смотрѣть на нее. Фигуры нотариусовъ, аудиторовъ, приставовъ и писцовъ съ перьями за ушами и въ зеленыхъ бумазейныхъ нарукавничкахъ высунулись изъ оконъ и изъ дверей, другіе зашмыгали по корридору, подъ предлогомъ разныхъ слѣсныхъ дѣлъ, нѣкоторые заглядывали ей въ лицо, задерживая шаги, что очень бѣсило Лоренцо. Но онъ успокоился, когда о ней доложили и когда, услышавъ ея имя, судья, человекъ молодой и вѣжливый, вышелъ ей на встрѣчу, любезно извиняясь, и позволилъ теткѣ и Бруни присутствовать при допросѣ и дать съ своей стороны показанія.

Вопросы судьи, отвѣты Гауденци, замѣчанія Бруни и присовокупленія тетки наполнили четыре листа протокола, который имъ приводить не будетъ; результатъ допроса вышелъ такой, какого и слѣдовало ожидать. Теноръ Амореволи, допрошенный еще раньше относительно Гауденци, протестовалъ такъ рѣшительно, что допрашивать ее слишкомъ настойчиво было нельзя. Поэтому судья, исполнивъ свою обязанность, былъ принужденъ устранить Гауденци отъ дальнѣйшаго слѣдствія. Но Лоренцо не имѣлъ повода радоваться этому, потому что ему казалось, что судья далеко не убѣжденъ внутренне въ невинности дѣвушки; притомъ, когда, проводивъ Маргариту домой, онъ пошелъ бродить по улицамъ, ему пришлось наслушаться такихъ вещей о ней, что нѣсколько разъ онъ съ трудомъ могъ воздержаться отъ скандала.

Весь занятый мыслью найти настоящую виновницу, онъ въ

тотъ же день бродилъ въ окрестностяхъ квартиры Гауденци и палатцо В*** и Ф***, заходилъ къ привратникамъ и лавочникамъ, спрашивалъ слугъ, горничныхъ и цирюльниковъ, осматривалъ двери, окна и рѣшетки, узнавалъ о хозяевахъ того сада, гдѣ былъ взятъ Амореволи, и услышавъ о графинѣ Клелиа, о я молодости и красотѣ, не имѣя понятія объ ея учености и высокой репутаціи нравственности, тотчасъ подумалъ про себя: почему не она? Очень возможно! Никому изъ миланцевъ не могло и въ голову прийти такого подозрѣнія. Но Лоренцо зналъ въ Миланѣ только художниковъ и литераторовъ, аристократіи же почти не зналъ, а по своимъ убѣжденіямъ склоненъ былъ заподозрить женщину знатную скорѣе всякой другой. Такъ и теперь: возмѣнивъ это подозрѣніе, онъ почувствовалъ негодованіе противъ аристократическихъ привилегій при мысли, что изъ всѣхъ женщинъ околodka подозрѣніе не коснулось только одной знатной дамы, и уже готовъ былъ пойти прямо къ судѣ; но это показалось ему недостойнымъ доносомъ, и онъ поклялся иначе раскрыть истину.

Между тѣмъ, графиня Клелиа не рѣшилась еще послѣдовать совѣту донни Пооли Пьетра; она хотѣла дать прежде пройти послѣднимъ днямъ карнавала, рассчитывая, что среди толпы и шума спектаклей, баловъ, маскарардовъ, обѣдовъ скандалъ разразится еще ужаснѣе; поэтому она отложила исполненіе долга до перваго дня поста.

III.

Такимъ образомъ несчастная графиня, уже похудѣвшая въ теченіе двадцати четырехъ часовъ, должна была играть комедію и съ графомъ, и съ портнихой, которая приносила ей въ этотъ день примѣривать четыре платья, одно другого наряднѣе, хитрить со всѣми окружающими, которыми всѣмъ овладѣло карнавальный веселье. А тѣмъ временемъ бѣдный Амореволи, проклиная несчастное стеченіе обстоятельствъ, упрятавшее его въ тюрьму, тянулъ длинные, скучные дни въ четырехъ стѣнахъ, распѣвая отъ скуки и чтобы приготовиться къ вечернему спектаклю то ту, то другую

арію изъ «Артаксеркса», «Семпранды» или «Олимпіады» вивода съ чувствомъ:

Le, cerca, le dice
L'amico dov'è
L'amico.....

И въ своемъ одиночествѣ онъ рисковалъ самая смѣлая поты. Тогда крики bravo и рукоплесканія награждали пѣвца. Но увидѣвъ это рукоплескалая пная публика, публика, подобная ему, недобровольно гостившая въ домѣ Преторіи. Тутъ были мужчины и женщины; воры заслуженные и карманники новички, несостоятельные должники и несостоятельной нравственности женщины: все это хриплыми и слившимися голосами, но съ неподдѣльнымъ восторгомъ орало: bravo. Пѣвецъ въ отвѣтъ на это приискивалъ что нибудь подходящее для своей публики, напримѣръ, одну изъ тѣхъ пѣсенъ слѣпыхъ, которыя писалъ Пьетро Чезаре Ларги:

Imparate, o peccator,
Con la standa del dolor
A sarà la porta granda
Che a l'inferno la ve manda.

(Указывая себѣ путь, грѣшникъ, посохомъ скорби, и широкія растворятся тебѣ ворота въ крошечную).

Но оставимъ Амореволи и послѣдуемъ за Лоренцо Бруни, который отправляется въ улицу Санъ-Виченцино.

Здѣсь въ третьемъ этажѣ одного дома съ садомъ, была студія молодого Франческо Лондоніо и здѣсь же, въ этой студіи, была постоянно открытая и дѣйствующая академія шутокъ, смѣха и веселья, общій клубъ всѣхъ тогдашнихъ живописцевъ и скульпторовъ, а въ карнавальное время, сверхъ того, главная квартира венстовыхъ, которыхъ Лондоніо былъ главнокомандующимъ.

Лоренцо не разъ уже посѣщалъ студію. Остановившись на минуту передъ дверью, онъ услышалъ въ комнатѣ голоса, который что-то говорилъ и отъ времени до времени вдругъ прерывался взрывомъ смѣха цѣлой компаніи. Постороннему человѣку всегда бываетъ какъ-то тяжело очутиться, вдругъ, среди очень веселаго и оживленнаго разговора, и Лоренцо, хотя зналъ почти всѣхъ посѣтителей студіи, постоялъ съ минутой передъ дверью въ нерѣшимости, собираясь уже вернуться, но превозмогъ себя и постучалъ.—

— Войдите, закричало нѣсколько голосовъ, и онъ вошелъ.

— А, добро пожаловать! Сеньоръ Лоренцо.

— Здравствуйте!

— Здравствуйте, командиръ смичковъ; рекомендую—нашъ живописецъ Газета—хорошій скрипачъ; когда работы не будетъ, обратитесь къ вамъ въ оркестръ.

Это говорилъ самъ Франческо Лондоніо, въ то время юноша 22 лѣтъ, но уже извѣстный пейзажистъ. Главную же славу въ высшихъ и низшихъ классахъ общества онъ заслужилъ своею неисчерпаемою веселостью, остроуміемъ и живостью. Съ нимъ было многочисленное общество художниковъ, которыхъ Лоренцо всѣхъ зналъ.

Но онъ былъ весь погруженъ въ свою мысль—доказать невинность Гауденци и такъ разоблачить передъ всѣмъ свѣтомъ тайныя интриги знатной барыни, чтобы ни протекція, ни привилегія, ни хитрости не могли спасти отъ торжественнаго скандала ея двойной гербъ. Вынужденный напрасно сдѣлать въ веселомъ обществѣ живописца Лондоніо и за одно съ прочими смѣяться его шуткамъ и розсказнямъ, онъ досадовалъ на потерю времени, которое было ему такъ дорого. Ему было необходимо поговорить съ Лондоніо наединѣ, а потому ему приходилось ждать, когда всѣ разойдутся, такъ какъ онъ не хотѣлъ обращать на себя вниманіе секретными разговорами. На его счастье Лондоніо сказалъ:

— Ну, друзья, сейчасъ прійдетъ за нами карета ѣхать на гулянье; надо, не теряя времени, одѣваться; я очень дорожу репутаціей невстовыхъ. Послѣ катанья пообедаемъ, если хотите, всѣ вмѣстѣ, а тамъ опера, а тамъ маскарадъ. Вотъ сколько дѣлъ въ одинъ день! Кто не захочетъ идти домой соснуть часика два, тотъ можетъ ночевать у меня; завтра вѣдь опять цѣлый день суматохи; главное, чтобы намъ не потерять другъ друга изъ виду.

— Ночевать у тебя я согласенъ, сказалъ одинъ изъ пріятелей Лондоніо, только чтобы ты не поступилъ со мной какъ съ подестой изъ Кюджин; вѣдь теперь февраль.

— Что онъ сдѣлалъ съ подестой? спросили всѣ въ одинъ голосъ.

— Какъ, вы не знаете?

— Нѣтъ, нѣтъ, расскажи.

— Дѣло очень просто; это было въ прошломъ году, когда я

проводилъ карнавалъ въ Венеціи. Гостинишцы были биткомъ набиты, такъ что найти постель было также трудно, какъ открыть кладь. Однако я досталъ таки себѣ комнату за безумныя деньги во Французскомъ Гербѣ. Но вы знаете, какъ я не люблю быть лицомъ къ лицу съ незнакомымъ человѣкомъ, да еще въ путешествіи, да еще въ своей спальнѣ. Вдругъ является ко мнѣ хозяинъ; все у него было уже занято, и онъ обратился ко мнѣ, вѣроятно, какъ къ самому младшему изъ своихъ постояльцевъ, а можетъ быть фзіономія моя показалась ему доброй; — синьоръ, говоритъ онъ, пріѣхалъ подеста изъ Кіуджинъ и проситъ ноущенія.

— Богъ съ нимъ, говорю я, отчего же онъ раньше не пріѣхалъ? Дайте ему гондолу, пусть спитъ подъ навѣсомъ.

— Да я ему общалъ, продолжалъ хозяинъ, а тутъ является и самъ подеста и начинаеть такъ упрашивать, что я не могъ отказать. Вы знаете, бывають такіе назойливые люди, которымъ и съ досадою, а приходится уступать. Но когда мы остались одни, я никакъ не могъ примириться съ мыслью, что мнѣ придется спать съ нимъ на одной кровати; къ тому же онъ такой толстый и потный! Вотъ я сталъ придумывать, какъ бы мнѣ отъ него избавиться; мнѣ очень хотѣлось спать, потому что я всю ночь протанцовалъ. Какъ-то печально попались мнѣ на глаза мѣхи, висѣвшіе у каминна, и вдругъ блистательная мысль озарила меня.— Синьоръ подеста? обратился я къ нему.

— Чего изволите?

— Я долженъ заранѣе извиниться передъ вами.

— Въ чемъ?

— Въ своемъ нѣкотораго рода недугѣ.

— Какомъ?

— Въ дѣтствѣ я страдалъ острой лихорадкой, отъ которой чуть не умеръ, и остались послѣдствія.

— Какія?

— Я подверженъ такъ называемымъ холоднымъ вѣтрамъ.

— Неслыханная болѣзнь.

— Самая новѣйшая, и отъ нее плохо приходится тому, кто спитъ со мной. Ну, что сдѣлали бы вы на мѣстѣ подесты?

— Пожелать бы вамъ покойной ночи и ушелъ бы отъ васъ подальше.

— Казалось бы такъ; но подеста разсудилъ иначе и, не вполнѣ довѣрая мнѣ, первый улегся въ постель. Я послѣдовалъ за нимъ,

вооружившись мѣхами, и потушилъ свѣчу. Дождавшись, когда подеста началъ засыпать, я пустилъ механику въ ходъ. Задулъ таковой вѣтеръ, какъ на Монъ-Сени; подеста въ испугѣ проснулся и съ ужасомъ сказалъ:

— Ахъ, ваша болѣзнь дѣйствительно ужасна! ради Христа, зажгите свѣчку; лучше броситься въ лагуну, чѣмъ спать съ вами.

— Я повиновался, зажегъ свѣчу. Онъ всталъ, одѣлся, бормоча что-то сквозь зубы, и, выйдя, принялся во все горло звать хозяина. Я провелъ остальную ночь очень спокойно. Но не бойтесь, что я буду повторять съ вами этотъ экспериментъ. Вы мнѣ не знакомые и не подесты и не вазойлывы, я самъ приглашаю васъ. И такъ, живѣе одѣваться. Карета прѣѣхала... Слышите.

— Потомъ обратившись къ Бруни, онъ прибавилъ:—Вы должны ѣхать съ нами. У насъ цѣлый запасъ костюмовъ и масокъ для всѣхъ пріятелей, для всѣхъ художниковъ безъ разбора, чѣмъ бы кто ни орудовалъ—кистью рѣзцомъ, смычкомъ, горломъ или рифмой. Удивляюсь, что не пришелъ сегодня нашъ секретарь Ларги; вы знаете его пѣсенки; но надъ послушать, когда онъ самъ поетъ ихъ; впрочемъ, мы усанимъ его въ маскарадѣ. И такъ рѣшайтесь. Хотите быть Панталономъ или Бригелой?

— Ни тѣмъ, ни другимъ, отвѣчалъ Лоренцо и, воспользовавшись временемъ, когда всѣ принялись за переодеванье, шепнулъ живописцу:—мнѣ надо переговорить съ вами по слѣшнему дѣлу.

— Сегодня не кстати, но дѣлать нечего.

— Мнѣ нуженъ хорошій портретистъ, который умѣлъ бы рисовать маски по парижской модѣ. Я уже справлялся, и мнѣ сказали, что въ Миланѣ есть мастеръ этого дѣла.

— На ваше счастье онъ какъ разъ тутъ. Живописецъ Кловелли. Но...

Лондонію покачалъ головой.

— Что такое?

— Развѣ вы не знаете, что въ нынѣшнемъ году подобныя маски запрещены, послѣ прискорбнаго приключенія съ герцогиней де-Шуазель?

— Да вѣдь мнѣ для шутки, сказалъ Бруни.

— Право, не знаю; поговорите съ нимъ; онъ сдѣлаетъ хорошо, и притомъ дѣлишки его такъ плохи, что я думаю, онъ не очень по-

смотреть на запрещеніе его превосходительства. Устройтесь съ съ нимъ, я его кликну. Но помните, что я ничего не знаю.

— О, конечно, у насъ и разговора объ этомъ не было, хотя, повторяю, изъ этого ничего не выйдетъ кромѣ шутки.

Позванц молодого живописца Клавелли, и Бруни могъ переговорить съ нимъ; онъ сначала отговаривался запрещеніемъ, но улыхавъ, что ему будетъ хорошо заплачено, согласился и условился сойтись съ Бруни въ кафе Греко за полчаса до начала спектакля.

Заклучивъ договоръ съ Лоренцо, живописецъ надѣлъ костюмъ Пулчинелли съ двумя горбами и отправился съ прочими, которые всѣ были въ костюмахъ различныхъ шутовъ, такъ что представляли собою какъ бы депутацію шутовъ отъ всѣхъ главныхъ итальянскихъ городовъ. Лондонію, какъ почетный членъ братства скомороховъ и въ качествѣ пейзажиста, былъ въ маскѣ Бельтрама ди-Гаджіано; этотъ типъ былъ въ то время еще въ большой модѣ, хотя уже уступалъ первенство Менеггину, изобрѣтенному поэтомъ Маджи, этимъ Дантомъ миланскаго діалекта. Всѣ, за исключеніемъ Бруни, усьлись въ карету, нагруженную боевыми снарядами карнавальнаго времени: цвѣтами, конфетами, каріондолями, амальсианами, яблоками, яйцами, и шибкой рысью помчались въ самый пылъ боя — у Порта Романа, гдѣ въ воздухѣ носились яблоки и яйца, разбиваясь на напудренныхъ парикахъ и покрывая головы неслыханными мазями и пластырями.

IV.

Мы не будемъ описывать карнавальнаго гулянья у Порта Романа въ четвергъ на масляницѣ. Для желающихъ составить себѣ понятіе о немъ мы скажемъ только, что пусть они вообразятъ себѣ толпу въ восемьдесятъ или сто тысячъ человѣкъ, разцвѣченную всѣми цвѣтами радуги со всѣми ихъ безчисленными оттѣнками и производящую такой шумъ, какъ будто у каждого двойная глотка; тысячи экипажей, каретъ, колясокъ, двуколокъ, телѣгъ, убранныхъ въ формѣ барокъ, кораблей, галеръ, движущихся, какъ кому угодно, и потому представляющихъ смятеніе похожее на беспорядокъ

бѣгущей арміи; маски всѣхъ формъ, костюмовъ всѣхъ покроевъ— словомъ, вообразите себѣ хаосъ невообразимый и получите понятие о миланскомъ карнавальномъ гуляньи. Но мы дадимъ ему кончиться и отправимся уже подъ вечеръ въ кафе Греко, гдѣ живописецъ Клавелли ожидаетъ Лоренцо Бруни. Послѣдній не замедлилъ явиться и повелъ его въ герцогскій театръ.

— Довольно вамъ будетъ посмотрѣть изъ партера? спросилъ дорогой Бруни живописца—или надо будетъ побывать и на сценѣ?

— Да необходимо будетъ побывать и на сценѣ, чтобы хорошо схватить сходство.

— Хорошо. Вы знаете братьевъ Галиари, декораторовъ?

— Знаю; но я предпочитаю бы не видѣть ихъ.

— Отчего?

— Оттого что лучше было бы, чтобы дѣло оставалось между вами и мной, повѣрьте; приказъ ясенъ; этотъ приказъ былъ для меня ужаснымъ подрывомъ; посудите, въ прошлые карнавалы мнѣ случалось зарабатывать по сту цеккиновъ и болѣе, такъ что я даже бросилъ церковную живопись, а это, что ни говорите, настоящая живопись; но надобно жить, а деревенскіе священники любятъ держать живописцевъ въ проголодь, если они молоды и еще не составили себѣ имени.

— Не унывайте, другъ; если вы мнѣ сослужите эту службу, я доставлю вамъ случай снять портретъ танцовщицы Гауденци.

— О, это было бы счастьемъ! Такая красавица! Если бы портретъ удался, всѣ миланскія дамы обратились бы ко мнѣ; былъ бы случай прославиться. Вѣдь случай—все; большая часть великихъ художниковъ обязаны случаю. Вы думаете, напримѣръ, что кавалеръ Дель-Кайро, учитель моего учителя, былъ въ самомъ дѣлѣ великій художникъ? Ничуть! Ему дулъ попутный вѣтеръ, кое какіе портреты, кое какія картины — и повалили цеккины, а тамъ и орденъ св. Маврикія. По винѣ его и ему подобныхъ исказилась ломбардская школа, понабралась кое-чего отъ римской, кое-чего отъ болонской, кое-чего отъ венеціанской, и вышла такая смѣсь, что сами не разберемъ. Но страна, имѣвшая Леонардо, Луинно, Креспи... знаете Креспи?... выдали его фрески?... вотъ такъ фрески!.. Такъ спрашиваю, зачѣмъ намъ быть подражателями? На все мода, и я самъ испорченъ хуже всѣхъ и испортилъ себѣ руку тѣмъ самымъ, для чего вы меня пригласили, а потомъ испортилъ и карманъ.

Если бы завтра мнѣ предложили написать положеніе во гробъ, я нарисовалъ бы Жезъ Мироносицъ въ фишмакѣ. Вотъ какія дѣла!

Они вошли въ театръ, уже полный публики, когда дамы уже начинали усаживаться на свои мѣста въ ложахъ.

— Въ партерѣ мѣста нѣтъ, сказали Бруни; стало быть, надо поискать удобнаго мѣста въ оркестрѣ; тамъ можно незамѣтно набросать на бумагу нѣсколько штриховъ. А потомъ вы мнѣ скажете, когда надо будетъ пойти на сцену.

Лоренцо провелъ живописца въ оркестръ, усадилъ, сѣлъ самъ на свое мѣсто, потому что всѣ музыканты были уже наготовѣ и настраивали инструменты. Въ театрѣ водворилась уже та тишина, которая предшествуетъ поднятію занавѣса, всѣ ложи были заняты; Лоренцо обвелъ ихъ взглядомъ и увидѣлъ графа и графиню В***, которые усаживались въ это время другъ противъ друга. Онъ устремилъ на ея лицо долгій, пронзительный взоръ.

Ея всегдашняя красота, правильная, цвѣтущая и спокойная, была на этотъ разъ украшена выраженіемъ томности и почти страданія, придававшимъ ей тотъ интересный симпатичный характеръ, котораго ей обыкновенно не доставало. Это такъ бросилось въ глаза, что всѣмъ увидѣвшимъ ее въ этотъ вечеръ пришло на умъ это замѣчаніе. Какъ авантюристка сегодня графиня В***! Просто неузнаваема! Совершенно другое выраженіе! И какъ хороша!

Лоренцо же, глядя на нее, думалъ про себя: дурачье! Находить ночью въ саду красиваго молодаго человѣка, который по профессіи своей долженъ быть любовникомъ, находить его у порога дворца и комнаты женщины подобной наружности—и шутъ по сосѣдству предмета его страсти! Дураки вы всѣ, продолжалъ онъ, обращаясь къ партеру, и дуракъ судья, если не хуже, потому что подобная глупость кажется невѣроятной... Такая красавица! Вѣдь она лучше всѣхъ этихъ герцогинь, графинь и маркизъ, которыя тутъ сидятъ. И никому въ голову не пришло, что у теноровъ, получающихъ такія громадныя жалованія, губа не дура. И если бы еще всѣ эти дамы были завѣдомыя весталки, Лукреція. А то вѣдь извѣстно, что миланскія барыни отъ вѣка не отстаютъ. Ахъ, дураки! Дѣло ясно какъ день, прямо у дверей поймали, а они давай колесить по всему околотку, давай подозрѣвать эту бѣдную дѣвочку, чистую какъ ключевая вода. И вѣдь не сообра-

зли того, что будь это въ самомъ дѣлѣ Гауденци, зачѣмъ бы имъ по садамъ лазить; точно они на сценѣ не нашли бы случая изъясниться. Но дуракамъ простое и естественное не нравится; давай придумывать похитрѣе... тенору непремѣнно надо перелѣзть стѣнамъ, перепрыгнуть ограды, рисковать сломать себѣ шею, лазая по шелковымъ лѣстницамъ... вотъ тогда хорошо выходить... это публикѣ нравится, и всѣ этому вѣрятъ.

Ударъ смычка капельмейстера прервалъ ходъ его мыслей. Онъ схватилъ скрипку, перевелъ глаза на ноты и сталъ выжидать своей очереди.

Занавѣсъ поднялась. Теноръ Амореволи, вышедъ среди грома рукоплесканій, которыя ободряли его въ его несчастномъ положеніи; потому что въ театрѣ его провожали полицейскіе, которые сидѣли у него въ уборной, чтобы не позволять ему ни съ кѣмъ говорить, выходили съ нимъ оттуда в сопровожденіи его до сцены и тамъ караулили изъ за кулисъ. Публика все это знала и жалѣла его. Затѣмъ пришла очередь балета, и на сцену выпорхнула божественная Гауденци.

Но что это? Что за новость? Что за тайна? Что случилось? При появленіи Гауденци поднимается ропотъ, потомъ раздаются рѣзкіе свистки, нѣсколько слабыхъ рукоплесканій тщетно хотять протестовать противъ нихъ и скоро умолкаютъ, какъ бы смущенныя.

Откуда эта неожиданная переменъна въ расположеніи публики? Дѣло въ томъ, что публика продолжала упорствовать въ убѣжденіи, что между Амореволи и Гауденци была интрига и узнавъ, что она вызвана въ Преторію, надѣялась, что она великодушно сознается въ этой тайнѣ, которую теноръ такъ благородно скрывалъ. Обманувшись въ этой надеждѣ, она вознегодовала на скрытность дѣвушки, которая жертвовала, по ея мнѣнію, любовникомъ, ради сохраненіи своей незаконно присвоенной репутаціи непорочности; при тогдашней распущенности нравовъ эта репутація была уже сама по себѣ чуть не уродствомъ, особенно въ положеніи танцовщицы, такъ что для многихъ было истиннымъ утѣшеніемъ узнать, что Гауденци не составляетъ исключенія; тѣмъ больше вознегодовали на нее, узнавъ, что она продолжаетъ желать обманывать свѣтъ.

— Подлая публика! проворчалъ про себя Лоренцо, когда его товарищи въ оркестрѣ стали толковать о значеніи свистковъ; но

больше всего взбѣсило его, когда онъ увидѣлъ, что самъ графъ В** вышелъ изъ своей надменной непоколебимости и послалъ Гауденци нѣсколько свистковъ.

— И, ты туда же рогатый Каталонскій быкъ! воскликнулъ онъ про себя: — подожди, ты еще не знаешь, что тебѣ предстоитъ? — Когда занавѣсъ упалъ, онъ, весь дрожа, подошелъ къ Клавадини и спросилъ его, нужно ли ему пройти на сцену.

— Я уже довольно насмотрѣлся, и у меня уже набросанъ профиль, такъ что, пожалуй, и довольно будетъ. Но конечно было бы еще лучше, если бы можно было взглянуть поближе.

— А къ сроку поспѣеть?

— Какъ не поспѣть! Еще два дня.

— Лишь бы къ субботѣ вечеромъ было готово.

— Къ полудню предоставлю. — Они отправились на сцену, а оттуда Лоренцо зашелъ въ уборную Маргариты, которую засталъ въ горькихъ слезахъ.

— Если бы Миланская публика высыпала къ твоимъ ногамъ все золото, котораго стоилъ ея соборъ, вскричалъ онъ въ ярости, то все таки больше тебя не увидить, но подожди субботы.

V.

Прошло двое сутокъ съ того вечера, когда Гауденци была освястана публикой. Настала суббота. За нѣсколько минутъ до полуночи танцовщица, нарядная какъ царица, уже сходила съ лѣстницы, чтобы сѣсть въ карету и ѣхать въ маскарадъ въ герцогскій театръ, какъ вдругъ раздумала, вернулась въ свою комнату и съ плачемъ стала клясться, что скорѣе умретъ, чѣмъ покажется на глаза обществу, безъ причины оскорбившему ее. Лоренцо уговаривалъ ее и ласковыми словами, и съ притворнымъ гнѣвомъ, и отчасти съ искренней досадой.

Съ дѣтства привыкшая къ общимъ ласкамъ, похваламъ, лестн и торжествамъ, она была глубоко оскорблена этой первой незаслуженной обидой. Вся желчь, бывшая въ ней—а и самия проткїа природы не лишены желчи—поднялась и закипѣла въ ея сердцѣ

съ такой силой, что тетка Лоренцо встревожилась. Когда накануне онъ предложилъ ей ѣхать въ послѣдній карнавальнй маскарадъ, она отвѣчала ему со злобой и ироніей; ласковыя убѣжденія его были отвергнуты съ такою рѣзкостью, на которую онъ до сихъ поръ не считалъ ее способной и которая заставила его задуматься. Потомъ мало по малу она смягчилась, расплакалась, стала просить прощенія, ласкаться и обѣщала исполнить его желаніе; она позволила теткѣ украситъ себя цвѣтами, жемчугомъ и брильянтами, но когда оставалось только сѣсть въ карету, злоба снова проснулась въ ней.

— Послушай, Маргарита, ты довѣряешь мнѣ? говорилъ Лоренцо.

— Никому не довѣряю, люди что кошки, сегодня ласкаются, завтра царапаютъ.

— Но когда-же я тебѣ сдѣлалъ что дурное?

— Я и не говорю, отвѣчала она съ досадой, я только говорю... Тутъ она разразилась плачемъ.

— Разсуди, Маргарита; я понимаю, что тебя огорчаетъ случившееся; но въ такомъ случаѣ твоимъ единственнымъ желаніемъ должно быть пристыдить всѣхъ, раскрывъ истину; объ этомъ то я и хлопочу. Ты знаешь, что я тебѣ не посоветовалъ-бы ничего кромѣ того, что можетъ послужить тебѣ въ пользу. Стало быть, если я такъ настаиваю, чтобы ты ѣхала сегодня въ театръ, то потому что я увѣренъ, что не дальше какъ на разсвѣтѣ ты будешь отомщена и клеветники твои посрамлены.

— Но если это правда, то зачѣмъ-же вы скрываете отъ меня, какъ вы хотите это сдѣлать?

— Узнаешь... кажется, я имѣю право требовать отъ тебя довѣрія.. Ну, вставай, поѣдемъ.

— Ступай, прибавила тетка, будь добра какъ всегда и слушайся тѣхъ, кто тебѣ желаетъ добра.

Гауденци встала, ничего не говоря, и медленно пошла къ двери, Лоренцо послѣдовалъ за ней.

— Заѣдемъ, сказалъ онъ, за отцомъ примадонны; онъ вызвался быть твоимъ кавалеромъ.

Въ это-же время сцена подобнаго-же рода разыгрывалась въ палатдо В***. Графиня Клеція тысячу разъ уже рассказывалась, что не послѣдовала совѣту донны Паолы Пьетра, и свистки, обращен-

ише противъ Гауденци, возбуждилъ въ ней мучительную тревогу и новня угроженія совѣсти. Она съ нетерпѣніемъ ждала перваго воскресенья поста, чтобы отправиться въ преторію или написать судѣ, предпочтая идти на встрѣчу всякой бѣдѣ, лишь-бы выйти изъ этого мучительнаго состоянія. Увеселенія четверга и званнй обѣдъ, на которомъ она присутствовала въ пятницу, страшно утомили ее; ей было невыносимо находиться въ многолюдномъ обществѣ, гдѣ въ каждомъ человѣкѣ она видѣла своего будущаго неумолимаго судью, когда разразится скандалъ; пзнемогая наконецъ отъ постоянного принужденія, она рѣшилась не выѣзжать больше и ни въ какомъ случаѣ не ѣздить въ эту послѣднюю ночь на маскарадный балъ въ Герцогскомъ театрѣ. Но она рассчитывала безъ хозяина. Мы уже сказали, что у себя въ домѣ графиня была полновластной хозяйкой; но были нѣкоторые особенные случаи, обичаи и церемоніи, относительно которыхъ графъ, во всемъ остальномъ покорнѣйшій слуга жены, былъ непреклоненъ и способенъ быть деспотомъ и тираномъ. Такъ напримѣръ, чтобы онъ дозволилъ женѣ просидѣть дома послѣднюю ночь карнавала, когда всѣ дамы ея круга выступаютъ на послѣднее и рѣшительное состязаніе въ лизществѣ и богатствѣ нарядовъ, ей нужно было имѣть по меньшей мѣрѣ острое воспаленіе мозга. Графъ былъ изъ числа гѣхъ людей, которые предпочитаютъ задохнуться отъ жаровни, чѣмъ нарушить этикетъ.

Онъ состроилъ самое строгое лицо, какое могъ, изрекъ самыя рѣшительнѣйшія приговоры и съ озабоченнымъ видомъ вышелъ въ залъ, гдѣ сидѣли мать, братъ и сестра его жены.

— Донна Джертруда, сказалъ онъ матери, будьте такъ добры зайдите на минуту къ дочери; она меня беспокоитъ.

— Что такое? спросила донна Джертруда, удивленная торжественнымъ тономъ зятя, который всегда отличался любезностью, кота и неуклюжей; но въ эту минуту вошла графиня.

— Попроси графа, мама, позволить мнѣ остаться; я чувствую себя нехорошо.

Тутъ графъ уже не могъ выдержать и готовъ былъ разразиться.

Но въ эту минуту братъ донны Клеинъ всталъ и шепнулъ ей что-то на ухо.

При его словахъ колѣни у нее подогнулись, и она упала въ кресло.

Мать и сестра переглянулись... и графъ расхаживалъ по комнатѣ... Братъ молчалъ.

Черезъ нѣсколько минутъ графиня встала и сказала:

— Хорошо, я поѣду, не хочу, чтобы графъ волновался изъ-за пустяковъ.

Черезъ полчаса она спускалась съ лѣстницы, слѣдя за графомъ и за сестрой и приотнавливаясь на ступенькахъ въ ожиданіи брата. Когда онъ догналъ ее, она спросила его вполголоса:

— Кто тебѣ сказалъ?

— Слухъ въ городѣ ходить. Твое отсутствіе могло-бы успитъ подозрѣніе. Остерегайся...

Графиня, едва владѣя собой, сѣла въ карету, окруженную лакеями съ факелами; графъ довольный, и улыбающійся усѣлся рядомъ съ ней; двери захлопнулись, и карета покатилась. Братъ съ сестрой поѣхали въ другомъ экипажѣ.

VI.

Часъ спустя балъ въ театрѣ былъ въ разгарѣ блеска, давки, оживленія и шума. Въ то время, какъ теперь, сцена соединялась для баловъ съ партеромъ посредствомъ ступенекъ, разгороженныхъ на три отдѣленія; по средней лѣстницѣ публика входила на сцену, а по боковымъ спускалась въ партеръ. По тѣсотѣ театра для оркестра устраивались особенные подмости на сценѣ. Намъ, людямъ цивилизаціи и прогресса, такъ удивлявшимся и восторгавшимся, когда увидѣли въ первый разъ сцену, покрытую зеленымъ сукномъ, не мѣшаетъ знать, что въ 1750 году въ торжественныхъ случаяхъ весь полъ театральной залы устилался драгоценнѣйшими гентскими коврами, и все остальное соотвѣтствовало этой роскоши. Хотя во время спектаклей, какъ мы уже говорили, залу оставляли въ полумракѣ, чтобы имѣть лучшій оптический эффектъ сцены и декораціи, но для баловъ театръ заливался свѣтомъ. Каждый рядъ ложъ былъ освѣщенъ тридцатью хрусталь-

ными свѣтильниками, по шести восковыхъ свѣчей въ каждомъ; съ потолка висѣло восемь большихъ люстръ, также хрустальныхъ, и кромѣ того были освѣщены внутренности ложъ. Изъ ложъ вывѣшивались парчевыя и атласныя покрывала съ золотой и серебрянной бахромой, вышитыя золотомъ и разноцвѣтными камнями, такъ что театръ представлялъ зрѣлище несравненно великолѣпнѣе, чѣмъ теперь. Особенной роскошью блистали боковые залы, гдѣ царилъ земныя божества; тамъ собирались знатнѣйшія дамы и, сидя на золоченныхъ стульяхъ, давали лицезрѣть себя толпѣ поклонниковъ или, чтобы не мѣшаться съ толпой, устраивали здѣсь модные танцы, мевуэты и перигурдинны. Впрочемъ, входъ въ эти залы былъ открытъ всѣмъ. Раздѣленіе между классами было въ то время очень рѣзко во всѣхъ житейскихъ отношеніяхъ, и разграниченіе между аристократіей, буржуазіей и простонародіемъ соблюдалось ненарушимо и поддерживалось множествомъ обычаевъ, уставовъ и церемоній; но все это исчезало въ дни карнавала. Это было какъ бы продолженіе средневѣковаго обычая, во которому въ знаменитую Ивановскую ночь исчезала несокрушимая преграда между господами и рабами, и касты смѣшивались въ общей фамильярности.

Среди этого блестящаго Олимпна миланскихъ красавицъ явилась Гауденци въ сопровожденіи сеньора Кассерини, отца примадонны, игравшей роль Семипрамиды. Едва завидѣла ее толпа чичизбеевъ, извивавшихся около дамъ, какъ между ними раздался непріязненный ронотъ. Лоренцо Бруни, слѣдовавшій за ней въ черномъ домино и въ черной маскѣ, замѣтивъ ея смущеніе, поспѣшилъ усадить ее. Гауденци повиновалась ему, и онъ на минуту присѣлъ подлѣ нея. Графиня Клелія, блистая красотой, сидѣла между графиней Марліанн и графиней Борромео. Толпа гудѣла. Маски всѣхъ родовъ проходили передъ дамами, отпуская имъ шутки и комплименты. Пѣсенникъ распѣвалъ ихъ имена съ обозначеніемъ ихъ физическихъ и нравственныхъ качествъ въ нелѣпныхъ сочетаніяхъ идей и рифмъ; затѣмъ проходили вереницей шуты: арлекинъ, бригелла, пуччинелла, болонскій докторъ, и каждый произносилъ тирады на своемъ діалектѣ. Между тѣмъ, раздавалась музыка мевуэта, та самая, которую съ небольшими измѣненіями Моцартъ взялъ для своего бала въ Донъ-Жуанѣ, а въ наше время Верди съ другими измѣненіями ввелъ въ увертюру Риголетто. Изъ за

этой музыки, мѣрнаго топота ногъ и непрерывнаго гула толпы раздавался по временамъ голосъ странной маски, называвшейся Мѣшкомъ, которая пѣла съ аккомпаниментомъ гитары куплеты на смѣшанномъ нарѣчїи, венеціанскомъ, миланскомъ и болонскомъ:

Nol xè, nol xè pi mondo
De viver all' antiga,
Chi no truppa e no intriga
Resta in pondo.
Tanto la zente vè destomegae,
Che pi no l'ha pavor la veritae,
Chi negozia col vero
El xè pallio de botto;
Je domanda Zingero
El xè merlotto,
Vedo la lealtae scalza e conpus
Perchè tutti la loda; e pochi Gusa ¹⁾.

Часть отряда шутовъ ворвалась въ залу. Лондоніо въ костюмѣ Бельтрама де Гаджано показывалъ въ волшебномъ фонарѣ картинны собственнаго сочиненія, заставлявшія усмѣхаться и опускать глаза всѣхъ, заглядывавшихъ въ фонарь. Чезаре Ларги, сверхштатный секретарь правительства, одѣтый бриансольскимъ мужикомъ, готовился пѣть свои вилоты съ аккомпаниментомъ гитары и призываетъ къ вниманію публику, которая кричала музыкантамъ: довольно, перестаньте, молчать! Тогда Ларги всталъ передъ Гауденци и, чтобы заглядеть поступокъ публики въ отношеніи къ ней, запѣлъ ей эту истинно-поэтическую вилоту на народномъ языкѣ:

I to oggitt me peren dò bei stelli
Che hinpu lusurient de la lusnava,
E quis to ganassitt ch'hin de sgioncava,
E hin insci svernighenti e tanto belli.

¹⁾ Нельзя на свѣтѣ больше жить по старинному, кто плуруетъ и не интригуетъ, тотъ попадаетъ въ просакъ; народъ такъ испортился, что не любить правды; кто торгуетъ по правдѣ, сейчасъ банкротится; честный считается дуракомъ; честность ходить босикомъ въ смущеніи потому что всѣ ее хвалятъ, а никто ея не хочетъ.

Famm vedè cara ti quis to bocchini
Tento streccitt che peren face col fuso,
Che fan ol pover Togn deslenguà in ginso
E van discend tue femm d'basini ¹⁾.

Нѣжная пасторальная музыка этихъ поэтическихъ словъ, прекрасный голосъ Ларги и выраженіе, съ которымъ онъ пѣлъ во дворникѣ сперва въ залѣ такое благоговѣнное молчаніе, что можно было услышать полетъ мухи, а потомъ вызвали такой взрывъ рукоплесканій, что самъ Амореvoli не вызывалъ болѣе дружнаго.

Когда Ларги кончилъ, члены общества шутовъ подошли къ дамамъ, ангажировать ихъ на менуэтъ. Въ числѣ немногихъ отказавшихся была графиня Клеція, сославшаяся на нездоровье. Ларги пригласилъ Гауденци, которая не заставила себя упрашивать. Зала снова оживилась; раздался говоръ, загремѣла музыка; двѣнадцать паръ начали оживленный менуэтъ. Лоренцо Бруни подошелъ къ графинѣ Клеціи, сталъ за спинкой ея стула, наклонился къ ея уху и взволнованнымъ, тихимъ голосомъ пригласилъ ее на танецъ.

— Я нездорова и уже отказала.

— Снисьора, мнѣ необходимо поговорить съ вами... о важномъ дѣлѣ. Прошу васъ принять приглашеніе; танцуя мы можемъ говорить, не возбуждая вниманія.

Дрожь пробѣжала по тѣлу графини, и она не нашла словъ, чтобы отвѣтить; она была уже крайне встревожена тѣмъ, что сказала ей братъ; она покорно встала и сказала сестрѣ, сидѣвшей рядомъ:

— Подожди меня здѣсь. Идемъ, прибавила она, обращаясь къ маскѣ, которая предложила ей руку, и они прошли въ бальную залу.

Тамъ они вмѣшались въ танцы и сдѣлали туръ; потомъ когда первая двѣнадцать паръ разошлись, уступивъ мѣсто другимъ, маска усадила графиню въ амбразуру окна.

¹⁾ Твои глаза кажутся мнѣ двумя прекрасными звѣздами и блещутъ ярче лампы, а твои щеки точно хлѣбцы изъ пшеничной муки, и такъ заманчивы, и такъ прекрасны. Покажи, милая, мнѣ твои губки, такія узенькія, какъ будто начертаны веретеномъ, отъ которыхъ таетъ бѣдный Тоніо и которые говорятъ всѣмъ: Цоцалу! мена!

— Снѣбора, вы догадываетесь, кто я?

— Нѣтъ.

— И во вѣки не угадаете.

— Объяснитесь. Что вы хотите сказать?

— Что я считалъ васъ столь же великодушной, какъ и прекрасной.

— Да кто вы?

Маска выжидала, чтобы къ нимъ подошло побольше публики, и улучивъ минуту, когда мимо проходилъ одинъ изъ театральнхъ инспекторовъ, графъ Пертузамп, онъ заговорилъ громко, чтобы привлечь общее вниманіе:

— Вы не заслуживаете пощады, нѣтъ! Смотрите же, кто я.— И сорвавъ съ себя черную маску, представилъ взорамъ лицо тенора Амореволи. Всѣ узнали его; графиня не могла удержаться отъ крика и упала безъ чувствъ.

Онъ снова закрылся черной маской.

— Будьте всѣ свидѣтелями, воскликнулъ онъ, что изъ-за этой женщины Амореволи арестованъ,—и съ этими словами исчезъ въ толпѣ.

Во Франціи, гдѣ въ прошломъ столѣтіи маскарады были въ чрезвычайномъ ходу, было пущено въ ходъ опасное изобрѣтеніе масокъ-портретовъ; ихъ исполняли хорошіе живописцы, портретисты и ваятели; такъ что можно было представить, какъ живого, кого угодно. Обыкновенно, такая маска покрывалась другою, шелковой или бархатной, которая на мгновеніе ловко приподымалась, показывая скрытое подъ ней лицо, и тотчасъ снова опускалась, чтобы не дать взглядѣться и распознать обманъ. Эта мысль быстро распространилась изъ Франціи въ Италію, особенно въ Венецію и Миланѣ. Но отъ нея стали происходить такіе безпорядки, что она сдѣлалась нестерпимой. Развратники принимали личину счастливыхъ любовниковъ, чтобы вводить въ ошибки и опытныхъ женщинъ, и дѣвушекъ.

Въ то же утро живописецъ Клавелли, простовитый и робкій, призванный на допросъ въ преторію, сознался во всемъ и назвалъ скрипача Герцогскаго театра. Тотчасъ послали за Лоренцо, котораго не застали дома, но зная что онъ часто бываетъ у Гауденци, отправились туда, нашли его у нея и арестовали къ большому горю, страху и отчаянію бѣдной дѣвушки, которую судьба

начинала жестоко преслѣдовать. Такимъ образомъ къ вечеру этого скучнѣйшаго перваго воскресенья поста, злая судьба, устроившая всѣ эти роковыя стеченія обстоятельствъ, могла полюбоваться на нѣсколько грустныхъ сценъ: въ залѣ палатца В*** быстрыми шагами расхаживалъ взадъ и впередъ графъ, кипя яростью при мысли объ обнаруженной невѣрности жены, которую считалъ невогрѣшимой, но вмѣстѣ съ тѣмъ терзаясь страхомъ и жалостью, такъ какъ графиня исчезла неизвестно куда; въ той же залѣ графиня-мать сидѣла неподвижно въ отчаяніи и ужасѣ, младшая дочь ея горько плакала, а сынъ стоялъ погруженный въ мысли у окна, машинально устремивъ взоръ на противоположную сторону улицы. Въ другомъ домѣ, по сосѣдству, бѣдная Гауденци плакала на груди у тетки, которая не находила словъ ей въ утѣшеніе; далѣе, въ убогомъ деревянномъ домикѣ сидѣла старушка, мать живописца Клавелли, почти обезумѣвшая отъ горя при извѣстіи объ арестѣ единственнаго сына; наконецъ, въ улицѣ Борромео, донна Паола Пьетра яптала и перечитывала только что полученное письмо и, вздыхая, повторяла: Ахъ, несчастная!

А между тѣмъ, никому неизвѣстный виновникъ всѣхъ этихъ огорченій, спокойно разсматривалъ среди своихъ обширныхъ вѣмѣстій отчетъ, представленный ему управляющимъ и изъ котораго явствовало, что доходъ его сіятельства простирается до двухсотъ восьмидесяти тысячъ миланскихъ лиръ, не считая двухъ водяныхъ сборовъ, могущихъ дать съ своей стороны тысячъ двадцать въ годъ.

VII.

Лоренцо Бруни сдѣлалъ все возможное, чтобы разоблачить истину, и достигъ было цѣли, хотя путемъ неправильнымъ, какъ тѣ полководцы, которые одерживаютъ побѣду, нарушая международное право. Но истина, едва разоблаченная, подвергалась теперь опасности быть снова насильственно запрятанной подъ снудъ... Объ этомъ такъ хлопотали, что Лоренцо, вмѣсто того, чтобы освободить Амреволи, добился только того, что увекъ самъ себя и

заодно съ собой бѣднаго Клавелли. На первомъ допросѣ онъ, по своимъ соображеніямъ, счелъ нужнымъ сознаться во всемъ, не колеблясь; вслѣдствіе этихъ признаній, его препроводили во дворецъ капитана юстиціи, гдѣ подвергли вторичному допросу, и тутъ, положеніе его несмѣлданно чрезвычайно измѣнилось къ худшему. Съ первыхъ же вопросовъ, обращенныхъ къ нему актуариусомъ, онъ, при своей смѣтливости и опытности, могъ замѣтить, что судьи относятся къ нему особенно враждебно; это была не обычная суровость судьи въ отношеніи виновнаго, но особенная непріязнь, направленная лично на него и очевидно возбуждаемая не самымъ его проступкомъ, а побочными обстоятельствами.

Дѣло было просто: у матери графини Клелинъ былъ зять сенаторъ; сестра этого сенатора была замужемъ за маркизомъ Рекалькати, который въ этомъ году исполнялъ должность капитана юстиціи; это былъ человѣкъ неподкупной честности и глубокой законовѣды. Съ другой стороны, братъ графа В***, хотя испанскаго происхожденія, былъ принятъ въ число благородныхъ докторовъ права, доказавъ, что его фамилія болѣе ста лѣтъ водворена въ Миланѣ. Этотъ членъ юридической коллегіи былъ загадочнымъ другомъ викарія юстиціи, т. е. по нынѣшнему вице-президента уголовного суда. Можно себѣ представить, какъ важно было для графини-матери и для графа В*** и для всей родни доказать, если не виновность графини, (что, послѣ ея побѣга, было трудно), то, по крайней мѣрѣ, виновность другихъ. Поэтому, въ первые дни ея исчезновенія, съ одной стороны производились усердные, горячіе и дѣятельные розыски, для отысканія ея или для открытія мѣста, гдѣ она скрывается, розыски, остававшіеся тщетными и только увеличивавшіе горе и безпокойство ея родныхъ; а съ другой—вся родня также горячо и дѣятельно хлопотала о томъ, чтобы дать дѣлу направленіе въ интересъ фамиліи. Съ этою цѣлью родственникъ сенаторъ осаждалъ просьбами и внушеніями родственника капитана, докторъ правъ—своего пріятели, викарія; а такъ какъ все это были юристы, привыкшіе за отсутствіемъ опредѣленнаго законодательства играть аргументами и софизмами, знакомые со всѣми закоулками лабиринта сложныхъ, запутанныхъ и противорѣчивыхъ законовъ, насловившихся другъ на друга въ теченіи среднихъ вѣковъ, то они, не задумавшись, стали доказывать, что виновность графини не можетъ считаться дознанной,

что она упала въ обморокъ, не высказавъ никакого сознанія, что Лоренцо Бруни очевидно негодяй, который могъ имѣть Богъ въсть какія цѣли и что самое исчезновеніе графини можетъ быть его дѣло. Правда, сенаторъ, капитанъ и викарій только выслушивали испуганціи родственниковъ и даже возражали на нихъ, заключая всегда бесѣду словами: повѣрите, что правосудіе будетъ воздано; на настоятельныя прѣставанія они отвѣчали уклончиво или даже строго: посмотримъ, увидимъ; дѣло будетъ разобрано безъ вниманія къ лицамъ, хотя бы то былъ родной отецъ. Но, въ концѣ концовъ, увѣщанія дѣйствовали: тамъ, гдѣ правосудіе не гарантировано полной гласностью, вліянія родственныя, сословныя и личныя всегда найдутъ себѣ доступъ въ душу судей, вызовутъ въ умахъ ихъ софизмы, софизмы приведутъ къ произволу—и все это во имя правды и права, все это такъ, что судья останется безупреченъ въ собственныхъ глазахъ, потому что въ немъ свихнется не совѣсть, а сужденіе.

Въ прошломъ вѣкѣ юридическая практика, особенно уголовная, не сдѣлала ни шагу впередъ сравнительно съ VII вѣкомъ. Ни въ одной странѣ не существовало писаннаго свода, ясно опредѣленнаго и установленнаго. Разныя отдѣльныя узаконенія, римское право и толкованія легистовъ составляли весь юридическій капиталъ какъ докторовъ права, такъ и сенаторовъ. Это продолжалось уже четыре вѣка, и никому на умъ не приходило, что такая система нераціональна.—также нераціональна, но гораздо менѣ популярна, чѣмъ средневѣковая система. Дѣйствительно, въ феодальную эпоху, до XIII вѣка уголовныя дѣла производились гласно; обвиненіе, показанія свидѣтелей, допросъ и защита обвиненнаго—все было открыто, гласно, свободно. Въ XIII вѣкѣ преслѣдованіе ереси породило новыя формы инквизиціи, и къ жестокости пыточной системы, заимствованной изъ изученія римскихъ законовъ, присоединилась тайна при судопроизводствѣ. Сначала секретное судопроизводство употреблялось только въ процессахъ по ересямъ, въ видѣ исключенія, но мало по малу распространилось на всѣ уголовныя и гражданскія дѣла и стало общимъ правомъ. У Маріо Пагано, Мейера, Склопса можно видѣть, какъ въ этой системѣ хотѣли выработать въ судьяхъ такъ называемую юридическую совѣсть, основанную на теоріи вѣроятностей, и какъ такимъ образомъ создалось ученіе сложное и легко

приравливаемое ко всякаго рода несправедливостямъ и насиліямъ. Ученый и ловкій адвокатъ, судья или прокуроръ могъ какъ угодно играть законоположеніями, римскимъ правомъ и комментаріями, особенно, если ему помогали страсть, ослѣпленіе, предубѣжденіе или упрямство судей. Кромѣ того, въ каждой странѣ были свои добавочныя, особенныя формы, свои особенныя юридическія обычаи и традиціи, вслѣдствіе чего путаница была еще неразрѣшимѣе. Такъ, въ Миланѣ, кромѣ римскаго права и общей системы тайнаго судопроизводства и кромѣ комментаріевъ юристовъ, въ судахъ руководствовались еще уголовными уложеніями Карла V; при такихъ условіяхъ, хотя бы общая система была сама по себѣ превосходна и уложенія Карла V безукоризненны, въ результатѣ ничего кромѣ хаоса не могло выйти; а къ тому же еще все судопроизводство находилось исключительно въ рукахъ аристократіи.

Коллегія докторовъ права состояла большею частью изъ дворянъ. Изъ нея почти всегда выходили всѣ судебныя власти, судьи коня и пѣтуха, судьи преторіи, викарии, капитанъ юстиціи, сенаторы, президентъ сената. Можно сказать, что судопроизводство составляло въ Миланѣ фамиліную собственность нѣсколькихъ семействъ. При такихъ условіяхъ, въ судьяхъ говорили не только сословные интересы, но часто даже родственные.

Правда, иногда зато говорили и соперничество фамилій и родовая вражда; но это не только не уравновѣшивало противныхъ мотивовъ, а служило еще лишнимъ поводомъ къ нарушенію справедливости.

Но возвратимся къ нашему разсказу.

Въ первой половинѣ марта, Лоренцо былъ снова приведенъ на допросъ къ аудитору. Усѣвшись на скамью, онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ вопросовъ аудитора, который былъ занятъ разборомъ бумагъ. Бруни желалъ поскорѣе узнать, назначевъ ли ему протекторъ. Протекторами (*protectores conseruatorum*) назывались молодые юристы, начинавшіе свою карьеру въ качествѣ защитниковъ обвиненныхъ. Большею частью это были знатные дворяне, которые должны были пройти эту службу, прежде чѣмъ быть записанными въ коллегію докторовъ. Защиты писались по латинѣ или по итальянски и представлялись капитану юстиціи, а онъ передавалъ ихъ въ сенатъ.

Аудиторъ поднялъ голову и посмотрѣлъ на Лоренцо угрожающимъ взглядомъ; потомъ сказалъ:

— Такъ вы упорствуете утверждать, что причина, по которой вы рѣшились прибѣгнуть къ гнусной хитрости, чтобы ввести въ заблужденіе благородную графиню Клею В***, было желаніе ваше снять безчестіе съ вашей воспитанницы?

— Я не могу не упорствовать, потому что это такъ.

— Но подумайте, что это неправдоподобно, а неправдоподобность вашего отвѣта побудитъ насъ принять серьезныя мѣры.

— Мнѣ кажется, отвѣчалъ Лоренцо съ досадою, — я представилъ уже достаточно доводовъ, чтобы устранить всякія другія подозрѣнія изъ ума г. судьи. Повторяю, такъ какъ правосудіе по неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ заблагоуразудило оставить въ сторонѣ отъ слѣдствія именно эту женщину, которая была одна виновницей непріятности, постигшей г. Амореволи, я счелъ себя вынужденнымъ навести его на слѣдъ, потому что находилъ несправедливымъ и нестерпимымъ, чтобы честная дѣвушка несла посягательство изъ-за чужой вины; съ другой стороны, когда я замѣтилъ, что благородная графиня могла имѣть слабость...

— Извольте выразаться почтительно.

Лоренцо на минуту замолкъ, какъ бы сдерживая негодованіе, потомъ прибавилъ:

— Я вынужденъ защищаться. Это мое священное право, и я обязанъ говорить правду. Я доказалъ способомъ предосудительнымъ, но единственнымъ, который былъ въ моей власти, доказалъ всему свѣту, кто была виноватая; какъ же мнѣ теперь отзываться о графинѣ, когда по необходимости приходится говорить о ней?

Аудиторъ смотрѣлъ сердито, но молчалъ.

— Всѣ мы люди, продолжалъ Лоренцо, и знатная дама можетъ также имѣть слабости... Извините за выраженіе.

— Не о томъ рѣчь. Вы и на первомъ допросѣ позволили себѣ достаточно дерзостей противъ почтеннаго дьорьянскаго сословія.

— Я никого не оскорбилъ. Я сказалъ только, что бѣдная дѣвушка не должна нести чужой вины и что правосудіе не должно обращать вниманія на знатность графини, и если не задумался допросить всѣхъ женщинъ, которыя мало-мальски могли быть заподозрѣны, то не было причины оставлять въ сторонѣ именно ту,

подъ окнами которой Амореволи былъ арестованъ. Еслибѣ люди, которымъ ввѣрена священная должность блюсти правосудіе, исполнили свою обязанность, я не былъ бы поставленъ въ необходимость нарушить законъ. Вотъ что я сказалъ и долженъ былъ сказать, чтобы показать, что если я былъ вынужденъ прибѣгнуть къ запрещенному средству, то цѣль моя была законная и справедливая.

— Справедливая! воскликнулъ аудиторъ, прерывая подсудимаго:—отвѣчайте теперь на слѣдующій вопросъ: кто похитилъ изъ залы, изъ театра и изъ ложи благородную графиню, которой до сихъ поръ не находится слѣдовъ?

Этотъ неожиданный вопросъ тѣмъ болѣе поразилъ бѣднаго Бруни, что онъ сразу измѣрилъ его опасное значеніе. Однако, онъ тотчасъ отвѣчалъ:

— Какъ могу я знать, что съ ней случилось? Дай Богъ, чтобы не случилось никакого несчастія; но если она скрылась и бѣжала, то причина этого такъ ясна, что другой нечего искать.

— Причина такъ ясна, что судъ приказываетъ вамъ немедленно представить доказательства, что не вы похитили графиню изъ театра.

Лоренцо, помолчавши, сказалъ:

— Не мнѣ, а тому, кто возводитъ на меня это невозможное и незлѣное обвиненіе, слѣдуетъ представлять доказательства. Я могу сказать только, что послѣ того, какъ графиня упала въ обморокъ, потрясенная моими словами и видомъ Амореволи, я ее больше не видалъ и только поутру узналъ, что она скрылась изъ театра и что ее нигдѣ не находятъ.

— Быть можетъ, судъ признаетъ васъ впоследствии правымъ, но теперь вы одни заинтересованы въ ущербѣ благородной графини, и потому судъ вынужденъ обвинить васъ въ этомъ преступленіи.

Эти слова смутили Лоренцо; онъ не нашелся ничего отвѣтить, потрясенный мыслью, что противники его для защиты чести графини и ее фамиліи рѣшились свалить все на него и съ этою цѣлью распространяютъ ложные слухи и обвиненія.

— Что же можете вы прибавить къ сказанному?

— Ничего... Я могу только повторять одно и тоже: что не видалъ графини съ той минуты, какъ она упала въ обморокъ.

— Но вы знаете, какими средствами располагаетъ судъ, чтобы заставить васъ сказать правду?

И съ этими словами аудиторъ, позвавъ сторожа, велѣлъ отвести Бруни назадъ въ тюрьму.

По уходѣ Лоренцо, аудиторъ всталъ и, взявъ протоколъ изъ рукъ ассесора, сказалъ:

— Никто не выбьетъ у меня изъ головы убѣжденіе, что это отъявленный негодяй!—и съ этими словами и соответствующими мыслями въ головѣ отправился въ кабинетъ превосходительнаго капитана юстиціи. Въ передней онъ былъ остановленъ слугой Маркиза Рекалькати, который сказалъ ему:

— Теперь нельзя входить.

— Почему?

Но тутъ его окружили разные нотаріусы, ассесоры, писаря, толпившіеся въ передней.

— Знаете, сказали ему, кого принимаетъ теперь его превосходительство?

— Ничего не знаю.... Кого?

— Ни за что не угадаете. Всѣмъ извѣстную почтенную матрону, донну Паолу Пьетра.

— Какое у нея дѣло до юстиціи?

— Ну, это одинъ Богъ знаетъ.

— Но что то важное.... Она ужъ цѣлый часъ здѣсь.

Въ это время изъ кабинета раздался сильный звонокъ; слуга отворилъ дверь, и на порогѣ явилась донна Паола и среди глубокихъ поклоновъ присутствующихъ прошла черезъ переднюю.

Тогда аудиторъ велѣлъ доложить о себѣ и вошелъ къ капитану съ сіяющимъ лицомъ.

— Вотъ протоколъ сегодняшняго допроса Лоренцо Бруни. По нѣкоторымъ указаніямъ, я имѣю нравственное убѣжденіе, что онъ виновникъ похищенія графини.

На эти слова капитанъ не сказалъ ничего, взялъ бумагу изъ его рукъ и, противъ ожиданія этого усерднаго чиновника, отпустилъ его молча и холодно.

VIII.

Когда какое нибудь несчастіе, опасность, горе, неожиданный ударъ производятъ странный переворотъ въ человѣческихъ чувствахъ, парализуютъ умственныя способности и, повидному, дѣлаютъ человѣка совершенно неспособнымъ разсуждать и искать спасенія, обыкновенно бываетъ, что человѣкъ инстинктивно и безсознательно хватается за самое лучшее средство спасенія, котораго не придумалъ бы холодно и спокойно разсуждающій умъ. Отчаяніе не слушается указаній разсудка, а слѣпо подчиняется инстинкту самоохраненія, и поэтому его внушенія часто оказываются верхо́мъ благоразумія:

Ula salus victis nullam sperare salutem.

Такъ, еслибы самыя разсудительныя люди собрались совѣщаться о томъ, что дѣлать графинѣ Клепъ послѣ разразившагося въ театрѣ скандала, имъ, конечно, не пришло бы въ голову посоветовать ей бѣжать безъ оглядки, не теряя ни минуты, куда глаза глядятъ. А между тѣмъ, это былъ единственный исходъ для нея. Могла ли она оставаться въ Миланѣ въ домѣ мужа? Кто знаетъ, на что рѣшился бы этотъ ревнивый испанецъ? Что сказать, что отвѣчать ему, матери, всей роднѣ? Какъ показаться въ городѣ? Но она ни о чемъ этомъ не думала. Прийдя въ себя окончательно, она выскочила изъ ложи, захвативъ съ собою домино, какъ будто пща свѣжаго воздуха, замѣшалась въ толпу масокъ въ корридорѣ и, не разсуждая и не колеблясь, съ храбростью отчаянія, выбѣжала изъ театра; очутившись на улицѣ, закутанная въ домино, она попала между рядами экипажей, какъ вдругъ узнала карету своей знакомой, маркизы Кузани, и кликнула кучера по имени. Онъ обернулся и, узнавъ ее, спросилъ:—что прикажете?

— Послушай, я уже говорила съ маркизой: мнѣ нуженъ ея экипажъ, вези меня скорѣе на мою виллу въ Горла, ты знаешь, ты тамъ бываешь.

Кучеръ въ недоумѣніи молчалъ; но графиня открыла дверцу и усаживалась, говоря:

— Ну, пошелъ скорѣе; время дорого, если не поспѣшить, пари будетъ проиграно.

Кучеръ пожалъ плечами, однако повиновался и погналъ лошадей такъ, что черезъ полчаса привезъ графиню въ Горла на каналѣ. Солнце уже всходило, когда онъ торжественно подкатилъ къ открытому уже подъѣзду великолепной виллы В. Графиня тотчасъ позвала дворецкого, прибѣжавшаго въ крайнемъ удивленіи, велѣла ему заплатить кучеру, которому приказала вернуться въ Миланъ; потомъ, обратившись къ дворецкому, сказала:

— Ты удивленъ моею пріѣздомъ? Сегодня пріѣдетъ и графъ, и ты узнаешь.... но мнѣ некогда.... вели запречь лучшихъ лошадей и дай мнѣ человѣка. — Дворецкій поспѣшилъ распорядиться, ничего не понимая. Изъ сарая выкатили карету, заложили; слуга живо сварядился. Между тѣмъ, графиня написала письмо, велѣла позвать мужика, убѣдилась въ его безграмотности и поручила ему отнести письмо священнику церкви Санта Марія Подоне; она вѣдала, чтобы онъ отправился въ путь у ней на глазахъ, чтобы дворецкій не могъ взять у него письма и прочесть адреса, потому сняла съ себя драгоценности, завязала въ платокъ, перемѣнила прическу, сдѣлавъ ее менѣ замѣтной, подшила длинный шлейфъ своего голубого шитаго серебромъ платья, завернулась поплотнѣе въ домино и въ этомъ странномъ костюмѣ, вся погруженная въ мысль, сѣла въ карету и громко крикнула кучеру: — Въ Понте Санъ Марко! — Около этого мѣстечка, близъ озера Дезенцано, находилось отдаленнѣйшее изъ всѣхъ помѣстій графа В. Путешествіе продолжалось весь этотъ день и весь слѣдующій. Только поздно вечеромъ въ понедѣльникъ графиня пріѣхала въ это мѣстечко, удививъ и тамъ управляющаго и всю прислугу. А на другой день на зарѣ она исчезла оттуда такъ, что никто не зналъ, куда она отправилась.

Не сдѣлавъ она этого, ея побѣгъ ни къ чему не послужилъ бы. Вскорѣ явился въ Понте Санъ Марко довѣренный человѣкъ изъ Милана, посланный за ней въ догонку. Понятно, что кучеръ маркизы Кузани, вернувшись въ Миланъ, когда хозяйка его уже спала, получивъ страшный нагоняй за свое исчезновеніе, объяснилъ, что возилъ графиню. В. на ея виллу. Маркизь Кузани, знавшій объ ея исчезновеніи, послалъ его съ этимъ извѣстіемъ къ графу В., который тотчасъ отправилъ гонца въ Горлу, гдѣ узнали объ отъѣздѣ графини въ Понте Санъ Марко. Такимъ образомъ, въ то время, когда въ первое воскресенье поста мужъ, мать, братъ и сестра

графини мучились безпокойствомъ объ ея участи, гонецъ ихъ уже сказалъ въ Понте. Графъ ни за что не позволилъ ѣхать къ ней ни ея матери, ни брату, и самъ не поѣхалъ.

Но братъ графини тотчасъ по полученіи извѣстія объ ея побѣгѣ отъ кучера Кузани, отправился къ маркизу, переговорилъ съ нимъ, и вслѣдствіе этого разговора маркизь строжайше запретилъ своему кучеру говорить кому бы то ни было о случившемся. Изъ дома В. такое же запрещеніе было послано дворецкому и прислугѣ виллы въ Горла. Въ то же еще воскресеніе вечеромъ священникъ церкви Санта Марія Подоне принесъ письмо отъ графини доннѣ Паолѣ Піетра. Въ письмѣ этомъ, написанномъ крайне безсвязно, графиня рассказывала происшествіе въ театрѣ и затѣмъ продолжала такъ:

«Такимъ образомъ, все для меня кончено, я не могу больше никогда показаться на глаза знавшимъ меня; лучше быть заживо погребенной. О, еслибы я послушалась вашего совѣта, по крайней мѣрѣ, мнѣ поставили бы въ заслугу откровенное сознаніе, и онъ не презиралъ бы меня и не наказалъ бы такъ жестоко, хотя мнѣ кажется, что я и теперь не заслужила такого ужаснаго наказанія. О, еслибы знали, какія были мои намѣренія и что я хотѣла только выждать, чтобы избѣжать скандала во время карнавала. Еслибы хоть онъ могъ узнать, что мое намѣреніе было во чтобы то ни стало спасти его! Но сдѣлайте вы за меня то, чего я не могла сдѣлать. Помогите мнѣ! Если вамъ случится говорить съ моей матерью, съ графомъ, скажите имъ, что за мной нѣтъ важной вины; что я гораздо болѣе несчастна, чѣмъ виновна, несчастна такъ, какъ только можно быть..... Но я даю вамъ порученіе невозможное, потому что вамъ не слѣдуетъ видѣться съ моей матерью и съ графомъ, и я этого не желаю. Клянусь вамъ, и даже вы сами не разубѣдите меня въ этомъ!—я ни въ какомъ случаѣ не вернусь болѣе къ графу, не соглашусь увидаться съ нимъ. Я его никогда не любила и не люблю, хотя уважаю и жалѣю. Но если теперь онъ несчастливъ черезъ меня, то я была семь лѣтъ несчастлива черезъ него, а съ другой стороны я увѣрена, что онъ тоже никогда не любилъ меня. Итакъ, надо разъ навсегда порвать эти узы, которые составляютъ мое отчаяніе, потому что.... Но я краснѣю при мысли о томъ, что хотѣла сказать вамъ..... Умоляю васъ, помогите мнѣ, поддержите меня вашими совѣтами,

пришлите слово участія, чтобы утолить нестерпимую боль моего сердца. Куда отправляюсь,—не знаю, но буду дѣлать, что подскажетъ мнѣ отчаяніе. Но что бы ни случилось, хотя бы мнѣ пришлось умереть—а это кажется мнѣ лучшимъ исходомъ для терзающей меня страсти и для того, чтобы избѣжать презрѣнія всѣхъ и самой себя—стало бы, еслибы мнѣ пришлось и умереть, то я всетаки прошу вашего слова, какъ послѣдняго утѣшенія. Буду..... Пишите скорѣе, письма адресуйте въ Брешію на мое родовое имя, но пишите его на выворотъ».

Первой мыслью донны Паолы по полученіи этого письма было отправиться успокоить родныхъ графини. Но она тотчасъ разсудила, что изъ этого могутъ выйти, пожалуй, еще худшія несчастія. Она рѣшилась прежде всего немедленно отвѣчать доннѣ Клели и доставить ей вѣрное утѣшше, гдѣ она была бы въ безопасности отъ собственныхъ страстей и отъ ревности графа. Она написала ей слѣдующее письмо:

Милая, несчастная графиня!

Васъ постигло несчастіе, но вы должны быть сильнѣе несчастія. Не стану судить, хорошо ли вы сдѣлали, покинувъ домъ въ исключительныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ вы находились. Но еслибы это было и худо, то провидѣніе поправитъ ошибку. Благодарю васъ, моя милая, что вашей первой мыслью было написать мнѣ; я постараюсь отблагодарить васъ за это, сдѣлавъ для васъ все, что могу. Въ этомъ вы можете быть увѣрены. Изъ письма вашего я вижу, что сердце ваше больше, чѣмъ стыдомъ и горемъ, проникнуто мыслью слишкомъ постоянной о томъ, кого вы обязаны забыть. Дорогая моя, время залечиваетъ великія раны, повѣрьте мнѣ; но повѣрьте также, что для возвращенія себѣ собственнаго уваженія и для того, чтобы заставить свѣтъ, теперь клеветущій и злорадствующій, замолчать и уважать васъ по прежнему, ваша жизнь должна быть отнынѣ безупречна.

«Но довольно пока объ этомъ; ободритесь. Вы еще сами не знаете, что дѣлать и бѣжите, куда глаза глядятъ, гонимая отчаяніемъ; въ этомъ положеніи одиночество можетъ навести васъ на дурныя мысли. Боже сохрани васъ отъ роковыхъ внушеній одиночества! Я пишу теперь же одному почтенному семейству въ Венеціи, которое меня самою приняло любовно, когда я бѣжала изъ
сто лтъ.

Милана, изъ жестокой тюрьмы; потомъ я жила у нихъ, возвращаясь изъ Рима, а въ прошломъ году они пріѣзжали навѣстить меня сюда, и отношенія у насъ сохранились самыя дружественныя. Поѣзжайте же къ нимъ; прилагаю письмо, по которому вы будете приняты, обласканы, разцѣлованы и утѣшены. Отвѣчайте мнѣ, и да благословитъ васъ Богъ».

Паола Пьетра.

Письмо это благополучно дошло до графини Клеви, которая отвѣчала доброй женщиной выраженіемъ самой горячей благодарности, приняла ея предложеніе, отправилась въ Венецію и дѣйствительно нашла тамъ обѣщанный пріемъ.

IX.

Мы также оставимъ Миланъ, «малый Вавилонъ», какъ называетъ его Уго Фосколо, и отправимся въ Венецію, городъ луннаго свѣта, условнаго романтизма и псевдоплатонической любви. О, Венеція или лучше Венеджія, какъ мы предпочитаемъ называть тебя по антикварской страсти, сколько поэтическихъ вдохновеній заставила ты перехватить черезъ край, сколько трагическихъ преувеличеній породила грустная тѣнь твоихъ вѣковыхъ дворцовъ, мрачная зыбь твоихъ каналовъ, сколько воображеній затуманилось въ чаду ихъ фосфорныхъ и іодистыхъ испареній, столь, полезныхъ, говорятъ, отъ золотухи! Сколько лжей порождено тобою безъ твоей вины! Сколько юношей лишилось здоровья и аппетита подъ навѣсомъ твоихъ гондолъ! Сколько обонаній отравлено запахомъ твоей трески! Сколько нечистоплотныхъ каскадовъ пролило съ высоты твоихъ плебейскихъ балконовъ и оконъ на головы благоговѣйныхъ посѣтителей твоихъ древнихъ памятниковъ! О, Венеція, столь же прекрасная, фантастическая и божественная въ однихъ отношеніяхъ, сколько въ другихъ безобразная, неуклюжая и вонючая! О, царица Адриатики, о, двойственное созданіе, оправдывающее самыя противоположныя описанія, то отвратительная до того, что обращаешь въ бѣгство

посѣтителя, пришедшаго любоваться тобою, то прекрасная и юная, очаровательная и божественная. Какъ часто путникъ, спѣшащій къ тебѣ, какъ къ обѣтованной землѣ, зримою въ чудной фата-морганѣ, поражается разочарованіемъ, когда послѣ дивной площади п Ріальто, послѣ колоннъ набережной и широкой лагуны, видитъ узкіе каналы и канавы, черные переулочки, жалкія лачуги, галерейки, увѣшанныя грязными тряпками и изможденныя лица твоихъ ребятшекъ. Поэтическій путешественникъ, пріѣзжающій съ головой, наполненной обычными описаніями Венеціи и попадающій сюда въ первый разъ въ дождливый день, встрѣчаясь съ твоей нищетою, прежде чѣмъ познакомится съ твоимъ великолѣпіемъ, загнанный дождемъ въ гостинницу, изъ окна которой видитъ только грязную воду внизу и клочекъ сѣраго неба вверху, какъ будто живетъ на днѣ колодца,—вознегодуетъ противъ живыхъ путеводителей по Италіи и почувствуетъ приливъ тоски по родиѣ, изъ какихъ бы мрачныхъ странъ ни пріѣхалъ. И это первое впечатлѣніе такъ сильно, что отравляетъ потомъ наслажденіе въ солнечные дни, когда взорамъ открываются картины и сцены, какихъ не найдешь больше нигдѣ въ мірѣ.

Но гдѣ, кромѣ фантастическихъ сновидѣній тысячи и одной ночи, найти зрѣлище подобное тому, которое открывается, напримѣръ, взорамъ изъ оконъ залы выборовъ дожескаго дворца въ апрѣльское или майское утро или даже въ сентябрьское, когда легкій голубой туманъ облекаетъ перспективу чудныхъ зданій, украшающихъ большую и малую площади, дѣлая ее воздушной и неопредѣленной? Безконечными кажутся тогда ряды Прокураторіи, еще фантастичнѣе рисуется византийскій Святой Маркъ, широка, какъ Босфоръ, простирается лагуна, гигантски возмъшается куполь храма Спасенія, и, какъ деревья фантастическаго лѣса, рисуются безчисленныя колокольни, стрѣлки и верхушки зданій,—и все это на небѣ, которое въ дни солнечнаго сіянія и сладострастнаго африканскаго вѣтра кажется перенесеннымъ съ востока! Но что твое солнце, о прекрасная Венеція, въ сравненіи съ твоею луною? Въ какой странѣ міра является луна въ такой прелести, какъ у тебя? Въ какихъ родахъ любить она такъ любоваться собою, какъ въ твоихъ? Если правда, что чары луны полны дьявольскаго обольщенія, какъ сказалъ Байронъ, несмотря на ея ложную репутацію цѣломудрія, то въ Венеціи ея вліяніе

на слабыхъ смертныхъ и на юношескія сердца должны быть сильнѣе. чѣмъ гдѣ бы то ни было. О, темныя и тихія гондолы, плывущія медленно, слишкомъ медленно, чтобы считать ваше плаваніе певнинымъ, какъ велико на васъ должно быть вліяніе луннаго свѣта! Сколько юношей, склонныхъ къ пуританизму, было вовлечено въ соблазнъ бѣлой луной въ союзъ съ черной гондолой, когда изъ подъ навѣса гондолы, куда пробирался лукавый лучъ мѣсяца, раздавался звонкій или тихій голосокъ. волшебна звучащій, потому что на каналахъ Венеціи звуки женскаго голоса получаютъ какую то особенную магическую прелесть.

Кто хочетъ любоваться въ Венеціи луной безопасно, тотъ долженъ смотрѣть на нее въ тотъ моментъ, когда она служитъ искусству. Для этого надобно встать по срединѣ Піацетты и смотрѣть, какъ лучъ ея проникаетъ сквозь стекла двухъ угольныхъ оконъ дожескаго дворца; или наблюдать, какъ дискъ ея, отражаясь на стрѣльчатой крышѣ колокольни, разсыпается оттуда каскадомъ лучей; или любоваться отраженіемъ ея бѣлаго свѣта на мраморѣ дожескаго дворца со стороны моста вздоховъ; или, перейдя Арсенальный мостъ, созерцать при ея свѣтѣ львовъ, перенесенныхъ въ Венецію героемъ Пелопоннезскимъ; не забыть взглянуть на маленькій храмъ Санта-Марія Мисасоли, который точно перенесъ въ Венецію сонмомъ херувимовъ, ставшихъ архитекторами; тутъ по близости можно насладиться игрой луны между арками трехъ мостовъ, и прошивъ далѣе до ріо Санъ-Поло, взглянуть на контрасть, который луна представляетъ съ черной, какъ чернила, водой, съ готическими дворцами, выстроенными точно изъ аспиднаго камня, и съ рѣдкими огоньками, мерцающими кое гдѣ въ окнахъ, между тѣмъ, какъ въ глубинѣ на спнемъ звѣздномъ небѣ обрисовывается старинная колокольня Санта-Марія de Fragi.

Именно это зрѣлище созерцала графиня Клеція съ готическаго балкона дворца патриція Соломона, между тѣмъ, какъ послѣдняя ночь февраля мѣсяца блистала во всемъ великолѣпіи своей лазури, своихъ звѣздъ и своей луны. Надъ головой ея сіялъ Юпитеръ; но графиня была далека отъ астрономическихъ наблюденій надъ нимъ и не удостоила планету ни малѣйшаго вниманія; звѣзда напрасно блистала для нея, какъ бы для простой вѣвѣдки, не имѣющей понятія о томъ, во сколько разъ она больше земли; она не обращала вниманія даже на то, что въ это время въ другой

части неба явилось созвѣздіе Кассіопы и, находясь въ области млечнаго пути, было менѣе блестяще, чѣмъ созвѣздіе Андромеды. О, блаженныя времена, когда, чуждая другихъ мыслей, она могла жить интересомъ столь возвышенной науки! (1), косоугольные треугольники, параболы и эллипсы, діаметры и тріанстры, о корни ирраціональныхъ полиномовъ, кто бы подумалъ, что вы могли столько времени имѣть постоянное мѣстопробываніе въ этой головкѣ, полной теперь такихъ страстныхъ мечтаній. Да, она не думала ни объ астрономіи, ни о математикѣ, не думала и о мужѣ; она думала о тенорѣ Амореволи, тѣмъ болѣе, что наканунѣ узнала, что не онъ былъ виновникомъ скандала въ театрѣ и что онъ все еще находится въ тюрьмѣ; и сказать правду, она потому теперь и стояла на балконѣ, что въ одномъ сосѣднемъ палаццо происходилъ концертъ, и голосъ одного пѣвца удивительно напоминалъ ей голосъ Амореволи. Но съ другой стороны къ чести ея надо сказать, что у нея было и другое побужденіе, доброе побужденіе въ пользу неопытной юности, которая на ея глазахъ подвергалась опасности, какъ птичка подъ чарующимъ взглядомъ гремучей змѣи.

Х.

Но надо сказать предварительно, что графиня Клеція по письму донны Паолы было радушно принята семействомъ Соломонъ и въ-сколько дней уже жила въ Венеціи въ неизвестности. Но мало по му въ городѣ, гдѣ къ веснѣ ожидали пріѣзда знаменитой танцовщицы Гауденци и не менѣе знаменитаго тенора Амореволи, стали говорить о его арестѣ въ Миланѣ по поводу любовной интриги и по подозрѣнію въ болѣе важномъ проступкѣ; потомъ стали приходить болѣе подробныя извѣстія, въ Миланѣ писались письма съ вопросами и получались отвѣты, и наконецъ, богъ вѣсть откуда, распространилось извѣстіе, что графиня Клеція В., роковая Елена этой новой Пліады, находится въ Венеціи и живетъ у Соломоновъ. Всѣми овладѣло желаніе увидѣть ее, посмотреть на нее поближе, убѣдиться, дѣйствительно-ли она такъ хороша, какъ говорили, хо-

рошъ-ли у тенора вкусъ, не сдѣлали-ли онъ глупость, что подвергъ себя изъ за нея такимъ опасностямъ, дагъ себя арестовать, хранить опасное молчаніе, словомъ, возобновляетъ изъ за нея чуть не трагедію Антоніо Фоскарини. Любопытство было такъ велико, что на мосту черезъ каналъ Санъ-Поло была постоянно толпа народа, ходившая взадъ и впередъ въ надеждѣ, что предметъ всѣхъ этихъ толковъ выгянетъ въ окно. Доброе семейство, пріютившее графиню, передало ей всѣ городскіе толки; донна Клемія остерегалась взглядывать изъ окна, но сама смотрѣла на мостъ изъ за жалюзи. Въ числѣ мелькавшихъ фізіономій ей бросилась въ глаза одна. Это былъ юноша, повидимому, знатный, судя по богатому костюму и по шпагѣ въ бѣлыхъ бархатныхъ ножнахъ; на видъ ему не было и двадцати лѣтъ, и лицо его было такой ослѣпительной красоты, что разъ увидавъ его, не возможно было забыть, и графинѣ именно казалось, что она гдѣ то видала его, по всей вѣроятности—въ Миланѣ. Онъ проходилъ нѣсколько дней сряду по нѣсколькѣ разъ въ день, но графиня замѣтила, что его привлекаетъ не то, что остальную толпу, которая, проходя по мосту, бросала любопытные взгляды на палатцо Соломонъ; онъ же, останавливаясь, поглядывалъ на окошко противуположнаго дворца, стоявшаго у самаго моста, и въ этомъ окнѣ часто показывалась дѣвушка. Донна Клемія спросила, чей это дворецъ, и узнала, что онъ принадлежитъ патрицію Зену, но что въ немъ живутъ только дочери патриція, которыя воспитываются отдѣльно отъ остального семейства; дѣвушка оказалась старшей дочерью патриція; ей было едва пятнадцать лѣтъ, и она представляла самую полный и совершенный типъ венеціанской красоты; она была старшая сестра той Цециліи, которая впоследствии вышла замужъ за патриція Трона, приобрѣла знаменитость и внушила великому Парини его славную оду «Опасность».

Заинтересованная тѣми догадками, которыя возбуждала въ ней наружность юноши, и желая убѣдиться въ своихъ предположеніяхъ, донна Клемія подговорила одного изъ домашнихъ заговорить съ незнакомцемъ. Порученіе было исполнено, и ей отапортовали, что онъ говоритъ съ миланскимъ акцентомъ. Этого было для нея достаточно. Она убѣдилась, что это ни кто иной, какъ нѣкій Андреа Сгарди, по прозванію Галантно, который семнадцать лѣтъ служилъ скороходомъ въ домѣ маркиза Ф.... и прославился не-

обыкновенной быстротой своих ногъ, выигравъ три раза первый призъ и бѣлое знамя на бѣгахъ, которые по тогдашнему обычаю миланская знать устраивала въ извѣстные дни года между своими скороходами. Этотъ юноша сдѣлался такимъ образомъ своего рода знаменитостью, а такъ какъ притомъ отличался поразительной красотой и носилъ свою ливрею съ неподражаемой граціей, то вся знать ласкала и перебивала его другъ у друга; малый умный, но съ дурными наклонностями, онъ быстро развратился отъ этого баловства. Господину его безперестанно приходилось расплачиваться за драки, которыя онъ сочинялъ, а однажды даже за ударъ ножомъ, который онъ нанесъ въ потасовкѣ своему собрату. Не менѣ хлопотъ доставляли маркизу и любовныя похождения его лакея, который при своей красотѣ и ловкости былъ сокрушителемъ дѣвичьихъ сердецъ. Но маркизъ чванился имъ и къ тому же имѣлъ къ нему слабость, потому что онъ родился и выросъ у него въ домѣ, будучи сыномъ его стараго конюха. Со временемъ онъ сдѣлался и игрокомъ; обыкновенныхъ и даже чрезвычайныхъ подачекъ ему уже не хватало, такъ что въ одно прекрасное утро онъ запустилъ руку въ барскій кошелекъ и потомъ неоднократно повторялъ эту продѣлку; наконецъ, возникло подозрѣніе, за нимъ стали присматривать и разъ двое слугъ подсмотрѣли, какъ онъ пробрался въ спальню къ баринѣ, когда тотъ спалъ, взялъ кошелекъ изъ столбика и на половину опорожнилъ его себѣ въ карманъ. Пойманный на воровствѣ, онъ былъ пинками выгнанъ изъ дома маркиза.

Но маркизъ запретилъ своей прислугѣ разсказывать объ этомъ происшествіи и продолжалъ выдавать Суарди маленькую пенсію. Въ это время случился въ Миланѣ бѣгъ между скороходами различныхъ городовъ Ломбардіи, и за отсутствіемъ Суарди миланскіе скороходы потерпѣли позорное поражение къ великому ущербу чести города. Тогда юный Галантини неожиданно выступилъ и предложилъ состязаться съ тремя побѣдоносными скороходами, которые были изъ Брешии, Бремоны и Лоди. и въ этомъ состязаніи благодаря ему слава Мелана возсіяла новымъ блескомъ: онъ побѣдилъ; его осыпали подарками, такъ что дѣла его снова процвѣли. Одинъ проживавшій въ Миланѣ знатный неаполитанецъ взялъ его въ услуженіе, впрочемъ ненадолго, и онъ вскорѣ былъ со срамомъ выгнанъ. Графиня Клеція часто видела этого знаменитаго скоро-

хода и, при всей своей ученой серьезности, не разъ отъ души рукоплескала его побѣдамъ, какъ всѣ миланцы. Поэтому понятно, какъ удивило ее, когда она увидѣла эту знакомую фигуру въ изящномъ костюмѣ свѣтскаго господина, въ бархатномъ кафтанѣ, двухъ цѣпочкахъ отъ двухъ часовъ, пудренномъ парикѣ по послѣдней модѣ и трехъ-угольной шляпѣ съ галуномъ. Ошибка была невозможна; наружность его была слишкомъ характеристична съ своимъ дѣтскимъ ртомъ, нѣжнымъ дѣвичьимъ цвѣтомъ лица и парой черныхъ глазъ, живыхъ и пылкихъ, но съ такимъ предательскимъ и зловѣщимъ выраженіемъ, что непріятно было долго смотрѣть на нихъ.

Неудивительно было, что Галантино очутился въ Венеціи; но подозрительно было его внезапное превращеніе изъ лакея въ свѣтскаго франта. Сначала графиня подумала, что ему повезло въ игрѣ и что онъ прокучиваетъ теперь выигрышъ, тѣшась ролью барина; но когда она вспомнила, что его нѣсколько разъ выгоняли за неблаговидныя дѣла, то ей пришло въ голову, что можетъ быть онъ разбогатѣлъ не такъ невинно. Но больше всего ее поразило, когда она замѣтила, что молоденькая Марина Зень съ волненіемъ поджидаетъ его на своемъ балконѣ и однажды вечеромъ даже бросила ему записку. Она почувствовала негодованіе и жалость къ неопытной дѣвушкѣ, которая, обманутая вѣжностью, довѣрчиво поддается влеченію сердца.

Уже двѣ ночи сряду Суарди, когда все засыпало, являлся на каналѣ въ гондолѣ, дѣвушка выходила на балконъ, а онъ влѣзалъ на навѣсъ гондолы и, поднявшись на цыпочке, могъ достать рукой ея руку, которую она охотно протягивала ему. Графиня ничего не могла сдѣлать въ эти двѣ ночи, потому что свиданія молодыхъ людей ограничивались этимъ рукопожатіемъ, дѣвушка быстро скрывалась, а гондола проплывала мимо. Но такъ какъ эти ночныя посѣщенія могли привести къ несчастію, то графиня считала своимъ долгомъ наблюдать за ними. И дѣйствительно, въ ту ночь, когда мы застали ее на балконѣ съ планетой Юпитеромъ надъ головой, когда въ душѣ ея пылала собственная страсть, заглушая заботу о чужой, гондола по обыкновенію явилась въ каналѣ, остановилась подъ балкономъ. Марина вышла на него, и между молодыми людьми завязался чувствительный разговоръ, прерываемый вздохами. Суарди по обыкновенію взобрался на навѣсъ и, вдругъ улучивъ минуту, ловко забросилъ веревку за балюстраду

балкона и во мгновение вскарабкался по ней въ уровень съ дѣвухой. Но въ эту минуту съ шумомъ растворились жалюзи въ окнѣ противоположнаго палатца, и Суарди услышалъ женскій голосъ, зовущій его: Галантино! Испуганная дѣвушка скрылась, затворивъ окно, а онъ живо обернулся, засверкавъ глазами, какъ змѣя, которой наступили на хвостъ. Въ это время луна ярко освѣщала противоположную сторону канала и окно, въ которомъ стояла донна Клелія во всемъ величій своего импервинаго лива. Была минута глубокаго и почти страшнаго молчанія. Галантино узналъ графиню.

XI.

Съ минуту графиня и Галантино простояли неподвижно, она въ окнѣ, а онъ на навѣсѣ гондолы; донна Клелія нѣсколько разъ хотѣла заговорить, и Галантино не разъ готовъ былъ разразиться бранью противъ нея за неожиданное вмѣшательство. Но мысль, что онъ узнавъ, обезкуражила его и лишила обычной наглости; онъ соскочилъ съ навѣса на корму и двинулъ гондолу. Графиня отошла отъ окна также не безъ смущенія, потому что послѣ первой мысли о спасеніи дѣвухи ея овладѣло безпокойство за себя; ей пришло на умъ, что въ ея положеніи эта несчастная встрѣча можетъ имѣть для нея дурныя послѣдствія. Она только частью знала ходъ дѣлъ въ Миланѣ, и то только то, что писала ей донна Паола, которая, во-первыхъ, сама всего не знала, а во-вторыхъ находила нужнымъ кое-что умалчивать. Такимъ образомъ, изъ третьяго письма ея графиня узнала объ арестѣ Лоренцо Бруни, о его переодѣваніи, которое обмануло ее, и о томъ, что Амореволи все еще въ тюрьмѣ. Она узнала также, что ея родные хлопотали сначала объ ея отысканіи, но потомъ успокоились. Донна Паола писала ей также, что въ Миланѣ ходитъ слухъ, что она скрывается въ Венеціи и что поэтому ей всетаки слѣдуетъ остерегаться и не показываться въ публикѣ; она прибавляла, что увѣдомитъ ее, можно ли ей оставаться въ Венеціи безопасно или лучше перебраться въ другое мѣсто. Поэтому ей естественно пришло на мысль раскаяніе въ томъ.

что она выдала себя, увлекшись порывомъ участія къ чужой опасности. Она не могла знать, что вся миланская знать, дѣйствовавшая за одно съ ея родными, желала прогнать ея пребываніе въ Венеціи, потому что въ ея расчетѣ было подозрѣвать и обвинять Лоренцо Бруни въ насильственномъ похищеніи графини. Но если донна Клелія была недовольна встрѣчей съ Галантино, то тѣмъ болѣе онъ проклиналъ судьбу, приведшую ее въ Венецію и поселившую по сосѣдству съ палаццо Зенъ. Онъ былъ тѣмъ болѣе встревоженъ, что ему казалось страннымъ и подозрительнымъ, что графиня узнала его такъ скоро, несмотря на его преобразенный видъ, и это возбуждало въ немъ разныя другія подозрѣнія и опасенія.

Хотя Галантино былъ по характеру смѣль и наглъ и по натурѣ не легко поддавался нравственнымъ потрясеніямъ, хотя онъ такъ сказать, омолодился ко всякаго рода позорамъ и разочарованіямъ, однако провелъ эту ночь непокойно. Но утромъ свѣжій вѣтеръ, потянувшій съ материка, отчасти разсѣялъ его тревожныя мысли. Онъ даже удивился своему вчерашнему безпокойству. Онъ зналъ о миланской исторіи графини и зналъ, что она въ Венеціи скрывается въ бѣгахъ. Онъ сообразилъ, что въ этомъ положеніи она не можетъ быть ему страшна, и подумалъ, что ему выгоды бы перейти изъ оборонительнаго положенія въ наступательное. Эта мысль привела его къ рѣшенію отправиться съ визитомъ къ графинѣ. Какъ видимъ, этотъ малый отличался необыкновенной предприимчивостью и смѣлостью; быть можетъ, ихъ придавала ему его необычная красота, которую онъ сознавалъ и вѣрилъ, что при ней ему можетъ сойти съ рукъ многое, о чемъ другіе не смѣли бы и подумать. Онъ очень заботился о своей наружности и тщательно холилъ свой цвѣтъ лица и свои зубы, которые чистилъ и берегъ, какъ солдатъ свой штыкъ, не изъ любви къ штыку а изъ заботы о самомъ себѣ. Вообще онъ превратилъ въ наступательныя орудія всѣ дары, которые въ изобиліи расточила ему природа. Въ числѣ этихъ даровъ были и несомнѣнныя достоинства нравственныя, которыя при другихъ условіяхъ воспитанія и жизни могли бы сдѣлаться блестящими качествами. Во всякомъ случаѣ, родился онъ въ высшемъ классѣ, изъ него вышелъ бы не Галантино, скороходъ, мелкій плутъ и ворышка, а какой нибудь Таллейранъ.

Онъ посвятилъ въ это утро много времени на туалетъ, пустилъ

въ ходъ самую дѣйствительную помаду и самыя тонкіе духи, чтобы пропзвести какъ можно лучшее впечатлѣніе на графиню; надѣлъ свой самый парадный костюмъ, широкій камзолъ изъ чернаго бархата съ золотыми пскорками, двуплечевый шелковый жилетъ, голубой съ серебромъ, переливавшій въ складкахъ разными сочетаніями свѣта и тѣни, короткіе черныя бархатныя штаны; прочія части костюма были соотвѣтственной роскоши.

Такимъ образомъ костюмъ его отличался не просто богатствомъ, которое доступно и выскочкѣ, разбогатѣвшему наканунѣ, но во тогдашней модѣ былъ образцомъ утонченнаго, можно сказать, артистическаго вкуса, какимъ могъ быть только костюмъ знатнаго дворянина, съ дѣтства выросшаго въ роскоши и просвѣщеннаго по этой части долгими совѣщаніями съ модными портными и неоднократными путешествіями въ Парижъ, бывшій уже тогда столицей моды. Нарядившись такимъ образомъ, Суарди сѣлъ въ гондолу и брѣкнулъ ливрейному гондольеру: Палаццо Соломонъ! Когда гондола остановилась передъ крыльцомъ этого дома, Галантино вручилъ гондольеру шелковый портфельчикъ, украшенный перламутромъ, изъ котораго торчала карточка; въ прошломъ вѣкѣ былъ обычаи, пріѣзжая въ домъ и приказывая докладывать о себѣ, передавать швейцару для передачи хозяину дома записку съ своимъ именемъ, вложенную въ портфель или футляръ или какой нибудь изящный баульчикъ; эти вещицы бывали иногда очень цѣнны, дѣлались изъ серебра, золота, даже украшались драгоценными камнями, смотря по богатству посѣтителя и по желанію его расположить къ себѣ хозяина или хозяйку дома, такъ какъ эта вещьца оставлялась имъ подаркомъ. Суарди, знакомый со всѣми этими причудами моды, счелъ нужнымъ послѣдовать ей въ этомъ случаѣ. Гондольеръ, спросивъ графиню В..., передалъ лакею шелковый портфель (дорогіе металлы не допускались модой въ первый визитъ). Слуга, получившій наставленія отъ хозяина дома, отвѣчалъ, что такой особы не знаетъ, но передастъ портфель хозяйкѣ дома. Она была у себя и поручила слугѣ передать записку графинѣ, чтобы та поступила по усмотрѣнію. Слуга отправился въ комнату графини и подалъ ей портфель; она вынула изъ него записку и прочла въ ней: <Галантино на пару словъ>. Она была изумлена, не знала, на что рѣшиться, краснѣла и негодовала при

одной мысли принять подобнаго гостя, но боялась и прогнать; наконецъ послѣ долгаго колебанія она сказала—пусть войдетъ.

При всей своей наглости Галантино былъ почти увѣренъ, что получить отказъ; когда же гондольеръ и слуга Соломонъ попросили его пожаловать, онъ вышелъ изъ гондолы съ удвоенной наглостью и направился къ комнатамъ графини черезъ корридоры и обширныя пріемныя, поскрипывая своими сафьянными башмаками. Когда слуга распахнулъ обѣ половинки двери залы, гдѣ находилась графиня, онъ почтительно остановился на порогѣ и низко поклонился, граціозно изгибая станъ, такъ что богатые ножны его шпаги вытянулись на одной линіи съ его спиной. Графиня приняла его стоя у столбика въ позѣ королевы Елизаветы, дающей аудіенцію, и едва кивнула головой, такъ что казалось сама не была увѣрена, точно ли сдѣлала это движеніе. Галантино, кончивъ поклонъ, переступилъ порогъ и остановился среди залы прямо противъ графини. Слуга удалился, и донна Клелія не рѣшилась приказать ему остаться, хотя ей этого хотѣлось. Прошло нѣсколько минутъ, въ теченіи которыхъ Галантино ждалъ, чтобы графиня предложила ему сѣсть; но видя что ожиданіе это будетъ тщетно, онъ съ развязностью свѣтскаго человѣка и съ очаровательной улыбкой самъ предложилъ ей кресло и началъ разговоръ такъ:

— Графиня, я не тотъ Галантино, котораго вы знали въ Миланѣ; я сеньоръ Андрея Суарди и пріѣхалъ поселиться въ Венецію, потому что здѣсь по моему веселѣе живется и лучше проживаются деньги. Счастіе поблагоприятствовало мнѣ; зеленое поле доставило мнѣ много денегъ. Теперь я богатъ и независимъ; очень вѣроятно, что со временемъ я сдѣлаюсь и дворяниномъ. Я знаю въ Венеціи нѣсколькихъ господъ, которыхъ отцы сто лѣтъ тому назадъ были колбасниками и которые теперь числятся въ знати, потому что успѣли во время ссудить деньги свѣтлѣйшей республикѣ. Во всякомъ случаѣ, что касается до меня, то увѣряю васъ, графиня, я совершенно забылъ свое прошлое.

Говоря это, онъ подвигалъ кресло и жестомъ приглашалъ донну Клелію сѣсть. Хотя графиня чувствовала къ нему презрѣніе, негодованіе и почти страхъ, но этотъ улыбающійся видъ и эта надушенная свѣтскость до нѣкоторой степени подѣйствовали на нее; вѣщность всегда много значитъ, даже когда человѣкъ

знаеть, что скрывается подъ ней. Она приняла предлагаемое кресло, и Галантино тотчасъ развязно усѣлся противъ нея.

— Сожалѣю, заговорилъ онъ, что долженъ начать разговоръ упрекомъ... и при этомъ онъ лукаво улыбнулся:—что дурнаго въ томъ, что молодой человѣкъ неженатый ухаживаетъ за молодой особой незамужней?

И при этихъ словахъ въ выраженіи его лица и голоса мелькнуло что то злобщее и ехидное.

Графиня подняла на него спокойный взглядъ и пристально стала смотрѣть ему въ глаза.

— Дурныхъ намѣреній, продолжалъ онъ, я не имѣлъ и не имѣю, виновать ли я, что эта дѣвушка—дочь графа Зена? Чортъ меня возьми, я могу поклясться, что въ эти дни былъ такъ занятъ игрой, что мнѣ было не до дѣвицъ, но она такъ выразительно устремляла на меня свои глаза съ поволокой, что съ моей стороны было бы просто свинствомъ не послѣдовать за ней и не узнать гдѣ она живетъ.

Какъ видитъ читатель, эти выраженія Галантино уже не соотвѣтствовали изяществу его внѣшности; но какъ бы ни была велика природная ловкость человѣка, юноша, родившійся отъ конюха и выросшій въ стойлѣ, не можетъ иногда не выдать своего происхожденія.

Графиня прервала его вопросомъ:

— Объясните, зачѣмъ вы явились ко мнѣ?

— Съ двойной цѣлью.

— Какой?

— Первая цѣль посвящена вашему сіятельству—онъ поклонился,—вторая касается собственно меня, но рука руку моетъ.

— Что это такое?

— Позвольте мнѣ сказать, вы можете быть поймете меня.

ХІІ.

При этихъ словахъ графиня встала и прошла по комнатѣ, какъ будто неумышленно, но въ сущности, чтобы посмотрѣть, не подслушиваетъ ли кто изъ прислуги за дверью; потомъ, вернувшись, сказала:

— Хорошо, говорите, что я могу для васъ сдѣлать?

— Очень простую вещь, графиня, во всей Венеціи вы одна знаете мое прежнее положеніе, поэтому я прошу васъ быть столь доброй не портить моего теперешняго положенія неприятными разоблаченіями. Надѣюсь, вы не откажете мнѣ въ этомъ, хотя бы напримѣръ ради того, что если бы я отправился въ Миланъ и меня тамъ кто нибудь спросилъ, гдѣ теперь находится графиня В., я конечно не былъ бы обязанъ молчать; а тогда къ чему послужилъ бы вамъ побѣгъ, вѣдь графу стоило бы только приказать запретъ лошадей, нанять гондолу въ Местре и явиться сюда за супругой.

— Будемъ говорить о васъ и о вашихъ дѣлахъ, строго сказала графиня, а чужія дѣла оставимъ.

Строгий тонъ графини тѣмъ болѣе подстрекнулъ Галантино, что ея долготерпѣвіе ободряло его. Ему вздумалось припугнуть ее, и онъ напустилъ на себя еще пушью наглость.

— Однако, знаете, вѣдь это недурно, графиня. Кто бы подумалъ что изъ столькихъ женщинъ и дамъ Милана, изъ всѣхъ юбокъ и флжмъ, самый пылкой окажется самая холодная, самая на видъ тяжеловѣсная оборка окажется самыми легкими? Но надо сказать, что вкусъ у васъ хорошъ; да здравствуютъ артисты! Найдн я тоже какую нибудь артистку, я пожалуй оставилъ бы въ покоѣ сосѣднюю контесину и такимъ образомъ укротилъ бы гнѣвъ ея покровительницы.

— Послушай, Галантино, хочешь, чтобы я позвала слугу и велѣла вытолкать тебя? Смотри! Здѣшніе хозяева—патриціи, члены Большаго Совѣта, прокураторы, и еслибы я сказала имъ, кто ты и чѣмъ былъ и что дѣлаешь, и какъ ты, лакей, переодѣваешься дворянномъ, чтобы соблазнять дѣвухекъ венеціанской знати, тебѣ пришлось бы плохо! Въ Венеціи не деремонятся, и хорошо еще было бы, еслибы о тебѣ уведомили миланскій сенатъ; но не знаю, что сдѣлать бы и миланскій сенатъ, еслибы узналъ о твоёмъ переодѣваніи, потому что переодѣваніе всегда подозрительно; думаю, что тебя препроводили бы отсюда на границу, а оттуда прямо къ капитану юстиціи. Знаешь, что имя твое поминалось въ ту ночь, какъ слуги маркиза Ф. влѣзли челоуѣка, убѣгающаго изъ его комнаты?

Эти послѣднія слова произвели необыкновенный эффектъ; Га-

лантинно весь какъ то опустился. какъ будто всѣ мускулы его ослабѣли, и лицо его вдругъ поблѣднѣло.

Здѣсь надо сказать, что, увидавъ Галантино въ Венеціи въ преобразенномъ видѣ, графиня вспомнила одно подозрѣніе, слышанное ею мелькомъ относительно его. На другое утро послѣ ареста Амореволи, въ домѣ В. толковали о пропешествіяхъ ночи, и всѣ выражали сомнѣніе, чтобы теноръ былъ то лицо, которое бѣжало изъ комнаты маркиза. между прочимъ, одинъ слуга дома воскликнулъ: ужъ не Галантино ли это?—Но на это ему тотчасъ возразили, что Галантино не таковский, чтобы сталъ риться въ бумагахъ, когда можно было запустить руку въ деньги, замѣчаніе, возбуждавшее общій смѣхъ, которымъ толки эти и кончились. Однако слова: ужъ не Галантино ли это? внезапно воскресли въ памяти графини, когда она увидѣла его въ Венеціи. Впрочемъ, она не останавливалась на этомъ подозрѣніи и въ разговорѣ съ Галантино упомянула о немъ только въ досадѣ, чтобы наказать и обуздать его наглость.

Суарди быстро оправился отъ смущенія, и вмѣстѣ съ спокойствіемъ къ нему возвратилась порядочность и свѣтскія манеры, отъ которыхъ онъ такъ некстати отклонился.

— Графиня, сказалъ онъ, вы поступаете несправедливо въ отношеніи меня или, лучше сказать, вы неправы сами передъ собой, выражая подобное подозрѣніе. Какія дѣла могъ я имѣть съ покойнымъ маркизомъ Ф..? Какой интересъ связывалъ меня съ нимъ? Какъ я слышала, дѣло было въ завѣщаніи; посудите же, причемъ я могу быть тутъ? Правда, я служилъ у него, и кажется единственное достоинство его жизни въ томъ и состояло, что онъ имѣлъ лучшаго скорохода во всей Ломбардіи, но я былъ у него слугою, а родственникомъ ему не приходился.

Донна Клеція молчала, но въ головѣ ея утвердилось убѣжденіе, что подозрѣніе ея справедливо.

Смущеніе Суарди, краска, явившаяся на его лицѣ, убѣдили ее. Хотя нѣкоторыя особенно воспримчивыя натуры часто краснѣютъ даже при упоминеніи чужихъ подлостей, но Галантино врядъ ли былъ такъ чувствителенъ; очевидно было, что онъ не ожидалъ намека графини и что эта неожиданность сразила его. Она отвѣчала на его слова:

— Я говорю тебѣ только то, что о тебѣ думаютъ въ Миланѣ,

а не то, что я думаю. Я не судья, и мнѣ до тебя дѣла нѣтъ. Но ты понимаешь, что такое подозрѣніе можетъ погубить человѣка, и потому тебѣ надо вести себя смирно, не лѣзть въ венеціанскую знать, а главное. не ухаживать за знатными дѣвушками; ты понимаешь, что если ты попадешься въ чемъ нибудь и если узнаютъ, кто ты, то отъ одного къ другому могутъ добраться до многого. ..

— Я не могу обязаться никогда не ухаживать ни за одной изъ венеціанскихъ красавицъ, отвѣчалъ Галантино въ шутиливомъ тонѣ; но считая долгомъ исполнить ваше желаніе, обязуюсь прекратить знакомство съ дѣвлицей Зень, такъ какъ графиня знаетъ это семейство и приняла эту дѣвушку подъ свое покровительство; но я увѣренъ, что это весьма огорчитъ дѣвушку, и это огорченіе оставляю на совѣсти вашего сіятельства.

Донна Клеція ничего не отвѣчала, и Галантино удалился улыбающійся, развязный и веселый, какъ свѣтскій волокита послѣ успѣшнаго любовнаго свиданія.

Оставшись одна, графиня позвала слугу, приказала ему никогда впредь не впускать этого господина и стала размышлять о случившемся.

Станнымъ и неправдоподобнымъ казалось ей стеченіе обстоятельствъ, по которому вопреки всякимъ чаяніямъ, ей удалось открыть въ Венеціи человѣка, бѣжавшаго въ роковую ночь изъ дома Ф... и оставшаго черезъ это виновникомъ всѣхъ ея несчастій. Она была совершенно убѣждена, что человѣкъ этотъ Галантино, хотя не могла придумать причины, приведшей его въ эту ночь въ домъ Маркиза и побудившей бѣжать. Ей приходило на умъ, что еслибы судъ узналъ это подозрѣніе, то это могло бы содѣйствовать освобожденію Андреоли. Но во-первыхъ, подозрѣніе ее ни на чемъ положительномъ не основывалось, а во-вторыхъ, ей въ голову не могло прийти взять на себя роль доносчицы, хотя бы даже она была увѣрена, что молчаніемъ вредитъ человѣку ей симпатичному. Обдумавъ все это, она принялась писать своей совѣтницѣ и утѣшительницѣ, доннѣ Паолѣ Пьетра, и подъ большимъ секретомъ описала ей свое свиданіе съ Галантино.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

I.

Мы видѣли донну Паолу Пьетра выходящую изъ кабинета маркиза Рекалькати. Письмо графини дало ей возможность поправить зло, котораго она не могла своевременно предотвратить. Слухи, ходившіе въ публикѣ, увѣдомили ее о направленіи, которое принялъ процессъ. Ее посѣщали самыя высокопоставленныя лица города, и потому, несмотря на тайну, въ которую облакались тогда уголовныя процессы, она узнала, что родня графини употребляетъ все успія, чтобы представить ее невинной жертвой ужаснаго заговора и что на Бруни возводятся подозрѣнія, имѣющія цѣлью сдѣлать изъ него козла отпущенія въ этомъ дѣлѣ. Она по опыту знала, какъ силенъ духъ корпораціи въ аристократіи и какъ способенъ онъ заглушить голосъ справедливости. Чтобы предупредить по возможности послѣдствія этихъ происковъ, она рѣшилась лично отправиться къ маркизу Рекалькати, который имѣлъ репутацію человека ученаго и благонамѣреннаго, но по мягкости и добродушію характера легко поддавался вліянію своихъ знакомыхъ и сослуживцевъ, и потому по упрямству горячо, умно и краснорѣчиво отстанвалъ чужія ввѣщенія. Донна Паола знала также, что члены благородной коллегіи юрисконсультовъ, судьи и сенаторы, за немногими исключеніями, желали добра и правды, пока разсуждали порознь, по совѣсти и здравому смыслу. внѣ душевной атмосферы законной юстиціи, но разъ очутившись въ грозномъ единствѣ коллегіи или сената, теряли свою самостоятельность. Вотъ почему донна Паола

сто лѣтъ.

явилась къ капитану Юстиціи. Когда маркизу Рекалькати доложили объ ея прїездѣ, онъ почувствовалъ удивленіе и нѣкоторое неудовольствіе, потому что зналъ ея дѣятельную и бдительную благотворительность, зналъ, что она ничего не дѣлаетъ наобумъ и что, разъ задавъ себѣ цѣль, она не остановится, несмотря ни на какія препятствія; совѣсть его была не совѣсть покойна, и онъ какъ будто ждалъ отъ донны Паолы упрека.

Однако, при входѣ ея, онъ встрѣтилъ ее съ выраженіемъ глубочайшаго уваженія и, собственноручно подвинувъ ей кресло, просилъ ее сѣсть.

— Какое важное дѣло, сказалъ онъ, приводитъ васъ въ это жилище горя и порока?

— Желаніе именно помочь горю, маркизъ. Но прежде всего я должна сдѣлать вамъ вопросъ.

— Какой?

— Я хочу знать, можете ли вы выслушать меня не какъ капитанъ Юстиціи, а какъ частный человѣкъ, которому можно доверить тайну?

— Касается ли эта тайна обязанностей моей службы и судьбы зависящихъ отъ меня людей?

— Да.

— Въ такомъ случаѣ я долженъ сказать, что если сообщенный мнѣ фактъ можетъ пзмѣнить ходъ какого нибудь процесса, я по совѣсти не могу сохранить его въ тайнѣ.

Донна Паола помолчала съ минуту и сказала:

— Хорошо, я всетаки скажу.

— Я слушаю.

— У васъ въ тюрьмѣ содержатся нѣсколько времени нѣкто Амореволи, пѣвецъ, и Лоренцо Бруни. музыкантъ?

Рекалькати утвердительно кивнулъ головой.

— Факты, которые я имѣю сообщить вамъ, продолжала донна Паола, такого рода, что по нимъ оба эти арестанта могутъ быть немедленно оправданы... Но приходится назвать имя, заслуживающее большаго почтенія, и ему не слѣдовало бы выходить изъ этого кабинета.

— Вы можете положиться на меня.

— Это имя графини Клелии В***. Роковое стеченіе обстоятельствъ помѣшало ей явиться, лично сознаться передъ вашимъ

превосходительствомъ, что она одна была предметомъ посѣщенія обвиненнаго Амореволи. Я пришла вамъ это сказать по ея порученію и отъ ея имени. Но потомъ я узнала, что ходитъ слухъ, будто музыкантъ, явившись въ фальшивой маскѣ, хитѣлъ дѣлю вовлечь ее въ гнусную интригу и даже похитить ее или способствовать ея похищенію; поэтому я заявляю, что графиня бѣжала по доброй волѣ, безъ всякихъ чужихъ внушеній, съ твердымъ намѣреніемъ поклянуть дохъ, гдѣ, по ея убѣжденію, она не могла больше оставаться. Если ваше превосходительство потребуетъ, я могу представить доказательства всему этому.

— Куда же она бѣжала?

— Ваше превосходительство развѣ не слышали?

— Нѣтъ, ничего опредѣленнаго не знаю. Ходили разные слухи. Но вы знаете, гдѣ она теперь?

— Ваше превосходительство, позвольте мнѣ умолчать объ этомъ, потому что пользы отъ этого свѣдѣнія быть никому не можетъ, а графинѣ это можетъ повредить.

Маркизъ послѣ нѣкотораго молчанія сказалъ:

— Отъ души благодарю васъ, судариня, за вашу дѣятельную доброту, которая побудила васъ дать указанія правосудію. Но я долженъ сказать вамъ, что это можетъ подвергнуть васъ неприятности бытъ приглашенной, можетъ быть, не разъ къ выслушанію въ судѣ.

— Я буду очень рада, если это послужитъ въ пользу истинѣ и справедливости. — И съ этими словами она встала и раскланялась.

Это посѣщеніе измѣнило весь планъ процедуры, потому что докту Паолу побавлялись тѣмъ страхомъ, который есть ничто иное, какъ проявленіе уваженія. Капитанъ юстиціи поговорилъ съ викаріемъ, тотъ съ братомъ графа В***; перетолковали по секрету съ сенаторами и юрисконсультами и рѣшили предоставить процессъ нормальному теченію, безъ кляузъ, придирокъ и закорючекъ. Поэтому положено было назначить по обычаю протекторовъ заключеннымъ Амореволи и Бруни. Въ защитники первому былъ избранъ графъ Бенедето Аресе, юноша холоде двадцати пяти лѣтъ; Доренно Бруни судьба дала въ защитники графа Пьетро Верри, которому тоже было только двадцать два года, и который ознаменовалъ свое первое вступленіе на общественное поприще муже-

ственной оппозиціей противъ злоупотребленій, храбрымъ возста-
ніемъ противъ предразсудковъ своей семьи и касты.

II.

На другой день по избраніи своемъ въ защитники Амореволи, графъ Бенедетто Арезе, встрѣтивъ своего друга Пьетро Верри въ Академіи Преобразованныхъ, взялъ его подъ руку и провелъ въ библіотеку.

-- Другъ Пьетро, сказалъ онъ ему, я въ большомъ затрудненіи.

— Понимаю: ты не знаешь, съ чего начать свою защиту?

— Если ты мнѣ не поможешь, то просто хоть отказывайся.

Всѣ товарищи и сверстники Верри признавали надъ собой его несомнѣнное превосходство; онъ былъ краснорѣчивъ, остроуменъ: всѣ признавали его логику непобѣдимой и обращались къ нему за совѣтами.

— Пожалуйста сказалъ онъ, не дѣлай такой глупости; это дѣло не только не представляетъ никакого затрудненія, но можетъ безъ большаго труда доставить тебѣ большую честь.

— Не понимаю, какъ ты можешь находить это легкимъ!

— Другъ мой, въ сто лѣтъ бываетъ, можетъ быть, только одинъ процессъ, гдѣ судья также хочется отпустить арестанта на волю, какъ самому арестанту освободиться; а еще рѣже, чтобы судья былъ такъ убѣжденъ въ невинности обвиненнаго, что досадовать бы на него за компрометирующее молчаніе.

— Все это я знаю, но что мнѣ изъ этого?

— Чего же легче, какъ убѣдить судью въ томъ, въ чемъ онъ страстно желаетъ убѣдить другихъ?

— Въ чемъ же мнѣ его убѣждать?

— Въ томъ, что обстоятельство, которое на первый взглядъ кажется страннымъ и почти невозможнымъ, въ сущности вѣроятно и правдоподобно. Вѣдь до сихъ норъ теворъ упорно стоялъ на одномъ: что прогуливаясь послѣ театра и увидавъ прекрасный садъ дома В..., захотѣлъ полюбоваться эффектомъ луннаго свѣта среди вѣковыхъ деревьевъ и вздумалъ перелѣзть за ограду.

— Но можно-ли повѣрить такой нечелѣвности?

— Иногда и правда бываетъ нечелѣв. Въ томъ-то и дѣло... Сколько разъ каждому изъ насъ случалось, жывая на дачѣ, пере-пригнывать ровъ чужого парка, чтобы погулять въ немъ.

— Да, это возможно на дачѣ, днемъ, но не въ городѣ, не ночью, не въ февралѣ.

— Все равно; но ты долженъ утвердиться на этомъ, приводить примѣры подобнаго и сверхъ того обратить вниманіе на професію обвиненнаго, которая даетъ ему право быть сумазброднѣе другихъ. Потому ты пмѣешь за себя безупречное прошлое тенора, его положеніе, такое завидное въ матеріальномъ отношеніи, не чета нашему, дворянскихъ сыновей, у которыхъ кошельки расшиты золотомъ снаружи, а внутри пусты, потому что наши отцы слишкомъ о насъ заботятся... Не такъ-ли, другъ, Бенедето?— Далѣе укажи, что онъ не здѣшній, никогда въ Миланѣ не бывалъ, такъ что не можетъ знать расположеніе миланскихъ домовъ, разгуливать въ нихъ и убѣгать почти незамѣченнымъ, какъ мышь въ нору; тутъ припусти шутки, чтобы разглядить нахмуренныя лица ихъ великолѣпій. Иногда ловкая и кстати сказанная шутка дѣйствуетъ лучше цѣлой цинцероновской тирады. Притомъ я не думаю, чтобы стали настаивать на формальностяхъ; сколько разъ ими пренебрегали, чтобы ухудшить положеніе честнаго человѣка; можно однажды пренебречь ими для избавленія порядочнаго человѣка отъ тюрьмы. Сверхъ того говорятъ, что тенора ждутъ въ Венецію, и венеціанскіе патриціи, такіе любители музыки, сдѣлаютъ чортъ знаетъ что, чтобы онъ могъ пѣть въ Санъ-Монзе; а еще лучше, что теноръ состоитъ на службѣ короля испанскаго, и я знаю, что о немъ уже писано туда... Король напишетъ императрицѣ, императрица скажетъ министру, министръ пришлетъ курьера къ намѣстнику... Ну, затѣмъ надо будетъ набраться храбрости, назвать графиню, идти на проломъ; ради ея они уже нарушили правосудіе и знаютъ это, но не хотятъ, чтобы это дѣлалось извѣстнымъ; поэтому поразилъ ихъ громовымъ quousque tandem; оно всегда имѣетъ свое дѣйствіе; но пойми: все это должно быть обсахарено, облечено въ почтительность, уснащено великолѣпными и превосходительствами; понимаешь?

— Понимаю отлично, но что касается графини, то и въ шутку нельзя совѣтовать мнѣ намекать на нее. Ты знаешь, мой отецъ...

— Ахъ, эти отцы! Все то они хотятъ водить сыновей на помочахъ, даже когда сыновья сжигаютъ уже гораздо больше пхъ.

Верри задумался, похочалъ и прибавилъ:

— Какъ бы то ни было, я увѣренъ, что твоя защита выйдетъ превосходна, потому что за тебя испанскій король, венеціанскіе патриціи, дплетанты и желаніе судей. Но вотъ мнѣ такъ трудно вывернуться изъ моего положенія, потому что если я заговорю во имя правды, справедливости и совѣсти.—это будутъ булыжники, летящіе въ озна замъ великолѣпныхъ сенаторовъ, а если не заговорю и вздумаю лавпровать, чтобы никого не обидѣть, то мнѣ самого себя будетъ стыдно, и тогда лучше поручить защиту кому нибудь другому.

— Я такъ и сдѣлалъ бы на твоёмъ мѣстѣ.

— Хорошъ совѣтъ!

— Самый благоразумный.

— Сдать на попеченіе какому нибудь болвану этого бѣднягу Лоренцо Бруни, человѣка, говорятъ, умнаго, честнаго, далеко не дюжннваго!

— Что же ты думаешь дѣлать?

— Положу мою совѣсть подъ пневматическій колоколь, чтобы освободить ее отъ всякаго вліянія постороннихъ соображеній, и тогда...

— Что тогда?

— Будь, что будетъ. Но не передавай нашихъ разговоровъ ни твоему отцу, ни другимъ, особенно маркизу Бекарія, дядѣ Чезарини... Кстати о Чезарини: какой прелестный мальчикъ! Какъ бы только этотъ дядя не испортилъ его.

— О, пока онъ въ коллегіи въ Парижѣ, дядя немного сдѣлаетъ своими письмами.

Въ это время въ главной залѣ академіи раздались громкія рукоплесканія. Собесѣдники пошли туда и услышали чтеніе поэмы «Цицеронъ» авторомъ ея, Пассерони. Когда онъ кончилъ, академики разошлись, и двое друзей вышли вмѣстѣ съ прочими.

Верри провелъ остатокъ дня въ обдумываніи своей защиты и вечеромъ, выйдя по обыкновенію одишь на прогулку къ предмѣстью Восточныхъ Воротъ, разсудилъ, что ему необходимо бы поговорить съ Гауденци, которая была еще въ Миланѣ, хотя уже готовилась къ отъѣзду въ Венецію на весенній сезонъ. Пьетро Верри рѣдко

бывалъ въ театрѣ, и то всегда съ своимъ отцемъ, графомъ Габріелемъ, который никогда не отпускалъ сына отъ себя изъ ложи. Этотъ суровый человекъ не терпѣлъ, чтобы его сынъ ввязывался въ компанію свѣтскихъ франтовъ, проводившихъ въ театрѣ время въ ухаживаніи за дамами, въ игрѣ въ фонѣ и въ раздачѣ золотыхъ молоденькихъ корфейкамъ. Замѣчательно, что въ прошломъ вѣкѣ, при общей распушенности нравовъ, когда любовныя интриги составляли важнѣйшій и постоянный интересъ жизни, когда молодая дама являлась въ наготѣ, которая теперь показалась бы скандальной, когда брачныя законы достигли неслыханной эластичности.—воспитаніе, какъ въ знати, такъ и въ низшихъ классахъ, отличалось вообъемновенной суровостью; отцы и матери старались внушать дѣтямъ не любовь, а уваженіе и страхъ; фамилярныя отношенія древности и настоящаго времени были тогда неизвѣстны и показались бы профанаціей родительскаго достоинства. Боже сохрани, чтобы дочери утромъ не явились съ реверансами, выучеными въ школѣ какой нибудь сестры Агаты или сестры Мартины, приложиться къ аметистовому перстню папаша или брилліантовому кольцу мамаша; Боже сохрани, чтобы сыновья не послѣдовали примѣру дочерей; Боже сохрани, чтобы вся эта церемонія не повторилась передъ обѣдомъ и послѣ обѣда, передъ повечеріемъ и послѣ повечерія, передъ ужиномъ и послѣ ужина, ибо другая особенность нашихъ предковъ состояла въ томъ, что они ѣли гораздо чаще и больше нашего.

Такимъ образомъ Цетро Верри удавалось только изъ отцовской ложи видѣть нѣсколько разъ красавицу Гауденци. Однако онъ видалъ ее и восхищался ею. Она произвела сильное впечатлѣніе, если не на сердце его, то на воображеніе, и онъ сильно завидовалъ молодымъ людямъ, которые ходили раскланиваться съ ней за сцену. Понавъ въ защитникъ Бруни и слышавшись отъ него похвалъ Гауденци, и особенно похвалъ ея нравственности, которая ходила и въ публикѣ, онъ началъ еще сильнѣе желать познакомиться и поговорить съ нею. Желаніе это выходило изъ источника нѣсколько подозрительнаго, но Верри легко было оправдать его въ своихъ глазахъ необходимостью, налагаемою на него обязанностью защитника ея пріемнаго отца. Онъ направился къ Порта Романа и незамѣтно очутился передъ домомъ, гдѣ жила Гауденци. Но передъ дверью ея храбрость покинула его. Мысль, что отецъ его

можетъ узнать о посѣщеніи имъ танцовщицы, такъ испугала его, что онъ готовъ былъ обратиться вспять. Однако, оглядѣвшись во всѣ стороны, чтобы убѣдиться, что никто не видитъ его, онъ ободрился и вошелъ. Такъ наивна и стыдлива была молодость этого необыкновеннаго человѣка!

III.

Спросивъ, дома ли дѣвица Гауденци и получивъ въ отвѣтъ, что она пѣлый день никуда не выходила, Пьетро Верри велѣлъ доложить ей, не называя своего имени, что имѣетъ надобность сообщить ей важныя вещи. Черезъ нѣсколько секундъ вмѣстѣ съ горничной, ходившей докладывать, вышла сама Гауденци безъ малѣйшей вапускной важности, свойственной многимъ тогдашнимъ и нынѣшнимъ первокласснымъ артисткамъ, въ сравненіи съ которыми могли показаться скромными придворныя дамы трехъ Филипповъ испанскихъ. Узнавъ, что ее спрашиваетъ кто-то по важному дѣлу, она при своей живой натурѣ не могла терпѣливо ожидать его въ своей комнатѣ.

— Пожалуйте сюда, сеньоръ, сказала она ему съ привѣтливой простотой, и сама отворивъ дверь, попросила его войти въ залу и подала ему стулъ также просто, какъ мужчина подаль бы женщину. Она была столь-же наивна, какъ Верри; но онъ былъ очень застѣнчивъ, а она отъ привычки выдерживать тысячи устремленныхъ на нее взглядовъ нублики приобрѣла почти мужскую развязность, которая, можетъ быть, поторобила бы человѣка, привыкшаго къ салоннымъ деликатностямъ, но въ ней имѣла особенную прелесть. Пьетро Верри молча смотрѣлъ на нее, размышляя о томъ, какъ несправедливо говорятъ, что театральныя красавицы теряютъ всю прелесть вблизи, въ комнатѣ.

— Сеньора... сказалъ онъ наконецъ и замаялся... Я долженъ сказать вамъ, что его превосходительство капитанъ юстиціи сдѣлалъ мнѣ честь избрать меня...

Тутъ ему пришло въ голову, что слово честь было употреблено еекстати, и онъ снова замаялся.

— Меня избрали въ защитники вашему опекуну, сньюру Лоренцо Бруни.

— Скажите—моему отцу, благодѣтелю, а не опекуну. Но позволѣте узнать, кто вы?

— Я графъ Пьетро Верри.

Чуждый всякихъ предразсудковъ и аристократической гордости, онъ однако-же не безъ тайнаго удовольствія произнесъ свой титулъ; это ободряло его, уменьшая его застѣнчивость вслѣдствіи надежды произвести своимъ титуломъ эффектъ на танцовщицу. Много стравныхъ противорѣчій гнѣздится въ человѣческой природѣ!

— Благодарю ваше сіятельство за посѣщеніе. Какъ защитникъ Лоренцо, скажите мнѣ правду, всю правду, полную правду. Сколько людей я обошла въ эти дни, сколько просила, сколько хлопотала, чтобы узнать истинное положеніе Лоренцо! Но всюду встрѣчала только холодныя лица и слова, запутанныя фразы, изъ которыхъ ясно было, что отъ меня хотять скрыть правду.

— Должностныя лица обязаны хранить тайну. Притомъ положеніе сньюра Бруни особенное, потому что онъ публично оскорбилъ честь одной изъ самыхъ знатныхъ миланскихъ фамилій.

— Да, графъ, это была роковая мысль изъ за меня подвергнуть себя такой опасности и такъ обидѣть эту бѣдную графиню. И дорого дала бы я, чтобы этого не случилось. Но Лоренцо поразила несправедливость публики, его мучило желаніе найти средство убѣдить всѣхъ въ нелѣпости слуха, будто сньюръ Амареволи...—Здѣсь Гауденци потупилась, покраснѣла, и поспѣшно прибавила: — но неправда ли, графъ, когда человекъ самъ внутренно сознаетъ, что ему не въ чемъ себя упрекнуть, то всѣ клеветы ему нестрашны, и онъ долженъ пренебрегать ими, потому что неизвѣстное нынче завтра станетъ извѣстнымъ, и правда всегда обнаружится. Впрочемъ, я должна сознаться, что когда публика встрѣтила меня оскорбленіями, я сама готова была сдѣлать Богъ-знаетъ что, чтобы отмстить за себя. Нельзя вообразить себѣ, въ какомъ я была отчаяніи, и можетъ быть, это-то и побудило Лоренцо рѣшиться всѣми способами раскрыть истину—на бѣду нашу, потому что вотъ что изъ этого вышло!

И двѣ слезы потекли у нея по щекамъ.

— Но я не могу представить себѣ, продолжала она, чтобы

надѣть маску въ маскарадѣ считалось таковымъ важнымъ преступленіемъ. Вѣдь его намѣреніе было только показать, что публика ошпбается и что л невинна. Правда, онъ очень оскорбилъ знатную даму, но вѣдь я слышала. что эта дама... въ самомъ дѣлѣ была та самая... слѣдовательно... чья же тутъ вина?

Пьетри Берри съ улыбкой и наслажденіемъ слушалъ эту живую рѣчь, которой придавалъ особенную прелесть венеціанскій акцентъ Гауденци.

— Вы знаете, сказалъ онъ, что такое законъ?

— Не знаю, но думаю, что законъ долженъ быть то, что справедливо.

— Законъ дѣйствительно стремится къ справедливости, но не всегда достигаетъ ее,—это невозможно; для этого ему пришлось бы видоизмѣняться сообразно всѣмъ человѣческимъ случайностямъ, всѣмъ прихотямъ судьбы.

— Такъ что иногда правому приходится отвѣчать за виноватаго? И такова участь Лоренцо? Но скажите мнѣ, графъ, почему признали преступнымъ надѣвать маску на маскарадѣ?

— Потому что дурные люди злоупотребляли этимъ.

— Такъ надо наказывать злоупотребленія, а не обычай: хорошо было бы запретить говорить на томъ основаніи, что можно наговорить клевету.

— Какой умъ и какая наивность! подумалъ Берри, улыбаясь Гауденци:—успокойтесь сеньора, сказалъ онъ, законъ былъ изданъ съ разумной цѣлью, но онъ не воспрещаетъ принимать въ соображеніе доброе намѣреніе нарушителя, если онъ руководился благородной цѣлью или побужденіемъ.

— А если его нарушили потому, что не было другого средства прекратить клевету? подхватила съ живостью Гауденци.

— Поэтому то я и надѣюсь облегчить по возможности судьбу сеньора Лоренцо.

— Какъ облегчить? спросила дѣвушка съ горестнымъ удивленіемъ:—развѣ нѣтъ надежды на его полное оправданіе?

— Успокойтесь, сударыня, по при самомъ лучшемъ оборотѣ дѣла вамъ все таки придется перенести небольшую невзгоду.

— Какую, какую, говорите... я готова выслушать все...

— Вамъ надо будетъ потерпѣть, мнѣ неприятно говорить вамъ

это, по мѣсяцевъ шесть по крайней мѣрѣ вамъ не придется видѣть сеньора Лоренцо.

— О, этому не бывать! Я брошусь къ ногамъ нахѣстника и выпрошу помилованіе. Если нахѣстникъ не скажется, я весь міръ подниму.

— Успокойтесь; прежде чѣмъ что нибудь дѣлать, позвольте дѣйствовать мнѣ: если понадобится наше личное содѣйствіе, я сведу васъ съ одной особой, которая умѣетъ дѣйствительно творить чудеса.

Но Гауденци не слушала его и быстро ходила взадъ и впередъ по комнатѣ со слезами на глазахъ и съ дрожащей нижней губой. Верри слѣдилъ за ней съ участіемъ и удивленіемъ, и въ головѣ его рождалось подозрѣніе.

Мы должны сказать, что подозрѣніе это было справедливо. Если бы мѣсяцъ тому назадъ кто нибудь сказалъ этой дѣвушкѣ, что она влюблена въ Бруни, она звонко расхохоталась бы. Но въ тотъ день, когда онъ былъ арестованъ, и затѣмъ въ разлукѣ съ нимъ, чувство ея къ нему вдругъ созрѣло. Правда, она еще сама этого не подозрѣвала, и если бы теперь ей сказали, что она влюблена въ него, она уже не расхохоталась бы, но грустно улыбнулась бы и покачала головой; однако, чувства ея къ нему были теперь уже настоящею страстью.

— Послушайте... сказалъ Верри. Она остановилась передъ нимъ, ожидая услышать какой-нибудь утѣшительный выводъ изъ всего разговора.

— Давно ли сеньоръ Бруни состоитъ вашимъ опекуномъ?

— О, очень давно; я была дѣвочка безъ отца и матери и танцевала въ Венеціи въ театрѣ Санъ Моисе. При мнѣ была только моя добрая тетя... Мы были въ рукахъ у дирекціи, которая жила на нашъ счетъ, а насъ держала въ черномъ тѣлѣ; неправда ли тетя? Сеньоръ Лоренцо Бруни защитилъ насъ однажды отъ одного жаднаго импрессаріо и доставилъ намъ столько денегъ, сколько мы никогда не чаяли. Но этого мало: онъ взялся за мое воспитаніе, и такъ какъ онъ бывалъ въ Парижѣ, видѣлъ знаменитѣйшихъ танцовщицъ и зналъ танцевальное искусство лучше спеціалистовъ, то его совѣты помогли мнѣ исправиться... и если я теперь чего нибудь стою, то единственно благодаря ему.

— И притомъ, сказала тетя, онъ дѣйствовалъ безъ малѣй-

шаго личнаго интереса; тѣ, которымъ было непріятно его заступничество за насъ, намекали мнѣ, что онъ хочетъ нажить на нашъ счетъ. Но онъ скорѣе проигралъ, чѣмъ выигралъ, возясь съ нами; онъ вѣренъ, какъ вѣсы; щепетильность его такъ велика, что онъ никогда не соглашается получать за насъ деньги отъ дирекцій, непременно требуетъ, чтобы я сама ходила получать ихъ. О, графъ, для насъ большое несчастье лишиться этого золотого человѣка.

— Мнѣ пріятно слышать эти отзывы объ этомъ честномъ человѣкѣ; я надѣюсь выставить все это на видъ съ успѣхомъ въ защитѣ:

— И вы можете прибавить, графъ, что сенъоръ Лоренцо не только человѣкъ честный, но и высоко талантливый, и эта дѣвушка много обязана ему и въ умственномъ отношеніи.

Гауденци готовилась прибавить отъ себя къ похваламъ тетеп, но въ это время до ушей графа Пьетро Верри достигъ первый ударъ колокола съ площади Мерканти. Онъ вскочилъ, словно испуганный этимъ звономъ, и, прервавъ разговоръ, раскланялся, едва успѣвъ проговорить нѣсколько словъ въ утѣшеніе дѣвушкѣ. Что же такого роковаго было въ этомъ звонѣ? Дѣло въ томъ, что его превосходительство сенаторъ графъ Габріэль Верри шутить не любилъ, и Боже сохрани, если бы онъ узналъ, что сынъ его не вернулся домой до вечерняго звона. Когда однажды, увлекшись споромъ въ кафе, Пьетро вернулся часомъ позже, — Боже! что тутъ было! Сыну пришлось поднимать на ноги всю родню, чтобы примириться съ отцомъ. Онъ бѣгомъ пустился домой и успѣлъ добѣжать, пока звонъ еще не прекратился, могъ во время явиться пожелать покойной ночи папашѣ и потомъ удался въ свою комнату готовить защиту Лоренцо Бруни.

Онъ былъ очень доволенъ своимъ посѣщеніемъ Гауденци, потому что изъ разговора съ ней нравственная фізіономія Лоренцо Бруни выяснилось ему окончательно; въ головѣ его зародились новыя мысли, и въ сердцѣ прибавилось рвенія. Онъ надѣялся теперь написать защиту, которая подѣйствуетъ побѣдоносно на умы судей, не жертвуя притомъ истиной. Онъ былъ изъ тѣхъ натуръ, которыя неспособны ни ради чего не только извратить истину, но даже умолчать ее. Въ домѣ онъ былъ покорнѣйшимъ сыномъ,

вздрагивалъ отъ колокола, не ходилъ одинъ въ театръ, но вступиться убѣжденіями не могъ и передъ отцомъ.

Онъ сѣлъ за столъ и быстро написалъ три или четыре листа бумаги, потомъ громко прочелъ написанное и потеръ руки, довольный, что сказалъ все, что хотѣлъ сказать; потомъ перечелъ еще разъ и задумался надъ нѣсколькими слишкомъ рѣзкими выраженіями, въ которыхъ какъ будто обвинялъ самую судебную власть. Желая поправить, онъ зачеркнулъ цѣлую страницу, но потомъ нашелъ, что этотъ пропускъ разрушаетъ все зданіе и что, исключая эту рѣзкую и смѣлую истину, онъ лишаетъ свою защиту ея главнаго достоинства; поэтому онъ восстановилъ зачеркнутое, смягчивъ только нѣкоторыя отдѣльныя фразы. Затѣмъ онъ рѣшился перевести защиту на латинскій языкъ по двумъ причинамъ: во-первыхъ, на латинскомъ языкѣ она требовала отъ судей большаго вниманія, чтобы слѣдить за нею, и потому рѣзкія мѣста менѣе кидались ему въ глаза; во-вторыхъ, его отецъ былъ влюбленъ въ латинскій языкъ, и единственный разъ, когда онъ видѣлъ отца улыбающимся, это было при чтеніи его латинской диссертациа. Рѣшено, сдѣлано. Весь слѣдующій день онъ проработалъ надъ этимъ переводомъ, и на третій день подалъ защиту капитану юстиціи.

Защита эта, прочтенная въ сенатѣ, вызвала противъ Верри общее негодованіе судей. Почти одновременно съ нею была представлена капитану юстиціи защита Бенедетто Арезе, вещь слабая, которая сама по себѣ не могла оказать большой пользы злолучному придворному пѣвцу Его Величества Короля испанскаго. Но на сколько сочиненіе Верри возбудило негодованіе во всѣхъ представителяхъ юстиціи, начиная отъ актуаріуса до президента сената, на столько защита Арезе удостоилась похвалы и одобренія и расположила судейскія души къ оправданію Амореволи. Въ это время въ судъ неожиданно было представлено прошеніе адвоката Карлантио Агудіо, опекуна малолѣтнаго сына сеньоры Челестины Бароджи. Въ немъ излагался фактъ составленія покойнымъ маркизомъ Ф... завѣщанія въ пользу упомянутаго сына Бароджи; но такъ какъ извѣстно, что всѣ бумаги маркиза были похищены изъ его бюро, то адвокатъ Агудіо и настоятель Самъ Назаро, также опекунъ сына Бароджи, просили принять строжайшія мѣры для розысканія похитителя; хотя подозрѣнія противъ привлеченнаго къ дѣлу сеньора Амореволи казались неоснователь-

ными, но просители осмѣливались почтительнѣе ходатайствовать, чтобы въ случаѣ, если капитанъ юстиціи, по своей высокой мудрости, сочтетъ нужнымъ освободить его, то были бы приняты однако мѣры, дабы онъ не могъ уклониться отъ дальнѣйшихъ розысковъ, которые судебная власть можетъ быть найдетъ нужнымъ предпринять впоследствии.

Публика не мало толковала о томъ, что со времени ареста Амореволи и до сихъ поръ не было ничего сдѣлано юстиціею по дѣлу о похищеніи бумагъ въ интересъ сына Бароджи, который по слухамъ былъ назначенъ въ завѣщаніи единственнымъ наследникомъ маркиза Ф...; поэтому преподобный настоятель Санъ-Назаро обратился къ адвокату Агудіо, имѣвшему репутацію великаго законника, очень честнаго человѣка, и главное—человѣка необыкновенно упорнаго; по этой причинѣ онъ и выбралъ его, чтобы вести такое запутанное дѣло, которому можетъ быть предстояло протянуться безконечное число лѣтъ.

Такимъ образомъ дѣло Амореволи ухудшилось; но вскорѣ къ нему пришла неожиданная помощь. Донна Паола Пьетра, получивъ отъ графини Клелии письмо съ рассказомъ о похищеніяхъ лакея Саурди, сочла это извѣстіе весьма важнымъ, не обратила вниманія на просьбу графини хранить дѣло въ секретѣ и не теряя времени, вторично отправилась къ маркизу Рекалькати, рассказала ему о Галантино, о его роскошной жизни въ Венеціи и о подозрѣніи, что онъ, можетъ быть, похитилъ бумаги маркиза Ф...

Уже одно имя лакея Галантино было для капитана юстиціи лучшемъ свѣтѣ, озарившимъ мракъ всей этой исторіи. Онъ разсмѣялся передъ донной Паолой въ благодарностяхъ за такое неожиданное и драгоценное сообщеніе.

Черезъ два дня послѣ этаго визита донны Паолы къ капитану юстиціи, его сіятельство графъ Габріель Верри давалъ почти дипломатическій обѣдъ. Оставалось полъ или четверть часа до той торжественной минуты, когда дворецкій въ парадной ливреѣ получаетъ въ глазахъ гостей первоклассное значеніе, то есть когда, являясь на порогъ, провозглашаетъ, что обѣдъ поданъ. Въ салонѣ разговоръ не клеился между многочисленными гостями, раздѣлившимися на нѣсколько группъ, изъ которыхъ каждая состояла изъ сродныхъ другъ другу элементовъ. Тутъ были важ-

ныя особы, тоги и шпаги, графы и маркизы, молодыя дамы и пожилыя матроны; дѣвиць не было. Хозяинъ дома разговаривалъ въ углу съ маркизомъ Бекваріа, дядей Чезаре.

— Вижу, дорогой маркизь, что сыну моему, для котораго я не щадилъ ни попеченій, ни расходовъ, суждено быть мопиъ крестомиъ.

— И вамъ говорилъ,—надо было подольше оставить его въ Римѣ или Парми: онъ всегда былъ слишкомъ шлокъ; надо было подсыпать золи въ этотъ огонь. Такіе темпераменты, если имъ дать рано свободу, начинаютъ бродить, какъ незакупоренное вино.

— Но нельзя же было держать его до двадцати двухъ лѣтъ въ коллегіи?

— Не въ коллегіи, а поручить вѣрному человеку, какой нибудь духовной особѣ.

— Если ужъ моя строгость не помогла, то что подѣлалъ бы какой нибудь священникъ?

— Увидите, что я сдѣлаю изъ Чезарина, потому что мнѣ приходится самому заняться имъ. Его отецъ слишкомъ слабъ. Мальчикъ, правда, очень уменъ; въ школѣ его прозвали маленькимъ Ньютономъ; но чѣмъ больше ума, тѣмъ больше опасности; ну, я и буду присматривать; я ужъ присматривалъ, когда онъ прѣзжалъ изъ Пармы сюда на карнавалъ; тутъ онъ часто видался съ вашимъ Пьетро, и этотъ такъ околдовалъ ребенка, что разъ онъ сталъ держать мнѣ такія рѣчи... Просто я не опомнился!

— Неужели!

— Право.

— Да нужно будетъ принять серьезныя мѣры съ синомиъ. Вотъ десять дней, какъ мнѣ попалась въ руки эта защита, и съ тѣхъ поръ я его на глаза не пускаю. И что всего хуже,—вѣдь онъ не глупъ! Въ этой защитѣ есть... Я думаю, при лучшемъ направленіи онъ могъ бы...

— Но гдѣ онъ набрался всѣхъ этихъ идей, скажу прямо безбожныхъ противъ дворянства и властей? Надо же имѣть храбрости!

— Это-то меня и огорчаетъ, тѣмъ болѣе... мнѣ неприятно это говорить... но надо сказать, что нехорошо поступили, не обративъ вниманія на графиню въ этомъ несчастномъ процессѣ... Я говорю это съ крайнимъ прискорбіемъ, но Пьетро правъ, утверж-

дал, что если бы истина была во время известна, можно было бы все замять, такъ что все осталось бы тайной. А такъ... мало по малу... приведемъ къ тому... ужасно сказать!... что потерлемъ уваженіе народа... и тогда...

Онъ остановился, какъ бы пораженный грустной мыслью, и прибавилъ:

— А тутъ еще эта исторія завѣщанія маркиза Ф***... Этотъ лакей... Эта страшная заноза, могущая причинить ужасную рану и породить сотни страданій. Ахъ, маркизъ, это очень серьезно! Бѣда, если... Маркизъ Рекалькати мнѣ сейчасъ на это намекнулъ, но я не далъ ему договорить, потому что въ такомъ дѣлѣ слово, брошенное на вѣтеръ, можетъ повлечь за собой цѣлую плеяду бѣдъ...

Маркизъ Беккариа пристально смотрѣлъ въ глаза графу, точно желая вычитатъ его мысль.

— Изъ одного подозрѣнія выходитъ другое, а изъ другого еще что, сказалъ онъ:—тѣмъ болѣе, что покровители сына Бароджи... да и въ самомъ дѣлѣ эта исторія съ лакеемъ... вѣдь кто же нибудь подкупилъ его на это? А кому же былъ расчетъ, какъ же...

— Тс!.. Вотъ маркиза Д***; говорятъ, она выдаетъ дочь за сына графа; если бы она услышала...

— Въ концѣ концовъ, что же дѣлать?

— Да въ такомъ щекотливомъ дѣлѣ думать нечего... Юстиція должна дѣлать свое дѣло, не останавливаясь ни передъ чѣмъ. Уже написано сенату свѣтлѣйшей венеціанской республики объ арестованіи лакея; но надо держать дѣло въ глубочайшей тайнѣ, чтобы не вышло скандала; бѣда, если народъ увидитъ порокъ въ томъ классѣ, который предназначенъ Провидѣніемъ служить примѣромъ всѣмъ прочимъ. Но меня заботитъ еще другое, милый маркизъ. Вчера Пьетро, упрашивая свою мать быть посредницей между нимъ и мной, между прочимъ сказалъ такую несмысленную вещь:

— Будь, говоритъ, на мѣстѣ графа Ф*** какой нибудь базарный факторъ, капитанъ юстиціи давно засадилъ бы его на цѣпурку. Надо поговорить съ нимъ серьезно, но кратко. Сегодня я даю этотъ обѣдъ собственно для него; потому что изъ принципа я долженъ допустить его къ себѣ и такимъ образомъ нѣмъ случай сблизиться съ нимъ, не дѣлая ему уступки; онъ же увидитъ, что

я не так непреклоненъ. какъ онъ думаетъ. Послѣ обѣда мы позовемъ его въ особую комнату и поговоримъ съ нимъ, чтобы образумить его и доказать, что мы всегда дѣйствуемъ съ благою цѣлью, что молодежь должна слушаться опытности стариковъ. Ахъ, другъ мой, какую волю забрала вышняя молодежь! Приходится хитрить, чтобы не допустить родительскую власть до окончательнаго наденія!

V.

Въ Венеціи, гдѣ азартныя игры неоднократно бывали строго воспрещаемы, но гдѣ можно было подумать, что человѣкъ не имѣетъ въ жизни иного значенія кромѣ игры, славился особенно игорный домъ Санъ Моисе. Какъ какая нибудь литературная или ученая Академія, онъ имѣлъ свою бібліотеку, всю составленную изъ книгъ, посвященныхъ играмъ. Къ этимъ книгамъ обращались за справками въ сомнительныхъ случаяхъ.

Этотъ игорный домъ посѣщался дворянствомъ второго и третьяго разряда. Между посѣтителемъ общесъ вниманіе въ теченіе нѣсколькихъ дней обращалъ на себя молодой мланскій дворянинъ, сеньоръ Андреа Суарди: онъ съ удивительнымъ хладнокровіемъ рисковалъ очень крупными суммами и съ необыкновеннымъ счастіемъ выигрывалъ десять ставокъ изъ двѣнадцати. Венеціанскій патриціатъ раздѣлялся на два класса, рѣзко отличавшіеся другъ отъ друга: одни дѣлали все, другіе—ничего. Съ того времени, когда Градениго поставилъ основнымъ закономъ, что въ члены большого совѣта могутъ быть избираемы только потомки настоящихъ его членовъ и что эта привиллегія будетъ во вѣки вѣковъ сохраняться за ними наследственно, что изъ нихъ же будутъ избираться ими самими всѣ остальные должностныя лица республики, венеціанская аристократія обратилась въ олигархію; за исключеніемъ нѣсколькихъ фамилій, все многочисленное дворянство осталось безъ всякаго дѣла, не находило въ государствѣ ни занятія, ни деятельности, ни даже возможности со смысломъ тратить свое богатство. Тайный трибуналъ зорко и ревниво слѣдилъ за каждымъ

СТО ЛѢТЪ.

шагомъ ихъ, не помышляя, что, обрекая большинство гражданъ на бездѣйствіе, этимъ самымъ обезсмливаетъ республику и подготавлиетъ ея гибель. Тѣ изъ дворянства, въ комъ истинны были повнше, предавались интересамъ искусства, но громадное большинство бросалось въ кутежъ и развратъ. Поэтому въ теченіи трехъ вѣковъ внутренняя жизнь Венеціи была постояннымъ праздникомъ; веселіе ея карнаваловъ славилось на всю Европу, а на ея зеленыхъ столахъ золото сыпалось, какъ нвгдѣ въ мірѣ. Многія азартныя игры были изобрѣтены здѣсь и отсюда распространялись по всѣму свѣту.

Галантино нашелъ для себя очень выгодными эти венеціанскіе обычаи; приняты въ игорномъ домѣ въ качествѣ благороднаго миланца съ тѣмъ любезнымъ гостепріимствомъ, которымъ всегда отличались венеціанцы, онъ проводилъ тамъ всѣ ночи. Но въ игорномъ домѣ азартныя игры были запрещены недавнимъ приказомъ правительства; поэтому въ пзвѣстный часъ ночи посѣтители отправились оттуда за Ріальто, въ одно убогое кафе, носившее названіе Константинопольскаго, и тамъ втихомолку устраивался фараонъ, продолжавшійся до утра. Галантино пріѣхалъ въ Венецію съ деньгами; онъ былъ игрокъ опытный, въ игорномъ домѣ игралъ счастливо, благодаря своему искусству, и держалъ себя въ игрѣ такъ хорошо, что располагалъ къ себѣ всѣхъ своихъ партнеровъ; но онъ не могъ заснуть, не испытавъ прежде лихорадочныхъ треволненій азартной игры. Ему часто случалось держать банкъ, и тутъ при его ловкости ему удавалось такъ помогать счастію, что результаты были для него блестящи.

Въ ночь на третье апрѣля счастье и искусство служили ему больше обыкновеннаго. На разсвѣтѣ онъ вышелъ изъ убогаго кафе, выпивъ чашку сельдерейнаго настоя, и захотѣлъ вкусить удовольствіе уединенной прогулки въ розовомъ утреннемъ туманѣ среди роскошныхъ дворцовъ. Онъ шелъ потихоньку черезъ улицы и мосты, разсѣянно поглядывая на закрытыя окна и балконы и только прѣдка встрѣчая водоносовъ, уже поднявшихся въ этотъ ранній часъ; дойдя до Санто-Стефано, онъ направился къ своей квартирѣ; но, не доходя до дому, увидѣлъ подлѣ себя двѣ весьма неприятныя фигуры, чего-то ожидающія, прислонясь спинами къ стѣнѣ дома; это были два сбирра въ своихъ черныхъ капюшонахъ. Оглянувшись, онъ увидалъ еще двухъ полицейскихъ, которые про-

хаживались по улицѣ и переглядывались съ двумя первыми. Галантино тотчасъ почувствовалъ увѣренность, что они поджидаютъ его; онъ былъ подобенъ человѣку, захворавшему легкимъ нездоровьемъ во время повальной чумы; хотя нездоровье само по себѣ ничтожно, но въ немъ чувствуется роковой симптомъ. Галантино вдругъ остановился какъ вкопанный, чтобы посоветоваться самому съ собой, но разсудивъ, что дѣлать нечего, пошелъ медленно впередъ къ дверямъ своей квартиры. Капюшоны тронулись ему на встрѣчу и спросили.—Вы сеньоръ Андреа Суарди изъ Милана?

— Я; что вамъ угодно?

— Пожалуйте съ нами на минутку во дворецъ.

— Тотчасъ?

— Да, не теряя времени; такъ приказано.

Галантино спокойно и привѣтливо посмотрѣлъ на нихъ и сказалъ:

— Я готовъ, хотя не спалъ ночь... Но позвольте мнѣ взять мою гондолу.

— Гондола готова.

— Въ такомъ случаѣ идемъ.

Они пошли къ каналу; гондола и гондольеры были съ правительственнымъ гербомъ. Галантино попросили сѣсть подъ навѣсъ; капюшоны остались снаружи. Веела погрузилась въ воду и поѣхали.

VI.

По прибытіи въ дожескому дворцу, Суарди повели въ канцелярію Совѣта Десяти, гдѣ секретарь прочелъ ему ноту миланскаго сената касательно его выдачи; затѣмъ ему сообщили, что совѣтъ рѣшилъ исполнить требованіе миланскаго сената и препроводить Суарди на границу, гдѣ онъ имѣетъ быть выданъ властямъ миланскаго герцогства. Галантино выслушалъ все это, повидимому не смущаясь, хотя въ душѣ былъ очень потрясенъ; и отвѣчалъ, что не понимаетъ требованія миланскаго сената, потому что не знаетъ за собою ничего, что могло бы мотивировать его, но под-

чиняется декрету республики въ увѣренности, что ошибка, которой онъ сдѣлался жертвой, не замедлитъ разъясниться. Секретарь ничего не отвѣчалъ, только спросилъ, не желаетъ ли онъ послать за своими вещами и не имѣетъ ли въ Венеціи дѣлъ, которыя хотѣлъ бы поручить кому нибудь; получивъ отвѣтъ, онъ сейчасъ же распорядился, и въ тотъ же день Суарди подъ конвоемъ отправился въ Миланъ.

Обладая желѣзной натурой, Суарди не поддавался унынію, и въ самыхъ критическихъ обстоятельствахъ не терялъ присутствія духа, всегда умѣя однимъ взглядомъ измѣрить и обсудить опасность и всѣ могущія быть послѣдствія; если онъ не убѣждалъ отъ собирровъ республики, то это было слѣдствіемъ спокойнаго размышленія. Въ дорогѣ онъ преспокойно разсуждалъ самъ съ собой.

— Кто способенъ на большее, способенъ и на меньшее; кто не задумывался измѣнить мужу, можетъ выдать лакея. Хорошо, графиня! Но погодите!.. Если чортъ поможетъ мнѣ выйти изъ этой западни, мы еще посмотримъ!.. Ты увидишь, какъ Галантино умѣетъ мстить! Но прежде всего надо выйти цѣльнымъ изъ капкана. Я то за себя постою... но и другіе не должны дремать. Уж если я буду молчать, то имъ и подавно слѣдуетъ лучше откусить себѣ языкъ, чѣмъ болтать. А, ваше сіятельство, милостивый графъ, вамъ мое спасеніе должно быть дороже, чѣмъ мнѣ самому... вѣдь если я паду, то и вы... съ такой-то высоты! Правда, графъ никогда меня не видалъ, не говорилъ со мной и можетъ, пожалуй, отречься отъ меня... Но вѣдь стоитъ мнѣ твердо отиѣкнуться... и ничего не добьются... Но за этими довольно веселыми въ такой бѣдѣ размышленіями слѣдовали другія, мрачныя; воображенію Галантино представлялись невыгодныя стороны его положенія; онъ принимался проклинать день и часъ, въ которые ввязался въ такое опасное дѣло. Ему приходило въ голову, что въ его отсутствіе его сообщники могли сдѣлать какую нибудь неосторожность или что дѣло раскрыто какимъ нибудь непредвидѣннымъ стеченіемъ обстоятельствъ. Чѣмъ ближе подъѣзжалъ онъ къ Милану, тѣмъ болѣе терялъ бодрость, его мучила не столько перспектива тюрьмы, сколько мысль, что при немъ много денегъ и драгоценностей, которыя онъ охотнѣе поручилъ бы на храненіе чорту, чѣмъ юстиціи. Но тутъ же ему пришла и успокоительная мысль. Ну, подумалъ онъ, главное-то припрятано въ вѣрномъ мѣ-

стѣ, гдѣ и самъ чортъ не найдетъ! Это соображеніе нѣсколько успокоило его какъ разъ въ то время, когда уже подъѣзжали къ Милану. Однако лицо его вытянулось, когда, выѣхавъ на плаца Фонгана, онъ заглянулъ въ Новую улицу и увидѣлъ мрачный фасадъ дворца юстиціи.

Миланскій сенатъ получилъ нѣсколько часовъ тому назадъ извѣщеніе отъ венеціанскаго сената объ арестованіи Андреа Суарди и объ отправленіи его въ Миланъ; поэтому, когда Галантини вступилъ во дворецъ капитана юстиціи, онъ нашелъ тамъ уже готовое помѣщеніе, какъ жданный гость. Весь городъ уже зналъ, что подозрѣніе въ покражѣ бумагъ изъ дома маркиза Ф... пало на извѣстнаго всѣмъ лакея Галантино и что противъ него уже приняты мѣры. Всѣ почти были увѣрены въ справедливости этого подозрѣнія, но съ другой стороны всѣ были убѣждены, что онъ дѣйствовалъ по чужому наущенію. Другое обстоятельство также занимало публику, именно—освобожденіе тенора Амореволи. Какъ только сенатъ получилъ извѣстіе о поимкѣ лакея, онъ собрался и значительнымъ большинствомъ рѣшилъ освободить Амореволи, обязавъ его однако не выѣзжать изъ Милана до начала процесса Суарди, чтобы засвидѣтельствовать передъ судомъ о томъ, представляетъ ли этотъ подсудимый какое нибудь сходство съ человѣкомъ, котораго теноръ, какъ всегда утверждалъ, видѣлъ убѣгающимъ изъ сада.

Дѣла Лоренцо Бруни шли не такъ хорошо. Предубѣжденіе, противъ него судей было таково, что не только защита Верри, требовавшая полнаго оправданія была признана нецѣпю, но вопреки очевидной истинѣ, вопреки свидѣтельству донны Паоли Пьетра, вопреки даже несомнѣнному свидѣтельству писемъ самой графини Клели, представленныхъ въ судъ, его продолжали обвинять въ похищеніи ея или по крайней мѣрѣ волочили дѣло будто бы въ ожиданіи новыхъ уликъ противъ обвиненнаго. Цѣстро Верри не унывалъ однако и, не взирая ни на какія препятствія, твердо рѣшился добиться правды; для этого онъ вознамѣрился соединиться съ донной Паолой, которую чрезвычайно уважалъ и зналъ съ дѣтства, потому что мать его брала его съ собой еще мальчикомъ, когда ѣздилъ къ ней въ гости.

Онъ отправился къ ней и, войдя, приступилъ къ дѣлу безъ обиняковъ.

— Я часто бываю у васъ съ моей матерью съ единственной цѣлью имѣть удовольствіе видѣть особу, такъ высоко мною уважаемую; теперь я являюсь, какъ большинство вашихъ посѣтителей, за вашими содѣйствіемъ въ пользу честныхъ людей, несправедливо преслѣдуемыхъ. Я знаю, что вы уже приняли участіе въ судьбѣ обвиненнаго Лоренцо Бруни, котораго я на его бѣду избранъ защитникомъ.

— На его бѣду? Отчего?

— Очень просто: я высказалъ правду цѣлкомъ и безъ обычныхъ оговорокъ. Я нахожу необходимымъ темерь, чтобы вы взяли на себя трудъ переговорить съ намѣстникомъ графомъ Палавичини, такъ какъ распоряженіе насчетъ масокъ, которое Бруни нарушилъ, издано имъ. Вы знаете, что его упорно продолжаютъ, если не обвинять, то подозрѣвать въ похищеніи графини... и...

При этихъ словахъ донна Паола поднялась въ негодованіи и воскликнула:—Возможно ли! Я сама представила письмо графини, устранявшее всякія подозрѣнія.

— Кто не хочетъ видѣть, все равно—что слѣпой.

— Я поговорю съ намѣстникомъ.

— Но прежде слѣдовало бы приготовить сенать; намѣстникъ вѣдь обратится къ нему за справками; а тамъ въ крѣпкахъ и софизмахъ недостатка не будетъ. Скажутъ, что графиня должна лично дать показанія въ судѣ, потому что письмо можетъ быть вынуждено насиліемъ или угрозой, а законъ долженъ брать въ соображеніе все... Стало бытъ, намѣстникъ можетъ отвѣтить... Впрочемъ, вы при вашей опытности сами знаете, чѣмъ часто кончаются подобныя дѣла, когда найдутъ на кляузы.

— Вы правы... но что же дѣлать?

— Извините меня, но я буду говорить прямо...

— Говорите.

— Вамъ необходимо поговорить съ танцовщицей Гауденци; я уже говорилъ съ ней. Эта дѣвушка — воспитанница Бруни, самая простая и милая дѣвушка, какая только можетъ вырасти въ самомъ почтенномъ семействѣ, хотя воспитывалась на подмосткахъ; она въ такомъ отчаяніи отъ ареста этого честнаго Бруни, что готова жизнь отдать за его освобожденіе. Я сказалъ ей, чтобы она побывала у васъ.

— Зачѣмъ? Я и такъ готова сдѣлать все; зачѣмъ же ей беспокоиться?

— Видите ли, есть причина, по которой необходимо ей видѣться съ вами.

— Въ чемъ дѣло?

— Дѣло довольно щекотливое.

— Посмотримъ.

— Вы знаете, что сенатъ... т. е. сенаторы, по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ, не таковы, какими должны бы были быть... нѣкоторые... это грустно сказать... имѣютъ привычку втихомолку торговать своей должностью...

— О!

— Я не думаю, чтобы это было для васъ новостью; вы испытали и худшее.

— Правда, правда, продолжайте.

— Притомъ именно тѣ, которые мѣрятъ справедливость не по совѣсти, а по другому, люди самые способные, энергическіе и упорные, такъ что заставляютъ остальныхъ дѣлать все по своему... Вы видите, стало быть...

— Вижу и не вижу.

— Надо, чтобы танцовщица Гауденци съ своей теткой съѣздила ко всѣмъ этимъ господамъ... и послѣ просьбъ, вздоховъ и слезъ ухитрилась бы забыть на письменномъ столѣ средь перьевъ и карандашей сверточекъ цеккиновъ. Вотъ имена сенаторовъ, которые за деньги готовы черное найти бѣлымъ. (Онъ назвалъ нѣсколько именъ, которыя мы не повторимъ). Но по тысячѣ причинъ я не могу сказать всего этого дѣвушкамъ, да и не могъ бы сказать никому, кромѣ одной васъ.

— И такъ, что же по вашему мнѣ надо сдѣлать?

— Мнѣ кажется, что ежели не остается никакого другого средства для спасенія невиннаго, какъ пожертвовать нѣсколько сверточковъ золота, сущую бездѣлицу для дѣвушки, получающей министерское жалованье, то изъ уваженія къ правосудію же надо нанести это оскорбленіе правосудію.

Донна Паола встала и сказала:—Пришлите мнѣ дѣвушку. Поговоримъ и увидимъ... Но это до такой степени щекотливое дѣло, что я право не знаю, какъ быть. И говорить то объ этомъ точно....

Прежде были жестоки и свирѣпы, а теперь стали... Пришлите мнѣ дѣвушку.

Изъ этого разговора читатель можетъ себѣ составить понятіе о тогдашнихъ нравахъ. Нравы эти засвидѣтельствованы документами правда не официальными, но непреложными и достовѣрными. Это—произведенія народной сатиры, увѣковѣчившія эти факты, какъ историческія надписи на бронзовыхъ доскахъ. Въ своихъ эпиграммахъ народъ не церемонился называть продажныхъ сенаторовъ по имени и вводитъ эти имена въ поговорки; въ при- мѣръ мы приведемъ четверостишіе, въ которомъ заклепаны два знатныя имени:

*Divora il C..... егго
L'oro, l'argento e il ferro;
Il senator Montone
Divora anche l'ottone*

(Жреть Ч...его золото, серебро и желѣзо; сенаторъ Монтона жреть и латунь).

Однажды въ жаркомъ спорѣ, возникшемъ въ залѣ сената, сенаторъ Морозини, швейцарецъ (потому что въ сенатѣ засѣдало дворянство не одного герцогства миланскаго, но и другихъ областей, Тосканы, Романіи и т. д.) сказалъ своему товарищу, который пользовался большимъ вліяніемъ, но незавидной репутаціей: «хорошо вамъ, а у меня пшѣніе не въ Biassonna», т. е. не въ чужомъ карманѣ. Самъ Морозини былъ неподкупенъ, но за то былъ страстный любитель пытокъ и, присутствуя при нихъ, прихлебывалъ шоколадъ.

VII

Амореволи вышелъ изъ тюрьмы въ великолѣпное апрѣльское утро, оплакиваемый сторожами, дѣйствующими его щедрость. Онъ направился прямо къ театру. Замкнуто первый встрѣтилъ его у входа и чуть не упалъ въ обморокъ отъ радости. Какъ добрая собака, обрадованная возвращенію господина, онъ сначала за-

пригаль. потомъ бросился бѣжать впередъ, громко возвѣщая свою радость и прерывая репетицію новой примдонны своими отчаянными криками: Господа, сеньоръ Амореволи! вотъ наконецъ сеньоръ Амореволи. Музыканты бросили репетицію и окружили Амореволи, засыпая его поздравленіями и вопросами, такъ что онъ долженъ былъ пригласить ихъ всѣмъ на обѣдъ въ гостиницу Трехъ Королей, гдѣ жилъ до ареста и куда отправился теперь въ сопровожденіи Зампино. Тамъ появленіе его возбуждало новые восторги въ хозяинѣ, слугахъ, поварѣ, который очень гордился довѣріемъ перваго тенора, всегда заказывавшаго ему послѣ театра бульонъ со студнемъ для своего горла. Комната Амореволи оставалась заперта все время его ареста; хозяинъ рассчиталъ, что кто нибудь заплатитъ ему за это время, а если никто не явится платить, то онъ самъ вознаградитъ себя чемоданами, сундуками и гардеробомъ пѣвца. Зампино тотчасъ принялся провѣтривать этотъ гардеробъ, и пока теноръ принималъ гостей, онъ то чистилъ порошкомъ шлемъ Александра, то теръ суконкой саблю Артаксерса, то выколачивалъ красный шпиль золотомъ плащъ Бира.

Въ числѣ посѣтителей, явившихся поздравить Амореволи, были кромѣ его товарищей и благородныхъ инспекторовъ театра, многіе молодые кавалеры самыхъ знатныхъ фамилій, страстные любители музыки и проникнутые теперь великимъ уваженіемъ къ тенору, который положительно сдѣлался героемъ дня; хозяинъ гостиницы нажилъ бы хорошія деньги, если бы вздумалъ продавать билеты желающимъ видѣть его. Когда наконецъ остался одинъ, онъ воспользовался этой свободной минутой, чтобы выйти изъ дому и отправиться засвидѣтельствовать свое почтеніе наѣстнику графу Пазавичино, который, какъ ему говорили, очень заступался за него. Войдя въ приемную, гдѣ цѣлая толпа ожидала приѣма его превосходительства, онъ увидѣлъ Гауденци, которая выходила изъ кабинета наѣстника; съ ней была донна Паола Шетра, которую Амореволи не зналъ. Они узнали другъ друга съ удивленіемъ и поспѣшили другъ другу на встрѣчу.

— Вы адѣсь?

— А вы?

И Гауденци обратилась къ доннѣ Паола.

— Сеньоръ Амореволи.

— Который сегодня въ первый разъ дышетъ воздухомъ свободы, прибавилъ онъ самъ.

Донна Паола съ большимъ любопытствомъ поглядѣла на тенора, но промолчала.

— Я здѣсь, какъ видите, продолжала Гауденци, потому что сеньора — она указала на донну Паолу — удостоивающая меня своимъ покровительствомъ, сама представила меня его превосходительству, чтобы просить его о помилованіи сеньора Бруни.

— Извините меня, сказалъ Амореволи, я только что вышелъ изъ тьмы и еще ничего не разобралъ на свѣтѣ; кое-что я слышалъ, но въ точности ничего не знаю; если вамъ угодно рассказать мнѣ... и съ этими словами онъ предложилъ доннѣ Паолѣ стулъ.

— Не беспокойтесь, сказала она, меня ожидаютъ въ другомъ мѣстѣ, я должна ѣхать. А вы, душечка, обратилась она къ Гауденци, подождите секретаря, который передастъ вамъ записку намѣстника къ президенту сената. Будьте покойны, надѣюсь, что всѣ эти неприятности скоро кончатся. Да благословитъ васъ Богъ!

— Вотъ святая, вотъ добрая женщина, сказала Гауденци по уходѣ донны Паолы, безъ нея Богъ знаетъ, что было бы съ Лоренцо. Тутъ она принялась рассказывать Амореволи всѣ уже извѣстныя намъ приключенія. Амореволи, который слышалъ обо всемъ этомъ очень смутно отъ сторожей, едва вѣрилъ своимъ ушамъ, слушая рассказъ о маскѣ, о бѣгствѣ, объ арестахъ.

— Такъ графиня бѣжала?

— Навѣрно бѣжала.

— Куда?

— Говорятъ въ Венецію.

— О!

Амореволи замолчалъ; Гауденци также; это краснорѣчивое молчаніе продолжалось нѣсколько минутъ.

— Вѣдь вы ангажированы на нынѣшнюю весну на Санъ Моисе, сказалъ наконецъ Амореволи.

— Да, я должна надѣяться ѣхать; дай Богъ, чтобы Лоренцо могъ сопровождать меня. Но я слышала, что и вы...

— Я ангажированъ по контракту на будущій карнаваль, а весной приглашенъ только на шесть представленій; я не могъ отказаться, потому что господа патриціи прислали мнѣ вексель

съ бланкомъ вмѣсто сумми, предоставляя мнѣ самому выставить цифру; можно ли было отказаться?

Гауденци улыбнулась въ отвѣтъ. Въ это время къ ней подошелъ секретарь и передалъ ей бумагу; получивъ ее, она уѣхала.

Амореволи пришлось прождать еще цѣлѣй часъ; это было тѣмъ скучнѣе, что ему безпрестанно приходилось отвѣчать на вопросы другихъ ожидавшихъ посѣтителей, интересовавшихся имъ. Наконецъ, онъ былъ очень любезно принятъ намѣстникомъ и, поговоривъ съ нимъ, вернулся къ вечеру въ гостиницу Трехъ Королей, гдѣ уже былъ накрытъ большой столъ на сорокъ слишкомъ приборовъ. Къ двумъ часамъ (по милански) вечера, всѣ гости собрались. Ровно въ два часа сѣли за столъ. Обѣдъ начался въ молчаніи, посредникъ оживился, а подъ конецъ разгорачился; сначала заговорили нѣкоторые, къ нимъ присоединились другіе, и мало по малу всѣ приняли участіе въ разговорѣ, совершенно какъ инструменты въ оркестрѣ по правилу россиниевскаго кресчендо, о которомъ тогда и понятія не имѣли; въ заключеніе образовался такой шумный и громкій хоръ, что ушамъ было больно. Когда принялись за москаделло и монтероббѣ ¹⁾, бесѣда стала еще шумнѣе и откровеннѣе.

— Да здравствуетъ Амореволи!

— Да здравствуетъ царь теноровъ!

— Любимецъ партера!

— Скажите лучше — лодъ!

— Ахъ, милый мой Амореволи Амуръ, воскликнулъ второй теноръ Фронтини, нѣсколько подвыпившій, не даромъ ты носишь свою фамилію; куда бы ты ни явился, твоя роль всегда быть Парисомъ, Энеемъ! Ахъ, чортъ тебя возьми, вѣдь я побывалъ съ тобой на всѣхъ театрахъ Италіи и за границей... и всюду ты производилъ эффектъ головни, брошенной въ пороховой магазинъ... Помнишь въ Римѣ?.. А въ Неаполѣ? О, въ Неаполѣ! Вотъ была исторія! А въ Мадридѣ?.. Бстати, зашла у тебя царянина на шеѣ? Ахъ, вотъ...

Chi si guarda dal guarnello,
Pin si guarda dal coltello

¹⁾ Названіе вина.

(Кто бережется юбки, бережется и ножа). Ха... ха... ха! Плохо мужьямъ тамъ, гдѣ ты повадишься!.. А все же тебѣ не везетъ: тамъ шею проткнуть, тутъ руки связуть! Ха, ха, ха!

— Молчи, молчи. Фронтно, говоришь Амореволи, а если ужъ веселье, то говори, по крайней мѣрѣ, о веселыхъ вещахъ.

— Я говорю, добра тебѣ желаючи. дорогой мой Амореволи. Вѣдь ты въ Венецію ѣдешь, а это городъ любовныхъ опасностей и ловушекъ. Берегись!

Истребленіе монтераббіо продолжалось до поздняго вечера, а затѣмъ въ полночь театральные музыканты дали серенаду передъ гостиницей Трехъ Королей въ честь знаменитаго тенора, уѣзжавшаго на другой день въ Венецію. потому что мы забыли сказать, что передъ освобожденіемъ ему дана была очная ставка въ Галантино, котораго онъ не призналъ, послѣ чего ему объявили, что онъ можетъ, когда ему угодно, выѣхать изъ Милана. Всѣ улицы по сосѣдству съ гостиницей Трехъ Королей были запружены дилетантами изъ миланской молодежи, которые по обычаю всякой молодежи страшно шумѣли и громко вызывали тенора. Ему нѣсколько разъ приходилось, какъ коронованной особѣ, показываться на балконѣ гостиницы, чтобы благодарить вѣрноподанныхъ за выраженія любви. Наконецъ, ночная сырость подѣйствовала на струны скрипокъ; на духовыхъ инструментахъ отозвалось истощеніе музыкантовъ, и всѣ разошлись спать.

Но если Амореволи сладко спалось на свободѣ, то были люди въ Миланѣ, которыхъ мучила бессонница. Къ числу ихъ принадлежалъ забытый, вѣроятно, читателемъ графъ В., мужъ графини Клели. Мы оставили его въ гнѣвѣ и тревогѣ. Но бѣгство графини и арестъ Амореволи лишили его всякой возможности вынести свой гнѣвъ; ему пришлось удовольствоваться подачей формальнаго прошенія объ юридическомъ разводѣ съ женой, что онъ и сдѣлалъ по совѣту своего брата, члена благородной коллегии присконсультовъ. Послѣ неудачной попытки объяснить побѣгъ графини похищеніемъ, онъ узналъ, что она скрывается въ Венецію и собирался было отправиться туда, но его удержалъ, во-первыхъ, страхъ новаго, еще худшаго скандала, а во-вторыхъ, мысль, что Амореволи остается въ Миланѣ въ тюрьмѣ на неопредѣленное время; онъ рѣшился дожидаться его освобожденія.

Въ этотъ день онъ узналъ разомъ, что теноръ освобожденъ и

что на другой же день онъ уѣзжаетъ въ Венецію. Тогда въ его испанской головѣ родилась и созрѣла мысль, которую онъ тщательно скрываетъ отъ всѣхъ родныхъ и друзей, притворившись спокойнымъ и равнодушнымъ: онъ объявляетъ имъ, что пубетъ надобность на нѣсколько дней отлучиться изъ города и почти въ одно время съ Амореволи выѣхать также въ Венецію.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

...Si et vivo carus amicis;
Causa fuit pater his; qui macro pauper agello
Noluit in Flavi ludum me mittere, magni
Quo pueri, magnis e centuribus orti,
Laevo suspensi loculos tabulamque lacerto,
Ibant octonis referentes idibus aera,
Sed puerum est ausus Romam portare docondum
Artes, quas doceat quivis eques atque Senator
Semet prognatos... ¹⁾.

Такъ то, друзья мои! я нарочно далъ вамъ перевести это мѣсто изъ VI сатиры I книги, чтобы вы узнали этого поэта во всѣхъ отношеніяхъ. Вашъ профессоръ реторики, у котораго и я учился, можетъ быть правъ... но по моему нельзя по справедливости называть порочнымъ человѣка, который такъ свято чтить память отца, не перестаетъ говорить о немъ съ благодарностью и, являя среди знати, въ кружкѣ Мецената, восхваляетъ отца вольноотпущенника, говоря:

...at hoc nunc..!

¹⁾ ...Но если я любимъ друзьями, я обязанъ этимъ отцу. При всей своей бѣдности, онъ не хотѣлъ посылать меня въ школу Флавія, куда сыновья нашихъ чиновниковъ ходили съ табличкой подъ мышкой и съ мѣшкомъ на рокахъ вычислять лихвенные проценты за мѣсяць. Онъ рѣшился отвезти меня въ Римъ, чтобы учиться всему, чему учатся дѣти всадниковъ и сенаторовъ.

Вотъ, читайте:

*Laus illi debetur et a me gratia major.
Nil me poeniteat sanum patris hujus* ¹⁾.

Нѣтъ, этотъ человѣкъ не могъ быть воднымъ льстецомъ.

Вмѣсто того, чтобы постоянно вспоминать посланіе *Sum tot astineas*, единственное, въ которомъ Фликъ преувеличительно хвалитъ Августа и которое было вызвано грознымъ письмомъ къ нему императора, лучше бы не забывать мужества, съ которымъ Горацій вспоминаетъ свои связи съ Брутомъ, хвалитъ послѣднихъ героев умирающей республики и отказывается отъ должности секретаря Августа. Но, дѣти мои, я не хочу сказать, что Горацій былъ безгрѣшенъ; кто безъ грѣха, особенно въ такое время? Я только утверждаю и доказываю, что онъ былъ одинъ изъ самыхъ честныхъ, скромныхъ и свободныхъ людей своего времени. Не будь я убѣжденъ въ этомъ, я не цѣнилъ бы такъ его поэзію; еслибы я раздѣлялъ мнѣніе о немъ падре Бранда, я не тратилъ бы столько времени на объясненіе его вамъ. Я не могу отдѣлять словъ отъ дѣлъ, принциповъ искусства отъ принципа жизни, потому что безнравственный человѣкъ не можетъ имѣть чистыхъ мыслей; еслибы я думалъ о Гораціи то, что думаетъ падре Бранда, я вышвырнулъ бы за окно его оды и сатиры; не сталъ бы восхвалять вамъ геній человѣка, жизнь котораго презиралъ бы. Переведенное вами вмѣсто учить васъ, какъ должно чтить отцовскую память, какъ вы должны уважать вашу святую мать...

— Что съ нашимъ аббатомъ? сказала донна Паола Пьетро, входя въ учебную комнату своихъ сыновей, что съ вами, другъ мой? Вы гремите, какъ проповѣдникъ съ каедрн? И съ ласковой улыбкой она пожала руку молодому аббату, который каждый вечеръ репетировалъ уроки съ вношами, посѣщавшими школу Арчимбольди.

— Ничего, сударыня, только я несогласенъ съ почтеннымъ падре Бранда, котораго впрочемъ очень уважаю и которому обязанъ какъ своему учителю. Дѣло идетъ о Гораціи; я утверждаю противъ падре Бранда, что онъ былъ поэтъ не только великій, но и

¹⁾ Я обязанъ ему хвалою и великой благодарностью. Нѣтъ, никогда не пожалѣю я, что имѣлъ такого отца.

честный, потому что иначе совесть моя никогда не допустила бы, чтобы ум юношей начался прикосновеніемъ къ сочиненіямъ безчестнаго человѣка; тутъ чѣмъ лучше форма, тѣмъ опаснѣе ядъ.

Говорившій это, высокій, худой человѣкъ, съ большими пылкими черными глазами, съ строгимъ, величественнымъ выраженіемъ лица, не смотря на свои годы, которыхъ въ его жизни не насчитывалось еще полныхъ двадцати одного, былъ аббатъ Джузеппе Паррини. Донна Паола любила присутствовать при урокахъ Паррини, потому что ей нравились увлекательныя лекціи аббата, и кромѣ того она помогала своей памятью сыновьямъ приготовить задаваемые имъ сочиненія. Аббатъ такъ увлекался своими объясненіями латинскихъ классиковъ, особенно своего любимаго Горация, что доннѣ Паолѣ не разъ приходилось напоминать ему, что часъ прошелъ и что его ждутъ въ другихъ домахъ.

Подобно Горацию, котораго отецъ вольноотпущенникъ привелъ изъ родной Венозы въ Римъ, Паррини былъ всѣмъ обязанъ своему отцу, который продалъ свое маленькое имѣніе близъ Эфиопии, чтобы дать сыну средства учиться въ Миланѣ. Прочитавъ въ первый разъ Горация, онъ страстно увлекся имъ. Онъ читалъ, перечитывалъ, изучалъ, переводилъ, разбиралъ его, такъ сказать разлагая его, чтобы снова составлять. Такъ будущій великій механикъ развѣчиваетъ и раздѣливаетъ всѣ составныя части часового механизма, чтобы имѣть удовольствіе потомъ собственнымъ соображеніемъ доходить до возстановленія его. Такимъ то образомъ ученикъ въ поэзіи сдѣлался мастеромъ въ ней. Быть можетъ, этому терпѣливому изученію латинскихъ авторовъ и Горация не мало помогла роковая необходимость, представившаяся Паррини, взбираться ежедневно на множество лѣстницъ, чтобы давать уроки по 10 сольдовъ въ часъ и этимъ содержать себя и свою мать, оставшуюся въ крайности. Въ объясненіяхъ и толкованіяхъ, которыя онъ давалъ своимъ ученикамъ, зрѣла и развивалась его собственная мысль, и въ этой умственной работѣ сухое знаніе воспринятое его умомъ, переваривалось и уподоблялось, какъ пища въ здоровомъ желудкѣ.

Между тѣмъ, Паррини продолжалъ свою лекцію, и донна Паола слушала его, но казалось, съ нетерпѣніемъ ждала конца, будучи занята какою-то мыслью, наконецъ, дождавшись паузы, она сказала:

— Ужь поздно. а вы по обыкновенію забываете вашу выгоду, увлекаясь любовью къ наукѣ. Но сегодня довольно... подите прогулять. прибавила она сыновьямъ.

Мальчики встали. поклонились аббату. поцѣловали мать и вышли.

— Что вы скажете о моихъ дѣтяхъ?

— Имѣю добрыя надежды. Карло умомъ быстрѣ; Арриво отсталѣе. Но я думаю, что современемъ младшій перещеголетъ старшаго... Но что съ вами сегодня?.. Вы какъ будто разстроены... Извините за замѣчаніе.

— Я въ самомъ дѣлѣ разстроена, и вы мнѣ нужны.

— Приказывайте.

— Вы уже были сегодня на урокъ у сына графини Марліани?

— Былъ.

— Говорили вы съ графомъ, графиней или съ кѣмъ нибудь изъ домашнихъ?

— Говорилъ... но...

— Послушайте. Марліани въ большой дружбѣ съ В. Мнѣ нужно знать, правда-ли, что графъ В., уѣхалъ изъ Милана, какъ я слышала.

— Уѣхалъ... и дѣло неладно... Мать графини В., была сегодня утромъ у Марліани очень озабоченная... боятся, что графъ поѣхалъ въ Венецію.

Донна Поала вскочила при этихъ словахъ съ восклицаніемъ:

— Ахъ. вотъ мои подозрѣнія! Но о чемъ же они думали? Мать, сестра, братъ? Что у нихъ въ тѣлѣ—кровь или мочала? Не понимаю. Ждать до сихъ поръ и отпустить, не подумавъ, не предупредивъ, не предпринявъ! Дураки безсердечные! Послушайте: вознитесь вы за это дѣло? Надо открыть имъ глаза; надо, чтобы кто нибудь изъ нихъ... если мать не можетъ, то братъ... Что братъ то дѣлаетъ? Отчего не летитъ въ Венецію спасти сестру? Идіотъ.

— Что же я долженъ сдѣлать?

— Поговорите съ графиней Марліани, только ни подъ какимъ видомъ не упоминая моего имени, представьте ей всю важность дѣла, убѣдите ее уговорить брата графини Клеин ѣхать въ Венецію, не теряя ни минуты. Я писала графинѣ, но что можетъ сдѣлать письмо? Ахъ, другъ мой, вы представите себѣ не стоить.

жете, какъ мучить меня безпокойство! Вѣдь я, желая предупредить бѣду, надѣлала худшихъ несчастій! Но что было дѣлать?

— Чѣмъ же вы то виноваты?

— Вѣдь я посовѣтовала ей ѣхать въ Венецію, потому что знала тамъ семейство, которому могла поручить ее.

— Ну такъ что же?

— Могла-ли я предвидѣть, что человѣкъ, ради котораго она впуталась во все это дѣло, изъ-за котораго покинула мужа, родныхъ, отечество, отправится также въ Венецію? Вы понимаете теперь, какъ легко можетъ разыгратъ тамъ семейная драма? Скажите же все это Марліанн, такъ какъ графиня любитъ болтать съ вами; но главное, надо, чтобы все это шло отъ васъ самихъ.

— Будьте покойны.

— Я только что упрекала васъ за пренебреженіе своимъ годами и за лишнее усердіе въ ущербъ себѣ и вашей матушкѣ, а теперь должна, напротивъ, просить васъ оставить всѣ ваши дѣла... Впрочемъ, за потерю времени вы должны быть вознаграждены...

— Что? Вы хотите лишить меня моей доли участія въ добромъ дѣлѣ?

— Ну, ну, не смотрите на меня такъ свирѣпо, улыбаясь сказала донна Паола, и ступайте съ Богомъ!

II.

Амореволи былъ счастливѣйшимъ человѣкомъ. Не говоря уже объ удовольствіи чувствовать себя свободнымъ послѣ тюрьмы, получить заявленіе уваженія цѣлой публики, пользоваться превосходнымъ здоровьемъ, славой въ настоящемъ и будущемъ, обладать хорошимъ капиталомъ и имѣть въ виду богатую жатву, ко всему этому присоединялись сладкія надежды и тревоженія человѣка, идущаго по счастливому стеченію обстоятельствъ именно туда, гдѣ находится предметъ его помышлений и желаній. Но по той же самой причинѣ переѣздъ ста восьмидесяти миль показался

ему до нельзя скучнымъ; онъ проклиналъ медленность почтарей и скверное состояніе дорогъ, которыя были дѣйствительно ужасны. Но, наконецъ, онъ добрался до Местре, нанялъ тамъ особую газеру, не захотѣвъ сѣсть въ общую почтовую барку, и съ восторгомъ услышалъ подъ собою журчаніе знаменитой лагуны, о которой столько слышалъ восторженныхъ разсказовъ. Изъ всѣхъ европейскихъ городовъ, имѣвшихъ прославленные театры, ему оставалось познакомиться только съ Венеціей, городомъ преимуществу музыкальнымъ, авторитетъ котораго въ музыкѣ и пѣніи стоялъ въ то время выше всѣхъ. Онъ не безъ трепета ждалъ, чтобы Венеція запечатлѣла его славу своими рукоплесканіями. Пока онъ думалъ объ этомъ, гондольеръ, видя, что имѣеть дѣло съ иностранцемъ и притомъ, какъ ему казалось, богатымъ, рѣшился поподчивать его зрѣлищемъ, передъ которымъ всѣ иностранцы, какъкъ ему случалось возить, цѣбенѣли отъ восторга. Трогательна и поэтична любовь, истинно символическая, которую самые необразованные и дикіе сыны Венеціи питаютъ къ своему прекрасному отечеству. Гондольеръ наслаждается удивленіемъ, изображавшемся на лицѣ иностранца при вѣздѣ въ Канале Гранде и при видѣ безконечнаго ряда великолѣпныхъ дворцовъ, парн которыхъ было бы достаточно для прославленія любого города. Онъ зранѣе подкарауливаетъ впечатлѣніе, которое отразится на физиономіи пріѣзжаго, когда онъ очутится передъ Пиаццетой.

— Что, нравится? сказалъ гондольеръ, когда Ахоревони въ восторгѣ остановился на лѣстницѣ: — Видно, сіоръ не бывалъ еще въ Венеціи?

— Не бывалъ, другъ мой.

— Если сіоръ позволитъ, я бы свезъ его показать всѣ чудеса города.

— И прекрасно, но прежде свези меня въ гостиницу, да въ самую лучшую... понимаешь?

Гондольеръ пригласилъ его сѣсть снова въ гондолу и повезъ его въ «Французскій Гербъ».

— Пріѣзжай за мной часа черезъ два, а пока я разберу свои вещи. Ты, кажется, славный малый, ты будешь мнѣ нуженъ... и съ этими словами онъ далъ ему на водку.

Гондольеръ взглянулъ украдкой на полученное, остался очень доволенъ и отчалилъ.

Слуга, говорившій по итальянски съ французскимъ акцентомъ, провелъ Амореволи въ прекрасную комнату въ первомъ этажѣ, выходившую на каналъ.

— Правится вамъ эта комната!

— Да, но...

— Что такое?

— Тутъ чѣмъ-то пахнетъ... не совѣтъ пріятно.. у меня обоняніе тонкое... нельзя ли...

— Спнборъ, позвольте доложить вамъ: въ Венеціи все прекрасно, великолепно, величественно, но надо привыкнуть къ запаху лагуны. У всякаго города есть какой нибудь недостатокъ, какъ же Венеціи быть безъ него? Въ Римѣ, къ выходу въ двадцать четыре часа, того хватаетъ лихорадка, въ Миланѣ вѣтеръ, въ Парижѣ грязь, въ Кадиксѣ по ночамъ встаетъ насѣкомое вредное для легкихъ. Я служилъ во многихъ городахъ Европы и не видалъ мѣста, гдѣ не было бы своего неудобства. Но позвольте, спнборъ, дать вамъ совѣтъ.

— Какой?

— Не дѣлайте этого замѣчанія венеціанцамъ, если не хотите лишиться ихъ дружбы. Критикуйте ихъ театръ, площадь, мостъ Ріальто, дожескую шапку, что угодно, но не говорите имъ, что каналы ихъ воняютъ... Ужъ это рѣшено и подписано, что они пахнутъ розой.

Разобравъ свои вещи и переодѣвшись, Амореволи пообедалъ и сталъ ждать гондольера, который явился подъ вечеръ.

— Ужъ поздно, другъ мой, многого не успѣемъ увидѣть.

— Развѣ не позволили слышать, зеленза ¹⁾, что Венеція ночью лучше, чѣмъ днемъ. Позвольте мнѣ возить насъ, сіоръ; я покажу вамъ чудеса.

Черезъ нѣсколько минутъ они плыли въ лагунѣ. Навѣсъ былъ снятъ, и Амореволи вступилъ въ разговоръ съ гондольеромъ, надѣясь вывѣдать отъ него нужныя вещи.

Май мѣсяцъ всюду пользуется прекрасной репутаціей, и набожные люди называютъ его даже мѣсяцемъ Маріи. Но во многихъ мѣстахъ эта репутація рѣшительно необъяснима мѣстными

¹⁾ Эчеленца.

условіямъ и основывается исключительно на теоріи и преданіи, завѣщанныхъ греческими и латинскими классиками, которые на берегахъ Арголіды или тирренскаго моря знали истинный май во всемъ его великолѣпіи. Въ Миланѣ, напримѣръ, май представляетъ полнѣйшій контрастъ описаніямъ этихъ поэтовъ. Другое дѣло въ Венеціи. Венеція усвоила себѣ не только лунный свѣтъ, но и классическій май, который полонъ въ ней греческаго изящества и восточной нѣги. За то и опасенъ же онъ! Лордъ Байронъ, рассчитывавшій по лондонскому меридіану, вышелъ, что июнь — мѣсяць самый враждебный пуританству; у насъ этотъ расчетъ запаздываетъ на тридцать дней. Въ Венеціи же въ маѣ человекъ, разогрѣтый солнцемъ восточной весны и палящими морскими испареніямъ, уподобляется шелковичному червю, прогрызающему коконъ и выпархивающему бабочкой.

Графиня Клеція чувствовала на себѣ вліяніе венеціанскаго мая. По мѣрѣ того, какъ вѣтеръ все мягче, все вѣжнѣе, все теплѣе дулъ съ лагуны, кровь ея обращалась все быстрѣе, и неопредѣленное чувство восторга и страсти овладѣвало ею до того, что она теряла сознаніе своего несчастнаго положенія. До сихъ поръ она держала себя въ своей комнатѣ въ добровольномъ заключеніи, но теперь стала по вечерамъ принимать участіе въ семейныхъ бесѣдахъ своихъ хозяевъ; тамъ она встрѣчала иногда постороннихъ, которые относились къ ней съ такой симпатіей, какой она не встрѣчала въ Миланѣ; мало по малу изъ семейнаго кружка Соломонъ она перешла въ многолюдные салоны самыхъ знатныхъ домовъ. Тамъ молодежь встрѣчала ее почти съ восторгомъ. Въ то время романы аббата Кіари были въ большомъ ходу и внушили молодымъ умамъ страсть къ чудесному и необыкновенному. Графиня В..., молодая, прекрасная, ученая, коротко звѣконая съ небесными тѣлами, открыто измѣнившая мужу, что тогда было такою же рѣдкостью, какъ и учепость, влюбленная въ лучшаго и красивѣйшаго тенора въ мірѣ, что въ артистическомъ городѣ равнялось репутаціи самаго блестящаго гусарскаго полковника города воинственнаго, и наконецъ, въ довершеніе романтизма, совершившая отчаянный побѣгъ, возбуждала настоящій восторгъ, доходившій до сумасбродства. Не умѣю сказать, было ли ей это пріятно; но беря въ расчетъ, что она въ первый разъ въ жизни испытывала удовольствіе производить такое впе-

чатлібіе, находимъ естественныхъ, что она не спѣшила выйти изъ этого водоворота.

Когда настала прекрасная погода и начались ночныя катанья въ гондолахъ, дожна Клепія также пожелала выѣзжать по вечерамъ на прогулки. Чтобы доставить ей пріятный сюрпризъ, ея хозяева предоставили въ ея распоряженіе знаменитѣйшаго изъ тогдашнихъ венеціанскихъ гондольеровъ. То былъ Антоніо Біанки, прославленный за свой рѣдкій поэтическій талантъ, о которомъ свидѣтельствуютъ двѣ оставленныя имъ поэмы, гдѣ среди многихъ ошибокъ языка и знанія блещетъ поразительное воображеніе и настоящее поэтическое вдохновеніе. Первая изъ этихъ поэмъ озаглавлена: Давидъ царь Израильскій, поэма героическо-священная Антоніо Біанки, гондольнаго служителя, венеціанца, въ XII пѣсняхъ, Венеція 1751 in fol.; другая — Храбъ или Соломонъ, въ X пѣсняхъ, Венеція 1753 in 4°. Онъ оставилъ также нѣсколько мелкихъ комическихъ поэмъ, какъ-то: Разстроенная Пирושка, Муравей на Льва и драматическую ораторію Илія на Кармелѣ. Когда Біанки, который, несмотря на свое поэтическое призваніе, оставался всю жизнь гондольеромъ, предложили наняться къ услугамъ ломбардской графини, онъ съ радостью согласился. И когда Амореволи прибылъ въ Венецію, графиня уже три дня сряду каталась по вечерамъ одна съ своимъ гондольеромъ-поэтомъ. Въ ту самую почти минуту, когда Амореволи выходилъ изъ Французскаго Герба, она спускалась съ лѣстницы дома Соломона и садилась въ гондолу. Антоніо Біанки былъ человѣкъ еще молодой, чистокровный венеціанецъ, молодецъ въ своемъ ремеслѣ, получившій много призовъ на знаменитыхъ венеціанскихъ гонкахъ. Натура истинно поэтическая, энтузіастъ и мечтатель, онъ гордился, что ему досталось служить графинѣ, знаменитой ученостью и романтическими похождениями. Въ это время онъ кончалъ своего Давида и хотѣлъ прочесть его графинѣ, чтобы посоветоваться съ ней на счетъ нѣкоторыхъ мѣстъ, гдѣ, какъ онъ чувствовалъ, невѣжество служило камнемъ преткновенія его фантазіи.

Графиня отправилась на Большой Каналъ, гдѣ ей безпрестанно попадался на встрѣчу другія гондолы, изъ которыхъ на нее сыпались взгляды любопытства и восторга. И дѣйствительно, она должна была привлекать вниманіе. Красота венеціанокъ извѣстна

всѣмъ; но мы позволимъ себѣ высказать предположеніе, что тутъ дѣло главнымъ образомъ въ томъ фонѣ, который даетъ имъ сама Венеція и который особенно благоприятенъ для женской красоты. Не даромъ художники такъ заботятся о выгодномъ освѣщеніи портретовъ, а Венеція именно даетъ своимъ гражданамъ самое идеальное освѣщеніе. Какъ бы то ни было, многія женщины, которыя въ другомъ мѣстѣ показались бы ни хороши, ни дурни, въ Венеціи очаровательны. Такъ и графиня Клелія. Какой чудный эффектъ производилъ ея величественный станъ подъ широкой мантией снѣга атласа съ серебрянными шпьемъ, спускавшейся съ ея пышныхъ юбокъ за борть гондолы; какъ шелъ къ ея миловидному лицу непзбѣжный пухъ, воздвигавшійся шлемомъ на ея головѣ; какъ чертили подъ бѣлой пудрой, покрывавшей этотъ пухъ, правильныя дуги ея бровей и ея большіе блестящіе глаза!

Триумфально провезя ее по Большому Каналу до Свѣта-Кіара, Біанки свернулъ въ открытую Лагуну, сложилъ весла и заговорилъ съ графиней, которая ласково слушала и отвѣчала на его вопросы; въ три дня она прошла съ нимъ порядочную часть курса популярной астрономіи. Но на этотъ разъ она скоро задумалась. Она узнала въ этотъ день о предстоящемъ приѣздѣ Амореволи въ Венецію. Венеціанскій резидентъ въ Миланѣ писалъ, что процессъ его конченъ и что онъ можетъ скоро пріѣхать выполнить свое обязательство. Можно представить себѣ, какое впечатлѣніе произвело это извѣстіе на донну Клелію. Тщетно разсудокъ представлялъ ей всѣ опасности, которыя этотъ приѣздъ можетъ повлечь за собою; преобладающимъ чувствомъ была радость, радость безумная, радость невольная; благоразуміе шептало ей, что судьба ставитъ ей западню, но она съ восхищеніемъ останавливалась на мысли, что судьба умышленно запутываетъ ее въ свои сѣти. Только при воспоминаніи о доннѣ Паолѣ она краснѣла, стыдясь своихъ мыслей и своей радости.

Между тѣмъ ночь спускалась... Послѣдній свѣтъ сумерекъ потухалъ на горизонтѣ... Передъ донной Клеліей Эгганскіе холмы слились съ темнымъ небомъ... заблестѣли рѣдкія звѣзды; всплылъ рогъ мѣсяца... Во всѣхъ церквахъ звонили Ave Maria; густой торжественный звонъ колокола Санъ-Марко гудѣлъ, какъ историческій голосъ древней Венеціи. Молчалъ поэтъ гондольеръ,

вслушиваясь въ эту поэтическую дѣйствительность. Молчала и донна Клеція, подавленная невыразимыми ощущеніями. Гондольеръ повернулъ гондолу въ каналъ. Въ это самое время ихъ обогнала другая гондола гдѣ сидѣлъ Амореволи; но вопреки тому, что говорятъ романсты, сердца ихъ не подсказали имъ, что они такъ близки, и они разбѣхались въ темнотѣ; въ то же почти время, передъ донной Клеціей мелькнулъ вдали фонарь гондолы, повидимому, только что прибывшей изъ Местре, и никакой воздушный духъ, покровитель красавицъ, не шепнулъ ей, что этотъ огонекъ грозитъ смертью ея счастья.

III.

Графъ В*** выѣхалъ изъ Милана въ одинъ день съ Амореволи подъ предлогомъ поѣздки въ свои имѣнія, однако по приготовленіямъ къ пути слуги догадывались, что путешествіе, предпринимаемое отдаленное. И дѣйствительно, графъ отправился прямо въ Венецію.

Это былъ, что называется, добрый человѣкъ; родился онъ до изобрѣтенія гербовъ и родословныхъ, онъ былъ бы даже очень простой и общительный человѣкъ; но умственные способности его далеко не соответствовали величій его головы. Его впрочемъ нельзя было назвать и дуракомъ. Въ головѣ его были отдушники, сквозь которыя кое-что могло проникать туда изъ вѣшняго міра; но немногія первыя идеи, проникшія туда, застѣли такъ крѣпко и такъ законопатили всю голову, что затѣхъ ничего болѣе не вышло, а эти первыя идеи были идеи знатности, приличія и церемоніала. Для характеристики его можно еще сказать, что среди человѣческаго рода онъ принадлежалъ къ разряду людей, соответствующему разряду быковъ или барановъ въ классѣ четвероногихъ. Эти рогатыя животныя самны упрямы и наименѣ понятливы. Въ спокойномъ состояніи это былъ добрякъ, но разсерженный превращался въ быка, который ворочаетъ налитыми кровью глазами, бьетъ хвостомъ, нагибаетъ шею, опускаетъ голову и гро-

зпть всѣхъ встрѣчнымъ рогами. Бъ аристократической гордости въ немъ еще присоединился военный point d'honneur. Онъ служилъ полковникомъ въ кавалеріи, храбро и добросовѣстно, и въ его глазахъ его шпору, эполеты и сабля имѣли даже больше цѣны. Чѣмъ девять звѣздъ короны, увѣнчавшей его гербъ. Такъ какъ онъ былъ недовѣрчивъ и не всегда понималъ, какъ слѣдуетъ. значеніе словъ, то въ разговорѣ съ нимъ приходилось держать ухо востро, чтобы ему чего нибудь не примерещилось. иначе спасенія не было: онъ присмалъ вызовъ по всѣмъ правиламъ, и отвергъся отъ дуэли не было никакой возможности. Впрочемъ, во множествѣ своихъ дуэлей онъ всегда щадилъ противника, довольствуясь удовлетвореніемъ чести. Тѣмъ неменѣе его избѣгали и, встрѣчаясь съ нимъ по необходимости, слѣшшимъ отдѣлаться отъ него во избѣжаніе неприятности. Можно, стало бытъ, представить себѣ, въ какую неописанную ярость привелъ его скандалъ его жены съ Амореволи. Съ тѣхъ поръ онъ только и думалъ не о томъ, чтобы драться съ тепоромъ—подобнаго униженія себѣ, вотому испанскихъ королей, онъ и вообразить не могъ—но о томъ, чтобы отмстить дерзкому палками, батогами, дубинами, какими нибудь несмнханнымъ избіеніемъ. Но все ему казалось мало, и онъ ѣхалъ въ Венецію безъ опредѣленнаго плана мести, мечтая о палкахъ и розгахъ вообще.

На другой день приѣзда Амореволи въ Венецію, донна Клелиа была встревожена утромъ письмомъ донни Паолы, которая писала ей между прочимъ: «кажется, графъ В***. имѣеть намѣреніе отпра- виться въ Венецію». Но даже ее утѣшили другія слова письма: и Амореволи долженъ быть теперь уже въ Венеціи».

Между тѣмъ аббатъ Парини, исполнялъ порученіе донни Паолы, побывалъ у графини Марліани, и результатомъ этого былъ отъ- ѣздъ брата донни Клелиа въ Венецію. Вмѣшательство донни Паолы повліяло и на судьбу Лоренцо Бруни. Намѣстникъ, узнавъ об- стоятельно дѣло, вошелъ въ переговоры съ президентомъ сената, который объяснилъ ему, что наказаніе за нарушеніе намѣстниче- скаго распоряженія о маскахъ-портретахъ опредѣлено самимъ рас- поряженіемъ, назначающимъ его отъ 2 лѣтъ до 6 мѣсяцевъ за- ключенія; что такъ какъ всѣ обстоятельства дѣла свидѣтельству- ютъ въ пользу обвиненнаго, то ему надо назначить минимумъ на- казанія, т. е. 6 мѣсяцевъ тюрьмы, но что отпустить его совер-

шенно оправданнымъ невозможно, такъ какъ этотъ минимумъ пменно и назначенъ за простыя фактическія нарушенія закона безъ дурного умысла. Намѣстникъ удовольствовался этимъ, но не удовольствовалась Гауденци, которая, узнавъ объ этомъ рѣшеніи, расплакалась и поспѣшила къ доннѣ Паолѣ просить ее снова ѣхать къ намѣстнику. На этотъ разъ онѣ просили графа Палавичино уже не о правосудіи, а о прощеніи. Графъ не устоялъ, и хотя въ уголовныхъ дѣлахъ приговоръ сената былъ безапелляціоненъ, послалъ вторично за президентомъ сената и предложилъ ему сократить 6-мѣсячный срокъ на 2-мѣсячный и, не дожидаясь его отвѣта, вручилъ ему бумагу, составленную въ этомъ смыслѣ, прося немедленно привести ее въ исполненіе. Президентъ представилъ приказъ намѣстника сенату; нѣкоторые сенаторы заартачились, но большинство, имѣвшее на то причины, охотно подчинились; къ послѣднимъ принадлежалъ и графъ Габріель Верри; хотя по своимъ убѣжденіямъ онъ долженъ бы былъ горячо отстаивать авторитетъ сената отъ намѣстническаго произвола; но онъ притворился занятымъ другими дѣлами. Такимъ образомъ рѣшеніе намѣстника было утверждено и немедленно препровождено къ капитану юстиціи для исполненія.

• IV.

Упомянувъ о капитанѣ юстиціи, мы должны сказать о процессѣ, начатомъ противъ лакея Галантино, и для этого обратиться снова въ Миланъ, чтобы познакомить читателя съ теоріей и практикой тогдашнихъ криминалистовъ.

Ученѣйшимъ изъ миланскихъ юристовъ былъ графъ Габріель Верри. Римское право, статуты, сочиненія авторитетнѣйшихъ комментаторовъ были ему до того знакомы, что въ сомнительныхъ случаяхъ или спорахъ онъ цитировалъ ихъ на память цѣлыми страницами съ прибавленіемъ собственныхъ комментаріевъ. Поклонники называли его ходячей бібліотекой сената, а противники со-

фистою. Въ качествѣ ходячей юридической библіотеки, сенаторъ Верри конфиденціально призывался товарищами на совѣтъ во всѣхъ исключительныхъ, сложныхъ, запутанныхъ случаяхъ. Преторъ и капитанъ юстиціи совѣтовались съ нимъ въ дѣлахъ Амореволи и Бруни; тѣмъ болѣе прибѣгли къ нему въ дѣлѣ лакея, прежде даже, чѣмъ приступитъ къ допросу арестанта. Онъ прежде всего посоветовалъ не упоминаеть даже имени графа Ф***, какъ будто онъ не существуетъ, пока это имя не будетъ произнесено подсудимымъ Суарди. Затѣмъ онъ перебралъ всѣ отзывы комментаторовъ относительно качества и количества уликъ, необходимыхъ для того, чтобы можно было подвергнуть подсудимаго пыткѣ. а также относительно предѣловъ, въ которыхъ произволъ судьи можетъ быть стѣсненъ строгимъ соблюденіемъ общаго права; онъ цитировалъ Фаринаціо, который говоритъ, что судья долженъ склоняться на сторону болѣе краткихъ жѣръ и согласовать свой произволъ съ общими предписаніями закона и съ ученіемъ авторитетныхъ юристовъ; но затѣмъ онъ цитировалъ другихъ юристовъ, утверждавшихъ протегное. Кларо, Бартоло, Поццо, Босси, Марсилио, Казони—всѣ промаршировали передъ маркизою Рекалькати въ дружеской домашней бесѣдѣ съ графомъ Верри.

Мы уже говорили, что передъ освобожденіемъ своимъ Амореволи былъ приведенъ на очную ставку съ Галантино, чтобы рѣшить, тотъ ли это человѣкъ, котораго онъ видѣлъ убѣгающимъ изъ сада; это была конечно пустая формальность, потому что нельзя было ожидать, чтобы Амореволи могъ въ самомъ дѣлѣ узнать человѣка, промелькнувшаго мимо него ночью. Притомъ Амореволи слишкомъ хотѣлось поскорѣе выйти на свободу, чтобы онъ не успѣшилъ заявить, что рѣшительно никогда въ жизни не видалъ подсудимаго. Затѣмъ приступили къ допросу арестанта, и капитанъ юстиціи по собственному ли побужденію, или по чужому внушенію поручилъ это дѣло аудитору Паоло Традати, человѣку честному, смиренному, незлобивому и покорному, но ограниченному и совершенно лишенному способностей слѣдователя; это былъ одинъ изъ тѣхъ чиновниковъ, которыми на роду написано сдѣлать хорошую карьеру вопреки очевидной неспособности, къ большому удивленію публики, которая не знаетъ, что ограниченность есть своего рода драгоцѣнное качество и цѣнится часто выше дарованій.

Итакъ, Галантино предсталъ на допросъ передъ уголовнымъ

аудиторомъ, поблиемъ Паоло Традати, въ присутствіи его превосходительства капитана юстиціи. Первымъ вопросомъ былъ: знаетъ ли онъ, почему онъ былъ арестованъ въ Венеціи по приказанію Совѣта Десяти.

Валентино отвѣчалъ, что не знаетъ, такъ какъ секретарь совѣта объявилъ ему только, что это сдѣлано по требованію миланскаго сената.

Его спросили, не догадывается ли онъ о причинѣ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Валентино; еслибы я имѣлъ причину опасаться за себя, я не пошелъ бы на встрѣчу собиравшаму Совѣту Десяти, увидавъ ихъ у дверей моей квартиры. Однако дорогой мнѣ пришло въ голову, что можетъ быть меня арестовали за азартную игру, которую я велъ по ночамъ въ одномъ глухомъ кафе въ Венеціи.

— Какъ могло вамъ придти въ голову подобное предположеніе, когда секретарь сказалъ вамъ, что вы арестованы по требованію здѣшняго сената?

— Не знаю, какъ... но пришло... Впрочемъ, теперь я и самъ думаю, что это вздоръ; но если ничего за собой не знаешь и начнешь наугадъ дѣлать предположенія, то немудрено придумать вздоръ.

— И такъ, вы повторяете, что ничего ровно не знаете о причинѣ вашего ареста?

— Повторяю, отвѣчалъ увѣренно лакей.

Помолчали. Аудиторъ посмотрѣлъ на капитана юстиціи, который сказалъ: продолжайте.

— Когда вы пріѣхали въ Венецію?

Этотъ вопросъ былъ заготовленный ударъ. Капитанъ юстиціи даже придержалъ дыханіе, какъ человекъ, присутствующій при биллиардной игрѣ, когда одинъ изъ игроковъ собирается сдѣлать трудный шаръ.

— Да, отвѣчайте, когда вы отправились отсюда въ Венецію?

— Въ точности дня назвать не могу, но позвольте... я пробылъ тамъ девять дней карнавала, а въ Венеціи онъ кончается во вторникъ, четырьмя днями раньше миланскаго.

Отвѣтъ былъ мастерской. Аудиторъ взглянулъ на капитана юстиціи.

— Чѣмъ вы можете доказать, что были въ Венеціи раньше среды на масляницѣ?

— Чѣмъ? Не знаю. Изъ Милана я выѣхалъ одинъ. Выигравъ здѣсь порядочный кушъ, я захотѣлъ съѣздить въ Венецію, гдѣ игра крупнѣе. Уѣзжая, я здѣсь никому этого не объявлялъ, а въ Венеціи никого по приѣздѣ не зналъ. Поэтому свидѣтелей найти мнѣ трудно.

— Сколько денегъ было у васъ при отъѣздѣ изъ Милана.

— Сто венеціанскихъ цекиновъ.

— Гдѣ вы играли?.. У кого выиграли?

— Гдѣ? Въ разныхъ мѣстахъ... Въ «Трехъ Короляхъ», въ кафе Деметріо, въ «Пѣтухѣ». У сына хозяина «Трехъ Королей» выигралъ десять цекиновъ; у слуги фамиліи Изимбарди выигралъ около ста восьмидесяти миланскихъ лиръ; у главнаго конюшаго маркиза Лутты выигралъ пятнадцать партій сряду въ три семерки, это выходитъ пятнадцать цекиновъ. Но больше всего выигралъ въ театральномъ фойе, только не могу сказать у кого... развѣ спрашиваете пмя человѣка, съ которымъ столкнулся въ театрѣ и съѣлъ сыграть нѣсколько партій. Впрочемъ, если онъ еще въ Миланѣ, я сейчасъ бы узналъ его, и былъ бы очень радъ убѣдить ваше превосходительство...

Что вамъ такъ хочется убѣждать меня? Кто вамъ сказалъ, что вамъ ставятъ въ вину деньги, которыя при васъ были? Эти слова возбуждаютъ подозрѣніе...

— Ваше превосходительство позволили спросить меня, сколько у меня было денегъ при отъѣздѣ. Я отвѣчалъ правду по пунктамъ, и говоря правду, желаю, чтобы мнѣ повѣрили, по этому мнѣ и хочется, чтобы то лицо, которое играло со мной, само подтвердило, что оставило на столѣ шестьдесятъ цекиновъ, вотъ и все.

— Намъ извѣстно, что въ Венеціи вы выдавали себя за богатаго дворянина, держали гондолу, прислугу и прочее. Какъ могли вы дѣлать все это на тысячу пятьсотъ лиръ?

— Многіе изъ самыхъ богатыхъ нашихъ патриціевъ имѣютъ не больше двухъ или трехсотъ лиръ въ день. Стало быть, на тысячу пятьсотъ лиръ можно прожить барниномъ днемъ десять, двѣнадцать. Вся штука, чтобы долго протянуть... Вотъ что трудно.

— Вы утверждаете, продолжалъ аудиторъ, что приѣхали въ Венецію съ 100 цекинами въ карманѣ, но изъ найденныхъ у васъ

счетовъ и записокъ видно, что вы помѣстили въ Венеціи болѣе тридцати тысячъ лиръ на проценты.

— Я выигралъ это въ Венеціи, куда затѣмъ и ѣздилъ. Вашему превосходительству извѣстно, что графъ Барбо выигралъ въ одинъ вечеръ сорокъ тысячъ талеровъ у Карла VI. Въ игрѣ дѣло идетъ живо.

— Зачѣмъ же вы сейчасъ сказали, что барствовали на 100 центиковъ, когда могли отвѣтить, что у васъ было уже не 100 центиковъ, а тридцать тысячъ лиръ?

— Сказалъ такъ... Нельзя же думать, что я хотѣлъ утаить, что имѣю эти деньги, когда я самъ сдалъ росписки венеціанской полиціи и долженъ былъ знать, что она преврочодитъ ихъ вашему превосходительству. Но я просилъ бы позволенія предложить вамъ одинъ вопросъ?

Аудиторъ вопросительно посмотрѣлъ на своего начальника, который утвердительно кивнулъ.

— Говорите.

— Ваше превосходительство изволили спрашивать меня, знаю ли я, за что я арестованъ; я отвѣчалъ, что не знаю и дѣйствительно не знаю, не соблаговолите ли, сеньоръ позволить мнѣ теперь спросить, почему я здѣсь?

Аудиторъ молча взялъ кипу бумагъ, порылся въ ней, извлекъ изъ нея листъ, похожій на письмо, внимательно прочелъ его и спросилъ.

— Съ кѣмъ изъ жителей герцогства или горада Милана встрѣчался вы во время вашего пребыванія въ Венеціи?

— Съ одной только личностью.

— Съ кѣмъ именно?

— Съ графиней В***.

— По какой причинѣ были вы у нея?

— Я скажу всю правду: я былъ у нея, чтобы просить ее не нарушать мою интригу съ одной дѣвушкой, жившей напротивъ ея.

— Какъ вы узнали, что графиня въ Венеціи?

— Было бы трудно не знать; о ней всѣ говорили.

— Но почему вы хотѣли скрывать въ Венеціи ваше званіе и просили графиню не выдавать васъ?

— Какъ видите, я не могъ имѣть доступа въ знатные дома, и даже меня не пустили бы въ пгорный домъ Сая Моисе. Еслибы

графиня изобличила меня, я подвергся бы позорному униженію: поэтому я и просилъ ее не выдавать меня, не выводить меня изъ терпѣнія и оставить въ покоѣ, если захочетъ, чтобы и я оставилъ ее въ покоѣ.

— Какъ такъ, чтобы вы оставили ее въ покоѣ?

— Да вѣдь вся Венеція говорила объ ея исторіи. Ну, а я намекнулъ ей почтительно, чтобы она лучше заботилась о своихъ дѣлахъ, чѣмъ вмѣшиваться въ чужія. Но какъ она хотѣла погубить меня...

Тутъ Галантино вдругъ остановился, озадаченный и испуганный своей неосторожностью, и поблѣднѣлъ какъ полотно.

Капитанъ юстиціи посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ; аудиторъ взглянулъ на капитана съ удовольствіемъ какъ коричій, зачужавшій послѣ долгаго ожиданія попутный вѣтеръ и готовящійся распустить парусъ.

— Почему вы знаете, что графиня хотѣла погубить васъ тѣмъ, что писала о васъ одному довѣренному лицу въ Миланъ и выражала въ письмѣ подозрѣнія, которыя вы возбудили въ ней?

— Я ничего не знаю.

— Какъ ничего не знаете? Что вамъ говорила графиня, когда вы были у нея? Смотрите, не лгите, потому что намъ все извѣстно—онъ указалъ на письмо.

— Что она говорила? Много говорила.

— Говорите все, продолжалъ аудиторъ, ободрившись.

— Я пожалуй повторю весь разговоръ.

— Ненужныя подробности оставьте и лучше отвѣчайте на мои вопросы. Говорила она вамъ о похищеніи бумагъ изъ дома маркиза Ф*** въ ночь на среду на масляницѣ?

— Говорила.

— Да? Говорила? Какъ же послѣ этого вы могли сказать, да еще на вторичный вопросъ повторить, что вамъ неизвѣстна причина вашего арестованія въ Венеціи и отправленія въ Миланъ?

Галантино, подумавъ, отвѣчалъ:

— Повторяю, что когда ваше превосходительство спросили меня объ этомъ, я былъ далекъ отъ мысли предполагать что ил-будь подобное и только теперь начинаю догадываться...

— Это совершенно невѣроятно, и въ вашихъ словахъ ложь...

— Ложь? Какъ? Извините, ваше превосходительство...

— Да, ложь; если графиня высказала вамъ, что на васъ пало подозрѣніе въ кражѣ, произведенной въ домѣ Ф***, то какже въ моментъ ареста это обстоятельство могло не прійти вамъ въ голову?

— Не знаю, какъ, но фактъ тотъ, что не пришло; впрочемъ я не обратилъ никакого вниманія на слова и подозрѣнія графини. Какой же человѣкъ будетъ бояться послѣдствій поступка, котораго онъ впрочемъ не совершалъ? А на счетъ графини я долженъ сообщить фактъ, могущій дать указаніе для открытія истиннаго виновника похищенія изъ дома Ф***.

— Что такое?

— Ваше превосходительство позволите говорить откровенно?

— Приказываю.

— Въ такомъ случаѣ я скажу, что графиня В*** была секретно любовницей покойнаго маркиза.

Настала минута молчанія; капитанъ юстиціи и аудиторъ въ изумленіи смотрѣли другъ на друга.

— Какъ вы можете утверждать это? Графиня пользуется репутацией женщины частной, безупречной...

— До репутации я не касаюсь, я говорю фактъ; впрочемъ если она имѣла пѣтругу съ теноромъ, то чему же удивляться, что раньше могла сойтись съ маркизомъ.

Капитанъ и аудиторъ снова переглянулись и стали слушать съ удвоеннымъ вниманіемъ.

— Я служилъ лакеемъ у маркиза и могу знать эти дѣла... Но дѣло не въ томъ... Однажды вечеромъ, еще до отъѣзда моего изъ Милана, за долго еще до масляницы, я поздно ночью проходилъ по Кугабула... двое мужчинъ шли передо мной... думая что никто ихъ не услышитъ, они разговаривали не довольно тихо... одинъ говорилъ другому: — Я знаю, что маркизъ Ф*** (маркизъ Ф*** былъ тогда уже очень боленъ) оставляетъ по завѣщанію графинѣ В*** свою великолѣпную виллу въ Брианцѣ. Другой остановился, какъ вкопанный, и сказалъ: — Ну, графиня попалась! Это маркизъ, должно быть, мститъ графу В***, который разъ оскорбилъ его изъ за пустяковъ и ранилъ на дуэли. Дальше я не слышалъ, потому что, заслышавъ шаги, они замолчали.

— Что же изъ этого?

— Простите меня, ваше превосходительство, но я такъ разсуждаю: если графиня какъ нибудь узнала о завѣщаніи, ей конечно

№ 119 - 12808

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.

Please return promptly.

Widener Library

3 2044 098 419 914